

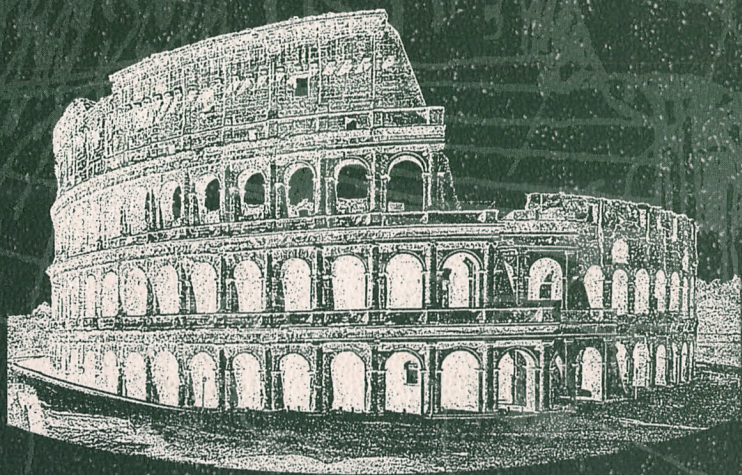
РУССКИЕ В ИТАЛИИ:
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЭМИГРАЦИИ

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»

Русские в Италии:

Культурное
наследие
эмиграции

Международная научная конференция

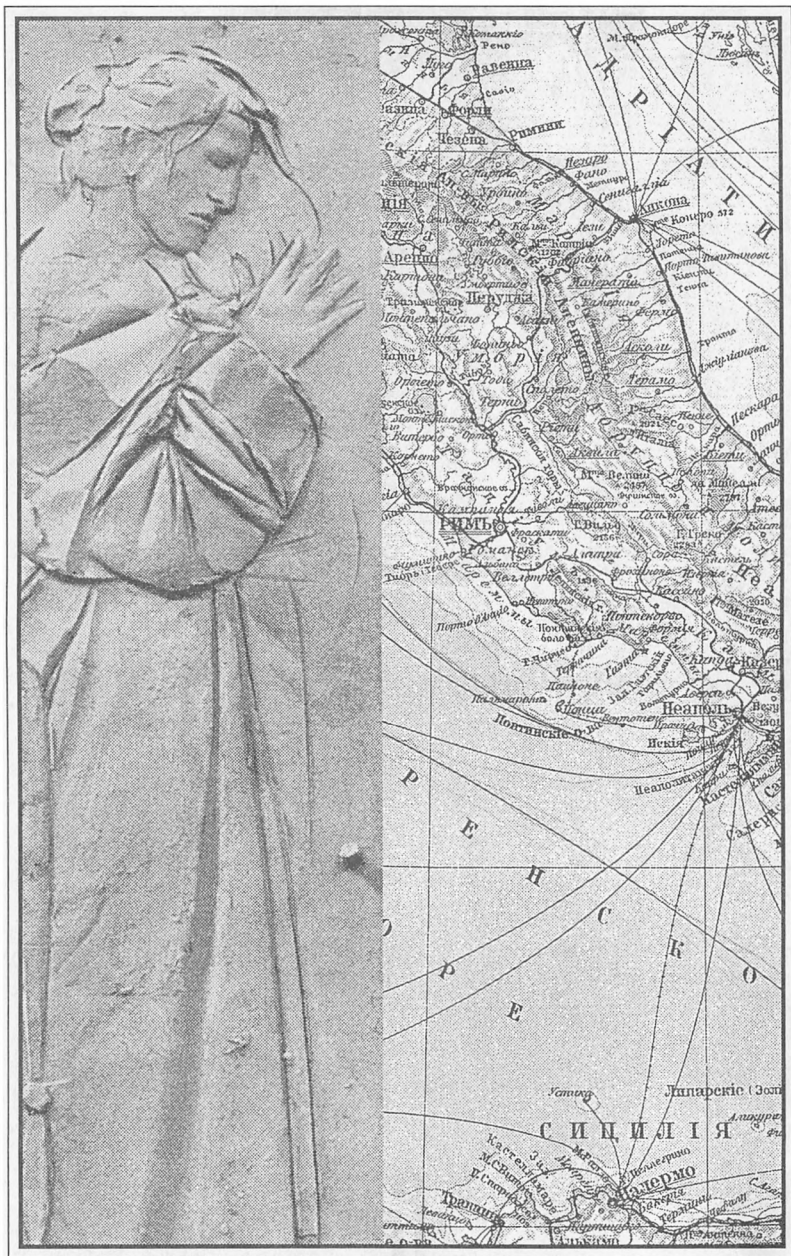
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Русские в Италии:

Культурное наследие эмиграции

Международная
научная конференция

18-19 ноября 2004 г.

Москва • Русский путь • 2006

Серия основана в 2000 году

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ СЕРИИ:

О.Б. Василевская
М.А. Васильева

НАУЧНАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Л.Н. Белошевская (Прага), Н.А. Богомолов (Москва),
М.А. Васильева (Москва), С. Гардзонио (Пиза),
А.А. Долинин (Мэдисон / Санкт-Петербург),
В.А. Москвин (Москва), Н.А. Струве (Париж),
Л.С. Флейшман (Стэнфорд)

ДИЗАЙН СЕРИИ:

Е.Л. Вельчинский

СОСТАВЛЕНИЕ, НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ:

М.Г. Талалай

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ГРАНТА ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© М.Г. Талалай, составление, научная редакция, 2006
© Авторы статей, 2006
© Е.Л. Вельчинский, дизайн, 2006
© Русский путь, 2006

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

История русской эмиграции в Италии, несмотря на значительность этого явления, до последнего времени была изучена мало.

Отечественные исследователи прежде обходили стороной, по известным причинам, эту тему, а когда она была «открыта», их внимание обратилось преимущественно на крупные феномены – «русские» Париж, Берлин, Прагу. Вместе с тем интеллектуальные силы российской эмиграции в Италии были относительно слабы и раздроблены, и здесь, в отличие, скажем, от Франции или США, не появилось сколько-нибудь значительных трудов по истории собственной диаспоры. Что касается итальянских русистов, то они, уделяя внимание отдельным ярким личностям, долгое время не касались в целом эмигрантской темы – из-за ее сложности, малодоступности и распыленности архивов и т. д. Кроме того, в Италии до недавнего времени доминировала так называемая «cultura di sinistra», то есть левая, весьма идеологизированная культура, согласно установкам которой послеоктябрьская эмиграция рассматривалась как реакционное, консервативное явление, не заслуживавшее серьезных усилий исследователей. В результате работы, посвященные русской эмиграции в Италии, стали появляться тут лишь в конце прошлого века.

Классическим трудом о пребывании русских в Италии долгое время оставалась книга патриарха итальянской славистики Этторе Ло Гатто, «Russi in Italia» («Русские в Италии») (Roma, 1971), рассматривающая, впрочем, почти исключительно XIX в., несмотря на то что Ло Гатто лично знал многих эмигрантов (а может быть, именно и по этой причине: современники не казались ему достаточно «историчными»). О некоторых эмигрантах, в первую очередь «парижанах», автор упомянул и в книге «Мои встречи с Россией» (русс. пер.: М., 1994). Следующим крупным историографическим вкладом, после книги Ло Гатто, стал сборник статей «I russi e l'Italia» («Русские и Италия») (Milano, 1995) под редакцией Витторио Страды. Однако и это издание мало уделяло внимания чисто эмигрантской тематике (за исключением творчества Вяч. Иванова и О. Ресневич).

Первым специализированным трудом по русской эмиграции следует считать книгу маститого историка Анджело Тамборры «*Esuli russi in Italia dal 1905 al 1917*» («Русские изгнанники в Италии в 1905–1917 гг.») (Bari, 1977). Любопытно, что судьбами российских революционеров-изгнанников занялся исследователь, принадлежащий к кругам либеральных католиков, — вероятно, такой отстраненный подход позволил ему создать объективную картину без какой-либо апологетики и пропаганды. Неким прологом к послеоктябрьской эмиграции стала книга его ученика, Антонелло Вентури, «*Rivoluzionari russi in Italia. 1917–1921*» («Русские революционеры в Италии») (Milano, 1979). В ней рассмотрена деятельность революционеров-эмигрантов, по разным причинам не вернувшихся на родину после событий 1917 г., — резюме своего исследования Вентури предложил для нашего сборника.

После этих двух капитальных трудов, казалось бы, должна была появиться цельная картина послереволюционной эмиграции. Однако этого не произошло, и, учитывая сегодняшнюю крайнюю специализацию ученых, вряд ли можно ожидать появления подобной монографии — наиболее продуктивными поэтому стали коллективные усилия исследователей.

Начало такому подходу положил 5-й выпуск академической серии «Россия и Италия», озаглавленный «Русская эмиграция в Италии в XX веке» (Отв. ред. Н.П. Комолова. М., 2003). Сборник, подготовленный отечественными и итальянскими учеными под эгидой Института всеобщей истории (ИВИ) РАН, стал первой попыткой комплексного воссоздания картины русской эмиграции в Италии всех периодов XX столетия: дооктябрьского (от рубежа веков до 1917 г.) и последующих трех «волн». Книга, выявив степень изученности проблемы и сгруппировав научные силы, в определенной степени «проложила дорогу» настоящему изданию.

Оно появилось на свет в результате международной научной конференции, инициированной и проведенной 18–19 ноября 2004 г. Библиотекой-фондом «Русское Зарубежье» в сотрудничестве с ИВИ РАН. В состав оргкомитета конференции входили: Н.П. Комолова, О.А. Коростелев, А.В. Окорочков, Н.А. Струве, М.Г. Талалай, Т.А. Королькова (организатор и куратор проекта) и, увы, ныне покойный Ю.Е. Карлов. Значительную помощь ее проведению оказал директор Библиотеки-фонда В.А. Москвин.

Конференция, получившая грант Президента Российской Федерации, присуждаемый для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства, вызвала определенный резонанс, в результате чего при создании сборника появилось не-

скольких новых интересных авторов. Разнообразие малоизвестных историй, больших и малых, надеемся, нашло достойное отражение на страницах настоящей книги.

Конференция, по своему жанру тяготеющая к устно-просветительскому, имела и сюжеты, не нашедшие отражения в данном издании. В рамках конференции в выставочном зале Библиотеки-фонда была развернута и экспозиция, посвященная композитору Л.В. Ивановой, из собрания Музея музыкальной культуры им. М.И. Глинки. Прошли и презентации книг: альманаха «Русско-итальянский архив» (Т. 2, 3 / Под ред. Д. Рицци и А.Б. Шишкина), монографии «Наталья Правосудович: музыка в изгнании» (Больцано–Вена, 2003); звучали записи композиций Правосудович в исполнении римского музыковеда В.М. Воскобойникова, тетралогии А.А. Кара-Мурзы «Знаменитые русские о Риме, Флоренции, Венеции, Неаполе» (В 4 т. М., 2001–2003) и других изданий. Это навело на мысль организовать для нашего сборника особый библиографический раздел, значительно расширивший и тематику, и круг авторов.

Пользуясь случаем, выражаем благодарность администрации Президента России за финансовую поддержку проекта, а также всем коллегам Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» и ИВИ РАН, помогавшим как в организации конференции, так и в подготовке сборника.

ВСТУПЛЕНИЕ

Изгнанник — старый персонаж европейской драмы. Уже Эсхилу было ведомо томительное душевное состояние своих афинских сограждан из «проскрипционных списков», и он меланхолично писал, что «люди в изгнании питаются надеждой». Леонид из Таранта заявлял, что «жизнь в изгнании не есть жизнь». Самое великое произведение итальянской литературы отмечено во многих местах гневом и обидой поэта, вынужденного покинуть родную Флоренцию, остаток жизни восходя и спускаясь «по иным ступеням».

Изгнание — явление, относящееся к истории политической или религиозной власти. Сколько государственных деятелей, писателей, философов, священников или простых верующих были вынуждены покинуть родину. Сколько государств сохранили в своей памяти возвращение изгнанников. Возвращение Генриха Тюдора, графа Ричмондского, положило конец войне Алой и Белой розы, открыв в Англии период политической стабильности, а разгром в 1746 г. при Карлдене другого Тюдора-изгнанника, «доброе» принца Чарли, обозначило окончательную потерю независимости Шотландии. Современная Россия помнит, как она встречала великого изгнанника А.И. Солженицына.

Не так давно евангелическая община Франкфурта отметила театральной постановкой прибытие в город в 1604 г. большой группы протестантов. Это были французские гугеноты, которых не убедил Нантский эдикт о веротерпимости, объявленный несколькими годами ранее. Франкфурт, находившийся на грани банкротства, был чудесным образом возрожден благодаря таланту и предприимчивости переселившихся французов — ремесленников, купцов, мелких банкиров.

Великое государство, Соединенные Штаты Америки, каждый год в День благодарения вспоминает «отцов-пилигримов», высадившихся в 1620 г. на побережье современного Массачусетса. Они отплыли из голландского Лейдена, но происходили из Англии, где государственная Англиканская церковь преследовала религиозных диссидентов, не уступая в своей ярости католическим государям — преследователям протестантов. «Пилигримы» учредили на восточном берегу небольшие те-

ократические общины, положившие начало новому национальному самосознанию.

Изгнание, таким образом, часто становится результатом выбора. На родине остаются те, кто принимает установившиеся политические и религиозные режимы. Уезжают же те, которых заставили, или те, которые считают, что родина человека — это его совесть.

После Французской революции в изгнаничестве происходят качественные изменения. Для аристократов, бежавших в Англию, Германию или Россию, выковано новое слово — *émigré*, эмигрант. Некоторые из них вернутся на родину, сделав ослепительную карьеру. Талейран станет министром иностранных дел и при Директории, и при Наполеоне; граф Прованский, брат Людовика XVI, — королем Людовиком XVIII (номер XVII остался за дофином, погибшим на гильотине вслед за отцом). Огюст де Полиньяк правил Францией Карла X вплоть до Июльской революции 1830 г. Луи-Филипп Орлеанский станет королем французов. Ряд «репатриантов» вновь эмигрируют, как, например, те же Карл X и Луи-Филипп.

После итальянских выступлений 1821 г., восстания декабристов 1825 г., польской революции 1830 г. и «весны народов» 1848 г., сопровождавшихся репрессиями, эмиграция превратилась в массовое явление, распределившись по излюбленным отныне резиденциям изгнанников: Лондон, Париж, Цюрих, Мальта (для сицилийцев), Нью-Йорк (для особо горячих голов вроде Гарибальди).

Именно с этого времени берут начало две новые дисциплины: социология изгнания и ее психология. Изгнанники часто живут в одном и том же квартале, посещают одни и те же кафе, едят в одних и тех же трактирах. Если их много — открывают книжный магазин, выпускают журнал, основывают издательство, клуб, землячество. И готовятся к возвращению. Кто-то надеется, что тиранический режим на родине обрушится под тяжестью собственных грехов. Кто-то готовит антиправительственный бунт. Кто-то агитирует общественность «новой родины» за вмешательство в дела «родины исторической». В атмосфере беспрепятственных дискуссий о том, что случилось, и о том, что могло бы случиться, формируются фракции и вспыхивают споры вроде тех, что разъединили Мадзини и Маркса. Некоторые, устав от конспираций, открывают в себе новые таланты, как Энрико Чернуски, вожак миланского бунта 1848 г. и Римской республики 1849 г.: в эмиграции в Париже он станет банкиром и коллекционером восточного искусства.

XX столетие можно назвать и веком эмиграции. Небывалый русский исход из павшей империи продолжился бегством от коммунистических режимов Восточной Европы, в особенности после Будапешта 1956 г. и

Праги 1968 г. Бежали за границу и противники Кастро на Кубе, и Пиночета в Чили. Бежали ливийцы от тайной полиции Каддафи, иракцы от Саддама Хусейна, аятолла от шаха и иранцы от аятоллы, последователи Далай-ламы и китайские интеллектуалы после Тяньаньмыня.

По последним данным ООН, число демократических правлений в мире неуклонно растет. Может быть, и так. Но если судить по числу эмигрантов, беженцев и изгнанников, эта статистика нуждается в корректировке.

*Серджо Романо,
посол Республики Италии в СССР в 1985–1989 гг.*

Общественно-
политическая
и религиозная жизнь

Е.М. МИРОНОВА (Москва)

Русское посольство в Италии

*Роль в формировании дипломатической системы
антибольшевистского движения.*

Участие в жизни русской колонии

Деятельность Заграничного корпуса российского императорского МИДа после Октябрьской революции мало известна не только широкой публике, интересующейся историей Белого движения и русской пореволюционной эмиграции, но и профессионалам-историкам. Если за последнее десятилетие некогда брошенная А. де Гюлевичем идея «России, существующей за границей», «России за рубежом» обросла реальными чертами и собственной более или менее детализированной историей, то институты, создавшие условия для ее осуществления, до сих пор находятся в тени. Между тем русский заграничный дипломатический корпус в 1917–1921 гг. являлся объединяющим фактором для различных очагов сопротивления, возникавших внутри страны, а после окончания Гражданской войны дипломаты, оставив в стороне собственные политические взгляды и пристрастия, сумели встать над политическими разногласиями, поднялись до квазигосударственного уровня и в отсутствии правительства дали всей эмиграции некую структуру — Совецание послов, которая позволила ей существовать как единому целому. По-видимому, в той степени, в какой о Зарубежной России можно говорить как о государстве без границ, Совецание послов русско-зарубежья мы вправе рассматривать в качестве его министерства иностранных дел.

Посольство в Италии разделило судьбу всего русского заграничного корпуса. Основные направления его деятельности были общими для всех русских представительств. Но, помимо особенностей, которые существовали в каждой стране, представи-

тельство в Риме выделялось тем, что возглавлял его старейшина русского дипломатического корпуса — М.Н. Гирс. Дипломат, получивший ранг ранее других, по традициям, существовавшим в ведомстве, имел преимущества перед коллегами.

* * *

Положившая конец историческому развитию Российской империи Февральская революция сохранила старый государственный аппарат. Не стало исключением и Министерство иностранных дел, в целом благополучно пережившее это первое потрясение 1917 г.

К Октябрьской революции дипломаты отнеслись резко отрицательно. Суть глобального переворота, привнесенного ею в жизнь страны, для них сконцентрировалась в принятом II Всероссийским Съездом Советов постановлении о прекращении войны, заключении мира без аннексий и контрибуций и публикации секретных документов царской дипломатии. Кардинальные изменения внешней политики страны, вытекающие из этого постановления, были неприемлемы для дипломатов «старой» школы. МИД, как никакое другое министерство, консолидированно и единодушно объявило забастовку и отказалось сотрудничать с новым правительством¹. Русский заграничный дипломатический корпус, таким образом, лишился руководства, он должен был сам определить отношение к происходившим в стране событиям и создать новую основу для своего существования.

Посольство России в Италии встретило Октябрьскую революцию полнокровной организацией. Оно было одним из шести представительств, имевших во время Первой мировой войны ранг посольства². В его финансовой ведомости значилось 22 позиции, включавшие пять штатных дипломатических сотрудников, церковный причт, консульских работников в Риме, Генуе, Флоренции, Неаполе, Милане, Венеции, Бари, отдельной статьей выделялись деньги на содержание храма в Риме.

Возглавлявший посольство в Риме Михаил Николаевич Гирс был сыном министра иностранных дел Российской империи Николая Карловича Гирса (1882–1895). Карьерный дипломат, «плоть от плоти» МИДа, в молодости в течение семи лет он фак-

тически был личным секретарем своего отца. В дальнейшем работал в Америке, на Дальнем и Ближнем Востоке, руководил миссиями в Европе. В ведомстве имел репутацию человека большого и разностороннего дипломатического опыта, профессионала безупречной старой школы, знакомого со всеми тайнами министерства. На заграничной работе, по мнению коллег, М.Н. Гирс выделялся образцовой исполнительностью и необыкновенной осторожностью. Комплимент, однако, двусмысленный, означавший, что они отказывали ему в самостоятельности и инициативе. «Гирс казался, — писал один из молодых сотрудников МИДа России, — человеком очень скрытным, хитрым дипломатом-византийцем, он не был популярен среди наших служащих»³. Советником посольства был И.А. Персиани — опытный дипломат и композитор-любитель.

Развитие событий на родине поставило посольство в Италии в центр деятельности заграничного дипкорпуса. Представители России за границей были одинаково возмущены событиями, произошедшими в Петрограде. Тем не менее никому из них не пришла в голову мысль о необходимости сложить полномочия и уйти в отставку в связи с неприемлемостью пришедшего к власти правительства.

В ноябре 1917 г. между посольствами и миссиями произошел оживленный обмен мнениями по вопросу их дальнейшей деятельности, приведший к достигнутому во второй половине месяца соглашению «продолжать деятельность без всяких сношений с Петроградом...»⁴. Формально главой Совещания послов стал человек, вовсе не имевший опыта дипломатической работы, яркий политический деятель, прекрасный оратор, один из руководителей кадетской партии В.А. Маклаков, назначенный Временным правительством послом в Париж. Видимо, на этом основании до сих пор в историографии он рассматривался практически как единственный руководитель действий русской дипломатии в конце 1917–1918 гг. Однако знакомство с документами того периода, в частности с его перепиской с М.Н. Гирсом, показывает, что роль последнего была незаслуженно принижена.

Кандидатура М.Н. Гирса в качестве руководителя Совещания послов была выдвинута несколькими видными деятелями дипкорпуса, однако как его репутация, так и предложение В.А. Мак-

лакова создать *координационный* орган, не предусматривавший руководства, ограничивавший свою компетенцию выработкой согласованных решений, привели к тому, что определяющим в конечном итоге был признан не личностный, а географический фактор. Париж был удобнее и в качестве «центра, где все более и более сосредотачивалась политическая деятельность союзников»⁵, и потому, что располагал развитой сетью телеграфных линий, позволявшей наладить оперативную связь. Со своей стороны, М.Н. Гирс поторопился загасить нарождавшийся внутри дипломатического корпуса конфликт, высказавшись в этой связи в высшей мере дипломатично: «Обмен мнений с нашими представителями за границей, — писал он 11 (24) ноября 1917 г., — имеет целью установление общих точек зрения на события в России и вытекающей отсюда согласованности по мере возможности нашей деятельности на местах. Такой обмен не налагает никаких обязательств и не стремится создать демонстративную организацию, поэтому вполне присоединяюсь к мнению нашего посла в Париже, что нет надобности в каком-либо руководстве»⁶.

Итак, менее чем за месяц заграничный корпус российского МИДа четко сформулировал свою позицию и создал временную, до оформления на родине «приемлемого» правительства, форму своего существования — координационный центр в виде Сопещения послов, или Совета послов (в документах той эпохи употребляются оба эти названия). Отказавшись от властных полномочий, старейшина дипкорпуса свою ответственность в ходе развертывавшихся событий ощущал в полной мере и инициативу из рук не выпускал. Он особенно беспокоился о единстве действий дипломатов. Именно из Италии шли в 1918 г. призывы об организации встреч послов для выработки общей линии поведения. «Ввиду крайней желательности вполне сговориться с Вами относительно дальнейшего нашего образа действий, я предполагал бы съездить в Париж на 48 часов, — настаивал М.Н. Гирс в декабре 1917 г. — В случае Вашего согласия, было бы полезным вызвать к этому же времени Набокова из Лондона и, быть может, Стаховича из Мадрида»⁷. Насколько можно судить по документам за период «безвластия», то есть за то время, когда дипкорпус никому не подчинялся, в Париже имели место две такие встречи⁸. Одна из них состоялась в середине

декабря 1917 г.,⁹ другая — по-видимому, в начале декабря 1918-го. Ее созыв представлялся старейшине столь срочным, что он решил не дожидаться приезда посланников в Швеции и Греции, соответственно К.Н. Гулькевича и Е.П. Демидова, выразив сожаление лишь об участии в совещании находившихся в Париже А.П. Извольского и В.Н. Штрандмана¹⁰.

М.Н. Гирс активно спорил с В.А. Маклаковым по политическим проблемам, в частности, их мнения кардинально разошлись в вопросе об отношении к возможной интервенции Японии в Сибири. Так, посол в Риме опасался изолированного выступления Токио, настаивал на том, что истинной его целью является захват Сибири до Иркутска, а предложенной союзниками гарантии полного вывода японских войск по достижении победы недостаточно, «и это не сможет устранить враждебного отношения населения»¹¹. «Совершенно разделяю Ваше мнение о необходимости японской экспедиции, — писал в свою очередь послу в Токио В.А. Маклаков. — Давно принимаю меры в этом смысле»¹².

Посол в Италии считал, что роль дипкорпуса должна быть более активной в разворачивавшихся событиях, и предлагал согласованные шаги, которые можно было бы предпринять в целях защиты интересов России. Опубликование Л.Д. Троцким секретных договоров вызвало резкий протест в заграничном дипкорпусе. Не согласовывая ни с кем своих действий, посол в Вашингтоне Б.А. Бахметев подал правительству США¹³ ноту, выражающую возмущение действиями правительства большевиков¹⁴. М.Н. Гирс одобрил действия коллеги и, стремясь оставаться лояльным по отношению к главе Совещания послов, выразил готовность последовать его примеру в случае, если последний сделает «такое же сообщение французскому правительству»¹⁵. Развивая свою мысль, он писал: «Считаю крайне желательным, чтобы представители русской дипломатии за границей одновременно с этим протестом выступили с публичным коллективным заявлением, клеймящим это опубликование и отрицающим за лицами, временно захватившими власть в Петрограде, право нарушать [обязательства], связывающие Россию с державами Согласия. Такое заявление имело бы главным образом целью поддержать честь России»¹⁶. Текст декларации М.Н. Гирс предлагал составить В.А. Маклакову, сама акция,

таким образом, пошла бы от его имени. Однако не успевший в связи со свержением Временного правительства вручить свои верительные грамоты посол в Париже в этот период чувствовал себя на своем посту не совсем уверенно. Он отказался следовать примеру Б.А. Бахметева. «Всяким заявлениям и протестам против большевиков я сочувствую и содействую, но думаю, что они не должны исходить от дипломатических представителей»¹⁷. Что касается идеи М.Н. Гирса об общем выступлении, то, по мнению В.А. Маклакова, «коллективность заявления подорвала бы его значение как акта должностного лица как такового в пределах его обычных отношений к правительству, при коем оно аккредитовано»¹⁸. Стоит ли говорить, что ситуация была совсем не ординарная. Полученный опыт охладил стремление старейшины дипкорпуса согласовывать свои действия с главой Сове щания послов.

Так, когда осенью 1918 г. в посольство в Риме обратились представители бюро созданной русскими в Италии Лиги возрождения России и альянса с союзниками (*Ligue pour la regeneration de la Russie en union avec les Allies*)¹⁹, он нашел возможным действовать самостоятельно. Члены этой организации выражали возмущение и беспокойство кровавым террором, развязанным большевиками против «лучших сил общества»²⁰ и просили посла «взять на себя инициативу приглашения всех дипломатических представителей за границей выступить совместно перед Союзниками и нейтральными державами с целью поднять вопрос об объявлении большевистских вождей *стоящими вне закона* (выделено в тексте. — Е.М.) и лично ответственными за все преступления, которые ими ныне совершаются под видом борьбы за политические идеалы»²¹. Когда М.Н. Гирс сообщил об этом В.А. Маклакову, последний выдвинул целый ряд соображений юридического характера против такой акции и решительно возражал против официальной инициативы дипломатического корпуса²². Однако на этот раз старейшина корпуса не отказался от своего намерения. 14 сентября (1 октября) 1918 г. он передал ноту соответствующего содержания министру иностранных дел Италии, сообщил ее содержание 30 иностранным представительствам в Риме и циркуляром предложил всем представителям России последовать его примеру²³. Справедли-

вости ради надо признать, что инициатива посольства в Риме не имела практических результатов — правительства, сначала нейтральных государств, а потом и держав Согласия отказались лишить большевиков права убежища²⁴. Однако представляется, что противоречия между послами в Италии и Франции были вызваны в значительной степени различным подходом к роли дипломатического корпуса в разворачивавшихся событиях. Вся деятельность М.Н. Гирса и этого периода, и более позднего была направлена на повышение значения и роли дипломатического ведомства, закрепление его положения и имиджа в представлениях, прежде всего, европейских правительств. В.А. Маклаков же, скорее, использовал предоставленный ему высокий пост и номинальное руководство СовеЩанием послов для влияния на внутреннюю политику антибольшевистского движения.

* * *

Столкнувшись с бескомпромиссной позицией аппарата МИДа в Петербурге, большевистское правительство в лице Л.Д. Троцкого 17 (30) ноября 1917 г. обратилось непосредственно к русским представительствам за границей с предложением работать под руководством советской власти на основании платформы II Всероссийского Съезда Советов, то есть проводить политику, направленную на скорейшее заключение мира. Не желающим сотрудничать предлагалось отстраниться от работы и сдать дела тем из низших служащих, кто останется на службе²⁵. М.Н. Гирс предвидел такой поворот событий и еще в конце октября в личной телеграмме В.А. Маклакову (копии ее были направлены в Лондон и Вашингтон) писал: «Полагаю не давать движения программным указаниям, могущим поступать от большевиков»²⁶. По-видимому, опираясь на состоявшееся ранее соглашение послов, В.А. Маклаков предложил заграничному дипкорпусу не признавать Л.Д. Троцкого министром иностранных дел, имеющим право требовать ответа, а распоряжения его игнорировать. Русское посольство в Италии твердо придерживалось этой позиции: «Полученную мною циркулярную телеграмму Л.Д. Троцкого о подчинении его политике оставляю без ответа», — отозвался 26 ноября (9 декабря) М.Н. Гирс²⁷. Так же поступал он и в дальнейшем²⁸.

Главы российских представительств за рубежом приняли эту позицию. Единый фронт нарушили лишь временный поверенный в Испании Ю.Я. Соловьев и поверенный в Португалии барон П.Л. Унгерн-Штергерн²⁹. «Я сообщил итальянскому правительству, что вследствие Вашей телеграммы Троцкому римское посольство прекращает всякое сношение с Вами»³⁰, — телеграфировал М.Н. Гирс в Лиссабон и циркулярно. Он также заявил властям, что по делам Испании общается с назначенным А.Ф. Керенским, но не успевшим вручить свои верительные грамоты М.А. Стаховичем, а не со скомпрометировавшим себя Ю.Я. Соловьевым³¹. В ответ на бойкот заграничного дипкорпуса 26 декабря 1917 г. Л.Д. Троцкий издал приказ об увольнении всех дипломатических представителей со своих постов «без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности»³².

С точки зрения закона, прервав отношения с существовавшей в России властью, а никакого другого правительства, кроме Совета Народных Комиссаров, в конце 1917 — начале 1918 г. в стране не существовало, посольства и миссии должны были сдать дела и закрыться. Дипломатическое представительство не может никого не представлять. Однако в то время и дипломаты, и большинство правительств европейских стран считали, что произошедшее в России *недоразумение* должно в скором времени разрешиться новым переворотом или, по крайней мере, созданием коалиционного правительства³³, а потому неразумно в угоду «предателям-бунтарям» разрушать отлаженный механизм (прерывать отношения с «нормальным» представительством). В сложившейся ситуации был выход, который подсказывала дипломатическая практика, — можно было «законсервировать» представительства, «понижив» их уровень, передав руководство «поверенным в делах». Но против такого решения резко выступил М.Н. Гирс. Его позиция столь четко отражена в телеграмме от 9 (22) января 1918 г., что позволю себе привести ее здесь почти полностью: «...продолжаю находить, что пока иностранные государства не признают большевиков, нам следует оставаться на своих постах. Если положение трудно, то тем более оно будет тяжелое для поверенного в делах. Передача Миссии последнему была бы первым шагом к ослаблению нашей деятельности по за-

щите интересов России, каковую деятельность следует всеми мерами поддерживать»³⁴. Дипломат особенно настаивал на передаче этой телеграммы циркулярно всем представительствам.

Опираясь на «выжидательное», по его собственному выражению, отношение итальянского правительства к событиям в Петрограде, М.Н. Гирс еще в конце октября 1917 г. для себя решил продолжать «по мере возможности деятельность представителя и защитника интересов России и ее граждан в Италии»³⁵. В последующие месяцы он приложил немало усилий для того, чтобы придать твердости своим коллегам и убедить их не покидать своих постов³⁶.

Начало 1918 г. было чрезвычайно тяжелым для «мятежного» дипкорпуса, он в полной мере ощутил зыбкость своего положения. Англичане вели переговоры с М.М. Литвиновым³⁷, из Румынии приходили сведения о том, что будто бы большевики принудили весь состав старой миссии выехать из Ясс в Россию³⁸. Весной Лондон без предупреждения перестал пропускать шедшие по его каналам зашифрованные телеграммы русских представителей и предложил Франции последовать своему примеру. Париж сочувствия этому шагу не выказал, однако и от помощи русским в разрешении конфликта с англичанами уклонился³⁹. Неуверенность и беспокойство заставляли «поддерживать все элементы порядка, где бы они ни проявились». М.Н. Гирс поощрял Италию развивать отношения с созданной на Украине Радой и считал необходимым для дипломатического корпуса организацию постоянных сношений с Тегераном и Яссами и через них — с Украиной и Кавказом⁴⁰.

В декабре 1917 г. за границу стали отправляться дипломатические миссии нового большевистского правительства. Тревожные запросы о том, что делать в случае, если в страну прибудут миссии большевиков, приходили из Греции, Испании, Японии⁴¹. По настоянию коллег в начале февраля 1918 г. М.Н. Гирс все же рассмотрел вопрос о порядке действий при необходимости закрыть посольство. В этом случае он предполагал сжечь шифры, «весь секретный архив, а также все, с чем почему-либо нежелательно дать возможность ознакомиться какому бы то ни было правительству, хотя бы дружественному». Текущие дела и посольство он предполагал сдать «на хранение одной из друже-

ственных держав и лишь в крайнем случае итальянцам»⁴². Впрочем, большинство стран, не признав советское правительство, ни в какие отношения с ним так и не вступило, другие, допустив на свою территорию миссии большевиков, продолжали сотрудничать и со старыми посольствами. Италия относилась к первой группе.

Положение русского посольства здесь было достаточно прочно. После поражений на фронтах мировой войны 1917 г., в обстановке весеннего наступления немцев 1918 г. официальный Рим был обременен собственными проблемами и не спешил разбираться с вопросами законности или незаконности пребывания на его территории русского представительства. Внимание общественного мнения в стране также было приковано к театру военных действий. Министр иностранных дел Сонино продолжал встречаться с М.Н. Гирсом как с официальным представителем. Правительство не спешило с признанием советской власти, а его министр иностранных дел не одобрял заигрывания Лондона с М.М. Литвиновым. В январе 1918 г. посол сообщал в Париж, что в Италии не поднимался вопрос о приезде представителя большевиков, что Сонино не меняет своего негативного отношения к новому русскому правительству⁴³. Лишь в конце 1918 г. М.Н. Гирс смог констатировать, что встревоженное проявлением большевизма в Германии и Австрии «общественное мнение Италии начинает снова проявлять интерес к русским делам»⁴⁴. В этой связи он не медля ни минуты разрабатывает план газетной кампании и исходит при этом не из абстрактных предрасположенных понятий «союзнического долга» и братской помощи, а из реальных, хотя и не таких красивых, внутренних механизмов международных отношений. «Стараемся путем пропаганды в печати утвердить его (итальянское общество. — Е.М.) в мнении, что большевистская опасность растет, и убедить немедленно и энергично помочь нам *в интересах всей Европы* уничтожить наших большевиков, — писал он в ноябре 1918 г. — Затем доказываем, что Германия в будущем, вероятно, опять создаст крупную политическую и военную и экономическую силу. Поэтому необходимо способствовать созданию надежной и сильной России, которая *восстановит угрозу против Германии с востока...* (курсив мой. — Е.М.)»⁴⁵. Однако помня, что Италии придет-

ся считаться с мнением большинства ее союзников по мировой войне, о чем он писал еще в начале года⁴⁶, М.Н. Гирс указывал на то, что «кампания может принести пользу, лишь если она будет вестись также во Франции и Англии»⁴⁷.

* * *

Весь 1918 г. представительства жили в состоянии тревожного ожидания. С Родины приходили пугающие известия о действиях большевиков и часто противоречивые сведения о зарождении сопротивления им. Положение единственной организации сохранившейся с дореволюционных времен, а потому имеющей возможность апеллировать к преемственности, — организации действенной, находящейся в непосредственном контакте с политическими кругами стран, без помощи которых в силу сложившихся обстоятельств Белое движение было бессильно, давало дипломатической системе большое влияние на процессы, проходившие внутри России.

Дипломаты напряженно изучали данные о возникавших в Сибири антибольшевистских правительствах, пытаясь понять, какое из них имеет реальную силу, позволяющую ставить вопрос о признании его всероссийским внутри и вне страны. Этот вопрос особенно активно обсуждался в переписке В.А. Маклакова с Б.А. Бахметевым. (Связь с югом России была затруднена военными действиями в Турции и установилась лишь в конце 1918 г.) Активно участвовал в его рассмотрении и М.Н. Гирс. Так, в июле 1918 г. он писал В.А. Маклакову: «Разделяю мнение Набокова об абсолютной необходимости объединить различные сибирские правительства в общей антигерманской и антибольшевистской акции...»⁴⁸. В сентябре того же года он вернулся к этому вопросу, сообщив одновременно, что Италия следует политике великих держав в своей русской политике. На необходимости выработки общей позиции в отношении возникавших в России правительств М.Н. Гирс настаивал на совещании послов в ноябре 1918 г.⁴⁹.

Не подчинившись петроградскому правительству, прервав связь с Родиной, представительства за рубежом, естественно, перестали получать содержание из России. Последняя регулярная присылка денег по смете из министерства имела место в

конце 1917 г. Однако за границей были размещены крупные денежные фонды, принадлежавшие русской казне. В частности, в 1917 г. министерство, «очевидно предвидя затруднения в будущем в ассигновании и переводе денег, перевело в посольство (посольство в Италии. — *Е.М.*) довольно большие суммы, всего 600 тыс. лир без специального предназначения. Эти деньги были записаны в переходящие суммы и хранились на счетах посольства»⁵⁰. Вопрос об организации централизованного финансирования представительств возник сразу после создания Совета послов, в декабре 1917 г. Посол в Лондоне К.Д. Набоков провел переговоры с Русским правительственным комитетом в Лондоне, который выделил средства на эти цели. Посольство в Риме стало единственным, успевшим получить, вследствие оперативно представленных смет, из этого источника суммы, причитавшиеся ему за январскую треть 1918 г. Затем англичане секвестировали хранившиеся на их территории русские фонды. В 1918 г. посольство получило от русского Военно-заготовительного управления в Италии 402 тыс. 232 лиры 52 центезимо. Эта сумма не удовлетворила всех нужд дипломатических учреждений в Италии, поэтому посол, благодаря достигнутой между главами представительств договоренности об использовании личного запаса казенных сумм под ответственность глав миссий, и в 1918-м, и в 1919 г. восполнял недостаток средств за счет денег, лежавших на счетах посольства⁵¹.

Этапным в жизни русских дипломатических представительств стало начало 1919 г. В ноябре 1918 г. в Омске к власти пришел адмирал А.В. Колчак, которого заграничное представительство поддержало и склонило А.И. Деникина, а позднее и других лидеров антибольшевистского движения к признанию его в качестве верховного правителя, а его правительство — в качестве всероссийского. В начале января 1919 г. правительство Колчака предложило начальнику управления иностранных дел в Особом совещании Юга России⁵², бывшему царскому министру иностранных дел С.Д. Сазонову возглавить МИД Омска. Сообщение об этом застало политика в Риме, откуда 14 января 1919 г. он телеграфировал в Омск: «Ввиду полного политического единомыслия, я принимаю пост Министра иностранных дел Омского правительства, сохраняя должность Управляющего Отделом

внешней политики в Особом Совещании при Добровольческой и оставляя за себя на юге Нератова»⁵³. Таким образом, жизнь и деятельность посольств вошла в более привычную колею. 8 февраля 1919 г. колчаковский МИД запросил от представительств данные об их личном составе и сметы на текущий 1919 г., а также сведения о суммах, недоплаченных за предшествовавшие 1917 и 1918 гг. Сведения были собраны и переправлены в Омск, однако финансовые проблемы миссий, в частности посольства в Риме, на этом не завершились. 11 апреля 1919 г. С.Д. Сазонов уже не в первый раз жаловался в министерство: «Отсутствие средств ставит наши представительства в крайне тяжелое, даже безнадежное положение. В Лондоне, например, все деньги и кредиты иссякли с 1-го апреля, в таком же положении Рим...»⁵⁴. В конце месяца, не найдя другого пути выхода из кризиса, министр разрешил послу в Италии прибегнуть к частному займу⁵⁵. Проблемы с финансированием дипломатических учреждений были вызваны нехваткой у Омского правительства иностранной валюты.

Испытывая затруднения с финансированием собственных учреждений, дипломаты, тем не менее, не оставались равнодушными к тяжелому положению соотечественников. Организация помощи лишившимся средств к существованию людям стала важной составляющей работы посольства на всем протяжении его пореволюционной деятельности. Фраза К.Д. Набокова о том, что при старом режиме представлявшие в основном правительственные интересы посольства и миссии для соотечественников «родным островом» в чужой земле не служили и были отгорожены от проживавших в стране сограждан⁵⁶, стала расхожей. Однако справедлива она, по-видимому, не во всем. Последний принятый императорской властью документ, определявший функционирование Министерства иностранных дел — «Учреждение 1914 г.» — среди задач ведомства фиксировал заботу о «защите интересов и всесторонней поддержке русских подданных за границей»⁵⁷. В Италии эта практика сложилась даже ранее ее узаконения.

Апеннинский полуостров давно и хорошо знаком русским. Здесь завершали и пополняли свое образование, сюда приезжали лечиться, довольно большой процент пенсионеров предпо-

читал здесь «доживать» свои дни, многие аристократические семьи имели собственные виллы. Тем не менее русская колония в Италии, хотя и носила налет аристократизма, отнюдь не была лишена демократического элемента. Страна была гораздо доступнее, чем это может теперь показаться. Основную массу приезжающих составляли люди среднего достатка. Императорское посольство в Риме не только не отгораживалось от соотечественников, но проявляло о них действительную заботу. Еще в начале XX в. русский консул в Риме Л.В. Иславин выступил с инициативой создания «центра для объединения русского общества на нейтральной почве» в виде общедоступной читальни. При этом он исходил из того соображения, что «желательно предоставить людям приезжим, располагающим только неудобной обстановкой средних гостиниц, приют для отдохновения и возможность ознакомления с последними известиями из России, которыми они пользовались бы в часы, свободные от осмотра римских достопримечательностей»⁵⁸. Инициатива Л.В. Иславина нашла поддержку со стороны русского посла в Риме А.И. Нелидова. Он же принял на себя покровительство и общее руководство читальней, непосредственное управление делами было возложено на консула. Забота о библиотеке отныне легла на дипломатических представителей. В конце 1920-х гг. заведующим читальней был последний русский консул в Риме — Г.П. Забелло.

Отказ Совета Народных Комиссаров от всех финансовых обязательств предыдущих правительств означал, в том числе, и прекращение выплаты пенсий. Это поставило многих соотечественников за рубежом в безвыходное положение. Уже в декабре 1917 г. М.Н. Гирс поднял этот вопрос перед коллегами по дипкорпусу⁵⁹, просил посла в Лондоне возбудить вопрос о кредитах на пенсии и пособия для неимущих русских перед английским правительством⁶⁰. К.Д. Набоков, уклонившись от обсуждения проблемы с местными властями, предложил «начальникам дипломатических установлений», принимая во внимание условия непреодолимой силы, использовать в этих целях под свою ответственность «свободные» суммы, имеющиеся в их распоряжении⁶¹.

В начале 1918 г. в Риме на виа делле Колонотте, 27⁶² был создан Комитет по оказанию помощи русским в Италии, однако он не располагал необходимыми для поддержания соотечест-

венников средствами и обратился за помощью в посольство⁶³. В мае 1918 г. между комитетом и посольством было достигнуто соглашение, по которому М.Н. Гирс взял на себя ответственность обратить находившийся в распоряжении посольства в Риме капитал Комитета помощи русским военнопленным на дело помощи русским в Италии. В целях наиболее рационального использования средств все поступавшие прошения о ссудах и ассигнованиях должны были рассматриваться на заседаниях комитета при участии командированных послом сотрудников посольства. Непосредственный труд выдачи пособий взяли на себя русские консульские учреждения в Италии, которые в связи с этим должны были: 1) пересылать все поступавшие прошения в Рим, 2) завести особую отчетность, 3) собирать расписки за выплаченные суммы⁶⁴. По поручению М.Н. Гирса в заседаниях комитета участвовал Б.С. Серафимов, в августе месяце его заменял А.Н. Кратиров. Работал комитет активно: только в июле прошло не менее пяти его заседаний, на которых были приняты решения об оказании помощи не менее 136 соотечественникам. В июне при поддержке посольства комитет для самых нуждающихся русских «римлян» организовал столовую⁶⁵.

Уже первые совместные мероприятия комитета и посольства вызвали горячий отклик в колонии. «Вчера я получил письмо от нашего генерального консула в Риме касательно исполнения обращенной к Вашему Высоко Превосходительству моей просьбы о выдаче мне пособия в счет пенсии, — писал М.Н. Гирсу 24 мая (6 июня) 1918 г. пенсионер Казакевич. — Приношу Вам свою искреннюю и глубокую благодарность за оказанное Вами участие к моему настоящему печальному положению, в котором я очутился благодаря горестным политическим событиям в России. Помимо материальной стороны... я чувствую в то же время и его нравственную сторону, которая заставляет меня сознавать, что несмотря на теперешнее положение дел в России, мы, русские, не являемся за границей какими-то заброшенными на произвол судьбы и злого рока одинокими людьми, а по-прежнему продолжаем сохранять плодотворную органическую связь между собою, выражающуюся ныне, между прочим, в поддержке наших общих и отдельных интересов теми нашими представителями, которые и прежде служили с честью нашей родине...⁶⁶».

В скором времени стало ясно, что простая раздача денежного вспомоществования неминуемо приведет к банкротству всего мероприятия. Предвосхищая последующую практику эмигрантских учреждений, комитет создал Бюро труда, которое оказывало поддержку в организации русских предприятий. Так, в октябре 1918 г. комитет компенсировал средства, затраченные на организацию швейной мастерской на Капри и игрушек в Риме⁶⁷. Выдачу пособий лишь самым нуждающимся М.Н. Гирс не рассматривал как нормальную практику. Сам он считал, что дело помощи пенсионерам удалось наладить лишь с октября 1918 г., когда в Милане при ближайшем участии российских посольства в Риме и консульства в Милане была организована Касса ссуд и вспомоществований русским в Италии (*Cassa di Prestiti e Soccorsi ai Russi in Italia*). Это предприятие, открывшееся на средства, собранные путем подписки между итальянскими банками, имело целью оказание кредита следующим категориям русских подданных, проживавших в Италии: пенсионерам, владеющим имуществом в Италии или в России, и больным, обладающим некоторой кредитоспособностью. Эти категории впоследствии отпали. Вначале касса выдавала пенсионерам причитающиеся им пенсии полностью, но в дальнейшем, по мере истощения сумм, собранных при ее учреждении, и ввиду полной невозможности изыскать новые средства для пополнения кассы, последняя начала выдавать пенсионерам ссуды, постепенно уменьшая их в размере. В июле 1919 г. пенсионеры получили лишь 50% пенсии. В конце же сентября касса должна была окончательно закрыться в связи с истощением ее средств.

Посол горячо принялся за урегулирование этого вопроса: помимо подписанного им отношения в колчаковский МИД, в Омск ушло пространное письмо товарищу министра иностранных дел, посвященное этой теме⁶⁸. Вопрос был взят под особый контроль Министерством иностранных дел. Руководство министерства вынуждено было констатировать, что «частная благотворительность бессильна облегчить тяжелое положение наших соотечественников за границей и представляется необходимой правительственная помощь»⁶⁹. Вследствие специально сделанных в разных странах запросов была составлена приблизительная смета ассигнований, по которой Италии было выделено 360 тыс.

франков. Для облегчения поиска средств Омскому правительству, испытывавшему в тот момент недостаток иностранной валюты, М.Н. Гирс предложил заключить заем на месте под государственные гарантии. Это предложение было принято, руководство МИДа предоставило М.Н. Гирсу, а также посланнику в Берне И.Н. Ефремову полномочия на ведение переговоров по получению ссуд от банков для оказания помощи находившимся в Италии и Швейцарии русским в размере 1 млн. франков каждому.

И в дальнейшем посольство не выпускало из-под контроля вопросы материальной поддержки оказавшихся в бедственном положении соотечественников. Остро ощущая свой долг перед русской колонией, сложившейся в стране, оно стучалось во все двери, обращалось за помощью к правительству, работало в тесной связи с русскими благотворительными организациями. Офис русского Красного креста, с которым представительство сотрудничало особенно тесно, находился на его территории. Флигели посольского здания были отданы под убежище, в котором до 1924 г. проживало 40 русских беженцев⁷⁰. Кроме того, в начале 20-х гг. дипломатам удалось договориться с итальянскими властями о том, что в случае, когда русский беженец покидал страну навсегда, по рекомендации консульства дорогу до границы ему оплачивала Римская квестура⁷¹.

Смена руководства в дипломатическом ведомстве после падения правительства Деникина и прихода к власти на юге России барона П.Н. Врангеля привела к окончательному переезду М.Н. Гирса в Париж. Сохранив пост посла в Риме, он стал, по настоянию дипломатического корпуса, соминистром иностранных дел во вновь созданном правительстве. Замещать его в Риме остался советник И.А. Персиани. Представительство в Италии оказалось в этот период на периферии деятельности дипкорпуса: курьеры с юга России ехали обычно через Швейцарию и римское посольство оставалось даже без вестей⁷².

Со временем положение посольства стало осложняться тем, что Италия одной из первых встала на путь установления торговых отношений с РСФСР. Этот способ Комиссариат иностранных дел СНК использовал для установления отношений со странами де-факто, стремясь впоследствии развить успех и добиться признания де-юре. 27 апреля 1920 г. между Советской Россией и

Италией была достигнута договоренность об обмене военнопленными.

В конце того же года русские дипломаты были озабочены возможным приездом в Италию Я.К. Берзина в качестве представителя Советской России. Судя по всему, они сыграли немалую роль в том, что Я.К. Берзин не был допущен на территорию Италии, а также в ограничении состава миссии большевиков восьмью сотрудниками, помимо ее главы. Приезд торгового представительства был отсрочен на полгода⁷³.

В ноябре 1920 г. армия Врангеля была эвакуирована из Крыма. Это означало утрату антибольшевистским движением последней базы на территории России, а дипломатическим корпусом — остатков видимости легитимности. 150 тыс. человек были эвакуированы только из Крыма. Но к тому моменту за границей существовала уже обширнейшая беженская колония. Люди остались без средств к существованию, без защиты, часто без документов. В этой ситуации М.Н. Гирс предпринял отчаянные усилия для сохранения заграничного дипкорпуса.

В итоговом документе, выработанном на совещании послов, созванном им 2 февраля 1921 г., признавалось, что «с падением Крыма прекратило свое существование последнее из фактических антибольшевистских Правительств на территории России», а значит, «действовавшие до последнего времени за границей представительства... означенных правительств естественно лишились своих функций»⁷⁴. Однако послам приходилось считаться с тем, что в случае роспуска заграничного корпуса русская эмиграция, принявшая массовый характер, по существу, окажется беззащитна. Они решили продолжать деятельность представительств до признания странами Советской России.

* * *

Для представительств настали сложные времена. Большинство из них не лишилось дипломатического иммунитета и по-прежнему контактировало с министерствами иностранных дел, но положение их было неопределенно, будущее — туманно. Посольству в Риме не довелось сыграть заметной роли в объединении, сплочении соотечественников, отстаивании их интересов.

Объясняется это особенностями самой колонии: организованных эвакуаций Италия не принимала, среди русских изгнанников преобладал «правый, буржуазный элемент», значителен был процент людей пожилых, женщин. Собственный корреспондент гельсингфорсской газеты «Новая русская жизнь» М.К. Первухин отмечал в феврале 1921 г., что при наличии в Италии 20 тыс. русских беженцев «нет и намека на общественную жизнь». Заметив, что деятельность Комитета по оказанию помощи русским беженцам парализована полным отсутствием денежных средств, и высоко оценив энергичную работу Красного креста, он констатировал отсутствие в стране какого-либо общественного или политического центра. О существовании посольства он не нашел нужным даже упомянуть⁷⁵. В этом была виновата, по-видимому, относительная слабость посольства, лишённого своего главы, — М.Н. Гирс, сохраняя пост за собой, в дальнейшем постоянно жил в Париже.

Безусловно, большое влияние на положение посольства оказывали внутренняя ситуация в Италии, внешнеполитические шаги ее правительства. Находясь в тяжелом политическом и экономическом кризисе, испытывая все усиливавшееся давление левых партий и рабочего движения, итальянское правительство одним из первых пошло на нормализацию отношений с Советской Россией.

14 марта 1921 г. в Рим прибыла экономическая делегация под руководством В.В. Воровского. На первых порах, правда, это напрямую не повредило посольству. Сложилась парадоксальная ситуация, при которой миссия действующего правительства существовала в Риме на птичьих правах: правительство Италии не предоставило ей дипломатического статуса и права шифрованной переписки, жили члены миссии в отелях и на частных квартирах⁷⁶, глава миссии подолгу ожидал приема у официальных властей и т. п. В то же время старое русское посольство продолжало официальные контакты. По сообщениям агентов В.В. Воровского, чиновники Министерства иностранных дел поддерживали связи с И.А. Персиани, принимали его и его сотрудников с целью получения информации, приглашали их на дипломатические приемы, направляли в посольство частных лиц и представителей официальных органов, когда те хотели

обратиться к представителю России. Посольство вывешивало флаг царской России, выдавало согражданам документы, признававшиеся королевскими властями, курьеры посольства пересекали итальянскую границу с запечатанными дипломатическими вализами. Все это свидетельствовало о сохранении итальянским правительством за бывшим царским посольством статуса российского представительства в Италии.

«Старые» дипломаты не случайно опасались начала консультаций властей стран, в которых они олицетворяли добольшевистскую Россию, с московским правительством по экономическим вопросам. Представители молодой Советской Республики виртуозно превращали их в политические переговоры. И хотя В.В. Воровский неоднократно заявлял, что далек от мысли вырвать таким образом у Италии косвенное юридическое признание советского правительства⁷⁷, при подготовке текста Предварительного русско-итальянского соглашения от 26 декабря 1921 г. было внесено два пункта политического характера.

Пункт «А» преамбулы соглашения обязывал каждую из сторон воздерживаться от всякого акта или инициативы, враждебных по отношению к другой стороне⁷⁸. Статья IX договора гласила: «Российское Советское правительство обязуется не предъявлять ни в каком порядке претензий на распоряжение ценностями или собственностью бывших русских императорского и временного правительств, находящихся в Италии ...Стороны договорились охранять и не передавать ни по чьему требованию вышеуказанные ценности и собственность, подлежащую надзору с их стороны до заключения упомянутого договора»⁷⁹.

Обсуждение этих положений позволило главе советской делегации перейти в наступление на «старое» посольство. Продолжение его существования В.В. Воровский рассматривал как «открытую поддержку контрреволюционной организации, враждебной Российскому правительству», что, по его мнению, было «явным нарушением статьи “А” преамбулы упомянутого выше соглашения»⁸⁰.

Еще в ноте от 7 ноября 1921 г. он писал: «Из самого факта заключения прелиминарного договора логически следует, что итальянское правительство перестанет признавать посольство и консульства бывших правительств России как учреждения,

в какой бы то ни было мере представляющие Россию или ее правительство и признавать за ними какие бы то ни было официальные функции»⁸¹. В.В. Воровский настаивал на том, чтобы итальянское правительство сделало правительству РСФСР по этому вопросу определенное заявление. «Признавая статус официального представительства за группой частных лиц, бывших чиновников свергнутых российских правительств, в настоящее время занимающих явно враждебную позицию по отношению к Российскому Рабоче-Крестьянскому правительству, ...Королевское правительство совершает акт, враждебный государству, с которым оно собирается заключить соглашение... как можно признавать два взаимно враждебных представительства одной и той же державы?» — развивал он свою мысль в ноте от 14 ноября⁸².

Однако правительство И. Бонами не было готово пожертвовать связями со «старой» Россией. Руководителя миссии успокаивали тем, что деятельность бывшего царского посольства угасает с каждым днем, что в парламенте многие депутаты высказываются за полное признание РСФСР. Существование каких-либо формальных отношений между Министерством иностранных дел и представительством на виа Гаэта полностью отрицалось. Наконец, уступая требованиям В.В. Воровского, итальянские власти лишили «старое» представительство двух дипломатических привилегий, которыми оно еще пользовалось, а именно: правом шифра и дипломатической вализы⁸³. Официальное извещение об этом В.В. Воровский получил 23 декабря⁸⁴. Ощувив, что достиг предела возможных уступок, глава миссии большевиков не стал настаивать на передаче здания посольства. Он перенес рассмотрение этого вопроса из принципиальной постановки в практическую, выразив готовность удовлетвориться предоставленным в распоряжение возглавляемой им делегации помещения, соответствующего ее потребностям⁸⁵.

Предварительное русско-итальянское соглашение было подписано 26 декабря 1921 г. Этот факт означал признание Италией Советской России де-факто и приобретение В.В. Воровским статуса полномочного представителя.

«Старое» посольство, потеряв часть своих прерогатив, тем не менее сохранило достаточно прочные позиции. Вплоть до признания Италией СССР де-юре оно не утратило дипломатическо-

го статуса, права выдавать документы, оформлять имущественные отношения эмигрантов. О его деятельности в тот период ярко, хотя и в своеобразной манере, рассказывал резидент иностранного отдела ГПУ в Риме в феврале 1923 г.: «Среднее положение между двумя монархическими фракциями занимает старое посольство и консульство. Тактика этих учреждений — осторожность. С отъездом Гирса его заместителем здесь является Персиани — круглый дурак в полном смысле этого слова. Собственно ведет посольство знаток своего дела и хитрец — консул Забелло. Более или менее деятельными членами посольства являются Поляков, Кратиров и бывший посол Крупенский. Деятельность их сводится главным образом к вопросу самосохранения. До сих пор им это удается. С ними считаются, их голос имеет большое значение, например, в вопросе высылки итальянским правительством нежелательных русских... Считаются с ними и как с дипломатическими представителями: так, например, после захвата власти Муссолини, последний отправил приглашение присутствовать на чествовании памяти “неизвестного воина” и Персиани, но тот по глупости не воспользовался этим, за что был строго осужден как несмелый дипломат.

На днях консул Забелло устроил завтрак на сто приглашенных. Конечно, соответствующие суммы и помещение были любезно предложены посольством. В завтраке приняли участие видные представители фашизма.

Консульских дел также много. Продолжается выдача паспортов и виз на въезд в государства, не признавшие советское правительство и даже признавшие его, утверждение духовных завещаний, переход имущества, ведение дел по недвижимой и движимой собственности умерших русских и т. д.

В материальном отношении дела старого посольства не так уж плохи: сами члены посольства говорят, что обеспечены на два-три года, на самом же деле дела обстоят по всей вероятности лучше, т. к., помимо различных сумм, помимо поступающих процентов за консульские дела, в распоряжении посольства поступили суммы по ликвидации военных складов, насколько известно, в размере двух миллионов лир»⁸⁶.

С приходом к власти в Италии фашистов во главе с Б. Муссолини «старые» дипломаты утратили то, что давало им возмож-

ность функционировать последние годы: силу традиционных связей и моральных обязательств, которые существовали между ними и итальянскими политиками. Муссолини не был отягощен таким «грузом». В самом начале своего правления он заявил о том, что «всякое упование на Врангеля – сущий вздор», и то, что Италия не собирается вмешиваться во внутренние дела России⁸⁷. Для него установление связей с СССР в политическом отношении было средством борьбы за равноправие внутри Антанты. Вопрос о признании Советской России де-юре и судьбе «старого» посольства стал разменной картой при заключении торгового соглашения с Москвой.

Воспользовавшись благоприятной обстановкой, советские дипломаты осуществили сильный нажим на правительство Италии, чтобы принудить его решить вопрос о вилле на виа Гаэта. Стремившееся опередить англичан в подписании договора с СССР, правительство Муссолини уступило в этом вопросе, более того, прибегло к экстраординарным мерам: поверенному в делах был передан исполнительный лист, предписывающий освобождение здания и секвестр находящегося в нем имущества. Дальнейшие события носили тяжелый и оскорбительный характер: посольство было окружено агентами полиции, судебные исполнители составили опись всей недвижимости, обещанный недельный срок на переезд без объяснения причин и предупреждения был сокращен до трех дней.

Утром 14 февраля 1921 г., в назначенный день отъезда, двое служащих полиции явились в посольство и заявили, что они уполномочены обыскать весь личный багаж, который жильцы берут с собой. Протесты членов посольства против этой совершенно незаконной меры ни к чему не привели, и переезд был осуществлен в формах настоящего прохождения таможи. Тем временем в посольство приехали служащий, уполномоченный наложить секвестр, и представитель Министерства иностранных дел. Их сопровождали двое большевиков, которые должны были участвовать в осмотре багажа. Возмущенные сотрудники посольства не разрешили большевикам войти и протестовали против их присутствия, напомнив итальянским властям, что секвестр здания превращает посольство в итальянскую территорию, что исключает, во всяком случае, присутствие предста-

вителей другой страны. Они апеллировали также к данным ранее министром иностранных дел обещаниям, в силу которых должны были быть исключены все контакты между русскими «старого режима» и большевиками. Представитель Министерства иностранных дел дал следующий ответ: «Мы действуем по точному приказу президента Совета». Единственной сделанной уступкой стало то, что советские чиновники остались в помещении консьержа и присутствовали при осмотре багажа, не дотрагиваясь до него. Один из первых чемоданов был исследован сверху донизу по настоянию представителей советской миссии, поскольку они заявили о недопустимости вывоза каких бы то ни было личных документов, даже частной переписки, которая, кстати сказать, может быть частью архива посольства. Чрезмерность этого требования шокировала не только чинов посольства, но и полицейских, которые воспротивились этой мере, столь же незаконной, сколь и оскорбительной. Обе стороны отказывались уступить, решение проблемы было переложено на Министерство иностранных дел. Так как ответ запаздывал, дорожные сундуки и чемоданы, содержавшие частную корреспонденцию, были опечатаны, и решение их судьбы было перенесено на завтра.

На следующий день министерство прислало в посольство своего переводчика с русского языка. Не знакомясь с содержанием бумаг, последний заявил, что они не похожи на официальные документы, и багаж вернулся к своим законным владельцам. Тем не менее часть личной переписки бывшего поверенного в делах, несколько писем в иностранные банки были изъяты и отправлены на рассмотрение в министерство. Некоторые вещи были задержаны в посольстве без всяких объяснений, но с обещанием вернуть их позднее.

Итальянская пресса получила официальное распоряжение не упоминать ни о секвестре, ни об освобождении здания русского посольства. Газеты должны были воздержаться от освещения этих сюжетов. Только римская «Трибуна» в своем третьем (дневном) выпуске от 15 февраля 1924 г. позволила себе намек на вышеупомянутые события, указав на передачу русского посольства итальянскому правительству «при необъяснимом участии большевиков, как при режиме... капитуляций». Однако в четвертом

(вечернем) выпуске издания за тот же день, наиболее читаемом, этот пассаж был снят⁸⁸.

Официальная передача итальянскими властями здания посольства России большевикам произошла 7 марта 1924 г.

Понимая, что установление дипломатических отношений с Советской Россией неминуемо приведет к закрытию посольства, И.А. Персиани еще в январе 1924 г. обратился к итальянским властям с памятной запиской, в которой обращал их внимание на необходимость оградить интересы белоэмигрантов в связи с прибытием в Рим представительства большевиков. В частности, в этом документе говорилось о необходимости создать учреждение по защите интересов русских беженцев в Италии по типу тех, что уже существовали в Германии, Польше Финляндии и Турции. Особенно важно, с его точки зрения, было сохранить за таким учреждением право выдавать все виды документов, как это делали ранее русские консульства⁸⁹. Соглашение по этому вопросу было достигнуто. После оформления дипломатических отношений между Италией и СССР эмигрантское представительство действовало в Риме по соглашению с местными властями на неофициальной основе. Понимая, что в ближайшем будущем придется покинуть виллу посольства, поверенный в делах подыскал новое помещение, Отношением от 6 февраля он сообщил в Париж новый адрес представительства: Мадам Бароли, виа Балбо, 3, Рим. В дальнейшем направление корреспонденции по этому адресу, видимо, было признано неудобным. С июня 1924 г. предлагалось пользоваться почтовым ящиком № 422⁹⁰.

1924 г. был в целом тяжелым для дипломатической системы русской эмиграции. Все меньше оставалось денег. Проводившаяся М.Н. Гирсом с момента создания Совета послов политика экономии спасала организацию в течение трех лет, но новых поступлений не было, и взять их было неоткуда. На протяжении этого периода миссиям несколько раз снижали финансирование. В 1924 г. самым радикальным образом. Так, в феврале консул в Стокгольме получил 1354 шв. кроны⁹¹, в мае — 700⁹², в июле — 350⁹³. С 1 августа ассигнования на это представительство прекратились⁹⁴. «Ввиду почти полного истощения средств»⁹⁵ М.Н. Гирс, по-видимому, прекратил финансирование и посольства в Италии. Летом 1924 г. на службе в Риме оставались лишь три

человека — И.А. Персиани, Г.П. Забелло и технический служащий В. Фунари. В начале осени рассматривался вопрос о недостатке средств в ликвидационном фонде для выплаты им выходного пособия. Однако эти вынужденные меры имели самые неожиданные последствия: служащие учреждений Совета послов выказали готовность продолжать свою деятельность на общественных началах. С такой инициативой выступило консульство в Швейцарии⁹⁶, известно, что В.Т. Рафальский (Чехословакия)⁹⁷, Ф.Л. Броссе (Швеция)⁹⁸, С.А. Поклевский-Козел (Румыния)⁹⁹ продолжали оказывать помощь эмигрантам в течение многих лет после окончания финансирования их деятельности.

По этому же пути пошло и представительство в Италии. В 1920 г., когда в результате первого сокращения ведомства было закрыто большинство русских консульств в Италии, консулы, признав вынужденность этой меры, выразили готовность продолжить деятельность без вознаграждения. «Пока личные мои дела не потребуют моего отъезда, я ставлю себя в полное распоряжение посольства и русской колонии и прошу располагать мною»¹⁰⁰, — писал консул в Неаполе Шлейфер. Отказавшись от получения каких-либо средств из Парижа, «покорнейше» просил разрешить не закрывать вверенного ему учреждения вице-консул в Бари А. Алексеев¹⁰¹. Когда пробили час посольства, оно продемонстрировало такое же понимание своего долга. Посольство фигурирует в списке организаций Совета послов за 1926 г.¹⁰².

В начале 1927 г. И.А. Персиани был принят на службу в протокольный отдел сербского МИДа в качестве переводчика¹⁰³ и выехал в Белград. В Италии его сменил бывший генеральный консул в Риме Г.П. Забелло. Несмотря на тяжелейшую личную ситуацию — жалованья из Парижа за свою деятельность он уже не получал, приходилось перебиваться случайными заработками, продавать последние фамильные ценности, чтобы содержать себя и больную жену, — он все же продолжал поддерживать жизнь в готовом угаснуть очаге эмигрантского представительства в Риме. В связи с особенностями в значительной степени разобщенной русской колонии в Италии работы у него было немного, но двери в Министерство иностранных дел были для него по-прежнему открыты. «По службе (sic!) у меня очень мало дел; стараюсь писать Михаилу Николаевичу (Гирсу. — Е.М.) раза

два в месяц, но от него ко мне поступает очень мало поручений. В министерстве я бываю поэтому редко и имел дело только с Моска и Сан-Северино — оба по-прежнему любезны»¹⁰⁴, — сообщал он И.А. Персиани в 1927 г.

Когда закрылось представительство в Италии, выяснить пока не удалось. По-видимому, как и в других странах, дипломаты до последней возможности выполняли свой долг.

Предложенный экскурс в историю деятельности русского посольства в Италии в 1917–1927 гг. не претендует на полноту изложения и анализа. Скорее, его можно рассматривать как подход к теме, автор попытался поделиться впечатлением от тех документов, которые оказались ему доступны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Телеграмма К.Д. Набокова от 6/19 ноября 1917 г. // Чему свидетели мы были. Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940: В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 383; Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Кн. 2. М., 1993. С. 9–11.

² Перед Первой мировой войной Российская империя имела за рубежом 9 посольств, 3 из которых в Берлине, Вене и Константинополе были закрыты в связи с началом боевых действий.

³ Михайловский Г.Н. Записки... Кн. 2. С. 179, 180.

⁴ Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 385, 387, 391.

⁵ Телеграмма М.Н. Гирса В.А. Маклакову от 1/14 января 1918 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 1003. Картон 86. Рулон 5.

⁶ Там же.

⁷ Телеграмма М.Н. Гирса от 8/21 декабря 1917 г. // Там же.

⁸ Телеграмма М.Н. Гирса послу от 14/27 ноября 1917 г. // ГА РФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 3. Л. 373.

⁹ Точная дата отъезда М.Н. Гирса в Париж — 14/27 декабря 1917 г., уточнена на полях письма начальника русского заготовительного управления в Риме М.Н. Гирсу от 29 января/11 февраля 1918 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 190. Оп. 525. Д. 2530. Л. 629.

¹⁰ Телеграммы М.Н. Гирса от 25 декабря/7 января 1917 г. и 26 ноября 1918 г. Собственноручная приписка посла к письму № 172. б.д. // ГАРФ. Ф. 1003. Картон 86. Рулон 5.

¹¹ Телеграммы М.Н. Гирса от 16/29, 17/30 января, 18 февраля/3 марта, 19 февраля/4 марта 1918 г. // Там же.

¹² Телеграмма В.А. Маклакова послу в Токио от 28 апреля/11 мая 1918 г. // ГАРФ. Ф. 6851. Оп.1. Д. 3. Л. 326.

¹³ САШ – аббревиатура, принята в то время, расшифровывается как Североамериканские Штаты.

¹⁴ Телеграмма М.Н. Гирса послу от 13/26 ноября 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1003. Картон 86. Рулон 5.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Телеграмма М.Н. Гирса послу от 14/27 ноября 1917 г. // Там же.

¹⁷ Телеграмма В.А. Маклакова М.Н. Гирсу от 19 ноября /2 декабря 1917 г. // Там же.

¹⁸ Циркулярная телеграмма В.А. Маклакова от 16/29 ноября 1917 г. // Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 387.

¹⁹ Обращение подписали три лица, автографы двоих из них удалось расшифровать как Б. Серафимов и Дубягский, третья подпись неразборчива. Оба установленных лица имели отношение к дипломатическому корпусу и были близки с М.Н. Гирсом. Это позволяет сделать предположение о том, что посол изначально участвовал в разработке этой идеи.

²⁰ Письмо *Ligue pour la regeneration de la Russie en union avec les Allies* послу в Риме от 10 сентября 1918 г. // АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2538. Л. 38.

²¹ Там же.

²² Телеграмма В.А. Маклакова послу в Рим от 12 сентября 1918 г. // ГАРФ. Ф. 1003. Картон 86. Рулон 5.

²³ АВПРИ. Ф.190. Оп. 525. Д. 2538. Л. 1–11, 31–33, 43 и др.

²⁴ Телеграмма В.А. Маклакова послу в Риме от 12 сентября 1918 г. // ГАРФ. Ф. 1003. Картон 86. Рулон 5.

²⁵ Циркулярная телеграмма Л.Д. Троцкого от 17/ 30 ноября 1917 г. // Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 388.

²⁶ ГАРФ. Ф. 1003. Картон 86. Рулон 5.

²⁷ Там же.

²⁸ Телеграмма М.Н. Гирса от 11 декабря 1917 г. // Там же.

²⁹ Михайловский Г.Н. Записки... Кн. 2. С. 17.

³⁰ Телеграмма М.Н. Гирса от 28 ноября/11 декабря 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1003. Картон 86. Рулон 5.

³¹ Телеграмма М.Н. Гирса В.А. Маклакову от 12/25 января 1918 г. // Там же.

³² Чему свидетели мы были... Кн. 2. С.389, 390.

³³ Телеграммы М.Н. Гирса В.А. Маклакову от 28 октября / 10 ноября и 7/20 декабря 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1003. Картон 86. Рулон 5.

³⁴ Там же. ГАРФ.

³⁵ Личная телеграмма М.Н. Гирса В.А. Маклакову от 28 октября / 10 ноября 1917 г. // Там же.

³⁶ См., например, телеграммы М.Н. Гирса В.А. Маклакову от 6/19/ и 10/23 января 1918 г. // Там же.

³⁷ Телеграмма М.Н. Гирса В.А. Маклакову от 6/19/ января 1918 г. № 6 // Там же.

³⁸ Телеграмма М.Н. Гирса В.А. Маклакову от 11/24 декабря 1917 г. // Там же.

³⁹ Телеграмма В.А. Маклакова кн. Кудашеву от 5/18 мая 1918 г. // ГАРФ. Ф. 6851. Оп.1. Д. 3. Л. 308; телеграммы В.А. Маклакова М.Н. Гирсу от 6/19 и 12/25 апреля 1918 г. // ГАРФ. Ф. 1003. Картон 86. Рулон 5.

⁴⁰ Личная телеграмма М.Н. Гирса в Лондон от 7/20 декабря 1917 г. // Там же.

⁴¹ Телеграммы М.Н. Гирса В.А. Маклакову от 8/21 и 10/23 января 1918 г. // Там же.

⁴² Телеграмма М.Н. Гирса В.А. Маклакову от 6/19 января 1918 г. № 32 // Там же.

⁴³ Телеграммы М.Н. Гирса В.А. Маклакову от 6/19. № 6, 8/21 и 23/5 января 1918 г. // Там же.

⁴⁴ Телеграмма М.Н. Гирса В.А. Маклакову от 13 ноября 1918 г. № 32 // ГАРФ. Ф. 1003. Картон 86. Рулон 5.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Телеграмма М.Н. Гирса В.А. Маклакову от 8/21 января 1918 г. // Там же.

⁴⁷ Телеграмма М.Н. Гирса В.А. Маклакову от 13 ноября 1918 г. № 32 // Там же.

⁴⁸ Письмо М.Н. Гирса послу от 12 июля 1918 г. // Там же.

⁴⁹ Собственноручная приписка посла к письму № 172 // Там же.

⁵⁰ Донесение российского посольства в Риме в первый департамент МИД от 25 июня/8 июля 1919 г. // АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2530. Л. 488.

⁵¹ Там же.

⁵² Новое всероссийское правительство // Голос Родины. 1918. 10/23 нояб.

⁵³ ГАРФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 148. Л. 27.

⁵⁴ Телеграмма С.Д. Сазонова в МИД в Омск // АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2530. Л. 613.

⁵⁵ АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2540. Л. 697.

⁵⁶ Набоков К.Д. Испытания дипломата. Стокгольм, 1923. С. 62, 63.

⁵⁷ Турилова С.Л. Коллегия – министерство иностранных дел России 1720–1917 гг. // Архив внешней политики Российской империи. Путеводитель. М., 1995. С. 18, 19.

⁵⁸ Леонидова Т. Гоголевская читальня в Риме. М., 2002. С. 6, 7.

⁵⁹ АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2530. Л. 634.

⁶⁰ В Англии были арестованы суммы, принадлежавшие Русскому военно-заготовительному комитету.

⁶¹ АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2530. Л. 634.

⁶² АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2540. Л. 548.

⁶³ Такое обращение, например, имело место 27 марта 1918 г. // Там же. Л. 553.

⁶⁴ Циркуляр посольства в Риме генеральным консульствам, консульствам и вице-консульствам в Италии от 17 мая 1918 г. // Там же. Л. 549.

⁶⁵ Там же. Л. 395.

⁶⁶ Там же. Л. 158.

⁶⁷ Письма Комитета господину российскому послу в Италии от 11 и 20 октября 1918 г. // Там же. Л. 424, 423.

⁶⁸ Письмо М.Н. Гирса В.Г. Жуковскому от 4/17 июля 1919 г. // ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 102. Л. 7, 8 об.

⁶⁹ Там же. Д. 65. Л. 10, 11.

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 203. Л. 2 об.

⁷¹ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 2294. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁷² Михайловский Г.Н. Записки... Кн. 2. С. 514.

⁷³ Сообщения российской миссии в Швейцарии от 27 августа и 9 ноября 1920 г. // АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2548. Л. 1, 9, 13; телеграмма заместителя Народного комиссара внешней торговли РСФСР А. Лежавы представителю Института итальянских кооперативов депутату К. Рондани от 24 января 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 495.

⁷⁴ Михайловский Г.Н. Записки... Кн. 2. С. 406.

⁷⁵ Русская колония в Италии // Новая русская жизнь. 1921. № 49. 1 марта. С. 2, 3.

⁷⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960. С. 82.

⁷⁷ Письмо В.В. Воровского представителю МИД Италии Скарпа от 29 октября 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960. С. 451, 452.

⁷⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 4. С. 596.

⁷⁹ Предварительное Русско-Итальянское соглашение от 26 декабря 1921 г. // Москва – Рим. Политика и дипломатия Кремля 1920–1939. М., 2003. С. 32.

⁸⁰ Письмо В.В. Воровского представителю МИД Италии Скарпа от 29 октября 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 4. С. 451, 452.

⁸¹ Документы внешней политики СССР. Т. 4. С. 483.

⁸² Документы внешней политики СССР. Т. 4. С. 508.

⁸³ Жуковский Н. Дипломаты нового мира. М., 1986. С. 106.

⁸⁴ Письмо Колонна ди Чизаро от 23 декабря 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 4. С. 593.

⁸⁵ Нота В.В. Воровского министру иностранных дел Торетта от 7 ноября 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 4. С. 483.

⁸⁶ Доклад резидента Иностранного отдела ГПУ из Рима с информацией о деятельности русского движения в Италии. Не ранее 14 февраля 1923 г. // Русская военная эмиграция 20–40-х гг. Т. 2. М., 2001. С. 401.

⁸⁷ Жуковский Н. Дипломаты нового мира. С. 120.

⁸⁸ Анонимная записка на французском языке «Как было закрыто посольство в Италии» (ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–3); цит. по: Россия и Италия. Русская эмиграция в Италии в XX веке. М., 2003. С. 81–84.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 5. Л. 36 об.

⁹⁰ Отношение посольства в Италии от 6 февраля 1924 г., письмо М.Н. Гирса В.А. Маклакову от 20 июня 1924 г. // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3535. Л. 3, 6.

⁹¹ ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 255. Л. 89.

⁹² Там же. Л. 62.

⁹³ Там же. Л. 64.

⁹⁴ Там же. Л. 65.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 123. Л. 84.

⁹⁶ Там же. Д. 3. Л. 39, 45, 47.

⁹⁷ Об этом рассказывает его дочь Ирина Владимировна Рафальская.

⁹⁸ Представительство стоит в списке учреждений Совета послов за 1926 г., сохранившемся в архиве тайной полиции Финляндии.

⁹⁹ Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 131, 166.

¹⁰⁰ Консул в Неаполе М.Н. Гирсу 13 февраля 1920 г. // АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2530. Л. 393.

¹⁰¹ Вице-консул в Бари М.Н. Гирсу 18 февраля 1920 г. // Там же. Л. 398.

¹⁰² Список организаций с адресами на 1 октября 1926 г. сохранился в фонде тайной полиции Финляндии.

¹⁰³ Приказ о назначении Персиани был подписан 21 января 1927 г. // Письмо МИД на имя Персиани от 22 января 1927 г. // РГАЛИ. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 104. Л. 1.

¹⁰⁴ РГАЛИ. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 29. Л. 6.

АНТОНЕЛЛО ВЕНТУРИ (*Турин*)

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ В ИТАЛИИ (1906–1922)

После поражения Русской революции 1905 г. в некоторых регионах Италии образовались настоящие колонии русских революционеров-эмигрантов, имевшие большое культурное и политическое значение и исчезнувшие окончательно только в начале 1920-х гг. Хотя численность этой эмиграции в Италии и значительно ниже, чем в других европейских странах, она впечатляет созвездием имен, принадлежавших ключевым персонажам в истории российского социалистического движения прошлого века¹.

Назовем первым имя Г.В. Плеханова, «отца» социал-демократического движения в России, приехавшего в 1906 г. в Больяско, под Нерви, а с 1908 г. и до падения царского режима жившего постоянно в Сан-Ремо. Один из главных идеологов эсеров В.М. Чернов, некоторое время проведший в Кави-ди-Лаванья, а затем уехавший в Париж, в 1910 г. покинул Францию с тем, чтобы обосноваться сначала в Феццано (залив Специи), затем с 1912 г. в Нерви и впоследствии, незадолго до начала Первой мировой войны и по 1917 г., — в Алассио (в русск. транск.: Алясио). Б.В. Савинков, глава Боевой организации партии эсеров, жил в Сан-Ремо в 1911–1913 гг. И наконец, Максим Горький в 1906–1913 гг. превратил остров Капри в один из самых важных центров русской эмиграции в Европе.

Возникает естественный вопрос: почему Италия? Или, более конкретно: какой смысл имела Италия для эмигрантов, связанных преимущественно с политическими деятелями в Германии и во Франции, где и организационная база для их деятельности по агитации и пропаганде была несомненно лучше?

Ответ можно дать следующий: в те годы Италия, несмотря на свою политическую и культурную отсталость от передовых стран Европы, могла предложить для политэмигрантов надежное убежище. Еще в 1903 г., когда в Неаполе был арестован (случайно) с угрозой выдачи царскому правительству один из руководителей социал-революционного движения террорист М.Р. Гоц, но затем освобожден под давлением общественного мнения, считавшего русских революционеров схожими с деятелями итальянского Рисорджименто, стало ясно, что политэмигранты здесь могут не бояться насильственной репатриации.

Следует учесть и общий либеральный климат, возникший при премьер-министре Джованни Джолитти: Чернов в одной из своих брошюр начала XX в. вместе с пропагандой общинного социализма и террора как орудия мести дал приукрашенную картину торжества гражданских свобод в Итальянском королевстве. Так же и Горький во многих своих письмах хвалил итальянские учреждения в пику французским; в 1908 г. он в действительности получил от Джолитти разрешение на свободную отправку из итальянских портов в Россию большевистской печатной продукции.

Помимо социально-политических и организационных мотивов назовем и медико-терапевтические: туберкулез можно считать «профзаболеванием» российских революционеров, и санатории на Лигурийской Ривьере всегда для них были притягательны, особенно один из них в Сан-Ремо под управлением супруги Плеханова. Удобной была и периодичность работы курортных лечебниц: в теплые месяцы Италию можно было покинуть ради Франции или Швейцарии.

В структурном отношении эмиграция имела два четких и противоречащих друг другу принципа. С одной стороны, она соответствовала уже сложившимся партийным формам тогдашнего социалистического движения, с другой – согласно организационным, семейным и экономическим причинам, следовала за одной харизматической фигурой, становившейся истинным «вожаком»: за границей таким образом возникала уже изжившая себя самая ранняя форма российского революционного подполья – политический кружок.

Характерным образцом революционной деятельности за границей служат кружки социал-демократии, в ту эпоху стремившейся доминировать в самых широких слоях эмиграции. Они придерживались тактики пропаганды среди соотечественников-студентов (в итальянских университетах их было немного) и рабочих-эмигрантов (в начале XX в. их число постоянно росло по всей Европе, включая и Италию). Социальная база пропаганды, как мы видим, была узкой, однако социал-демократы организовывали точь-в-точь такие же структуры, как и в других, более благоприятных условиях. Начиная с 1906 г. в Милане, Генуе, Риме и Милане стали возникать общества и кассы взаимопомощи, читальные залы и библиотеки, комитеты по сбору средств и проч. Наилучшим инструментом для конспирации служили библиотеки, официально не принадлежавшие политическим партиям; среди них на первый план выдвинулись библиотеки в Риме и на Капри. На Лигурийской Ривьере, сначала в Больяско, а затем в Нерви, важную роль конспиративного центра стала играть публичная клиника, основанная В.Е. Мандельбергом, депутатом от меньшевиков во Второй Думе.

Внешние отношения разных (и иногда конфликтовавших между собою) кружков эмигрировавшей социал-демократии регулировались в Париже, где Центральным комитетом зарубежных групп поддержки партии руководил Г.В. Чичерин, будущий нарком иностранных дел. Переписка 1900–1911 гг. между ним и Б.Н. Нелидовым, секретарем организации в Нерви, показывает, например, как действовал механизм роспуска лигурийской ячейки, павшей жертвой внутренних раздоров. Конечно, подобный роспуск не означал прекращения партийной деятельности: напротив, предлагалось в данном случае оживить ее, а именно: перевести ячейку в Турин, где готовилась Международная промышленная выставка, посвященная 50-летию объединения Италии и обещающая наплыв публики и рабочих-эмигрантов².

Внимание исследователей, конечно, привлекала деятельность большевиков, которые при поддержке Горького и не без оппозиции Ленина организовали в Италии две пропагандистские рабочие школы — в 1909 г. на Капри и в 1910–1911 гг. в Болонье — при участии местных социалистов. Вместе с тем, группа интеллектуалов, собравшаяся вокруг писателя (А.А. Богда-

нов, А.В. Луначарский, М.А. Покровский, Г.А. Алексинский и др.), служил примером не эмигрантской партийной ячейки, а ядра революционной элиты во всем многообразии внутренних отношений и исключительности для общей итальянской панорамы.

Параллельно с партийными структурами, как уже отмечалось выше, действовали группы, руководимые «вожаками», личность которых неизбежно накладывала на них характерную печать. Два самых ярких примера — это писатели, финансовые «столпы» и символы эмиграции в Италии: конечно, Горький, заимевшей на неаполитанских берегах целый «двор» с быстро менявшимися «приближенными», и близкий к эсерам А.В. Амфитеатов, в 1908–1916 гг. обустроивший в Лигурии (в Сестри-Леванте, Кави-ди-Лаванья и, наконец, в Фессано) колонию из друзей и единомышленников. Нечто схожее возникало и в окружении Плеханова и Чернова. Можно упомянуть и о Карле Качоровском, исследователе русской общины, основавшем в 1906 г. в Одессе эсеровскую сельскохозяйственную «академию» (финансировавшуюся, вероятно, за счет экспроприаций), которая переехала вместе с группкой учеников в 1907 г. в Финляндию, а потом в Италию, в Кави-ди-Лаванья.

Внутренняя жизнь подобных группировок засвидетельствована в серии воспоминаний: одно из самых значительных — мемуары революционера и историка Е.Е. Колосова, исследователя жизни и деятельности Н.К. Михайловского. Он подробно описывал русскую колонию в Лигурии, в Кави-ди-Лаванья, где жил в 1909–1914 гг. Эта колония вела обособленную сосредоточенную жизнь, коллективно возвращая долги итальянцам и культивируя свою изолированность. Некоторые исследователи-статистики из состава колонии даже подсчитали, какой экономический доход приносили эмигранты местному населению: подобными прагматическими отношениями обычно и ограничивались контакты революционеров с итальянцами. В целом, как мы видим из мемуаров Колосова, русские, полагая население лигурийского берега слишком бедным, примитивным и испорченным, не обращали на него особого внимания. Намного более интенсивными были их «игры» с царской охранкой, следившей за ними и в зарубежье. Отношения с родственной Итальянской социалис-

тической партией (ИСП) особо не развивались. Плеханов, например, хотя и писал много об итальянском революционном синдикализме и социализме (обычно критикуя), всячески уклонялся от какого-либо вовлечения в итальянскую политическую жизнь и использовал лишь двух традиционных итало-русских посредниц — Анну Кулешову для старшего поколения социалистов и Анжелику (Анджелику) Балабанову для младшего.

В самом начале прошлого века, еще до приезда в Италию, Чернов разработал единую итало-русскую общественную модель, выделив ряд общих черт для этих европейских периферий: национальный капитализм, запоздалый и слаборазвитый; пролетаризированная интеллигенция с социалистическими устремлениями; крестьянский мир с коллективистским и революционным сознанием. Подобное сближение Италии и России противоречило старой народнической идее о специфичности русского пути, но одновременно и подвергало сомнению общую поступательность европейского развития. Однако и автор этой модели не завел близких отношений с итальянскими социалистами. В целом можно сказать, что русское социалистическое движение, несмотря на живой интерес к итальянскому, не имело с ним тесной связи: возникали только эпизодические непосредственные контакты политэмигрантов.

За исключением кругов Горького и Амфитеатрова, резко выделявшихся своим культурно-политическим размахом, в довоенный период преимущественно люди независимых позиций смогли установить реальные отношения с итальянским миром. Самым блестящим из них был партийный эсер, не без симпатий к анархизму, М.А. Осоргин, прибывший в Италию как последователь Качоровского и ставший образцовым корреспондентом легальных периодических изданий в России³. Увлеченный организатор просветительских поездок учителей в Италию, Осоргин сыграл важную роль и в смычке политэмигрантов с проживавшими в зарубежье соотечественниками: апогей этой деятельности пришелся на 1913 г., когда в Риме состоялся Первый съезд русских политических и экономических организаций в Италии (27–30 марта 1913 г.). Война прервала этот процесс, а также множество многообещающих проектов, в том числе — учреждение

Музея русского освободительного движения и русско-итальянского издательства.

Важнейший поворот в жизни русской эмиграции произошел в 1913 г., когда по случаю 300-летия Дома Романовых в России была объявлена амнистия: Горький и Амфитеатров вернулись на родину. Однако дальнейшая жизнь русской революционной диаспоры была отмечена характерной преемственностью, несмотря на войну, Февральскую и Октябрьскую революции. Изменился, впрочем, ее политический резонанс: в 1917 г. русский микрокосмос впервые вышел на итальянскую политическую арену, при этом решительно пересмотрел свои отношения с ИСП. Диаспора разделилась на две части: одна, остановленная сложностью ситуации в Европе и в России, продолжила свое существование в Италии, другая — сделала попытку репатриации, заняв в новых российских условиях преимущественно антибольшевистскую позицию.

Оставшаяся группа в декабре 1917 г. основала в Риме еженедельник «La Russia», первый собственный орган печати в Италии. Под редакцией Качоровского и симпатизировавшего эсерам философа Б. Яковенко и при финансовой поддержке российского посольства, оставшегося верным А.Ф. Керенскому, «La Russia», не без народнического духа, пропагандировала продолжение войны против Германии на стороне Антанты. Уже в июне 1918 г. два соредатора разделились, и Яковенко предпринял издание «La Russia nuova» с теоретическим приложением «La Russia democratica». Тогда же к нему примкнул ряд представителей контрреволюционной эмиграции. В 1918–1919 гг., вместе с заключительными событиями Гражданской войны, подобный альянс дал трещину, и в Риме наметилось сближение между социалистами и новой советской властью. Таким образом «La Russia nuova», важнейшая трибуна политэмигрантов, требовавших изначально продолжения войны с Германией и устранения большевистского правления, закончила свое существование в 1920 г. как агитационный листок, финансирувавшийся преимущественно просоветской ИСП.

Многие члены второй группы, принявшие участие в Гражданской войне против «красных», но не нашедшие прибежища и у «белых», в итоге тоже вернулись в Италию и в течение

нескольких лет пытались пропагандировать свое кредо в качестве «третьей силы». Среди них особо следует отметить М. Слонима, учившегося до революции во Флорентийском университете, а затем ставшего на родине эсером. После утверждения власти большевиков он вернулся в Италию, где написал ряд ярких очерков мемориально-политического характера, получивших широкий резонанс; впоследствии Слоним прославился как проникновенный литературовед. Еще значительнее фигура Г.И. Шрейдера, выпускавшего во время революции 1905 г. самую влиятельную эсеровскую газету «Сын Отечества». Прожив в Италии, между Римом и Кави-ди-Лаванья, почти десятилетие, с 1906 по 1917 г., по возвращении на родину он был избран городским главой революционного (но дооктябрьского) Петрограда, а после безуспешной попытки организовать общее антибольшевистское сопротивление вернулся в 1919 г. в Италию, где годом позже наладил выпуск еженедельника «La Russia del lavoro», направленного на отмежевание ИСП от Коминтерна⁴.

Преимущество продемонстрировало и другое крыло старой эмиграции. В самом деле, Н.М. Любарский, вышедший из недр российских социал-демократических структур в Италии (он был заведующим русской библиотекой на Капри), стал одним из посланников Коминтерна. Из медиков и технической интеллигенции тех же дореволюционных эмигрантских кругов набирался первый состав дипломатических и торговых представителей советской миссии в Риме.

Однако после революции 1917 г. все значительные попытки эмиграции в Италии организовать как-либо политически в итоге потерпели крах, в отличие от других западноевропейских стран. Среди таких попыток — устроенный некоторыми бывшими сотрудниками «La Russia nuova» в Риме в 1920 г. филиал берлинского издательства «Слово» вместе с книжным магазином: несмотря на обширный каталог, магазин просуществовал всего год. Одновременно прекратил свой выход и «La Russia del lavoro» Шрейдера. Так к 1921–1922 гг. в Италии закончилась организованная жизнь политэмиграции, устремившейся в своем большинстве в иные страны. Даже прибытие в 1924 г. в Соррен-

то М. Горького не смогло оживить некогда бурную деятельность политэмигрантов⁵.

Как же объяснить такое быстрое угасание деятельности русских социалистов-эмигрантов в Италии, в то время как в других странах Западной Европы она развивалась вплоть до Второй мировой войны?

Отчасти подобный процесс был закодирован в политико-культурной замкнутости Италии, однако главная причина крылась в растущей стабилизации советского режима после победы в Гражданской войне, с одной стороны, и углублением кризиса в Италии, приведшего в 1922 г. к победе фашизма, с другой. Италия стала одной из первых стран, где со всей очевидностью бессилие социалистической антисоветской эмиграции перед мифом революции, столь могучим в те годы в европейской культуре, которая в целом была весьма безразлична к советской реальности⁶.

Авторизованный перевод с ит. М.Г. Талалая

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обзор русской политической эмиграции того периода см.: Тамбора А. *Esuli russi in Italia dal 1905 al 1917*. Roma-Bari: Laterza, 1977 (нов. изд.: Soveria Mannelli: Rubbettino, 2002).

² Kolomiez V. *L'emigrazione politica russa a Torino all'inizio del XX Secolo // Democratici e socialisti nel Piemonte dell'Ottocento* / A cura di P. Audenino. Milano: Franco Angeli, 1995. P. 434–439.

³ См. о нем: Becca Pasquinelli A. *La vita e le opinioni di M.A. Osorgin (1878-1942)*. Firenze: La Nuova Italia, 1986.

⁴ Подробнее см.: Garzonio S. *Gregorio Schreider sindaco di Pietroburgo e rivoluzionario russo in Italia // Firenze e San Pietroburgo. Due culture si confrontano e dialogano tra loro*. Firenze: Florence University Press, 2003. P. 53–61; Он же. *Материалы к биографии Г.И. Шрейдера // From the other shore*. 2004. Vol. IV. P. 35–48.

⁵ Гардзонио С. *К изучению русского зарубежья в Италии // Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography*, Stanford: Stanford University Press, 1999. P. 77–101; Он же. *Италия и русская эмиграция в Италии на страницах газеты Вл. Бурцева «Общее дело» // From the other shore*. 2001. Vol. 1. P. 91–128.

⁶ Положения статьи раскрыты также в публикациях автора: Venturi A. *Rivoluzionari russi in Italia 1917–1921*. Milano: Feltrinelli,

1979; I d e m. Una testimonianza sull'emigrazione rivoluzionaria russa in Liguria: E.E. Kolosov // Miscellanea storica ligure, XV. 1984. Vol. II. P. 563-584; I d e m. L'emigrazione socialista russa in Italia, 1917-1921 // Movimento operaio e socialista, X (n.s.). 1987. № 3. P. 269-297; I d e m. L'emigrazione rivoluzionaria russa in Liguria, 1907-1917 // Kandinsky, Vrubel', Jawlensky e gli artisti russi a Genova e nelle Riviere. Passaggio in Liguria / A cura di F. Ragazzi. Milano: Mazzotta, 2001. P. 111-118.

Я.В. ЛЕОНТЬЕВ (*Москва*)

ГРУППА «РУССКИХ БОЛЬШЕВИКОВ» В ИТАЛИИ И ЭМИССАРЫ КОМИНТЕРНА (1917–1922)

Одним из последствий революции в России стало образование в Италии группы сочувствовавших большевикам, которую составили несколько политических эмигрантов. К ним присоединились студенты (или недавние студенты) – выходцы из России. По различным источникам удалось установить следующий персональный состав этой группы: М.Х. Водовозов, А.А. Визнер, А.М. Геллер, Н.Я. Гринфельд, Н.Н. Зедделер, В.А. Кобылянский, А.А. Гольдберг, Б.М. Иофан, М.С. Шефтель, А.Н. Эрлих. Особенность этой группы, в отличие от большинства других политэмигрантских сообществ, заключается в том, что ее участники не торопились возвращаться в революционную Россию. Так как почти все они были членами Итальянской социалистической партии (ИСП), а впоследствии и Коммунистической партии Италии (КПИ), самым активным образом вмешивались во внутривнутриполитическую жизнь приютившей их Италии.

Один из них, будущий советский академик архитектуры Б.М. Иофан, вспоминал: «Перед моими глазами – картины горячих дискуссий в кафе, на улицах Рима весной 1917 г. Спорят мои друзья – римляне: молодые художники, скульпторы, архитекторы, инженеры. Предмет споров – революция в России. <...> Горячо всколыхнули события в России русскую колонию в Риме. Среди посетителей столовой для русских (находилась она на Via delle Colonnate при библиотеке имени Гюголя, где я частенько брал русские книги) были художники, студенты и часть политических эмигрантов. Революция расколола русских на ярых врагов и непоколебимых приверженцев ее. В столовой не затихали

бурные споры о судьбах России. Среди русских революционеров, с которыми я очень сблизился, преобладали большевики, эмигрировавшие из России до Первой мировой войны за границу. Война заставила часть из них уехать в нейтральную тогда Италию. Особенно дружен я был с А. Визнером. В эту группу входили также В. Кобылянский, А. Гольдберг, Н. Зедделер и другие товарищи»¹.

Действительно, ключевую роль в этом сообществе единомышленников играл Арон Абрамович Визнер (1883–1937), родившийся в городе Лодзь в русской Польше. Из его автобиографии, хранящейся в личном деле Визнера в фонде Всесоюзного общества старых большевиков (ВОСБ) в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), узнаем, что его отец был разбогатевшим портным, ставшим домовладельцем. В 1904 г. Визнер окончил шесть классов Лодзинской коммерческой школы и в том же году вошел в контакт с леворадикальной партией «Пролетариат». По его словам, он вел рабочие кружки, но в партию не вступал, так как не разделял ее программу. В конце 1904 г. Визнер отправился в Бельгию, где поступил в Брюссельский университет на факультет социальных наук. Здесь он познакомился с будущим известным чекистом, заместителем Ф.Э. Дзержинского по ВЧК И.С. Уншлихтом и с другими революционерами, принадлежавшими к Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПЛ). Визнер вошел в эту партию и в 1905 г. вернулся в Лодзь, ставший одним из главных центров разворачивавшихся революционных событий. Накануне майской демонстрации он впервые подвергся кратковременному аресту. Затем принял участие в июньском выступлении рабочих в Лодзи, вылившемся в ожесточенные столкновения с войсками. За пропаганду среди солдат он был опять арестован, в тюрьме заболел туберкулезом. Из тюремной больницы его освободили под крупный денежный залог. В 1908 г. из-за преследований Визнер временно скрылся в Германию, но уже в середине 1909 г. вернулся в Польшу. В Варшаве он провел забастовку трамвайщиков и стачку сапожников. Постепенно к нему перешло руководство всей партийной организацией в столице русской Польши. Тяжело заболев, в начале 1911 г. он, однако, снова был вынужден выехать за границу для лечения.

Визнер жил в Италии, Австро-Венгрии (Тироле), Германии (Мюнхене), затем снова в Италии. В своей автобиографии он писал о своем возвращении на Апеннины: «Сейчас же после моего приезда в Италию, в начале 1914 г. я вступил в Итальянскую Соц. Партию и за все время пребывания в этой стране принимал активное участие в ее организации, сперва в Генуе, затем в Турине и в Риме. После февральской революции я пытался, по мере возможности, ознакомить читателей социалистических газет с большевистской платформой. После Октябрьской революции я постоянно снабжал “Аванти” и “Тридо дель Пополе” информацией и статьями о Советской России. В Риме я состоял редактором иностранного отдела официального Бюллетеня Ц.К. Соц. Партии до самого раскола этой партии, т.е. до конца 1920 г. Я присутствовал на съезде Соц. Партии в Ливорно, где произошел раскол, и был на первом учредительном съезде Итальянской Компартии, в которую я автоматически перешел как член комфракции [вписано от руки: *образовавшейся в Ит. Соц. Партии для борьбы за признание 21 пункта (условий) вхождения в Коминтерн. — Я.Л.) и исключения реформистов*]. С 1921 г. по 1922 я работал по поручению представителя Коминтерна в Италии, как организатор и руководитель коммунистического издательства. С апреля 1922 по 1924 г. я состоял на службе в Торгпредстве в Риме, работая в тесной связи с Компартией»².

В дополнениях к автобиографии Визнер сообщил, что после отъезда за границу поддерживал связь с польской социал-демократией через Ф.Э. Дзержинского, а впоследствии, в 1919 г., установил связь с только что созданным Коминтерном через польского коммуниста И. Красного, проживавшего в Вене. В дальнейшем Визнер оказывал помощь эмиссару Коминтерна в Италии В.А. Дегтю. Характерно, что еще до его появления Визнер хорошо сориентировался в борьбе фракций внутри ИСП, заняв сторону Грамши и активно сотрудничая в его журнале «Ордине Нуово» («Il Ordine Nuovo»). После создания КПИ он вошел в ее ряды и был известен в партии под именем Франческо Вольтерра.

Именно Визнер стал главным связующим звеном между бывшей в Италию в 1921 г. советской миссией В.В. Воровского и КПИ. Одновременно он продолжал поддерживать близкие свя-

зи с руководством польской компартии. По поручению ИКП он стал организатором и директором партийного книгоиздательства «Радио». После возвращения в СССР в 1924 г.³ Визнер входил в руководство Международной организации помощи борцам революции (МОПР). Он дважды выезжал в командировки по линии МОПРа в Европу (Германию, Чехословакию, Австрию, Францию и Бельгию), а в октябре 1925 г. получил назначение на должность заместителя заведующего иностранным отделом Главлита. В момент ареста 23 июля 1937 г. он был инспектором Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. В Кремле его участь была предрешена заранее. Менее чем через месяц, 21 августа, решением Военной коллегии Верховного суда Визнер был приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Другим выходцем из России, которому предстояло сыграть большую роль в создании КПИ, был Антон Михайлович Геллер (1893–1935)⁴, более известный как Антонио Киарини (Киярини, Кьярини). Как и Визнер, он приехал в Италию в 1911 г., учился во Флоренции. Однако активной роли в социалистическом движении того времени не играл, что неудивительно, если учесть, что ему тогда исполнилось всего лишь 18 лет. Тем не менее именно Геллер-Киарини стал одним из первых официальных представителей Коминтерна в Италии. Летом 1921 г., во время пребывания в Москве в составе итальянской делегации, он привлекался Политбюро ЦК РКП(б) для литературно-переводческой работы. В конце концов, он также вернулся в СССР, где считался одним из главных экспертов по Италии. В январе 1923 г. он был утвержден заместителем референта Исполкома Коминтерна (ИККИ) по Италии, Испании и Португалии (временным референтом сначала был назначен Н.И. Бухарин, а затем Э. Дженнари)⁵. По решению Оргбюро ЦК РКП(б) в ноябре того же года референтами по Италии значились А. Грамши или У. Террачини, а заместителем все тот же Киарини⁶. Как пример выполнения одного из поручений в качестве эксперта по Италии можно привести его книгу, вышедшую в издательстве ЦК МОПР СССР в серии «Революционное движение в странах капитала»⁷. Геллер-Киарини не дожидаясь начала Большого террора, умер своей смертью и похоронен на привилегированном Новодевичьем кладбище⁸.

Крайне любопытной представляется фигура Владислава Александровича Гольдберга-Кобылянского (ок. 1876–1919). Он родился в Варшаве в дворянской семье. С 14-летнего возраста участвовал в подпольных кружках и затем вступил в леворадикальную партию «Пролетариат», проповедовавшую террористические методы борьбы. За участие в рабочей демонстрации на реке Висла в июне 1893 г. был арестован и после длительного тюремного заключения сослан в город Верхоленск Иркутской губернии. В результате двухнедельной голодовки в тюремном карцере он «заработал» туберкулез. По возвращении из ссылки Кобылянский снова включился в революционную работу, однако болезнь заставила его в 1902 г. поселиться в Италии. В пансионе в Нерви, где останавливались русские, он познакомился с М.А. Мейн, женой известного историка и собирателя древностей И.В. Цветаева, и ее двумя дочерьми — Анастасией и Мариной. Как вспоминала А.И. Цветаева, у ее матери начался бурный роман с Кобылянским⁹. Сохранилась фотография, на обороте которой рукой мемуаристки сделана надпись: «Италия, Нерви (под Генуей) 1903 г. Марине 10 ½ лет, мне 8 ½. С нами наш старший друг, царский эмигрант Владислав Александрович Кобылянский».

Товарищ Гольдберга-Кобылянского по сибирской ссылке И. Антокольский вспоминал о том, что Владек (как называли Кобылянского близкие люди) писал рассказы из собственной жизни. В частности, он художественно изложил историю своего заключения и болезни. «Я видел у него печатный перевод этого рассказа на итальянском языке, — писал Антокольский. — Незадолго до смерти он читал мне другое свое произведение, где в прекрасной поэтической форме изображены муки революционера, прикованного неизлечимым недугом к кровати. Смутно припоминаются мне и рукописи его, посвященные общественной жизни Италии и научному исследованию о Франциске Ассизском»¹⁰.

В отличие от своих товарищей по итальянской эмиграции Кобылянский вернулся в Россию в 1917 г. По состоянию здоровья поселился в Крыму. Занимая в Италии позицию, схожую с большевиками, в России он, однако, первоначально присоединился не к ленинцам, а к меньшевикам-интернационалистам. По ключевым вопросам революции все же поддерживал большевиков и писал для их газет в Симферополе, Севастополе и Ялте. Кобы-

лянский стоял у истоков «Ялтинской газеты» и «Таврической правды», а затем занял пост комиссара по просвещению в советском правительстве в Крыму. После занятия Ялты немцами весной 1918 г. он перебрался в Москву. Здесь и скончался 25 марта 1919 г., вскоре после учредительного конгресса Коминтерна, и похоронен на Ваганьковском кладбище.

В браке с Ольгой Лунц у него родился сын Казимир Владиславович Кобылянский (1909–1993), оставшийся жить в Италии. В 1920-е гг. он был членом фракции III Интернационала Федерации социалистической молодежи Рима. Начиная с 1924 г. подвизался в качестве переводчика в аппарате Коминтерна и Профинтерна. По-видимому, он был одним из кураторов деятельности Федерации коммунистической молодежи Италии. Впоследствии участвовал в Гражданской войне в Испании, был награжден орденом Красного Знамени, а позже преподавал в Институте иностранных языков в Москве. В 1968 г. в издательстве «Мысль» Казимир Кобылянский выпустил книгу «Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921)».

Помимо самого Владислава Кобылянского в группе «русских большевиков» в Италии участвовал его брат (предположительно двоюродный или сводный) Адольф Львович Гольдберг.

К числу старых революционеров принадлежали такие участники группы, как Н.Я. Гринфельд и М.С. Шефтель. Натан Яковлевич Гринфельд (1884–1938) был уроженцем Кишинева, сыном частного поверенного и присяжного стряпчего. Образование получил в народном и городском 3-классном училище (последнее окончил в 1898 г.). В подростковом возрасте работал слесарем в механической мастерской, подмастерьем на электростанции. В 1899 г. продолжил специальное образование в слесарно-механическом отделении ремесленно-технического училища «Труд» в Одессе. В это время начинаются его контакты с социал-демократами, и в дальнейшем Гринфельд вступает в РСДРП. Ввиду угрозы ареста за участие в рабочем движении ему пришлось бежать в Америку. В конце 1904 г. он нелегально вернулся в Россию. Из его анкет и автобиографии, написанных при вступлении в Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (ОПК), узнаем, что после приезда в Одессу Гринфельд вместе с несколькими левыми эсдеками и анархистами участвовал в организации «не-

большой группы полубольшевистского-полуанархического характера». Группа начала создавать типографию, собирать оружие, устраивать лабораторию для изготовления бомб. Однако вскоре ее деятельность была прервана полицией. 28 апреля 1905 г. Гринфельд был арестован. За принадлежность к «анархо-коммунистической боевой группе» 13 января 1906 г. Военно-окружной суд осудил его на четыре года каторжных работ. Гринфельд отбывал каторгу в Акатуйской тюрьме в Забайкалье вместе с Г.А. Гершуни, Е.С. Созоновым, М.А. Спиридоновой и другими особо опасными террористами. Выйдя на поселение в Баргузин, он бежал за границу.

Добравшись до Италии, Гринфельд поселился в местечке Кави-ди-Лаванья близ Генуи, где проживала группа эмигрантов, в основном эсеровского толка (среди них, в частности, были писатель и журналист М.А. Осоргин (Ильин), также бежавший с поселения в Баргузине начинающий писатель А. (Юлий Михайлович) Соболев, известный эсеровский публицист и исследователь творчества Н.К. Михайловского Е.Е. Колосов, беглый каторжанин-террорист П.К. Сидорчук и др.). Позднее Гринфельд перебрался в Милан. Об этом периоде своей жизни он вспоминал: «В 1914 году уже в Италии я вступил в группу “Аванти”, ведущую большую противоянную пропаганду. На этой почве я стал интернационалистом, а затем и близко вошел в левое крыло социалистической партии, через которую я попал в итальянскую коммунистическую партию, а затем и в РКП и ВКП(б)». В отношении послереволюционного периода он писал: «С 1917–1919 годы занимался большевистской советской пропагандой. Подполье. В Италии связь с итальянской социалистической партией и сотрудничество в ЦО (Центральном Органе. — Я.Л.) итальянской социалистической партии “Аванти”»¹¹.

В дальнейшем, в 1920–1921 гг., Гринфельд был сотрудником итальянского отделения Советско-британского кооперативного общества АРКОС, созданного Л.Б. Красиным, а затем стал сотрудником советской Российской экономической делегации¹² в Риме. В 1922 г. его отозвали с этой работы и направили для организации приема делегации Чичерина в Геную. После окончания конференции Гринфельд был откомандирован в распоряжение Наркомвнешторга и НКИД. В качестве специального кор-

респондента «Известий» освещал работу Лозаннской конференции под псевдонимом Н. Зеленопольский. В 1923 г. он получил назначение на пост секретаря наркома внешней торговли Л.Б. Красина. Одновременно в 1924 г. исполнял обязанности секретаря полпреда и торгпреда во Франции. С апреля 1925 г. Гринфельд являлся уполномоченным Совкино во Франции, Англии, Италии и Испании. Впоследствии был членом правления Совкино и Союзкино, директором Ленинградской кинофабрики Союзтехфильм. После самоубийства 7 апреля 1925 г. Андрея Соболя (товарища по эмиграции в Италии) Гринфельд усыновил его сына. В 1938 г. Гринфельд постигла участь подавляющего большинства бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Его фамилия оказалась в списке лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда по Ленинградской области, который был завизирован лично И.В. Сталиным.

Другой активный большевик с дореволюционным стажем Марк (Маркус) Соломонович Шефтель (1889-?) происходил из семьи богатого таганрогского купца. Достаток отца позволил ему поступить не в обыкновенную провинциальную гимназию, а во 2-ю харьковскую. По окончании гимназии он поступил на естественный факультет Харьковского университета, где прослушал три курса. Несмотря на свое еврейское происхождение, хорошо обеспеченный Шефтель мог сделать достойную карьеру, однако, как и многие его сверстники, предпочел иной выбор. Еще в старших классах гимназии он стал марксистом и затем присоединился к Харьковской военной организации социал-демократов. В 1905 г. он участвовал в подготовке восстания рабочих на заводе Гельферих-Заде. В последующем Шефтель продолжал заниматься конспиративной военно-революционной деятельностью и стал секретарем военной организации.

Когда он первый раз попал в тюрьму и над ним начали сгущаться тучи, состоятельные родственники внесли большой денежный залог, после чего Шефтель немедленно покинул Россию. Некоторое время он прожил в Вене и в Льеже, а затем решил вернуться в Харьков. Но его не оставили в покое и привлекли к суду по делу вооруженного восстания трехлетней давности. Дело разбирала выездная сессия Киевского военно-окружного суда. Судебное разбирательство затянулось, так как в

это время была раскрыта подпольная деятельность военно-революционной организации. Шефтелю снова удалось бежать из России — на этот раз в Женеву. Однако он почему-то не захотел остаться в эмиграции и спустя непродолжительное время вернулся обратно. Возможно, надеялся, что его роль в организации не будет раскрыта. Надежды Шефтеля оказались тщетны. Харьковской судебной палатой он был вторично привлечен к суду, и, в конце концов, сослан на поселение с лишением всех прав. Так он оказался в Иркутской губернии. Однако довольно скоро опытный конспиратор совершил благополучный побег из ссылки в Европу.

На сей раз он решил продолжить образование. В течение двух лет Шефтель изучал юриспруденцию в Париже. Затем переехал в Рим, где успешно прошел университетский медицинский курс. В 1917 г. Шефтель становится одним из самых заметных персон русской колонии в Риме. Для начала он вместе с двумя эсерами-эмигрантами — В.Д. Шебедевым и К.М. Кетовым¹³ — организовал Комитет помощи русским политэмигрантам в Италии. С ними же Шефтель занялся созданием в Риме Бюро русской печати. Когда в Рим приехал комиссар Временного правительства С.Г. Сватиков, выполнявший специальную миссию по разбору архивов агентства Департамента полиции и ликвидации его структуры в европейских странах, Шефтель, судя по всему, помогал ему. Позднее он вступил в контакт с посланцами Коминтерна. По данным историка А. Вентури, в 1920 г. Шефтель сопровождал делегацию итальянских социалистов на II конгресс Коминтерна. Туда же вместе с ними отправились Д.С. Ридель, Н.М. Любарский-Николини и А.М. Геллер-Киарини.¹⁴ Обратившись в Италию Шефтель вернулся в качестве уполномоченного Российского общества Красного креста и Наркомата здравоохранения. На этих должностях он работал до 1924 г. Одновременно его привлекала в качестве переводчика миссия Воровского.

Приведем два полярных отзыва о деятельности Шефтеля. Первый принадлежит римскому корреспонденту антибольшевистской газеты «Общее дело», выходящей под редакцией В.Л. Бурцева в Париже, М.К. Первухину: «Немедленно по приезде в Италию воровская миссия с разрешения правительства “кооптировала” доктора Шефтеля в качестве переводчика. Не за-

будьте, что воровская миссия занимается здесь коммерческими делами в большевистском стиле. Заключает сделки на десятки миллионов. Не забудьте, что “переводчик” чисто механически играет роль “посредника”, что и он автоматически занимается коммерческими операциями, а не медицинской практикой...».

По отзыву же народного комиссара здравоохранения З.П. Соловьева, Шефтель «в своей работе обнаружил энергию, настойчивость и умение установить надлежащие отношения с итальянским правительством, Красным Крестом и Ватиканом»¹⁵. Когда 6 декабря 1924 г., находясь в Риме, Шефтель заполнял бланк стандартного личного листка ответственного работника, он обмолвился, что помимо «санитарно-политической работы» выполнял и «отдельные поручения при полпредстве». В том же листке он указывал в графе о партийной принадлежности: «Зарегистрирован в Иткомпартии с момента ее образования. Сохранил партбилеты 22 г. за № 22231, за 23 г. — 3599. В 24 г. должен был зарегистрироваться в ВКП(б) по указанию ЦК ИтКП, но это сделать можно только в Москве лично. Сообщение ЦК ИтКП 8/V — 24 г. № 2361.3.»¹⁶.

В чем же проявлялась эта пресловутая «санитарно-политическая» работа? Про нее можно узнать из упомянутой выше газетной статьи Первухина. По словам журналиста, летом 1921 г. Шефтель вместе с другим русским — доктором Тихменевым — выступили на проходившем в Риме конгрессе больных туберкулезом инвалидов: «Во время своего выступления Шефтель активно хвалил постановку медицинского дела в Советской России и открыто вводил в заблуждение итальянцев выдумками о превосходном здоровье российского населения <...> Это было как раз в то самое время, когда чудовищный голод в Поволжье достиг невиданных размахов, вплоть до многочисленных случаев людоедства»¹⁷.

Как сообщил нам С. Гардзонио, в мае 1925 г. корреспондент газеты «Новое время» М. Борецкий обвинял Шефтеля (как и скульптора М.И. Каца (1887–1964), жившего в Италии с 1916 г.) в работе на большевиков. (Кстати, именно Кац стал автором выполненного в импрессионистской манере памятника В.В. Воровскому в Москве, открытого в первую годовщину гибели советского полпреда¹⁸.)

Вернувшись в том же 1925 г. в СССР, Шефтель был назначен заведующим бюро заграничной информации в Наркомате здравоохранения. В начале 1928 г. его перевели на работу в качестве представителя этого наркомата в США. На этом информация о деятельности Шефтеля обрывается: его дальнейшую судьбу по партийным документам проследить не удалось.

Прежде чем продолжить рассказ об активистах так называемой группы «русских большевиков» в Италии, стоило бы подробнее остановиться на фигурах первых посланцев Коминтерна на Апеннинском полуострове. 8 августа 1920 г. Малое бюро Исполкома Коминтерна (ИККИ) назначило в качестве официальных представителей в романские страны (Франция, Италия, Бельгия, Испания, Португалия и французская Швейцария) А.Е. Абрамовича, А.М. Геллера и Н.М. Любарского. Однако, судя по всему, первым неофициальным эмиссаром Коминтерна, прибывшим в Италию из Германии еще в 1919 г., был Николай (Ной) Маркович Любарский (1887–1938). Руководство ИСП знало его под именем Никколини, а свои донесения Коминтерну он подписывал «товарищ Карло».

Любарский родился в Одессе в семье купца. Он также начинал свою революционную деятельность в качестве анархиста-коммуниста, дважды арестовывался и побывал в ссылке. В 1908 г. эмигрировал в Европу и первоначально поселился в Женеве. Помимо журналистской деятельности ему приходилось зарабатывать на жизнь работой электромонтера. В эмиграции он присоединился к меньшевикам-партийцам во главе с Г.В. Плехановым, противопоставлявшим себя ликвидаторам, с одной стороны, и ультралевым большевикам из группы А.А. Богданова, с другой. К этой же группировке, кстати, принадлежал и будущий дипломат Н.И. Иорданский, с именем которого связано подписание торгового договора между Италией и СССР с последующим признанием Римом Советского Союза де-юре. Внутри РСДРП в это время «плехановцы» активно сотрудничали с ленинцами. Под псевдонимом И. Ларский Любарский начал публиковаться в легальной большевистской газете «Звезда», выходившей в Петербурге.

Во время эмиграции он, помимо Швейцарии, жил также в Бельгии, Франции и Северной Америке, а в 1913 г. приехал для

партийной учебы в Италию, где с 1911 г. жила его жена Елена Викторовна Любарская, урожденная баронесса Шульц. Первое время Любарский с женой были гостями на вилле Максима Горького на Капри¹⁹. В дальнейшем они решили поселиться на острове и начали принимать активное участие в жизни русской колонии. Любарский становится управляющим эмигрантской библиотекой. В Италии он продолжал выступать в печати в качестве публициста, тесно сотрудничая с левым журналистом У. Дзаннотти-Бьянко. В 1914 г. Любарский принял участие в XIV конгрессе ИСП в Анконе, о чем опубликовал обзор в журнале «Просвещение» под псевдонимом Н. Соломонов. Любарский изучал экономическую жизнь и итальянское рабочее движение и собирался даже издавать русский альманах, предложив в нем сотрудничество А.В. Луначарскому и Г.А. Алексинскому. Однако начавшаяся война нарушила его планы.

Во время войны сторонники Плеханова сделали «революционными оборонцами». Возможно, именно этой позицией было обусловлено добровольное возвращение Любарского в Россию в 1916 г. (жена с родившейся в Италии дочерью Викторией осталась на Капри). По другим сведениям, он вернулся на родину лишь после Февральской революции, подобно десяткам других эмигрантов. Так как добираться ему пришлось из Америки, он некоторое время жил на Дальнем Востоке (во Владивостоке и Хабаровске), где редактировал газету «Красное знамя». Любарского избрали членом Владивостокского Совдепа и секретарем Городской думы. Здесь же он сделал выбор в пользу большевиков.

После прихода ленинцев к власти начинается дипломатическая карьера Любарского. Некоторое время он был комиссаром по иностранным делам Дальневосточного правительственного комитета, а затем, 17 мая 1918 г., его послали в Швейцарию в качестве секретаря советской дипломатической миссии под руководством Я.А. Берзина. После того как миссия обосновалась в Берне, Любарский стал чем-то вроде эксперта по Италии. Через Ф. Мизиано, находившегося тогда в Швейцарии, ему удалось установить контакты с «Аванти». Главная задача Любарского заключалась в организации канала по отправке агитационной литературы в Италию. Мизиано же он заказывал статьи для «Прав

ды» в Москву. Итальянская контрразведывательная служба достаточно быстро установила, откуда и от кого исходит опасность государственному строю. В архивах сохранился рапорт, датированный 21 октября 1918 г.: «Большевистская организация, созданная этой Делегацией Республики Советов, направлена почти исключительно против Италии: работа направлена главным образом против нашей страны в надежде, что это может быстро привести к ощутимым результатам. Главой этой большевистской организации является, как видно, сеньор Любарский, секретарь упомянутой Делегации, который отлично говорит по-итальянски»²⁰. Уже в конце 1918 г. вместе с остальными членами миссии Любарский был выдворен из Швейцарии федеральными властями.

В начале 1919 г. он выступил в качестве одного из организаторов подготовки и проведения учредительного конгресса Коминтерна. После его окончания Любарский вошел в состав Западно-европейского секретариата Коминтерна и выехал в Берлин, где через его руки проходили немалые суммы денег²¹. Переместившись из Германии в Италию, он находился здесь с перерывами более года. Любарский часто публиковался в «Аванти» и других социалистических органах под псевдонимами С. Niccolini, С. N., С. Nicolskij. В начале октября 1919 г. он принял участие в XVI конгрессе ИСП в Болонье. Присутствовал он и на заседаниях руководства партии в Милане и в Имоле. Любарский-Никколини внимательно следил за фракционными разногласиями внутри ИСП и посылал в Москву подробные доклады. Один из них, написанный в апреле 1921 г., был опубликован Отделом печати Коминтерна. По своей стилистике он больше всего напоминает политический донос, острие которого было направлено против «оппортунистов» (реформистов) и «объединенцев» (серратианцев). Этот доклад — свидетельство беспринципности Любарского, жившего в начале 1920 г. в доме Серрати в Милане²².

Доклад начинался со справок о съезде партии в Болонье в 1919 г., пленуме в Милане и подробного анализа статей и речей Джачинто Менотти Серратти. Приведу наиболее характерный фрагмент этого 70-страничного доклада: «Незадолго до Ливорнского съезда имело место заседание Ц.К. Коммунистической фракции, где произведена была вся подготовительная работа

к съезду, обсуждена новая программа и тактика, какой следует держаться на самом съезде.

Нужно еще раз подчеркнуть, что не было и нет никаких оснований утверждать, что, мол, непримиримость коммунистов привела к расколу. Дело-то как раз обратное. Итальянские коммунисты никогда не ставили вопроса об исключении реформистов и Серратти с его группой, а *только первых*. И это, несмотря на всю позорную кампанию, которую лидер центра и его клика повели против коммунистов вообще и против Коминтерна в частности. Во время дискуссии и съездовской кампании реформисты снимали в ряде мест свою резолюцию (Триест, Палермо и др.) и голосовали дружно с “объединенцами”: *образовался блок против коммунистов*. И, несмотря на это, если бы “объединенцы” согласились исключить реформистов, то раскол произошел бы только направо. *В том-то и дело, что раскол налево сознательно проводил Серратти*. Группа Грациадеи–Марабини, поставившая себе задачу объединения коммунистов, встретила и до съезда, и во время него упрямое сопротивление со стороны г. Серратти. *Все предложения Грациадеи были им отвергнуты*, хотя он прекрасно знал, что формула Грациадеи могла бы явиться основой соглашения всех коммунистических элементов с исключением реформистов. Когда на съезде, после речи Террачини, поднялся Баратоно и заявил, что, мол, “объединенцы, за исключением тех, кто против III Интернационала”, у многих затеплилась надежда, что, наконец-то, или обозначился раскол у “социал-коммунистов”, или они целиком пойдут на объединение с коммунистами. Но это, конечно, была горькая иллюзия: на фракционном заседании “объединенцев” Серратти задал Баратоно хорошую головоломку и все успокоилось.

Съезд прошел в небывало тяжелой атмосфере, созданной Серратиановскими молодцами. Это был не съезд, а какое-то неприличное собрание обалдевших и озлобленных людей. “Объединенцы” потрясали портмоне, орали о русском золоте, когда говорили коммунисты, пустили голубя во время речи Кебакчиева (которого называли Папачев, папский посланник) и вообще ему не давали говорить. Не обошлось во всей этой вакханалии без чьей-то предупредительной руки и организации, до того несомненно гнусным было поведение большинства съезда. Пред-

ставьте себе следующий великолепный аргумент в устах лидера “объединенцев” г. Серратти против одного безупречного и энергичнейшего итальянского коммуниста: “ты хочешь сделать революцию с шансонетными русскими певицами”. Нужно знать моральный и духовный облик большинства итальянских бюрократов из профес. союзов и других рабочих организаций, чтобы представить себе, какой эффект производит подобная низость. Конечно, длинную, прекрасную в теоретическом отношении речь Кебакчиева или кого-нибудь другого трудно этой публике выслушать, а короб сплетен — это подавай. И такой склочнической речью было выступление Серратти. Тут и “Daily Herald”, которому будто бы Коминтерн дал денег, тут и вся дирекция франц. соц. партии из масонов и экспатриотов, и т.д., и т.п. <...>²³.

По мнению Любарского, «весь съезд был триумфом Туррати, которому давно уже не приходилось получать такие овации, какие он получил на этом съезде; его речь и была программой, потому что никому другому из “объединенцев” не пришлось в голову грамотно изложить будущую программу и тактику. Понятно, что название “социал-коммунисты” было брошено <...>. Лучше всего характеризовали этот съезд буржуазные газеты: *Конец революции и начало просветления*. Да, так оно в действительности и было. На Ливорнском съезде произведен был пересмотр болонской программы, и вся дальнейшая деятельность социал-партии подтверждает это мнение»²⁴.

А.И. Балабанова в своих мемуарах охарактеризовала занятую Любарским позицию по отношению к Серратти как «поведение настоящего Каина». Она писала: «Серратти пригласил его в свой дом, пустил его к своему очагу, обходился с ним больше чем с другом — как с братом, и информировал его обо всем»²⁵. Любарский же «отблагодарил» его доносами в Коминтерн к Зиновьеву²⁶. Впрочем, Карло Никolini (как был подписан цитировавшийся доклад) лично почти не вмешивался во фракционную борьбу, предпочитая роль серого кардинала и ограничиваясь финансовой поддержкой левых групп.

После Италии Любарский выполнял аналогичную миссию эмиссара Коминтерна в Чехословакии. Однако по возвращении в Россию в июле 1922 г. его ожидало неприятное разбирательство о растраченных им средствах. Об этом свидетельствует перепис-

ка между И.В. Сталиным, Г.Е. Зиновьевым (председатель ИККИ), М.М. Литвиновым (зам. наркома иностранных дел) и О.А. Пятницким, который заведовал валютной кассой Коминтерна. Как выяснилось, из 750 тыс. лир, полученных Любарским для передачи Компартии Италии, он передал ей лишь 288 тыс. лир, куда-то истратив 124 тыс. да еще 487 чешских крон, крупную сумму в английских фунтах и т.д. Ко всему прочему, уезжая из Италии, Любарский оставил своей жене 150 тыс. лир, не поставив никого в известность. «Я считаю, что он эту сумму скрыл от ИККИ», — заявлял Пятницкий²⁷. Литвинов предложил объявить Любарскому выговор, а Пятницкий — отстранить от должности уполномоченного НКВД в Монголии, связанной с расходом иностранной валюты. Не сразу, но своего он добился: в 1923 г. Любарский и вовсе был исключен из партии с формулировкой «за некоммунистические поступки»²⁸. Впоследствии в течение нескольких лет он работал в Центральной кооперации в Москве и, наконец, с 1929 по 1936 г. заведовал редакционно-издательским отделом Международного аграрного института при Исполкоме Коминтерна. В 1938 г. Любарский был арестован и умер в лагере в Воркуте.

Вернемся к вопросу о финансировании КПИ. На заседании Малого бюро ИККИ в Петрограде 5 апреля 1921 г. под председательством Г.Е. Зиновьева были приняты постановление об ассигновании «через т. Карло КПИ 2 млн. лир»²⁹. Заодно через него ассигновалось в распоряжение Ж. Эмбер-Дроза (один из трех секретарей ИККИ) 100 тыс. швейцарских франков. Карло также поручалось «позаботиться» о присылке на очередной конгресс Коминтерна делегатов от Италии, Франции, Испании и Швейцарии. Когда в сентябре 1921 г. постановлением Политбюро ЦК РКП(б) была создана бюджетная комиссия Исполкома Коминтерна, в ее состав вошли Г.Е. Зиновьев, А.А. Сольц, В.М. Молотов. Вскоре ключевую роль в работе комиссии стал играть Пятницкий. Итальянская компартия продолжала щедро финансироваться Москвой. Так, из протокола комиссии, заседавшей в марте 1922 г., видно, что ее бюджет был определен в 360 842 золотых рубля, или 4 млн. 306 тыс. лир. Это хотя и было меньше, чем бюджет Компартии Германии (446 592 золотых рубля), однако больше, чем бюджет компартий Франции (100 тыс.) и Англии (200 тыс.), вместе взятых.

Недавно в составе личного фонда Л. Д. Троцкого в РГАСПИ обнаружилась выписка из письма А. Киарини на имя О. А. Пятницкого от 25 июня 1922 г.:

«Уважаемый товарищ Пятницкий.

Получил Ваше письмо от 17.6 (№ 1197). Бордига мне говорил о своих попытках увеличить смету Компартии и о том, что Вы его отослали к гг. Зиновьеву и Троцкому. Он просил увеличить смету на миллион лир и тов. Троцкий будто пообещал поинтересоваться в этом смысле, и теперь написал еще письмо тов. Троцкому, напоминая об этом. Я думаю, что если Вы нам вышлете на четвертую четверть сметы на месяц раньше, т. е. к началу сентября, увеличив на двести тысяч лир, то этого хватит, чтобы закончить год, не пожертвовав одной из газет и сохранив всю остальную работу.

Режим экономии оказался очень полезным, увеличив напряжение партии, и также более серьезного отношения к делу, увеличилась подписка, сократились администрации, кое-что даст также коммунистический займ»³⁰.

А. Балабанова считала, что Геллер-Киарини наряду с Любарским несет ответственность за «заговор» Москвы против Серрати. Она знала, что говорила. С Киарини ей пришлось близко иметь дело летом 1921 г., после того как 18 июня 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) направило ей письмо с инструкциями, заканчивавшееся следующими «ценными указаниями»:

«5. Тов. Геллер, присланный сюда *нашим уполномоченным* (курсив мой. — Я. Л.) т. Любарским, заслуживает полнейшего доверия. Политбюро считает его одним из представителей нашего Ц.К. (вместе с Вами) при итальянской делегации. Ваша задача должна заключаться в том, чтобы помочь ему во всех отношениях выполнить эту задачу.

6. Тов. Геллеру Политбюро поручило собрать из итальянской печати цитаты против Турати и других реформистов, а также вообще подобрать весь необходимый материал. Политбюро просит Вас оказать и в этом отношении полное содействие.

7. Настоящие указания являются прямой директивой Вам, как члену нашей партии»³¹.

Однако к тому моменту Геллер и Любарский не были единственными глазами и ушами Кремля в Италии. Еще в начале 1920 г.

туда из Одессы прибыли трое новых представителей Коминтерна: Д.С. Ридель, Е.К. Соколовская и В.А. Деготь (Дёготь). Предыстория их появления в Италии такова. Накануне захвата белыми Одессы местное отделение Отдела международной пропаганды (ОМП), где в то время работала эта троица, получило радиограмму от Исполкома Коминтерна, в которой им предлагалось уйти в подполье, а затем по мере возможности выехать за границу на нелегальную работу — в Румынию, Болгарию, Турцию, Италию и Францию. Таким образом, в декабре 1919 г. ответственный секретарь ОМП Ридель вместе или порознь с Соколовской и отдельно от них Деготь покидают Одессу и после краткого пребывания в Турции попадают в Италию. Как писал потом Ридель в автобиографии: «Не встретив в Риме особого гостеприимства и товарищеского отношения со стороны реформистских вождей итальянской социалистической партии, хотя последняя формально считалась секцией Коминтерна, я переехал на некоторое время во Флоренцию, где связался с местной организацией и студенческой группой, а затем по предложению Туринских товарищей выехал в Турин. В индустриальном Турине я в лице гг. Грамши, Террачини, Толиати (Тольятти. — *Я.Л.*) и др. нашел действительный эмбрион будущей компартии Италии. Совместно с этой группой, нынешними вождями Ит. Компартии, работал в туринской организации, помещал статьи за подписью Д.Р. в туринском коммунистическом органе “Ордине Нуово” <...>»³². Там же коминтерновец, живший в Италии по паспорту на имя Риделини, участвовал в знаменитой Пьемонтской забастовке. Как видим, в отличие от Любарского, Ридель со своими спутниками сразу же окунулся в стихию межфракционной борьбы итальянских социалистов, определив в качестве своих фаворитов Грамши и руководимую им туринскую группу.

Даниил Семенович Ридель (1884–1933) впоследствии еще несколько раз возвращался в Италию, совмещая работу дипломата с нелегальной деятельностью агента Коминтерна. Он родился в Бессарабии в мещанской еврейской семье. Его отец был коммивояжером по продаже сельскохозяйственных машин. В 15-летнем возрасте Ридель окончил городское училище в Кишиневе. Еще во время учебы он начал принимать участие в работе революционного кружка. Год спустя впервые угодил в полицейский

участок за участие в демонстрации, а затем, как он сообщал в автобиографии, в 1901 г. вместе со своим кружком присоединился к РСДРП (правда, партстаж ему зачли с 1903 г.). Ридель с самого начала примыкал к «искровцам», что позволило ему впоследствии вступить в ВОСБ. Он стал членом Кишиневского комитета партии, в начале 1904 г. был арестован и провел за решеткой несколько месяцев. После освобождения, будучи под надзором полиции, устроился на работу наборщиком в типографию газеты «Бессарабская жизнь». С его помощью кишиневские большевики организовали подпольную типографию, выпустили листовку о событиях «Кровавого воскресенья». После увольнения Ридель выехал в Одессу, где продолжил революционную деятельность. Вместе с другими членами Одесской организации РСДРП он был отдан под суд, но оправдан, после чего перешел на нелегальное положение. В конце концов, его снова арестовали и выслали в Бессарабию для опознания, однако ему опять удалось избежать наказания — на сей раз откупиться за взятку. В 1910 г. через Одессу он выехал за границу. В эмиграции жил сначала в Вене, а затем преимущественно в Париже. Здесь Ридель вступил во Французскую социалистическую партию, одновременно участвуя в парижской секции большевиков.

После возвращения в Россию в 1917 г. Ридель был делегирован большевистским ЦК в Одессу. Работал в международном секретариате местного Совдепа, организовывал военнопленных в красногвардейские отряды, участвовал в боях с гайдамаками и т. д. В сентябре 1918 г. выехал в Москву для работы в ОМП при НКВД. Как и Любарский, Ридель участвовал в I конгрессе Коминтерна, после чего отправился вместе с французским офицером-коммунистом Ж. Садулем на Южный фронт для руководства ОМП. После занятия красными войсками Одессы Ридель организовал здесь отделение ОМП, где вместе с ним работали Ж. Садуль, М. Бужор, В.А. Деготь и другие коминтерновцы.

Отправившись из Италии в Москву в июне 1920 г. на II конгресс Коминтерна, именно Ридель (ни один из «ординувистов» не был включен в состав делегации), по поручению Грамши, доставил В.И. Ленину доклад туринской секции ИСП «За обновление социалистической партии». Как известно, в составленных Лениным на II конгрессе тезисах «Об основных задачах Комин-

терна» содержалась одобрительная оценка этого доклада: «По отношению к Итальянской социалистической партии II конгресс III Интернационала находит в основе своей правильной ту критику этой партии и те практические предложения, которые изложены <...> от имени Туринской секции этой партии в журнале “Новый порядок” <...> и которые вполне соответствуют всем основным принципам III Интернационала»³³.

В 1924 г. Ридель вновь прибыл в Италию в качестве первого секретаря советского полпредства. Затем в 1926 г. в той же должности работал в Греции, а в 1927 г. — в Дании. С февраля 1928 г. он снова находился в Италии, занимая пост генерального консула в Генуе. Как подчеркивал Ридель в своей автобиографии, «за время моей работы за границей вплоть до 1925 года я поддерживал тесную связь с местными компартиями по особым заданиям»³⁴. В 1930 г. он вступил в конфликт с торгпредством, настаивая на переводе всех экспортных отделов из Милана в Геную. Выездной тройкой Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ВКП(б) ему был объявлен выговор за «склоку». Риделю пришлось возвращаться в СССР. Некоторое время он заведовал отделом кадров в Центральном коммунальном банке, а с 1932 г. по день смерти 25 октября 1933 г. был ответственным секретарем советского бюро Интернационала моряков.

Вместе с Риделем в начале 1920 г. из Одессы в Италию прибыла и Елена Кирилловна (Софья Ивановна) Соколовская (1894–1938), известная по деятельности в ОМП как Светлова³⁵. Она родилась в дворянской семье в Одессе, где ее отец был присяжным поверенным при Одесском судебном округе, а мать служила на бактериологической станции. В 1903 г. семья переехала в Чернигов. Еще во время учебы в гимназии юная Соколовская участвовала в ученическом революционном кружке, а когда поступила на женские курсы в Петербурге, вошла в состав объединенного студенческого комитета. В 1915 г. вступила в РСДРП. В годы Гражданской войны на Украине находилась сначала в Чернигове в качестве председателя Совдепа, затем — в Киеве, где исполняла обязанности секретаря губернского ревкома. В период присутствия в Одессе войск Антанты, с ноября 1918 г. по апрель 1919 г., а потом с августа по декабрь 1919 г., когда город занимали денкинцы, Соколовская была секретарем подпольного

Одесского обкома компартии Украины и одним из организаторов легендарной «Иностранной коллегии»³⁶.

В Италии Соколовская пробыла не так долго, как другие. Вскоре руководство Коминтерна перевело ее во Францию, а после возвращения в Советскую Россию она к коминтерновской работе больше не привлекалась. В 1930-е гг. была заместителем директора по художественной части «Мосфильма». 12 декабря 1937 г. ее арестовали вместе с мужем, бывшим наркомом земледелия времен коллективизации Я.А. Яковлевым-Эпштейном, и затем приговорили к расстрелу. О деятельности Соколовской в Италии известно немного. Но один яркий документ говорит сам за себя. Об обстоятельствах его появления поведал на страницах своих мемуаров ее соратник В.А. Деготь: «Когда, я помню, в 1920 году был съезд социалистической партии³⁷, мне нельзя было выступать на нем, потому что всюду начинались разговоры о том, что здесь находится представитель Коминтерна и т. д. Я и Елена Соколовская долго обсуждали этот вопрос. В результате решили не выступать на съезде устно, а написали письмо, которое было напечатано в центральном органе и то только под давлением Бомбаччи и других членов Центрального комитета партии, так как Сератти не хотел его напечатать».

В их обращении («Воззвании представителей Коминтерна к ИСП»), в частности, говорилось:

«Товарищи!

Не имея возможности непосредственно общаться с вами, делаем это письменно.

От имени III Коммунистического Интернационала, объединяющего революционный пролетариат всего мира, во имя русского пролетариата и Красной армии, которая героически отстояла крепость революции — Русскую Советскую Республику — от нападения всемирного капитала и которая в настоящее время побеждает на всех фронтах, — во имя их приветствуем Итальянскую социалистическую партию — авангард революционного пролетариата Италии: приветствуем ее за ее борьбу за освобождение трудящихся масс, за коммунизм и за ее борьбу против парламентаризма и за власть советов.

Выражаем свое глубокое убеждение, что рабочие и крестьяне Италии будут стойко и неумолимо продолжать борьбу за осво-

бождение трудящихся и за организацию Советской Социалистической Республики в Италии и во всем мире. <...>

Итальянская социалистическая партия <...> заявив о своем согласии вступить в III Интернационал, этим самым сделала первый шаг к объединению с революционным пролетариатом России и всех стран, борющихся за победу коммунизма.

И вторым шагом должно быть: открыто назвать себя Коммунистической партией и решительно порвать с теми социалистическими партиями, которые позорят социалистическое знамя своей изменой Советской России и своими усилиями затуманить сознание пролетариата, втягивая его во II Интернационал, уничтоженный войной и похороненный революцией.

Шлем Итальянской социалистической партии привет и выражаем уверенность, что час нашего освобождения близок!

Да здравствует III Коммунистический Интернационал!

Да здравствует ожесточенная борьба против всемирной буржуазии за Федеративную Социалистическую Советскую Республику!

Представители Коминтерна:

В. Деготь, Елена Соколовская.

Венеция, 10 сентября 1920 г.»³⁸.

В отличие от Соколовской, гораздо больше известно о деятельности в Италии ее соратника Владимира Александровича (Ароновича) Дёгтя (1889–1944)³⁹, прежде всего благодаря его многочисленным воспоминаниям и нескольким автобиографиям⁴⁰. Он тоже был старый большевик, состоявший в ВОСБ. Сын чернорабочего из Одессы, он не получил никакого образования и с 10-летнего возраста работал сначала коробочником в чайной фирме, затем переплетчиком в типографской артели. Присоединившись к РСДРП в 1904 г., помогал печатать нелегальные издания. В ноябре 1907 г. Деготь, спасаясь от преследований полиции после провала подпольной типографии, выехал в Париж, где познакомился с Лениным, Зиновьевым и Каменевым. Партийные теоретики читали рабочим лекции, это обстоятельство дало Дегтю повод гордо называть себя учеником Ленина. Во время пребывания во Франции до мая 1909 г. он работал в типографии партийного ЦК. Ленин и другие руководители большевиков знали его как «Володю-переплетчика». По заданию большевистского центра он вернулся в Одессу, где стал секретарем

местного комитета большевиков. В начале 1910 г. Деготь был арестован и через год по приговору суда отправлен на поселение в Енисейскую губернию. Но уже в 1912 г. снова бежал во Францию, воспользовавшись деньгами, которые были присланы Н.К. Крупской. Он работал по своей профессии в Париже, а при отсутствии заказов брался за любую черную работу (мытьё магазинных витрин и т.п.). В 1916 г. «Володя-переплетчик» был избран членом Парижского бюро партии и секретарем большевистской секции.

Его возвращение в Россию произошло вскоре после революции. В июне 1917 г. Деготь становится членом правления Союза печатников и одним из руководителей Одесского Совдепа, в 1918 г. — членом Одесского комитета РКП(б), командиром партизанского отряда. Позднее, находясь на подпольной работе под фамилией Гардон, он был одним из руководителей Одесского обкома КП(б) Украины и ОМП. По поручению большевистского областного комитета Деготь налаживает выпуск газеты и прокламаций на французском языке. В Италию он прибыл с фальшивым иностранным паспортом через Константинополь. Если подробности поездки Риделя и Соколовской остаются неизвестными, то Деготь подробно изложил свое путешествие в опубликованных воспоминаниях.

Втершись в доверие к одному из антантовских генералов (предположительно французскому), возвращавшемуся из деникинской ставки, он сумел получить от него рекомендательные письма в Рим и Париж. Переехав в 1921 г. по заданию Коминтерна из Италии во Францию, угодил в тюрьму в Ницце, был выдворен из страны и вернулся в Россию. В дальнейшем ЦК РКП(б) предполагал использовать его в качестве уполномоченного Внешторга в Италии, однако этому воспротивился Воровский. Тогда Дегтя задействовали на профсоюзной работе. Некоторое время спустя он получил назначение на пост проректора Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Войдя в состав советской номенклатуры, Деготь стал членом коллегии Наркомата труда СССР и, наконец, старшим помощником прокурора РСФСР. В июле 1937 г. Деготь был исключен из партии, спустя год — арестован. 21 марта 1940 г. он был осужден на 10 лет лаге-

рей, но через четыре года освобожден по состоянию здоровья. Жить ему оставалось около двух месяцев.

О своем пребывании в Италии он поведал в мемуарах, первое издание которых вышло в 1923 г. и было просмотрено Лениным⁴¹. В чудом сохранившемся письме Дегтя из лагеря на имя прокурора СССР В.М. Бочкова, написанном в 1940 г., также рассказывается о его роли в итальянской политической жизни. Остановимся более подробно на этом источнике, находящемся в семейном архиве и поэтому недоступном историкам.

«Коммунистическим Интернационалом в 1920 г. я был послан на подпольную работу в Италию и Францию как представитель Коминтерна, т. е. лично Лениным. Прибыв в Италию (Рим) в январе 1920 г., я застал следующую ситуацию в Италии: Социалистическая партия, объединявшая сотни тысяч членов партии и миллионы, входящие в профессиональные союзы, руководили не коммунисты, а реформисты во главе с Турати. Партия называлась Социалистическая, а не Коммунистическая, несмотря на то, что под давлением масс она вошла в Коммунистический Интернационал. Партия объединяла реформистов и коммунистов. Во главе коммунистической части были Серрати, Бомбаччи, Дженари и Грамши.

Восстание за восстанием крестьян, захват помещичьих земель, сжигание помещичьих усадеб, забастовка за забастовкой в промышленных районах (Милан и Турин). Организация фабзавкомов, организация Красной гвардии. Стихийно выдвигались лозунги: “Да здравствует диктатура рабочего класса!”, “Да здравствует Ленин!”. В это время Социалистическая партия занималась тем, что тушила пожар революции.

Первое, что я предложил от имени Ком. Инттерна — объявить себя Коммунистической партией (это было до 2-го Конгресса Коминтерна). Второе — всех реформистов исключить из партии, которые не стоят на точке зрения диктатуры рабочего класса и захвата власти посредством вооруженного восстания рабоче-крестьянских масс под руководством Коммунистической партии. В это время, приблизительно в марте м-це 1920 г., председатель Совета министров Нитти предложил депутатам парламента (а их было 126) от Социалистической партии принять участие в перевороте парламента; отстранить короля и

объявить буржуазную республику, на что дали согласие Турати и Серрати. Большинство депутатов парламента было за ними. Бомбаччи и другие возражали и обратились ко мне, как к представителю Коминтерна⁴². Я решительно возражал Серрати и другим. Указал, что Нитти, как хитрый буржуазный политик, хочет отвлечь революционные массы от правильного пути, пустив пыль в глаза тем, что будет отстранен король и объявлена республика. Я указал, что вопрос стоит о захвате власти рабочим классом посредством классовой революционной борьбы. Мое предложение было принято большинством Ц.К.П. (Центральный комитет партии. — Я.Л.).

Мои предложения в дальнейшем лично Лениным и Конгрессом Коминтерна были полностью одобрены, несмотря на возражение Серрати, который был в дальнейшем исключен из партии Коминтерном по предложению В.И. Ленина.

В личной беседе с т. Лениным в Кремле в 1920 г. он не только одобрил мое поведение, но по его же предложению я был послан еще раз в Италию и во Францию <...>⁴³.

Беседа с Лениным состоялась 1 октября 1920 г., она зафиксирована в биохронике вождя. Деготь рассказал ему о своих спорах с Серрати, говорившем, что немедленный захват власти в Италии невозможен, так как страна зависит от импорта хлеба. Однако лидеры большевиков и сами знали про это — вопрос о завозе хлеба в Италию неоднократно обсуждался на заседаниях ЦК РКП(б). Отправившись с одобрения Ленина снова в Италию, Деготь сразу же провел совещание с Грамши, Бомбаччи и Визнером. Заслуживает внимание следующая характеристика последнего, сделанная Дегтем: «Виз...⁴⁴ — это старый партийный польский работник, долго работавший вместе с тов. Держинским, интеллигентный, типа старых нигилистов, удивительно чуткий и преданный рабочему движению. <...> *По самым серьезным вопросам я всегда обращался только к нему, только с ним и советовался* (курсив мой. — Я.Л.)»⁴⁵.

Вернемся к цитировавшимся в начале статьи воспоминаниям Б.М. Иофана. Вот что он писал в этой связи: «Визнер был организатором встречи представителя Коминтерна Дегтя с русскими большевиками-эмигрантами и итальянскими левыми социалистами (там присутствовали Дженнари, Марабини, Маффи, П. Фарри-

ни, Мизиано и др.). Встреча состоялась в начале 1920 г., в городе Нарни (в 100 км от Рима), где жила моя жена Ольга Руффо»⁴⁶. Речь, похоже, идет о самой первой встрече коминтерновца с итальянскими леваками. Ранее через Н. Бомбаччи он познакомился с Визнером, а затем через Визнера вызвал Грамши из Турина в Рим⁴⁷. О своей первой встрече с ним Деготь вспоминал: «Он медленно приехал. Это был удивительно интересный товарищ. Сам маленький, горбатенький, большая голова (как будто не его), умные, глубокие глаза. Спокойно дает анализ ситуации в Италии. В каждой мысли чувствовался глубокий марксист»⁴⁸.

Мемуарист Борис Михайлович Иофан (1891–1976) был земляком Дегтя, из Одессы. Он родился в плохо обеспеченной еврейской семье, глава которой работал посыльным в гостинице. Увлечшись с детства рисованием, в 12-летнем возрасте будущий академик поступил на живописное отделение Художественного училища Одесского общества изящных искусств (вероятно, по протекции старшего брата). Он решил посвятить свою жизнь архитектуре и вскоре перевелся на архитектурное отделение. Одновременно с учебой начал работать чертежником у разных архитекторов. В выборе профессии его вдохновлял пример брата Дмитрия, который в 1911 г. успешно закончил курс Петербургской академии художеств со званием архитектора. В том же году Б. Иофан завершил учебу в училище и после прохождения солдатской службы в чине ефрейтора переехал в Петербург. Он начал работать помощником архитектора у своего брата и по его рекомендациям — у других известных зодчих. В частности, в качестве помощника архитектора А.И. Таманяна ездил с ним на строительство жилых зданий в Москву. По единодушному мнению его наставников, юный Иофан был одарен талантом проектировщика.

Преодолев с помощью брата финансовые трудности, он решил продолжить образование за границей. Так он оказался в Париже, откуда затем направился в Италию, где был принят на третий курс архитектурного отделения Королевского института изящных искусств в Риме. Архитектура Италии очаровала начинающего мастера. Его наставниками в области практического проектирования и строительства был сначала инженер Д. Либери, позднее А. Бразини. По окончании в 1916 г. курса института

Иофан решил завершить свое образование в Высшей инженерной школе при Римском университете. В стенах этой школы его застало известие о начавшейся в России революции. «Местом встреч русских революционеров частенько была моя мастерская на Via Margutta, — писал Иофан. — Я с благодарностью вспоминаю своих друзей — итальянцев инженеров Дж. Баруччи, Дж. Мандолеи, Т. Дзеноби и других простых людей Италии, которые не только с большим сочувствием относились к революции в России, но и стремились всячески помочь русским революционерам в Италии. Так, Баруччи, в доме которого была моя мастерская, предупреждал меня о слежке за Визнером, который чаще других бывал у меня. Особый интерес властей к Визнеру был вызван тем, что он был дружен со многими итальянскими левыми социалистами. Через него и я познакомился с А. Грамши, П. Тольятти, У. Террачини и другими итальянскими товарищами, среди которых Карло Фарини и Чезаре Фьори стали моими особенно близкими друзьями»⁴⁹.

В Италии Иофан обзавелся не только друзьями и единомышленниками, здесь он обрел любовь. Его будущая жена была наполовину итальянкой. Ее отец, герцог Фабрицио Руффо ди Саса, находясь на дипломатической службе в России, женился на княжне Мещерской. Их дочь Ольга Руффо (1883–1961) рано вышла замуж за полковника русской армии Б.Б. Огарева, внучатого племянника известного соратника А.И. Герцена, поэта, журналиста и революционера Н.П. Огарева. Однако семейная жизнь у нее не сложилась, и она с двумя детьми — Ольгой и Борисом — оказалась за границей. Приехав в Рим к своему дяде графу Строганову, она с его помощью приобрела виллу на окраине Рима, которую сдавала внаем русским постояльцам. Одним из них был инженер и архитектор Борис Иофан. Начавшийся роман между жильцом и хозяйкой связал их брачными узами на всю дальнейшую жизнь.

С 1918 г. Иофан вел самостоятельные проектные работы, строя жилые дома коттеджного типа в Монте-Верде. К числу его крупных работ в Италии относится постройка монументального кладбища (колумбария) в Нарни. Также ему принадлежат проекты больницы в Перудже, школы в Калабрии, лицея в Аквиле. Не обошлось без его участия и проектирование нового здания со-

ветского посольства в Риме. Иофан также участвовал в восстановительных работах после землетрясения в Авезано, мелиоративных работах в Тоскане. Занимаясь архитектурно-строительными работами и выполняя обязанности помощника главного инженера гидроэлектростанции в Тиволи, Иофан одновременно поддерживал контакты с советской миссией. В 1923–1924 гг. он являлся официальным сотрудником советского полпредства. Членство в КПИ оформил в 1921 г., а с переездом в СССР в 1926 г. вступил в ВКП(б). Известно об одном деликатном поручении, которое выполнял Иофан по заданию полпредства. Когда в 1924 г. в Рим на лечение инкогнито приехал сменивший Ленина на посту председателя Совнаркома А.И. Рыков с женой, на Иофана была возложена задача познакомить главу советского правительства с Вечным городом.

В Советский Союз он вернулся в том же 1924 г. и стал одним из немногих «русских большевиков» из Италии, кто благополучно пережил Сталина. Под его руководством было разработано и осуществлено строительство ряда крупнейших сооружений в Москве и других местах. Широкую известность Иофану принесло возведение жилого Дома правительства по улице Серафимовича, более известного как Дом на набережной. Другими важными достижениями были проектирование павильона СССР на Международной выставке в Париже в 1937 г. и станции «Бауманская» Московского метрополитена (за эту работу он был награжден соответственно орденами Трудового Красного Знамени и Красной Звезды). Но самым главным делом Бориса Иофана был утопический план строительства «Вавилонской башни» Сталина: он официально был назначен главным архитектором и первым заместителем начальника строительства Дворца Советов на месте взорванного храма Христа Спасителя. Ему неоднократно приходилось встречаться для докладов со Сталиным, Молотовым и другими руководителями СССР. В 1939 г. Иофану было присвоено звание академика архитектуры. Фаворит Сталина еще дважды посещал Италию в служебных целях в 1929 и 1960 гг. Вместе с Ольгой Фабрициевной Иофан-Руффо и ее детьми он жил в одной из пятисот квартир собственного детища Дома правительства. Свой последний приют прославленный академик и его жена нашли на Новодевичьем кладбище.

В биографиях Александра Николаевича Эрлиха и Михаила Хацкелевича Водовозова еще много неясного. Сын доктора медицины Эрлих в 1911 г. был студентом Миланского политехникума. Получив специальность инженера по строительству, Эрлих работал в разных городах Италии. Уроженец Николаева Водовозов эмигрировал в Париж после 1905 г. Со временем он также поселился в Милане и стал одной из наиболее заметных фигур в русской эмигрантской среде в Италии⁵⁰. Когда в феврале 1919 г. М.М. Литвинов был командирован в Копенгаген для переговоров с представителем итальянской стороны М. Гравина об обмене пленных и интернированных гражданских лиц, Водовозов выехал в Данию для сообщения посланцу НКВД о тяжелых условиях содержания русских солдат на острове Азинара близ Сардинии. Этот остров, где находился большой лагерь военнопленных, посетил для сбора информации и, вероятно, в целях пропаганды другой участник «группы русских большевиков» в Италии Эрлих. В дальнейшем он сыграл значительную роль в отправке военнопленных на родину. Известно также, что в январе 1920 г. Эрлих был арестован в Риме и выслан из страны накануне мощной забастовки рабочих и служащих. Через месяц ему, однако, было разрешено возвратиться из Австрии.

Летом 1921 г. Водовозов побывал в качестве переводчика в Москве вместе с делегацией итальянского Института кооперативов. Несколько неожиданная характеристика этого человека обнаружилась в мемуарных очерках советского торгпредневозвращенца А.Д. Нагловского. Они познакомились в 1921 г. в Италии. Много лет спустя Нагловский сделал такую зарисовку: «С Римом у Советов в 1921 г. не было никаких отношений, если не считать пребывавшей там курьезной фигуры большого, шумного мужчины, старого эмигранта Водовозова, открывшего на Виа Ломбардия “импортно-экспортную” контору и пытавшегося через нее неофициально представлять “советскую торговлю” в Италию. Но деятельность этого старого эмигранта, с годами превратившегося в спекулянта, разумеется, никого кроме него самого не удовлетворяла»⁵¹. Необходимо небольшое уточнение: Водовозов действовал не от своего собственного имени: с октября 1920 г. он был уполномоченным уже упоминавшегося отделения кооперативного общества АРКОС в Италии. Там же под-

визались и некоторые другие «русские большевики», например, Гринфельд и Эрлих. Позднее Эрлих стал сотрудником торговой делегации Воровского. В ноябре 1921 г. он совершил поездку из Италии в Москву (через Австрию, Германию и Латвию) в качестве первого советского дипкурьера и вернулся обратно в январе 1922 г.

Косвенно Водовозов и его друзья оказались замешаны в скандале, разразившемся после приезда делегации Центросоюза в Италию. После того как римские таможенники изъяли ящик с драгоценностями (по словам Нагловского, за эти ценности отвечал коминтерновец Я.Я. Страуян) вопреки нотам протеста (18, 20 и 21 марта 1922 г.), которые стал рассылать Воровский, МВД Италии дало категоричный ответ: «По итальянским законам дипломатические миссии, если и пользуются освобождением от таможенных пошлин, то не освобождаются от таможенного досмотра»⁵².

Как только эта скандальная история сделалась достоянием прессы, главные итальянские газеты начали выходить с громкими заголовками: «Бриллианты с убитых!», «Окровавленные бриллианты!», «Бриллианты расстрелянных!». Как пишет Нагловский, «раздувая сенсацию, газеты сообщали, будто кто-то из русских эмигрантов уже опознал эти вещи, захваченные после расстрела их семей. Драгоценности Страуяна в Риме произвели впечатление “бомбы”...»⁵³. Помимо обращений Воровского к генеральному секретарю МИД Канторини были задействованы неформальные рычаги. Водовозов через свои обширные знакомства в финансово-промышленном мире, а также левые депутаты, используя парламентскую трибуну, повели энергичную кампанию с целью погасить скандал. Под таким давлением с разных сторон Кантарини был вынужден заверить Воровского, что МИД примет меры к ликвидации последствий скандала. 21 марта Российская экономическая делегация была уведомлена нотой главы кабинета министров Сфорца о том, что таможенные чиновники предупреждены, что к багажу Российской экономической делегации следует применить обычные дипломатические правила. А в итальянской печати появилось официальное сообщение агентства «Стефани», опровергавшее прежние газетные сообщения и заверявшее, что в багаже членов делегации не было найдено ничего компрометирующего.

Накануне приезда советской делегации на Международную экономическую конференцию в Геную Воровский вызвал к себе Эрлиха и предложил ему выехать из Рима в Санта-Маргерита, где должен был остановиться глава НКВД Г.В. Чичерин и его заместитель М.М. Литвинов с коллегами и экспертами. Эрлиху было поручено весьма ответственное задание: организация административно-хозяйственной службы и внутренней охраны советской делегации на предстоящей конференции. В Генуе он первым делом посетил итальянского Верховного комиссара, ведавшего организацией конференции, и получил от него информацию о внешней охране в виде отряда карабинеров и полиции. От директора «Палаццо Имперiale» Эрлих потребовал список проживавших в гостинице и персонала. Изучив его, он потребовал удалить всех вызвавших подозрение лиц (примерно 120 человек). Следующим шагом стало визуальное изучение предназначенных для делегации номеров и других помещений отеля. У входа на территорию «Палаццо Имперiale» и на площадке у входа в здание полковник карабинеров выставил караульные посты, а внутри гостиницы охрана поручалась «красным курьерам» с заводов. Для охраны советских гостей прислали своих людей рабочие генуэзской судостроительной верфи «Ансальдо», миланского завода «Бреда» и туринского завода «Фиат». Такие усиленные меры безопасности были предприняты из-за слухов о возможных провокациях со стороны фашистов и информации о подготовке террористического акта русскими эмигрантами во главе с Б.В. Савинковым.

В феврале 1922 г. знаменитый террорист действительно приехал в Геную из Константинополя с документами на имя журналиста Гуленко. Будучи первоклассным конспиратором и неплохим актером, он связался с резидентурой Иностранного отдела ГПУ в Италии и предложил ей свои услуги. Для подтверждения искренности своих намерений он предоставил в ее распоряжение ряд документов, имевших, впрочем, не политическое, а историческое значение. Неопытный резидент клюнул на эту приманку и, докладывая в Москву, положительно охарактеризовал «журналиста Гуленко»⁵⁴. Дошло даже до того, что Савинков стал кандидатом на роль одного из охранников советской делегации в Генуе. В марте Савинков выехал в Швейцарию и встретился в

Лугано с Муссолини: Савинков давно интересовался фашистским движением и с большой симпатией относился к дуче. В итоге Муссолини обещал ему оказывать содействие в Италии и на территории сопредельных государств (прежде всего в Югославии). Они договорились о том, что Савинков организует слежку за советской делегацией на Генуэзской конференции, но при этом Муссолини категорически потребовал отказаться от намерений терактов на итальянской территории.

В скором времени Савинков неожиданно сам оказался под колпаком берлинской резидентуры ГПУ. Через своих итальянских помощников чекисты поставили в известность полицию о том, кто скрывается под маской журналиста Гуленко. 18 апреля 1922 г. Савинков был задержан в Генуе, а Москва стала зондировать идею о его выдаче как террориста и диверсанта. В конце апреля заместитель председателя ГПУ И.С. Уншлихт направил письмо заместителю наркома по иностранным делам Л.М. Карахану, где поставил вопрос о «возможности проведения соответствующих дипломатических шагов для получения Савинкова ценою всех приемлемых для нас компенсаций»⁵⁵. Итальянская сторона не пошла на выдачу террориста, но он был нейтрализован и выдворен за пределы Италии.

Приехавший в Геную 5 апреля 1922 г. Воровский попросил жандармерию очистить к моменту прибытия делегации вокзал, что было также исполнено. Как вспоминал Эрлих, один из их итальянских агентов оставил Чичерину письменное предупреждение: «Остерегайтесь электроаппаратов, установленных в Ваших комнатах, а также горячих напитков, приготовленных кемлибо, помимо преданных Вам ближайших людей. Мужество и осторожность!»⁵⁶. По словам мемуариста, почти сразу же по прибытии в Санта-Маргерита Чичерин обратился к нему с просьбой организовать безопасный выход в город. Во время этой прогулки советского наркома на некотором отдалении сопровождали вооруженные «курьеры».

В другой раз Эрлих получил более серьезное задание. Ему было поручена организация внезапного отъезда Чичерина из гостиницы. Согласно инструкции, автомобили, выделенные в пользование русским делегатам, должны были в обязательном порядке сопровождать машины полицейского сопровождения. Но

когда в воскресенье часть полицейских отдыхала, члены советской делегации устроили спектакль. Сначала один за другим сели в машины и уехали из гостиницы М.М. Литвинов и Л.Б. Крагин. Так как оба автомобиля с полицейскими отпавились за ними, через некоторое время Чичерин быстро сел в последний оставшийся автомобиль и моментально скрылся из вида. Как потом выяснилось, этот спектакль потребовался для его тайной поездки в Портофино на встречу с британским премьером Д. Ллойд Джорджем.

Чем именно занимался Эрлих по возвращении в СССР и подвергался ли он репрессиям, остается невыясненным. Точно так же не выяснена судьба Водовозова.

Биографию Николая Николаевича Зедделера (1876–1937) удалось проследить достаточно подробно. Будущий разведчик родился в Петербурге в аристократической семье. Его отец, генерал Николай Логгинович фон Зедделер, принадлежал к старинному австрийскому роду, ведущему начало из Богемии. Их предок служил советником посольства Австрии в Петербурге, а затем перешел на службу к Великому герцогу Тосканскому, стал послом и в 1782 г. был возведен в бароны Священной Римской империи. Его сын Логгин (Людвиг) Зедделер, начавший военную службу в качестве австрийского гусара, в 1813 г. перешел на русскую службу. Впоследствии он получил чин генерал-лейтенанта и стал крупным военным историком, издав пользовавшийся известностью труд «Обозрение истории военного искусства». Н.Л. Зедделер вскоре после рождения сына был назначен Эстляндским губернским воинским начальником. Он был католиком по вероисповеданию и, хотя дослужился на российской службе до полного генеральского чина, был убежден, что его конфессиональная принадлежность помешала ему сделать настоящую карьеру. Действительно, после воцарения русофильски настроенного Александра III в 1881 г. он лишился своей должности и был назначен командиром бригады в Новгороде. Здесь, наверно, и нужно искать истоки фронды барона и его отпрыска: как вспоминал Н.Н. Зедделер, дом отца в Новгороде часто посещали люди, высланные по политическим мотивам из Петербурга.

Генерал Зедделер был женат на графине Елене Капнист. Этот дворянский греческий род вел свое происхождение от Петра

Капнисси — полковника венецианской службы. В 1702 г. его сын был возведен в графское достоинство и в петровское время оказался в России. Прадедом Н.Н. Зедделера по матери был известный поэт и драматург Василий Капнист, один из сыновей которого был женат на сестре трех легендарных братьев-декабристов Муравьевых-Апостолов.

Детство Николая Зедделера прошло в Новгороде. Как он потом вспоминал, на его «воспитание не обращали внимания»: «Я рос среди солдат и, как ни странно, проводил часы в камерах заключенных в местной тюрьме, куда меня вместе с моим приятелем, сыном тюремного священника, пускали. Мне было 10 лет и по всей вероятности там была заложена первая искра моего сознания»⁵⁷. Когда сыну исполнилось 12 лет, отец отправил его в столичный Александровский кадетский корпус. «Железная дисциплина этого “образцового” учебного заведения внушила еще большее отвращение и ненависть, — вспоминал Зедделер. — Каким-то чудом к нам попала одна книга Герцена. Выдержки из нее я по своей неопытности написал своему приятелю. Письмо, конечно, было прочтено, книга найдена и я, несмотря на старания родителей замазать дело, был исключен»⁵⁸. Через год юный вольнодумец был прощен. Ему позволили снова надеть форму кадета, но уже не в Петербурге, а в пятом классе провинциального Полтавского кадетского корпуса. Проучившись в Полтаве еще один год, Зедделер вновь подвергся исключению. Родители вынуждены были махнуть рукой на неисправимого недоросля-«опозиционера». Некоторое время 18-летний Николай Зедделер бездельничал, занимаясь только живописью, к которой почувствовал призвание, и поглощая горы книг, а затем поступил матросом на один из кораблей Российского общества пароходства и торговли в Одессе. По возвращении из заграничного плавания он поехал в Мюнхен для поступления в Академию художеств.

О встрече с ним в Германии рассказал в своих мемуарах Кузьма Петров-Водкин: «Мюнхен в это время был рассадником искусства, влиявшего на Москву, и поэтому среди художественной молодежи было много русских, да и вообще русская колония была обширной. <...> Из русских, работавших в Мюнхене, поднимались тогда три звезды: *Зедделер, Кандинский и Кардовский* (курсив мой. — Я.Л.). Первый вскоре перебросится в Париж, перейдет на

гравюру, придерживаясь образцов Хокуся, с трудом, но освобождается от мюнхенского импрессионизма, а два последних продолжают и углубят заветы Мюнхена с овальной линией рисунка и с преломлением спектра на гранях формы»⁵⁹. То, что столь высокую оценку Зедделеру как художнику дал такой мэтр, как Петров-Водкин (к тому же поставивший его в один ряд с Кандинским и Кардовским), нельзя не принимать во внимание! Увы, за малым исключением, почти все его картины и гравюры погибли вместе с кораблем, перевозившим имущество Зедделера из Италии в начале 1920-х гг. и подорвавшимся на подводной мине. Там же в Мюнхене судьба столкнула его с печально знаменитым Александром Парвусом (Израилем Гельфандом) и юным Львом Бронштейном. Именно Парвус дал рекомендацию для вступления Зедделера в Социал-демократическую партию Германии.

В конце 1904 г. начинающий революционер вернулся в Россию. Сначала он жил в Харькове, потом отправился в Петербург. Но, по-видимому, Зедделер был слишком творческой натурой для того, чтобы стать партийным функционером, хотя и выполнял какие-то разовые задания. Так, после поездки в Архангельск к своему сосланному другу А.А. Дивильковскому (впоследствии тот входил в группу большевиков в Женеве, а по возвращении в Россию стал помощником управляющего делами Совнаркома) по его поручению Зедделер посетил А.М. Горького. В другой раз он совершил поездку по делам военной организации РСДРП в Севастополь, а оттуда съездил в Одессу, где в то время происходило восстание на броненосце «Потемкин». Но все же живопись увлекала Зедделера гораздо больше, чем политика. Он решил продолжить свои художественные занятия и вернулся в Европу.

В 1911 г. Зедделер познакомился в Париже с 18-летней польской аристократкой Марией Андреевной Монтивил (1893–1938), происходившей из известного литовского княжеского рода Радзивиллов. До 1910 г. она жила в Кракове, а затем отправилась во Францию для поступления в Сорбонну. Однако вместо учебы поселилась вместе с Зедделером во Флоренции. В 1912 г. Мария родила ему дочь Ирину. В Италии Зедделер продолжал увлеченно заниматься живописью. Когда ребенок немного подрос, привычка зарабатывать на жизнь собственным трудом привела его в Сиену, где он вместе с женой занялся фермерством.

Во время войны Зедделер, как и многие его современники, «заболел» авиацией. Новое увлечение привело его в Рим, где он поступил слесарем на авиационный завод Киокини. К концу войны он уже летал в качестве летчика-испытателя. С прекращением боевых действий завод был закрыт, однако у неумного Зедделера появилась новая страсть в виде кино. Он устраивается художником-декоратором на кинофабрику «Чинез». Одновременно становится одним из самых яростных пропагандистов русской революции в Италии.

Возвращению Зедделера в Россию, по его словам, помешала его репутация. «После октябрьского переворота, — писал он в автобиографии, — совместно с тов. Визнером, Водовозовым и некоторыми другими сделал попытку образовать большевистское ядро в Риме. Будучи на плохом счету у посольства и благодаря стараниям провокатора Вахмана⁶⁰ меня не выпустили из Рима в начале революции в Россию. Не имея средств с женой и ребенком на руках, я принужден был оставаться далеким зрителем. Все это время работал на заводах и дольше всего на авиационном — Капрони»⁶¹. Зедделер был членом ИСП (вступил в 1918 г. по рекомендации Геллера-Киарини), а после образования компартии Италии перешел в нее. По его словам, он выполнял различные поручения Грамши и генерального секретаря КПИ Дженнари (более известного в Коминтерне под псевдонимом Маджи). Позднее, давая Зедделеру рекомендацию в Отдел международной связи Коминтерна, Дженнари подтвердил, что поручал ему «работу, требовавшую большое доверие, работу, которая впоследствии была одобрена другими русским товарищами»⁶².

С приездом же в Италию миссии Воровского Зедделер работал в тесном контакте с ней «по специальным поручениям»⁶³. В сохранившихся анкетах раскрыт характер этих поручений: в 1921–1923 гг. Зедделер являлся референтом Разведупра РККА в Риме. На работу военно-разведывательного характера его рекомендовал также Киарини. Первая резидентура советской военной разведки была создана в Италии прибывшими вместе с Воровским в составе торговой делегации Центросоюза Я.М. Фишманом⁶⁴ и Я.Я. Страуяном. Уже в 1921 г. Разведуправление обзавелось большим количеством агентов в Милане, Неаполе, Генуе и других городах. Одним из наиболее ценных агентурных приобретений стано-

вится Зедделер, тесно связанный с авиационной промышленностью⁶⁵. О задании «по организации выемки почты, которую возили белогвардейские курьеры в Турцию и Париж», Зедделер-Герберт⁶⁶ дал показания на допросе в НКВД 14 декабря 1937 г.:

«Для организации выемок белогвардейской почты мною были привлечены ТУРЦИ и ТОРИОНИ и третий, фамилию которого не помню. СТРАУЯН приказал мне связаться с возглавляющим эмигрантскую группу монархистом адмиралом ИВАНОВЫМ⁶⁷.

Я получил следующее задание. В Рим должен был прибыть из Москвы (конец 1922 г.) турок, фамилию которого я не знал. Этот турок, по сведениям СТРАУЯНА, бежал из СССР с рядом важных документов, могущих дискредитировать СССР. СТРАУЯН поручил мне через мою агентуру похитить эти документы.

ТУРЦИ и ТОРИОНИ удалось достать билеты в том же купе, в котором ехал турок из Рима в Лондон. Усыпив снотворным средством турка и других пассажиров, находящихся в том же купе, они пытались похитить эти документы. В момент самой выемки проснулся в купе один из пассажиров (итальянский купец), на которого, очевидно, снотворное не подействовало. Когда купец начал тормозить поезд, ТУРЦИ его застрелил, соскочив с поезда. Соскочив, ему отрезало ногу. Другой агент — ТОРИОНИ — был задержан.

ТУРЦИ и ТОРИОНИ были арестованы и осуждены к 20 годам тюремного заключения.

В начале пресса характеризовала это происшествие как факт обычного воровства, но через несколько недель в прессе стали появляться сведения, что по всей вероятности в это дело замешаны большевики. <...>

Мой отъезд в СССР был связан с угрозой раскрытия моего участия в деле с турком. <...>⁶⁸.

Показания Зедделера похожи на самый настоящий детектив, но они в целом подтверждаются другими источниками. В конце весны или в начале лета 1923 г. Страуян дал директиву Зедделеру немедленно выехать в Берлин и связаться там с советским разведчиком В.Ф. Петровым. Примерно через месяц Мария Зедделер с дочерью также покинула Рим и добралась до Берлина. После этого они почти сразу же тронулись в дальнейший путь в Москву, а сам Зедделер задержался в Германии еще на четыре ме-

сяца. Наконец, Петров решил отправить его в Москву с паспортом на имя Герберта: с этого момента у разведчика было две официальные фамилии.

Добравшись до Москвы на пароходе через Штеттин и Ленинград, Зедделер-Герберт явился на аудиенцию к начальнику Разведупра Я. Берзину, после чего произошло его зачисление в аппарат разведки на должность референта по Англии и Германии. Прожив некоторое время в здании школы Разведупра, Зедделер получил комнату в Москве и устроил свою семью. Проработав в аналитической разведке до августа 1924 г., он был уволен в резерв в связи с общим сокращением численности Красной армии. Вот тут пригодился его опыт работы в военно-авиационной промышленности. Зедделер устроился на Государственный авиазавод № 1 (бывший «Дукс») в качестве помощника начальника по снабжению.

Жена Зедделера некоторое время работала секретарем-переводчицей в Обществе итальянских политэмигрантов. Одновременно с этой работой она, по заданию ОГПУ, неофициально осуществляла контрразведывательное наблюдение за итальянцами в Москве. Но к подобного рода работе с «двойным» дном Мария Зедделер оказалась неподготовленной и даже заболела психическим расстройством. Позже она поступила в Университет искусств и параллельно работала в Российском театральном обществе в качестве инструктора и ассистента лаборатории по изучению психологии зрителя. В начале 1930-х гг. продолжала работать в театральных организациях (референтом репертуарной секции Международного объединения революционного театра, заведующей учебной частью училища Театра Революции).

Интересно сложилась биография дочери Зедделера Ирины. В 1928 г. она вступила в комсомол и через год по направлению ЦК ВЛКСМ была направлена на учебу в спецшколу при Международном отделе Коминтерна. Окончив ее в 1932 г., около года проработала в Профинтерне, а затем в Институте мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР (сначала в качестве референта, позже – младшим научным сотрудником). Во время Гражданской войны в Испании ее отправили туда в качестве переводчицы при советских военных советниках. В 1939 г. она вышла замуж за кадрового военного, впоследствии генерал-лейтенанта артиллерии В.И. Гоффе.

Пока жена и дочь учились и работали в Москве, ответственный сотрудник Коминтерна Герберт кочевал по разным странам, выполняя секретные задания. Весьма образную характеристику (к тому же раскрывающую с неожиданной стороны отношения Зедделера с женой) дал ему начальник и военный комиссар Разведупра РККА Берзин. В представлении, адресованном новому шефу Зедделера по Отделу международных связей (ОМС) Коминтерна О.А. Пятницкому 12 июля 1927 г., говорилось:

«Тов. Зедделера (Герберта) знаю по его работе в заграничном аппарате разведки и по работе в Москве. Товарищи, работавшие с ним за границей, характеризуют его как весьма преданного, до щепетильности честного человека, во всяком случае идейного партийца, но романтика-идеалиста. После возвращения в Москву своей работой на заводе, насколько мне известно, он это подтвердил. Бывший барон (фон Зедделер), находясь в архискверных материальных условиях, имея жену аристократку (княгиня Монтвилл), которая его любила и толкала прочь от партии, он все же не изменил своим принципам и не изменил партии.

Отрицательные стороны его характера – некоторая интеллигентская мягкотелость, неумение решительно действовать и самостоятельно находить выход из трудного положения. Такое впечатление у меня о нем сложилось на основании опыта прежней работы.

С ком. приветом Берзин»⁶⁹.

Когда писалась эта характеристика, Зедделер-Герберт находился за рубежом. В свою первую, и судя по всему пробную, заграничную командировку по линии ОМС он выехал в конце 1926 г. или в начале 1927 г. Его направили в Париж в качестве представителя пункта службы связи ОМС. Потом были командировки в Бельгию и Австрию и напоследок – в Шанхай для заведования тамошним пунктом служебной связи. В Китае разведчик пробыл до апреля 1935 г. После возвращения в Москву над ним стали сгущаться тучи. Сначала его сняли с ответственных должностей, назначив архивариусом службы связи ОМС, затем перевели на должность референта транспортного отдела, а 8 октября 1937 г. Зедделер был уволен из аппарата Коминтерна. Через непродолжительное время, 20 октября 1937 г., за ним пришли сотрудники НКВД, а два месяца спустя его фамилия оказалась в списке лиц,

подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР, заминованном Сталиным. 5 ноября была арестована его жена. 25 декабря Зедделер был приговорен к расстрелу. 15 февраля 1938 г. такой же приговор был вынесен жене. Их дочь отделалась временным исключением из комсомола с формулировкой «за притупление бдительности в отношении своих родителей».

Таким образом, из десяти участников так называемой группы «русских большевиков» в Италии, трое (А.А. Визнер, Н.Я. Гринфельд и Н.Н. Задделер) разделили незавидную участь коминтерновцев и сотрудников советских спецслужб в годы Большого террора. Та же судьба постигла и трех первых эмиссаров Коминтерна на Апеннинах (В.А. Деготь, Н.М. Любарский и Е.К. Соколовская). Практически все участники группы «русских большевиков» входили в состав советской номенклатуры, но лишь Б.М. Иофан сохранял прочное положение на всем протяжении сталинского режима.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. М., 1968. С. 369.

² РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 156. Л. 5, 6.

³ Визнер указывал, что был откомандирован в Москву римским торговпредством, а затем командирован Наркомвнешторгом обратно в Италию, но по собственному желанию остался в Москве.

⁴ В выпущенном в 1997 г. издательством РОССПЭН справочнике по Коминтерну, подготовленном сотрудниками РГАСПИ, год рождения А.М. Геллера (Chiariini) — 1891.

⁵ Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997. С. 83.

⁶ Там же. С. 89.

⁷ Киарини А. Италия. М., 1928.

⁸ В одной могиле с ним впоследствии была похоронена, как значится на надгробном памятнике, Ирина Киарини (1892–1977), по всей видимости, его жена.

⁹ Цветаева А.И. Воспоминания. М., 1998. С. 103–140.

¹⁰ Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917–1921 гг. / Сост. Л. Лежава и Г. Русаков. М.; Л., 1925. С. 158.

¹¹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 525. Л. 6.

¹² Делегация Центросоюза во главе с В.В. Воровским прибыла в Италию в марте 1921 г. Ранее, в июне 1920 г., в Москве побывала итальян-

ская делегация Института кооперативов с целью переговоров о возобновлении торгового обмена и кредитах. После подписания соглашения с Центросоюзом о взаимных расчетах в Москве и Одессе были открыты отделения Института кооперативов. Антибольшевистская эмиграция в Италии, обыгрывая фамилию руководителя советской делегации, называла ее «воровской».

¹³ Их биографии см. в статье: Гардзонио С. К изучению русского зарубежья в Италии // *Stanford Slavic Studies*. 1999. Vol. 20. P. 84–86.

¹⁴ *Venturi A. Rivoluzionari russi in Italia. 1917–1921. Milano, 1979. P. 238.*

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 1723. Л. 4.

¹⁶ Там же. Л. 2.

¹⁷ Первухин М. *La faccia di bronzo* (От нашего корреспондента) // *Общее дело*. 1921. 4 авг. № 383. С. 2.

¹⁸ На лицевой плоскости постамента была надпись: «Пролетарии всех стран соединяйтесь! Полномочному представителю Р.С.Ф.Р. и У.С.С.Р. в Италии товарищу Вацлаву Вацлавовичу Воровскому, убитому белогвардейцами на посту в г. Лозанне 10 мая 1923 г.»; на тыльной стороне — «Памятник сооружен сотрудниками НКВД, НКВТ и представительством СССР за границей».

¹⁹ Подробней о пребывании Любарского в Италии см.: Тамбора А. *Esuli russi in Italia dal 1905 al 1917. Bari, 1977. P. 87–101.*

²⁰ *Ibid.* P. 201.

²¹ См., например, счет денег и ценностей, полученных Любарским через главного комиссара Госбанка Я.С. Ганецкого, в сборнике: *Коминтерн и идея мировой революции: Документы*. М., 1998. С. 151.

²² Прибыв в Италию, Любарский привез с собой денежные средства, необходимые для создания теоретического органа III Интернационала. В результате журнал «Коммунизм» («Comunismo») под редакцией Серрати начал выходить 1 октября 1919 г. Известно также, что Любарский поддерживал Серрати в дискуссиях с туринской группой «Ордине Нуово», возглавляемой А. Грамши (это, в частности, засвидетельствовал В.А. Деготь).

²³ [Николини К.] Доклад Исполкому Коминтерна о расколе в Итальянской Социалистической партии. М., 1921. С. 64, 65.

²⁴ Там же. С. 66.

²⁵ *Balabanoff A. Ricordi di una socialista. Roma, 1946. P. 312–314.*

²⁶ *Ibid.* Анжелика Балабанова считала Любарского карьеристом и противопоставляла его низменному поведению благородство Серрати: «Серрати имел сверхчеловеческое благородство хранить обо всем молчание. <...> Многие позорные подробности поведения этого ставленника Зиновьева Серрати унес с собой в могилу».

²⁷ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: Документы. М., 2004. С. 143.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 130538. Л. 5.

²⁹ Коминтерн и идея мировой революции... С. 247.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 48. Л.

³¹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн... С. 47, 48.

³² РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1610. Л. 5, 6.

³³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 41. С. 199.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1610. Л. 6.

³⁵ Настоящее имя: Соколовская Софья Ивановна; партийный псевдоним: Светлова Елена Кирилловна.

³⁶ См. о ней документальную повесть: Коновалов В.Г. Елена. Одесса, 1969.

³⁷ В 1920 г. съездов ИСП не происходило: XVI съезд, или конгресс, партии проходил в Болонье с 5 по 8 октября 1919 г.; XVII съезд открылся в Ливорно 15 января 1921 г. Возможно, Деготь ошибочно датировал документ сентябрем 1920 г. (либо он не предназначался в качестве обращения к делегатам конкретного съезда).

³⁸ Полный текст воспроизведен в книге: Деготь В. Под знаменем большевизма: Записки подпольщика. М., 1931. С. 334–337.

³⁹ Пока статья готовилась к печати, его биография появилась в книге: Пантелеев М.М. Агенты Коминтерна. Солдаты мировой революции. М., 2005 (см. главу: «Деготь – большевик с бриллиантами»).

⁴⁰ Его автобиографии имеются в составе фондов ВОСБ (ф. 124) в РГАСПИ и ОПК (ф. 533) в ГАРФ.

⁴¹ Деготь В. В «свободном» подполье. (Воспоминания о подпольной работе за границей в 1919–1921 годах). М. – Пг., 1923.

⁴² В этом совещании, по словам Дегтя, также приняли участие Э. Дженнари и А.А. Визнер.

⁴³ Приношу благодарность О.И. Капчинскому, предоставившему в мое распоряжение этот документ.

⁴⁴ Сокращение мемуариста в конспиративных целях в издании 1923 г.

⁴⁵ Деготь В. Под знаменем большевизма... С. 340.

⁴⁶ Россия и Италия. Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. С. 369.

⁴⁷ О версиях взаимоотношений В.А. Дегтя с А. Грамши и его женой Ю.А. Шухт см. мою публикацию «Gramsci la sposa mandata da Lenin» в газете «Corriere della sera» (1999. 24 febbraio. № 46).

⁴⁸ Деготь В. В «свободном» подполье... С. 30.

⁴⁹ Там же. С. 369.

⁵⁰ Подробней см.: Venturi A. Rivoluzionari russi in Italia... P. 82–85.

⁵¹ Нагловский А.Д. Воспоминания // Новый журнал (Нью-Йорк). 1968. Кн. 90. С. 167.

⁵² Хормач И.А. Отношения между Советским государством и Италией. 1917–1924 гг. М., 1993. С. 53.

⁵³ Нагловский А.Д. Воспоминания... С. 169.

⁵⁴ Сафонов В.Н. Главный противник большевиков или история о том, как чекисты поймали Бориса Савинкова // Исторические чтения на Лубянке. 1999 год. Москва; Великий Новгород, 2000. С. 89.

⁵⁵ Там же. С. 90.

⁵⁶ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Генуэзская конференция: Воспоминания участников. М., 1963. С. 31.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65-а. Д. 14351. Л. 26.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Петров-Водкин К. Пространство Эвклида. СПб., 2000. С. 455–457.

⁶⁰ Вахман (Вакман) Яков Ефимович (1880–1963) — адвокат, доктор права в Римском университете, член партии эсеров. В ноябре 1906 г. из Швейцарии он предложил свои услуги заведующему заграничной агентурой Департамента полиции. В дальнейшем освещал все революционные группы, и в первую очередь своих однопартийцев, в том числе М.А. Ильина (Осоргина), Е.Е. Колосова и др., за что ежемесячно получал по 600 франков. Как засвидетельствовал допрашивавший его в качестве комиссара Временного правительства С.В. Сватиков, он «пользовался большою любовью товарищей» и «для многих из них разоблачение роли Вакмана было большой трагедией». До 9 августа 1917 г. Вахман состоял членом Римского комитета политических эмигрантов. Весной того же года он примкнул к тайному обществу «Святая Русь», созданному в Лозанне и Риме монархистами.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65-а. Д. 14351. Л. 27.

⁶² Там же. Л. 33.

⁶³ Там же. Л. 27.

⁶⁴ О нем см.: Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки. М., 2000. Кн. 1, с. 159, 160; кн. 2, с. 426, 427.

⁶⁵ Впервые имя Зедделера в качестве военного разведчика было раскрыто А.И. Колпакиди и Д.П. Прохоровым (см. примеч. 64).

⁶⁶ Герберт — нелегальная фамилия Зедделера.

⁶⁷ Вероятно, речь идет о контр-адмирале Леониде Леонтьевиче Иванове (1875–1940), члене организации «Русское собрание» в Риме.

⁶⁸ Копия показаний Зедделера была любезно предоставлена его внучкой.

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65-а. Д. 14351. Л. 30.

М.Г. ТАЛАЛАЙ (*Неаполь*)

«НЕНАДЕЖНОЕ УБЕЖИЩЕ»: РУССКИЕ ЖИТЕЛИ ИТАЛЬЯНСКОГО ЮГА

Русская диаспора в Италии в XX в. на фоне более крупных и, соответственно, более исследованных явлений (во Франции, Германии, на Балканах) выглядит явлением второго порядка. В самом деле, тут не сложилось ни влиятельных общественных организаций, ни книжных издательств, ни периодики. Те учреждения, которые все-таки возникли – Русское собрание в Риме, русские колонии в Тоскане и в Милане и проч., по сути дела, играли роль национальных клубов, землячеств, не выделяясь особо в жизни русского зарубежья.

Почему же Италия, куда вслед за А.А. Блоком, П.П. Муратовым, М.А. Осоргиным устремлялась любовь культурных слоев России, не стала одной из стран «великого исхода» после революционного катаклизма?

Назовем, в первую очередь, причины экономические. Промышленно малоразвитая страна (особенно ее юг) переживала после войны кризис: эмигрировали сами итальянцы. Найти работу бывшему военному, чиновнику, учителю здесь было крайне трудно, и беженцы устремлялись в другие государства. А.К. Харкевич, регент флорентийской церкви с 1903 по 1961 г., в своем неизданном «Дневнике многих лет» описывает, как Италия в 20-е гг. превратилась в большой перевалочный пункт, при этом новых прихожан собственного храма он иронически называет «прохожанами»¹. Изучая состав местных русских колоний XX в., видим, что существенную их часть образовывали люди, большей частью аристократы, наладившие тут свой быт еще до революции и придавшие диаспоре явный характер преемственности, –

это Олсуфьевы, Бутурлины, Волконские, Бобринские, семейства командированных еще Св. Синодом священников и др.

К экономическим причинам добавлялись общественно-политические. Если на Балканах изгнанников поддерживали православные или славянофильские учреждения, в Чехословакии — особая государственная программа, в Париже и в Берлине — либеральный дух в стране и сама густая эмиграция с развитыми структурами, то в Италии было иначе: замкнутые колонии русской знати, отстранившиеся от массы беженцев²; господствующая католическая Церковь, тогда воспринимавшая православных как схизматиков, раскольников; настороженное отношение государства.

Итальянское правительство еще до прихода Муссолини к власти подозрительно относилось к русским беженцам, полагая их питательной средой для большевистской пропаганды и для шпионажа, а при фашистском режиме, с 1922 г., эта подозрительность только усилилась: в эмигрантах видели если не скрытых большевиков, то республиканцев и демократов. Выходцы из России заносились сплошняком в полицейские сводки, при этом итальянской бюрократии было непросто разобраться в сложной гамме эмиграции. В полицейском управлении (квестуре) Неаполя отложились подобные списки, составленные на рубеже 1920-1930-х гг.³, где все перечисленные именовались «*sovietici*», включая некоторых действительно *советских* инженеров, приехавших на итальянский юг в командировку, и таких ярких «антисоветчиков», как Е.В. Ростокская, вдова царского дипломата и мать убитого на Гражданской войне белого офицера⁴.

В соответствии с подобной линией Министерство внутренних дел Италии выпустило в 1933 г. особой циркуляр, разосланный по квестурам, где в качестве «предмета» было указано: «наблюдение за советскими [гражданами] и подозрительными иностранцами». В циркуляре обращалось внимание на «особую опасность» русских и обзывался «строгий контроль над советскими, над аполидами и над т.н. белыми русскими»⁵. Наблюдение было поручено Дирекции общественной безопасности (*Direzione della Pubblica Sicurezza*), проводившей явное или тайное наблюдение за иностранцами, и в частности за русскими/советскими, сгруппированными в отчетах под рубрикой

«А11». Дирекции вменялось в обязанность проверять и идеологическую благонадежность находившихся под контролем беженцев: вот, например, что писал в 1934 г. анонимный информатор о журналисте В.И. Френкеле, уроженце Конотопа, жившем под Неаполем, в Торре-дель-Греко: «он — русский, однако симпатизирует фашизму»⁶.

В особенности режим был раздражен казусом Максима Горького. Явный «красный», борец с самодержавием, меценат большевистской пропагандистской школы на Капри в 1909–1910 гг., он почему-то покинул новую Россию... Официальная формулировка, «по состоянию здоровья», никого не убеждала. Вдобавок к Горькому в Сорренто постоянно наезжали эмиссары из СССР, и за этим странным «советским гнездом» слежка велась особенно тщательно: в 1933 г. информатор докладывал, с видимым облегчением, что писатель окончательно «репатриировался», добавляя, что уже в отсутствие Горького Сорренто посетил один русский, Николай Бенуа (впоследствии — знаменитый сценограф театра Ла Скала), и о том, что тут постоянно проживает «княгиня Горчакофф» (о ней см. ниже) и ее четыре компаньонки⁷.

Из-за отсутствия каких-либо общественных организаций и русской церкви (посольская церковь, при императорской дипломатической миссии в столице королевства Обеих Сицилий, с объединением Италии в 1866 г. закрылась⁸) центрами притяжения диаспоры на юге Италии стали дома видных (и обеспеченных) эмигрантов.

В Неаполе к ним принадлежала упомянутая выше Екатерина Васильевна Ростковская, урожд. княжна Дабижа (1862–1943), которой город был хорошо знаком еще до революции: Ростковские гостили тут не раз у их родственников, семейства Палашано. Фердинандо Палашано (1815–1915), почетный гражданин Неаполя, сенатор Итальянского королевства, военный хирург, автор ряда научных трудов, прославился как медик-гуманист, чьи принципы предвосхитили идеологию Красного креста. В XIX в. в среде итальянской элиты считалось престижным брать в жены состоятельных русских дворянок: Фердинандо стал мужем О.П. Вавиловой, тети А.А. Ростковского, видного дипломата, убитого на Балканах в 1903 г. Его вдова, предусмотрительно положившая капиталы в английские банки, вела в эмиграции без-

бедную жизнь: она обосновалась в элитарном квартале Позилиппо, обращенном прямо к Неаполитанскому заливу, и писала, на французском, мемуары — о гибели мужа в Македонии, о дружбе с лейтенантом П.П. Шмидтом, о петербургском дворе и революции. Тяжелые времена пришли с началом Второй мировой войны, когда рента из Англии перестала поступать, — Ростовская скончалась в нищенских условиях на севере Италии, где застряла во время летних вакансий.

В круг Ростовской входила Вера Феликсовна Эльснер (1897–1979)⁹, дочь известного белого генерала. Будучи беженкой в Стамбуле, она вышла там замуж за неаполитанского офицера Марио Кверча, атташе итальянского посольства. Их дочь, миланская жительница Татьяна де Бартоломео, так описывает брак родителей: «Встреча-конфликт в Константинополе: русский интеллигентский салон, который держали женщины, и военизированный палаццо, где командовал мужчина. <...> Рассказы, бесконечные рассказы. Медали, иконы, слезы — предметы ныне не существующих цивилизаций — развили во мне ощущение, сначала интуитивное, потом осознанное, что ничто в этой жизни не твердо, ничто не продолжительно»¹⁰. Вслед за отцом-военным семья Эльснер-Кверча кочевала по Италии и ее африканским колониям, всегда, впрочем, возвращаясь в Неаполь.

Открытый дом держала Елена Константиновна Солдатенкова, светл. княжна Горчакова (1873–1948), внучка знаменитого канцлера, проживавшая на собственной соррентийской вилле (Villa Gortschakoff), купленной ее отцом еще в 1885 г. К 1930-м гг. ее благосостояние значительно приуменьшилось, и Солдатенковой пришлось продать фамильный дом, но все-таки она оставалась влиятельной персоной русской колонии. Близкой к Солдатенковой была московская художница Елена Альбрехт, вышедшая замуж за неаполитанского литератора-толстовца Уго Арлотту, — эта семья также обосновалась в Сорренто еще до революции¹¹. Другая приятельница Солдатенковой, София Богданова, познакомилась со своим будущим мужем-неаполитанцем, направляясь на пригородном поезде именно на Виллу Горчакофф. Ее внучка, римлянка Джованна Витальяна, характеризует русских в Неаполе как «идеалистов, оторванных от действительности. Все они страстно любили Россию и ненавидели тех, кто

ее отнял. Большевизм для них был жуткой вещью, и поэтому многие поддерживали убежденного антикоммуниста Муссолини, а некоторые видели даже в немцах потенциальных освободителей их родины. Убеждения в неаполитанской колонии были разные — объединяла любовь к России. Моя бабушка, например, часто говорила мне, что Красная армия ужасна, но ужасна и Белая...»¹².

В качестве компаньонки «княгини Горчаковой» (в Италии употреблялась обычно ее титулованная девичья фамилия), по данным полиции, в Сорренто проживала петербурженка Надежда Федотовна Любавина, урожд. Поветкина (1854–1938). Она пробовала свои силы как керамист-любитель: на противоположном Амальфитанском берегу Соррентийского полуострова после Первой мировой войны в местечке Вьетри-суль-Маре действовала керамическая фабрика «Industria Ceramica Salernitana», где и работала Любавина. О ней, как о «симпатичной русской даме», вспоминала профессиональный керамист из Германии Лизель Оппель¹³. Любавина, вероятно, жила некоторое время при фабрике — ее имя встречается в «Гостевой книге» 1932 г. немецкого семейства керамистов Ганнаш, куда эмигрантка записала итальянскую фразу, со ссылкой на Толстого: «Нужен идеал, путеводная звезда. Без нее нет истинного направления движения, нет жизни»¹⁴.

Еще одно семейство, Дорн, также было центром русской жизни в Неаполе. Оно считало себя неаполитанским, хотя по национальному составу было немецко-русским: Антон Дорн, знаменитый биолог, был женат на дочери саратовского губернатора М.Е. Барановской (большое приданное жены помогло ему основать Неаполитанскую зоостанцию¹⁵), а его сын Рейнхард — на Т.Р. Живаго, дочери видного инженера-путейца, одного из строителей Транссибирской магистрали. Когда, уже после революции, Дорнов спрашивали, каковы были их утраченные владения в России, они обычно отвечали: «Размером с Сицилию»¹⁶. Семья Дорнов жила в центре Неаполя, на фешенебельной улице Криспи, и в саду их особняка происходили самые разнообразные события, даже крещения, проводимые архимандритом Симеоном (Нарбековым), наезжавшим из Рима. Во время войны особняк был разбомблен англо-американской авиацией, при

этом погибла компаньонка Дорнов Ольга Митрофановна Иванцова, урожд. Арнольди (1863–1943). Она была профессиональным археологом, работала в Помпеях и на других раскопках; в Италию ей удалось официально эмигрировать из СССР в конце 1920-х гг. Полицейское досье 1932 г. сообщает о ней, что она, будучи «советской подданной» (sic), проживала в Неаполе «по мотивам здоровья, а также потому что здесь похоронен муж»¹⁷. Несколько особняком держались дочери знаменитого анархиста, осевшие в Неаполе задолго до революции, София Михайловна Бакунина, в замужестве Каччопполи (1870–1956), и Мария Михайловна Бакунина, в замужестве Ольяроло (1873–1960); последняя вела в университете курс химии.

Таким образом, в Неаполе и его ближайших окрестностях (Капри¹⁸ и Сорренто) «первую волну» эмиграции составили преимущественно «русские жены», не оказавшие значительного влияния на местную культуру и со временем ассимилировавшиеся.

Совсем иная ситуация сложилась на Амальфитанском побережье, где русская колония сыграла важную роль в разных сферах местной жизни. Столица побережья, Амальфи, а также соседние поселения Равелло и Позитано в 1920–1930-е гг. стали своеобразным убежищем для разного рода иностранцев: их привлекала патриархальная дешевизна этих мест и относительно либеральный общественный климат «под сенью» соседнего космополитичного и богемного Капри. После прихода Гитлера к власти в Германии и после аншлюса Австрии преобладающим элементом здесь стал немецкоязычный. Это был воистину странный феномен: в фашистской Италии находили приют идейные противники нацистского режима и преследуемые им евреи. Для таковых категорий убежище, впрочем, оказалось ненадежным¹⁹: в конце 1930-х Муссолини сблизился с Гитлером, а в 1938 г. в Италии были введены так называемые расовые законы, и немецких и австрийских евреев вынудили бежать далее, а оставшихся позже депортировали в концлагеря. Русская эмиграция, конечно, не пережила такой драмы. Однако и она, в той или иной степени, испытывала нарастающее давление режима.

Самым первым жителем-россиянином Амальфитанского побережья, еще до революции, стал литератор Михаил Николаевич Семенов (1873–1952)²⁰. Купив в Позитано полуразрушенную

мельницу, он решил переждать тут Первую мировую войну, а за ней и революцию. В Советскую Россию ему, однако, не хотелось возвращаться, и со временем его гостеприимная мельница стала удобной дачей для многих артистов-эмигрантов — С.П. Дягилева, В.Ф. Нижинского, И.Ф. Стравинского. Приезд Леонида Федоровича Мясина (1985–1979)²¹ стал судьбоносным: хореографу, делавшему блестящую карьеру на Западе, необычайно понравился этот уголок, точнее — маленький архипелаг перед Позитано, Ли-Галли. «Я чувствовал, — позднее писал Мясин — что здесь мог бы найти уединение, в котором нуждался, откажись я от изнуряющего давления избранной мною карьеры, и решил, что однажды куплю эти островки и сделаю их своим домом»²². В итоге Семенов стал исполнять роль «мажордома» хореографа, организовывая на Ли-Галли побывки самого Мясина и его друзей, а на досуге сочиняя мемуары, изданные затем на итальянском языке с символическим титулом «Бахус и русалки» (Рим, 1950).

Позитанцам литератор запомнился своим экстравагантным поведением: любясь стихией, он в шторм уходил в море, разгуливал по своим владениям нагишом, утверждая, что ему необходим полный контакт с природой, вечера проводил в трактире, обучая посетителей азартным играм. Однако за внешне удачной интеграцией стоял драматический опыт: еще в 1919 г. Семенова пытались депортировать из Италии из-за отсутствия вида на жительство (в действительности в нем подозревали «красного» агента — эти подозрения позднее разделяли и многие эмигранты). Без сомнения, именно «дамоклов меч» депортации подвиг литератора в позднейшем на сотрудничество с секретными службами муссолиниевского режима.

В конце 1920-х гг. в Позитано обосновался участник Гражданской войны, живописец-самоучка Иван Панкратьевич Загоруйко (1896–1964)²³. Талантливый пейзажист, он писал и портреты местных жителей, а также виды покинутой России. Необычна серия видов Валаамского монастыря, который художник посетил в середине 1930-х гг., когда ладожский архипелаг входил в состав Финляндии. Ему принадлежит и большое трагическое полотно символического значения: отрубленные головы витязей на поле, заросшем чертополохом, на фоне горящего Кремля. Загоруйко пользовался успехом, но его судьба серьезно измени-

лась во время Второй мировой войны, когда фашистские власти решили удалить иностранцев из стратегических зон, в том числе с Амальфитанского побережья: они опасались, что те будут подавать тайные знаки англо-американской авиации и субмаринам. Наиболее эффективным средством защиты в тот период стали фальшивые справки о болезнях: такую бумагу предоставил в полицию и Загоруйко. В итоге ему разрешили остаться в Позитано, но он был вынужден подписать Предупредительный протокол (*Verbale di diffida*), в соответствии с которым ему запрещалось принимать гостей у себя дома, уходить за городскую черту Позитано и писать картины на пленэре. Пейзажи служили основной тематикой живописца, и для него наступили голодные времена. С окончанием войны Загоруйко вновь деятельно включился в художественную жизнь.

Его коллега по искусству, художник Василий Николаевич Нечитайлов (1888–1980)²⁴, обосновался в этих краях, вероятно, благодаря знакомству с Загоруйко в рядах Добровольческой армии. Первые эмигрантские годы он провел в Болгарии, затем перебрался во Францию, а в 1936 г. после кратковременных остановок в Венеции, Флоренции и Риме поселился в Позитано, когда там уже жил Загоруйко. Оба художника завоевали признание в амальфитанском краю, но их пути были различны: если Загоруйко писал натуру и портреты, то Нечитайлов сосредоточился на религиозной живописи. К концу 1930-х гг. относится его сближение с местным духовенством, а также конфессиональная перемена: Нечитайлов стал католиком восточного обряда и номинально был включен в состав русско-католического прихода в Риме, единственного такого рода в Италии, с богослужениями на славянском языке²⁵.

Военный период он провел в тихом горном Равелло, стараясь не привлекать к себе внимания. В послевоенные годы его покровителем стал епископ Анджело Россини, в 1947–1965 гг. — председатель Амальфитанской кафедры. По его заказу художник написал ставшую известной картину «Чудесный лов». Помещенная на входной стене кафедрального собора Амальфи, в крипте которого почивают мощи апостола Андрея, вывезенные из Константинополя во время Четвертого крестового похода, картина своим сюжетом была связана с Первозванным апостолом. Осо-

бую популярность «Чудесному лову» сообщили образы рыбаков и учеников Христа, в которых живописец передал черты знакомых ему амальфитанцев. В одном из персонажей, согласно ренессансной традиции, автор изобразил себя. Собор Позитано украшает близкая по манере картина, написанная Нечитайловым в 1950-е гг. На ней изображено важнейшее местное событие XII в. — прибытие морем чудотворной богородичной иконы. Среди персонажей, ее встречающих, жители Позитано узнавали себя и автора картины. Еще одним выдающимся произведением Нечитайлова стала картина «Амальфитанская Мадонна», украсившая алтарь домового храма в бывшей Амальфитанской семинарии. Характерно, что в образе Девы Марии, запечатленной на фоне изрезанного побережья Амальфи, просматриваются славянские черты.

По характеру Нечитайлов был нелюдимым и неохотно шел на общение; основным его увлечением являлось пчеловодство. В этой сфере художник достиг такого авторитета, что в 1947 г. был приглашен на Первый общеитальянский конгресс пчеловодов в Анконе²⁶. К концу жизни Нечитайлова начали мучить призраки Гражданской войны, чекисты, «красные» шпионы и т. п. Художник почти никого не подпускал к себе, уничтожил личный архив, а в последние дни, весной 1980 г., говорил исключительно на русском языке, понять который никто из окружавших его амальфитанцев был не в состоянии...

В гости к художникам, в первую очередь к общительному Загоруйко, приезжали их коллеги. Несколько лет прожил в Позитано Григорий Ошеров, произведения которого пополнили Картинную галерею Салерно. Его имя фигурирует в составленном в 1941 г. списке иностранцев, подлежащих удалению с Амальфитанского побережья, наряду с именем Загоруйко. Однако в отличие от последнего Ошерову не удалось избежать депортации, и следы его затерялись. Об этом русском эмигранте оставил литературное свидетельство немецкий изгнанник Вальтер Мекмауэр: «В наших глазах каждый в своем роде имел нечто значительное и привлекательное: художник Григорий Ошеров, которого я знал уже по Берлину, эмигрировал из России еще до 1917 года, и после почти 20-летнего обитания в Берлине был снова вынужден пуститься в странствия...»²⁷. Ошеров благодаря

своей немецкой культуре легко сошелся с беженцами из Германии и Австрии, свидетельство чему — серия портретов семьи Гаральда Тиля, либерального журналиста, удалившегося в Позитано в самоизгнание. Часто бывали на живописном Амальфитанском побережье другие художники — Константин Иванович Горбатов²⁸, Андрей Яковлевич Белобородов²⁹, Алексей Владимирович Исупов³⁰, Борис Георгиев³¹.

Крупнейший вклад в развитие местных художественных ремесел внесла Ирина Вячеславовна Ковальская (1905–1991), которую из-за ошибочной изначальной записи именуют в Италии «Kowalska». Ирина родилась в Варшаве; ее мать (урожд. Фридляндер) была родом из Петербурга. Сразу после окончания советско-польской войны Ковальские переехали в Вену, где Ирина закончила художественное образование. На итальянском юге она обосновалась с 1934 г., посвятив необычайно много усилий развитию керамического производства, центр которого издавна сложился в местечке Вьетри-суль-Маре. Ей же принадлежат многие образцы дизайна, способствовавшие появлению особого Позитанского стиля (Moda Positano). Ковальская вращалась преимущественно в немецкоязычном мире, и на Амальфитанском побережье она нашла спутника жизни — писателя Армина Т. Вегнера (1886–1978), известного своим страстным разоблачением геноцида армян в Турции. В 1933 г. Вегнер написал открытое письмо к Гитлеру с требованием прекратить расовые преследования, за что был заключен в концлагерь, а по освобождении навсегда покинул родину, обосновавшись в 1936 г. в Италии.

Держался ближе к немецкой колонии другой беженец из Советской России, Лев Абрамович Нуссинбаум (1905–1942), родом из Баку, принявший в эмиграции, в Стамбуле, мусульманство с именем Эссад-бей³². До Позитано он жил в Германии, а с приходом Гитлера к власти — в Австрии, сочиняя (по-немецки) увлекательные романы, доньше публикуемые на разных языках³³. По отцу еврей, по матери русский, Эссад-бей попал под подозрение в еврействе, но сумел остаться в Позитано, заявив, что он — мусульманин-азербайджанец, и предъявив лояльную брошюру «Магомет» (Флоренция, 1939), где говорилось и о духовной близости Пророка к Дуче. О прибытии Нуссинбаума немецкая писательница Элизабета Кастоньер³⁴ рассказывала следующее: «Од-

нажды откуда-то вынырнул русский турок по имени Эссад-бей, в сопровождении одной дряхлой дамы, говорившей исключительно по-русски и некогда бывшей, по уверению Эссад-бея, его няней³⁵. В качестве документа он предъявлял посадочный билет “Norddeutschen Lloyd”, в глазах почтительных карабинеров являвшийся дипломатическим паспортом»³⁶. Однако атмосфера на побережье стремительно менялась – прежде вежливые карабинеры все чаще и чаще останавливали иностранных жителей, явно следуя полученным свыше инструкциям. Многие решили ехать куда-то дальше, но, как пишет Кастоньер, «человеческие реликты, выброшенные в Позитано, были слишком бедны, чтобы оплатить возжеленное трансатлантическое плавание, да и получить визы было невозможно. В результате праздновали, с дешевым вином и бутербродами с помидорами и рыбой, всяческие мелкие события – такие, как прибытие нового эмигранта и даже присылку из Вены фрака Эссад-бея»³⁷. Когда Нуссинбаума как иностранца все-таки решили выселить с побережья, он, как и Загоруйко, воспользовался помощью знакомых медиков, однако в его случае заболевание было настоящим, и в 1942 г. молодой литератор скончался от гангрены. В метриках (anagrafe) местного муниципалитета после его кончины появилась запись «американский гражданин арийской расы» – небывалый пример посмертной мистификации. На кладбище Позитано над могилой Нуссинбаума было водружено традиционное мусульманское надгробие с тюрбаном, что породило в среде местных жителей мнение, что покойный был арабом...

В целом война нанесла сокрушительный удар по едва сформировавшейся русской колонии на Амальфитанском берегу. В 1939 г. спустя несколько месяцев после начала войны в Позитано, в самом космополитичном поселении берега, власти составили первые списки иностранцев, подлежащих удалению «из-за состояния войны»: из россиян в реестр были включены Зинаида Гельштром (урожд. Смолянова), Николай Тимофеев, Иван Аврин, Александр Зесевич, Людвиг Клинкас, Федор Думлер³⁸. Конечно, беженцы пытались уклониться от высылки, о чем свидетельствует переписка полиции г. Салерно с городскими властями Позитано, в которой лаконично сообщалось, что прошение такого-то аполида (Тимофеева, Думлера и проч.) остаться в По-

зитано «не удовлетворено: необходимо незамедлительное удаление с последующим рапортом»³⁹. Следы высланных беженцев затем терялись, за редкими исключениями: об Аверине в Позитано сообщили, что он скончался в сентябре 1941 г. в римском госпитале, а Гельштром после окончания войны, которую она провела интернированной в Аbruццких горах, удалось вернуться (единственной) в Позитано.

После начала агрессии против СССР со стороны Германии и союзной Италии линия властей еще более ужесточилась: 29 июля 1941 г. начальник полиции (квестор) Салерно разослал по всем муниципалитетам своей провинции следующий циркуляр: «весьма вероятно, и более того, наверняка, коммунизм вновь с полной силой примется за свою деятельность против Италии и Фашизма. <...>. Нельзя исключить, что при нынешней опасности большевизма его сторонники овладеют новой тактикой и попытаются ввести в Италию взрывчатые вещества для исполнения террористических актов. <...> Поэтому господа подеста (титул мэра при Муссолини. — М. Т.) должны организовать тщательное наблюдение в собственных коммунах над иностранцами»⁴⁰. В соответствии с этим распоряжением из Позитано были удалены, из сумевших прежде избежать высылки, студент Павел Дворкин и художник Григорий Ошеров (оставлены, по состоянию здоровья, всего лишь двое — Загоруйко и Нуссинбаум).

По окончании Второй мировой войны итальянский юг увидел новую волну эмиграции из России, получившую название «второй». Для так называемых перемещенных лиц (ди-пи) тут были основаны огромные лагеря, в первую очередь в Пагани и в Баньоли. Дипийцы и не скрывали своего отношения к Италии как к перевалочному пункту, и всеми силами стремились уехать из Европы — подальше от карающей десницы советских органов, занятых принудительной репатриацией. Итальянскому югу и жизни тут русских дипийцев посвящены многие страницы воспоминаний Бориса Николаевича Ширяева (1889–1959) «Ди-Пи в Италии» (Буэнос-Айрес, 1953). Книга обнаруживает легкость пера, юмор и иронию, которые, впрочем, оставляют место и для трагических пассажей (в одном из них, например, повествуется о выдаче беженцев советским карателям, которых автор называет «охотниками за черепами»). Жизнь Ширяева в Италии про-

текала не только в атмосфере непреходящей угрозы насильственной репатриации, но и в постоянной борьбе с мифологизированным сознанием итальянцев, долго считавших СССР «раем для трудящихся». И вместе с тем бывший соловецкий каторжник, в изгнании перепробовавший множество профессий — вплоть до продавца кукол, — горячо полюбил эту страну. За многочисленными ироничными пассажами сквозит его нежность и даже привязанность к Италии, покоровшей его как глубокой историей, так и непосредственностью, темпераментностью и отзывчивостью местного люда. Парадоксально: вся книга повествует о драматической битве автора за право уехать «за океан», что в итоге ему и удается; однако проходит несколько лет, и Ширяев при первой возможности сюда возвращается — уже защищенный, правда, аргентинским паспортом. В Лигурии, в предместье курортного городка Сан-Ремо, и закончился земной путь литератора.

Можно с уверенностью сказать, что именно на юге Италии Ширяев окончательно сформировался как писатель. После первого, чисто филологического труда, «Обзор современной русской литературы», вышедшего по-итальянски (Венеция, 1946), он пишет рассказ «Соловецкая заутреня», ставший камертоном последующей «Неугасимой лампы» (Нью-Йорк, 1954)⁴¹. На рубеже 1940–1950-х гг. в самых различных эмигрантских изданиях — в «Русской мысли», «Часовом», «Гранях» — выходят художественные произведения Ширяева, сочиненные преимущественно в лагере дипийцев в Пагани.

Недалеко от Пагани, где жил Ширяев, в городке Портичи, завершилась жизнь другого видного дипийца, священника Евгения Аракина (1886–1957). В конце Второй мировой войны он эмигрировал в Италию из Югославии, войдя в «парижскую» юрисдикцию митрополита Евлогия и обслуживая церкву в лагерях для перемещенных лиц сначала на севере, а затем на юге страны⁴².

Из представителей «третьей волны» на юге Италии самым ярким стал Рудольф Нуреев — своим легендарным бегством в 1961 г. он по сути дела инициировал эту волну. В 1988 г. наследники Л.Ф. Мясина продали острова Ли-Галли Нурееву, мечтавшему о собственной даче на Средиземноморье, где, по его

словам, он мог бы «опустить усталые ноги в море»⁴³. Таким образом здесь сложилась интересная преемственность двух «волн» — первой и третьей. Однако тяжело больному танцовщику не удалось в полной мере насладиться своим средиземноморским приобретением...

В результате всех перипетий к концу XX в. в Неаполе и его окрестностях жизнь «исторической» русской диаспоры оборвалась⁴⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Харкевич А.К. Дневник многих лет (рукопись) // Архив Г.С. Дозмаровой-Харкевич (Флоренция).

² Известны, конечно, и случаи щедрой поддержки, в первую очередь со стороны княгини М.П. Аабмелек-Лазаревой, урожд. Демидовой, княжны Сан-Донато.

³ Questura di Napoli. Archivio di Gabinetto; quarta serie, V. 49. Fasc. 965 (1925–1935) // Archivio di Stato di Napoli.

⁴ См. биографию Е.В. Ростковской: Bordato E. Sotto un cielo straniero. Rovereto, 2002 С. 328–331, а также рец. на это издание: Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX веке. М., 2003.) С. 328–331.

⁵ Questura di Napoli. Archivio di Gabinetto; quarta serie...

⁶ Ibid. Владимир Френкель (он же Вульф) — автор публицистических брошюр «La rivoluzione russa» (Roma, 1917), «Finis Russiae?» (Roma, 1918) и нескольких краеведческих очерков об итальянском юге (1920-е гг.).

⁷ Questura di Napoli. Archivio di Gabinetto; quarta serie... О Николае Александровиче Бенуа см. статью П. Деото в наст. изд. — *Примеч. ред.*

⁸ См. Талалай М.Г. Российское православие в Неаполитанском королевстве // Истина и жизнь. 2004. № 10. С. 30–34.

⁹ См. о В.Ф. Эльснер воспоминания ее дочери: Дети двух миров. Мемории русско-итальянского семейства Татьяны де Бартоломео. Милан; СПб, 2002.

¹⁰ Там же. С. 33.

¹¹ Подробнее об этой русско-неаполитанской семье см.: Talalay M. Villa Arlotta sul promontorio di Caporiva. Un angolo russo-italiano a Sorrento // Genius Loci, vol. V (2003). P. 40-43.

¹² Устное сообщение.

¹³ Riccardo Doelker. Soggiorno Italiano. Catalogo della mostra (Vetri sul Mare, Palazzo della Guardia, 6 giugno — 10 luglio 1996) / A cura di M. Romito. Salerno, 1996. P. 64.

¹⁴ La ceramica vietrese del «periodo tedesco», Atti del Seminario Internazionale (Raito di Vietri sul Mare, Villa Guariglia, 26-29 novembre 1996) / A cura di M. Romito. Salerno, 1999. P. 16.

¹⁵ См. о русских ученых на зоостанции статью С.И. Фокина в наст. изд.

¹⁶ Устное сообщение Джованны Витальяны.

¹⁷ Questura di Napoli. Archivio di Gabinetto; quarta serie... В Неаполе, действительно, на новом Британском кладбище погребен профессор биологии Николай Александрович Иванцов (1863–1927).

¹⁸ Богатая русская жизнь на Капри после отъезда М. Горького в 1913 г. постепенно сошла на нет, а в 1920-е гг. остров стал превращаться в дорогостоящий модный курорт, малогостеприимный для беженцев; см. об этом специальную статью: Талалай М.Г. Русский Капри после Горького // Проблемы истории Русского зарубежья. Вып. 1. М: ИВИ РАН, 2005. С. 254–265.

¹⁹ Выражение «Ненадежное убежище» введено немецким исследователем Карлом Фойгтом, написавшим книгу об эмиграции в Италию из Германии и Австрии; см. Voigt K. Il rifugio precario. Gli esuli in Italia dal 1933 al 1945. Firenze, 1993.

²⁰ См. о Семенове статью В.И. Кейдана в наст. изд.

²¹ См. Мясин Л.Ф. Моя жизнь в балете. М., 1997. В память о пребывании в Позитано хореографа тут учреждена ежегодная международная премия им. Мясина, присуждаемая лучшим начинающим танцовщикам.

²² Там же. С. 136.

²³ В 1995 г. в Позитано проведена выставка картин И.П. Загоруйко; см. ее каталог: Ivan Giovanni Zagoruiko. I Pittori Russi a Positano. Catalogo della Mostra (Positano, Oratorio della Chiesa Madre, 9–29 settembre 1995) / A cura di M. Bignardi. Ravello, 1995.

²⁴ См. о нем: Cola Volpe A. Ricordo di Vassilij Nikolaevic Necitailov. Il pittore russo // La voce del pastore. Luglio-Agosto 1980. P. 6-7; Id. Amalfi e il suo Apostolo, Salerno, 2001. P. 224, nota 117; Imperato G. Vassilli Nikolaevic Necitailov // Ricordi di Ravello / A cura di S. Ulisse di Palme. Salerno, 2001. P. 78-79; Талалай М.Г. «Эрмитаж» в Средиземноморье: художник Василий Нечитайлов и его окружение // Русское зарубежье. Кн. 3. СПб., 2004. С. 345–348.

²⁵ См. о нем в статье А.В. Юдина в наст. изд. — *Примеч. ред.*

²⁶ I° Congresso apistico nazionale, Ancona, 25–27 ottobre 1947. Resoconto stenografico. Torino, 1948.

²⁷ Meckmauer W. Positano. Die heiligen Traume. Karlsruhe, 1963. S. 36 (немецкие источники по эмиграции на Амальфитанском побережье любезно указал итальянист Д. Рихтер (университет г. Бремна));

Вальтер Мекмауэр (1889–1966), известный романист, по происхождению еврей, но в Италии принял католичество. Во время визита Гитлера в Италию в 1938 г. был превентивно посажен в тюрьму в г. Салерно, но по освобождению сумел уехать во Францию, а затем в Швейцарию.

²⁸ См. о Горбатове: Gavrilin K. Il pittore K.I. Gorbатов a Capri // Capri: mito e realta nelle culture dell'Europa Centrale e Orientale / A cura di M. Bohmig. Salerno; Napoli, 2005. P. 227–248.

²⁹ О Белобородове см. отдельный очерк А.Б. Шишкина в наст. изд. — *Примеч. ред.*

³⁰ Биобиблиографическую справку о А. Исупове см.: Лейкин Л., Махров К., Северюхин Д. Художники русского зарубежья. СПб., 1999.

³¹ О Б. Георгиеве известно лишь, что Загоруйко считал его своим учителем и что до эмиграции он жил в Киеве. В 1937 г. Георгиев гостил в Позитано, свидетельством чему служит карандашный портрет Загоруйко, репродуцированный в небольшой брошюре «Giovanni Zagoruiko» (Позитано, 1963, текст Н. Бавастро).

³² См. его биографию: Talalay M. Essad Bey, alias Lev Nussinbaum, uno scrittore in fuga dai totalitarismi // Intellettuali, storici, economisti di fronte ai totalitarismi nell'Europa Centro-Orientale / A cura di A. Basciani. Roma, 2005. P. 39–43.

³³ Самый популярный роман Эссад-бея, опубликованный под псевдонимом Курбан-Саид, — «Али и Нино», переведенный в 1970 г. на английский эмигранткой из СССР Женей Граман; см. другие его произведения в хронологическом порядке: Zwolf Geheimnisse im Kaukasus. Berlin-Zurich, 1930 (англ. пер.: Twelf secrets of the Caucasus, 1931); Ol und Blut im Orient. Berlin, 1930 (англ. пер.: Blood and Oil in the Orient, 1931); Stalin. Eine Biographie. Berlin, 1931 (фр. пер.: Staline, 1931); Der Kaukasus. Seine Berge, Volker und Geschichte. Berlin, 1931; Mohammed. Eine Biographie. Berlin, 1932 (переизд.: Leipzig; Weimar, 1991; Darmstadt, 1991; Munchen, 1993; Berlin, 2002; ит. пер.: Maometto. Firenze, 1939; фр. пер.: Mahomet. Paris, 1971); Die Verschwörung gegen die Welt: G.P.U. Berlin, 1932; Das weiße Rußland. Menschen ohne Heimat. Berlin, 1932 (переизд.: Leipzig, 1991); Flussiges Gold. Ein Kampf um die Macht. Berlin, 1933 (переизд. под титулом: Flussiges Gold. Der Kampf um die Ölquellen. Zurich, 1937; фр. пер.: L'epopee du petrol. Paris, 1934); Rußland am Scheidewege. Berlin, 1933; Nikolaus II. Glanz und Untergang des letzten Zaren. Berlin, 1935; Reza Schah. Feldherr, Kaiser, Reformator. Leipzig; Wien, 1936; Allah ist groß. Niedergang und Aufstieg der islamischen Welt von Abdul Hamid bis Ibn Saud (вместе с В. Фон Вайслем), Leipzig-Wien, 1936; произведения под псевдони-

мом Курбан-Саид: Ali und Nino. Wien, 1937 (переизд.: Bern, 1973; Gutersloh, 1973; Frankfurt, 1981; Bern 1989; Berlin, 2000; англ. пер.: Ali and Nino. New York, 1970; London 2000; голл. пер.: Ali en Nino. Amsterdam, 1974; фр. пер.: Ali et Nino. Paris, 2002); Das Madchen vom goldenen Horn. Wien; Leipzig, 1938 (переизд.: Frankfurt, 1975; голл. пер.: Het meisje van de Gouden Hoorn. Amsterdam, 2002.

³⁴ Э. Кастоньер (1894–1975) — журналистка еврейского происхождения, близкая к левым кругам берлинской интеллигенции, эмигрировала в 1934 г. в Австрию, а оттуда в 1938 г. — в Италию, где, однако, пробыла из-за введения расовых законов всего лишь несколько месяцев; сбежав из Италии через Францию в Англию, по окончании войны вернулась в Германию.

³⁵ Алиса Шюльте (1868–1958) — уроженка Латвии (р. 1868), в самом деле была няней Нуссинбаума, эмигрировавшей вместе с ним из Баку в Европу; среди жителей Позитано ходили и слухи, что она якобы являлась его матерью.

³⁶ Castonier E. Sturmisch bis heiter. Memoiren einer Au?enseiterin. Munchen, 1964. S. 305.

³⁷ Ibid.

³⁸ Archivio Comunale di Positano, Cart. A 15. Fasc. «Forestieri a Positano».

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid. Fasc. «Pubblici esercizi».

⁴¹ Ширяев писал «Неугасимую лампаду» в г. Пагани, однако в самой книге он указал о. Капри как место ее сочинения: Соловки, 1925 — Капри, 1950; вероятно, ему понадобилась «переключка» островов в Белом и Средиземном морях.

⁴² Подробнее об о. Евгении Аракине в статье А. Нивьера в наст. изд. — *Примеч. ред.*

⁴³ О связях Р. Нуреева с Италией см. Pasi M., Pienotti L. Nureyev. Milano, 1999; Ottolenghi V. Rudolf Nureyev alla Scala. Milano, 2001; Crippa V. Nureyev. Milano, 2003.

⁴⁴ 27 февраля 2006 г. скончалась последняя представительница старой колонии Антонелла Дорн, дочь Татьяны Живаго и Рейнхарда Дорна, внучка основателя Неаполитанской зоостанции А. Дорна.

Л.И. ПЕТРУШЕВА (*Москва*)

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ИТАЛИИ ПО ДОКУМЕНТАМ ПРАЖСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для русских Рим, Италия имели особое значение. Еще до революции здесь побывали и подолгу жили многие наши выдающиеся соотечественники. Для многих из числа послеоктябрьской эмиграции Италия стала второй родиной. История русской эмиграции в Италии не могла не отразиться в материалах одного из крупнейших архивов, созданных в эмиграции, – Русского заграничного исторического архива в Праге (РЗИА).

Комплекс документов, относящихся к истории пребывания в Италии беженцев из России после событий 1917 г. и Гражданской войны, не столь велик, чтобы в полном объеме удовлетворить научные интересы историков без привлечения исторических источников из других архивов. В его состав кроме архивных материалов немногочисленных фондов эмигрантских организаций, созданных в Италии, должны быть включены материалы, отложившиеся в фондах дипломатических учреждений, политических и общественных организаций и объединений, чья деятельность проходила в других странах русского рассеяния, а также хранящиеся в личных фондах известных деятелей эмиграции.

Начать обзор документов Пражской коллекции Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) следует с источников, содержащих сведения о численном составе русских беженцев в Италии. Как известно, точных статистических данных из-за отсутствия какой-либо регистрации нет. В распоряжении историков имеются немногочисленные документальные источ-

ники на этот счет, некоторые из них содержат численные показатели русских эмигрантов в Италии. Так, на карте-схеме «Русская эмиграция в Европе», зафиксировавшей численный состав эмигрантов по состоянию на 1 января 1921 г., указано, что 20 тыс. русских беженцев прибыло в Италию¹. Для сравнения: в Англию в тот период прибыло 12 тыс. беженцев, в Болгарию — 12 тыс., в Чехословакию — 5 тыс., во Францию — 65 тыс.² К середине 20-х гг. картина резко изменилась. Произошел отток русской эмиграции из Англии, в то время как в Болгарии и Чехословакии их число возросло. В каждой из этих стран проживало по 30 тыс. русских эмигрантов. Франция предоставила возможность для проживания 200 тыс. беженцев, а по некоторым данным — 400 тыс.

По данным Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (Париж) — организации, созданной в 1921 г. для оказания беженцам всех видов помощи и в силу поставленных задач собиравшей необходимые сведения, — в 1921 г. в Италии было 15 тыс. русских беженцев³.

К середине 20-х гг., когда несколько стабилизировалось экономическое положение в большинстве европейских стран и закончилось перемещение беженских потоков из одной страны в другую, в Италии по данным, которыми располагало Российское посольство в Италии⁴, число эмигрантов к 1922 г. составляло уже только 5 тыс.⁵ Предприняв попытки выяснить численность русских эмигрантов, посольство столкнулось с целым рядом трудностей. Из разных источников были получены противоречивые данные, согласно которым численность колебалась от 700 до 20 тыс. человек. Министерство внутренних дел Италии сообщило, что число русских, получивших в 1921 г. «билеты» на жительство, составило 3500 человек. Посольство России, считая, что возможность проживания без этих «билетов», к тому же в 1922 г. отмененных, была использована немалым числом беженцев, назвало наиболее соответствующей реальному положению численность эмигрантов в 5 тыс. человек, объяснив такое сравнительно небольшое количество теми трудностями, которые были созданы итальянским правительством в выдаче виз на въезд в страну.

Почему же произошел отток русских беженцев из Италии? Основные причины кроются в экономическом положении страны и политике итальянских властей по отношению к русским эмигрантам. Достаточно подробно о причинах того, почему Италия не стала сколько-нибудь крупным центром русского беженства в Европе, рассказывают прежде всего документы дипломатических учреждений бывшей Российской империи.

Российские посольства и консульства сыграли огромную роль в судьбе русских эмигрантов. Вклад в решение вопросов, связанных с обустройством русских эмигрантов, со стороны Российского посольства в Италии, расширившего круг задач по оказанию помощи своим соотечественникам и имевшего в начале 20-х гг. денежные средства, был весьма весомым.

Несмотря на имевшую место в середине 60-х гг. передачу архивов российских дипломатических учреждений из состава РЗИА в Историко-дипломатическое управление МИДа, в Пражской коллекции остался все же достаточно крупный комплекс документов, доступных историкам. Значительный массив информации о русской эмиграции в Италии содержится, например, в фондах канцелярии Министерства иностранных дел при Главнокомандующем вооруженными силами на юге России, Российского посольства в Париже и целом ряде других фондов.

В составе фонда канцелярии МИДа при Главнокомандующем вооруженными силами на юге России в числе других имеется обширная переписка за 1922–1926 гг. поверенного в делах Российского посольства в Италии И.А. Персиани с бывшим послом в Италии, председателем Совещания послов М.Н. Гирсом, а также с К.Н. Гулькевичем — известным российским дипломатом, советником Верховного комиссара Лиги наций по делам беженцев Ф. Нансена. Переписка содержит достоверную информацию о положении русских эмигрантов в Италии, о политике итальянского правительства в отношении русского беженства.

Так, письмо Персиани Гулькевичу от 9 августа 1922 г. специально посвящено этим вопросам. Более того, оно написано по поручению Гирса. Информация предназначалась для ознакомления Лиги наций с решением беженского вопроса в Италии. Из письма следует, что беженский вопрос встал очень остро еще в

1918 г. с открытием Проливов, когда в Италию хлынула большая волна беженцев из России. Многие из них стремились остаться в Италии. Они рассчитывали на то, что в связи с падением курса лиры в 1920 г. жизнь здесь будет достаточно дешевой. Однако их расчеты не оправдались: как отмечает Персиани, в Италии возросла дороговизна жизни «приблизительно в соответствии с падением итальянской валюты»⁶.

Что касалось правового положения, то русские беженцы в Италии проживали на тех же основаниях, что и другие иностранцы. Они пользовались покровительством посольства и консульств. Итальянское правительство признавало выданные ими документы. Представители русского духовенства продолжали вести метрические книги о рождении, смерти и бракосочетании. Далее в письме Персиани подчеркнул, что итальянским правительством «не принимается никаких мер для упорядочения быта русских беженцев, что может быть объяснено незначительным их количеством»⁷. Итальянские благотворительные общества в редких случаях проявляли инициативу в деле помощи русским эмигрантам, правда, по просьбе посольства и созданных эмигрантских организаций иногда оказывали им содействие.

Материальное положение русских было чрезвычайно тяжелым. Найти работу было очень трудно. Работодатели, зная о крайней необходимости получить заработок, предлагали русским оплату труда значительно ниже обычной. В Риме посольство организовало общежитие для нуждающихся, где проживало около 40 беженцев, а также бесплатную амбулаторию. Как сообщил Персиани, в провинции делом помощи русским беженцам занимались российские консулы, собиравшие необходимые для этого средства, главным образом путем организации благотворительных мероприятий. В Неаполе было создано общежитие, размещенное в выделенных для этих целей МВД Италии двух бараках.

В письме к Гирсу от 23 июля 1925 г. Персиани поднял вопрос о правовом положении русских, выехавших из Советской России и имевших советский паспорт, особенно той их части, которая была связана с Россией семейными или деловыми узами и не могла порвать связь с родиной, боясь, что их «измена» отразит-

ся на судьбе родных и близких. Кроме того, им трудно было получить свидетельство личности, а тем более итальянский паспорт. Итальянские власти заявляли, что они не могут самостоятельно лишать гражданина другого государства подданства и выдавать ему какие бы то ни было документы. Как известно, Италия не присоединилась к конвенции держав о выдаче русским беженцам паспортов Лиги наций. Положение человека с «красным» паспортом было трудным. Власти тщательно следили за их пребыванием, вели их точный учет, что делало невозможным сокрытие «красного» паспорта. С другой стороны, русские эмигранты относились к людям с «красным паспортом» с большим недоверием и не допускали в свою среду. Как писал Персиани, они оказались в положении «отщепенцев в среде своих же русских, да еще единомышленников»⁸.

Из ответа Гирса становится ясно, что этот вопрос был важен для эмигрантов и в других странах: «Мы не делим эмиграцию на две половины в зависимости от года выезда лиц из России или от порядка этого выезда. Но иностранные власти, не без формальных оснований — не склонны придерживаться нашей точки зрения и считают лиц, принадлежность которых к подданству СССР удостоверена формальными документами, подведомственными органам СССР за границей»⁹. Гирс высказал мнение, что отдельным лицам, «заведомо эмигрировавшим и хорошо известным» необходимо оказывать поддержку и нельзя требовать, чтобы они уничтожили свои советские документы, если нет гарантии получения иных.

В письме к Гирсу от 9 июня 1926 г. Персиани проинформировал об упрощении процедуры выдачи свидетельств личности. Посольству удалось добиться, чтобы эта процедура больше не требовала явки к дипломатическим представителям СССР с просьбой выдать советский паспорт, после отказа в котором можно было получить итальянское свидетельство. Было признано достаточным, чтобы свидетели подтвердили, что проситель — русского происхождения и другого подданства, в том числе и советского, не принимал.

9 июля 1926 г. Персиани сообщил Гирсу о том, что в МИДе Италии ему было отказано в посредничестве, когда он обратился туда с очередным ходатайством в получении визы для одного

из русских беженцев. Из разъяснений министерства следовало, что до этого времени для русских делалось исключение, так как не было возможности другим путем собирать информацию о въезжающих. Теперь заинтересованные лица должны были сами обращаться в соответствующие консульства Италии.

Важные фактические данные о численности и правовом положении русских эмигрантов в Италии имеются в опросном листе Верховного комиссариата по беженским делам Лиги наций, в котором содержатся ответы итальянских властей от 20 апреля 1926 г. Перевод документа на русский язык находится в составе фонда Объединения земских и городских деятелей в Чехословацкой Республике. В пункте 2 анкеты указан численный состав эмигрантов из России — русских 1154 человек, армян 605 человек. В пункте 3 сообщалось, что число беженцев, способных осуществлять трудовую деятельность, но не имеющих работы, составляло 427 человек. Беженцев, не способных зарабатывать средства на жизнь по возрасту и состоянию здоровья, насчитывалось 120 человек, из них 83 — дети моложе 15 лет. Число беженцев, имевших паспорта и свидетельства личности, — 948 человек (604 — паспорт, 344 — удостоверения)¹⁰.

На вопрос о сумме годового расхода на содержание эмигрантов был дан ответ: «Никакой суммы правительственными властями ассигновано не было, но значительные затраты были сделаны общественными и частными учреждениями (так, например, провинция Бари израсходовала 15 тыс. лир на беженцев)»¹¹.

Далее указывалось, что итальянское правительство согласно с термином «беженец», не возражает против принятия общей формы документов для русских беженцев, так как это даст возможность сразу узнавать, что данное лицо — «хайматлос» (без родины). Оно не возражает против возврата беженцев в Италию, для чего они должны явиться в соответствующие итальянские посольства, не возражало оно и против введения постоянных виз.

Положение русских беженцев в Италии отражалось на страницах бюллетеней различных земских и городских организаций. Так, в Бюллетене Временного главного комитета Всероссийского земского союза № 3 за 1924 г. отмечались трудности в

получении заработка, связанные с острым экономическим кризисом, переживаемым Италией, освещались проблемы в решении паспортного вопроса и др. В нем, в частности, сообщалось, что «было бы несправедливо сказать, что отношение итальянцев к русским беженцам недоброжелательное, наоборот, они относятся к ним иногда даже с трогательным состраданием, но мало понимают, в чем дело, и считают, что теперь русские могли бы спокойно вернуться к себе на родину»¹². В заключение подчеркивалось: «Если русские, проживающие в Италии, жалуются на свою судьбу и часто стремятся переехать в какую-либо другую страну, то это вызвано более всего их незнанием с условиями, существующими в новых местах. Фактически перебиваться кое-как легче и лучше в Италии, чем в других государствах»¹³.

В Италии, как и в других странах, усилиями русских эмигрантов были созданы политические и общественные организации и объединения, особенно в начальный период эмиграции. Сеть созданных организаций и объединений не могла быть широкой и развитой. Это связано, прежде всего, с тем, что русской эмиграции в Италии не оказывалась финансовая помощь со стороны итальянских властей; на их деятельность не отпускались средства из итальянских и международных благотворительных источников. Многие из этих организаций вскоре прекратили свое существование, другие, правда, очень немногочисленные, оказались более жизнеспособными. Их роль в жизни русских эмигрантов в Италии была весьма важной, но, безусловно, более скромной по сравнению с той ролью, которую сыграли эмигрантские организации в ряде других стран. На характер деятельности эмигрантских организаций и объединений повлиял и многочисленный состав русской диаспоры в Италии.

В составе Пражской коллекции ГАРФ имеется архив Организационного бюро в Риме Союза возрождения России в единении с союзниками. Союз был создан в 1918 г., и в его задачи входило содействие восстановлению связей России с союзниками, консолидация лиц для «грядущего возглавления страны» и борьбы против «германского и большевистского засилья»¹⁴. Бюро стремилось создать сеть отделов союза для объединения действий всех антибольшевистских эмигрантских организаций. Воз-

главлял его генерал Е.К. Миллер, товарищем председателя был профессор Е.Ф. Шмурло, среди членов — барон К.К. Таубе, графиня А.Н. Апраксина, князь А.М. Волконский, княгиня С.Н. Барятинская, княгиня С.В. Гагарина и др. В состав союза входили многие известные российские дипломаты — М.Н. Гирс, А.Н. Крупенский, В.Н. Штрэндман, И.А. Персиани и др. Отдел союза во Флоренции возглавлял консул граф И.А. Мусин-Пушкин. Союз существовал до 1920 г.

В Италии, как и в большинстве стран Европы, где расселились русские беженцы, было создано Объединение российских земских и городских деятелей. Земско-городские организации сыграли большую роль в социально-экономической адаптации русских эмигрантов. К сожалению, фонд Объединения земских и городских деятелей в Италии очень невелик, и его документы не могут подробно рассказать о деятельности организации.

Объединение было создано в 1921 г. для защиты интересов и прав российских граждан в Италии. Во главе стоял бывший петроградский голова Г.И. Шрейдер. В состав правления входили М.Л. Мандельштам, И.И. Шрейдер, М.И. Шрейдер, Е.Е. Ханданов, М.М. Дымшиц, Н.Е. Войков. В своей деятельности объединение было связано с Парижским земско-городским комитетом, через который финансировалась работа земских и городских объединений в разных странах, направленная на оказание помощи эмигрантам из России. Деятельность объединения в Италии не получила должного развития. Земско-городской комитет в Париже в 1923–1924 гг. не имел возможности отпускать денежные средства объединению. В тот период из-за серьезных трудностей со сбором денежных средств Парижский земгор приоритетным направлением в своей работе считал финансирование деятельности русских школьных учреждений, которых в Италии не было. Не последнюю роль сыграло, очевидно, и отсутствие должного авторитета у правления объединения, эсеровского по своему составу, в широких эмигрантских кругах в Италии. Правлению пришлось вести серьезную борьбу с рядом других организаций за влияние среди русских беженцев.

Обратим внимание на один любопытный факт, отраженный в документах фонда. В письме, направленном в адрес Парижского земгора 12 августа 1921 г., правление объединения не без осно-

ваний полагавшее, что Италия с ее перенаселенностью и хронической безработицей должна считаться «совершенно исключенной из числа стран, в какой бы то ни было мере открывающих возможность беженской колонизации», проинформировало о проведенных переговорах с руководителем итальянского кооперативного движения Антонио Верньянини. Желая прийти на помощь русским беженцам, он разрабатывал план, осуществление которого позволило бы «посадить в Италии на землю до тысячи взрослых и около 300 детей»¹⁵. Правление ответило согласием подобрать «соответствующий контингент русских, пригодных к земледельческому труду» из числа не только беженцев, но и интернированных.

В составе документальных материалов фондов дипломатических учреждений и земско-городских объединений имеются сведения о деятельности еще целого ряда организаций, созданных в Италии усилиями русских эмигрантов.

Для решения вопросов трудоустройства еще в 1918 г. в Риме был основан Комитет помощи русским в Италии, имевший отделения в крупных городах. Деятельность комитета финансировалась посольством. Его ежемесячный расход выражался в сумме 15–20 тыс. лир¹⁶. В ведении комитета состояли русская читальня в Риме, дешевая столовая, несколько мастерских, где получали работу русские беженцы: дамская мастерская белья, сапожная, переплетная мастерские, бюро по трудоустройству. Нетрудоспособным выдавались пособия. К 1922 г. деятельность комитета ограничивалась финансированием столовой. Кроме того, организацией помощи занимался кружок Св. Петра, созданный при участии Ватикана. Кружок открыл общежитие для 50 русских беженцев, живших до того времени в общежитии при Русском посольстве и покинувших его после передачи здания представителям советского правительства. В 1920 г. в Риме образовалось отделение Российского общества Красного креста.

В архивных документах упоминается деятельность Союза русских офицеров в Италии, Академической группы, при которой функционировала экзаменационная комиссия. Она давала возможность представителям молодого поколения эмиграции по-

лучать аттестаты, приравненные к аттестатам итальянских учебных заведений.

В Италии существовал Союз русских студентов. В 1922 г. в нем состояло 40 человек, 12 из которых обучались в высших учебных заведениях; 26 человек еще не имели такой возможности¹⁷. Союз русских студентов в Италии входил в состав Объединения русских эмигрантских студенческих организаций в Праге.

Заметным явлением в жизни русской диаспоры в Италии были Дни русской культуры, как и в других странах, приуроченные ко дню рождения А.С. Пушкина. В фонде ЦК Дня русской культуры в Праге содержатся отчеты о праздновании этих дней в Италии в 1926–1929 гг. Организацией празднования занимались Русское собрание в Риме и его председатель князь А.М. Волконский¹⁸. В приветственной речи, обращаясь к собравшимся 6 июня 1926 г., Волконский сказал: «...Когда один итальянец спросил меня, малоросс ли я или великоросс, я засмеялся и сказал, что право не знаю: вся безмерная Россия от Камчатки до Белостока (где грань польскому народу), от Соловков до Севастополя — мне одинаково близка, дорога, и дорого мне имя России. И где бы ни пришлось, — в школе, в обществе, в печати ли, мы пред чужеземцами будем неизменно провозглашать имя России и называть себя людьми русскими»¹⁹.

Важное место в комплексе документов Пражской коллекции, связанных с историей пребывания русских эмигрантов в Италии, принадлежит личным фондам государственных, военных, политических деятелей России и эмиграции, деятелей науки и культуры. Так, в Риме в личном фонде Е.Ф. Шмурло, корреспондента Российской академии наук, имеется значительное число рукописей его трудов по русской истории. Среди них «Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией. 1578–1581 гг.», «Москва и Рим», «Посольство в Венецию Чемоданова и Постникова. 1656–1657 гг.», «Италия и Россия в прошлом», «Заметки об итальянской живописи», «О современном Риме». В составе фонда содержится большое число копий документов по истории Российского государства, хранившихся в итальянских архивах, в Ватиканской библиотеке, материалы его служебной и личной переписки, в том числе с итальянскими учеными.

Материалы об экономическом и политическом положении Италии в 20–30-х гг., о режиме Муссолини отложились в личных фондах П.Н. Милюкова, В.М. Чернова, Б.В. Савинкова и др. Русская эмиграция и фашизм — тема, безусловно, для отдельного самостоятельного исследования²⁰. В данной статье, думается, достаточно упомянуть о наличии в фондах РЗИА документов, отражающих большой разброс мнений представителей русской эмиграции по этому поводу.

Немалое число русских эмигрантов испытывали симпатии к фашистской Италии и лично к Муссолини: фашизм для них являлся орудием борьбы национально-демократических сил против большевизма. Другая точка зрения отражена в статье Милюкова «Современная Италия (по личным впечатлениям)», где он отмечает изменения в экономическом развитии страны, рассказывает о достижениях, но в то же время, не будучи сторонником личной диктатуры, осуждает многие стороны внутривнутриполитической жизни Италии. Такую же позицию занимает Чернов. В своей статье «Муссолини, Иден и Лаваль» он дал следующую характеристику Муссолини: «Я знал Муссолини как человека, умеющего соединить в себе в равновесии две, казалось бы, противоречивые черты: величайшее дерзновение пламенного авантюриста и величайшую осторожность холодного калькулятора, именно у него можно было видеть, говоря словами Блока: И в самом буйстве дерзновений / Змеиной хитрости расчет»²¹.

После установления нацистского режима в Германии противники нацифашистской идеологии без особого труда увидели во внешней политике Италии и Германии угрозу миру в Европе и поэтому очень пристально следили за происходившими в мире событиями. Разные оценки этих событий особенно отчетливо отразились в материалах эмигрантской прессы. Вот лишь некоторые заголовки статей: «Опыт Муссолини», «Имперские мечты Италии», «Обручение народа с отечеством», «Вся Италия вверила свою судьбу одному Муссолини», «В Италии запрещены писатели с мировым именем», «Рассовая политика Италии». Так, в статье «Обручение народа с отечеством», опубликованной в газете «Возрождение» от 27 декабря 1935 г., А.В. Амфитеатров²² резко критиковал политику европейских стран, применивших санкции против Италии из-за войны в Абиссинии, кото-

рая, по его мнению, являлась государством со «средневековым строем», где проживало три миллиона «полудикарей». Амфитеатров написал: «Почти полвека я знаю Италию и люблю ее, почти половину жизни своей прожил в ней, сроднился с нею, чувствую ее во всех ее радостях и скорбях. Но никогда еще не была Италия в глазах моих так трогательно, так волнующе прекрасна, как за последний месяц с 18 ноября по 18 декабря — первые четыре недели экономической осады»²³.

Материалы прессы, о которых идет речь, находятся в составе фонда библиотеки Союза ревнителей чистоты русского языка в Белграде. В составе фонда имеются также материалы по истории, культуре, искусству Италии. Среди авторов — З.Н. Гиппиус, В.В. Вейдле, М.В. Бернацкий, В.Ф. Ходасевич, Т.С. Варшер. Они восторгались этой страной, ее историей и культурой, ее вкладом в мировую цивилизацию.

Ряд статей касался истории жизни русских в Италии. Так, Гиппиус, как она сама написала, более двадцати раз в своей жизни посещавшая Италию, в своей статье «Мужья и итальянцы», опубликованной в газете «Сегодня» от 15 сентября 1936 г. утверждала, что «русской эмиграции в Италии нет, даже в Риме нет». «Слово “эмиграция” предполагает известный коллектив, группу, независимо от величины, но связанную, однако, общими интересами, делами, или хоть разговорами и устремлениями. Именно этого-то ничего и нет»²⁴, — писала Гиппиус.

Достижения русской культуры отразились на страницах самых известных эмигрантских изданий, выходивших в разных странах. Автор статьи «Русский режиссер П.Ф. Шаров — руководитель знаменитой итальянской труппы» («Сегодня» от 2 марта 1934 г.) Андрей Г. рассказал о гастрольных поездках по Италии итальянской труппы «Palmer — Cimara Piotta» под руководством Шарова²⁵. Отвечая на вопросы журналиста, Шаров сказал, что «Италия в театральном отношении счастливая страна. Она не знает театрального кризиса»²⁶. Труппа была создана в 1932 г. первыми постановками были пьеса Шнитцлера «Кристина» и А.П. Чехова «Дядя Ваня», на долю которой выпал крупный успех, положивший хорошее начало в творческой деятельности труппы. В ней также работали русский актер И.Ф. Шмидт и драматург Я.Л. Львов.

Варшер в некоторых своих статьях, посвященных культурной жизни Италии, отмечала, что в Римской королевской опере «пахнет русской культурой». В ее постановках участвовали А.А. Санин, Б.Г. Романов, художник Н.А. Бенуа. В ряде статей других авторов упоминаются гастрольные поездки в Италию Ф.И. Шалапина, рассказывается о творческой деятельности таких известных деятелей культуры, как Т. Павлова, руководившая труппой, носившей ее имя «Compagnia Татьяна Павлова»²⁷, дирижер Д.А. Амфитеатров, виолончелист М.А. Амфитеатров и др.

Перов, автор статьи «Русские в Италии», опубликованной в газете «Сегодня» 13 октября 1937 г., рассказывая о своих встречах с русскими соотечественниками, отметил, что представители дореволюционной эмиграции более явно интегрировались в жизнь Италии, многие из них увлекались католицизмом или даже сменили религию. Несколько иную характеристику получили представители пореволюционной эмиграции. По его мнению, они «держатся особняком, менее обеспечены, группируются вокруг православных приходов, работают, учатся, терпеливо ждут перемены в своей судьбе, к первой группе относятся с холодком, осуждают их увлечение католичеством»²⁸.

С. Косов в статье «Курская чудотворная икона Божьей Матери в Италии. (Письмо из Рима)» («Сегодня» от 24 июля 1930 г.) рассказал о том, что вся русская колония в Риме, а затем и самая многочисленная колония в Милане, которая насчитывала более 400 человек, посетили русские церкви, где смогли поклониться этой святыне. Автор написал: «Владыка (архиепископ Феофан. — Л.П.), сопровождая икону, посетил все уголки русского рассеяния в Европе. Всюду эта святыня вносила мир, успокоение и как бы подкрепляла русских, вынужденных жить вдали от Родины, и подчас изнемогающих под бременем жизни на чужбине»²⁹.

Несмотря на заметное увлечение католицизмом многих представителей русской диаспоры, нельзя отрицать, что в Италии, как и в других странах, где нашли прибежище беженцы из России, Русская Православная Церковь играла большую и важную роль. Как и везде, Русская Церковь в Италии возложила на себя не только религиозную, духовно-воспитательную, но и

культурную миссию³⁰. Вопросы деятельности русских приходских советов нашли свое отражение в переписке российских дипломатов в Риме и Париже. Переписка М.Н. Гирса и А.И. Персиани освещает деятельность крупнейших в Италии православных приходов – римского, флорентийского, меранского и др.

Даже этот краткий обзор документов по истории пребывания русских эмигрантов в Италии позволяет сделать вывод о том, что русская диаспора в этой стране имела как существенные отличия, так и много общего с русской эмиграцией в других странах. Главное отличие проявлялось в отсутствии стремления к замкнутости внутри русской колонии, что было характерно для других центров русской эмиграции. Во-первых, для этого не было условий. Во-вторых, Италия, пожалуй, более других стран оказывала на русских ассимилирующее воздействие. Русские беженцы, интегрируясь в жизнь этой страны, влились и в итальянскую культуру, которая, если и не была родной, то не была такой уж и чужой. Любовь и восхищение достижениями итальянской культуры на деле способствовали быстрому размыванию русских национальных черт, не возникало стремления изолировать себя от итальянской жизни.

Общее заключалось прежде всего в создании эмигрантских учреждений, организаций и объединений. Кроме того, состав русской колонии в главном повторял социальную, политическую и культурную структуру диаспор других стран. Положение русской колонии, как и везде, в значительной степени зависело от политической и экономической ситуации внутри самой принимающей страны.

Архивные документы свидетельствуют также и о том, что русские эмигранты в Италии берегли традиции родной культуры и дорожили ими, остались духовно связанными с покинутой Родиной. Они вписали яркую страницу в историю не только русской эмиграции в Италии, но и русской эмиграции в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАРФ. Ф.Р-9145. Оп. 1. Д. 1237. Л. 1.

² Там же. Л.1.

- ³ Там же. Ф.Р-9135. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.
- ⁴ О роли российского посольства в организации эмигрантской жизни, в том числе о нижеупомянутых его сотрудниках И.А. Персиани и М.Н. Гирсе см. статью Е.М. Мироновой в наст. изд. — *Примеч. ред.*
- ⁵ ГАРФ. Ф.Р-5680. Оп. 1. Д. 53. Л. 3.
- ⁶ Там же. Л. 2.
- ⁷ Там же. Л. 5.
- ⁸ Там же. Л. 12.
- ⁹ Там же. Л. 16.
- ¹⁰ Там же. Ф.Р-5764. Оп. 5. Д. 1. Л. 19.
- ¹¹ Там же. Л. 20.
- ¹² ГАРФ. Ф.Р-5809. Оп. 1. Д. 306. Л. 113.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Ф.Р-5806. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.
- ¹⁵ Там же. Ф.Р-6976. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.
- ¹⁶ Там же. Ф.Р-5680. Оп. 1. Д. 53. Л. 6.
- ¹⁷ Там же. Ф.Р-5680. Оп. 1. Д. 19. Л. 31.
- ¹⁸ Подробнее о кн. А.М. Волконском см. статью Дж. Съединой «Эмигрантская полемика: князь А.М. Волконский и Е.Д. Онацкий» в сб.: Русский исход. М.: ИВИ РАН, 2005. — *Примеч. ред.*
- ¹⁹ Там же. Ф.Р-5850. Оп. 1. Д. 23. Л. 3.
- ²⁰ См.: De Michelis C. Il principe Zevaxov e i «Protocolli dei savi di Sion» in Italia // Studi storici (37). 1996. № 3; Garzonio S. Fascismo russo // Kulesov S., Strada V. Il fascismo russo. Venezia, 1998. P. 227–236; Гардзонио С. К истории русского фашизма: нераскрытая личность теоретика // Русская эмиграция. Литература, история, кинолетопись. Иерусалим; Таллинн, 2004. С. 138–145; публикацию статей эмигрантов Михаила, Дмитрия и Веры Родионовой в журнале «Вече» (2000. № 65. С. 82–126). — *Примеч. ред.*
- ²¹ Там же. Ф.Р-5847. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.
- ²² См. об А.В. Амфитеатрове статью Э. Гаретто в наст. изд. — *Примеч. ред.*
- ²³ Там же. Ф.Р-6501. Оп. 1. Д. 109. Л. 17.
- ²⁴ Там же. Ф.Р-6501. Оп. 1. Д. 110. Л. 6.
- ²⁵ См. Скандура К. Петр Шаров, посланник К.С. Станиславского в Италии // Россия и Италия. Вып. 5. / Отв. ред. Н.П. Комолова. М., 2003. С. 251–258.
- ²⁶ Там же. Ф.Р-6501. Оп. 1. Д. 108. Л. 5.
- ²⁷ Об актрисе Т. Павловой см. очерк М.Г. Литавриной в наст. изд. — *Примеч. ред.*
- ²⁸ Там же. Ф.Р-6501. Оп. 1. Д. 110. Л. 28 об.

²⁹ Там же. Ф.Р-6501. Оп. 1. Д. 569. Л. 3.

³⁰ См. Талалай М.Г. Эмигрантские общины в Италии // Зарубежная Россия. 1917–1939. СПб., 2003. С. 131–138, а также статью А. Нивьера в наст. изд. — *Примеч. ред.*

А.В. Квакин (Москва)

**ДОКУМЕНТЫ
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ БАРОНЕССЫ МАРИИ ВРАНГЕЛЬ
В АРХИВЕ ГУВЕРОВСКОГО ИНСТИТУТА
ПО ИСТОРИИ РУССКИХ В ИТАЛИИ**

Сегодня исследователи Российского зарубежья активно пользуются возможностями по привлечению новых исторических источников, как отечественных, так и зарубежных, ранее недоступных для исследования, например, в фондах архива Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета США (Hoover Institution Archives). Значительная часть наиболее интересных документов из русских коллекций Гуверовского архива уже опубликована (в первую очередь речь идет об известных личностях, крупнейших организациях, нашумевших событиях); некоторые архивные документы готовятся к публикации.

Русские коллекции Гуверовского архива содержат много документов, не представляющих для большинства публикаторов серьезного научного интереса. Например, авансовые отчеты бухгалтерий российских посольств, вероятно, еще долгое время ни с какой стороны не смогут привлечь археографов. Огромное количество коллекций документов деятелей Российского зарубежья составляют прошения о финансовой помощи и расписки в ее получении. Трудно себе представить в ближайшее время и реальную отдачу от обработки сотен страниц финансовых ревизий различных «белых» и эмигрантских организаций.

Тем не менее, порой в этом ворохе трафаретных жалоб и прошений можно встретить интересные документы, требующие оперативной публикации. К ним, безусловно, относятся документы аналитического плана, содержащие сведения о численности и положении русской диаспоры в мире. Например, значи-

тельный интерес представляют документы из Коллекции баронессы Марии Врангель (Baroness Maria Vranghel. Box 54. Folder 54.-3; 54.-5.; 54.-7.; 54.-13; Box 55. Folder 55.-1; Box 57. Folder 57.-4; Box 58. Folder 58.-1)¹.

Баронесса Мария Дмитриевна Врангель, урожд. Дементьева-Майкова (1857–1944), мать знаменитого барона П.Н. Врангеля, в 1917–1920 гг. жила в Петрограде, с 1918 г. служила в Музее города, исполняя обязанности эмиссара художественного отдела, а в конце Гражданской войны ей удалось бежать из РСФСР². Используя свое особое положение в российской диаспоре, эта инициативная и настойчивая дама смогла собрать интересную подборку материалов по истории современного ей русского рассеяния второй половины 1920-х гг. Документы не равнозначны по своему качеству и достоверности. Они представляют собой ответы на вопросы анкеты, разосланной баронессой Врангель во многие страны мира.

В анкете стояли следующие вопросы: 1) сколько русских в стране или в столице; 2) их правовое положение; 3) отношение властей; 4) отношение населения; 5) церковь; 6) Красный крест, благотворительные общества; 7) организации, союзы; 8) школьное дело; 9) книжное дело; 10) кустарное дело или какое-либо русское производство; 11) театр; 12) живопись, выставки; 13) музыка; 14) проживают ли бывшие известные лица; 15) заработок русских; 16) берут ли беженцев на государственную службу; 17) многие ли переменили подданство.

Хотя далеко не из всех стран были получены ответы, да и не все ответы были развернутыми, полными, на основе этих документов мы имеем возможность составить определенную картину жизни российских беженцев в конце 1920-х гг.

Документ с заголовком «В Италии» датирован 13 февраля 1929 г. и представляет собой машинописный текст без подписи. Пункты ответов на анкету баронессы Врангель специально не обозначены, но автор документа в целом следует предложенному порядку изложения.

Первоначально освещается вопрос о численности русских в стране и в столице: *«Во всей Италии по различным данным насчитывается приблизительно около 1½ – 2 тысяч русских беженцев. Главные группы их находятся в Риме, Флоренции, Генуе, Милане. В этих го-*

родах число русских достигает нескольких сот. В остальных менее значительных населенных пунктах русские считаются десятками и меньше (Сан-Ремо, Бари, Рапалло, Сиена и т. п.). В самом Риме русских проживает около 400 человек».

Рассматривая правовое положение беженцев из России, автор документа отмечает: «В правовом положении русские приравнены во многих отношениях к иностранцам, причем лица, занимающиеся какими-либо профессиями или живущие на отдельных квартирах в смысле взыскания налогов приравнены к итальянцам, в смысле же предоставления им заработка — к иностранцам. Судебные тяжбы, браки и вопросы правовых взаимоотношений решаются на основании итальянских законов. Записываться в профессиональные организации и синдикаты власти не препятствуют, но все же это вступление и уплата всех пошлин, связанных с этим, не избавляет записавшегося от затруднений получения заработка и предпочтение остается всегда за итальянцами, не взирая ни на что».

Говоря об отношении властей, автор документа подчеркивает: «Власти относятся к русским терпимо и, скорее, благожелательно и там, где не задеваются непосредственно интересы итальянцев, препятствий к проявлению деятельности не чинят. В настоящее время итальянскими властями никакой помощи не оказывается, за исключением содержания двух лиц в больнице для душевнобольных на казенный счет и третьего — в тюрьме. Срок наказания последнего истек 2 года тому назад, но ввиду того, что заключенный не пожелал сам покинуть тюрьму, т. к. ему некуда было идти, итальянские власти разрешили ему дальнейшее пребывание в тюрьме. Последовало это без всяких особых ходатайств. В смысле продвижения по Италии русские совершенно свободны и должны лишь соблюдать правила, общие для всех иностранцев. Для выезда за границу совсем документы выдаются легко, для поездки же за границу получение необходимых документов требуется времени около 2–3 месяцев».

Отношение населения в документе также описывается в радужных тонах: «Население к русским относится сочувственно и доброжелательно. Это отношение, впрочем, диктуется добродушием и мягкостью итальянского характера, а не сознанием положения русских. В трудную минуту итальянцы довольно часто приходят на помощь, как к отдельным лицам, так и к учреждениям. Но помощь эта невелика».

Далее автор документа произвольно нарушает предложенный баронессой Врангель порядок ответов и рассматривает трудовую деятельность выходцев из России, а также их заработки, прием беженцев на государственную службу: *«Занимаются русские самыми различными делами. Небольшая часть живет на остатки бывших средств, другая часть, также небольшая, устроилась на частной службе, причем заработок колеблется от 300 лир и до 1000 в месяц. Около 60 человек работают на магазин при русском благотворительном обществе. Заработок каждого за исключением 3–4 лиц, получающих значительные суммы, не превышает 200 лир в месяц, т.к. имеется избыток сделанных вещей и недостаток сбыта; 5–6 человек работают по своим профессиям; многие вынуждены брать всякую случайную работу, причем устроиться мужчинам на работу неизмеримо труднее, чем женщинам; на государственной службе находится лишь 1 человек».*

После этого следует ответ на заключительный вопрос анкеты «Многие ли переменили подданство?»: *«Переход в подданство связан с такими расходами и трудностями, что до сих пор не известны <выходцы из России> принявшие итальянское подданство, 2 – швейцарское, 1 – румынское».*

Только затем автор документа возвращается к пропущенным в анкете вопросам о положении Русской Православной Церкви: *«В Риме имеется домовая православная церковь, принадлежащая приходу, причем, когда произошло признание большевиков в Италии, итальянские власти косвенным путем защитили интересы русской церкви от посягательств большевиков. Юридически вопрос с положением церкви до сих пор не разрешен окончательно»³.*

Неожиданно автор документа касается вопроса, которого не было в анкете баронессы Врангель, о погребении беженцев из России: *«Хоронят русских в общем для иностранцев – не католиков – кладбище⁴. Кладбищенская администрация русским оказывает некоторые послабления в цене на места. Начиная с 1920 года умерло русских в Риме 40 человек».*

И здесь же, следуя своей логике изложения, автор документа рассматривает благотворительные организации и общества: *«Из благотворительных учреждений в Риме существует благотворительное общество, именуемое Русским Красным Крестом прежней организации. Это общество посылает 2 раза в год отчет о своей деятельно-*

сти в Центральное управление Женевского Красного Креста и находится с ним в сношениях, действует на основании положения, им самим выработанного. Другое русское учреждение в отношении русских, носящее отчасти благотворительный характер, – Русское Собрание в Риме. Помощь его выражается в том, что оно на свои средства содержит дешевую столовую (23 лиры обед) в стенах Собрания и разрешило в известные дни и часы производить в его помещении бесплатный прием больных русскому доктору. Никаких колоний, детских домов и т.п. в Риме не существует, да, по-видимому, и особой необходимости в них не имеется. Просветительских учреждений также не существует; была сделана попытка со стороны Русского Собрания организовать чтение лекций о России, но она потерпела неудачу, как из-за отсутствия лиц, могущих заняться этим делом, так и за отсутствием интересующихся вообще просвещением».

Документ содержит важные сведения об ассимиляции русских детей в Италии: *«Большинство русских детей (всего около 60 человек) учится в итальянских или французских школах. Некоторые из них на стипендиях, другие же – на свой счет. Многими детьми русский язык или забыт, или сильно искажен, причем это всецело зависит от родителей. В тех семьях, где родители по своему духу остались русскими, – дети также русские, там, где родители в силу различных причин (главным образом смешанные браки или низкий культурный уровень) относятся к этому вопросу равнодушно, а иногда и странно, – дети или не говорят по-русски, или же говорят очень плохо».*

Пессимистически автор документа описывает положение в книжном и библиотечном деле: *«Книжных русских магазинов имеется всего один, да и тот едва существует. Издательств, конечно, не существует совсем. Единственным просветительским центром является русская библиотека при Русском Собрании. В этой библиотеке имеется около 8000 книг и существует выписка периодических изданий зарубежной русской печати⁵. В настоящий момент библиотека вынуждена сократить выписку книг и журналов, т.к. Русское Собрание, на средства которого живет библиотека, переживает денежный кризис».*

Далее в документе говорится: *«Кустарного промысла в широком смысле этого слова не существует, но, как сказано было выше, около 60 человек работают на магазин при благотворительном обществе, придерживаясь образцов русских кустарей. Среди них есть несколько человек, занимающихся живописью, но из настоящих художников-професси-*

оналов была чета Браиловских. Эти два лица, занимающиеся прикладной живописью и организовавших в последнее время художественную мастерскую». Упомянутые в документе художники: Леонид Михайлович Браиловский (1867–1937) — известный акварелист, художник театра, архитектор, и его жена Римма Николаевна, урожд. Шмидт (1871–1959), — живописец, художник прикладного искусства. В 1918 г. Браиловский эмигрировал в Константинополь. В 1925 г. поселился в Риме. Участвовал в групповых выставках. В 1933 г. основал музей русского религиозного зодчества при конгрегации восточных Церквей в Ватикане. Работы его жены представлены в музеях Ватикана⁶.

Далее автор документа отмечает: *«Профессионалов-музыкантов: Данило Амфитеатров стал возглавлять Королевский оркестр. Есть небольшой хор по временам распадающийся, по временам дающий любительские концерты в Русском Собрании; несколько раз этот хор выступал в кинематографах»*. Упомянутый в тексте документа Даниил Александрович Амфитеатров (1901–1983), сын А.В. Амфитеатрова. С 1922 г. он состоял в личной охране Муссолини (отряд «Мушкетеров вождя»), одновременно с 1923 г. закончил Римскую консерваторию Санта-Чечилия по классу О. Респиги. С 1938 г. жил в США, после Второй мировой войны вернулся в Италию, где и умер.

Затем в документе говорится: *«То же самое можно сказать и относительно театра, вернее небольшой труппы, т.к. эта труппа является вместе с тем и хором (Татьяна Павлова⁷). Выставок русскими устраивалось 3; одна из них была устроена советскими художниками, не принадлежащими к русской колонии, другая — приезжим любителем-дилетантом и имела некоторый успех, зависевший, впрочем, не только от качества выставленных картин, но также и от других причин, и, наконец, третья — была устроена дилетантом и особого успеха не имела.*

Творчество русских в Риме не проявилось ни в чем, за исключением организации Русского Собрания, если это счастье за творчеством».

После этого автор документа без согласования с порядком анкеты баронессы сообщает целый ряд других сведений о русских в Италии: *«В Риме имеется Союз русских офицеров, насчитывающий около 2-х десятков членов. Ничем особенным его деятельность не проявляется.*

Те русские, которые находятся на службе, со стороны итальянцев встречают доброжелательное отношение, их работой, по-видимому, довольны и случаев отказа от места за дурное поведение и или же плохое качество работы – не имелось. Рестораны же неизменно закрывались из-за неумения вести дело. Нравственное состояние русских, в общем, не может быть охарактеризовано в двух словах, т.к. зависит от тех или иных условий, в которых находится каждая группа лиц. Люди, занятые делом и имеющие заработок, конечно, смотрят бодрее на будущее, лица же, находящиеся без работы, настроены безрадостно. Правда, случаев самоубийства от тяжелых материальных условий не было, как и не совершалось никаких преступлений на этой почве, но также ни разу не наблюдалось проявлений так называемой американской энергии. Бытовые условия русских в Риме очень различны. Имеется несколько человек, живущих на свои средства совершенно обеспеченно, но имеются также и лица, живущие исключительно за счет благотворительности.

Фабрик, заводов и русских магазинов, за исключением магазина при благотворительном обществе и книжной лавки – не существует».

Отвечая на вопрос анкеты об известных выходах из России в Италии, автор пишет: «Из лиц известных научной деятельностью сейчас в Риме никого нет. Несколько лет тому назад был один профессор истории, переехавший в Прагу⁸, другой профессор переехал в Америку; генералов имеется – 4⁹, адмиралов – 1¹⁰, живописцев – 3, артистов-музыкантов – двое, врачей – 2, писателей – 1. Один из генералов занят шоферским делом, три другие живут в тяжелых условиях за счет благотворительности, адмирал занимает 2 бесплатных административных места и место библиотекаря, скромно оплачиваемое, живописцы работают по своей отрасли, оба артиста так же. Оба врача заняты практикой, получив итальянские дипломы, писатель скончался (М. Первухин)».

Упомянутый писатель Михаил Константинович Первухин родился в 1870 г. в Харькове. В 1900–1909 гг. был редактором газеты «Крымский курьер». В конце 1906 г. переселился за границу, откуда посылал корреспонденции в газеты «Утро», «Новости дня», с 1909 г. состоял корреспондентом газеты «Русское слово». В 1900-х гг. выпустил 2 сборника рассказов «У самого берега синего моря» и «Догорающие лампы»¹¹.

В конце документа помещен достаточно интересный рассказ о «русском общежитии»: «Приходится упомянуть еще об одном явле-

нии беженской жизни в Риме, которое не затронуто в присланном листе. Это так называемое общежитие. История его возникновения такова. После революции в Риме оказалось значительное число лиц, оставшихся без всяких средств. Русское Посольство пришло им на помощь и предоставило свои свободные помещения для жилья. После признания большевиков итальянцами, эти лица итальянскими властями были переведены в один большой дом, принадлежащий частному лицу и им предоставленный для этой цели властям. Перешли туда около 70 человек. Надзор за порядком был поручен католическим монахиным. После того, как этот дом был предназначен к сносу по техническим причинам, большинство из этих русских были переведены в другое помещение, принадлежащее католическому обществу Св. Петра, где эти русские и пребывают. Помещение с некоторой мебелью и освещением дается бесплатно; в настоящее время там проживает около 50 человек из русской колонии, наиболее нуждающихся».

Таковы основные сведения о жизни русской диаспоры в Италии к 1929 г., содержащиеся в документе, присланном в ответ на запрос баронессы М.Д. Врангель.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материал получен при содействии Фонда Фулбрайта, предоставившего возможность для 8-месячной стажировки в Стэндфордском университете США. Автор благодарит руководство и сотрудников архива Гуверовского института войны, революции и мира во главе с директором Института д-ром Еленой Даниельсон за активную поддержку научной работы с документами.

² См.: Врангель М.Д. Моя жизнь в большевистском раю // Архив русской революции. Т. IV. Берлин, 1922. С. 198–214.

³ См.: Талалай М.Г. Православная русская церковь в Риме. Рим, 1994. — *Примеч. ред.*

⁴ Гасперович В., Катин-Ярцев М.Ю., Талалай М.Г., Шумков А.А. Тестаччо: Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме. Алфавитный список русских захоронений. СПб., 1999. С. 95.

⁵ Речь идет о библиотеке им. Н.В. Гоголя; см. о ней статью Г. Мацциелли в наст. изд. — *Примеч. ред.*

⁶ См. Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я. Художники Русского зарубежья. СПб., 1999.

⁷ Татьяне Павловой посвящен очерк М.Г. Литавриной в наст. изд. — *Примеч. ред.*

⁸ Е.Ф. Шмурло. — *Примеч. ред.*

⁹ Вероятно, генерал-лейтенант князь М.М. Кантакузен, генерал-майор граф Н.П. Ферзен, генерал от кавалерии В.И. Ромейко-Гурко, генерал-лейтенант барон А.И. Сталь фон Гольштейн. — *Примеч. ред.*

¹⁰ Контр-адмирал Л.Л. Иванов. — *Примеч. ред.*

¹¹ См. о нем: Garzonio S. L'Italia sui giornali e i periodici dell'emigrazione russa in Lettonia (Le corrispondenze da Roma di Michail Pervuchin) // *Res Balticae*. V. II. Pisa, 1996. P. 201–218; Гардзонио С. Михаил Первухин, летописец русской революции и итальянского фашизма // *Культура русской диаспоры: саморефлексия и самоидентификация*. Тарту, 1997. С. 38–53. — *Примеч. ред.*

С.В. Волков (*Москва*)

РУССКАЯ ВОЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ИТАЛИИ

Италия относится к странам, в которых русская эмиграция — в особенности эмиграция военная — была малочисленной. Как и в Англии, значительное число русских беженцев находилось там только после Гражданской войны, но эти страны послужили, скорее, «перевалочным пунктом» (и для бывших военнопленных Первой мировой войны), и очень скоро число русских эмигрантов там резко сократилось. В 1921 г. в Италии (как и в Англии) насчитывалось примерно 15 тыс. русских эмигрантов, существовали две беженские организации и одно периодическое издание¹. Однако уже в конце 20-х гг., если в Англии оставалось еще до 3 тыс. эмигрантов, то в Италии их было зарегистрировано только 1145. Из всех европейских стран меньше русских было тогда лишь в Испании, Швеции и Дании.

После эвакуации Русской армии из Крыма Италия осталась вне сферы интересов русского командования, каких-либо переговоров о размещении здесь русских воинских контингентов и организаций никогда не велось. Не практиковался и организованный переезд русских воинских групп по инициативе командования отдельных частей для работы на том или ином предприятии, как это происходило, например, во Франции и в Бельгии. В 20-е и 30-е гг. в Италии оседали в основном только те русские эмигранты, которые либо были связаны со страной еще с дореволюционных времен (например, владели там собственностью), либо имели родственников в Италии. Неудивительно, что состав русских эмигрантов в Италии по сравнению с другими странами был довольно специфичным — среди них преобладали представители русской аристократической среды. Обращает на себя внимание наличие среди русских эмигрантов в Италии, при крайне малой их общей численности, заметного числа вы-

пускников элитных российских учебных заведений: Александровского лицея, Училища правоведения и Пажеского корпуса.

В Италии жили, в частности, лицеисты: старший лейтенант (бывший чиновник МИДа) Ю.Я. Азаревич, генерал-майор барон Н.А. Врангель, офицеры гвардейской кавалерии ротмистр В.А. Дурасов и его брат Д.А. Дурасов, камергер В.Д. Евреинов, прапорщик Н.Н. Косаговский, бывший Бендерский предводитель дворянства Ф.Д. Крупенский, чиновник канцелярии Совета министров В.К. Леммерман, статский советник А.Н. Мясоедов, поручик А.Н. Скрябин, действительный статский советник барон Е.Ф. Таубе, штабс-ротмистры графы А.Н. и П.Н. Ферзены. К числу «правоведов» относятся действительный статский советник князь В.Ю. Голицын, чиновник МИДа С.В. Гротов, статский советник, бывший Минский губернатор князь В.А. Друцкой-Соколинский, корнет Д.Н. Кульчицкий, штабс-капитан В.С. Левашев, А.О. Сердюков, действительный статский советник, бывший Петроградский предводитель дворянства С.М. Сомов. Из живших в Италии «пажей» отметим полковника П.В. фон Дена, генерал-лейтенанта князя М.М. Кантакузена, штабс-капитана Д.Н. Клокачева, поручика графа А.А. Олсуфьева, поручика Б.А. фон Рейтерна, генерала от кавалерии В.И. Ромейко-Гурко, генерал-лейтенанта барона А.И. Сталь фон Гольштейна, штабс-ротмистров графов А.Н. и П.Н. Ферзенов, генерал-лейтенанта князя Ф.Ф. Юсупова, графа Сумарокова-Эльстона.

С преобразованием Русской армии осенью 1924 г. в Русский общевоинский союз (РОВС) Италия территориально вошла в I отдел РОВС, центр которого находился во Франции (в сферу его деятельности входили также Англия, Испания, Швейцария, Голландия, Скандинавские страны, Польша, Египет, Сирия и Персия). Однако в Италии имелась всего одна воинская организация общего характера – Союз офицеров, штаб-квартира которого находилась в Риме (ул. Гарибальди, 31), возглавляемая генерал-лейтенантом А.А. Карнеевым и бывшим военно-морским агентом капитаном 1-го ранга Д.В. фон Деном². Позже в Италии существовал отдел Зарубежного союза русских военных инвалидов (председателями его в разное время были полковник П.В. фон Ден и корнет С.Д. Гравенгоф, заместителем председателя – полковник князь А.К. Эрстов³). Союз инвалидов формально не входил в со-

став РОВСа, но поддерживал с ним самые тесные связи, поскольку большинство его членов одновременно были и членами РОВСа. Был образован в Италии и отдел Союза пажей (председатель — полковник П.В. фон Ден). Следует отметить, что в Италии с 1919 г. до своего переезда во Францию проживал Великий князь Николай Николаевич (1856–1929) — в 20-е гг. признанный глава русской военной эмиграции и формальный — РОВСа.

Почти все представители русской военной эмиграции в Италии (как и в других странах) принимали участие в Белом движении, в абсолютном большинстве — на юге России, в составе Добровольческой и Донской армий, Вооруженных сил на Юге России и Русской армии генерала Врангеля. Причем некоторые принимали участие в борьбе с самого начала. Известно, например, что в Италии проживали первопоходники (участники легендарного 1-го Кубанского «ледяного» похода): полковник Ф.Н. Буряк, есаул П.А. Мальцев, штабс-капитан М.П. Сергеев, штабс-ротмистр Л.П. Сукачев, сестры милосердия А.П. Майгур и Е.К. Черная⁴. Были среди них представители прославленных «цветных» добровольческих частей: корниловцы (штабс-капитан А.Л. Григоров, поручик В.Н. Дюкин, капитан С.П. Максюра, штабс-капитан П.А. Соколов), марковцы (поручик М.И. Диев, есаул П.А. Мальцев, поручик Г.С. Северин, штабс-капитан М.П. Сергеев), дроздовцы (корнет Д.Н. Кульчицкий, ротмистр князь П.Д. Маргани, вольноопределяющийся П.Т. Мельников). Но были и воевавшие на других фронтах. В войсках адмирала Колчака, например, состояли капитан 2-го ранга Б.П. Апрельев, старший лейтенант В.А. Буцкой, гардемарины С.М. Родзевич и Д.С. Слестников, подпрапорщик Б.М. Рыбушкин, поручик А.Н. Скрябин, капитан 1-го ранга О.А. Щербачев; в Северо-Западной армии генерал Юденича — действительный статский советник А.Д. Зиновьев, штабс-ротмистр граф А.Н. Ферзен, ротмистр А.В. Щуровский; в Северной армии генерала Миллера — контр-адмирал Л.Л. Иванов, военные врачи коллежский асессор Г.Н. Евдокимов и титулярный советник К.К. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский. В общей сложности нам известно поименно свыше 500 русских эмигрантов, проживавших в Италии после 1917 г., в том числе около 200 военнослужащих (почти исключительно офицеров)⁵.

В свете того, что было сказано выше о специфике состава русской эмиграции в Италии, неудивительно, что среди проживавших там офицеров непропорционально много служивших в гвардии, причем целый ряд гвардейских полков представлен несколькими офицерами. Так, из бывших офицеров Кавалергардского полка в Италии жили полковник князь А.М. Волконский, штабс-ротмистр граф П.Н. Ферзен, полковник граф Д.С. Шереметев (в 1920-х гг. он был председателем Союза русских дворян в Италии) и генерал-лейтенант князь Ф.Ф. Юсупов граф Сумароков-Эльстон; лейб-гвардии (лб.-гв.) Конного полка – генерал-майор барон Н.А. Врангель и полковник герцог Г.Н. Лейхтенбергский; л.-гв. Кирасирского Его Величества – генерал-майор К.М. фон Вольф и полковник Н.А. Суходольский; л.-гв. Гусарского – Д.В. Дурасов, прапорщик Н.Н. Косаговский и поручик граф А.А. Олсуфьев; л.-гв. Конно-гренадерского – поручик Н.А. Литвинов; л.-гв. Уланского Ее Величества – генерал-лейтенанты принц Л.К. Наполеон и барон А.И. Сталь фон Гольштейн; л.-гв. Драгунского – ротмистр А.М. Здроевский; л.-гв. Уланского Его Величества – генерал-майор К.М. фон Вольф, поручик А.Н. Скрябин, генерал-майор граф Н.П. Ферзен и штабс-ротмистр граф А.Н. Ферзен; л.-гв. Гродненского гусарского – генерал от кавалерии В.И. Ромейко-Гурко; л.-гв. Преображенского – поручик Н.А. Баумgarten, полковник Г.Н. Зборовский и полковник С.В. Шереметев; л.-гв. Семеновского – светлейший князь А.А. Ливен, полковник Л.А. Майер и поручик Б.А. фон Рейтерн; л.-гв. Финляндского – генерал-майор Н.Е. Курлов; л.-гв. Гренадерского – генерал от инфантерии барон Л.Ф. фон дер Бринкен, полковник Н.Н. Моисеев и подпоручик В.М. Гершельман; л.-гв. 1-го стрелкового – полковник А.И. Джулиани; л.-гв. 3-го стрелкового – полковник Г.А. Камбиаджи; л.-гв. Саперного – полковник Н.В. Мединский и генерал-майор Б.А. Подымов; гвардейской артиллерии – штабс-капитан Е.А. Гоздаво-Голембиевский, генерал-лейтенант князь М.М. Кантакузен, штабс-капитан В.С. Левашев, генерал-майор В.Т. Матвеев и полковник М.Ф. фон Рейнгард⁶.

Среди офицеров армейской кавалерии особенно много было представителей гусарских полков, например, корнет М.И. Авьерино, штабс-ротмистр барон П.И. Менгден фон Альтенвога и

поручик М.Ю. Родионов (12-го Ахтырского), полковник И.Н. Бабкин (14-го Митавского), поручик Г.И. Попович-Липовац и В.В. Грабовский (9-го Киевского), корнет С.Д. Гравенгоф (2-го Павлоградского), штабс-ротмистр С.А. Деконский (10-го Ингерманландского), подполковник И.И. Значковский (7-го Белорусского), князь ротмистр князь В.А. Сумбатов-Соколов (3-го Елисаветградского), корнет Б.Н. Ширяев (17-го Черниговского),⁷ ротмистр А.В. Щуровский (1-го Сумского)⁸.

Хотя в Италии не было морских организаций, среди русских эмигрантов, проживавших в стране в разное время, было и некоторое число морских офицеров, в частности, старший лейтенант Ю.Я. Азаревич, капитан 2-го ранга Б.П. Апрельев (в 1919 г. морской агент правительства адмирала Колчака в Италии), старший лейтенант В.А. Буцкой, капитан 1-го ранга Д.В. фон Ден, контр-адмирал Л.Л. Иванов, старший лейтенант М.А. Мурзин, капитан 2-го ранга С.П. Нахимов, Е.С. Новиков, капитан 2-го ранга князь С.Г. Романовский герцог Лейхтенбергский (он был председателем Русского собрания в Риме, а после 1945 — почетным председателем Русского национального объединения)⁹, лейтенант А.И. Сосновский, капитан 1-го ранга О.А. Щербачев, а также гардемарины В.Г. Бабаш, С.М. Родзевич, Д.С. Слостников, Г.А. Хотемкин и князь Н.А. Эрстов¹⁰.

Казачьих офицеров, постоянно живших в Италии в 20–30-е гг., почти не было, они появились в Италии после 1945 г., но и тогда их было немного. В числе наиболее известных — Донского войска генерал-майор И.П. Астахов и его сын войсковой старшина П.И. Астахов, генерал-майоры Ф.В. Дьяконов и К.Т. Калининский, генерал-лейтенант А.А. Карнеев; Кубанского войска полковник Ф.Н. Буряк, войсковой старшина Я.А. Луговой, есаулы П.А. Мальцев и К.П. Романенко, сотник Г.С. Рябчун; Терского — полковник В.В. Вазагов.

Среди представителей инженерных войск — подпоручик князь императорской крови Роман Петрович, генерал-лейтенант А.В. фон Шварц, штабс-капитаны В.Н. Алферов, Д.Н. Клокачев и Б.П. Ларионов, артиллерии — Э. Фон Гершельман, подпоручик В.Н. Дюкин, капитаны С.А. Захарьин и А.П. Рыжев, штабс-капитан П.А. Соколов, поручик И.С. Спиров. Проживало в Италии и несколько русских летчиков, в частности, капитан

М.И. Александров, полковник И.Н. Бабкин, подполковник Г.Д. Барановский и его брат вольноопределяющийся П.Д. Барановский, старший унтер-офицер А.Ю. Бретнев, штабс-капитан Д.П. Есипов, братья Л.В. и О.В. Окшевские.

О некоторых наиболее заметных представителях русской эмиграции в Италии следует рассказать подробнее (с Италией были связаны судьбы не менее двух десятков представителей русского генералитета). Наиболее крупным представителем русского генералитета в Италии был, пожалуй, генерал от кавалерии, Георгиевский кавалер **Василий Иосифович Ромейко-Гурко**. Родившийся в 1864 г. в Петербурге, он происходил из дворян Смоленской губернии и был сыном известного генерал-фельдмаршала. По окончании гимназии и Пажеского корпуса (1885) служил в л.-гв. Гродненском гусарском полку, в 1892 г. окончил академию Генштаба, а в годы Первой мировой войны был главнокомандующим армиями Западного фронта. Подвергшись аресту летом 1917 г., он осенью был выслан за границу и поселился в Италии, где впоследствии принимал активное участие в деятельности РОВСа. Скончался Ромейко-Гурко в 1937 г. в Риме¹¹.

Весьма интересной фигурой был известный русский военный инженер, автор трудов по фортификации, генерал-лейтенант, Георгиевский кавалер **Алексей Владимирович фон Шварц** (р. 1874). Он происходил из дворян Екатеринославской губернии, окончил реальное училище, а затем Николаевское инженерное училище (1895) и Николаевскую инженерную академию (1902), в 1914–1915 гг. прославился обороной Ивангорода, а к 1917 г. был начальником Главного военно-технического управления. Летом 1918 г. бежал из Красной армии в Киев, а затем в Одессу, где был приглашен союзным командованием на должность начальника предполагаемого десантного отряда для захвата Петрограда, с марта 1919 г. — командующий русскими войсками в союзной зоне и генерал-губернатор Одессы. Он пытался начать формирование Южно-русской армии, но после захвата большевиками Одессы выехал за границу. После пребывания в Италии уехал в Аргентину, где преподавал в академии Генштаба и Высшей военно-технической школе. Умер в 1953 г. в Буэнос-Айресе.

Генерал-майор, Георгиевский кавалер **Павел Павлович Богачевский** (р. 1876 в Умани) окончил Киевский кадетский корпус

(1894) и Павловское военное училище (1896) и был офицером 57-го пехотного полка. Во время Великой войны он командовал Уманским 57-м пехотным полком и бригадой 15-й пехотной дивизии. В 1918 г. командовал 6-й пехотной дивизией гетманской армии, с которой защищал Николаев и Одессу от григорьевцев и с ней же перешел в Добровольческую армию. Весной 1919 г. был эвакуирован из Севастополя в Новороссийск и поступил в резерв чинов при штабе Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России, с 27 июня 1919-го — начальник 3-го этапного участка Екатеринодар — Батум. Эвакуированный из Новороссийска на о. Лемнос, он вернулся в Крым, где оставался до исхода Русской армии. В эмиграции сначала жил в Югославии, где служил в югославской армии, а с 1945 г. в Италии с семьей (жена и дочь). Умер 17 октября 1961 г. в Риме¹².

В 1919 г. в Италии проживал генерал-майор **Вячеслав Андреевич Дзевановский** (р. 1870). Он окончил гимназию в Киеве и там же в 1893 г. пехотное юнкерское училище, служил в 14-й артиллерийской бригаде, а после окончания академии Генштаба (1899) — на различных штабных должностях. Во время Первой мировой войны был начальником военных сообщений Юго-Западного фронта, а во время Гражданской войны занимал ту же должность в Крымско-Азовской добровольческой армии. В начале 1919 г. он был направлен начальником военной миссии ВСЮР в Италию, а затем состоял в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, войск Киевской и Новороссийской областей. С 1922 г. он жил в Польше. Убит вместе с сыном в августе 1944 г. в Варшаве.

Большая часть наших предков приют в Италии генералов принадлежала к гвардейской среде. Генерал от инфантерии, Георгиевский кавалер барон **Леопольд Фридрихович фон дер Бринкен** (р. 1858) прибыл в Италию с двумя детьми в самом начале 1920-х гг. из Югославии, куда попал после эвакуации из Новороссийска. Он происходил из дворян Курляндской губернии, был сыном полковника. Окончив Полоцкую военную гимназию (1876) и Павловское военное училище (1878), вышел в л.-гв. Гренадерский полк. В дальнейшем был командиром л.-гв. Петроградского полка и начальником 28-й пехотной дивизии. В Вооруженных силах Юга России состоял в резерве чинов при штабе Кавказ-

ской добровольческой армии, а с лета 1919 г. — при штабе Главнокомандующего ВСЮР. Скончался 3 августа 1925 г. в Бари¹³.

Очень недолго прожил в Италии генерал-майор **Константин Маврикиевич фон Вольф** (р. 1856). Выпускник Дрезденского политехнического училища (1879) и Константиновского военного училища (1881), он служил в л.-гв. Уланском Его Величества полку, а затем был командиром л.-гв. Кирасирского Его Величества полка и 2-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Скончался в Риме в 1921 г.

В том же году в Риме скончался и генерал-майор граф **Николай Павлович Ферзен**. Родившись в 1858 г. в Санкт-Петербурге, он окончил гимназию в Дрездене, после чего с 1878 г. служил офицером л.-гв. Уланского Его Величества полка, а затем был адъютантом Великого князя Владимира Александровича. В Италии он жил с семьей: жена, две дочери и два сына — офицеры гвардейской кавалерии. Все они умерли в Италии¹⁴.

В марте 1927 г. там же покончил жизнь самоубийством генерал-майор барон **Николай Александрович Врангель**. Он родился в 1869 г. в Стрельне (С.-Петербургская губерния), окончил Александровский лицей (1890) и, сдав в 1892 г. офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище, служил до чина полковника в л.-гв. Конном полку, был адъютантом Великого князя Михаила Александровича, а затем командовал 16-м гусарским полком. Его жена, Елизавета Бартольдовна (урожд. баронесса Гойнинген-Гюне) после его смерти еще дважды выходила замуж, скончалась в Риме в 1973 г.¹⁵

В Италии жил генерал-лейтенант **Феликс Феликсович князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон** (р. 1856 в Санкт-Петербурге) — отец известного убийцы Распутина Феликса Юсупова-младшего. Он обучался в Пажеском корпусе, в 1876 г. сдал офицерский экзамен при Чугуевском пехотном юнкерском училище и служил в 9-м уланском, а затем в Кавалергардском полку. В дальнейшем он был командиром Кавалергардского полка, 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии и главным начальником Московского военного округа¹⁶. Умер в 1928 г. в Риме.

Назовем еще ряд гвардейских генералов, живших в Италии: генерал-лейтенант князь Михаил Михайлович Кантакузен

(1858–1927) — выпускник Пажеского корпуса (1879), офицер л.-гв. 3-й и л.-гв. 1-й артиллерийских бригад, бывший инспектор артиллерии 23-го армейского корпуса; генерал-майор Николай Евграфович Курлов — офицер л.-гв. Петроградского и л.-гв. Финляндского полков (после пребывания в Италии переехал в Румынию, а затем в Польшу, где умер в 1933 г.); генерал-майор Владимир Тимофеевич Матвеев — офицер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, бывший командир 1-го дивизиона 40-й артиллерийской бригады (умер в 1924 г. в Бари); генерал-майор Борис Александрович Подымов (1866–1931), который окончил в 1884 г. Тифлисский кадетский корпус и в 1887 г. — Николаевское инженерное училище с выпуском в 1-й Кавказский саперный батальон, командир л.-гв. Саперного полка и участник «белой» борьбы в составе ВСЮР; генерал-лейтенант барон Алексей Иванович Сталь фон Гольштейн (1859–1941), который окончил в 1878 г. Пажеский корпус с выпуском в л.-гв. Уланский Ее Величества полк, бывший заведующий двором Великого князя Петра Николаевича.

В Италии проживал и генерал-лейтенант принц *Людвиг Карлович Наполеон* (р. 1864). В 1890 г. он был принят на русскую службу подполковником и в дальнейшем стал командиром л.-гв. Уланского Ее Величества полка, а в годы Первой мировой войны был представителем русского командования при итальянской армии. Скончался в 1934 г. близ Женевы.

С Италией оказались связаны судьбы и нескольких донских генералов. Генерал-майор, Георгиевский кавалер **Иван Петрович Астахов** (р. 1863), происходивший из дворян Области Войска Донского, окончил Воронежский кадетский корпус (1881), Александровское военное училище (1883) и был выпущен в 5-ю Донскую казачью батарею; с 9 октября 1917 г. был начальником Донской артиллерии, занимая ту же должность и в Донской армии при атамане А.М. Каледине. Он участвовал в Степном походе, а с 1919 г. служил по управлению внутренних дел Черкасского округа. В Италии Астахов жил вместе со своей многочисленной семьей (женой Александрой Петровной, сыном, тремя дочерьми и двумя пасынками), умер 26 ноября 1935 г. в Риме¹⁷. Его старший сын — войсковой старшина Петр (в Донской армии командовал бронепоездами «Иван Кольцо» и «Генерал Богаевский») — умер там же двумя годами ранее.

Еще один донской генерал и Георгиевский кавалер — **Александр Алексеевич Карнеев** (р. 1860) — также происходил из донских дворян и был сыном офицера Донского войска. По окончании Новочеркасской гимназии поступил в Варшавское пехотное юнкерское училище и в 1882 г. был произведен в офицеры. К концу мировой войны в чине генерал-майора командовал 2-й бригадой 14-й кавалерийской дивизии, затем сражался с большевиками в составе Донской армии, с мая 1920 г. до эвакуации Крыма — начальник Донского офицерского резерва Русской армии (генерал-лейтенант). После недолгого пребывания в Болгарии перебрался в Италию, умер 7 декабря 1940 г. в Риме¹⁸.

В Италии завершил свой жизненный путь и донской генерал-майор **Федор Васильевич Дьяконов** (р. 1873). Он происходил из казаков станицы Нижне-Чирской, окончил в 1910 г. Тверское кавалерийское училище. Революция застала его есаулом 3-го Донского казачьего полка. Приняв участие в Степном походе (командиром сотни партизанского отряда полковника Мамонтова), он затем командовал в Донской армии 16-м Усть-Медведицким конным полком, был начальником 1-й Тульской добровольческой пехотной дивизии, Тульской пешей бригады и 9-й Донской конной бригады. До эвакуации из Крыма Русской армии воевал в 10-й Донской конной дивизии. После Лемноской эпопеи жил во Франции, работая весовщиком на металлургическом заводе в Лотарингии. В годы Второй мировой войны присоединился к находившемуся в Италии Казачьему стану и во время отступления в Австрию был убит 30 апреля 1945 г. по дороге на Вилла-Сантино¹⁹.

Уже после Второй мировой войны в Италии некоторое время жил еще один донской генерал-майор — **Константин Тимофеевич Калиновский** (р. 1885). Окончив учительскую семинарию, Новочеркасское военное училище (1907) и академию Генштаба (1914), он в конце Первой мировой войны в чине подполковника служил в штабе 19-го армейского корпуса. С весны 1918 г. воевал в Донской армии (был начальником оперативного отдела штаба Донской армии, начальником штаба 4-го Донского корпуса и конной группы). В Италию он попал в 1950 г., спасаясь с семьей (жена, сын и дочь) из захваченной коммунистами Югосла-

вии, и жил в Триесте, но через четыре года перебрался в Швейцарию, где и умер в 1962 г.

Наиболее заметным морским офицером из проживавших в Италии был контр-адмирал **Леонид Леонтьевич Иванов** (р. 1875 в Волочиске Волынской губ.). Он окончил Морской корпус в 1895 г. Во время мировой войны командовал бригадой крейсеров Черноморского флота, а в годы Гражданской находился на Севере, играя там весьма важную роль: с сентября 1918 г. он был командующим всеми русскими сухопутными и морскими силами Северной области, а в 1919–1920 гг., до самого конца «белой» борьбы на Севере — командующим флотилией Северного Ледовитого океана. Скончался 26 декабря 1940 г. в Риме²⁰.

Из видных представителей русской военной эмиграции в Италии отметим и братьев **фон Ден**. Они были сыновьями генерала от инфантерии, из дворян Великого княжества Финляндского. Капитан 1-го ранга Дмитрий Владимирович, родившийся в 1874 г. на Кавказе, окончил Морской корпус (1894) и служил штаб-офицером для поручений при Императорской главной квартире. Во время Гражданской войны находился в рядах Вооруженных сил Юга России и Русской армии, исполняя обязанности военно-морского агента в Италии. После войны остался в Италии и был здесь представителем Союза офицеров. Скончался в сентябре 1937 г. в Риме. Полковник и Георгиевский кавалер Петр Владимирович, родившийся в 1882 г. в Ставрополе, окончил Пажеский корпус (1900) и к 1917 г. был командиром 17-го драгунского Нижегородского полка. Службу в Добровольческой армии начал осенью 1918 г. в Тифлисском центре, затем некоторое время был представителем ВСЮР в Грузии, в 1919–1920 гг. командовал эскадроном своего полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. В Италии он, как и брат, играл заметную роль в эмигрантских кругах, был председателем местного отдела Союза пажей и председателем итальянского отдела Союза инвалидов, после Второй мировой войны сотрудничал в журнале «Военная Быль» и умер в начале 1971 г. в Риме²¹.

Заслуживает упоминания и полковник князь **Александр Михайлович Волконский** (приходившийся прямым потомком М.В. Ломоносову²²). Он родился в 1866 г., окончил Петербургский университет, начал службу в Кавалергардском полку и, вы-

держав офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище, в 1890 г. был произведен в корнеты. По окончании Академии Генштаба (1900) участвовал в китайском походе 1900–1901 гг., а затем служил в Главном штабе. В начале 1908 г. он был назначен военным агентом в Риме, в 1912 г. вышел в отставку, но с началом Первой мировой войны вновь поступил на службу. После Гражданской войны остался с женой, тремя сыновьями и дочерью в Италии, где позже принял сан католического священника и был профессором Папского Восточного института (еще с конца XIX в. он был известен как специалист по Дальнему Востоку, путешествовал по Корее и Китаю). Скончался в 1934 г. в Риме²³.

В сформированных во время Второй мировой войны на Балканах Русском корпусе и других русских соединениях проживавшие в Италии русские эмигранты участия практически не принимали. Из состоявших на 12 сентября 1944 г. в Русском корпусе 11 197 чел. выходцев из Италии было лишь трое (меньше — только из Франции)²⁴. Ряд русских эмигрантов служил в итальянской армии, в частности, в качестве переводчиков в итальянских войсках на Восточном фронте.

Наиболее яркой личностью из русских эмигрантов в Италии того времени был **Лев Павлович Сукачев**. Он происходил из дворян Екатеринославской губернии, родился 3 марта 1895 г. в имении Яблочкино. Окончил Тенишевское училище в Петрограде и Елисаветградское кавалерийское училище (1915). Штабс-ротмистр 5-го уланского Литовского полка, он к осени 1917 г. был начальником команды в 1-м авиационном отряде. После развала фронта через Киев пробрался на Дон в Добровольческую армию и с января 1918 г. служил в 1-м эскадроне 1-го кавалерийского дивизиона. Первый Кубанский («Ледяной») поход совершил в отряде полковника Гершельмана, а затем служил в возрожденном в Вооруженных силах Юга России 5-м гусарском Александрийском полку вплоть до эвакуации из Крыма. После Галлиполи служил в пограничной страже в Югославии, а в 1924 г. принял активное участие в походе в Албанию, свержении там прокоммунистического режима и восстановлении на престоле короля Ахмета Зогу I. Оставшись после этого в Албании, он стал майором албанской армии, командиром гвардейского

полка. В 1939 г. при наступлении итальянских войск на Албанию Сукачев со своим полком героически удерживал Тирану, дав возможность эвакуироваться королевской семье с младенцем-наследником. Восхищенное его искусством и отвагой итальянское командование предложило ему перейти на итальянскую службу. Сукачев принял это предложение и 10 лет прослужил в итальянской армии (в 1943 г. перешел со своей частью на сторону союзников), а в 1947 г. был произведен в бригадные генералы, став, таким образом, первым и единственным русским, достигшим этого чина в итальянской армии. В 1949 г. он уехал в США, где и умер 29 января 1975 г. в Монтерее²⁵.

Во время Второй мировой войны Италия стала прибежищем нескольких десятков тысяч казаков из состава Казачьего стана²⁶. Он состоял почти исключительно из новых эмигрантов — казаков, ушедших из СССР в 1943 г. с отступавшими немецкими войсками. В 1944 г. Казачий стан во главе с походным атаманом генерал-майором Т.И. Домановым был переведен из Польши в Италию, на территорию, примыкающую к Карнийским Альпам (в сентябре — ноябре туда прибыло около 40 тыс. казаков и членов их семей), а его строевые части были переформированы в две дивизии. С приходом Казачьего стана в Северной Италии в районе г. Толмеццо образовалась как бы автономная казачья область с сетью учебных заведений, мастерских, магазинов и больниц (весной 1945 г. была даже предпринята попытка организовать посевную кампанию). При стане были открыты кадетский корпус, юнкерское училище, гимназия, военно-ремесленная и женская школы, 6 начальных и церковно-приходских школ и 8 детских садов. В самом Толмеццо появились казачий музей, банк, типография, театр, офицерское собрание и епархиальное управление. Однако 30 апреля 1945 г. ввиду усилившегося давления итальянских партизан было принято решение об эвакуации Казачьего стана из Италии, и 7 мая он прибыл в Австрию. В общей сложности в конце своего существования Казачий стан насчитывал 40 325 человек, включая женщин и детей²⁷.

После Второй мировой войны через Италию пролегали пути довольно заметного числа эмигрантов, сорванных войной с мест первоначального проживания и следовавших через нее с Балкан в страны Западной Европы, особенно в США и Латин-

скую Америку. Эти лица часто по несколько лет до начала 50-х гг. оставались жить в Италии. В их числе были и молодые люди, окончившие русские кадетские корпуса в Югославии в 20-30-х гг., например, светлейший князь А. Дадзиани, Ф.Ф. Захарьин, А.Д. Золотницкий-Скрябин, Н.А. Мирошниченко, О.В. Окшевский, А.И. Федюшкин и др. Но в конце 1950-х гг. большинство из них выехало в другие страны. Поскольку же многих «старых» эмигрантов к тому времени уже не было в живых или разъехались, к 60-м гг. в Италии оставалось лишь несколько десятков представителей русской военной эмиграции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Справочник-альманах / Под ред. Г.В. Франка. Берлин, 1922; Русский эмигрантский календарь на 1922 год. Варшава, 1922.

² Армия и флот. Военный справочник / Под ред. В.В. Орехова и Е. Таурского. Б.м., 1931. С. 71.

³ Князь А.К. Эрстов (как и упомянутый ниже Н.А. Эрстов) был родственником поэта-эмигранта князя Г.З. Эрстова; о последнем см. статью А. Пасквинелли в наст. изд. — *Примеч. ред.*

⁴ О них подробнее см.: Волков С.В. Первые добровольцы на Юге России. М., 2001.

⁵ Сведения о лицах, упоминаемых в этой работе, взяты из составленной мной электронной базы данных на участников движения и эмиграции (насчитывающей в общей сложности более 250 тыс. чел.), где учитывались данные о рождении, образовании, чине и должности к 1917 г., деятельности в белых армиях и в эмиграции.

⁶ Биографические справки на этих лиц см.: Волков С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002.

⁷ Литератор Б.Н. Ширяев (Москва, 1889 — Сан-Ремо, 1959) поехал в Италию со «второй» волной эмиграции; см. его автобиографическую книгу «Ди-Пи в Италии» (Буэнос-Айрес: Наша Страна, 1952; переизд. СПб.: Алетейя, 2005). — *Примеч. ред.*

⁸ Сведения об этих лицах см.: Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М., 2004.

⁹ Его подробную биографию см. в статье А.С. Кручинина в наст. изд. — *Примеч. ред.*

¹⁰ Более подробные сведения о морских офицерах содержатся в книге: Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства. Опыт мартиролога. М., 2004; добавим, что морским офицером Итальянского коро-

левского флота стал юный граф А.В. Олсуфьев (1913–1941), погибший в Средиземном море во время боевых действий. — *Примеч. ред.*

¹¹ Погребен на некатолическом кладбище Тестаччо; см.: Гасперович В., Катин-Ярцев М.Ю., Талалай М.Г., Шумков А.А. Тестаччо. Некатолическое кладбище в Риме. Алфавитный список русских захоронений. СПб., 1999. С. 95, 96. — *Примеч. ред.*

¹² Там же. С. 37. Похоронен вместе с женой Евгенией Михайловной, урожд. Пелевиной (Петербург, 1888 — Рим, 1979), и дочерью Ириной, в замужестве Саковой (Новороссийск, 1920 — Рим, 1993). — *Примеч. ред.*

¹³ На городском кладбище г. Бари сохранилась его могила, приведенная в порядок в 2005 г. усилиями о. Владимира Кучумова, настоятеля русского подворья. — *Примеч. ред.*

¹⁴ Биографические данные о семье графа Н.П. Ферзена см.: Гасперович В., Катин-Ярцев М.Ю., Талалай М.Г., Шумков А.А. Тестаччо... С. 111–112. — *Примеч. ред.*

¹⁵ Вдова барона Врангеля, во втором браке Норман, в третьем Буццард (США, 1891 — Рим, 1973), погребена вместе с первым супругом на некатолическом кладбище Тестаччо. См.: там же. С. 41. — *Примеч. ред.*

¹⁶ Там же. С. 125. Похоронен вместе с женой Зинаидой Николаевной, урожд. княжной Юсуповой (Петербург, 1861 — Париж, 1939). — *Примеч. ред.*

¹⁷ Там же. С. 32. — *Примеч. ред.*

¹⁸ Там же. С. 65, 66. — *Примеч. ред.*

¹⁹ Его прах перенесен на немецкое военное кладбище на озере Комо. — *Примеч. ред.*

²⁰ Гасперович В., Катин-Ярцев М.Ю., Талалай М.Г., Шумкин А.А. Тестаччо... С. 61. — *Примеч. ред.*

²¹ Там же. С. 53, 54. — *Примеч. ред.*

²² Нарбут А.Н. Род и потомки М.В. Ломоносова // Родословные росписи. Вып. 11. М., 1999. С. 23.

²³ Подробнее о деятельности князя А.М. Волконского в Италии см. статью Дж. Съединой «Эмигрантская полемика: Князь А.М. Волконский и Е.Д. Онацкий» в сб.: Русский исход. М.: ИВИ РАН, 2005. — *Примеч. ред.*

²⁴ Русский корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–1945. Нью-Йорк, 1963. С. 405.

²⁵ Воспоминания Л.П. Сукачева публиковались в журнале «Вестник первоходника» (Лос-Анджелес): № 28, 30, 33–34, 71–72 (январь, март, июнь — июль 1964, август — сентябрь 1967).

²⁶ Об эпошее Казачьего стана см: Л е н и в о в А.К. Под казачьим знаменем. Мюнхен, 1970; Литворния А. Казачьи станицы во Фриули // Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX в. М: Наука, 2003. С. 46–51.

²⁷ Цурганов Ю. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 140, 141, 204.

А.С. Кручинин (*Москва*)

**КНЯЗЬ РОМАНОВСКИЙ ГЕРЦОГ ЛЕЙХТЕНБЕРГСКИЙ:
ПЕТЕРБУРГ— КРЫМ— ИТАЛИЯ**

(Вехи жизненного пути члена императорской фамилии)

«...Начну с внешности: высок, строен, крепок. Красивый южно-славянской красотой брюнет... <...> Добродетели? Их не мало!.. Умен. Умен пытливо и вдумчиво. Начитан. Образован. Сам себя образовал... Моряк не только “по рождению”, а и по тяготению. Не только свое морское дело знает, но и сухопутный офицер блестящий... <...> ...Талантливый и с богатым голосом певец итальянской школы, — только из-за своего высокого положения не делает многообещающей оперной карьеры, — и художник-пейзажист... <...> Еще не все! Осталось одно из самых главных... <...> ...Единственный из всей императорской фамилии — участник белого движения...», — так описывал в начале 1930-х гг. русский эмигрант одного из высокопоставленных изгнанников¹. Даже сделав поправку на то, что автором панегирика был такой увлекающийся литератор, как Н.Н. Брешко-Брешковский, можно прийти к выводу, что герой его, Сергей Георгиевич, князь Романовский герцог Лейхтенбергский, представлял собою личность далеко не заурядную, и пожалеть, что в истории Русской Смуты и Русского Зарубежья он оказался забыт — незаслуженно, ибо, если князь и не отличился какими-либо выдающимися, историческими деяниями, сама его необычная для члена Российского императорского дома судьба заслуживает нашего внимания и интереса.

Необычна уже родословная князя Романовского, ведущая начало от пасынка Наполеона I, вице-короля Италии Евгения Богарнэ, после крушения наполеоновской империи получившего от своего тестя, короля Баварского Максимилиана-Иосифа,

ландграфство Лейхтенберг «на правах медиатизированного (не-самостоятельного. — А.К.) герцогства с титулом королевского высочества»² герцога Лейхтенбергского князя Эйхштедского³. Второй сын Евгения Богарнэ, Максимилиан-Евгений-Жозеф-Наполеон, в 1839 г. женился на дочери Николая I великой княжне Марии Николаевне, получив от русского государя титул князей Романовских, под которым члены этой семьи и служили России на протяжении нескольких поколений и более чем полувека.

Сергей Георгиевич князь Романовский герцог Лейхтенбергский родился в Петергофе 4 июля (все даты по 1920 г. включительно приводятся по старому стилю) 1890 г.⁴ Его мать, Анастасия Николаевна, была дочерью короля Черногорского Николая I, получила образование в Петербурге, в Смольном институте. Сестры ее были замужем за русским великим князем Петром Николаевичем (Милица); принцем Неаполитанским Виктором-Эммануилом, с 1900 г. королем Италии (Елена); Петром Карагеоргиевичем, с 1903 г. — королем Сербии (Зорка). С двенадцати лет молодой князь обучался во 2-м кадетском корпусе в Петербурге, но в те же годы в нем, по его собственным словам, «бурно растет <...> морское чувство»⁵, и 10 мая 1908 г. Сергей был «переведен по экзамену» в Морской корпус, а с 1 августа зачислен на действительную службу. Корпус он окончил старшим унтер-офицером и знаменщиком, и после восьми месяцев службы корабельным гардемаринном в 1-м Балтийском флотском экипаже 6 декабря 1911 г. «произведен по экзамену в мичманы»⁶. Вряд ли стоит преувеличивать тяготы строевой службы, легшие на плечи молодого офицера, — так, в период с 24 марта по 21 декабря 1912 г. князь был в отпуску в общей сложности 109 дней (в том числе две недели — за границей)⁷, а кроме того, определенное время должны были отнимать великосветские обязанности (6 января 1912 г. «назначен флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству»⁸, в тот же день под сенью Андреевского флага приняв присягу как член Императорского дома и как офицер Императорского флота⁹); но и ставить под сомнение искренний интерес Сергея Георгиевича к морскому делу тоже нет оснований, коль скоро он уже в 1913 г. зачисляется «вольнотрушателем на военно-морской отдел Николаевской Морской Академии»¹⁰.

Следует упомянуть и еще об одном событии, непосредственно касавшемся князя Сергея и произошедшем в этот предвоенный период. Его мать в 1907 г., после развода с Георгием Максимилиановичем князем Романовским герцогом Лейхтенбергским, вышла замуж за великого князя Николая Николаевича (замужем за родным братом которого была ее сестра Милица)¹¹; неизвестно, как воспринял это ее семнадцатилетний сын и какие взаимоотношения установились у него с отчимом, но это родство впоследствии не раз играло известную роль в судьбе молодого князя Романовского, а в годы Смуты даже во многом определяло, как к нему относились окружающие.

Полностью пройти академический курс князю не удалось из-за начавшейся мировой войны. С первых ее дней он служил на Черном море, состоя при Штабе командующего флотом адмирала А.А. Эбергарда; 5 ноября 1914 г. ему довелось впервые понюхать пороха, став на борту флагманского линейного корабля «Евстафий» если и не участником в полном смысле слова (сменившись с вахты, он в составе «запасной части Штаба» был скорее наблюдателем), то по крайней мере непосредственным свидетелем боя с германо-турецким крейсером «Гебен»¹². В следующем году происходит, по воспоминаниям князя Романовского, и его «боевое крещение на «сухом пути»» во время одной из командировок на Кавказский фронт¹³, а в феврале 1916 г. он получает назначение «Начальником 1-го Отряда Быстроходных Катеров Черного Моря»¹⁴. Впервые в непосредственном подчинении молодого офицера было четыре «быстрохода», вооруженных 47-миллиметровыми пушками и противолодочными бомбами, и вряд ли случайно адмирал Эбергард, напутствуя князя, подчеркивал: «Будьте осторожны, не теряя Вашей бодрости. Не забывайте, что подчиненные Вам — люди, берегите их здоровье и жизни»¹⁵. Тем не менее он рвался в бой и до некоторой степени был вознагражден экспедицией в Трапезунд, состоявшейся одновременно с сухопутной операцией по занятию города 5 апреля. В 1915–1916 гг. князь был награжден двумя «внеочередными» орденами и произведен в чин старшего лейтенанта (лейтенантом он стал незадолго до открытия боевых действий на Черном море).

Однако этот период остался в истории России связанным не только с событиями, которые развертывались на фронтах. В

1916 г. в кругах политиканствующей «общественности», да и внутри самой императорской фамилии зреют оппозиционные настроения, причем в качестве одного из их центров называли отца Сергея Георгиевича — великого князя Николая Николаевича; известный эмигрантский историк С.П. Мельгунов писал даже: «В некоторых кругах, очевидно, намечался молодой <герцог> Лейхтенбергский — пасынок великого князя», однако категорическое «очевидно» далеко не является доказательством, а из дальнейшего текста следует, что Мельгунов вообще путает князя Сергея Романовского с представителем другой ветви Лейхтенбергских — Дмитрием Георгиевичем¹⁶. Заметим в то же время, что чрезвычайно чуткая к оппозиционным течениям императрица Александра Феодоровна, насколько известно, не испытывала нерасположения к Сергею Георгиевичу, несмотря на резко отрицательное (кажется, взаимное) отношение к его матери, а родной брат Сергея Александр (Сандро) даже передавал государыне клубные сплетни, принадлежа таким образом скорее к «царскосельской партии»¹⁷.

Не до конца проясненную роль придется сыграть князю Сергею Георгиевичу и в дни, непосредственно следовавшие за Февральским переворотом. Согласно свидетельству капитана 2-го ранга А.П. Лукина, «когда в 1917 г. дошли до Севастополя первые зарницы революции, герцог С<ергей> Г<еоргиевич> Лейхтенбергский (пасынок великого князя Н<иколая> Н<иколаевича>) был экстренно командирован (тогдашним командующим флотом, адмиралом А.В. Колчаком. — А.К.) в Батум на специальном миноносце для свидания с Ник<олаем> Никол<аевичем>. <...> Тогда ходили слухи, что в контакте с Балтийским флотом и некоторыми войсковыми частями Черноморский флот должен был перейти в Батум и там, и по всему побережью произвести демонстрации в пользу Ник<олая> Ник<олаевича> и доставить его через Одессу на румынский фронт и объявить императором, а герц<ога> Лейхтенбергского — наследником»¹⁸.

Трудно сказать, насколько слухи имели почву; известно лишь, что великий князь Николай Николаевич сохранил лояльность к новой власти, и «миссию Герцога Лейхтенбергского» (если вообще считать ее реальностью, а не плодом чьей-то фантазии) следует полагать неудавшейся, не говоря уже о «блистательных»

перспективах для герцога стать наследником российского престола. А 15 марта в Петрограде морским министром А.И. Гучковым был подписан очередной приказ «о военных чинах флота и морского ведомства»: «Увольняются от службы: <...> старший лейтенант князь Романовский герцог Лейхтенбергский, по прошению, с мундиром»¹⁹. Бездействие затянулось более чем на два года, самым тяжелым и опасным периодом из которых стали месяцы содержания под большевицкой стражей (январь—апрель 1918 г.) в крымском имении великого князя Петра Николаевича «Дюльбер», где князь Сергей Георгиевич находился со своими отчимом и матерью в составе большой группы членов императорской фамилии²⁰; там же он пережил и период немецкой оккупации (апрель—ноябрь), по завершении которого на охрану лиц императорской фамилии стали в качестве почетного конвоя офицеры и юнкера Добровольческой армии.

События, однако, продолжали развиваться в неблагоприятном направлении: в конце марта 1919 г. большевики прорвали слабую оборону на Перекопе и Чангаре и вступили в Крым. «Крымской группе» членов дома Романовых пришлось 27 марта покинуть Россию. Первым местом изгнания для великого князя Николая Николаевича стала Италия (Санта-Маргерита²¹); источники расходятся, сопровождал ли его пасынок, уже после этой своей кратковременной «первой эмиграции» вернувшийся на родину²², или же князь сразу не захотел покидать Крыма: офицер-доброволец рассказывает, как «английский дреднаут “Мальборо” подошел к Дюльберу, и все Лица Императорской Фамилии, кроме Е<го> В<ысочества> Князя С<ергея> Г<еоргиевича> Романовского, который остался служить в русском флоте, были доставлены на него в катерах...»²³; действительно, вскоре мы увидим князя Романовского в рядах армии, борющейся за освобождение России.

Брешко-Брешковский, с его наивным восхищением любимым аристократизмом и эмигрантской склонностью выпячивать свои монархические симпатии, утверждал, что для князя это было сопряжено с преодолением если и не прямых препятствий, то по крайней мере недоброжелательства со стороны «непредрешенческого» командования Вооруженных сил Юга России²⁴. Следует, однако, заметить, что вскоре после отъезда из России

великого князя Николая Николаевича главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал А.И. Деникин приглашал его вернуться²⁵, и в этой ситуации препоны пасынку великого князя оказались бы по меньшей мере недипломатичными. Как бы то ни было, к началу августа князь Сергей Георгиевич уже служил во флоте и даже с винтовкой в руках участвовал в боевых действиях при взятии города Николаева и форсировании Буга 4-й дивизией генерала Я.А. Слещова (5–7 августа)²⁶.

В конце 1919 – начале 1920 г. князь становится одним из ближайших сотрудников Слещова, во главе 3-го армейского корпуса приступившего к организации обороны Крыма от наступающих войск красных. По рассказам самого князя Романовского, генерал даже побуждал его обратиться к отчиму с просьбой прибыть в Россию и возглавить борьбу, однако Сергей Георгиевич на это не пошел, а его деятельность в качестве начальника корпусного тыла и формирований «с правами Начальника Дивизии»²⁷ не только не увенчалась успехом, но и возымела результат, противоположный ожидаемому: избранный им в качестве командира формирующегося «полка» или «отряда» капитан Н.И. Орлов в конце января поднял мятеж под лозунгами «восстановления порядка в тылу» и «создания армии порядка», что компрометировало и самого князя и даже привело к его аресту, – правда, кратковременному²⁸. И после подавления «орловщины» фигура пасынка великого князя Николая Николаевича в качестве одного из сотрудников начальника обороны Крыма продолжала возбуждать беспокойство и подозрения в каких-то темных замыслах. Так, когда В. Брянский, помощник главноначальствующего Новороссии генерала Н.Н. Шиллинга, повел интригу против своего начальника, пытаясь свалить его руками Слещова (а по мнению последнего – заодно и скомпрометировать его самого), но не преуспел в своих попытках²⁹, – недоброжелатели Слещова пытались представить дело так, будто «Слещов и герцог Лейхтенбергский» планировали «убить Шиллинга в случае отказа его подать в отставку»³⁰.

Приняв 22 марта 1920 г. у генерала Деникина главное командование Вооруженными силами Юга России, барон П.Н. Врангель уже 28-го произвел старшего лейтенанта князя Романовского в капитаны 2-го ранга³¹, однако вскоре склонился к мысли об

изъятии его из состава слащовского штаба, а затем — и к высылке из Крыма. Рассказ об этом, содержащийся в записках Врангеля, не может не оставлять ощущения какой-то недоговоренности и лукавства. «Днем 1 июня я получил сообщение (находясь на фронте. — А. К.), что в Севастополе среди офицеров флота обнаружен «монархический заговор» и что значительное число офицеров арестовано», — пишет он, так формулируя цели «заговорщиков»: «Вместо меня, будто бы, во главе армии станет Великий Князь Николай Николаевич, а временно, до его приезда, па-сынок его герцог Сергей Георгиевич Лейхтенбергский». Далее, однако, выясняется, что удаление князя из окружения Слащова было предрешиено еще 22 мая: считая, что якобы царившие в штабе слащовского корпуса «разгул и интриги» «не могли быть полезны юноше» («юноша» был обстрелянным моряком тридцати лет от роду, которого сам главнокомандующий недавно произвел в штаб-офицерский чин), Врангель «решил отправить его к Отчиму», написав великому князю письмо с просьбой «в интересах молодого человека оставить его при себе»; «герцог Лейхтенбергский в самый день обнаружения заговора выехал в Константинополь»³².

Все это допускает два толкования: спонтанное выступление заговорщиков, чьи планы рушились с отъездом князя и для которых попытка немедленного переворота оставалась последним шансом, или же превентивный удар врангелевской контр-разведки, имевший целью показать всем вынашивавшим проекты о приглашении великого князя, что шутить с ними никто не будет и главное командование не остановится даже перед массовыми арестами, которые, конечно, не могли не сказаться на боеспособности флота. В пользу второй версии как будто говорит и чересчур уж несерьезный, почти опереточный характер самого «заговора», и несоразмерное строение меры по его «подавлению»: 29 мая под арест были взяты командиры нескольких боевых кораблей, лишь через несколько дней узнавшие суть обвинения. Главнокомандующий, правда, предпочел закончить дело административными мерами, предав суду лишь одного из участников, в котором подозревался большевицкий провокатор (он был осужден и расстрелян), но князя Романовского заключительный этап Гражданской войны на юге России уже не затронул.

Приехав в Италию к матери и отчиму, Сергей Георгиевич остался там и после того, как в 1922 г. великий князь Николай Николаевич с супругой предпочел переселиться во Францию. Гостеприимство князю Романовскому было предоставлено королевской семьей — его тетка, королева Елена, вообще имела репутацию «большого друга России» и, по отзыву русского журнала, «оказывала большую и часто незаметную помощь русским эмигрантам, находившимся в Италии»³³. «После того, как он покинул Крым, Князь С<ергей> Г<еоргиевич> Романовский провел большую часть своей жизни в Риме, — пишет историк-эмигрант Н.Н. Рутыч-Рутченко. — Здесь, в скромной квартире на виа Панама, он вел весьма замкнутый образ жизни. Уделял много времени искусству. Его картины, выставленные для друзей на via Regina Margherita, говорили об его глубокой любви к русской природе»³⁴. Восторженно отзывался о живописных работах князя его панегирист Брешко-Брешковский: «...Я одинаково залюбовался и декоративным блеском побережий Ниццы и Сан-Ремо, и строгостью щемящей тоскою (так в первоисточнике. — А.К.) нашего северного ландшафта... “Тетеревиные” опушки леса, проселочные дороги куда-то в сладостно-манящую даль...»³⁵. Творчество Сергея Георгиевича осталось, впрочем, практически незамеченным, хотя, как бы ни относиться к князю — как к самостоятельному, «настоящему» художнику или высокородному дилетанту — полностью игнорировать его деятельность в этой области вряд ли справедливо.

Впоследствии работы князя экспонировались на нью-йоркской выставке, посвященной 40-летию начала Белого движения (отчет о выставке упоминает «боевые эскизы и картины художников: князя С<ергея> Г<еоргиевича> Романовского герцога Лейхтенбергского, А. Сосновского, Р. Сазонова и мариниста А. Ганзена») ³⁶ и, возможно, именно они попали в наши дни в собрание Российского фонда культуры («Ночной прорыв отряда капитана 2 ранга В.В. Бубнова к г. Николаеву в ночь на 17 августа <нов. ст.> 1919 г.», гуашь, 1957; «Боевая разведка отряда капитана 2 ранга В.В. Бубнова у Варваровского моста 18 августа <нов. ст.> 1919 г. накануне штурма моста войсками генерала Слащова», гуашь, 1958)³⁷. Кроме них нам известен лишь фронтиспис работы князя в юбилейном сборнике к 250-летию Морского корпу-

са³⁸. По утверждению Брешко-Брешковского, Сергей Георгиевич еще до Второй мировой войны выставлял свои картины в Риме, и выставка «имела значительный успех», но... «выставляла не высочайшая особа, какой-то псевдоним никому неведомый выставлял»³⁹, и это обстоятельство, разумеется, сильно затрудняет работу современного исследователя.

Впрочем, достоверность этого утверждения (как и многих других) можно поставить под сомнение: известно по крайней мере об одной выставке акварелей князя, состоявшейся в 1937 г. в Риме, но отнюдь не под «псевдонимом неведомым» (в день открытия экспозицию посетила королева Елена, а завершилась выставка «блестящим вечером, данным князем Сергеем Георгиевичем Романовским, герцогом Лейхтенбергским, в Гранд Отеле в пользу Русского Собрания»). «Большинство выставленных акварелей изображает виды России: в них передано очарование русской природы, — отмечал русский военный журнал. — Итальянские критики подчеркивают, что итальянцы, посетившие выставку, полюбили русскую природу, ее туманы, леса, проталины снега, охотничьи болотца, перелески, опушки, снеговые равнины, березы...»; представил князь и другие пейзажи, изображающие «южный берег Франции, окрестности Милана, Тоскану, Виреджио...». Сообщалось, что «из 76-ти выставленных акварелей продано 50», и это также свидетельствовало об успехе работ Сергея Георгиевича у взыскательной итальянской публики («за две недели выставки в нарядных залах римского Гранд Отеля, где она помещалась, перебивал, можно сказать, весь художественный и светский Рим»)⁴⁰.

И все же информация о творчестве нашего героя, очевидно, в большинстве случаев проходила незамеченной, так что сегодня капитальное исследование культурной жизни русской эмиграции характеризует капитана 2-го ранга князя Романовского лишь как «мецената и драматурга»⁴¹, хотя выполнение им сутубо «представительских» обязанностей члена императорской фамилии на благотворительных вечерах, балах и концертах⁴², на наш взгляд, не дает достаточных оснований считать это «меценатством» в общепринятом смысле слова, равно как и самостоятельная постановка его пьесы «Смерть Потемкина» (единственный драматический опыт князя, о котором известно хотя бы упомина-

ние)⁴³ — считать Сергея Георгиевича «драматургом». К тому же интересы высокопоставленного изгнанника отнюдь не ограничивались занятиями искусством...

Сам он вспоминал, например, как осенью 1928 г. ему довелось присутствовать при обсуждении руководителями Русского общевойскового союза и Общества галлиполийцев (генералами А.П. Кутеповым и М.И. Репьевым) с великим князем Николаем Николаевичем вопроса о создании печатного органа военной эмиграции. Одобрительное замечание великого князя, как рассказывает Сергей Георгиевич, «окрылило нас с капитаном Ореховым (секретарь Общества галлиполийцев и будущий бессменный редактор журнала «Часовой». — А.К.), и я сразу же решил, чем могу, помочь этому делу»; «Военный Орган — дело очень серьезное и необходимое именно нам — военным, только что пережившим тяжелую гражданскую войну, — нанесшую нам глубокие душевные раны, которым хотелось найти средства к скорейшему их исцелению...», — вспоминал князь свои тогдашние рассуждения⁴⁴.

Настроения и намерения его были, впрочем, шире, чем несколько сентиментально звучащие пожелания «исцеления ран»; размышляет Сергей Георгиевич и о насущных проблемах, которые стояли перед русской эмиграцией, призванной выработать и принести в освобождаемую Россию понимание ее будущих путей, идею преемственности исторических традиций. Так, в парижском Военно-Морском союзе он выступает с сообщением «О Российской морской доктрине»⁴⁵, а «Часовой» отмечал его книгу «Державный национализм», причем называл ее «известной»⁴⁶ (последняя оценка, впрочем, явно преувеличена). Являясь «почетным сотрудником» «Часового», князь неоднократно посещал редакцию журнала⁴⁷; о «встречах с С<ергеем> Г<еоргиевичем> Лейхтенбергским» оставил упоминание в конспекте своих мемуарных заметок И.А. Ильин, к сожалению, не конкретизировав ни обстоятельства, ни содержания этих встреч⁴⁸. Как видно, даже географически князь не замыкался в своем итальянском уединении, — а по рассказу Брешко-Брешковского, в те же годы перед ним открывалась и довольно фантастическая, равно как и довольно далекая от Италии перспектива. Впрочем, фантастическим хочется назвать, скорее, даже не саму перспективу,

а повествование о ней неутомимого автора, согласно которому в начале 1930-х гг. некое влиятельное лицо, игравшее заметную роль в политических кругах Чехословацкой Республики, обратилось к Брешко-Брешковскому с просьбой порекомендовать кандидата (из членов дома Романовых) на... престол имеющей быть провозглашенной, в предвидении скорой смерти или отставки престарелого президента Т.-Г. Масарика, Чехословацкой монархии. Почему для подобных консультаций не нашли никого компетентнее и попросту серьезнее плодovitого и болтливо-го журналиста и автора авантюрных романов — остается загадкой, и само по себе это соображение сразу снижает доверие к повествованию и повествователю. Спорным, если не прямо фантастичным, представляется и утверждение о существовании в чехословацкой политике того периода «монархического движения» с упованиями на «кого-нибудь из русских великих князей». Тем не менее сей проект семилетней давности послужил для Брешко-Брешковского поводом к уже цитированному нами панегирику князю Романовскому, поскольку именно Сергея Георгиевича беллетрист якобы и поспешил рекомендовать собеседнику; и если все-таки считать беседу не чистой выдумкой, а реально состоявшимися «консультациями», пусть и не имевшими серьезного значения, — интересно обратить внимание на то, как охарактеризовал Брешко-Брешковский реакцию князя на переданное ему экстравагантное предложение.

«Корона ради короны лишь — это не может меня соблазнить ни в какой мере... Комбинация с опереточным тронem, опереточным двором и с чуждым мне народом — это не для меня...»; «...На ампула конституционной марионетки, которая удовлетворилась бы кругленьким цивильным листом, правом открывать собачьи и всякие иные выставки, а также правом выслушивать верительные грамоты дипломатического корпуса — не пойду!», — якобы отозвался Сергей Георгиевич, в качестве условия принятия трона выставив следующее: «Прикарпатская Русь должна будет <быть> выделена в особое вице-королевство, наместничество, как хотите, с правом заселения этого вице-королевства самой активной, самой жизнеспособной частью нашей русской эмиграции... Такой двести-триста тысяч наберется, надеюсь... <...> Угодно вам, Пьемонт, угодно — авангард. Не в кличке дело,

а в том, что в этих Карпатах мы создадим кусок “настоящей” России... Она не будет эмигрантской, не будет из милости у чужих, а будет — у себя дома... Великое слово *дома* (выделено в первоисточнике. — А.К.) для тех, кто годами не имел угла, не имел визы, кого гоняли, выгоняли, унижали... Для тех, кто претерпел, как никто, пожалуй, на свете...»⁴⁹.

Судить об этом рассказе довольно сложно. С одной стороны, он слишком уж «брешковский», как будто родившийся из черновиков очередного романа (и неудивительно, что даже по Брешко-Брешковскому из этой затеи ничего не вышло), но с другой — нет и особых оснований утверждать, чтобы такой проект, при всей его фантастичности, не мог бы увлечь князя Романовского, конечно, не того идеального воина, какого нарисовал панегирист, а самого реального, искреннего, темпераментного, мало искушенного в серьезной политике и... доверчивого человека, примерно в той же роли выступавшего в смутной крымской обстановке в 1920 г. Итак, состоялся или нет такой или подобный разговор, мы не знаем (знаем лишь, что Чехословакия все-таки осталась республикой), а к тому времени, когда повествование об этом увидело свет, произошли события, известные нам по рассказу, казалось бы, более достоверному, но, пожалуй, не менее загадочному.

Источник информации о нем, хотя и документальный, родился в обстоятельствах трагических и способных внушать сомнения: речь идет о протоколе допроса одного из руководителей и «идеолога» (автодефиниция) Национально-трудового союза нового поколения (НТСНП), профессора М.А. Георгиевского, во время Второй мировой войны захваченного чекистами и давшего подробные показания об идейной программе и некоторых вопросах внутренней жизни союза. В том числе он упомянул, что «в 1936 г. редактор газеты “Часовой” в Польше (фамилии не знаю) прислал мне с Байдалаковым (председатель Совета союза. — А.К.) письмо, что если НТСНП и другие русские эмигрантские организации объединятся вокруг герцога Лейхтенбергского, племянника итальянской королевы, и признают его кандидатом на российский престол, то некая иностранная держава предоставит в их распоряжение неограниченные средства». «По этому поводу в Варшаве было созвано совещание, — продол-

жает Георгиевский, — на котором от Исполнительного бюро НТСНП был я, председатель политического отдела Союза Вюртлер, редактор “Часового”, председатель “Русского общественного комитета” (правильно — Российский общественный комитет. — А.К.) в Польше, уполномоченный от организации Туркула (Русский национальный союз участников войны, возглавляемый генералом А.В. Туркулом. — А.К.), от русской национал-социалистической организации в Германии и герцог Лейхтенбергский. На этом совещании, происходившем в сентябре 1936 г., было установлено, что средства на организацию русских эмигрантов вокруг герцога Лейхтенбергского субсидирует японское правительство»⁵⁰ (реальных последствий совещание, впрочем, не возымело).

Все изложенное сразу же вызывает ряд вопросов. Прежде всего, Георгиевский если и не прямо путает, то по крайней мере никак не разделяет Сергея Георгиевича, князя Романовского герцога Лейхтенбергского, и Сергея Николаевича, герцога Лейхтенбергского (младшей ветви фамилии), в 1930–1932 гг. — председателя Совета НСНП (НТСНП), который упоминается в том же протоколе⁵¹ (с другой стороны, именовать последнего «племянником итальянской королевы» было бы более чем нелегко). «Часовой» был не газетой, а журналом, и никогда не имел редакции, редактора или хотя бы соредатора в Польше. Трудно объяснить, почему именно японские дипломаты в Варшаве (!) озаботились подысканием «претендента» и почему их выбор пал на князя Сергея Георгиевича. Наконец, весь исторический опыт русской эмиграции показывал, что создание единого эмигрантского фронта никогда не входило в планы какой бы то ни было иностранной державы.

Но какие же исторические реалии все-таки могли стоять за цитированным фрагментом показаний Георгиевского? Сразу следует уточнить, кто подразумевался под «редактором газеты “Часовой” в Польше». Вполне правдоподобная кандидатура на это «определение» — С.Л. Войцеховский, Управляющий делами Российского общественного комитета, который редактором «Часового», разумеется, не являлся, но был видным и, как можно судить, влиятельным сотрудником, чьи статьи на политические темы имели характер принципиальный и, скорее всего, вы-

ражали точку зрения редакции. Нам неизвестны какие бы то ни было его планы и проекты, связанные с именем князя Романовского, но в родственных отношениях внутри семьи великого князя Николая Николаевича Войцеховский безусловно должен был разбираться (так, совершенно правильно указывал он в мемуарах на графа С. Тышкевича, в варшавском особняке которого с весны 1940 г. размещался Российский общественный комитет, как на «зятя покойной великой княгини Анастасии Николаевны»⁵²: женою графа была родная сестра Сергея Георгиевича, причем «они проживали то в Польше, то в Италии»⁵³).

В отношении же «Часового» к князю Романовскому в интересующий нас период и вправду можно усмотреть нечто большее, чем простой пиетет к высокопоставленной особе или дружеские чувства к «почетному сотруднику»: например, визит князя в Брюссель 27–29 мая 1939 г., где он посетил Русское военное собрание, редакцию «Часового», лагерь Русской стрелковой генерала Врангеля дружины и храм св. Иова Многострадального, возведенный в память о жертвах революции во главе с царственными мучениками, — подавался на страницах журнала чуть ли не как инспекционная поездка⁵⁴. Поэтому нам не кажется чересчур смелым предположение, что в последние годы перед Второй мировой войной определенная влиятельная, хотя и не оформленная организационно, сила Русского зарубежья, которую можно условно определить как «круг журнала “Часовой”», вела подготовительную работу для выдвижения Сергея Георгиевича на роль одного из возглавителей национально-мыслящей эмиграции и, возможно, действительно зондировала почву, какие из русских организаций согласятся «признать» князя и объединиться во круг его имени. (Отметим также, что существует упоминание о «тесном контакте» князя Романовского герцога Лейхтенбергского с Русским национальным союзом участников войны — более политизированным по сравнению с Русским общевойсковым союзом⁵⁵). В то же время речь, как представляется, не могла идти о поисках «претендента» на престол, тем более что князь Романовский, сколько можно судить, не унаследовал от своего отца антагонизма с великим князем Кириллом Владимировичем (иначе вряд ли было бы возможным выступление Сергея Георгиевича с докладом на официальном торжестве в присутст-

вии Кирилла Владимировича⁵⁶) и лояльно относился к его сыну Владимиру Кирилловичу⁵⁷.

Как представляется, в князе Сергее Георгиевиче в эти годы сочетались сдержанность и намерение сторониться авантюры с не менее искренним стремлением к активной деятельности, рожденной любовью к поработенной родине и желанием в меру своих сил участвовать в ее освобождении. Однако в условиях, сложившихся к концу 1930-х и в 1940-е гг., сдержанность и рассудительность приобретали едва ли не большее значение, — и князь, «держась в стороне от политики, проводимой Муссолини, <....> категорически отказался от предложений, которые ему делались, когда Италия вступила в войну с Советским Союзом»⁵⁸.

Последнее утверждение, впрочем, до конца не ясно. Русских эмигрантов в Италии приглашали на службу в итальянские экспедиционные войска (убеждая, «что Италия не может иметь каких-либо вождений за счет России и что присутствие ее войск на Востоке имеет лишь символический характер враждебности к большевизму»), но... на должности переводчиков⁵⁹, и это кажется слишком незначительным предложением для князя Романовского. Кроме того, отношение фашистского дуче к Савойскому дому было довольно пренебрежительным, и князя, который должен был сохранять лояльность к своим венценосным родственникам, уже поэтому трудно заподозрить в приверженности к партийному фашистскому правительству. «Предложения» в ходе войны с СССР могли исходить из германских военных кругов, где существовало течение, склонное делать ставку на русских антикоммунистов, но в Италии немцы выступали руководителями, а затем и откровенными оккупантами, что, казалось бы, исключало возможность сотрудничества с ними для человека, столь тесно связанного с итальянской королевской семьей.

Однако все эти соображения отнюдь не распространяются на отношение Сергея Георгиевича к русским «новым эмигрантам», с оружием в руках воевавшим против коммунистического режима или бежавшим от наступающей Красной армии. Особую остроту этот вопрос приобрел в последний военный год и первые послевоенные, когда западные союзники СССР начали выдавать русских пленных, беженцев и участников антисоветских воору-

женных формирований на большевицкую расправу, и имя князя Романовского становилось в те дни легендой среди тех, чьи свобода и жизнь были под угрозой: «В Риме есть русский князь. Настоящий русский князь русского царского рода. Он поможет... стать снова человеком, а не тенью...»⁶⁰.

«Начиная с 1944 года, — рассказывает один из спасенных им, — Князь Романовский упорно и настойчиво посещал Союзную Комиссию на виа Венето в Риме, доказывая, что насильственная выдача часто не принимавших участия в войне людей является вопиющим нарушением основных прав человека. Он не ограничивался в своей деятельности этими протестами. Будучи председателем Русского Собрания в Риме, помещавшегося тогда в бывшей студии Кановы на виа Колоннетте, Князь Романовский собирал деньги и средства для помощи беженцам, организовал бесплатную столовую... В эти годы он сделал бесконечно много добра, когда в разбитой и обнищавшей Италии оказалось немало беженцев.

Я не могу не вспомнить встречу с Князем Романовским 30 января 1946 года. Несколько человек, бежавших тогда со мной из лагеря Риччионе⁶¹, оказались на улицах Рима без документов, без денег, без штатской одежды. Несмотря на поздний час, Князь тотчас приехал в Собрание, и сразу появились: ночлег, одежда, конверты с небольшой суммой денег “на лекарства”, как он деликатно говорил.

По-деловому, не утратив военной нотки в голосе, он расспрашивал каждого о том, как сложилась его судьба, и быстро определял — “С Вами я встречался в Ковно в 1938 году... с Вашими родителями я был знаком в Польше” и т. д., точно определяя положение каждого из нас в 1939 году (то есть создавая для своих новых знакомых легенду о том, что они являются «старыми», «довоенными» эмигрантами. — А.К.), с тем, чтобы не попасть в категорию выдаваемых согласно Ялтинскому договору.

А на следующий день он вел каждого буквально за ручку в Квестуру, свидетельствуя своей подписью, что он знал, видел, или, наконец, просто слышал про этих незнакомых ему людей, и благодаря его подписи — а в полиции не забывали (ведь в Италии еще была монархия), что Князь является двоюродным братом короля Умберто... сколько жизней было спасено благодаря тому,

что с помощью Князя Романовского в Италии выдавалось право на жительство — столь чаемое “пермессо ди соджиорно”.

Князь не бросал никого. Когда кончались хлопоты, он часто приглашал своих новых друзей на скромную пищу в районе виа Салария.

Всего этого нельзя забыть»⁶².

В свою очередь, Сергея Георгиевича не затронул послевоенный кризис Савойского дома, когда, в результате провозглашения 18 июня 1946 г. Италии республикой, его двоюродный брат король Умберто II вынужден был покинуть Италию. На князя гонения не распространились, и он до конца жизни прожил в Риме, продолжая активную общественную деятельность («возглавлял Русское собрание, ведавшее Гоголевской библиотекой и помогавшее неимущим эмигрантам»⁶³) и своей неутомимой работой подкрепляя высокую репутацию, которая сопутствовала ему среди «новых» эмигрантов — вырвавшейся из лагерей «второй волны».

«Самым ярким моментом единения, слитности “новых” и “старых” римлян, — рассказывает очевидец, — был Сергиев день 1946 года — именины князя <Сергея> Г<еоргиевича> Романовского. <...>

Сам именованный, поэт, художник и музыкант, сел за рояль. Раздались первые аккорды — грузные, глубокие вздохи просыпающегося богатыря... Раскатились и растеклись безбрежную гладью песенного разлива, радостной хвалою могучего пахаря его матери-кормилице черной земле и своей неземной, непомерной силушке...

Эта композиция исполнявшего ее автора называлась “Микула Селянинович”, и образ сермяжного богатыря вздымался в ее звуках и подступал к висевшему над роялем портрету в раме, увенчанной Шапкой Мономаха и монограммой (имеется в виду вензель кого-то из высочайших особ. — А.К.).

Венценосный Вольга слушал песню избяного Микулы в городе дворцов Цезарей и Пап»⁶⁴.

Но деятельность Сергея Георгиевича, как и до войны, не ограничивалась рамками русской диаспоры в Италии. Очевидно, по-прежнему примыкая к политической группировке, ранее обозначенной нами как «круг “Часового”», князь не остался в стороне от

создания в Брюсселе «Российского Национального Объединения», главным инициатором и организатором которого был редактор журнала капитан Орехов. Сергей Георгиевич председательствовал на Организационном съезде РНО в 1950 г.⁶⁵ и в дальнейшем пользовался в объединении уважением соратников, будучи одно время его почетным председателем⁶⁶. После очередного съезда в 1956 г. князь писал: «Хотя я четырежды пояснял, что я гость и никакой не делегат, делегаты других организаций не оспаривали моего мнения, что дало мне надежду в будущем предложить всем общую идеологическую ориентацию, абсолютно объективную, делового содержания...»⁶⁷. Представление об этом «деловом содержании» до некоторой степени может давать фраза из поздравления, направленного Сергеем Георгиевичем редакции «Часового» по случаю выхода в свет трехсотого номера журнала (1950): «“Часовой” — традиционалист, но ищет новых, здоровых и точных путей...»⁶⁸. Поэтому, реконструируя за отсутствием точной информации взгляды князя, стоит обратить внимание на редакционную позицию «Часового» рубежа 1940–1950-х гг.

Напряженная международная обстановка позволяла в те годы русским изгнанникам надеяться на скорое возобновление вооруженной борьбы против большевизма, и они выражали возмущение, что западные державы, «имея под рукой верные и обладающие исключительным боевым и политическим опытом антисоветские кадры (это относилось как к «старой», так и к «новой» эмиграции. — А.К.), предпочитают вместо формирования будущей (и совершенно неизбежной) Российской Освободительной Армии морить этих людей в концентрационных лагерях»⁶⁹. В то же время военно-политические круги эмиграции, слывшиеся вокруг «Часового», отнюдь не были безгласными и покорными сторонниками *любой* антисоветской политики Запада и постоянно предупреждали об опасности подмены политики антисоветской — антироссийской и от поощрения партийных и сепаратистских течений. Подытоживая свои взгляды на характер политического объединения национально-настроенного зарубежья, редакция журнала отмечала:

«...Приветствуя всякую попытку к сплочению эмигрантских рядов, мы продолжаем считать, что Руководящий центр российского зарубежья может быть создан только:

на основе полной его беспартийности и служения единой цели — борьбе против советской власти и без всякого предрешения будущих государственных форм Российского Государства,

путем привлечения в него полномочных представителей всех эмигрантских организаций, — независимо от их политических тенденций, если они являются противобольшевицкими и признающими право российских народов на решение ими самими своей судьбы,

на принципе признания независимости и неделимости территории Российского Государства до организованного национальным правительством всенародного голосования»⁷⁰.

Подобную позицию должен был разделять, как представляется, и князь Сергей Георгиевич, характеризовавший направление журнала как сочетание «традиционализма» (мы действительно видим здесь традиционные для Белого движения «непредрешенчество», «единонеделимство» и бескомпромиссный антикоммунизм) с новыми тактическими путями, а почти полтора десятилетия спустя приветствовавший капитана Орехова словами: «...“Часовой” — окреп, возмужал и идет по пути, верный своему призванию: тяжелому, как подвиг ратный — бедный средствами и людьми. Этот подвиг — оценит беспристрастное будущее, но уже сегодня он представляется нам — очень большим!»⁷¹. Тогда же (10 июля 1964 г.) князь писал:

«В наше время — мы все, или точнее — весь свободный и порабощенный мир, — подходим к какому-то роковому рубежу, к развязке каких-то общих гигантских и друг с другом связанных проблем, — решение которых, без участия Исторической России, — просто не мыслимо.

Хотелось бы верить, что все, оставшиеся Ей верными, — крепче настоящего — без мечтаний и хитросплетений, — сумеют сплотить свои ряды, памятуя, что в данный период нашей борьбы за Россию — мы должны крепко держаться не только за испытанные традиции прошлого, — но и за верную оценку происходящих событий; “верную” — сиречь не воображаемую, а точно установленную оценку, основанную на полноценном понимании учений Объективного Политического Реализма...»⁷².

Таков был взгляд 74-летнего князя на международное положение и пути развития мировой политики; что же касается его лич-

ных переживаний и упований тех лет, они воплотились в стихотворных раздумьях под не требующим комментариев заглавием «Вечер жизни», два года спустя опубликованных в «Часовом»: «...Гори, гори — заря моей “Вечери Жизни”!.. / Гори последним полднем грез моих надежд, / Ведь им еще открыто небо дум — крылатых, / Их творчеству не дан еще — предел!.. / <...> Я мыслил лишь о том, чтоб... “там”, на Русской Ниве, — / Взшел и мной давно посеянный — цветок... / Чтоб он, взойдя еще в лучах моей — “вечери” — / Служил бы Славе — Православных Руси...»⁷³

Как представляется, вполне понятное меланхолическое настроение в сочетании с не очень реальными, но неистребимыми надеждами и верой в воскресение России, звучащими в приведенном стихотворении, объединяли князя Сергея Георгиевича со многими представителями неотвратимо стареющей русской военной эмиграции. Вряд ли случайно именно в послевоенные годы как будто открывается «второе дыхание» у зарубежной военно-исторической литературы, так что время это становится периодом расцвета специализированных изданий: старые войны, которым уже не суждено было вновь взять в руки оружие, накануне перехода в лучший мир считали своим последним долгом запечатлеть для будущего — для будущей России — страницы славного прошлого Императорской армии и борьбы за Россию в годы Гражданской войны.

Возможно, подобными побуждениями руководствовался и князь Романовский, в 1959–1966 гг. публикуя ряд мемуарных очерков, неоднократно цитированных нами выше. Информативные, написанные живым, ярким языком, снова заставляющие автора испытывать волнения навсегда ушедших лет и в то же время не лишённые определенной доли самоиронии, критичного взгляда маститого мемуариста на самого себя — подростка-кадета или молодого офицера, — очерки эти вполне можно отнести к лучшим образцам мемуарной прозы Русского зарубежья, и придется лишь пожалеть, что своего более подробного и цельного жизнеописания князь не оставил⁷⁴, а фрагменты его могли быть рассеяны по дружеской переписке (так, судя по обширным цитатам, самостоятельное произведение представляла справка о мятеже капитана Орлова, написанная Сергеем Георгиевичем по просьбе подполковника В.В. Альмендингера, кото-

рый составлял обобщающий очерк на эту тему). Переписке князь вообще, по-видимому, уделял немалое внимание, и, как пишет один из его адресатов, «до последних дней его письма были полны самыми дружескими, самыми теплыми чувствами ко всем тем, кто не забывал его»⁷⁵.

Сергей Георгиевич, князь Романовский герцог Лейхтенбергский, потомок вице-короля Италии, член Российского императорского дома, капитан 2-го ранга и бывший флигель-адъютант Его Величества, скончался 16 декабря 1974 г. в Риме⁷⁶. Прах его покоится на некатолическом кладбище Тестацхо в общей могиле⁷⁷, — и в последнем обстоятельстве можно увидеть определенную символику, ибо этот человек, высоким происхождением как бы выделенный из общего ряда, вознесенный к ступеням императорского трона, в годы смуты и последовавшего изгнания всегда стремился быть в гуще событий, в одном строю с теми, кто боролся за честь погибавшей России, чем и создал своему имени особенное, неповторимое обаяние. На него возлагались надежды, не сбывавшиеся, быть может, потому, что они уже изначально принадлежали к этому разряду; о нем говорили, быть может, в чрезмерно приподнятом тоне, стремясь приписать ему преувеличенные заслуги и достоинства. Но разве не оправдываются любые преувеличения тем искренним желанием разделить общую русскую судьбу, которое так отличало князя Романовского, и той — истинно «романовской» — простотой, с которой в «грозу и бурю» Гражданской войны высокородный моряк не в переносном, а в прямом смысле стал с винтовкой в пехотный строй?

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Мата д'Ор [Брешко-Брешковский Н.Н.]. Парижские огни: (От нашего парижского корреспондента) // Для Вас. Riga, 1939. № 20 (282). С. 28. Автор установлен по: Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии, 1917–1944 гг.: Библиографический справочник. Ч. I. Stanford, 1990. С. 199–206.

² Лейхтенбергские герцоги // Малый энциклопедический словарь. 2-е изд. СПб.: Брокгауз-Ефрон, [б. г.]. Т. II (Вып. III). Стлб. 318.

³ Беннингаузен-Будберг М. Французский принц на службе России: Герцог Максимилиан Евгеньевич Лейхтенбергский // Часовой. № 475 (1). Bruxelles, 1966. С. 11.

⁴ Полный послужной список Его Высочества флигель-адъютанта старшего лейтенанта Сергея Георгиевича Князя Романовского Герцога Лейхтенбергского [1916 г.] // Российский Государственный Архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 406. Оп. 9. Д. 3576. Л. 15.

⁵ Сергей Георгиевич, кн. Романовский. Моя первая клятва // Военная быль (Париж). 1959. № 39. С. 4.

⁶ Полный послужной список... Л. 16.

⁷ Там же. Л. 18.

⁸ Там же. Л. 16.

⁹ Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. СПб., 1993. С. 103.

¹⁰ Полный послужной список... Л. 16 об.

¹¹ Данилов Ю.Н. Великий Князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 73.

¹² Сергей Георгиевич, кн. Романовский. Бой с «Гебенем» 5-го Ноября 1914 г. // Часовой. 1964. № 462 (2). С. 14.

¹³ Сергей Георгиевич, кн. Романовский. Трапезунд... (К пятидесятилетию его занятия российскими войсками и судами Черноморского флота) // Часовой. 1966. № 478 (4). С. 9.

¹⁴ Там же. С. 8.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Париж, <1931>. С. 141.

¹⁷ Письма Императрицы Александры Федоровны к Императору Николаю II. Берлин, 1922. Т. I. С. 185; Т. II. С. 234.

¹⁸ Цит. по: Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Указ. соч. С. 163–164.

¹⁹ Сборник приказов и циркуляров о личном составе чинов Флота и Морского Ведомства. <Пг.>, 1917. № 2 (новая, «революционная» нумерация. — А.К.). Без нумерации листов (документ № 19).

²⁰ Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. С. 273.

²¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. IV. Вооруженные силы Юга России. Берлин, 1925. С. 202.

²² Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. С. 279, 280.

²³ Шкляревский. Отряд особого назначения охраны лиц Императорской фамилии, находившихся в Крыму: (Краткая справка) // Часовой (Париж). 1930. № 34. С. 20.

²⁴ Мага д'Ор. Парижские огни. // Для Вас. 1939. № 22. С. 13.

²⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. IV. С. 202.

²⁶ Терещенко С.К. За честь Родины // Бизертинский морской сборник, 1921–1923: Избранные страницы. М., 2003. С. 144, 145.

²⁷ Рапорт временно исправляющего должность начальника Речных сил Юга России Командующему Черноморским флотом от 24 января (ст. ст.) 1920 г. за № 57/оп<еративная> // РГА ВМФ. Ф. Р-87. Оп. 1. Д. 37. Л. 17.

²⁸ Телеграмма временно исправляющего должность начальника Речных сил в Штаб командующего Черноморским флотом от 24 января (старого стиля) 1920 г. за № 55/оп<еративная> // Там же. Л. 18.

²⁹ Слещов Я.А. Крым в 1920 г. М.; Л. <1924>. С. 67.

³⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. V. <Берлин, 1926>. С. 339.

³¹ Мартиролог русской военно-морской эмиграции по изданиям 1920–2000 гг. М.; Феодосия, 2001. С. 117.

³² Врангель П.Н. Записки // Белое дело. <Кн.> VI. <Берлин, 1928>. С. 92, 100, 101.

³³ Королева Италии Елена // Часовой. 1953. № 326 (1). С. 9.

³⁴ Рутыч-Рутченко Н.Н. Памяти князя С[ергея] Г[еоргиевича] Романовского герцога Лейхтенбергского // Русская мысль. Париж, 1975. 10 апр. № 3046. С. 15. Автор благодарит Н.Н. Рутыча-Рутченко, любезно предоставившего копию своей статьи.

³⁵ Мата д'Ор. Парижские огни... // Для вас. 1939. № 22. С. 13.

³⁶ Российский Белый флот в дни смуты 1917–1922 // Морские записки. Vol. XVI. Нью-Йорк, 1958. № 2 (47). С. 76.

³⁷ Репродуцированы в: Бизертинский морской сборник... Вкл. С. 544, 545.

³⁸ Колыбель Флота: Навигацкая школа – Морской корпус. Париж, 1951. Фронтиспис.

³⁹ Мата д'Ор. Парижские огни... // Для вас. 1939. № 20. С. 28.

⁴⁰ Выставка князя Сергея Георгиевича Романовского, герцога Лейхтенбергского // Часовой. 1937. № 190. С. 20.

⁴¹ Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни, 1920–1940. Франция. Т. 4. М., 1997. С. 294.

⁴² Там же. Т. 2: 1930–1934. 1995. С. 460, 555; Т. 3: 1935–1940. 1996. С. 39, 496.

⁴³ Там же. Т. 2. С. 269.

⁴⁴ Сергей Георгиевич, кн. Романовский. О «Часовом»: (...Это было очень давно...) // Часовой. 1964. № 458–459 (8–9). С. 32.

⁴⁵ Русское Зарубежье... Т. 3. С. 213.

⁴⁶ Е[го] В[ысочество] Князь С[ергей] Г[еоргиевич] Романовский Герцог Лейхтенбергский в Брюсселе // Часовой. 1939. № 238–239. С. 9.

⁴⁷ Там же; Сергей Георгиевич, кн. Романовский. О «Часовом»... С. 32.

⁴⁸ Ильин И.А. Собр. соч. Письма. Мемуары (1939–1954). М., 1999. С. 324.

⁴⁹ Мата д’Ор. Парижские огни... // Для вас. 1939. № 20. С. 19; № 22. С. 13, 28, 29.

⁵⁰ Протокол допроса М.А. Георгиевского 1 ноября 1944 года: [Отрывок] // Политическая история русской эмиграции, 1920–1940 гг. М., 1999. С. 343.

⁵¹ Там же. С. 341.

⁵² Войцеховский С.Л. Эпизоды. Лондон (Канада), 1978. С. 36, 49.

⁵³ Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. С. 280.

⁵⁴ Е[го] В[ысочество]... в Брюсселе... С. 9.

⁵⁵ Окороков А.В. Русская эмиграция: Политические, военно-политические и воинские организации, 1920–1990 гг. М., 2003. С. 108.

⁵⁶ Русское Зарубежье... Т. 3. С. 124.

⁵⁷ Е[го] В[ысочество]... в Брюсселе... С. 9.

⁵⁸ Рутыч-Рутченко Н.Н. Памяти князя С[ергея] Г[еоргиевича] Романовского герцога Лейхтенбергского... С. 15.

⁵⁹ Морелли А. На Родине // Часовой. 1951. № 308 (5). С. 23.

⁶⁰ Ширяев Б.Н. Ди-пи в Италии. Буэнос-Айрес, 1952 (переизд.: СПб.: Алетейя, 2005). С. 64.

⁶¹ В Риччони, иначе Риччиони (Riccioni), в предместье Римини, союзники организовали большой лагерь для «перемещенных лиц» (дипийцев), откуда была произведена массовая насильственная «репатриация»; вслед за Н. Толстым (Жертвы Ялты. Париж, 1988) в отечественную историографию проникла неправильная транскрипция топонима – Риккони.

⁶² Рутыч-Рутченко Н. Н. Памяти князя С[ергея] Г[еоргиевича] Романовского герцога Лейхтенбергского... С. 15.

⁶³ Рутыч-Рутченко Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 1997. С. 208.

⁶⁴ Ширяев Б.Н. Ди-пи в Италии. С. 72, 73.

⁶⁵ См. извещение Главного правления РНО о смерти Князя Романовского // Часовой. 1975. № 584 (2). С. [22].

⁶⁶ Рутыч-Рутченко Н.Н. Биографический справочник... С. 208.

⁶⁷ Цит. по: Рутыч-Рутченко Н.Н. Памяти князя С[ергея] Г[еоргиевича] Романовского герцога Лейхтенбергского... С. 15.

⁶⁸ Отклики на 300-й номер «Часового» // Часовой. 1950. № 301 (6). С. 20.

⁶⁹ Большевизм умрет! Россия воскреснет! // Часовой. 1948. № 227 (8). С. 2.

⁷⁰ «Каждый воин должен понимать свой маневр» // Часовой. 1951. № 311 (8). С. 1.

⁷¹ Почтограмма Князя Сергея Георгиевича Романовского В.В. Орехову [дата в публикации не указана] // Часовой. 1964. № 458–459 (8–9). С. 32.

⁷² Сергей Георгиевич, кн. Романовский. О «Часовом»... С. 32.

⁷³ Сергей Георгиевич, кн. Романовский. Вечер жизни // Часовой. 1966. № 481 (7). С. 3.

⁷⁴ Письмо Н.Н. Рутыча-Рутченко к автору настоящей статьи от 1 авг. 2002 г.

⁷⁵ Рутыч-Рутченко Н.Н. Памяти князя С[ергея] Г[еоргиевича] Романовского герцога Лейхтенбергского... С. 15.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Гасперович В., Катин-Ярцев М.Ю., Талалай М.Г., Шумков в А.А. Тестаччо. Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме. Алфавитный список русских захоронений. СПб., 1999. С. 95.

П.Н. БАЗАНОВ (*Санкт-Петербург*)

**ВТОРАЯ РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ
И «ДИПИЙСКАЯ» ПЕЧАТЬ В ИТАЛИИ
(1945–1951)**

Вторая «волна» русской эмиграции в Италии — одна из наименее исследованных страниц истории отечественной эмиграции. Это утверждение справедливо и по отношению к «дипийской» печати в Италии. Книжное дело эпохи лагерей «ди-пи» объединило первоначально очень разные по своей культуре, образу жизни и политическим симпатиям первую и вторую «волны».

История книжной культуры русской эмиграции после Второй мировой войны непосредственно связана с изменениями в самой эмиграции в послевоенный период. Прежде всего, прекратилась культурная деятельность всемирного феномена, который получил название «Русское зарубежье» («Россия № 2», «Зарубежная Россия» и т.д.). Исчезли многие места компактного расселения русских людей за границей. Прекратили свое существование русские диаспоры во всех восточноевропейских странах, в государствах-лимитрофах, в Китае. Последним «островом» Русского зарубежья были лагеря «ди-пи» в 1945–1951 гг.

После Второй мировой войны на территориях Германии, Австрии, Италии и Греции, не попавших в советскую зону, возникли лагеря насильственно депортированных фашистами или ушедших с ними добровольно жителей СССР и стран Восточной Европы. Западные демократии стыдливо и лицемерно именовали их «перемещенные лица» (англ. — «displaced persons», в сокращенной форме — «ди-пи»). Именно «ди-пи» (в русифицированной форме — «дипийцы»), а не эмигранты и не беженцы, по Ялтинскому соглашению 1945 г. подлежали депортации в СССР. Дипийцы состояли из следующих категорий лиц: эмигранты первой «волны» и их потомки, жившие на территориях, которые по-

сле Второй мировой войны стали контролироваться коммунистами; русское население стран-лимитрофов и все те, кого причисляют ко второй эмиграции. Традиционно к этой «волне» обычно относят людей, покинувших родину в годы Великой Отечественной войны (1941–1945), то есть следующие категории эмигрантов: «остарбайтеры» — лица, угнанные с оккупированных территорий нацистами для работы в немецком сельском хозяйстве и промышленности; военнопленные; «власовцы», «красновцы» и так называемые «добровольцы», а также лица, сотрудничавшие с немецкими оккупационными властями (от полицаяв-карателей до учителей начальных школ). По мнению советских карательных органов, все эти люди практически в равной степени являлись «пособниками» и «изменниками Родины», заслуживали наказания в виде ареста и пребывания в лагерях.

Среди представителей второй «волны» не было таких известных имен, как в первой эмиграции. Только философ С.А. Аскольдов и писатель-литературовед Р.В. Иванов-Разумник были видными представителями Серебряного века, однако они умерли сразу после окончания войны. Среди остальных можно выделить поэтов: Д. Кленовского (Д.И. Крачковский), И. Елагина (И.В. Матвеев), Р. Березова (Р.М. Акульшин), О. Анстей (О.Н. Штейнберг), В.А. Синкевич; писателей: Б.Н. Ширяева, Б.А. Филлипова (Филистинский), Л.Д. Ржевского (Суражевский), С.С. Максимова (Пашин); литературоведов и критиков: Л.А. Фостер (урожд. Колесникова), В.Д. Самарина (Соколов), В.К. Завалишина, Г. Андреева (Г.А. Хомяков), М.М. Корякова, В.А. Рудинского (Д.Ф. Петров); художников: С.Л. Голлербаха и А.В. Русака; историков: Н.И. Ульянова, А.Г. Авторханова, Н.Н. Рутыча (Рутченко); общественных деятелей: Е.Р. Романова (Островский), Н.А. Троицкого (Б. Яковлев), А.Н. Артемова (Зайцев); священников: протоиерея Д. Константинова, игумена Геннадия (Эйкалович) и многих других.

«Рассеяние» по свету эмигрантов из России еще более увеличилось. Массовые русские диаспоры возникли в таких далеких и экзотических странах, как Аргентина, Австралия, Бразилия, Венесуэла, Уругвай, Южная Африка и т.д. Выезд из Европы в эти страны, особенно в 40-е гг., осуществлялся главным образом через Италию и Испанию. Обновились старые русские колонии в

Новом Свете за счет представителей второй «волны» и первой эмиграции из Европы и Китая.

Не менее важным фактором стало изменение отношения к выходцам из России на Западе. С началом «холодной» войны к эмигрантам из СССР относились с большим интересом, чем ранее. Их охотно принимали на работу в различные учебные, научные и военные организации и центры, в органы контрразведки и разведки. Многие эмигрантские идеологические акции поддерживались и финансировались западными правительствами. Для этих целей было создано множество фондов и благотворительных организаций. Но в общественном мнении и правительственной политике Запада все чаще ставился знак равенства между СССР и Россией, синонимами стали термины «коммунисты» и «русские».

История лагерей для перемещенных лиц вообще малоизученная область, а уж в Италии — периферии «галактики ди-пи» — ей, уделялось особенно мало внимания. Число учтенных советских граждан в Италии оценивается исследователями в 88–92 тыс.¹ Наиболее типичной можно считать судьбу дипийки Анфисы Овчаровой, впоследствии католической монахини сестры Архангелы русского Успенского монастыря в Риме². Сколько же проживало в стране русских эмигрантов первой «волны» («старожилов»), а главное, сколько было беженцев из числа представителей первой эмиграции из других стран, неизвестно: можно предположить, что примерно половина от численности советских граждан. Их «извлечением» занимались СМЕРШ и МГБ. Операция получила кодовое название «Килевание». В Италии группа представителей уполномоченного СНК СССР по делам репатриации (во главе с полковником Яковлевым — 27 человек) начала работу 13 января 1944 г.³ Конечно, деятельность группы проходила в тесном контакте с организациями союзников.

В Италии существовали многочисленные лагеря для «перемещенных лиц», наиболее значительные находились: на периферии Рима — Чине-Читта́ (другое написание: Чинечитта) и в церкви на Монте-Верде; под Римини — у железнодорожной станции Риччони, под Пизой, Болоньей, на острове Липари, менее известны лагеря в Баньоли, Аверсе, Барлетте, Белларии и т. д.

Из итальянских лагерей «ди-пи» перевозили в австрийский лагерь № 300 Санкт-Валентин и передавали советским органам.

С декабря 1944-го по апрель 1947 г. англичанами и американцами было выдано, по данным Н.Д. Толстого, из Италии 42 тыс. советских граждан⁴. В мае 1947 г. проводилась последняя массовая операция по репатриации, получившая кодовое название «Восточный ветер». В ходе ее были переданы в руки МГБ и СМЕРШа большинство оставшихся дипийцев из числа военнопленных лагерей Баньоли, Аверса, Риччони, Пиза и т.д. Поняв, куда их везут, и отлично зная, что их ожидает, староста одного из лагерей бывший майор Советской Армии П.П. Иванов, пользовавшийся большим авторитетом у соотечественников, укоризненно бросил английскому коменданту: «Значит, вы все-таки отправляете нас на смерть. А я-то в вас верил. Предала нас ваша демократия»⁵. Молодой офицер британской разведки А. Вайман вспоминал, как после погрузки в вагоны русские стали кричать: «Не отдавайте нас Советам. Лучше расстреляйте, если хотите, но только не посылайте на пытки»⁶. Ему также врезалось в память, как «утром, когда мы были уже близко от советской зоны, пленные начали отдавать охранникам часы и письма, некоторые оставили в вагоне Новый Завет. <...> Даже у тех мальчиков, что рыдали вчера в поезде, на лицах застыло то бесстрастное выражение, которое, по мнению жителей Запада, олицетворяет чисто славянское равнодушие к смерти. Когда-то я тоже верил этой сентенции — теперь мне стало ясно, как я заблуждался»⁷.

Даже на этом фоне особенно трагической была репатриация из лагеря в Риччони под Римини. 8 мая 1947 г., уже зная судьбу других дипийцев, население лагеря начало акцию массового неповиновения, англичане применили силу, и бывшие военнослужащие стали сопротивляться. Попытки захватить оружие и прорваться из лагеря привели к бойне, английская охрана штыками заколола несколько узников⁸. Только 185 человек удалось выдать в СССР. Трагедия русских дипийцев привела к громкому скандалу в западных средствах массовой информации. Известному эсеру В.М. Зензинову, проживавшему в Нью-Йорке и переписывавшемуся со многими «ди-пи», удалось заинтересовать этой историей влиятельный в США журнал «Таймс»⁹.

Однако более всего известна ситуация с лагерем для «перемещенных лиц» на острове Липари — «итальянских Соловках», как остроумно прозвали его эмигранты. Туда свозили наиболее неблагонадежных дипийцев — тех, кто пытался бежать или скрыться, а также всех обвиненных в воровстве или с неточностями в документах. Международный скандал начался, когда часть дипийцев по требованию СССР была высажена итальянской полицией с парохода «Санта-Крус», плившего в Аргентину, хотя все пассажиры уже имели аргентинские паспорта, подписанные Х. Пероном. На защиту русских эмигрантов выступили не только Российский антикоммунистический центр С.С. Белосельского-Белозерского в Нью-Йорке, Союз Андреевского флага П.В. Глазенапа в Мюнхене, парижская газета «Русская мысль», мюнхенский журнал «На переломе», но и Министерство иностранных дел Аргентины и даже известный французский социалист Л. Блюм. В результате дипийцы острова Липари были освобождены.

В 1945–1951 гг. почти во всех лагерях для «перемещенных лиц», существовавших под эгидой английской и американской администраций, была развернута чрезвычайно интенсивная издательская деятельность. Условно дипийское книжное дело можно разделить на три основных периода. Первый период УНРРА (UNRRA — Администрация ООН по оказанию помощи и восстановлению) с лета 1945 по осень 1946 г., когда все выходившие в лагерях издания получали порядковый номер этой организации. Второй, с осени 1946 по май 1947 г., — фактическое запрещение любой издательской деятельности на территории лагерей «ди-пи». И, наконец, третий период ИРО (IRO — Международная организация по делам беженцев и перемещенных лиц), с июня 1947 по 31 декабря 1951 г.

В разоренных войной Германии и Италии почти единственными платежными средствами были кофе и сигареты. На сэкономленные из лагерного пайка продукты и папиросы издавалось большое количество книг, брошюр, периодики, листовок, открыток и т.д. Понятно, что большинство из них печаталось на плохой бумаге, периодические издания представляли собой преимущественно малотиражные газеты и информационные листки. Тиражи изданий «ди-пи» были очень небольшими —

20–100 экз., максимальный — 1500. Как правило, издательства и периодические органы лагерей для перемещенных лиц были основаны представителями первой эмиграции, но позднее к ним присоединились и начали играть ведущую роль эмигранты из второй «волны».

В общей дипийской тенденции не стала исключением и русская печать в Италии. Под эгидой Русского собрания, опекаемого князем Сергеем Георгиевичем Романовским, герцогом Лейхтенбергским (1890–1974)¹⁰, после Второй мировой войны почетным председателем Русского национального объединения, в Риме (фактически в лагере Чине-Читта) стал выходить журнал «Русский клич» (1946 — после 1951). Журнал первоначально размножался гектографическим способом, а затем стал издаваться в виде типографской брошюры. Создателями журнала были старые эмигранты — секретарь Русского собрания Александр Николаевич Саков (1915–1974) и начальник Походной канцелярии императора великого князя Владимира Кирилловича Николай Эммануилович Вуич (1897–1976) (впоследствии «за долгую и верную службу» он был пожалован Владимиром Кирилловичем орденом Св. Андрея Первозванного и графским титулом)¹¹. «Русский клич» первоначально был непартийным изданием и ставил своей задачей объединение русских людей в тяжелых условиях эмиграции, но постепенно стал монархическим журналом, ориентированным на великого князя Владимира Кирилловича. Именно с его страниц мир узнал о трагедии «ди-пи» лагерей Липари. При журнале существовал большой литературно-художественный кружок, проводились поэтические и прозаические конкурсы¹².

Политическая позиция журнала «Русский клич» становится совершенно объяснимой, если учитывать, что «Русская Италия» (1945–1951) была вторым центром послевоенных монархистов. Например, больше всего отделов Российского народно-монархического движения (создан И.Л. Солоневичем) за пределами Аргентины существовало как раз в Италии¹³. Даже представители второй «волны», жившие в это время в Италии, стали известными монархическими идеологами и публицистами. Фактическим соредактором «Русского клича» был известный представитель второй «волны» — писатель, журналист, публицист и

редактор Борис Николаевич Ширяев (1889–1959). Он более известен как автор книги «Неугасимая лампада» о своем пребывании в лагере на Соловецких островах. Во время Второй мировой войны на оккупированной немцами территории он редактировал ставропольскую газету «Утро Кавказа» («Ставропольское слово»), затем сотрудничал в симферопольской газете «Голос Крыма». В начале 1945 г. Ширяев оказался в Италии. Он служил в штабе казачьей армии атамана Т.И. Доманова в городе Толмеццо, одновременно исполнял обязанности заместителя главного редактора газеты «Казачья земля»¹⁴. В Италии, перейдя в католичество, Ширяев остался монархистом, вошел в правление Российского народно-монархического движения и стал постоянным автором аргентинской газеты «Наша страна» (Буэнос-Айрес, издается с 1948 г.) и одноименного издательства. Именно там вышли его воспоминания «Ди-Пи в Италии: Записки продавца кукол» (1952), получившие самые положительные отзывы в печати,¹⁵ «Светильники Русской Земли» (1953), «Я — человек русский» и другие рассказы» (1954).

Позднее в редакцию журнала «Русский клич» вошел впоследствии известный эмигрантский журналист, публицист и литературный критик Владимир Андреевич Рудинский (настоящие имя и фамилия — Даниил Федорович Петров). Он ушел в 1944 г. из-под Ленинграда с испанской «голубой дивизией» и ныне живет в Париже¹⁶. Среди других авторов нужно отметить историка и правоведа Сергея Викторовича Гротова (настоящая фамилия Сиверс, пользовался также псевдонимом С. Нестеров)¹⁷. Он был доцентом Казанского университета, автором книг «Балканы как очаг европейских столкновений» под редакцией академика С.Ф. Платонова и «Внешняя торговая политика СССР в международных договорах» под редакцией академика Е.В. Тарле. В 1930 г. Гротов был арестован по «платоновскому делу» и освобожден только в 1941 г. Воевал в штрафном батальоне, попал в плен и оказался после войны в Италии, где стал профессором русской литературы. Он был при жизни И.Л. Солоневича секретарем по особым заданиям Российского народно-монархического движения, а после смерти последнего даже стал генеральным секретарем¹⁸. Известен он и своей серьезной работой

«История КПСС» (1961), подписанной псевдонимом Алексей Ростов.

В Риме также выходил другой монархический орган «В добрый час: Издание Окружного совета Российского монархического движения» (1949) под редакцией Александра Николаевича Мясоедова (1876–1964) — дипломата и поэта. Он был первым секретарем Императорского Российского посольства, статским советником, камергером Высочайшего двора, председателем Лицейского объединения в Италии, делегатом Рейхенгалльского съезда монархистов, основоположником Российского монархического движения и с 1956 г. и до конца своей жизни — председателем Высшего монархического совета. В редакторской работе ему помогал сын Александр Александрович (1891–1988), староста прихода Никольской церкви в Риме¹⁹.

В Италии печатались еще два периодических издания: в Риме — «Отовсюду: Информационный бюллетень» под редакцией Д. Грибановского, и в Римини — «Оса» (1945–1947)²⁰.

В своих мемуарах Ширяев вспоминал, что по «русской дипийской Италии» имели хождение брошюры и листовки гектографической печати, например — «За Веру, Царя и Отечество! Слушайте, слушайте, слушайте! Русские Революционные Силы» (параллельный текст на русском и итальянском). Сам он не знал истории их происхождения, но связывал с молодыми эмигрантами первой «волны», приезжавшими из Греции в Италию²¹. В соседней Греции в это же время в дипийском лагере у Пирея выходили два периодических русских издания: «Вольный русский» (1948) и «Довольно! Подпольный бюллетень связи РРС» (1950. № 1–5). РРС расшифровывается как вышеупомянутые Русские революционные силы — это дееспособное отделение Младоросской партии, сохранившееся после войны в Греции, Италии и странах Ближнего Востока. Во главе «тайной организации» стоял Георгий Морицевич Кнупфер — до войны лидер младороссов в Великобритании, впоследствии председатель Высшего монархического совета (с 1966 г.), не признанного великим князем Владимиром Кирилловичем, и один из лидеров монархистов-«соборников». В Германии РРС действовал под названием Патриотический союз русских за рубежом. РРС стоял на позиции реставрации монархии в федеративной России, но

допускал проведение референдума о форме правления после падения большевистского режима²². Впоследствии РРС принимал активное участие в подпольной борьбе греческих монархистов с «черными полковниками», выпускал листовки и даже перебрасывал их (или, по крайней мере, пытался) в СССР²³.

Другой политической организацией, действовавшей в дипийских лагерях Италии, был Национально-трудовой союз (НТС). Союз даже хотел издавать в Риме свой орган «Посев» в честь старшего германского собрата, но все закончилось открытием отделения редакции. Редактором нового издания должен был стать историк, публицист, архивист, коллекционер, общественный деятель, член Совета НТС, известный представитель второй «волны» русской эмиграции Николай Николаевич Рутыч (настоящая фамилия Рутченко, подписывался также криптонимом Н. Р-ч)²⁴. Окончив исторический факультет ЛГУ, он поступил в аспирантуру Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, был призван в армию и попал в плен. После мая 1945 г. Рутыч скрывался в лагерях для перемещенных лиц под Римом и регулярно посылал в «Посев» материалы о Русской Италии. В Париж он переехал в конце 1940-х гг., где занялся восстановлением местного отделения НТС, но окончательно покинул Италию в 1952 г.²⁵

В изучении культуры Русского зарубежья не следует преуменьшать значение дипийского периода. Именно в это время устанавливается культурно-политический и творческий контакт между представителями первой и второй русской эмиграции. Многие материалы, помещенные на страницах дипийских периодических изданий или выпущенные в виде книг и брошюр, впоследствии перепечатывались всеми крупнейшими послевоенными эмигрантскими журналами и газетами, переиздавались издательствами русской эмиграции второй половины XX в. О значении дипийской печати сам за себя говорит и тот факт, что в лагерях для «перемещенных лиц» в Германии были основаны знаменитое издательство «Посев» и два самых известных периодических органа НТС — «Посев» и «Грани». Дипийский период определил на долгие послевоенные годы характер и состав русской диаспоры в Италии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Арзамаскин Ю.Н. Советские органы репатриации // Материалы по истории Русского освободительного движения. Вып. 4. М., 1999. С. 257–258; Полян П.М. Депортация советских граждан в третий рейх и их репатриация в Советский Союз // Там же. С. 381.

² Архангела, сестра. Мои воспоминания: Курский соловей в чужом краю. Рома, 1990.

³ Арзамаскин Ю.Н. Советские органы репатриации. С. 268.

⁴ Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. М.: Рус. путь, 1996. С. 415.

⁵ Там же. С. 420.

⁶ Там же. С. 420.

⁷ Там же. С. 422.

⁸ Ширяев Б. (Альмов А.) Ди-Пи в Италии: Записки продавца кукол. Буэнос-Айрес, 1952. С. 113–114.

⁹ Письмо В.М. Зензинова дипийцу из лагеря Римини г-ну Барлицкому от 22 мая 1947 г. // Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive. V.M. Zenzinov Papers. Box. 33: Дипийская переписка 1947–1949.

¹⁰ Гасперович В., Катин-Ярцев М.Ю., Талалай М.Г., Шумков А.А. Тестаччо. Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме. Алфавитный список русских захоронений. СПб., 1999. С. 95; см. о нем статью А.С. Кручинина в наст. изд.

¹¹ Там же. С. 44, 135.

¹² Ширяев Б. Ди-Пи в Италии... С. 122–123.

¹³ Назаров М.В. Монархические организации русского зарубежья // Держава. 1996. №2(5). С. 77.

¹⁴ Беглов А., Шилкин А. Диверсия без динамита. М.: Политиздат, 1972. С. 166.

¹⁵ Н.Ч. [Чухнов Н.Н.] «Ди-Пи» в Италии» // Знамя России. 1952. 28 дек. С. 14. (Рец. на кн.: Ширяев Б. (Альмов А.) Ди-Пи в Италии...)

¹⁶ ГАРФ. Ф. 10032. Оп. 1. Д. 70.

¹⁷ Гасперович В., Катин-Ярцев М.Ю., Талалай М.Г., Шумков А.А. Тестаччо... С. 51. С.В. Гротов провел также большую работу по каталогизации Русской библиотеки им. Н.В. Гоголя в Риме – см. статью Г. Маццителли в наст. изд. – *Примеч. ред.*

¹⁸ Чухнов Н.Н. В смятенные годы. Очерки нашей борьбы, 1941–1965. Нью-Йорк, 1967. С. 291.

¹⁹ Гасперович В., Катин-Ярцев М.Ю., Талалай М.Г., Шумков А.А. Тестаччо... С. 82.

²⁰ Волков А.М. Русская эмиграция в Европе: Сводный каталог периодических изданий 1940–1979 (L'emigration russe en Europe: Catalogie collecif des periodiques en langue russe 1940–1979). Paris, 1981. P. 84, 83.

²¹ Там же. С. 236.

²² Келли Р.Ф. Группы российской эмиграции в Европе в начале 50-х годов // Наука, культура и политика русской эмиграции. СПб., 2004. С. 229–230.

²³ В.Л. Казем-Бек и движение младороссов // [http:// resist. gothic ru /arhiv/ kazembek. html](http://resist.gothic.ru/archiv/kazembek.html). – Л.2.

²⁴ ГАРФ. Ф. 10032. Оп. 1. Д. 69.

²⁵ См. наиболее достоверную и подтвержденную документами биографию: Базанов П.Н., Смирнова А.П. Рутченко (Рутыч) Н.Н. // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биогр. словарь. Т. III. СПб., 2003. С. 487–489.

М.В. ШКАРОВСКИЙ (*Санкт-Петербург*)

КАЗАЧИЙ СТАН В СЕВЕРНОЙ ИТАЛИИ И ЕГО ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

История такого уникального явления, как Казачий стан, существовавшего с августа 1944-го по май 1945 г. в северо-восточной области Италии, Карнии (Фриули), уже привлекала внимание историков. Основные труды были написаны итальянскими исследователями: П. Карньером, Г. Вениром, П. Деотто¹; некоторые сюжеты этой истории освещались и в работах русских, в том числе эмигрантских, авторов: П.Н. Донскова, В.Г. Науменко, К. Черкасова, Н.Д. Толстого, В.А. Огорокова, Ю.С. Цурганова и др.² Однако никто из них не изучал деятельность духовенства, игравшего заметную роль во многих сферах жизни Казачьего стана. Этой теме и посвящена статья, подготовленная (помимо опубликованных источников) на основе документов Синодального архива Русской Православной Церкви за границей в Нью-Йорке, Российского государственного военного архива в Москве и архива Института современной истории (Institut fuer Zeitgeschichte) в Мюнхене.

Образование Казачьего стана началось в 1942 г. после оккупации германскими войсками территории Дона и Кубани. Осенью 1942 г. создание под эгидой немцев одной из казачьих частей — пластунской сотни — возглавил начальник Штаба освобождения Дона полковник царской армии С.В. Павлов. Эту инициативу поддержал проживавший в Берлине атаман Донского казачества в годы Гражданской войны 73-летний генерал-лейтенант П.Н. Краснов, отправивший 11 ноября 1942 г. Павлову письмо, в котором дал ряд рекомендаций по организации повстанческой деятельности и формированию частей. В конце ноября то-

го же года Павлов приступил к созданию казачьего полка, который стали окормлять местные православные священники.

В ходе начавшегося в январе 1943 г. отступления немецких войск часть казаков с семьями и их духовные пастыри также двинулись на Запад. В середине 1943 г. в Кировограде Павлов приступил к формированию двух полков. Уже в июле 1943 г. в Кировограде собралось до 3 тыс., а в Проскурове около 7 тыс. человек. Формирование Казачьего стана началось в соответствии с декларацией германского правительства от 10 ноября 1943 г., определившего место для размещения в районе с. Балино Каменец-Подольской области. Прибывающих казаков распределяли по станицам — донским, кубанским и терским, к которым причислялись и священники (при этом к стану присоединились не только казацки, но и некоторые украинские священнослужители, например, благочинный Донецкого округа Автономной Украинской Православной Церкви протоиерей Исидор Дереза, дошедший с казаками до австрийского Лиенца). Избранные станичные атаманы и правления подчинялись Павлову, занявшему пост походного атамана Казачьего стана.

По приказу командующего восточными добровольческими войсками генерала Эрнста Кёстринга от 31 марта 1944 г. в Берлине было образовано Главное управление казачьих войск во главе с генералом П.Н. Красновым. Заместителем начальника управления стал его племянник генерал-майор С.Н. Краснов, в число руководителей также вошли генерал-майор В.Г. Науменко, полковник С.В. Павлов и подполковник Н.Л. Кулаков. В начале июня 1944 г. по распоряжению немецкого командования Казачий стан был передислоцирован в Белоруссию в район городов Барановичи — Слоним — Ельня — Столицы — Новогрудок (в последнем разместился штаб). За короткий срок здесь было сформировано 11 пеших казачьих полков, в среднем по 1200 человек в каждом. 17 июня 1944 г. полковник Павлов при невыясненных обстоятельствах погиб в бою с партизанами. Походным атаманом стана был назначен начальник штаба Т.И. Доманов³.

На территории Белоруссии произошло упорядочение церковной жизни стана. Эту работу возглавил происходивший из донских казаков протоиерей Василий Григорьев. Он фактически организовал из приходов отдельных станиц Казачью епар-

хию, установил связь с управлявшим Барановичско-Новогрудской епархией Белорусской Православной Церкви епископом Витебским и Полоцким Афанасием (Мартосом) и был назначен этим Владыкой уполномоченным по управлению Казачьей епархией. Сам епископ Афанасий неоднократно совершал службы для казаков и оставил у них добрую память.

В начале июля 1944 г. Казачий стан был переведен на территорию Польши в район Белостока, где некоторые части находились около трех месяцев — до октября–ноября. Здесь, в городке Здунска Воля, протоиерей Василий Григорьев провел собрание всего духовенства стана и назначил благочинных (вместе с казаками из Новогрудка ушло немало белорусских священнослужителей). В дни тысячекилометровых переходов священники не прекращали окормления своей паствы. Позднее служивший в 8-м полку протоиерей Тимофей Соин вспоминал: «На всех остановках тяжелого и многострадального пути духовенство совершало богослужения под открытым небом. У кого были святые антиминсы — совершали литургию, у кого таковых не было, служили обедницы и молебны»⁴.

Остановка в Польше оказалась кратковременной. Уже 6 июля 1944 г. было принято решение о переброске Казачьего стана в северо-восточную Италию. В этой стране осенью 1943 г., после падения фашистского режима, немцы организовали провинцию «Адриатическое побережье», но здесь их положение было шатким из-за постоянных ударов со стороны прокоммунистических партизанских бригад «Гарибальди» и «Озоппо». Успехи последних и вынудили германское командование послать в Италию казаков. В конце июля — начале августа 1944 г. на железнодорожных станциях Карнии и Понтеббы высадились первые несколько тысяч под командованием походного атамана Т.И. Доманова⁵.

1 сентября 1944 г. П.Н. Краснов известил германский главный отдел рабочей силы в ответ на запрос от 11 августа, что казаки размещаются в выделенной им области расселения на Адриатическом побережье: «Первые воинские казачьи формирования уже высадились на него, другие находятся на пути туда. Территория будет освобождена от банд, и тогда на эту террито-

рию придут для поселения небоеспособные казаки и казачьи семьи»⁶.

На 30 сентября 1944 г. численность Казачьего стана составила 15 590 человек, в том числе 8435 гражданских (включая стариков, женщин и детей) и 7155 военнообязанных, составлявших семь пеших полков и один конный. В октябре–ноябре к ним присоединилось еще более 6700 военнотружущих казаков (в составе трех полков). Пополнения стана продолжались и в дальнейшем: согласно рапорту генерал-майора Доманова, по состоянию на 27 апреля 1945 г. его численность превышала 31,5 тыс. человек, в том числе 18 060 рядовых, унтер-офицеров и офицеров, а также 13 570 гражданских лиц. Немало способствовала пополнению деятельность созданного в сентябре 1944 г. Резерва казачьих войск, начальником которого был назначен еще один ветеран Гражданской войны генерал-лейтенант А.Г. Шкуро. На допросе в 1945 г. он показал, что за восемь месяцев направил в Италию до 7 тыс. человек, главным образом стариков, женщин и детей, на жительство в казачьих станицах. Кроме того, в Карнии было размещено около 5 тыс. кавказцев под командованием генерала Султан-Гирея Клыча. Видимо, включая их в численность населения стана, некоторые итальянские ученые считают, что казаков было 40 тыс., а с мирными жителями до 60 тыс., и называют это образование «казачьей армией»⁷.

Первоначально отряды казаков несколько недель пробыли в районе г. Джемона (где разместился штаб походного атамана) на своих подводах. Здесь они подверглись бомбардировке англичан, причем около крепости Озоппо осколком бомбы был убит священник Димитрий Войников. В дальнейшем лишь часть казаков осталась в Джемоне, Озоппо и Амаро; 13 октября 1944 г. основной контингент их прибыл в городки Толмеццо, Алессо и Кадалезе. Донские станицы расположились в Алессо и четырех близлежащих селениях, кубанские — на полпути между Алессо и Толмеццо, а терские — в двух километрах западнее Толмеццо. Небольшие группы казаков разместились в Казарсе, Буйе, Майано, Сан-Даниэле, Чивадалезе, а кавказцы — чуть севернее, их «ставка» находилась в Палуцце.

После многомесячных скитаний у казаков появилась надежда, что, наконец-то, они прибыли на место, где смогут обосно-

ваться надолго и даже обустроить по своим представлениям Казачью землю. С осени 1944 г. в Карнии стал выходить одноименный журнал «Казачья земля». Итальянские городки были переименованы в станицы, а центр казачьих поселений — Алессо — в Новочеркасск, главную площадь этого города называли именем атамана Платова, а одну из главных улиц — Балаклавской. При этом местных жителей порой выселяли из их домов, так, в Алессо из итальянцев были оставлены только пекарь и переводчик. На конфискованных земельных участках казаки выращивали привычные им овощи, постепенно наладились и другие сферы быта.

Для молодежи в местечке Вилла-Сантина организовали 1-е Казачье юнкерское училище в составе 300 человек под командованием полковника Медынского. Кроме того, в поселке Цветль был сформирован офицерский резерв из 400 человек, инструктором по строевой подготовке которого в январе 1945 г. назначили подполковника А.М. Протопопова, с марта коменданта штаба Казачьего стана в чине полковника. В целом, на базе стана планировалось создать 2-й Казачий корпус из нескольких дивизий, но осуществить это намерение не успели.

Осенью 1944 г. в каждую станицу или округ был назначен священник. Богослужения сначала шли под открытым небом, при первой возможности сооружали походные церкви, писали иконы, вырезали кресты, жечь от консервных банок шла на нимбы (перед одним из таких иконостасов до сих пор служат в домовых церквях в Виллахе). Через несколько месяцев при штабах всех полков уже имелись походные церкви с хорошими любительскими хорами певчих. В тех городках, откуда выселили местных жителей, богослужения совершались и в реквизированных католических храмах, где нередко происходили венчания молодых казаков и казачек⁸.

Партизаны были вытеснены в горы, но стычки с итальянцами происходили нередко. Вскоре казачье командование обратилось к местным жителям с воззванием, в котором разъясняло свою главную задачу — борьбу с большевизмом: «<...> теперь и мы, казаки, сражаемся с этой мировой чумой везде, где ее встречаем, — в польских лесах, в югославских горах, на солнечной итальянской земле»⁹. В начале февраля 1945 г. в Карнию было

переведено из Берлина и Главное управление казачьих войск. Краснов устроил свою ставку в местечке Вилла-ди-Верцензис в гостинице «Савойя», где жил около трех месяцев — с 9 февраля по 2 мая¹⁰.

Генерал Краснов уделял большое внимание организации церковной жизни Казачьего стана и, в частности, выступал за официальное учреждение отдельной Казачьей епархии во главе с архиепископом или даже митрополитом. Первое его письмо об этом председателю Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей митрополиту Анастасию (Грибановскому) последовало 27 августа 1944 г. В нем Краснов, «радея о казачьей пастве, как поселяемой на земле в Северной Италии, так и служащей в воинских частях», просил назначить архиепископом Донским, Кубанским и Терским «архиепископа» Николая (Автономова), окормлявшего ряд казачьих формирований во время их пребывания в Польском генерал-губернаторстве.

Однако эта просьба оказалась невыполненной в связи с одиозностью личности «архиепископа» Николая, который оказался церковным авантюристом. Он родился в 1886 г. в семье священника донской станицы, поступил в Тамбовскую семинарию, но был исключен за пьянство из 4-го класса. В 1920-е гг. Автономов являлся уполномоченным обновленческого Синода по Сталинградскому округу, затем с 1930 г. — женатым обновленческим епископом Ставропольским. Немецкая оккупация в августе 1942 г. застала его коммерческим директором мясокомбината в Пятигорске, где Автономов, объявив себя не обновленческим, а каноничным архиепископом, тесно сотрудничал с гестапо. В декабре 1942 г. он эвакуировался на Украину, где сумел ввести в заблуждение вскоре погибшего экзарха Украинской Автономной Церкви митрополита Алексия (Громадского), который 3 января 1943 г. временно назначил его управляющим Мозырской епархии. 29 января 1944 г. «архиепископ» с женой, дочерью и внучкой прибыл в Варшаву и по поручению местной германской администрации несколько месяцев окормлял различные вспомогательные не немецкие части.

26 мая 1944 г. Автономов, назвав себя «Православным руководителем для легионеров и воинских соединений Вермахта и Охранных войск в Генерал-Губернаторстве», из Кракова впервые

обратился к Архиерейскому Синоду Зарубежной Русской Церкви с прошением о принятии его в каноническое и евхаристическое общение. Ответа из Синода не последовало, но один из его членов митрополит Берлинский и Германский Серафим (Ляде) 21 июня написал «архиепископу», что вступил с ним и находящимися в его ведении казаками в евхаристическое общение. Через месяц с небольшим Автономов приехал в Берлин и на первой встрече с Красновым сумел произвести на генерала благоприятное впечатление. 8 августа и начальник «церковного реферата» Главного управления имперской безопасности (РСХА) Нейгауз выразил согласие на назначение «Владыки» Николая епископом при Главном управлении казачьих войск. 16 августа Автономов написал еще одно прошение в Архиерейский Синод, а 26 августа – лично митрополиту Анастасию. Представил авантюрист и прошение на имя председателя Синода от «Главного Казачьего Штаба войск СС и Шуцполицией Генеральной Губернии» о якобы состоявшемся его избрании казачеством на кафедру Донской и Новочеркасской митрополии. Впрочем, это прошение было признано поддельным, так как оказалось скреплено печатью какого-то прихода в Транснистрии с надписью на румынском языке.

Архиерейский Синод провел расследование и неопровержимо выявил самозванство Автономова. Кроме того, к митрополиту Анастасию поступило деяние № 4 Собора епископов Автономной Украинской Церкви в Варшаве от 8 апреля 1944 г., подтвердившее решение трех архиереев этой Церкви от 5 июня 1943 г. о запрещении «именующего себя архиепископом Николая Автономова в священнослужении», а также доклад председателя Комиссии по церковным делам при Русском комитете в генерал-губернаторстве А.К. Свитича о негативных результатах расследования комиссии по данному делу.

В результате 11 октября 1944 г. Архиерейский Синод постановил: «а) прошение Николая Автономова о принятии его в молитвенное и евхаристическое общение отклонить ввиду непринадлежности его к составу канонических православных епископов; б) уведомить Генерала Краснова, что Николай Автономов, как самозванец и обновленец, не может быть назначен ни на какую церковную должность; в) просить Митрополита Берлинского и

Германского Серафима аннулировать выданное им Николаю Автономову удостоверение о том, что он является православным епископом, коему разрешено совершение богослужений в пределах Германской епархии <...>¹¹.

13 октября митрополит Анастасий написал о принятом постановлении Краснову, подчеркнув важность того, чтобы военные власти не давали священникам никаких назначений без предварительного сношения с председателем Синода. Впрочем, генерал, еще не получив ответа митрополита Анастасия на свое первое письмо, в середине октября послал ему второе, где уже писал о разочаровании в личности Автономова и просил считать свое ходатайство аннулированным. Краснова «сильно охладели» вторая и третья личные встречи с «архиепископом» Николаем, а также тот факт, что Автономов, несмотря на просьбу генерала не ездить на Казачью землю в Италию до решения Синода, прибыл туда и был разоблачен многими казаками и священниками (протоиереями Михаилом Донецким, Димитрием Воиновым, Тимофеем Соиным и др.), знавшими прежнюю жизнь и деятельность самозванца. Состоявшийся 2 октября 1944 г. в г. Джемона 2-й съезд духовенства Казачьей епархии с участием 24 священников, 5 диаконов, 10 псаломщиков и 2 мирян под председательством управляющего епархией протоиерей Василия Григорьева постановил считать невозможным вступить с Автономовым в молитвенно-каноническое общение и не признавать его правящим архиереем, после чего авантюриста изгнали с Казачьей земли¹².

31 октября 1944 г. митрополит Анастасий из Вены написал в Рейхминистерство церковных дел, что он и митрополит Серафим (Ляде) обсудили прошение Николая Автономова принять его в Зарубежную Русскую Православную Церковь и наречь митрополитом казаков. Но Архиерейский Синод и митрополиты Анастасий и Серафим пришли к заключению, что «представленные сведения являются неверными, и что упомянутый [человек] не может рассматриваться в качестве правящего архиерея»¹³.

Дальнейшая судьба Автономова напоминала авантурный роман. 9 апреля 1945 г. Архиерейский Синод окончательно отклонил его просьбу о пересмотре дела, и через несколько месяцев

«Владыка» Николай был принят в Риме в лоно Католической Церкви (с сохранением восточного обряда), затем возведен Папой Пием XII в сан митрополита. В качестве архиепископа Ратьярского и униатского митрополита Германского Римского Патриархата Автономов в декабре 1945 г. приехал в Мюнхен, где начал издавать журнал «Колокол» и устроил униатскую церковь свт. Николая (сохранившуюся до настоящего времени). Через год-полтора «Владыка» был при участии Зарубежной Русской Церкви разоблачен как самозванец, смещен и отправлен в католический монастырь. Затем Автономова арестовала американская оккупационная администрация по обвинению в шпионаже в пользу СССР. До 1949 г. он сидел в тюрьме, а после выхода на свободу получил назначение в одно из южноамериканских государств. Там Автономов порвал с католиками и сумел эмигрировать в США. В 1950-е гг. «архиепископ» несколько раз безуспешно пытался перейти в состав Американской Православной Церкви, в 1962 г. подал прошение о принятии его в состав греческого экзархата (возглавляемого архиепископом Иаковом), но вскоре скончался¹⁴.

23 октября 1944 г. в новом письме митрополиту Анастасию Краснов предложил на кафедру Донскую, Кубанскую и Терско-Ставропольскую вместо Автономова другую кандидатуру — епископа Афанасия (Мартоса), который после эвакуации из Белоруссии с 15 августа 1944 г. проживал в г. Францесбаде (ныне Чехия). При этом генерал отмечал: «В настоящее время казаки с их семьями устраиваются на жизнь в Северной Италии на отведенной им и отвоеванной у партизан Бадимо земле. Налаживается и их духовная и церковная жизнь. <...> Соответственно делению Казачьей земли на 3 округа: Донской, Кубанский и Терско-Ставропольский создано три благочиния и назначены благочинные. Устраиваются церкви. <...> Является необходимость в назначении им Пастыря-Епископа; в создании особой Донской-Кубанской и Терско-Ставропольской епархии. На 2-м съезде духовенства Казачьей Епархии, 2-го октября 1944-го года в городе Жемона, в Италии — съезд духовенства просит о назначении Архиереем Казачьей Епархии Епископа Афанасия (Мартоса), бывшего Новогрудского, с которым духовенство казачье находится в молитвенно-каноническом общении. За время пребывания

ния казаков в Белоруссии летом этого года казаки сжились и полюбили Епископа Афанасия»¹⁵. Кроме того, Краснов просил назначить протоиерея Василия Григорьева протопресвитером духовенства на Казачьей земле.

Резолюция митрополита Анастасия на письме от 30 октября гласила, что дело об устройстве Казачьей епархии «не встречает принципиальных возражений со стороны Синода», но требует специального его суждения с участием митрополита Серафима (Ляде), поэтому решение будет вынесено после предстоящего вскоре переезда Синода из Вены в Карлсбад (ныне Карловы Вары в Чехии). Тем временем Краснов получил первый ответ митрополита Анастасия относительно Автономова, принял его к сведению и 28 октября написал председателю Синода, что примет меры для устранения самозванца «от всякого влияния на казаков». Согласился генерал и с тем, что военные власти не должны назначать священников «без предварительного сношения» с митрополитом Анастасием, однако указал на особую ситуацию с духовенством Казачьего стана: «В отношении казачьих частей Походного Атамана Доманова дело обстоит иначе, чем в 1-й Казачьей дивизии. Части эти со своими священниками, как вышедшими с Дона, Кубани, Терека и Ставрополя, так и пришедшими по пути, 18-й месяц находятся в походе, с боями, и только теперь стали оседать в Северной Италии. Только месяц тому назад удалось старшему там протоиерею о. Василию Григорьеву собрать их всех, устроить съезд, учредить благочиния и сделать мне личный доклад. Следствием его и явилось мое обращение к Вам, Владыко. В этом отношении военные власти всегда были корректны»¹⁶.

Временно управлявший Казачьей епархией протоиерей Василий Григорьев обладал большими организаторскими способностями и в ноябре 1944 г. активно продолжил устройство церковной жизни. К этому времени в Карнию прибыло довольно много новых русских священнослужителей из Сербии и других мест, что позволило о. Василию разбить их на группы по образовательному цензу, стажу служения и назначить одних на места, других понизить до исполнения псаломнических обязанностей, третьих подвергнуть экзамену по программе ищущих священный сан. Все отправленные на экзамен шесть священников и

один диакон были рукоположены во время эвакуации с Украины архиепископом Херсонским и Николаевским Антонием без проверки их религиозной настроенности и подготовленности. Отец Василий ранее терпел их, поскольку не было лучших кандидатов, а теперь стал считать, что таких священников не должно быть в стане. Много внимания протоиерей Василий Григорьев уделял духовному воспитанию детей, лично составив программу преподавания Закона Божия в начальных школах и детям дошкольного возраста. Подготовил он осенью 1944 г. и православный молитвенник, направив его рукописный экземпляр Краснову с просьбой напечатать в Берлине в количестве 3–4 тыс. экземпляров. В декабре протоиерей приступил к составлению Священной истории Ветхого и Нового Завета для казачьих школ. В начале декабря о. Василий освятил еще одну походную церковь в расположении осетин. Согласно его рапортам походному атаману Доманову и генералу Краснову от 12 декабря 1944 г., в то время на службе в Казачьей епархии уже было 34 священника, 4 диакона, 1 протодиакон и до 30 псаломщиков, правда, о. Василий планировал в декабре сократить священнические штаты и уволить за штат малоподготовленных¹⁷.

Однако энергичная деятельность протоиерея Василия Григорьева не могла решить всех проблем. Уставший ждать постановления Синода Краснов 29 ноября вновь обратился с письмом к митрополиту Анастасию, перечисляя происходившие ввиду отсутствия казачьего епископа эксцессы: о. Василий Григорьев отказался хоронить убитого в бою с партизанами офицера, так как в этот день венчал свою дочь, что привело «к грубому столкновению» с заместителем походного атамана; митрополит Серафим (Ляде) проездом через Вену назначил служить при местном штабе казачьих войск не казака протоиерея Тимофея Кулешова, а чуждого казакам о. Николая Гриневича; назначенный немецким командованием священник при 5-м запасном казачьем полку не знает, законно ли его назначение, и т. д. В заключение генерал подчеркивал: «Все это, Владыко, настоятельно указывает на необходимость скорейшего объединения Управления всеми казачьими церквями и духовенством, где бы они по обстоятельствам военного времени не находились. Не нужно казакам особенно ученого, но нужно честного, верующего, неподкупного и

понимающего, что сейчас в казаках, как нигде, ярко горит пламя православной веры и нельзя его равнодушием и непониманием казачьей души угасить. Прошу и умоляю Вас поспешить с назначением Епископа казачьих церквей, знающего казаков».

С другой стороны и о. Василий Григорьев также хотел этого. 11 декабря 1944 г. он писал Краснову: «Лично меня и духовенство очень интересует вопрос о назначении епископа в наш стан. Все мы, как один, желаем иметь своим архипастырем епископа Афанасия». Через пару дней о. Василий подал рапорт атаману Доманову с просьбой разрешить пригласить епископа Афанасия для совершения богослужения на Рождество. 16 декабря Доманов переслал рапорт Краснову, поставившему 19 декабря на нем резолюцию «Это было бы большим праздником для всех казаков, так любящих и ценящих Владыку Афанасия».

Эта активность как со стороны военного руководства, так и духовенства казаков в конце концов подействовала на митрополита Анастасия, который, возможно, хотел лично управлять Казачьей епархией (в октябре 1944 г. Архиерейский Синод принял решение о сохранении казачьего военного духовенства в ведении Владыки Анастасии). 7 декабря председатель Синода пригласил епископа Афанасия приехать в Карлсбад для переговоров в случае, если сам митр. Анастасий не сможет в ближайшие дни посетить Франценсбад: «В связи с возбужденным генералом П.Н. Красновым вопросом об организации церковного управления для казаков мне очень нужно было бы срочно переговорить с Вашим Преосвященством, ибо, насколько мне известно, у Вас уже были разговоры по этому вопросу в Берлине и, кроме того, Вы уже принимали участие в пастырском окормлении казачьих частей в бытность их на территории Вашей епархии». А 11 декабря митрополит Анастасий поставил резолюцию на письме Краснова: «Со дня на день ожидается приезд сюда митрополита Серафима, с участием которого будет разрешен вопрос об организации церковного управления для казачьих войск».

Казалось, что Владыка Афанасий вскоре будет назначен правящим архиереем Казачьей епархии, но этого не произошло. Сам епископ начал колебаться и не дал своего окончательного согласия. Как только митрополит Анастасий узнал об этих колебаниях от посетившего Краснова в Берлине секретаря Синода

Г. Граббе, он 25 декабря написал епископу Афанасию, что генерал обещал телеграфировать о. Василию Григорьеву о желании епископа повидаться с ним и просил посетить казаков в Рождественские праздники. Краснов также заверил, что епископ Афанасий будет жить в спокойном месте, в удобном помещении и от него «не ожидают посещения отдаленных походных церквей». В дальнейшем епископ Витебский и Полоцкий неоднократно приезжал в Казачий стан (в том числе на Рождество), совершал богослужения, но церковное управление так и не возглавил¹⁸.

В результате 2 января 1945 г. Архиерейский Синод, рассмотрев ходатайство Краснова, постановил возвести в сан протопресвитера с правом ношения митры протоиерея Василия Григорьева, «который фактически организовал церковную жизнь в казачьих поселениях, управляет казачьим духовенством и в будущем явится ближайшим помощником епископа». В тот же день Синод рассмотрел прошение протоиерея Дмитрия Попова о назначении его в казачий приход с раскаянием в совершении в Варшаве литургии вместе с главой неканонической Православной Церкви в генерал-губернаторстве митрополитом Дионисием (Валединским). В принятом по этому делу постановлении говорилось: предоставить духовнику о. Дмитрия права разрешить его от греха сослужения с митрополитом Дионисием с прочтением над ним разрешительной молитвы, о чем послать указ временно управляющему казачьими церквями и духовенством протопресвитеру В. Григорьеву¹⁹.

Таким образом, о. Василий продолжал возглавлять духовенство Казачьего стана до конца его пребывания в Италии. Он сформировал Епархиальное управление (в состав которого вошли не только священнослужители, но и представители мирян), назначил законоучителем и духовником Казачьего юнкерского училища о. Николая Синайского, казначеем собора духовенства о. Николая Кравца и т. д. Священнослужители стана сыграли некоторую роль в неудаче попыток нацистов оторвать казаков как якобы особую нацию от России. Еще 2 августа 1944 г. в Берлине был принят приказ о реформировании Главного управления казачьих войск в Казачье правительство, в котором «самостийники» получали важнейшие министерские посты, но 29 августа удалось добиться отмены этого приказа, а во второй половине

апреля 1945 г. Казачий стан перешел под начало командующего Русской освободительной армией генерала А.А. Власова²⁰.

30 апреля 1945 г. командующий немецкими войсками на Юго-Западном фронте (в Италии) генерал Ретингер подписал приказ о прекращении огня, 2 мая должна была начаться капитуляция. В тот же день руководство Казачьего стана выпустило приказ о его переселении на территорию Австрии в Восточный Тироль, надеясь на почетную сдачу англичанам (накануне несколько сот казаков стали жертвами ожесточенной бомбардировки). Численность стана в это время составляла, по данным австрийских историков, 36 тыс.: 20 тыс. боеспособных штыков и сабель и 16 тыс. членов семей, а по сведениям итальянских ученых – около 40 тыс. человек. В ночь со 2 на 3 мая 1945 г. казаки вышли в свой последний поход через Альпы. Он оказался очень тяжелым: в начале похода у с. Оваро партизаны перегородили горную дорогу и потребовали сдачи всего транспорта и оружия. После короткого жаркого боя казаки одержали полную победу и расчистили себе дорогу (при этом были убиты командовавшие нападавшими два католических священника), но партизаны сожгли, предварительно заперев двери, госпиталь в Оваро, в котором сгорело около 20 больных казаков. Во Фриули родилась легенда, согласно которой «знаменитый атаман Краснов пал жертвой партизанской атаки 2 мая 1945 г.»: местные жители даже показывают его «могилу»²¹. Однако все руководившие переходом генералы: П.Н. Краснов, Т.И. Доманов и В.Г. Науменко – совершенно не пострадали. Интересно отметить, что во время последнего похода казаки нередко убивали спасавшихся бегством из Италии немецких офицеров и вообще всячески выражали антигерманские чувства.

В первый день Пасхи, 6 мая, почти все казачьи части, перевалив в тяжелых погодных условиях обледенелый альпийский перевал Плёкенпасс, пересекли итало-австрийскую границу и вышли в район Обердраубурга. Здесь под елями и в полях духовенство совершило пасхальную заутреню. 10 мая в Восточный Тироль пришли еще 1400 казаков из резервного полка под командованием генерала А.Г. Шкуро. К этому времени Казачий стан достиг г. Лиенца и расположился по станицам на правом берегу реки Дравы, а Епархиальное управление – на левом.

Штабы Краснова и Доманова разместились в гостинице Лиенца. По всем частям в воскресные и праздничные дни совершались службы — литургии или обедни.

18 мая в долину Дравы пришли англичане и приняли капитуляцию стана. Казаки сдали почти все оружие и были распределены по нескольким лагерям в окрестностях Лиенца. Их дальнейшая судьба оказалась трагической. В феврале 1945 г. на Ялтинской конференции И.В. Сталин добился от Ф. Рузвельта и У. Черчилля согласия на выдачу всех бывших граждан СССР. Однако союзники даже «перевыполнили» свои обязательства, выдав на расправу значительную часть русских эмигрантов «первой волны», которые советскими гражданами никогда не были. Первоначально — 28 мая, под видом вызова на конференцию англичане задержали и выдали органам НКВД около 1500 офицеров и генералов (по утверждению некоторых ученых, более половины их составляли старые эмигранты).

После ареста офицеров единственной войсковой организацией в лагерях Казачьего стана осталось духовенство и, прежде всего, епархиальное управление во главе с протопресвитером Василием Григорьевым. После сообщения о намеченной на 1 июня репатриации в канцелярии о. Василия состоялось пастырское совещание для обсуждения дальнейших действий, на котором иеромонах Ананий из Новочеркасской станицы предложил: «1 июня рано собраться всем войском на поляну за лагерь. <...> Пусть там сегодня сделают возвышение: будем все соборно служить литургию. Войско пусть исповедуеться и причащается. Из всех церквей иконы раздать в войско. Пусть стоят и поют: “Христос Воскресе!”». Это все знают. И пусть берут нас силой от службы Божией. <...> А может, не подыматься руки христиан на выдачу братьев. Может Господь помилует»²².

С пяти утра 1 июня 27 священников начали исповедовать желающих. Их было так много, что когда подошли крестные ходы из станиц, протоиерей Владимир Н.²³ (о. Василий Григорьев пошел в Лиенц подавать телеграммы с протестами) оставил 16 священников продолжать исповедь, а с остальными 11-тью начал Божественную литургию. Пели два больших хора — кубанский и Епархиального управления. Когда литургия достигла момента причащения (причащали одновременно 18 священников), по-

явились английские войска. Многотысячная толпа была охвачена кольцом танков, танкеток и грузовых машин. После этого началась расправа. Сопrotивлявшихся казаков избивали и кололи штыками, пытаясь загнать в машины, было много убитых и раненых. Духовенство начало сходить с помоста. Вскоре английский танк сломал помост, опрокинув престол и жертвенник, были порваны и поломаны церковные хоругви и утварь.

Таким образом, богослужение прекратилось. Многие певчие и некоторые священнослужители были схвачены и брошены в машины. Возглавлявший службу протоиерей Владимир все время осенял крестом стремившихся схватить его солдат. Казаки, державшие хоругви и иконы во время литургии, и духовенство в облачениях с крестами оказались среди толпы и запели молитвенные обращения излюбленных песнопений. Когда же стали молитвенно обращаться к святым угодникам Божиим, о. Николай, взяв в руки месяцеслов, вычитывал, начиная с 1 сентября, на каждый день установленного церковью святого. Молитва неоднократно прерывалась атаками англичан.

Наконец, в пятом часу дня, увидев, что сопротивление казаков сломить не удалось, нападавшие предложили прислать одного человека на переговоры. Выбор пал на старого эмигранта из Югославии о. Анатолия Батенко. Он сумел доказать англичанам, что значительную часть казаков составляют эмигранты «первой волны», не подлежащие выдаче в СССР. После этого расправа в тот день прекратилась. Однако все уже захваченные казаки и члены их семей были сразу же выданы органам НКВД, в том числе ряд священнослужителей. Кроме того, много казаков погибло в ходе расправы или покончило самоубийством, не желая быть выданными в СССР²⁴.

Выдача обитателей Казачьего стана продолжалась до середины июня 1945 г., к тому времени из окрестностей Лиенца в СССР было депортировано свыше 22,5 тыс. казаков и кавказцев, в том числе как минимум 3 тыс. старых эмигрантов, более 4 тыс. бежало в леса и горы, около 700 человек погибли во время кровавой драмы 1 июня. Выдачи происходили и из других лагерей казаков (которых в то время находилось в долине реки Дравы около 73 тыс.), прежде всего, из числа военнопленных воевавшего ранее на территории Югославии 15-го казачьего кавале-

рийского корпуса. В докладе начальнику войск НКВД 3-го Украинского фронта Павлову от 15 июня 1945 г. говорилось, что с 28 мая по 7 июня от англичан из Восточного Тироля было получено 42 913 человек — 38 496 мужчин и 4417 женщин и детей (в том числе 42 258 русских), из них 16 генералов, 1410 офицеров и 7 священников. Кроме отдельных самоубийств в докладе отмечалась ликвидация на месте 59 лиц как «предателей родины». В течение следующей недели англичане поймали в лесах 1356 убежавших из лагерей казаков, из которых 934 передали 16 июня органам НКВД²⁵. Почти все выданные казаки были отправлены в лагерь (в том числе женщины), где значительная часть из них погибла. Генералы П.Н. Краснов, А.Г. Шкуро, Т.И. Доманов и Султан-Гирей Клыч были казнены в 1947 г. (в 2005 г. им водрузили памятник в Москве).

Уже в 1945 г. на месте захоронений сотен жертв кровавых событий 1 июня было создано кладбище из нескольких братских могил, где ежегодно совершаются панихиды. На установленной здесь позднее мемориальной доске жертвам выдачи указаны 2642 генерала и офицера и 29 тыс. рядовых казаков. Первые послевоенные десятилетия в Лиенце существовал православный приход, созданный уцелевшими казаками и русскими беженцами. 1 июня 2005 г. в 60-летнюю годовщину трагических событий панихиду по усопшим на мемориальном кладбище служил председатель Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей митрополит Лавр. Незадолго до этого, 25 мая 2005 г., в Инсбруке была открыта выставка, посвященная трагедии казаков в Лиенце.

Захоронения погибших в Северной Италии в боях с партизанами и при бомбардировках казаков и кавказцев после окончания войны были перенесены на немецкое военное кладбище в г. Костермано, расположенном на восточном берегу озера Гарда²⁶. Среди 22 тыс. похороненных там военнослужащих несколько сот составляют бывшие обитатели Казачьего стана. Небольшая часть казаков по разным причинам не участвовала в последнем майском походе в Австрию и осталась в Италии. Эти люди были интернированы англичанами и американцами в лагерь, некоторое время находились там под угрозой выдачи в СССР (в том

числе священник В. Рошко), но, в конце концов, избежали трагической судьбы своих соратников по Казачьему стану.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Carnier P.A. Lo sterminio mancato. Udine, 1982; Idem. L'armata cosacca in Italia, 1944–1945. Udine, 1993; Venir G. I cosacchi in Carnia 1944–45. Udine, 1995; Deotto P. Stanitsa Terskaja. L'illusione cosacca di una terra (Verzegnis, ottobre 1944 – maggio 1945). Udine, 2005.

² Донсков П.Н. Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. Историческая повесть о второй войне казачества с большевиками (1941–1945 гг.): В 2 т. Нью-Йорк, 1960; Науменко В.Г. Великое предательство. Выдача казаков в Лиенце и других местах (1945–1947). Сборник документов и материалов: В 2 т. Нью-Йорк, 1962, 1970; Черкасов К. Меж двух огней: В 2 кн. Данденонг (Австралия), 1986; Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. М., 1996; Окороков В.А. Казаки и русское освободительное движение // В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции. М., 1997. С. 224–244; Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. М., 2001; Лиенц – Казачья Голгофа 1945–2005 / Авт.-сост. Е.Я. Шипулина. Оттава, 2005.

³ Окороков В.А. Казаки и русское освободительное движение. С. 228–230; Он же. Антисоветские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 66, 67; Казаки со свастикой / Публ. Л. Решина // Родина. 1993. № 2. С. 73, 74.

⁴ Науменко В.Г. Великое предательство... Т. 1. С. 257, 258.

⁵ Deotto P. Stanitsa Terskaja... P. 18, 19; Литворния А. Казачьи станицы во Фриули // Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX веке. М., 2003. С. 49.

⁶ Institut fuer Zeitgeschichte. MA 1042. Bl. 1120.

⁷ Deotto P. Stanitsa Terskaja... P. 23; Казаки со свастикой. С. 72; Окороков В.А. Казаки и русское освободительное движение. С. 230, 231.

⁸ Лиенц – Казачья Голгофа 1945–2005. С. 214.

⁹ Литворния А. Казачьи станицы во Фриули. С. 50.

¹⁰ Deotto P. Stanitsa Terskaja... P. 73.

¹¹ Синодальный архив РПЦЗ (в дальнейшем СА). Д. 49/44 (дело Николая Автономова).

¹² Там же.

¹³ Российский государственный военный архив. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 11. Л. 231.

¹⁴ СА. Д. 49/44; «Обновленческий» раскол / Сост. И.В. Соловьев. М., 2002. С. 846, 847.

¹⁵ С.А. Д. 50/44.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Д. 48а/44.

²⁰ О कोरोков В.А. Казаки и русское освободительное движение. С. 234–237.

²¹ Литворния А. Казачьи станицы во Фриули. С. 50, 51; Науменко В.Г. Великое предательство... Т. 1. С. 258, 259; Stadler H., Kofler M., Bergel K. Flucht in die Hoffnungslosigkeit. Die Kosaken in Osttirol. Innsbruck, 2005. S. 13, 14.

²² Лиенц – Казачья Голгофа 1945–2005. С. 11, 12.

²³ Полная фамилия неизвестна, так как в книге В.Г. Науменко из-за желания уберечь людей от возможных репрессий их фамилии часто обозначены первыми буквами.

²⁴ Там же. С. 12; Науменко В.Г. Великое предательство... С. 225–231, 259–262; Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. С. 294–297.

²⁵ Stadler H., Kofler M., Bergel K. Flucht in die Hoffnungslosigkeit... S. 17–19, 24; Михаил Протопопов, прот. «Живых проглотим их...»: Путь от георгиевского креста к Голгофе. Мельбурн, 2000. С. 255, 256.

²⁶ Сообщено М.Г. Талалаем; см. также: Мартелло Ф. Озеро Гарда. Милан: KINA, 2004. С. 118, 119. — Пер. и доп. М.Г. Талалая.

АНТУАН НИВЬЕР (*Париж*)

РУССКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ СВЯЩЕННО- И ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛИ В ИТАЛИИ

Специалисты по истории русской эмиграции сходятся в том, что в жизни русских беженцев Церковь всегда занимала исключительное место — не только религиозное, но также духовно-воспитательное и культурное, а порою и политическое¹, как и было показано печальной историей юрисдикционных распрей на рубеже 1920–1930-х гг.² Ключевую роль в церковной жизни эмиграции, конечно, играли члены духовенства, которым было поручено духовное окормление более миллиона беженцев, разбросанных по всему миру. Жизнь и деятельность православного духовенства в эмиграции мало еще изучена как с точки зрения церковной истории, так с точки зрения социологии или культуры быта. Полного перечня священнослужителей русской эмиграции пока не существует, в то время как уже появились словари художников и писателей эмиграции и исследования об ученых, политических и военных деятелях. Тем не менее в последнее время православное духовенство в эмиграции все чаще становится предметом изучения и исследований со стороны российских и иностранных историков³.

Настоящая публикация о русских православных священнослужителях и церковнослужителях, проходивших свое служение в православных общинах на территории Италии в XX в, представляет собой своего рода биографическое приложение к напечатанной нами в сборнике «Россия и Италия» обобщающей статье по истории русского православного духовенства в Италии⁴. Биографические данные, приведенные ниже, относятся к жизни и деятельности этих духовных лиц (всего 36 человек) как во время их пребывания в Италии, так и до и после их срока служе-

ния в этой стране. Публикуемый перечень является частью более объемной биографической работы, охватывающей всех представителей русского православного духовенства в эмиграции на Западе в XX в. Сейчас готовится публикация этого биографического справочника, где насчитывается уже больше 900 лиц. Наш труд составлен, главным образом, на основании архивных материалов из фондов канцелярии епархиального управления Западно-Европейского Русского Экзархата Константинопольского Патриархата (Архив Епархиального Управления Архиепископии. Далее — АЕУА)⁵ и канцелярии Архиерейского Синода Русской Православной Зарубежной Церкви⁶. К сожалению, руководство епархии Московской Патриархии в Западной Европе не сочло возможным ответить положительно на нашу просьбу о получении доступа к своим архивам. Этот пробел частично восполнился использованием сведений, приведенных на страницах «Журнала Московской Патриархии» (ЖМП) за 1946–1990 гг. Были также использованы различные печатные материалы, взятые из официальных общецерковных, епархиальных, приходских журналов и проч.⁷

В опубликованном ниже перечне для каждого священнослужителя указаны фамилия, имя, отчество, даты и место рождения и смерти, последний церковный чин. Для монашествующих, согласно обычаю Русской Церкви, указано сначала иноческое имя, а затем фамилия, гражданское имя, отчество. Потом в отдельном абзаце даются социальное происхождение, семейное положение и образование данного человека. Дальше приводится хронологический перечень его должностей на церковном поприще с указанием дат хиротоний и назначений на приходы. Даты до 1918 г. даны по старому стилю.

* * *

АКВИЛОНОВ Николай Петрович (ок. 1860, Тамбовск. губ. — 1929, Ницца), протоиерей. Из семьи духовенства, сын священника Тамбовской епархии, брат протопресвитера военного и морского духовенства о. Евгения П. Аквилонова (предполож.). Окончил Тамбовскую духовную семинарию и С.-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1891), священник (1892),

настоятель домовой церкви С.-Петербургского Мариинского училища для слепых (1892–1900), настоятель Скорбященской церкви в Ментоне (22 сент. 1900 – 1914), протоиерей (1905), уехал в отпуск в Россию (1914), где и провел всю Первую мировую войну и революционные события, настоятель собора г. Борисоглебска (16 апр. 1920 – 1 окт. 1922), эмигрировал во Францию (1922), митр. Евлогием (Георгиевским) снова назначен на должность настоятеля церкви в Ментоне (16 нояб. 1922 – 2 марта 1927), одновременно обслуживал храм Христа-Спасителя в Сан-Ремо (1926–1929), член Совета Братства Св. Анастасии в Ментоне, откололся от митр. Евлогия и перешел в юрисдикцию Синода Зарубежной Церкви (10 февр. 1927), помощник настоятеля Ниццкого прихода Зарубежной Церкви (1927–1929). Источники: Послужный список о. Николая Аквилонова // АЕУА. F-C1-C. О нем: Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. Париж, 1948.

АМВРОСИЙ (Погодин Алексей Александрович; 10 июля 1925, Панчево, Югославия – 30 окт. 2004, Спринг-Валлей, Нью-Йорк), архимандрит. Сын русского эмигранта, профессора русской литературы Белградского университета. Окончил богословский факультет Белградского университета со степенью кандидата богословия (1949), диакон (14 окт. 1949), священник (16 окт. 1949), рукоположение совершил сербский еп. Викентий Сремский, недолгое время служил на приходах в Сербии, эмигрировал во Францию и принят в юрисдикцию Синода Зарубежной Церкви (кон. 1949), помощник настоятеля Знаменской церкви в Париже (нач. 50-х гг.), пострижен в монашество архиеп. Иоанном (Максимовичем) в Версале (1951), настоятель церкви в Сиднее (сер. 50-х гг. – 1957), помощник настоятеля церкви в Лондоне (1957–1963), игумен, настоятель Св.-Николаевской церкви в Риме (3 окт. 1963 – 3 февр. 1966), обслуживал также церковную общину при домовомой церкви виллы Оланда в Вал-Пелличе на севере Пьемонта (1963–1966), магистр богословия Св.-Сергиевского института в Париже (22 дек. 1963), представлял Зарубежную Церковь на Втором Ватиканском соборе в качестве наблюдателя (1964), настоятель Тихоновской церкви в Сан-Франциско (3 февр. 1966 – 1967), доктор богословия богословского факультета Белградского университета (1965), принят в клир Западно-Европейской Русской Архиепископии (10 июля 1967), заместитель настоятеля Св.-Николаевской церкви в Брюсселе (6 авг. 1967 –

1 июня 1968), благочинный приходов в Бельгии и Голландии (9 авг. 1967 – 19 февр. 1968), уволен по прошению (1 июня 1968), уехал в Америку и принят в клир Северо-Американской Русской Митрополии (1969), клирик Сан-Францисской епархии (1969–2001), настоятель церкви Святых Жен Мироносиц в г. Сакраменто, Калифорния (1971–1973), настоятель церкви Рождества Богородицы в Менло-Парк, Калифорния (1973 – кон. 1990-х гг.), вышел за штат (кон. 1990-х гг.), заштатный клирик Нью-Джерсиской епархии (7 авг. 2001), приписанный к церкви в г. Пэрл-Ривэр (9 окт. 2001). Последние годы жизни провел в старческом доме при Ново-Дивеевском монастыре и на Толстовской ферме. Автор многих переводов святоотеческих текстов с греческого и латинского языков на русский, а также многочисленных статей по патрологии и истории Церкви, опубликованных в журналах «Вестник РХД» и «Православный путь». Труды: Святой Марк Ефесский и Флорентийская уния. Джорданвилль, 1963 (2-е изд. – М., 1994); Перевод гомелий св. Григория Паламы: В 3 т. Монреаль, 1968–1984 (2-е изд. – М., 1993); Беседы прп. Макария Великого. Монреаль, 1979. Источники: Послужный список о. Амвросия Погодина // АЕУА. G-V3-C; Православная Русь. 1957. № 11; 1967. № 23.

АНДРЕЙ (Демьянович Иван Андреевич; 1889, Привислинск. губ. – ск. после 1926, СССР), иеромонах. Из семьи духовенства, сын протоиерея Варшавской епархии. Окончил Духовную семинарию и Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1915–1918), пострижен в монашество, иеромонах, эмигрировал в Италию (1920), ввиду престарелого возраста о. В. Левицкого исполнял должности помощника настоятеля храма во Флоренции (1920–1922), митр. Евлогием назначен на должность настоятеля храмов в гг. По и Биаррице на юго-западе Франции (1 марта 1922 – 1 нояб. 1926), публичным заявлением в французской коммунистической газете «Юманите» признал советскую власть (28 дек. 1926) и стал вести просоветскую пропаганду среди русских беженцев, снят с должности и запрещен в священнослужении указом митр. Евлогия (1927), в том же году вернулся в Советскую Россию, где состоял в клире обновленческой Живой Церкви, дальнейших сведений не имеется. Источники: Послужный список о. Андрея Демьяновича // АЕУА. F-C1-C. О нем: Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни.

АРАКИН Евгений Димитриевич (15 янв. 1886 — 3 нояб. 1957, г. Портичи, провинция Неаполя), протоиерей. Из семьи духовенства, сын протоиерея военного ведомства. Окончил Орловский кадетский корпус (1903) и С.-Петербургское Михайловское артиллерийское училище (1905), поручик запасной артиллерийской батареи в Киеве (1910), окончил Академию Генерального штаба (1917), участник Первой мировой войны и Гражданской войны в рядах Добровольческой армии в чине полковника, эмигрировал в Сербию через Константинополь, состоял в юрисдикции Синода Зарубежной Церкви, священник (1924), учился на богословском факультете Белградского университета, служил на сербском приходе в г. Сумашка, назначен митр. Евлогием на должность помощника настоятеля собора в Ницце (9 июля 1938), но отказался, в конце Второй мировой войны эмигрировал в Италию и принят в состав клира юрисдикции митр. Евлогия (21 янв. 1946), вскоре перешел обратно в юрисдикцию Зарубежного Синода, овдовел, жил под Генуей, настоятель храма Христа-Спасителя в Сан-Ремо до перехода прихода в юрисдикцию Русского Экзархата Константинопольского Патриархата (21 янв. 1946 — 1948), обслуживал также церкви лагерей для русских перемещенных лиц в Генуе и Турине (1946–1950), переселился в г. Портичи под Неаполем, настоятель церкви при лагере для перемещенных лиц Сант-Антонио (1953–1957), протоиерей. Источники: Послужный список о. Евгения Аракина // АЕУА. D-A3-C и F-C1-C. О нем: Православная Русь. 1957. № 22; Галалай М.Г. Русская церковь в Сан-Ремо. Сан-Ремо, 1994.

БОКАЧ Феодор (Фёдор) Иванович (27 февр. 1897, с. Безугловка Черниг. губ. — 6 окт. 1969, Флоренция), протоиерей. Из семьи украинских казаков, сын псаломщика. Окончил Черниговскую духовную семинарию, участник Гражданской войны в рядах Добровольческой армии (1918–1920), эмигрировал через остров Лемнос в Болгарию, учился и работал в Богословско-пастырском русском училище при монастыре Св. Кирика в Станимаке, затем переехал в Париж, окончил Парижский Св.-Сергиевский богословский институт (1931), состоял в юрисдикции митр. Евлогия, секретарь Братства преподобных Сергия и Никона (1928–1939), эконом Сергиевского подворья (1932–1961), член общества «Икона», член правления Содружества помощи русским туберкулезным им. митр. Евлогия, создатель и председатель общества помощи русским монахам на

Афоне (1950-е гг.), диакон (6 дек. 1961), священник (10 дек. 1961), исполняющий должности настоятеля храма Сергиевского подворья (10 дек. 1961 — 31 янв. 1962), настоятель храма Рождества Христова во Флоренции (31 янв. 1962 — 6 окт. 1969), протоиерей (22 окт. 1966). Труды: Афон. Париж, 1959. Источники: Послужный список протоиерея Феодора Бокача // АЕУА. G-B3-C; Ермаков Б. свящ. Историческая записка о Пастырско-богословском училище в монастыре Св. Кирика в Болгарии (1922–1932). София, 1932.

ГОДЯЕВ Алексей (Алексей) Гавриилович (8 февр. 1900, с. Большая Утча Вятск. губ. — 19 марта 1991, г. Уэлингтон, Новая Зеландия), митрофорный протоиерей. Из семьи духовенства. Окончил четыре класса Вятской духовной семинарии, после революции эмигрировал в Германию, окончил Мюнхенское высшее техническое училище, инженер-химик по специальности, переехал сперва во Францию, затем в Италию (после 1931), псаломщик церкви в Милане (1936–1937), состоял в юрисдикции митр. Евлогия, диакон (16 янв. 1936), рукоположение совершил архиеп. Владимир (Тихоницкий) в Ницце, переселился в Югославию и перешел в юрисдикцию Зарубежной Церкви (1937), протодиакон русской Троицкой церкви в Белграде (1937–1944), окончил богословский факультет Белградского университета, эмигрировал в Австрию (1945), священник (1949), рукоположение совершил еп. Стефан (Севбо), переехал в Австралию (1949), настоятель русской церкви в г. Аделаиде (1949 — 1 сент. 1950), помощник настоятеля кафедрального собора в г. Брисбен (1 сент. 1950 — 1 апр. 1951), настоятель Св.-Серафимовской церкви в г. Брисбен (1 апр. 1951 — 1 сент. 1951), основатель и настоятель всех русских церковных общин в Новой Зеландии (30 окт. 1950 — 17 июня 1981), одновременно работал по специальности химиком, вышел за штат по старости (17 июня 1981). Источники: Послужный список диакона Алексея Годяева // АЕУА. D-A3-C и F-C1-C; Талалай М.Г. Самоорганизация эмигрантских общин в Италии // Зарубежная Россия. 1917–1939. СПб.: Лики России, 2003. С. 137; Личное сообщение архиеп. Иллариона Австралийского.

ДИОНИСИЙ (Лукин Михаил Александрович; 2 мая 1911, Севастополь Тавр. губ. — 23 февр. 1976, Роттердам, Голландия), епископ. Сын морского офицера. Эмигрировал с родителями во Францию через Константинополь (1920), после окончания Русской гимназии в

Париже поступил на филологический факультет Парижского университета (1930–1931), окончил Парижский Св.-Сергиевский богословский институт (1935), состоял в юрисдикции митр. Евлогия, пострижен в монашество (2 марта 1935), иеродиакон (3 марта 1935), иеромонах (10 марта 1935), рукоположение совершил митр. Евлогий в Александро-Невском храме в Париже, помощник настоятеля церкви Христа-Спасителя в Аньере (10 марта 1935 – 1 июля 1935), заместитель настоятеля церкви во Флоренции (1 июля 1935 – 1 окт. 1935), заместитель настоятеля церкви в Милане (1 окт. – 15 нояб. 1935), помощник настоятеля церкви Воскресенской женской обители в Розэ-ан-Бри под Парижем (1 нояб. 1935 – 26 мая 1936), настоятель церкви в Гааге (26 мая 1936 – 1957), игумен (9 мая 1945), перешел в юрисдикцию Московской Патриархии (окт. 1946), начальник православной миссии в Голландии и благочинный приходов Московской Патриархии в этой стране (1947), настоятель русской церкви в Роттердаме (1957–1976), архимандрит, еп. Роттердамский, управляющий Голландской епархией Московской Патриархии (20 марта 1966 – 23 февр. 1976), хиротонию возглавил митр. Крутицкий Пимен в Москве. Источники: Послужный список о. Дионисия Лукина // АЕУА. G-B3-C; Некролог // ЖМП. 1977. № 7. О нем: Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни.

ЗНАЧКОВСКИЙ Игорь Иванович (1896 – 25 июня 1980, Париж), протоиерей. Из семьи малороссийского дворянства. Окончил Киевский кадетский корпус и Елисаветградское военное училище (1914), участник Первой мировой войны, ротмистр 7-го Белорусского гусарского полка, участник Гражданской войны в рядах Белой армии в чине полковника, эмигрировал через Константинополь в Болгарию, а затем во Францию, работал, в начале Второй мировой войны поступил добровольцем во французскую армию, попал в плен к немцам, сбежал из плена, после войны эмигрировал с семьей в Аргентину (1949), вернулся во Францию (1959), помогал устройству церкви Покровской обители в Бюсси-ан-Отт, диакон (6 дек. 1964), священник (1965), рукоположение совершил архиеп. Георгий (Тарасов) в Александро-Невском соборе в Париже, состоял в юрисдикции Русского Экзархата Константинопольского Патриархата, настоятель Св.-Николаевской церкви в г. Бари (1965–1980), перешел в юрисдикцию Русской Зарубежной Церкви (1970), за что был запрещен в священнослужении архиеп. Георгием (5 марта

1970), Архиерийским Синодом Зарубежной Церкви утвержден в должность настоятеля церкви в Бари с возведением в сан протоиерея (1971), член Союза галиполлийцев. Источники: Послужный список священника Игоря Значковского // АЕУА G-B2-C. О нем: Православная Русь. 1968. № 8; Талалай М.Г. Православная русская церковь св. Николая Чудотворца в Бари // *Nicolaus. Studi storici* (Bari). 2001. А. XII. Fasc. 1. P. 160.

ЗОСИМА (Анисимов, мирское имя неизвестно; 20 сент. 1895 – 5 авг. 1960, Рим), архимандрит. Холост. Личный духовник великого князя Николая Николаевича и его семьи, эмигрировал с ним во Францию, состоял в юрисдикции Зарубежной Церкви, помощник настоятеля домового церкви при имении Великого князя Николая Николаевича сперва в Шуаньи в Нормандии (1928), а затем в Антибе (1928–1932), духовник Великой княгини Милицы Николаевны, настоятель домового церкви Великой княгини Милицы Николаевны в Антибе (1932–1951), одновременно настоятель русской церкви в Александрии (1 марта 1947 – 1951), игумен (2 сент. 1947), архимандрит (1949), второй помощник настоятеля Св.-Николаевской церкви в Риме (1951–1960). О нем: Православная Русь, 1960; Талалай М.Г. Православная русская церковь святителя Николая Чудотворца в Риме. 2-е изд. Рим, 2000; Гасперович В., Катин-Ярцев М.Ю., Талалай М.Г., Шумков А.А. Тестаццо. Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме: Алфавитный список русских захоронений. СПб., 1999. С. 60.

ИВАНИЦКИЙ-ИНГИЛО Рафаил А. (? – 1966, Франция), протоиерей. Грузин по национальности. Окончил Тифлисскую духовную семинарию и юридический факультет Московского университета, занимался политической и общественной деятельностью, министр в правительстве независимой Грузии (1918–1924), на поместном соборе Грузинской Православной Церкви выдвинут кандидатом на кафедру патриарха-католикоса, эмигрировал на Запад (1924) и поселился в Италии, псаломщик русской Св.-Николаевской церкви в Риме (1927–1947), состоял в юрисдикции Зарубежного Синода, диакон (1 нояб. 1947), священник (2 нояб. 1947), рукоположение совершил еп. Нафанаил (Львов), настоятель церкви в Мадриде (1947 – нач. 1960-х гг.), больше сведений о нем не имеется. О нем: Незабываемые могилы. Т. 3. М., 2001. С. 14.

ИЛЬЕНКО Виктор (10 нояб. 1894, с. Осиновка Приморск. губ. – 10 июня 1989, Лос-Анджелес), митрофорный протоиерей. Из семьи крестьянства, сын волостного писаря. Окончил Читинское духовное училище (1910), Иркутскую духовную семинарию (1916) и два первых класса Московской духовной академии (1916–1918), поступил добровольцем в ряды Белой армии в Новочеркасске и зачислен в Конно-Гренадерский эскадрон 2-го Сводно-Гвардейского полка (1919), был ранен и эвакуирован за границу (29 авг. 1920), поселился в Риме, где состоял псаломщиком и регентом при русской церкви в течение трех месяцев (1921), переехал на юг Франции, состоял в юрисдикции Зарубежной Церкви, член Св.-Владимирского братства, диакон (13 окт. 1929), священник (14 окт. 1929), рукоположение совершил архиеп. Серафим (Лукиянов) в Париже, настоятель церкви в Тарасконе и приписанных ей общин в Альби, Безье, Каркасоне и Монпелье (1929–1945), благочинный приходов Зарубежной Церкви на юге Франции (30 апр. 1934), участник 2-го Карловацкого зарубежного Собора (14–24 авг. 1938), протоиерей (1939), настоятель Воскресенской церкви в Брюсселе (31 дек. 1945 – 1 янв. 1953), благочинный приходов Зарубежной Церкви в Бельгии, Голландии и Люксембурге (31 дек. 1945 – 1953), член епархиального совета Западно-Европейской епархии Зарубежной Церкви (1949–1953), уехал в Северную Америку (10 июля 1953), помощник настоятеля Преображенской церкви в Лос-Анджелесе (14 июня 1953 – 11 окт. 1964), помощник настоятеля Покровской церкви в Лос-Анджелесе (11 окт. 1964 – 3 февр. 1966), настоятель Свято-Николаевской церкви в Риме (3 февр. 1966 – 28 авг. 1984), обслуживал также церковную общину при домово́й церкви виллы Оланда в Вал-Пелличе на севере Пьемонта (1959–1984), настоятель Св.-Николаевской церкви в Милане (19 апр. 1973 – 7 окт. 1974), митрофорный протоиерей, вышел за штат по старости (28 авг. 1984) и вернулся в Америку, где был причислен сверх штата к Покровской церкви в Лос-Анджелесе. Труды: Сто слов и поучений. Лос-Анджелес, 1964. О нем: Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митр. Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1961; И.А. Памяти митрофорного протоиерея о. Виктора Ильенко // Православная Русь. 1989. № 17; Талалай М.Г. Православная русская церковь святителя Николая Чудотворца в Риме...

ИОАНН (князь Куракин Иван Анатольевич; 1 авг. 1874, Царское Село — 27 окт. 1950, Париж), епископ. Из семьи княжеского рода. Камер-юнкер, окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, офицер лб-гв. Кавалергардского полка (1897–1902), Мологский уездный предводитель дворянства (1902), камергер (1904), предводитель дворянства Ярославской губернии (1906), член Государственной думы 3-го созыва (1907–1913), шталмейстер (1913), действительный тайный советник (1913), попечитель Варшавского учебного округа (1915–1917), министр финансов Белого правительства в Архангельске (1918–1919), эмигрировал во Францию (1920), член приходского совета Александро-Невского храма в Париже (1921–1931), состоял в юрисдикции митр. Евлогия, диакон (23 авг. 1931), священник (28 авг. 1931), рукоположение совершил митр. Евлогий в Александро-Невском храме в Париже, настоятель Св.-Николаевской церкви в Милане (28 авг. 1931 — 1 сент. 1935), настоятель церкви Рождества Христова во Флоренции (1 окт. 1935 — 27 окт. 1950), протоиерей (2 мая 1937), настоятель храма Христа-Спасителя в Сан-Ремо (1948–1950), пострижен в монашество (4 дек. 1949), архимандрит (6 дек. 1949), еп. Мессинский, викарий митр. Владимира (9 окт. 1950), хиротонию возглавил митр. Владимир (Тихоницкого) в храме Сергиевского подворья в Париже. Источники: Послужный список епископа Иоанна // АЕУА. G-V2-C. О нем: Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни.; Кассиан, еп. Памяти епископа Иоанна // Церковный вестник. 1951. № 1.

ИОАНН (Харченко Николай; 26 окт. 1901, Азов Донск. обл. — 4 сент. 1963, Иксель, Бельгия), архимандрит. Из перемещенных лиц. До Второй мировой войны священник в Литовской епархии Московской Патриархии, помощник настоятеля Сергиевского храма г. Векшни в Литве (1930-е гг. — 1944), протоиерей, эмигрировал в Германию и принят в клир Зарубежной Церкви (1944), обслуживал церкви в разных лагерях для перемещенных лиц, пострижен в монашество, переехал в Бельгию (1948), помощник настоятеля Воскресенской церкви в Брюсселе (1948–1955), принят в клир Экзархата Константинопольского Патриархата, помощник настоятеля Св.-Пантелеймоновской церкви в Брюсселе (1 февр. 1955 — 1962), игумен (8 июля 1958), и.о. настоятеля церкви Рождества Христова во Флоренции (30 июня 1962 — 5 марта 1963), настоятель

церкви в Марселе (5 марта 1963 — 4 сент. 1963), архимандрит (14 апр. 1963). Источники: Послужный список архимандрита Иоанна // АЕУА. G-B3-C.

КАЛИСТ (Подзюлов; 20 сент. 1895–21 окт. 1963, Рим), архимандрит. Иеромонах, состоял в юрисдикции Зарубежной Церкви, настоятель церкви в Ментоне (1931–1945), настоятель храма Христа-Спасителя в Сан-Ремо (1935–1945), помощник настоятеля Св.-Николаевской церкви в Риме (1945–1963), игумен (2 авг. 1946), благочинный приходов Зарубежной Церкви в Италии (2 авг. 1946 — 16 авг. 1961), архимандрит (нач. 1950-х гг.). О нем: Православная Русь, 1963; Талалай М.Г. Русская церковь в Сан-Ремо...; Он же. Православная русская церковь святителя Николая Чудотворца в Риме...; Гасперович В., Катин-Ярцев М.Ю., Талалай М.Г., Шумков в А.А. Тестаццо. Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме... С. 64.

КОПЕЦКИЙ Андрей Арсеньевич (31 дек. 1885, Оренбург — 15 нояб. 1963, Бари), протоиерей. Из семьи духовенства, сын настоятеля храма Московского военного госпиталя. Окончил Московскую духовную семинарию (1908), псаломщик Покровской церкви в Курске (4 марта 1909 — 1 дек. 1909), псаломщик церкви Московской военной тюрьмы (1 дек. 1909 — 15 февр. 1914), псаломщик церкви при Российском посольстве в Риме (30 марта 1914), диакон (30 марта 1914), рукоположение совершил еп. Гдовский Вениамин (канонизирован РПЦ в 1994) в петербургском Казанском соборе, диакон при Св.-Николаевской церкви в Риме (1914–1939), состоял в юрисдикции Зарубежного Синода, священник (25 июня 1939), настоятель Св.-Николаевской церкви в Бари (25 июня 1939 — 15 нояб. 1963), перешел в юрисдикцию Русского Экзархата Константинопольской Патриархии (28 сент. 1947), после войны обслуживал также лагерь перемещенных лиц под Лечче, протоиерей (25 апр. 1954). Источники: Послужный список протоиерея Андрея Копецкого // АЕУА D-A3-C. О нем: Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни.; Дубинский А.Ю. Московская Духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1901–1917 гг. М., 1998; Талалай М.Г. Православная русская церковь святителя Николая Чудотворца в Бари...

ЛЕВИЦКИЙ Владимир Иванович (1843, с. Сеяновичи Гродн. губ. — 2 июля 1923, Флоренция), митрофорный протоиерей. Из се-

мый духовенства, сын сельского священника, женат на дочери о. Иосифа Васильева, строителя и первого настоятеля Александро-Невского храма в Париже. Окончил Литовскую духовную семинарию и С.-Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия (1867), диакон (1 окт. 1867), священник (8 окт. 1867), рукоположение было совершено в Петербурге, настоятель Св.-Николаевского храма в Ницце (8 окт. 1867 – 1878), получил степень магистра богословия С.-Петербургской духовной академии за диссертацию о богомильской ереси (1870), строитель и первый настоятель церкви Рождества Христова во Флоренции (1878–1922), протоиерей (1879), уволен за штат по старости (1 марта 1922). Автор «Журнала строительства русской церкви во Флоренции» (пер. на ит. в: *La chiesa ortodossa russa di Firenze*. Livorno: Sillabe, 1998. P. 95–141; отрывки на русск.: Шедевр в «колыбели искусств». 100 лет русской церкви во Флоренции // *Истина и жизнь*. 2003. № 10. С. 32–37.). Труды: *Современные стремления папства*. СПб., 1908. Источники: *Послужный список протоиерея Владимира Левицкого* // АЕУА. Н-СЛ4. О нем: Евлогий (Георгиевский), митр. *Путь моей жизни*; Талалай М.Г. *Церковь Рождества Христова во Флоренции*. Флоренция, 2000.

ЛЕЛЮХИН Иоанн (Иван) Захарьевич (30 янв. 1883, Смоленск. губ. – 2 мая 1945, Париж), протоиерей. Из семьи духовенства, сын священника. Окончил Смоленскую духовную семинарию (1903) и Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1911), директор народных училищ Смоленской епархии, священник (1911), хиротонию совершил архиеп. Феодосий Смоленский, протоиерей (1915), настоятель кафедрального собора Архангельска (12 янв. 1918), член епархиального совета Архангельской епархии (18 июля 1918), эмигрировал в Англию (1920), 1-й помощник настоятеля русской церкви в Лондоне (21 мая 1920 – 24 марта 1923), член Карловацкого зарубежного церковного съезда (21 нояб. – 4 дек. 1921), настоятель Успенской церкви в Лондоне (24 марта 1923 – 1 февр. 1926), состоял в юрисдикции митр. Евлогия, настоятель церкви Рождества Христова во Флоренции (1 февр. 1926 – 1 окт. 1935), одновременно обслуживал храм Христа-Спасителя в Сан-Ремо и домовую церковь в Мерано, вышел за штат по болезни (1935), настоятель церкви в Плеси-Робинсоне в предместье Парижа (16 дек. 1936 – 1 нояб. 1939), настоятель Св.-Се-

рафимовской церкви в Париже (6 нояб. 1939 – 1 дек. 1942), снова вышел за штат по болезни с приписанием к причту Успенской церкви в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем (1 дек. 1942). Источники: Послужный список протоиерея Иоанна Лелюхина // АЕУА. F-C1-C; Приход – Лондон, 1921–1923 // АЕУА. О нем: Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни; Марабини-Цёггелер Б., Талалай М. Русская колония в Мерано. Больцано: Raetia, 1997. С. 97–98.

НАСАЛЬСКИЙ Андрей В. (23 мая 1899, Холм Привислинск. губ. – 10 апр. 1955, Флоренция), протоиерей. Окончил Александрийскую мужскую гимназию и Николаевское инженерное военное училище, участник Гражданской войны в рядах Добровольческой армии, эвакуирован через Константинополь, окончил Парижский Св.-Сергиевский богословский институт (1935), состоял в юрисдикции митр. Евлогия, диакон (4 мая 1935), священник (5 мая 1935), рукоположение совершил митр. Евлогий в Александро-Невском храме в Париже, помощник настоятеля церкви Христа-Спасителя в г. Аньере под Парижем (1 сент. 1935 – 1 февр. 1936), настоятель церкви в Антверпене (1 февр. 1936 – 28 мая 1938), настоятель Св.-Троицкой церкви в Шарлеруа (22 мая 1938 – 30 мая 1939), настоятель церкви при Русском детском приюте в Брюсселе (30 мая 1939 – 24 дек. 1940), после ссылки архиеп. Александра (Немоловского) в Германию временно исполняющий должности настоятеля Св.-Николаевской церкви в Брюсселе (24 дек. 1940 – 9 янв. 1942), выслан немцами во Францию (9 янв. 1942), временно исполняющий должности настоятеля Св.-Серафимовской церкви в Париже (2 окт. 1942 – 15 нояб. 1942), настоятель церкви Рождества Христова в Монруже (15 нояб. 1942 – 15 окт. 1944), 2-й законоучитель Русской гимназии в Париже (30 мая 1943 – 18 сент. 1944), вернулся в Бельгию (1944), снова временно исполняющий должности настоятеля Св.-Николаевской церкви до возвращения архиеп. Александра в Брюссель (9 янв. 1942), 2-й помощник настоятеля Св.-Николаевской церкви (4 янв. 1946), 1-й помощник настоятеля той же церкви (кон. 1946 – 1950), выбрал юрисдикцию Московской Патриархии из верности к архиеп. Александру (Немоловскому) (1946), протоиерей, принят обратно в состав клира Западно-Европейского Экзархата Константинопольского Патриархата (2 июня 1950), помощник настоятеля церкви Рождества Христова во Флоренции (1 сент. 1950 – 1 нояб.

1950), настоятель того же храма (1 нояб. 1950 — 10 апр. 1955). Автор неопубликованных воспоминаний. Источники: Послужный список протоиерея Андрея Насальского // АЕУА G-B2-C.

НОАРОВ Сергей (Сергей) Иванович (1881, с. Знаменское Костромск. губ. — после 1950, Белград), протоиерей. Из семьи духовенства. Окончил духовную семинарию, стал священником в ведомстве военного духовенства, во время Гражданской войны служил полковым священником Корниловского ударного полка, эмигрировал через Галлиполи в Болгарию (1920), затем в Сербию, жил в монастыре Петковица, обслуживал русские воинские части в Сербии (1922–1926), протоиерей (1 июня 1923), уехал в Италию, настоятель Св.-Николаевской церкви в Бари (18 нояб. 1926 — 1931), переселился обратно в Болгарию, настоятель русской церкви в Пловдиве (1931–1937), сверхштатный священник русской Троицкой церкви в Белграде (1937–1944), принят в юрисдикцию Московской Патриархии (19 апр. 1945), настоятель церкви при русском старческом доме в Белграде (1944 — нач. 1950-х гг.), в 1930-х гг. его прошения о принятии в клир епархии митр. Евлогия не увенчались успехом за неимением священнических вакансий. Источники: Послужный список о. Сергея Ноарова // АЕУА. F-C1-C. О нем: Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни; Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.). М., 2000.

ПОЛЯКОВ Владимир (? — после 1935), протоиерей. Из семьи духовенства, сын священника. Окончил духовную семинарию и Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия, священник, после революции эмигрировал в Бессарабию, где испытал большие неприятности за отказ от подчинения Румынской Церкви, состоял в юрисдикции Зарубежного Синода, переселился во Францию, настоятель церкви в Риве (13 окт. 1928 — 1929), настоятель храма Христа-Спасителя в Сан-Ремо (1929–1935). О нем: Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митр. Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1961.

ПУХАЛЬСКИЙ Павел Михайлович (30 янв. 1897, с. Владимировка Херсонск. губ. — 28 нояб. 1976, Ницца), митрофорный протоиерей. Из семьи духовенства, сын священника. Окончил Одесскую духовную семинарию (1919), эмигрировал во Францию, окончил Парижский Св.-Сергиевский богословский институт (1931), состоял в юрисдикции митр. Евлогия, диакон (12 сент. 1931), священник

(13 сент. 1931), рукоположение совершил митр. Евлогий в церкви Коломбеля в Нормандии, настоятель церкви в Ромба на севере Лотарингии (15 сент. 1931 — 1 окт. 1934), настоятель Св.-Николаевской церкви в Лилле (1 окт. 1934 — 10 марта 1950), протоиерей (7 янв. 1943), настоятель Св.-Тихоновской церкви в Канн-Ля-Бока (10 марта 1950 — 15 мая 1951), одновременно настоятель храма Христа-Спасителя в Сан-Ремо (17 окт. 1950 — 15 мая 1951), настоятель церкви в Нильванже (15 мая 1951 — 27 окт. 1955), священник при Покровской женской обители в Бюсси-ан-Отт (27 окт. 1955 — 1961), настоятель русской Троицкой церкви в Афинах (4 дек. 1961 — 16 нояб. 1963), настоятель церкви при русском старческом доме в г. Грассе (16 нояб. 1963 — 28 нояб. 1976), митрофорный протоиерей. Источники: Послужный список протоиерея Павла Пухальского // АЕУА. G-V3-C.

РОМЕНСКИЙ Валент Георгиевич (16 февр. 1900, с. Курямп Харьковск. губ. — 11 июня 1978, Сен-Клу, Франция), протопресвитер. Из семьи духовенства, сын сельского священника. Окончил четыре класса Харьковской духовной семинарии (1915–1917), поступил добровольцем в Киевское Константиновское пехотное училище (1917), участник Гражданской войны в рядах Добровольческой армии на южном фронте в чине прапорщика, эвакуирован через Константинополь в Болгарию, работал на каменоломне (1921–1923), окончил Пастырско-богословское русское училище при монастыре Св. Кирика в Станимаке (1923–1925), работал маляром (1925–1928), переехал в Париж (1928), окончил Парижский Св.-Сергиевский богословский институт (1932), состоял в юрисдикции митр. Евлогия, диакон (7 апр. 1932), священник (9 окт. 1932), рукоположение совершил митр. Евлогий в храме Сергиевского подворья в Париже, настоятель Александро-Невской церкви в Льеже (15 окт. 1932 — 20 марта 1957), протоиерей (7 янв. 1943), благочинный приходов в Бельгии (1946–1957), основатель и редактор журнала «Христианская жизнь», член епархиального совета (1952–1966), протопресвитер (3 окт. 1953), настоятель Скорбященской церкви при русском старческом доме Братства Св. Анастасии в Ментоне (20 марта 1957 — 1969), благочинный приходов Экзарта на юге Франции и в Италии (5 марта 1963 — 13 янв. 1970), вышел за штат по старости с причислением сверх штата к клиру Св.-Николаевского собора в Ницце (13 янв. 1970), редактор религиозных рус-

скоязычных радиопередач «Мир и Свет жизни» на волнах «Радио Монте-Карло» (1967–1977), член Союза галлиполийцев. Источники: Послужный список протопресвитера Валента Роменского // АЕУА. G-B3-C ; Ермаков Б., свящ. Историческая записка о Пастырско-богословском училище в монастыре Святого Кирика в Болгарии (1922–1932). София, 1932.

САВВА (Советов Георгий Евгеньевич; 6 апр. 1898, СПб. – 21 мая 1951, Лондон), архиепископ. Сын русского офицера и итальянки, поселившейся в России. Окончил С.-Петербургскую гимназию им. имп. Александра I (1915) и ускоренные курсы Кадетского корпуса (1 окт. 1916), поручик лб.-гв. Гренадерского полка, участвовал в Первой мировой войне на Галицком фронте, дважды ранен, участник Гражданской войны в рядах Добровольческой армии на юге России, участник Кубанского ледяного похода в 4-м батальоне 1-го Марковского полка, командир роты Сводно-Гвардейского полка (28 сент. 1918 – 1920), окончил войну в чине штаб-капитана, эвакуирован через Константинополь в Сербию (1920), окончил богословский факультет Белградского университета (1925), пострижен в монашество в сербском монастыре Петковица (1922), иеродиакон (1924), иеромонах (1925), рукоположение совершил митр. Антоний (Храповицкий) в Белграде, настоятель Св.-Николаевской церкви в Бари (1925–18 нояб. 1926), состоял в юрисдикции митр. Евлогия, затем учился в аспирантуре на Православном отделении богословского факультета Варшавского университета (1926–1928), настоятель русской церкви в Мюнхене (1928–1929), состоял тогда в юрисдикции Зарубежной Церкви, поселился в Польшу и принят в состав клира Польской Православной Церкви (1929), архимандрит (5 мая 1929), еп. Люблинский, викарий Варшаво-Холмской епархии (3 апр. 1932 – 1937), хиротонию возглавил митр. Дионисий Варшавский, еп. Гродненский (27 февр. 1937 – 1939), эмигрировал через Литву и Румынию в Северную Америку (2 сент. 1939), затем поселился в Англии (1943), военный епископ с чином генерала, обслуживающий православных поляков в армии Независимой Польской Республики на западном фронте (29 нояб. 1943), после войны настоятель польского православного прихода в Лондоне, архиепископ (4 апр. 1947), управляющий Польской Православной Церковью За границей в юрисдикции Константинопольского Патриарха-

та. Источники: Послужный список архимандрита Саввы Советова // АЕУА. F-C1-C.

САВВА (Шимкевич Сергей Александрович; 12 марта 1899, г. Варшава Привислинск. губ. — 18 нояб. 1961, Париж), архимандрит. Из семьи чиновника судебного следователя. Окончил классическую гимназию и первые курсы юридического факультета Московского университета (1916), поступил добровольцем в Александровское военное училище, поручик лб.-гв. Литовского полка (1917), участник Гражданской войны в рядах Добровольческой армии на южном фронте, эмигрировал через Константинополь в Чехословакию (1920), окончил юридический факультет Пражского университета (1927) и Парижский Св.-Сергиевский богословский институт (1932), воспитатель Кадетского корпуса в Виллье-ле-Бэль (1932–1935), состоял в юрисдикции митр. Евлогия, диакон (16 июня 1935), священник (18 июля 1935), рукоположение совершил еп. Иоанн в храме Сергиевского подворья в Париже, 2-й помощник настоятеля Св.-Николаевского храма в Праге (18 июля 1935 — 29 нояб. 1936), помощник настоятеля Св.-Симеоновского храма в Дрездене (29 нояб. 1936 — 1 авг. 1938), пострижен в монашество (18 июля 1937), помощник настоятеля Св.-Владимировской церкви в Берлине (1 авг. 1938 — 21 нояб. 1938), законоучитель в детском приюте в Веррьере-Ле-Буиссон под Парижем (26 дек. 1938 — 1 сент. 1942), временно исполняющий должности настоятеля церквей в Бийянкуре и в Клиши в предместье Парижа (1940–1942), вр. исп. должности епархиального секретаря при митр. Евлогии (22 сент. 1942), приписанный к причту Александро-Невского собора в Париже (22 сент. 1942 — 13 сент. 1952), епархиальный секретарь Русского Западно-Европейского Экзархата Константинопольского Патриархата (2 янв. 1943 — 13 сент. 1952), игумен (17 апр. 1943), архимандрит (7 янв. 1946), настоятель Знаменской церкви в Париже (13 сент. 1952 — 16 марта 1955), настоятель церкви Рождества Христова во Флоренции (16 марта 1955 — 18 нояб. 1961). Источники: Послужный список архимандрита Саввы Шимкевича // АЕУА. G-B2-C.

СВЯТОСЛАВСКИЙ Иоанн (Иван) Иванович (ок. 1860 — после 1930, Канны, Франция), протоиерей. Из семьи духовенства, сын священника. Окончил Духовную семинарию и Казанскую духовную академию со званием кандидата богословия (1893), священник (1893), настоятель Благовещенской церкви в Москве (1893–1919),

законоучитель в разных московских учебных заведениях, протоиерей, переехал в Одессу (1919), священник деревенской церкви в Херсонской уезде, священник при архиерейском доме в Ялте (1920), эмигрировал в Константинополь, помощник настоятеля посольской церкви в Афинах (нач. 1921 — авг. 1921), переехал в Сербию, служил на сербских приходах Шабачской епархии в Добричаги и Белой Церкви, переехал во Флоренцию (1925), затем в Рим, где помогал местным священникам, наконец, поселился в русском старческом доме в Каннах (кон. 1927), изредка заменял настоятеля Каннской Св.-Михайловской церкви о. Григория Остроумова, фактически состоял в юрисдикции Зарубежной Церкви, в назначении на приход ему было отказано митр. Евлогием из-за преклонного возраста. Источники: Послужный список о. Святославского // АЕУА. G-B2-C.

СЕРГИЙ (Дабич Николай Феодорович; 1877 — 8 июля 1927, Сан-Ремо), бывший архимандрит. Окончил юридический факультет Московского университета, служил чиновником Государственной канцелярии, оставил гражданскую службу и поступил в Московскую духовную академию, которую окончил со степенью кандидата богословия, во время учебы был пострижен в монашество и рукоположен в иеромонаха, настоятель русской посольской церкви в Афинах (1914 — 9 дек. 1920), архимандрит, уволен от должности настоятеля митр. Платоном Одесским, Высшее Церковное Управление на юге России назначило его на должность особоуполномоченного по заведованию заграничными церквями в Западной Европе с командированием на шестимесячный срок (май–ноябрь 1920) в Австрию, Германию, Англию и Францию, чтобы ознакомиться с положением русских беженцев в этих странах, после этого объезда окончательно поселился во Франции, жил под Ниццей у Великого князя Андрея Владимировича, был приписан сверх штата к причту Св.-Николаевского собора в Ницце (нач. 1921), затем после переезда в Германию к Берлинской Св.-Владимирской церкви (8 авг. 1921), митр. Евлогием был назначен настоятелем Св.-Сергиевской церкви в Будапеште и благочинным приходов в Венгрии, Австрии и Баварии (1 марта 1922 — 30 дек. 1922), перемещен на должность настоятеля Покровской церкви в Вене (1 мая 1922), уволен митр. Евлогием «за нерадение», потом некоторое время жил в Мюнхене у великого князя Кирилла Владимировича, перешел в католичество в Париже

у еп. Шапталя (6 окт. 1923), за что и был запрещен с лишением сана митр. Евлогием (8 дек. 1923), жил в Неаполе (1925), умер в Сан-Ремо от внезапной болезни перед тем, как вернуться в лоно Православной Церкви, о чем, согласно некоторым источникам (Третьякевич), и просил в письме митр. Евлогию, но такое письмо не нашлось в архивах епархиального управления. Источники: Послужный список о. Сергия Дабича и Дело архимандрита Сергия Дабича // АЕУА. D-A3-C. О нем: Антоний (Храповицкий), митр. Архимандрит Сергей // Новое время. 1923. 5 дек. № 784; Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни; Талалай М.Г. Российский некрополь в Неаполе, Венеции, Сан-Ремо // Русско-итальянский архив. № 2 / Под ред. А. Шишкина и Д. Рицци. Салерно, 2002; Третьякевич Л. Д'Эрбиньи и русская эмиграция // Вестник РХД. 2004. № 187.

СИЛЬВЕСТР (Харунс Иван Антонович; 19 окт. 1914, Рижск. губ. — 18 мая 2000, Равдон, близ Монреала, Канада), архиепископ. По происхождению латыш. Активный член РСХД в Латвии, окончил Парижский Св.-Сергиевский богословский институт со степенью кандидата богословия (1938), состоял в юрисдикции митр. Евлогия, пострижен в монашество (8 марта 1938), иеродиакон (9 марта 1938), иеромонах (10 апр. 1938), рукоположение совершил митр. Евлогий в храме Сергиевского подворья в Париже, помощник настоятеля Воскресенской церкви в Бельфоре (1938–1939), настоятель той же церкви (19 нояб. 1938 — 1 сент. 1943), окормлял советских военнопленных в лагерях на востоке Франции (1942–1943), а затем на постройке Атлантической стены и на острове Джерси (1 сент. 1943 — 1944), по ложному доносу был арестован немцами и заключен в изолятор на шесть недель (1944), тюремный и больничный священник Парижского округа (1944–1945), настоятель Скорбященской церкви в Париже (3 нояб. 1945 — 1956), игумен (7 янв. 1947), редактор епархиального журнала «Церковный вестник» (1951–1956), архимандрит (7 янв. 1950), епископ Мессинский, викарий для юга Франции и Италии с местопребыванием в Париже (27 апр. 1952), хиротонию возглавил митр. Владимир в храме Сергиевского подворья в Париже, настоятель Св.-Николаевского собора в Ницце (1956–1962), поселился в Ницце (1956), одновременно настоятель храма Христа-Спасителя в Сан-Ремо (1957–1962), возглавил богослужения при освящении верхней церкви Св.-Никола-

евского храма в Бари (май 1957), синодом Северо-Американской Русской митрополии избран епископом Канадской епархии с местопребыванием в Монреале (10 окт. 1962), уехал в Канаду (18 апр. 1963), председатель РСХД (10 июля 1963 – 1979), настоятель Св.-Петропавловского собора в Монреале (1963–1981), архиепископ Канадский (1966), временно управляющий Нью-Ингландской епархией (1966–1972), заместитель председателя Американской Православной Церкви в период болезни митр. Иринейя (15 мая 1974 – 25 окт. 1977), уволен на покой (1 июля 1981), член редколлегии «Вестника РХД». Источники: Послужный список епископа Сильвестра // АЕУА. G-B2-C. О нем: Струве Н. Памяти Владыки Сильвестра // Вестник РХД. 2000. № 181.

СИМЕОН (Нарбеков Сергей Григорьевич; 14 июля 1884, Сергиев Посад – 17 янв. 1969, Рим), архимандрит. Окончил Сергиев-Посадскую гимназию и Московский университет (1907), а затем и Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1911), пострижен в монашество (1910), иеромонах (1910), рукоположение совершил еп. Феодор Волоколамский в храме Московской духовной академии, настоятель Св.-Николаевского храма в Риме (1916–1963), архимандрит (1916), член Карловацкого зарубежного церковного съезда (21 нояб. – 4 дек. 1921), благочинный приходов в Италии (1926–1927), состоял в юрисдикции Зарубежной Церкви из верности к митр. Антонию, хотя лично не разделял позиций Зарубежного Синода и поэтому неоднократно отказывался от епископской хиротонии, был уволен за штат по старости (3 окт. 1963). Труды: Со страниц Евангелия. Поучения (записаны О. Вуич; изд. на средства А.А. Санина). Рим, 1943; Златоуст Русской Зарубежной Церкви. Из проповеди архимандрита Симеона (Нарбекова) // Вече. Независимый русский альманах (Мюнхен). 2000. № 65. С. 58–81. Источники: Послужный список архимандрита Симеона // АЕУА. F-C1-C. О нем: Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни; Православная Русь. 1969. № 3; Волков С. Последние у Троицы. Воспоминания о Московской Духовной Академии (1917–1920). М.; СПб., 1995; Талалай М.Г. Православная русская церковь святителя Николая Чудотворца в Риме...; Гасперович В., Катин-Ярцев М.Ю., Талалай М.Г., Шумков А.А. Тестаччо. Некатолическое кладбище для иностранцев... С. 100.

СМОРЖЕВСКИЙ Аполлон И. (31 марта 1876, Кременец — 14 марта 1962, Милан), митрофорный протоиерей. Из семьи духовенства. Окончил духовную семинарию и С.-Петербургскую духовную академию, преподаватель Виленской духовной семинарии, епархиальный миссионер Волынской епархии (1 окт. 1935), переехал во Францию и принят в юрисдикцию митр. Евлогия, диакон (16 нояб. 1935), священник (17 нояб. 1935), рукоположение совершил еп. Иоанн (Леончуков) в храме Сергиевского подворья в Париже, настоятель Св.-Николаевской церкви в Милане (17 нояб. 1935 — 14 марта 1962), благочинный приходов Русского Экзархата Константинопольского Патриархата в Италии (1950 — 14 марта 1962), протоиерей (20 апр. 1941), настоятель храма Христа Спасителя в Сан-Ремо (15 мая 1951 — 1957), митрофорный протоиерей. Источники: Послужный список протоиерея Аполлона Сморжевского // АЕУА F2-P4-C. О нем: Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни; Талалай М.Г. Русская церковь в Сан-Ремо...; Он же. Русская православная церковь в Милане. Милан, 1996. С. 6–7.

СОКОЛОВ Георгий Евфимьевич (23 мая 1890, с. Саксаган Екатеринославск. губ. — после 1931), протоиерей. До революции народный учитель, эмигрировал через Константинополь в Чехословакию (1921), принял священство от еп. Вениамина (Федченкова) в Словакии (13 окт. 1923), обслуживал русскоязычные приходы в деревнях Закарпатской Руси, овдовел (1923), перешел в юрисдикцию архиеп. Савватия Чешского (1924), протоиерей (1924), перешел в юрисдикцию Русской Зарубежной Церкви и переехал в Люксембург, настоятель церкви в Люксембурге (20 дек. 1927 — 1929), перешел в юрисдикцию митр. Евлогия и поселился во Франции (29 апр. 1929), настоятель церкви в Крезе (15 мая 1929 — 7 июля 1930), настоятель Св.-Николаевской церкви в Милане (7 июля 1930 — 15 авг. 1931), уволен за штат и исключен из списка клира митр. Евлогия (15 авг. 1931). Источники: Послужный список протоиерея Георгия Соколова // АЕУА. F-C1-C.

СПИРИДОН (Ефимов Никодим Васильевич; 31 окт. 1902, Кронштадт — 1 сент. 1984, Пало-Алто, США), архимандрит. Из семьи рабочих, сын плотника Балтийского флота. Окончил 1-й Сибирский кадетский корпус (1918), участник Гражданской войны в рядах Добровольческой армии на Сибирском фронте, эвакуирован через Китай (1922), поселился в Сербии (1924), окончил богословский фа-

культет Белградского университета (1935), учился также на фило-софском факультете, служил помощником келейника митр. Анто-ния (Храповицкого), а затем келейником митр. Анастасия (Гриба-новского) (1937–1944), эмигрировал из Югославии в Италию (1950), пострижен в монашество (5 мая 1951), иеродиакон (6 мая 1951), иеромонах (7 мая 1951), рукоположение совершил архиеп. Иоанн (Максимович), состоял в клире Западно-Европейской епар-хии Зарубежной Церкви, настоятель церкви при лагере для переме-щенных лиц в Сан-Сабба под Триестом и законоучитель в русской школе при том же лагере (1951–1956), настоятель церкви в Бейруте (1956–1960), игумен (25 янв. 1957), переехал в Америку (1960), на-стоятель церкви в Магапаке под Нью-Йорком (1960–1962), помош-ник настоятеля Покровской церкви в Пало-Алто (1962–1964), архи-мандрит (1 март. 1965), помощник настоятеля Скорбященской церкви в Сан-Франциско (1964–1966), настоятель церкви в Пало-Алто (1966–1984). О нем: Воспоминания // Православная Русь. 1997. № 28–29; Корнилов А.А. Духовенство перемещенных лиц. Биографический словарь. Нижний Новгород, 2002. С. 108.

СТЕЛЬМАШЕНКО Михаил Авксентьевич (? – нояб. 1925, Па-риж), протоиерей. Из семьи духовенства, сын священника. Окон-чил Духовную семинарию, историко-филологический факультет Киевского университета (1904) и Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1906), директор основанной им гимназии в Киеве, магистр богословия (1912), священник (до 1920), эмигрировал через Константинополь в Чехословакию (25 июня 1921), митр. Евлогием назначен настоятелем церковью в Праге, Карлсбаде, Мариенбаде и Францбаде (1 сент. 1921 – 1 мар-та 1922), участник Карловацкого зарубежного церковного съезда (21 нояб. – 4 дек. 1921), настоятель церкви Рождества Христова во Флоренции (1 марта 1922 – 1 нояб. 1925), одновременно обслужи-вал храм Христа Спасителя в Сан-Ремо (1922–1925), благочинный приходов в Италии (1922–1925), состоял в юрисдикции митр. Евлог-ия, им же отправлен в Берлин с назначением на должность насто-ятеля церковью Владимирского братства в Германии (1 нояб. 1925), но умер по пути, не достигнув места назначения. Источники: Послужный список протоиерея Михаила Стельмашенко // АЕУА В-СЗ-С. О нем: Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни.

ТРОЯНОВ Игорь Иванович (28 апр. 1900, Киев — 5 мая 1976, Лозанна, Швейцария), митрофорный протоиерей. Среднее образование получил в Одессе, поступил в Одесский университет (1918), участник Гражданской войны в рядах Черноморского флота (1919–1920), эвакуирован через Константинополь в Сербию, окончил богословский факультет Белградского университета (1925), участник Белградского кружка, а затем Братства преп. Серафима, чтец в русской Троицкой церкви в Белграде, состоял в юрисдикции Зарубежного Синода, призван в сербскую армию (1941), взят в плен, отпущен через 14 месяцев по болезни в Белград, покинул Сербию (1944) и поселился в Швейцарии (1945), диакон (21 окт. 1945), священник (28 окт. 1945), рукоположение совершил митр. Анастасий (Грибановский) в Женеве, помощник настоятеля храма Св. Варвары в Веве (1945–1951), настоятель церкви в Лозанне (23 мая 1951 — 1976), настоятель храма в Веве (23 мая 1951 — 1976), обслуживал также церковную общину при домовый церкви виллы Оланда в Вал-Пелличе на севере Пьемонта (1959–1963), протоиерей, наблюдатель от Русской Зарубежной Церкви на 2-м Ватиканском соборе (1962–1965), член епархиального совета Западно-Европейской епархии Зарубежной Церкви (1966–1976), митрофорный протоиерей. О нем: Мерчи С., Валлетти Э. Вилла Оланда: Островок русских белоэмигрантов в Вал-Пелличе // Россия и Италия. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX в. М.: Наука, 2003.

ФОТИЕВ Кирилл Васильевич (11 нояб. 1928, г. Либава (Лиепая), Латвия — 28 авг. 1990, Мюнхен), протоиерей. Эмигрировал в Германию (1944), окончил филологический факультет Гамбургского университета и Парижский Св.-Сергиевский богословский институт (1953), активный член РСХД, состоял в юрисдикции Русского Экзархата Константинопольского Патриархата, диакон (7 мая 1961), священник (9 мая 1961), рукоположение совершил архиеп. Георгий в Александро-Невском соборе в Париже, военный священник при Американском оккупационном корпусе в Германии с местопребыванием во Франкфурте (1961–1963), уехал в Америку и принят в клир Северо-Американской русской митрополии (20 февр. 1964), секретарь митр. Ириней (1966–1970), редактор «Русского Американского Вестника», ключарь Покровского кафедрального собора в Нью-Йорке (1971), протоиерей (10 июня 1970), вышел за штат по болезни, вернулся в Европу и поселился в Мюнхене (1984), где

сотрудничал в русскоязычных религиозных радиопередачах «Голоса Америки», принят в клир Западно-Европейской русской Архиепископии Константинопольского Патриархата и назначен разъездным священником (1989), обслуживал приход церкви Рождества Христова во Флоренции (1989–1990), член редакций «Вестника РХД» и «Посева». Труды: Попытки украинской церковной автокефалии в 20-м веке. Мюнхен, 1956; Беседы о религии. Франкфурт, 1956; Краткое введение в философию. Франкфурт, 1956; Свобода нужна каждому. Франкфурт, 1959. Источники: Послужный список священника Кирилла Фотиева // АЕУА. G-V3-C. О нем: Кублановский Ю. Памяти прот. К. Фотиева // Вестник РХД. 1990. № 160; Фортунато М. Памяти о. К. Фотиева // Русская мысль. 1990. № 3843.

ХАПЛАНОВ Пантелеимон (Пантелеймон) (? – между 1972 и 1980), митрофорный протоиерей. Из семьи духовенства. Священник в Сербии, состоял в юрисдикции Зарубежной Церкви, протоиерей, эмигрировал из Сербии в Италию (1949), настоятель церкви при лагере перемещенных лиц в Триесте (1950–1952), уехал в Америку (1952), 1-й настоятель церкви в г. Денвере, Колорадо (1952–1955), затем в г. Глендоре, Калифорния (1955 – до 1980), митрофорный протоиерей (13 дек. 1972). О нем: Православный русский приход в Триесте // Православная Русь. 1951. № 3.

ХАРКЕВИЧ Адриан Ксенофонович (13 авг. 1877, с. Гольши Волыnsk. губ. – 17 дек. 1961, Флоренция), чтец. Из семьи духовенства, сын священника Волынской епархии, женат на А.В. Левицкой, дочери протоиерея В. Левицкого, долголетнего настоятеля храма во Флоренции. Окончил Кременецкую духовную семинарию и С.-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1902), одновременно окончил С.-Петербургский Императорский археологический институт, определен на псаломщическую службу за границей в Италии, псаломщик Св.-Николаевской церкви в Риме (сент. 1902 – 1904), псаломщик церкви Рождества Христова во Флоренции (1904–1923), уволен с должности из-за отсутствия средств у прихода на содержание псаломщика, восстановлен в должность псаломщика и вольнонаемного регента церковного хора при храме во Флоренции (1925–1961), состоял в юрисдикции митр. Евлогия, от принятия священнического сана отказывался по личным причинам, предпочитая посвятить себя церковной музыке

и просветительской деятельности. Выступал с церковным хором на концертах. Сочинитель многих церковно-музыкальных произведений и романсов на стихи Пушкина, Лермонтова, Шевченко и украинских народных песен. Активный деятель русской общины во Флоренции, секретарь общества «Русская колония в Тоскане», организатор русской чайной и разных духовно-просветительских мероприятий по истории русской культуры. Незаурядный докладчик, автор многочисленных статей о русской культуре и литературе и неизданных воспоминаний. Соч.: Пушкинская речь // Христианская культура. Пушкинская эпоха. 1997. № 14. С. 46–50. О нем: Ильина Т. Памяти А.К. Харкевича // Новое русское слово. 1962. 4 янв.; Талалай М.Г. Церковь Рождества Христова во Флоренции...

ЯНКИН Иоанн (Иван) Васильевич (15 июня 1926, с. Барановежи, Белорусская ССР – 18 сент. 1998, Ницца), протоиерей. Из семьи белорусского крестьянина. Взят в плен немцами и увезен на принудительные работы в Германию и на север Франции (1942–1944), избегал репатриации в Советскую Россию, работал на металлургическом заводе на севере Франции, окончил Парижский Св.-Сергиевский богословский институт (1957), состоял в юрисдикции Русского Экзархата Константинопольского Патриархата, диакон (10 марта 1957), священник (23 июня 1957), рукоположение совершил митр. Владимир (Тихоницкий) в Александро-Невском соборе в Париже, помощник настоятеля Св.-Николаевского собора в Ницце (23 июня 1957 – 18 сент. 1998), настоятель храма Христа Спасителя в Сан-Ремо (15 янв. 1963 – 18 сент. 1998), настоятель Свято-Николаевской церкви в Милане (20 авг. 1966 – 1972), протоиерей (7 янв. 1967), настоятель домового храма при Бородинском обществе в Меране (17 нояб. 1967 – 18 сент. 1998), настоятель церкви Рождества Христова во Флоренции (24 окт. 1969 – 18 сент. 1998), благочинный приходов Русской Западно-Европейской Архиепископии в Италии (13 янв. 1970 – 18 сент. 1998), настоятель церкви Св. Гермогена в Марселе (1972–1982), почетный гражданин г. Сан-Ремо. Источники: Послужный список протоиерея Иоанна Янкина // АЕУА В-РЗ-С. О нем: А.О. Памяти отца Иоанна Янкина // Русская мысль. 1996. 14 окт. № 4144; Talalay M. Rev. Ioann Jankin // Immagini di San Remo nel mondo. San Remo, 1998. P. 206.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. В 2 т. Париж, 1971; Raeff M. A cultural history of the Russian emigration (1919–1939). New York: Oxford University Press, 1990 (русск. изд.: Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994); Struve N. Soixante-dix ans d'émigration russe. 1919–1989. Paris: Fayard, 1996.

² История церковных раздоров русской эмиграции еще не нашла своего беспристрастного и обобщающего исследователя, а многие архивные материалы пока недоступны историкам или не изучены. Кроме вышеупомянутых общих исследований можно сослаться на главы, посвященные церковной диаспоре Д. Поспеловским в его книге «Русская Православная Церковь в XX веке» (М., 1995). Точка зрения Зарубежной Церкви представлена в трудах о. Г. Зейде (Seide G. Geschichte des russischen orthodoxen Kirche im Ausland von der grundung bis in die Gegenwart. Wiesbaden, 1983; Ibid. Verantwortung in der Diaspora. Die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. Munchen, 1989). Взгляд Московской Патриархии представлен в книге о. Г. Митрофанова «Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е гг.» (СПб., 1995), а также в статье о. В. Цыпина, помещенной в последнем томе «Истории Русской Церкви» (Т. 9. М., 1999).

³ См. Корнилов А.А. Духовенство перемещенных лиц. Биографический словарь. Нижний Новгород, 2002, а также на электронный проект А. Гурьевича «Религиозные деятели и писатели русского зарубежья. Биографический справочник», страницы которого размещены в Интернете (<http://zarubezhje.narod.ru>).

⁴ Нивьер А. Русское православное духовенство в Италии (1920–1980) // Россия и Италия. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX в. М.: Наука, 2003. С. 61–72. Наш труд не претендует на исчерпываемость, поэтому автор будет признателен всем, кто может внести поправки и добавления.

⁵ Этот фонд, находящийся в Париже при епархиальном управлении, еще не разобран. Для составления биографического справочника нами были использованы Послужные списки духовенства Архиепископии (бывш. Экзархата) благодаря любезному разрешению правящих архиереев: Русского Экзарха Вселенского Патриархата в Париже, ныне почившего высокопреосвященного архиепископа Сергия Евкарпийского и его преемника высокопреосвященного архиепископа Гавриила Команского, а также епархиальных секретарей – барона В.Н. фон Тизенгаузена и профессора М.А. Соллогуба. Воспользуемся случаем, чтобы выразить им нашу благодарность.

⁶ Фонд архивов канцелярии Архиерейского Синода Русской Православной Зарубежной Церкви, относящихся к довоенному периоду, теперь находится в Государственных архивах Российской Федерации в Москве. Нами были использованы «Журналы заседаний Архиерейского Синода» (ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 24–199), а также «Послужные списки духовенства» (ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 323–367). Некоторые сведения, относящиеся к послевоенному периоду, были нам сообщены высокопреосвященным митрополитом Лавром (Джорданвилль) и высокопреосвященным архиепископом Иларионом (Сидней), которым мы выражаем также нашу благодарность. Мы также воспользуемся случаем, чтобы поблагодарить М.Г. Талалая, автора многочисленных исследований о русско-итальянских связях, в том числе о русских храмах в Италии, за предоставление материалов.

⁷ Среди них: «Церковный вестник». Париж, 1927–1940, 1946–1958, 1966–1978, 1981–2001 (официальный журнал Западно-Европейского Экзархата Русских Православных Церквей Константинопольского Патриархата); «Церковные ведомости» (Белград, 1924–1930), затем «Церковная жизнь» (Белград, 1932–1940; Мюнхен, 1948–1950; Нью-Йорк, с 1951 г.) (официальный журнал Архиерейского Синода Зарубежной Церкви); «Церковное обозрение. Ежемесячный независимый орган свободной церковно-религиозной мысли» (Белград, 1922–1930, 1932, 1936–1944); «Русская мысль» (Париж, 1947–2001); «Православная Русь» (Джорданвилль, 1947–2001); «Вестник Русского (студенческого) христианского движения» (с 1972 г. «Вестник РХД») (Париж, 1926–1936; Мюнхен, затем Париж, затем Париж – Нью-Йорк, затем Париж; Нью-Йорк; М., 1949–2001.

А.В.Юдин (Москва)

РУССКИЕ КАТОЛИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ В ИТАЛИИ В XX ВЕКЕ

Вначале необходимо уточнить, что нами будет пониматься в качестве русских католических центров. Это различные институты, созданные или непосредственно по распоряжению католических церковных властей, или же по инициативе различных католических организаций либо частных лиц с целью ведения пастырской деятельности преимущественно среди русской диаспоры, а также для изучения и популяризации религиозного и культурного наследия России. Можно проследить определенную эволюцию подобных центров от первых опытов «обращения» русских в католичество (понимавшегося как вместилище подлинной, вселенской веры) до современных попыток построения полноценного диалога между католичеством и православием и взаимообмена в области религии и культуры.

Вначале несколько слов о предыстории, то есть о XIX в. Если тогда Франция считалась «землей обетованной» российской политической и религиозной эмиграции, то в Италии известностью пользовались лишь несколько русских католиков: княгиня Зинаида Александровна Волконская (1792–1862)¹, священник-варнавит граф Григорий Петрович Шувалов (1804–1859)², флорентийское семейство графов Бутурлиных³, княгиня Елизавета Григорьевна Волконская (1838–1897), священник польской церкви св. Станислава в Риме Юлиан Константинович Астромов (1820 или 1823 – 1913). Первым русским католическим центром можно считать Villa Wolkonsky в Риме, которая во времена З.А. Волконской была не только крупнейшим русским культурным центром⁴ за границей, но местом встреч представителей

католического мира с многочисленными русскими гостями блистательной музы романтизма.

В сравнении с предшествующим столетием положение в XX в. в Италии существенным образом меняется: появляются русские католические церкви, монастыри, учебные заведения.

Церковь св. Лаврентия-на-горах (San Lorenzo ai Monti). Первая русская католическая церковь византийского обряда появилась в Риме в 1910 г. в понтификат Папы Пия X по инициативе епископа Жюля Тибергьена и священника Кирилла Королевского (J.F.J. Charon). По сути, это был первый русский католический приход вне России. Назывался он церковь св. Лаврентия-на-горах⁵ и находился недалеко от Forum Troianum – там, где сейчас проходит Via dei Fori Imperiali от Piazza Venezia к Колизею. Небесным покровителем этой церкви был св. Лаврентий, а покровителем прихода – св. Владимир. Церковь св. Лаврентия была торжественно открыта 13 ноября 1910 г., а ее первым настоятелем был назначен священник Сергей Веригин (1868–1938). Замечательный историк, музыкант и музыковед, выдающийся церковный публицист Владимир Николаевич Забугин (1880–1923) состоял в этой церкви чтецом и регентом хора; среди десятка имен прихожан мы встречаем Марию Волконскую (1863–1943) и Веру Сусалину-Белен (1866–1946) – активных участниц русского католического движения. Деятельную роль в организации приходской жизни церкви св. Лаврентия играл молодой клирик Леонид Федоров, будущий экзарх католиков византийского обряда в России⁶. 20 января 1911 г. при церкви св. Лаврентия было создано приходское Братство св. Владимира.

Примечательные разногласия возникли в этом приходе по поводу обрядово-культурной ориентации, что вполне отражало поиски новой идентичности «подлинного православия», воссоединенного со Вселенской (Католической) Церковью и освобожденного из «синодального плена». Священник Кирилл Королевский и В.Н. Забугин настаивали на строгом соблюдении русской синодальной традиции, в то время как грекофил священник Сергей Веригин допускал смешение в богослужении русских и греческих обрядовых особенностей. В 1932-м о. Сергия сменил священник Александр Сипягин (1876–1940), но в кон-

це того же года церковь св. Лаврентия-на-горах была разрушена при муссолиниевской перепланировке Рима.

Эзархий монастырь св. Марии Гроттаферратской (Monastero Esarchico di S. Maria di Grottaferrata). Знаменитая василианская обитель Гроттаферрата, основанная в 1004 г. около Рима калабрийским монахом Нилом Росанским, и по сей день остается одним из крупнейших центров восточного христианства в Италии. В XX в. с этим греко-католическим аббатством связаны имена некоторых русских католиков — уже упоминавшихся нами В.Н. Забугина, многолетнего редактора гроттаферратского журнала «Рим и Восток» («Roma e l’Oriente»), а также русских католических священников Сергия Веригина и Александра Сипягина⁷. Цели журнала «Roma e l’Oriente», намеревавшегося «объединить между собой все восточные Церкви», были определены Забугиным в программной статье первого номера (1910): «Рассеять недоразумения, сумрак неведения, коварства, ревности, неистовых страстей в мягком и миролюбивом свете беспристрастной истории <...>, которая не может быть ни греческой, ни латинской, но лишь только истинной или ложной — вот наша первая и наивысшая обязанность. Чтобы иметь силу любить, мы должны познать нас самих: чтобы познать самих себя, мы должны говорить на том же самом языке и употреблять понятия, идентичные по смыслу <...>. Настало время рассуждать по-гречески с греками и со славянами по-славянски, стремясь приспособиться к их ментальности, но также защищать истину и те фундаментальные принципы, на которых она покоится». Эти строки, выражавшие концепцию формировавшегося в то время так называемого «католического иренизма», можно с полным правом отнести и к современным требованиям экуменического диалога.

В 1923 г. по инициативе священника-иезуита Мишеля д’Эрбиньи, сыгравшего ключевую роль в «русской политике» Ватикана второй половины 1920 — начала 1930-х гг., была создана Комиссия ради России (Comissio pro Russia) в составе организации Кругок Св. Петра (Circolo San Pietro), которая занималась распределением в Риме папских пожертвований. Благодаря помощи маркиза Мицателли и князя Торлониа Comissio pro Russia был приобретен дом, ставший убежищем для 60 престарелых

русских эмигрантов. Русский дом (La Casa dei Russi), где несли служение монахини из «Святого Союза» («La Sainte Union»), просуществовал до начала 1930-х гг.

С невиданным доселе притоком русских беженцев в Европу с начала 1920-х гг. в католических кругах, в том числе и в Италии, начали разрабатываться планы «русского апостолата», то есть пастырской работы с русскими беженцами в перспективе их возможного обращения в католичество. Своеобразным религиозно-культурным «языком» русского апостолата должен был стать традиционный для выходцев из православия византийский обряд. Однако для этого проекта необходимы были грамотно подготовленные священники. Конечно же, первыми работниками русского апостолата стали западные католические священники, прошедшие необходимую подготовку и освоившие «язык» русской религиозной традиции. Вслед за ними должны были прийти и обратившиеся в католичество восточного обряда русские эмигранты. При отсутствии необходимых семинарий и центров пастырской подготовки внимание инициаторов русского апостолата было обращено на уже существовавшие в Риме восточные коллегии.

Папская Греческая коллегия св. Афанасия (Pontificio Collegio Greco di S. Atanasio). Первоначально в качестве наиболее приемлемой для подготовки русских католических священников была избрана Греческая коллегия св. Афанасия, основанная еще в 1577 г. В 1922–1929 гг. студентами Греческой коллегии были: Василий Кайдалов (1894–194?) — бывший профессор Московского университета; Дмитрий Кузьмин-Караваев (1886–1959), рукоположенный в священника византийского обряда в 1927 г.; Николай Братко (1896–1958), рукоположенный в священника византийского обряда в 1927 г.; Роман Киприанович (1902–1975), рукоположенный в диакона византийского обряда в 1927 г. и ставший бенедиктинским монахом в монастыре Аме-сюр-Мёз (Шеветонь); Иван Хоменко (1892–1981), рукоположенный в священника византийского обряда в 1940 г.⁸ В 1920–1930-х гг. в Греческой коллегии проживали некоторые русские католические священники: уже знакомые нам Сергей Веригин и Александр Сипягин, а также архимандрит Сергей Дабич (1877–1927)⁹.

Папская комиссия pro Russia (Pontificio Commissio pro Russia). Проблемы Католической Церкви в Советской России, а также потребности пастырской работы среди русских эмигрантов стали предметом острой озабоченности Св. Престола в 1920-е гг. Для координации различных направлений деятельности Католической Церкви 20 июня 1925 г. в структуре Конгрегации по делам Восточных Церквей была создана Папская комиссия pro Russia. Однако вскоре, в связи с важностью порученных ей дел, Комиссия pro Russia была выделена в особое ведомство Римской Курии. Деятельность этой комиссии претерпела довольно сложную эволюцию, прежде чем она была преобразована Папой Иоанном Павлом II в 1993 г. в Постоянную межведомственную комиссию по делам Церкви в Восточной Европе. Первоначально Комиссии pro Russia были подведомственны духовенство и верующие как восточных обрядов, так и латинского обряда. Однако в 1934 г. русские католики восточного обряда были возвращены в юрисдикцию Конгрегации по делам Восточных Церквей, а делами католиков латинского обряда по-прежнему занималась Комиссия pro Russia. Таковое положение дел, несмотря на неоднократные административные реорганизации, сохранялось вплоть до решающего преобразования комиссии в 1993 г.

Папская Русская коллегия св. Терезы Младенца Иисуса – Руссикум (Pontificio Collegio Russo di S. Teresa del Bambin Gesù). В 1929 г. была решена проблема подготовки кадров для русского апостолатата. Апостольской конституцией Папы Пия XI «*Quam curam*» от 15 августа 1929 г. в Риме была основана Русская католическая семинария, более известная как Коллегия Руссикум. Пий XI сам определил долгосрочную цель деятельности Руссикума: подготовка католического духовенства, которое будет сотрудничать с местным, прошедшим через многие гонения православным и католическим духовенством и помогать ему в деле духовного возрождения России, когда времена изменятся и коммунизм будет сокрушен. О целях создания Коллегии Руссикум и о ее практической деятельности споры не утихают вплоть до нынешнего дня. Не считая нужным в данном обзоре вступать в полемику, все же предоставим возможность объяснить цели создания этого пастырского центра его основателю – Папе Пию XI. В упоминавшейся выше конституции «*Quam curam*» утверждается: «Глубо-

кая пастырская забота о благородных народах России, отверженных в пучину зла, побуждает Нас, поскольку это является Нашей властью, искать как можно скорее всего того, что необходимо для достижения духовного воскрешения этого народа, следуя наставлениям Божественного Промысла, с тем, чтобы как только придет время благодати, средства были готовы к служению. Мы полагаем, что нет дела более необходимого и подобающего, чем подготовка католического духовенства, которому будет поручено соответствующее пастырское попечение об этом народе и которое сможет прийти на помощь тем священникам, которые сегодня несут бремя дневного зноя, но которые уже переполнены трудами и тяготами и изнурены мученичеством. Таким образом будут посланы на жатву Господню новые и, уповая на милосердие Божие, многочисленные священники <...>. Мы желаем, чтобы в эту Коллегию были приняты молодые люди, прежде всего из России и византийско-славянского обряда, которые хотели бы быть наставленными в католической вере и затем наставлять в ней своих соотечественников. Подобным образом и другие юноши, сыновья иных народов, готовые принять византийско-славянский обряд и решившие приложить все свои силы к возвращению народов России в истинную овчарню Христа, могут присоединиться к ним <...>. Мы решили основать в Риме эту Русскую Семинарию, или Коллегию, для того, чтобы исполненные римского духа, подобно новым апостолам, они могли вернуться к своим соотечественникам»¹⁰.

С появлением Коллегии Руссикум решила и судьба русской католической церкви, уничтоженной при городской перепланировке в 1932 г.: церковь св. Антония Великого на Эсквiline¹¹, восстановленная при Русской католической духовной семинарии, была освящена епископом Петром Бучисом 28 октября 1932 г. В тот же день было опубликовано *motu proprio* Пия XI «*Nostra animarum*», где Папа поручал церковь пастырским заботам ректора Руссикума, а также предназначал ее русским католикам, которые утратили свой храм с разрушением церкви св. Лаврентия-на-горах. Некоторое представление о жизни прихода св. Антония Великого на Эсквiline дает статистика обращений в католичество в этой русской католической церкви:¹² 1933 г. — 1; 1935 г. — 5; 1936 г. — 6; 1937 г. — 3; 1938 г. — 11; 1939 г. — 10;

1940 г. — 1; 1941 г. — 3; 1942 г. — 2; 1943 г. — 1; 1944 г. — 3; 1945 г. — 13; 1946 г. — 27; 1947 г. — 13; 1948 г. — 15; 1949 г. — 11; 1950 г. — 4. Как видим, обращения в католичество достигали своего «пика» в 1946 г. на волне новых миграционных процессов, прежде всего связанных с перемещениями русских «ди-пи» в первые послевоенные годы. Приход св. Антония Великого на Эсквиллине при Руссикуме существует и по сей день, однако, если исключить присутствие на богослужениях воспитанников коллегии, то по отношению к нему трудно говорить о регулярной приходской жизни.

В самом Руссикуме некоторое время находился центр подготовки иезуитов-схоластиков *Russipetae* («стремящихся в Россию»). Среди *Russipetae*, живших в Руссикуме, числились несколько русских иезуитов: Виктор Новиков (1905–1979), Георгий Коваленко (1900–1975), Андрей Урусов (1914–2002) и Николай Бок (1880–1962). Воспитанниками Руссикума были следующие русские католические священники византийского обряда: Михаил Недточин (1897–1957), Александр Кулик (1911–1966), Сергей Оболенский (1909–1992), Константин Гербер (1905–?), Дорофей Бесчастнов (?–?), Валентин Танаев (1914–?), Всеволод Рошко (1917–1984), Павел Близначев (1913–1989), Петр Холодилин (?–?).

С Руссикумом связан последний, «римский», период творческой и преподавательской деятельности выдающегося русского поэта, религиозного мыслителя и филолога Вяч.И. Иванова (1866–1949). Как известно, в Риме Иванов обосновался в 1934 г.; в 1936 г. по предложению ректора Руссикума священника Филиппа де Режиа (1897–1955) он был назначен профессором старославянского языка и русской литературы в этой русской католической семинарии, а затем — профессором старославянской грамматики в Папском Восточном институте. Весной 1938 г. Иванов был принят Папой Пием XI, ключевой темой их встречи стал вопрос о воссоединении Католической и Православной Церквей. По официальной просьбе специалиста в области восточной литургики священника-иезуита Йозефа Швайгля (1894–1964) в 1941–1945 гг. Иванов составил введение и примечания к Деяниям и Посланиям Апостолов, а также к Откровению св. Иоанна, а в 1948–1949 гг. — введение и комментарий к изда-

нию Псалтири на старославянском и русских языках. В 1934 г. motu proprio «Quam sollicita» (от 21 дек.) Папа Пий XI повелел подготовить полное издание церковнославянских богослужебных книг. С этой целью в 1938 г. в составе Комиссии pro Russia при Конгрегации по делам Восточных Церквей была создана литургическая комиссия, в работе которой Иванов принимал участие в качестве эксперта в области церковнославянского языка и литературы. Комиссией были опубликованы Служебник, Напрестольное Евангелие, Требник, Литургия св. Иоанна Златоуста и другие издания. Иванову принадлежат также русские и церковнославянские переводы и оригинальные версии «Молитвы посвящения себя Св. Сердцу Иисусову», «Молебна (с Акафистом) к Иисусу Сладчайшему», «Молебна ко всем святым певаемою на всяк день» и других текстов¹³.

Коллегия Руссикум старательно поддерживала репутацию «русского дома» и центра русской культуры в Риме. В довоенное время гостями Руссикума были: Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус (1936), Н. С. Арсеньев (1936), композитор Н. Кедров (1937), оперный певец Д. А. Смирнов (1939). С Руссикумом была тесно связана деятельность русских художников-католиков Леонида (1871–1937) и Риммы (?–?) Браиловских, а также художника и иконописца Григория Мальцева (1880–1952), принявшего католичество и выполнившего основные работы по проектированию иконостасов и росписи храмовых икон в церквях и часовнях Руссикума¹⁴. В 1935–1940 гг. Коллегия Руссикум издавала небольшой по объему журнал «Заметки Русской духовной академии в Риме». После Второй мировой войны это издание продолжилось в виде внутреннего бюллетеня «В пути», содержащего много интересной информации как о жизни самой коллегии, так и о судьбах ее многочисленных воспитанников. С конца 1960 г. Коллегия Руссикум во многом изменила характер своей деятельности под влиянием новых экуменических инициатив II Ватиканского собора. С конца 1960-х гг. Руссикум постоянно принимал в качестве гостей делегации Русской Православной Церкви и студентов православных духовных школ из СССР.

Успенский женский монастырь в Риме (Monastero della Dormizione di Maria «Uspenskij»). В 1956 г. секретарем Конгрегации по делам Восточных Церквей кардиналом Эженом Тиссераном был пред-

ставлен Папе Пию XII проект основания русского монастыря византийского обряда. Благодаря поддержке Конгрегации было куплено здание на большом участке земли в Риме. В 1957 г. четыре русские сестры из различных орденов и конгрегаций, приехав из разных стран по приглашению Св. Престола, собрались в новом монастыре и начали жить, согласно новой норме, по русскому синодальному обряду. В том же году новообразованную общину Успенского женского монастыря возглавила игуменья Екатерина. Первым духовником и капелланом обители стал священник-иезуит византийского обряда Феофил Горячек (1913–1984), тогдашний ректор Руссикума. В 1959 г. Папа Иоанн XXIII возвел Успенский монастырь в категорию монашеских обителей Папского права и допустил первых четырех монахинь к принесению торжественных обетов. В папском документе также было сказано, что «этот монастырь является, в некотором роде, украшением Римской Папской епархии, символом объединения, призывом к нему и залогом его»¹⁵.

Центр по изучению христианской России (Centro Studi Russia Cristiana). В 1957 г. священником Романо Скальфи совместно с префектом Амвросианской библиотеки в Милане монсеньером Энрико Гальбиати, профессорами П. Модесто и А. Аснаги был основан Центр по изучению христианской России. В 1957 г. вышел первый номер периодического издания этого центра – «Христианская Россия вчера и сегодня» («*Russia Cristiana ieri e oggi*»). Его название, как, впрочем, и название самого центра, стало в те годы вызовом преимущественному восприятию России как цитадели коммунизма. В программной статье первого номера журнала «*Russia Cristiana ieri e oggi*» были заявлены следующие цели издания: способствовать познанию особого значения русского христианства в его истории, литургии и вероучении, в формах его выражения и установлениях монашеской и мирянской духовности, а также в фольклоре; раскрыть особые черты русской философии и литературы. «Те, кто хотел бы проявить интерес исключительно к этому аспекту, осознают, что без глубокого познания, скажем симпатии, к русскому христианству, не существует достаточной вероятности понимания так называемой светской философии и литературы», – говорится в программе. Далее, среди целей журнала «*Russia Cristiana*» чис-

лится также «раскрытие того, что уже можно назвать “советской культурой” в той мере, в которой она имеет какую-либо связь с христианством». К этой области отнесено религиозное законодательство, народное образование и воспитание молодежи, философский и нравственный аспекты. «Ieri e oggi – вчера и сегодня – вот наш девиз, завтра – в руках Бога, у Которого мы испрашиваем благословения на наш труд», – говорится в заключительных строках программной статьи за подписью Энрико Гальбиати из первого номера журнала «*Russia Cristiana*» (1957). Эта открытость навстречу будущему помогла Центру по изучению христианской России сохранить верность своему призванию на протяжении 47 лет своего существования. В немалой степени своим продуктивным долголетием центр обязан тесными связями с католическим движением «Причастие и Освобождение» («*Comunione e Liberazione*»).

В постперестроечной России Центр по изучению христианской России стал практически первой западной христианской организацией, начавшей культурный диалог с новой реальностью, исходя из общих христианских ценностей Запада и Востока. В Москве центр инициировал создание культурного очага и книгораспространительской сети «Духовная библиотека». Основной задачей итальянских изданий Центра по изучению христианской России является популяризация духовного и культурного наследия России, русские издания «Духовной библиотеки» призваны познакомить современного русского читателя с религиозным наследием католической Европы. В ноябре 2004 г. Культурный центр «Духовная библиотека» торжественно открыл свое новое здание в Москве на ул. Покровка, д. 27. Дальнейшие перспективы в деятельности Центра по изучению христианской России, его московского филиала «Духовная библиотека» во многом формируются масштабным проектом «100 книг по богословию XX века», готовящимся в сотрудничестве с Синодальной богословской комиссией Московского Патриархата. С 1978 г. при Центре по изучению христианской России работает Иконописная школа Сериате. Культурный центр «Духовная библиотека» периодически организует для итальянских католиков паломнические поездки в Россию.

Центр «Экуменическая Россия» (Centro Russia Ecumenica). В 1976 г. в Риме двумя священниками из епархии Триеста – Нило Кадонна и Серджио Мерканцином – был основан Центр «Экуменическая Россия». Первоначальной его задачей была помощь эмигрантам из СССР, прибывавшим в Рим. Среди эмигрантов «третьей волны», оказавшихся в Риме, был замечен определенный интерес к католицизму. Учитывая это, Центр «Экуменическая Россия» в 1979–1981 гг. выпускал небольшой бюллетень «Русский голос в Риме».

По мысли основателя и бессменного руководителя центра священника С. Мерканцина, «конкретный экуменизм – это тот экуменизм, который пребывает на уровне обычного человека и его жизни». «С самого начала до сегодняшнего дня наша деятельность изменилась. В свое время основной тональностью нашей деятельности было обличение. В некотором роде мы были голосом тех многих русских, которые были вынуждены молчать, были вынуждены стать политическими маргиналами или у себя на родине, или в изгнании за границей. Сейчас, напротив, время сотрудничества, как с православными, особенно с теми представителями иерархии, которые были менее согласны с прежним режимом, так и с властями»¹⁶, – так охарактеризовал перемены в деятельности Центра «Экуменическая Россия» Мерканцин в интервью 1991 г. В настоящее время центр организует курсы лекций и конференции, целью которых является более глубокое познание византийско-славянской духовности, особенно посредством иконы. «Иконы, – считает Мерканцин, – предлагают символический язык, который универсально приемлем для катехизиса и углубления веры: религиозное христианское искусство выражает момент церковного единства, проявление единой веры»¹⁷. Совместно с Центром иконописи Андрея Рублева Центр «Экуменическая Россия» организует летние курсы иконописи на вилле недалеко от Тренто.

Дух диалога, утвердившийся в Католической Церкви после II Ватиканского собора, способствовал появлению в Италии новых явлений религиозной жизни, которые оказываются тесно связанными с русской темой. Конечно, эти новые христианские общины никоим образом не подпадают под классификацию

«русских католических центров», однако о них необходимо упомянуть в нашем обзоре, поскольку они ярко иллюстрируют собой перемены, происходящие в современной Католической Церкви в подходе к экуменическому диалогу и к восприятию русской православной традиции в частности. К числу этих новых религиозно-общественных явлений следует прежде всего отнести движение Общины святого Эгидия и экуменическую монашескую общину Бозе.

Таков лишь краткий обзор истории русских католических центров в Италии прошедшего XX в. Но и в нем заметна эволюция, которую претерпело отношение к России, к ее духовной культуре в различных католических кругах Италии. Тема «христианской России» заняла прочное место в современной религиозной жизни католической Италии, и интерес к уникальным богатствам русской православной традиции неизменно растет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. о ней: Gorodetzky N. Zinaida Volkonsky as Catholic // *The Slavonic and Eastern European Review*. 1960. № 12. P. 31–43; Каццолла П. Русская католичка в папском Риме: Зинаида Волконская // *Россия и Италия*. Вып. 2. М., 1996. С. 84–93; Кирьянов А. Римские каникулы Гоголя // *Истина и жизнь*. 1996. № 4. С. 45–51.

² Талалай М.Г. Иеромонах Ордена барнабитов Августин-Мария, в миру граф Григорий Петрович Шувалов // *Страницы*. 2001. № 6. С. 625–630.

³ См.: *Boutourline M. Ricordi / A cura di W. Gasperowitz e M. Talalay*. Lucca, 2000.

⁴ По расхожему выражению современников – «русский клуб у фонтана Треви».

⁵ Популярное римское название San Lorenzello, или Lorenzolo.

⁶ Причислен к лику блаженных Папой Иоанном Павлом II в 2002 г.

⁷ Подробнее см.: Croce G.M. *La Badia greca di Grottaferrata e la rivista «Roma e l'Oriente»*. Vol. II. Roma, 1990.

⁸ Об о. Иване Хоменко, проведшем основную часть жизни на Капри, см.: Талалай М.Г. *Русский Капри после Горького* // *Русский исход*. М.: ИВИ РАН, 2005.

⁹ Tretjakewitsch L. *The Candidates for the Russian mission at the Greek college 1922–1929/ Il Collegio Greco di Roma*. Roma, 1983.

Р. 113–123; об о. Сергии Дабиче см. также в статье А. Нивьера в наст. изд. — *Примеч. ред.*

¹⁰ Simon C. Russicum. *Pioneers and witnesses of the struggle for Christian unity in Eastern Europe 2: The first years 1929–1939*. Roma, 2002. P. 62–63. Тех, кто интересуется подлинной, хотя и очень непростой историей Руссикума, можем адресовать к книге отечественного историка и архивиста И.И. Осиповой «В язвах Твоих сокрой меня...»: Гонения на Католическую Церковь в СССР. По материалам следственных и лагерных дел» (М., 1996. С. 103–131).

¹¹ Об истории церкви св. Антония на Эсквiline см. подробнее: Корен А. Реставрация храма преп. Антония Великого в Риме // В пути. 1978. № 15. С. 4–8; Simon C. Russicum... P. 125–135.

¹² Simon C. Russicum... P. 141.

¹³ Более подробно см.: Poggi V. V.I. Ivanov a Roma (1934–1949) // *Europa Orientalis*. 2002. № 1. P. 95–140.

¹⁴ Несколько картин было подарено художником-эмигрантом В.М. Нечитайловым, перешедшим в католичество. — *Примеч. ред.*

¹⁵ См.: Ростислав (Колупаев), игумен. История русского Свято-Успенского женского монастыря в Риме <http://vselenskiy.narod.ru/>, а также Талалай М.Г. Русский монастырь в Вечном Городе // *Час пик*. 2002. 26 дек. С. 12.

¹⁶ <http://www.russiaecumenica.it/Recensioni.asp>

¹⁷ Там же.

*Л*итература
и издательское дело

Н.Н. Примочкина (*Москва*)

ИТАЛЬЯНСКИЕ ТЕМЫ В ПУБЛИКАЦИЯХ ЖУРНАЛА «БЕСЕДА»

Выпуск журнала «Беседа» был одним из самых значительных литературно-издательских начинаний Максима Горького во время его жизни за рубежом.

Глубоко разочарованный политикой большевиков после их прихода к власти, Горький осенью 1921 г. покинул Россию и приехал в тогдашнюю столицу русской эмиграции — Берлин. За границей он сразу начал думать о создании журнала для интеллигентного российского читателя, который из-за революции и Гражданской войны оказался оторванным от культурной жизни Европы. Переговоры о его создании Горький начал вести еще весной 1922 г., но только через год его замысел стал обретать реальные очертания. Литературный и научный журнал «Беседа» выпускался берлинским издательством «Эпоха». Первая книга вышла в июне 1923 г. За два года существования было издано 6 книг журнала. На начальном этапе большое участие в подготовке «Беседы» принимали В. Шкловский и А. Белый, причем последний из них до отъезда осенью 1923 г. в Россию являлся соредктором журнала. В дальнейшем отдел поэзии редактировал В. Ходасевич, отдел прозы — М. Горький, научный отдел — профессор Б. Адлер (до 4-й книги) и Ф. Браун.

В «Бесede» Горький хотел объединить все прогрессивные культурные силы современной Европы, России и русского зарубежья. Он широко раскрыл двери журнала для известных иностранных писателей (Р. Роллан, Дж. Голсуорси, С. Цвейг, Ф. Элленс), одновременно приглашая к сотрудничеству литераторов из Советской России (М. Пришвин, С. Сергеев-Ценский, Л. Леонов, К. Федин, В. Каверин и др.) и зарубежья (А. Ремизов,

М. Осоргин, П. Муратов, Н. Берберова и др.). Таким образом, в «Беседе» нашла свое осуществление горьковская идея «моста», соединяющего два «берега» русской литературы.

Горький не жалел времени и сил на подготовку к печати материалов для «Беседы», одновременно пытаясь добиться, чтобы журнал был допущен в Россию. Он вел долгие и мучительные переговоры об этом с советскими «вельможами» (так он называл в те годы партийное руководство), но все его хлопоты и протесты окончились неудачей. В секретных бюллетенях Главлита «Беседа» характеризовалась как издание идеологически вредное, политически неприемлемое и по духу чисто эмигрантское. Ее обвиняли в организационной близости к меньшевикам и в пропаганде идеалистической философии. Журнал так и не был допущен в Россию, а читательский рынок за границей все более сужался из-за инфляции германской марки и быстрого обнищания эмиграции. В марте 1925 г. «Беседу» в связи с финансовым крахом издательства «Эпоха» пришлось закрыть.

Лежащая в основе журнала «Беседа» концепция отечественной и европейской культуры должна была служить преодолению национальных и государственных границ, духовному сближению России и Запада. Горький мечтал сделать «Беседу» интернациональным органом печати, осуществляющим его заветную идею планетарной культуры, объединения интеллектуальных сил всего мира. Несмотря на стремление писателя как можно шире представить в журнале последние литературные и научные достижения всех стран Европы, в первых номерах мы не найдем материалов, связанных с Италией, ее историей, культурой и литературой. Вероятно, это объясняется тем, что Горький и его соредакторы проживали в то время в Германии. Положение существенно изменилось сразу после переезда писателя в Италию. Горький давно мечтал о жизни в этой солнечной, приветливой стране, которую горячо полюбил еще до революции, во время своего семилетнего пребывания на Капри. После долгих хлопот ему удалось наконец получить въездную визу, и в апреле 1924 г., после долгих скитаний по Европе, писатель вместе со своим семейством прибыл на постоянное жительство в Сорренто, небольшой городок на юге Италии. И сразу в «Беседе» появляются итальянские материалы.

В пятой книге журнала, которая вышла в свет в июне 1924 г., был напечатан небольшой рассказ известного итальянского писателя и драматурга Л. Пиранделло. Новелла «Скалябрино» посвящена излюбленной теме Пиранделло — жизни маленького человека в буржуазном обществе. Римский извозчик Скалябрино из-за своей несговорчивости и дурного характера потерял работу и был вынужден устроиться кучером в похоронное бюро. Во время своей первой поездки на кладбище он задремал, забыл, где находится, и стал по привычке приглашать в карету с покойником живых пассажиров. Этот житейский казус и составил сюжетную основу рассказа, освещенного легкой улыбкой и мягким юмором автора. Появление рассказа итальянского писателя в горьковской «Беседе» не было случайным. Горький высоко ценил реалистический талант Пиранделло-новеллиста. Он ставил итальянского писателя как «мастера маленького рассказа» в один ряд с Мопассаном и Чеховым и советовал редактору одного из советских журналов дать о них литературно-критическую статью, чтобы молодые русские прозаики именно по этим образцам учились литературной технике новеллы¹.

Итальянская тематика еще больше расширяется в следующем, 6–7-м, сдвоенном номере «Беседы». Из-за финансовых затруднений книга вышла только в марте 1925 г., но материалы для нее Горький начал подбирать и редактировать летом и осенью 1924 г. Во-первых, в ней был напечатан фантастический рассказ П. Муратова «Посланник», сюжет которого был тесно связан с Италией. Во-вторых, там же появился лирический очерк Н. Оцупа о жизни простых сельских тружеников Италии — «Поездка в Малагрота».

Горький еще в дореволюционные годы с интересом и вниманием следил за культурно-издательской деятельностью искусствоведа, писателя и переводчика Муратова. По своим убеждениям Горький был «западником», и ему импонировало стремление Муратова включить Россию в общемировую культурный процесс, приобщить русского человека к европейским гуманистическим и художественным ценностям.

В 1922 г. Муратов с семьей выехал по заданию Наркомпроса за границу. Через год он оказался в Риме, а лето 1924 г. решил провести в Сорренто. Здесь-то и состоялось его личное знаком-

ство с Горьким. Свои впечатления от этой встречи Муратов, видимо, сообщил Ходасевичу, а тот, в свою очередь, передал их Горькому в письме от 29 июня: «Сплетня: Вы очень нравитесь Муратову»². Горький ответил Ходасевичу 13 июля: «Познакомился с Муратовым, — очень хороший человек!»³. Письма Горького того времени пестрят именем его нового знакомого. Видимо, тонкий знаток искусства и блестящий эрудит Муратов быстро сумел войти в круг духовных интересов и увлечений писателя. Из переписки Горького видно, что летом 1924 г. они довольно часто встречались, вели беседы об искусстве и литературе. Узнав о намерении художницы В. Ходасевич (племянница поэта) приехать в Сорренто, Горький писал ей 19 июля: «Пойдем в музей, и Муратов нам расскажет интереснейшие домыслы свои о барокко»⁴. О встречах и беседах с Муратовым Горький также сообщал Ходасевичу в письме от 10 августа: «Бывает у меня П.П. Муратов, милый и весьма интересный человек. Сегодня мы с ним хорошо поговорили на тему об антиинтеллектуализме русской прозы и глубоко, оригинальном интеллектуализме поэзии. Добрым словом помянули Вас за стихи в последней книге «С<овременных> З<аписок>»⁵. Возможно, во время одной из подобных бесед с Муратовым возникла и была поддержана Горьким идея переиздания муратовских «Образов Италии» — ведь книга с дополненным 3-м томом вышла в конце 1924 г. в издательстве З.И. Гржебина, очень близком Горькому. И не случайно Гржебин именно Горькому послал ее именной экземпляр. Книга со множеством горьковских помет сохранилась в его личной библиотеке. По этим пометам видно, что писатель перечитывал ее с особым вниманием, отмечая опечатки и неточности, осуществляя стилистическую правку, иногда сомневаясь в правоте автора и внутренне споря с ним (на полях стоят знаки вопроса), чаще сопереживая его восторгам и потрясениям, любясь глубиной и тонкостью его мысли.

Летом 1924 г. Муратов близко сошелся с сыном Горького Максимом. В начале августа они вместе предприняли поездку по маленьким городкам Неаполитанской области, а в начале сентября уехали на мотоцикле в более длительное двухнедельное путешествие по Апулии. Письма и открытки Максима из этой поездки достаточно ярко рисуют одержимого искусством Мура-

това. 6 сентября 1924 г. М.А. Пешков сообщал отцу из Беневенто: «П.П. назначен комендантом», комиссаром путешествия и чекой по борьбе с алкоголизмом. Едем очень хорошо»⁶. 9 сентября Максим писал жене Надежде Алексеевне из городка Трани на Адриатическом побережье: «Сегодня торжественный день; проехали половину дороги 450 вкерт <...> П.П. <...> как и раньше, найдя искомую картину, церковь или статую, посмотрит, сейчас же уйдет и записывает. Только 3 раза он был действительно поражен, да и я тоже. Это — Собор в Troia, Castello-del-Monte и огромный бронзовый рыцарь в Барлетте. Это действительно потрясающие штуки»⁷. Впечатления от этого путешествия легли в основу большого очерка Муратова «Поездка в Апулию», напечатанного в 1925 г. в парижском журнале «Современные записки» (№ 24)⁸.

Вероятно, в это же время, летом-осенью 1924 г., Горький принял в журнал «Беседа» фантастический рассказ Муратова «Посланник». Главный герой рассказа — князь Бельфегор — послан из ада на землю для установления деловых контактов с правительствами европейских стран. Хотя Бельфегор — князь тьмы, это вполне современный господин, безбожный и циничный. Он поселился в резиденции в Париже. В отличие от модных в то время «небоскребов» его «земледыр» на 17 этажей уходил под землю. По приказу своего начальства Бельфегор отправляется в Италию, чтобы подчинить себе Рим и Ватикан. По дороге он останавливается в Милане и Флоренции, осматривает памятники старины и знаменитые музеи. Наконец, в маленьком городке Буонконvento, недалеко от Сиены, он случайно повстречался с бедным приходским священником Доном Серафино из церкви Сант-Анджело-ин-Кампанья. Только этот истинно верующий, «пейзажный» человек, тесно связанный с окружающей природой и с родной землей, почувствовал грозную опасность при виде князя тьмы. Собрав душевные силы, он осенил воздух крестным знамением. Тотчас же в окрестностях Сиены произошло землетрясение, и посланник ада сгинул в образовавшемся земном провале. Так Дон Серафино спас мир от гибели.

Горький не случайно решил напечатать именно этот рассказ Муратова. Прежде всего его должна была привлечь тема произведения. В это время он и сам мечтал сочинить рассказ о черте.

2 мая 1924 г. Горький писал Ходасевичу: «...хочется написать кое-что о почтмейстере, который от скуки жизни выдумал черта, поместил его у себя в кабинете на книжном шкафу, полтора года пил с ним коньяк и философствовал — черт сбежал от него. Сбежишь, знаешь!»⁹. Вероятно, как раз летом 1924 г. Горький и попытался осуществить этот замысел, написав стилизованный, окрашенный иронией рассказ «Правдивое изложение случая с почтмейстером Павловым». Однако писатель остался недоволен воплощением темы и оставил рассказ в «столе». Его реалистический метод сопротивлялся условности, связанной с появлением подобного персонажа. В эстетической системе Горького дьявольское, темное начало могло воплощаться либо в человеческом облике (например, столяра Каллистрата в рассказе «Голубая жизнь»), либо в образе двойника (в «Жизни Климса Самгина») — в обоих случаях в виде галлюцинаций, вызванных расстроенным воображением героя. В фантастико-символическом, очень условном жанре, в котором работал Муратов, подобных трудностей не возникало. Появление черта в его произведении выглядело вполне «органично» и не нуждалось в психологических мотивировках. Замысел условно-фантастического произведения о черте как символе иррациональности мироустройства, абсурдности бытия продолжал волновать Горького и в 1930-е гг. К этому времени относится его набросок плана будущей пьесы под названием «Правдивый рассказ о злодеяниях черта». Судя по списку действующих лиц (диктатор, епископы, генералы, банкиры, промышленники, бандиты, журналисты) и началу их диалога, содержание пьесы во многом перекликалось с рассказом Муратова. Как и «Посланник», замысел Горького был посвящен фантастико-сатирическому изображению пороков современного буржуазного общества.

С Италией жизненно и творчески был тесно связан и другой автор «Беседы» — поэт и критик Николай Оцуп. Он тоже покинул Россию в 1922 г., жил сначала в Берлине, потом переехал в Париж, но, проживая во Франции, постоянно навещался в любимую Италию — источник душевных восторгов и поэтического вдохновения. В годы Второй мировой войны Оцуп был арестован в Италии как антифашист, сидел в тюрьме и концлагере, а

после побега оттуда сражался с фашизмом в рядах итальянских партизан.

Молодой поэт познакомился с Горьким еще в Петрограде в годы революции. В начале 1920-х гг. они не раз встречались в Берлине. Следующий и наиболее важный этап отношений с Горьким – участие Оцупа в его берлинском журнале «Беседа». Привлек поэта к работе в этом журнале его старый знакомый, редактор отдела поэзии «Беседы» Ходасевич. Он высоко ценил талант Оцупа-лирика, считал его одним из самых даровитых поэтов русского зарубежья. Видимо, по инициативе Ходасевича и с согласия Горького во второй и пятой книгах «Беседы» был напечатан ряд стихотворений Оцупа. А в следующей книге журнала появился его очерк о путешествии в Кампанию – сельскую местность в окрестностях Рима.

Летом 1924 г., когда Ходасевич был в Париже, Оцуп передал ему первую редакцию своего очерка «Поездка в Малагрота» для пересылки Горькому. 12 июня 1924 г. Ходасевич извещал писателя, что «на днях» вышлет ему рассказ Оцупа и просил, «когда починив язык», напечатать его в журнале «Беседа»¹⁰. В ответном письме Горький сообщал Ходасевичу, что рассказ Оцупа требует значительной переработки и давал подробные указания, в каком направлении следует работать, чтобы устранить недостатки. «Дорогой Владислав Фелицианович, – писал он 17 июня, – набросок Оцупа, – в том виде, как он прислан, – печатать, на мой взгляд, не следует. Написал Оцуп сухо, бессвязно и небрежно, оставив неиспользованным очень хороший материал. <...> Будьте добры, попросите его переписать набросок. <...> Надо связать течение рассказа, совершенно излишне прерываемое точками там, где достаточно запятых. Фраза – рваная, автор шьет не той иглою. О «белых» ночах Петербурга хорошо сказано, но этого мало. Эскиз требует немножко лирики, побольше пейзажа.

Надеюсь, Оцуп не обидится на меня за эти совершенно необходимые указания и поверит, что они вызваны заботой о его интересах. Очень прошу его переписать рукопись возможно скорее, чтоб она попала в 6-ю книгу»¹¹.

Конкретные замечания Горького по поводу небольшого рассказа Оцупа приобретают особый вес в связи с интенсивными

художественными поисками самого Горького в области прозы в 20-е гг. и требованиями (точность и ясность изложения мысли, пластичность языка, гармоничность построения и т. п.), которые опытный мастер предъявлял к произведениям других молодых авторов.

Оцуп внимательно отнесся к замечаниям Горького, в течение месяца перерабатывал текст и затем отослал новую редакцию в Сорренто. В сопроводительном письме от 1 августа 1924 г. он подробно рассказывал о затруднениях в работе, вызванных его неопытностью в области прозы, а также разъяснял отдельные места очерка, которые вызвали различные мелкие стилистические замечания Горького. Из этого же письма видно, что уже в то время между писателями наметились творческие разногласия, которые были вызваны их разным пониманием природы искусства, различным отношением к художественному слову. Оцуп, прошедший еще в Петербурге школу модернизма и акмеизма, вступил в спор со своим редактором, не во всем соглашаясь с его стилистической правкой. Горьковские эпитеты и определения казались поэту слишком однозначными, чересчур плоскими и «стертыми». «Эпитеты “патриархальный”, “первобытный”, — продолжал он то же письмо, — конечно, очень верно определяют жизнь моих овцеводов, но я избегаю таких прилагательных: они слишком весомы, слишком многое разъясняют. Я даже начинаю думать, что в прозе такие слова очень ценны, но вкусы мои, вероятно, навсегда испорчены стихами, и Вы не сочтете простым упрямством мое нежелание внести в текст эти слова, которые, вероятно, украсили бы другую рукопись»¹².

Новелла Оцупа начинается с описания Рима, его знаменитых фонтанов и площадей. С высоты замка святого Ангела автор любуется панорамой вечного города. Но его неудержимо тянет за город, в римскую Кампанию. Он останавливается на ночлег в местечке Малагрота (в переводе на русский язык означает «Дьявольская пещера»), в доме овцевода, беседует с простыми крестьянами и пастухами. Автор восхищается их трудолюбием, гостеприимством, приветливостью и добротой. Его до глубины души трогает проникновение высокой культуры в народную среду, о чем свидетельствует тот факт, что простые итальянские труженики наизусть читают Данте, знают Вергилия и Леопар-

ди. Когда на рассвете автор в последний раз окинул взглядом окружающую местность, на его впечатления, как на испорченной фотопленке, невольно наложились воспоминания о белых ночах недосыгаемого Петербурга. «Мне кажется, — писал он, — человек, который наденет в Петербурге белой ночью синие очки, увидит все в таком свете, в каком отдыхали холмы и поля Малагрота»¹³. Следует отметить, что немного позже подобный принцип совмещения в одном «кадре» двух реальностей — итальянской и российской — будет блестяще развит в знаменитом стихотворении Ходасевича «Соррентинские фотографии».

Вероятно, вторая редакция очерка Оцуца удовлетворила Горького, и «Поездка в Малагрота» появилась весной 1925 г. в последней книге «Беседы». В следующем номере журнала должны были появиться «Римские сонеты» Вяч. Иванова, где признанный мастер пропел приветственный гимн Вечному Городу. Его стихи были приняты к печати, за них был уже выплачен гонорар. Однако из-за финансовых неурядиц журнал Горького был закрыт, и только по этой причине тема Италии не прозвучала в нем более громко и отчетливо.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 30. С. 270.

² Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН (далее — АГ). КГ-п 83-8-32.

³ Новый журнал. 1952. Кн. 31. С. 195.

⁴ Ходасевич В. Таким я знала Горького // Новый мир. 1968. № 3. С. 32.

⁵ Новый журнал (Нью-Йорк). 1952. Кн. 31. С. 197.

⁶ АГ. КГ-рзн 7а-1-73.

⁷ АГ. ФМП 4-17-31.

⁸ См.: Деотто П. Изгнание и разочарование: отношение П.П. Муратова к Италии // Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии / Отв. ред. Н.П. Комолова. С. 181-190. — *Примеч. ред.*

⁹ Новый журнал. 1952. Кн. 31. С. 201-202.

¹⁰ АГ. КГ-п 83-8-29.

¹¹ Новый журнал. 1952. Кн. 31. С. 193-194.

¹² АГ. КГ-п 55-16-2.

¹³ Беседа. 1925. № 6-7. С. 268.

О.Р . ДЕМИДОВА (Санкт-Петербург)

«ОБРАЗЫ ИТАЛИИ» И ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ (1920–1930-е гг.)

Применительно к Италии и тому месту, которое она занимала в пространстве русской диаспоры в годы между двумя мировыми войнами, известную марксистскую формулу о бытии и сознании пришлось бы читать «наоборот»: для большинства эмигрантов Италия была прежде всего фактом *сознания*, страной, с которой связывался вполне определенный комплекс идей и историко-культурных ассоциаций, а не представления о бытовой стороне повседневности. В Италию принято было ездить, отчасти следуя давно сложившейся и укоренившейся в сознании русского образованного класса традиции, отчасти в силу причин сугубо личного характера: чтобы вернуться в собственное счастливое прошлое и попытаться вновь ощутить себя молодым и полным сил, а будущее – полным возможностей, реализации которых не мешают ни исторические катаклизмы, ни собственный горький опыт. Намерение вполне иллюзорное (и иллюзорность его, как правило, осознавалась отчетливо¹), однако для многих ставшее непреодолимым. Гражданам не существующего более государства хотелось поверить настоящее прошлым (или бытие сознанием?), еще раз оказавшись в стране, «образы» которой давно сделались неотъемлемой частью их духовного багажа. Возможно поэтому для многих Италия была промежуточным пунктом на эмигрантском пути, где не принято долго задерживаться, но без которого не обойтись. Эта коллизия особенно типична для первой половины 1920-х, когда сделалась очевидной невозможность дальнейшей жизни в Германии и начался массовый отъезд из русского Берлина. Лишь для двух известных русских дореволюционных писателей Италия в эти

годы стала конечным пунктом эмиграции: весной 1922 г. поселился в Леванто А.В. Амфитеатров, недолгое время после своего бегства из Советской России в 1921-м проживший в Финляндии и Праге; в 1924 г. в Рим приехал Вяч.И. Иванов, выехавший из Советского Союза легально и долгое время сохранявший советское гражданство². Но и их привели в Италию не столько надежды на будущее, сколько память о прошлом³. (В судьбе Максима Горького Италии суждено было сыграть иную роль: там завершился условно эмигрантский период его жизни, и оттуда он вернулся в Советский Союз.)

В начале сентября 1923 г. по приглашению итальянского славыста Э. Ло Гатто группа российских литераторов и философов выехала из Германии в Италию для чтения лекций в римском Институте Восточной Европы. Среди них были Б.К. Зайцев, знаток итальянской литературы и переводчик дантового «Ада» (окончат. вариант: Париж, 1961⁴), и П.П. Муратов, автор знаменитой книги очерков «Образы Италии» (Т. 1–2. М., 1911–1912; Т. 1–3. Берлин, 1924). Сорок три года спустя в очерке «Книги, книги...» Зайцев вспоминал об этом событии: «Этторе Ло Гатто, давний, испытанный друг России и культуры нашей. Еще в 1923 году, молодой тогда профессор, редактор журнала “Russia”, устроил он в Риме выступление группы русских философов, писателей, ученых под флагом Istituto Europa Orientale. Бердяев, Франк, Вышеславцев, мы с Осоргиным, проф. Новиков, Чупров (младший), Муратов тоже, но читал несколько позже»⁵. Многим из упомянутых приходилось жить в Италии до российской катастрофы, они хорошо знали и любили эту страну, однако понимали, что обосноваться там навсегда вряд ли возможно. Зайцев, например, в это же время хлопотал о французской визе и 19 августа 1923 г. писал И.А. Бунину из Прерова в Париж: «В Ит<алию> мы теперь все-таки едем, но фр<анцузская> виза очень полезна. Не знаю точно, переселимся ли (будет зависеть от дел в Герм<ании>), во всяком случ<ае> я зимой (или осенью) побываю в Париже. Если здесь не успокоится, то придется трогаться дальше, к Вам (жить в Ит<алии> невозможно, конечно)»⁶. По воспоминаниям дочери писателя, Н.Б. Зайцевой-Соллогуб, «вместо того, чтобы возвращаться из Рима в Берлин, папа поехал в Париж осмотреться и привезти нас с мамой»⁷. В.Ф. Хода-

севич сообщал из Берлина о том, что Зайцевы в Италии, но «что дальше — не знают»⁸. Дальше был Париж, куда Зайцевы прибыли 14 января 1924 г., «как оказалось, навсегда»⁹. В Париже в конце концов поселились почти все из участников итальянской поездки: Осоргин жил во французской столице, ставшей с середины 1920-х столицей зарубежной России, с 1923 г.; Вышеславцев и Бердяев — с 1924 г.; Франк после Рима вернулся в Берлин, откуда переехал в Париж в 1937 г.; Муратов жил в Риме до 1927 г.¹⁰, после чего тоже перебрался в Париж.

14 февраля 1924 г. в Италию приехали Ходасевич и Н.Н. Берберова, см. запись в «Камер-фурьерском журнале»: «14, пятница. 3 ½ ч. дня — Венеция. В гостиницу»¹¹. Этому предшествовал довольно длительный период сомнений и неудач, отраженный в письмах к А.И. Ходасевич. «Берлин русский разъезжается, кто куда. Надо ехать и мне. <...> Ехать можно в Париж, в Прагу или в Италию. Париж очень дорог, Прага — бездарное место с совершенно озверелой эмиграцией. Италия всех дешевле и всех дальше от эмигрантщины», — писал он 21 октября 1923 г.¹² Однако «дело с получением итальянской визы запуталось, в Берлине оставаться больше нельзя было»¹³, и Ходасевич уехал в Прагу, где продолжал хлопотать о получении итальянской визы. Прибыв в Прагу 4 ноября 1923 г., он 9 ноября отправился в итальянское консульство, которое в последующие два месяца посещал еще четырежды: 13, 16, 17 ноября и 12 февраля 1924 г. Вероятно, последний визит завершился получением визы, в тот же день были куплены билеты, и на следующий день, 13 февраля, Ходасевич и Берберова покинули Прагу.

В Италии они провели два месяца: с 14 по 22 февраля в Венеции, с 23 февраля по 12 марта в Риме и сутки в Турине¹⁴. Встречались с Муратовым, который водил их по Риму; с Ольгой Синьорелли, хозяйкой самого известного «русского дома» в Риме¹⁵; с бывшим в это время в Риме Н.А. Оцупом (с Оцупом и его женой они вместе выехали из Рима и доехали до Генуи)¹⁶. Берберова в те месяцы открывала для себя Италию — Ходасевич прощался с молодостью. Через несколько десятилетий, когда Ходасевича давно уже не было в живых, она вспоминала: «И вот мы в Италии. Сперва — неделя в Венеции, где Ходасевич захвачен воспоминаниями молодости и где я сначала подавлена, а потом возне-

сена увиденным. Я только частично участвую в его переживании, я знаю, что он сейчас смешивает меня с кем-то прежним. <...> В Венеции Ходасевич был и окрылен, и подавлен: здесь когда-то он был молод и один, мир стоял в своей целостности за ним, еще не страшный. Теперь город отбрасывал ему отражение того, что есть: он не молод, он не один, и никто и ничто не стоит за ним, защиты нет»¹⁷.

К началу 1930-х гг. расстановка сил между центрами рассеяния и обусловленные ею приоритеты определились окончательно: Париж сложился как столица диаспоры, остальные европейские города получили статус более или менее отдаленной провинции; Дальний Восток, Америка и Австралия, где тоже жило немало граждан бывшей Российской империи, в эти годы воспринимались в Париже как глухое захолустье (хотя услугами харбинских и шанхайских издателей, например, парижане отнюдь не пренебрегали). Провинциалы стремились перебраться в столицу или время от времени посещать ее — столичные жители, в свою очередь, ездили в провинцию на отдых и на «гастроли». Италия не составляла исключения.

В эти годы в Италию трижды приезжали Мережковские. Первый визит состоялся в 1934 г. — и тогда же произошла первая встреча Мережковского с Муссолини, о чем Гиппиус писала Злобину 5 декабря: «Ну вот, вчера свершилось это свидание. Мы с Варшерихой проводили Д.С. до дверей palazzo Venezia и ждали в café напротив, погуляв сначала по Капитолию. Очень интересно, Д.С., конечно, emballé [увлечен], главное же — Дук согласился на все, — приехать весной и издать книгу»¹⁸.

Вскоре после отъезда Мережковских в нью-йоркском «Новом русском слове» была опубликована статья упомянутой в письме Гиппиус Т.С. Варшер «О пребывании Д.С. Мережковского в Риме, успехе художника Белобородова¹⁹, затихшей итальянской столице и фризе Ростовцева (письмо из Рима)». В нескольких абзацах, посвященных пребыванию Мережковских в Риме, автор пишет, что «оба они остались в полном восторге от современного Рима, в котором они были в последний раз 30 лет тому назад». Кроме того, Варшер отметила огромную популярность Мережковского-писателя: «Я была поражена той известностью, которой пользуется Д.С. Мережковский. Директор археологи-

ческого шведского института прочел все его произведения от доски до доски; директор нашего института пригласил его посетить институт. <...> В Италии Мережковского знает не только интеллигенция, но и средние люди: банковские чиновники, управляющие гостиницами и т.д. У меня создалось впечатление, что “Леонардо да Винчи” прочли поголовно все мало-мальски читающие, мало-мальски грамотные итальянцы. Сколько раз я слышала: “Зачем Мережковский живет в Париже? Для него столько тем готовых в Риме”...»²⁰.

Летом 1936 г. Мережковские приехали в Италию по приглашению правительства и жили там до конца года, получая от него неплохую субсидию, пока Мережковский работал над книгой «Жизнь Данте»²¹. О состоявшейся тогда второй аудиенции у Муссолини сохранились несколько свидетельств. Прежде всего — письмо Гиппиус Злобину от 24 июня: «К Д. С-чу, действительно, глава отнесся как нельзя лучше, благородно и даже, как говорит ДС, с добротой сильного и глубокого человека. Зять его (ДС имел и с ним свидание) сказал даже, что Италия горда тем, что предоставит возможность жить и работать такому человеку (ДС)»²². В несколько ином тоне вспоминает об этом Л. Иванова: «Муссолини принял Мережковского в Палаццо Венеция и имел с ним длинный разговор. Мережковский вернулся в энтузиазме и рассказывал Вячеславу своим мелодекламаторским голосом, почти вопил:

— Вячеслав, Муссолини — это ма-а-ать! Да, он — ма-а-ать! Вячеслав, он — ма-а-ать! После разговора Муссолини проводил меня до порога, и тут я остановился, обернулся и, прямо ему глядя в глаза, торжественно возгласил: *Duce, io sono un crede-ente!** А он на меня пялит свои глазища и молчит. Он на меня, а я на него. Так и расстались!»²³.

Наконец, эту встречу описал В. Яновский — в гротескно-анекдотическом ключе, вероятно, отражающем не только специфику мировосприятия автора, но и отношение Монпарнаса к итальянским визитам Мережковского: «Он ездил к Муссолини на поклон и получил аванс под биографию Данте. Рассказывал о своей встрече с дуче так:

* Дуче, я верующий! (*um.*).

— Как только я увидел его в огромном кабинете у письменного стола, я громко обратился к нему словами Фауста из Гете: “Кто ты такой? Wer bist du denn?..” А он в ответ: “Пиано, пиано, пиано”.

Можно себе представить, как завопил Мережковский, вывернутый наизнанку от раблепного восторга, что дуче тут же должен был его осадить. <...>

Сам Дмитрий Сергеевич, отнюдь не стесняясь, рассказывал о своих отношениях с Муссолини:

— Пишешь — не отвечают! Объясняешь — не понимают! Просят — не дают!

И это стало веселой поговоркой на Монпарнасе применительно к нашим делам.

Мережковский сравнивал Данте с Муссолини и даже в пользу последнего: забавно было бы прочесть теперь сей тайноведческий труд по-итальянски»²⁴.

В июне 1937 г. Мережковские приехали в Италию в третий раз — для работы над фильмом «Жизнь Данте», сценарий которого, написанный Мережковским, был представлен министром иностранных дел Муссолини. Однако аудиенция не состоялась, и 29 августа Гиппиус не без разочарования сообщила Злобину: «Х[озяин]а не добиться, и боюсь, вообще, что пора “кончать роман”»²⁵. С 22 июля по начало сентября Мережковские прожили на вилле в Рока ди Папа, которую нашли им Ивановы. Вилла находилась недалеко от Рима, и Мережковские могли достаточно часто встречаться с Вяч. Ивановым в его римском доме на виа Монте Тарпео — и дом, и встречи Гиппиус по возвращении описала в статье «Поэт и Тарпейская скала»²⁶. Римская обитель поэта сравнивается со знаменитой петербургской «башней», а атмосфера дома — с насыщенной поэзией атмосферой Серебряного века: «Но особенно воскресала “башня”, когда речь заходила о поэзии, о стихах. Мы привезли в Тарпейское уединенье несколько томиков современных парижских поэтов. Утонченнейший их разбор, давший повод к длинным разговорам о стихах, о стихосложении вообще, — как это было похоже на В.И. тридцать лет тому назад!» Словно возвращаясь к мировоззренческим установкам периода «башни», Гиппиус не без грусти (хотя, возможно, и не без кокетства) признает: «Живущие на Тарпейской скале счастливее многих из нас (то есть парижан. — О.Д.)», по-

скольку «искусство требует мира и тишины», а «нам некогда слушать голос муз, мы слушаем радио...»²⁷.

Другой сюжет, связанный с посещением Италии, — гастроли русских артистов, широко освещавшиеся как в европейской, так и в эмигрантской прессе. В заметке «Н.Н. Евреинов в Италии» парижские «Последние новости» сообщали 4 марта 1929 г.: «Н.Н. Евреинов уехал в Италию для руководства постановкой своей пьесы “Театр вечной войны” у Татьяны Павловой²⁸, гастроллирующей, со своей труппой, в Милане. Пьеса Н.Н. Евреинова переведена на итальянский язык поэтессой Раисой Нальди и пойдет в декорациях художника Льва Зака». Неизменным успехом пользовался в Италии русский балет, сообщения о триумфальных гастролях которого появлялись не только в европейских, но и в американских газетах: «Турнэ дягилевской труппы по Италии, организованное Исходловым и Дашевским, превратилось в триумфальное шествие русского балета. Первые успехи в Комо и Милане, шумные аплодисменты в Венеции и Болонье, бесконечные овации и вызовы во Флоренции. В каждом городе приходится давать добавочные спектакли, все билеты распроданы были задолго до дня спектакля»²⁹. «После Шаляпина и труппы Южного в Италии гастроллирует русский балет. Спектакли дягилевской труппы проходят с грандиозным успехом. <...> В апреле — вдохновенная (так! — О.Д.) успехом дягилевцев — приезжает в Италию русская балетная труппа из “Театра Елисейских Полей”, руководимая З. Эпштейном»³⁰. В этой же статье сообщается об успехе певца Г. Мельника в Неаполе, об удачной постановке Залесским «Проданной невесты» Бедржиха Сметаны в театре Ла Скала (сообщение звучит вполне по-американски: «Залесский с честью выдержал испытание, и “Проданная невеста” стала одним из боевиков Скалы»), о концертах сопрано Н. Свиляровой и баса Г. Ланского, о «свежей и оригинальной» музыке, написанной Д. Амфитеатровым для постановки «Победы Нью-Йорка».

В начале января 1935 г. «Последние новости» писали о постановке «Князя Игоря», осуществленной Шаляпиным в Неаполе: «Впервые в Неаполе поставлена была опера Бородина “Князь Игорь”». Оперу ставил сам Шаляпин, прошедший с участниками все роли и установивший все мизансцены. В честь русского пев-

ца спектакли были обставлены с исключительной пышностью. Хор в 100 человек, оркестр в 120 музыкантов. <...> Опера прошла четыре раза при переполненном зале. Шаляпин исполнял обе роли — Галицкого и хана Кончака. Восторг неаполитанцев был настолько велик, что муниципалитет решил выбить в память пребывания певца в Неаполе специальную золотую медаль»³¹.

В «Возрождении» в октябре 1935 г. появилась статья «Итальянский журнал о русских артистах», представляющая собой пересказ обзорной статьи из итальянского литературно-театрального журнала «Ла Новелла», посвященной гастролям русских артистов в Италии в прошедшем сезоне. В статье с неизменно высокой оценкой упоминаются выступления Шаляпина в «Князе Игоре» («Художественность его исполнения превосходит все виденное и слышанное со времен Карузо»), гастролы труппы Театра Елисейских Полей, выступления Стравинского (флорентийские гастролы которого признаются «кульминационным моментом минувшего музыкального сезона»), Д. Амфитеатрова, Горовица, выставки картин проф. Браиловского³², князя Трубецкого и Исупова³³. Статья в итальянском журнале завершается фразой, которую с удовольствием повторяет анонимный корреспондент «Возрождения»: «Русское искусство очаровало Италию».

На столь ослепительном писательски-артистическом гастрольном фоне жизнь русской колонии в Италии представлялась весьма скромной и освещалась довольно слабо, при этом к ней не обращались ни Амфитеатров, ни Вяч. Иванов, имена и дореволюционная известность которых были сопоставимы с именами и известностью их парижских коллег. Иванов, соблюдая условия, поставленные ему при выезде из Советского Союза³⁴, вообще долгое время не выступал в эмигрантской печати — его первая публикация появилась в «Современных записках» лишь в 1936 г., после отказа от советского гражданства. Амфитеатров, широко сотрудничавший в периодических изданиях эмиграции, вероятно, не считал жизнь русских в Италии достойной внимания³⁵ (впрочем, он неизменно способствовал появлению в газетах диаспоры сообщений о членах собственной семьи, неустанно пропагандируя творчество своей жены и своих сыновей³⁶). О

«делах и днях» русских в Италии писали не столь прославленные авторы.

Одним из них был писатель и журналист Михаил Константинович Первухин (псевд. Староверов; 1870–1929), бывший редактор российской газеты «Крымский курьер». В 1907 г. Первухин уехал в Италию, жил на Капри (где посещал Горького, о чем опубликовал два очерка³⁷) и в Риме, был итальянским корреспондентом российских «Биржевых ведомостей», «Речи», «Русской мысли», сотрудничал в ряде итальянских газет³⁸. В 1921–1922 гг. писал для берлинских «Русской книги» и «Новой русской книги», а прежде, в 1920–1921 гг., — для парижских «Последних новостей», где в рубрике «Среди эмигрантов» регулярно помещались его корреспонденции о различных сторонах жизни русской колонии в Италии: о работе римского Комитета помощи проживающим в Италии русским³⁹, о русской библиотеке им. Гоголя, о русской колонии на Капри, о создании в Риме Русского музыкально-литературного кружка и проч.⁴⁰ Корреспонденции Первухина позволяют установить численность римской русской колонии начала 1920-х гг. («до пяти тысяч русских»), уровень занятости и род занятий («некоторым, владеющим специальными техническими знаниями, удается, после долгих поисков, найти себе занятия с очень скромным заработком, немногие добывают себе средства существования физическим трудом»), дают представление об общем уровне жизни («В общем чувствуется в жизни русских в Риме большая нужда»; «Каприйцы в буквальном смысле слова голодают. Печальные вести приходят и из других русских колоний, рассеянных по Италии»).

Другим итальянским корреспондентом «Последних новостей» в эти годы был Константин Константинович Лозина-Лозинский, писавший о жизни русских в Неаполе, Флоренции и других городах. Вероятно, первая из его корреспонденций была опубликована 26 мая 1920 г. (№ 25). Называлась она «Русские в Италии» и содержала сведения о сравнительной стоимости жизни на Капри, в Риме и Флоренции («на Капри <...> есть русские пансионы, в которых можно устроиться сравнительно дешево: за 10–12 лир в день. Во Флоренции и в Риме неизмеримо дороже обходится жизнь») и об образовании во Флоренции Ко-

митета помощи русским эмигрантам, во главе которого стал «русский консул гр. Мусин-Пушкин»⁴¹. В статье «Русские во Флоренции» автор подробно описал состав флорентийской колонии и условия ее существования: «Колонию составляют преимущественно русские, жившие здесь еще до войны и большей частью имевшие здесь собственность. Но революция сильно отозвалась на них, и теперь наиболее богатые — все представители нашей аристократии — живут, распродавая свое имущество, а многие остались совсем без средств. <...> Причиной того, что русская колония во Флоренции почти не пополняется новыми членами, служит отчасти то, что здесь жизнь, хотя и относительно дешевле, чем где бы то ни было, но зато труднее, чем где бы то ни было, достать работу»⁴².

После 1922 г. рубрика «Среди эмигрантов» перестала существовать, Первухин уехал в Берлин, и сведения о жизни русских в Италии стали появляться на страницах газеты значительно реже.

29 января 1933 г. в рижской газете «Сегодня» была опубликована статья «Учебные годы итальянской королевы Елены и ее сестер», подписанная криптонимом «Б.Х.» (Б. Харитон?). Речь в статье шла об одной из дочерей черногорского князя Николая Негоша, Елене, получившей воспитание в Смольном институте и в 1896 г. вышедшей замуж за итальянского престолонаследника, который в 1900 г. сделался итальянским королем. Статья заканчивалась следующим пассажем: «К сожалению, нет сведений о том, проявляла ли королева Елена какое-либо внимание к смолянкам после большевицкого переворота, когда многие бывшие воспитанницы Смольного института очутились за рубежом и большинство из них к тому же в большой нужде». Через две с небольшим недели, 17 февраля 1933 г., в газете появился ответная статья Татьяны Сергеевны Варшер «Королева Елена не забывает русского гостеприимства». Варшер, считая «своим долгом довести до сведения», что ей было известно «по данному поводу», писала: «Я знаю о трех смолянках, проживающих в Риме. Одна замужем за итальянцем, ни в какой поддержке не нуждается, королева относится к ней именно как бывшей товарке по учению. Другая — имеет дочерей и зятя, сама работает и выкручивается в нелегкой жизни. Третья — пожилая одинокая женщина, живет всецело на иждивении королевы».

Кроме того, Варшер рассказала о разнообразной помощи, которую королева Елена оказывала русским эмигрантам: о неизменных подарках русским к Пасхе, о поставках в русскую столовую от королевского двора, о больном русском полковнике, долгие годы жившем на средства королевы, и о трагическом случае с получившей тяжелые ожоги женой русского поручика М., которую королева распорядилась перевести «в самую дорогую частную клинику», где посещала ее почти ежедневно, следя за ходом лечения (полторагодовалого ребенка г-жи М. брали на это время во дворец). Эта часть статьи начинается и завершается фразами, позволяющими рассматривать ее не только как ответ на вопрос рижского корреспондента, но и как своеобразный упрек тем, кто, не живя в Италии, мало знает о жизни итальянской ветви диаспоры и не очень ею интересуется: «Надо жить в Риме, чтобы знать, сколько помощи и внимания оказывает королева русским эмигрантам»; «Знать это можно, только живя в Риме».

Вероятно, одной из последних публикаций в межвоенной эмигрантской печати, посвященных русским в Италии, стал путевой очерк А. Перова «Русские в Италии»⁴³. Автор, объехавший всю Италию, рассказывает о том, где в этой стране живут и чем занимаются русские. «Не говоря о Риме, Генуе, Неаполе, Милане, Флоренции, Сан-Ремо, где имеются более или менее значительные русские колонии, со своими церквями и приходами», он встречал русских и в таких «второстепенных» городах, как Палермо, Катания, Сиракузы. Через полчаса после прибытия журналиста в Сиракузы к нему в гостиницу явился русский — начальник местной метеорологической базы; в Палермо он познакомился с русским врачом, получившим образование в Италии и собиравшимся в Шанхай «для борьбы с эпидемиями». В Неаполе ему повстречались русские из Риги: студенты университета и служащие местного представительства американской радиоконпании. Владельцем отеля в Сан-Ремо оказался «бывший одесский градоначальник ген. Есаулов».

При всей поверхностности публикации, заданной избранном жанром и типичной для «Нового русского слова», в целом в ней представлен не только широкий географический, социальный и профессиональный спектр («русские в Италии большей частью — бывшие офицеры, художники, музыканты, есть и студен-

ты, коммерсанты»), но и — что было не частым явлением — идет речь о двух различных группах русских, держащихся в стороне друг от друга. Первая — те, кто бывал/жил в Италии до революции и те, кто тяготеет к католичеству или перешел в католическую веру. К этой группе автор относит потомков древних аристократических родов, «недавно скончавшегося художника профессора Браиловского, сделавшего ценный вклад в ватиканскую сокровищницу искусств, похороненного по католическому обряду» и Вяч. Иванова. Вторая группа — «послевоенного происхождения», держащаяся православной веры и менее обеспеченная. Впрочем, в отличие от итальянских корреспондентов начала 1920-х гг., Перов не увидел в русской колонии откровенной нужды: «Все более или менее устроены. Работают, учатся, терпеливо ждут перемен в своей судьбе. И думают о России»⁴⁴. Иными словами, ничуть не отличаются от множества русских, живущих в других странах рассеяния.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр., письмо В. Ходасевича В. Лидину из Венеции от 18 марта 1924 г.: «Пока что — хожу по Венеции, в которой не был 12 лет. Она все такая же, да уж я не тот. Для Венеции нужна беззаботность, точнее — способность предаваться чистому лиризму (любой окраски). А вот это и поубавилось». Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 471.

² О втором итальянском периоде жизни Амфитеатрова см.: Амфитеатров и Савинков: Переписка 1923–1924 / Публ. Э. Гарэтто, А.И. Добкина, Д.И. Зубарева // Минувшее: Исторический альманах. Т. 13. М.; СПб., 1993. С. 73–158; раздел «Из личных архивов», посвященный итальянским годам жизни писателя (ред.-сост. Э. Гарэтто) // Минувшее. Т. 22. С. 339–621 (а также статью Э. Гарэтто в наст. изд. — *Примеч. ред.*); об итальянском периоде жизни Вяч. Иванова см.: И в а н о в а Л. Книга об отце. Воспоминания. М., 1992. С. 129–298.

³ См., напр., статью В.Н. Ильина «Вячеслав Иванов»: «В 1924-м начинается страннический, изгнаннический период жизни, как и для огромного большинства русской элиты. Как и следовало ожидать, местом своей новой родины он избрал Италию» (курсив мой. — *О.Д.*). (Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. М., 1997. Т. 1: Писатели русского зарубежья. С. 188. (Впервые: Новый журнал (Нью-Йорк). 1972. Кн. 107)). См. также письмо А.В. Амфитеатрова к А.Ф. Да-

манской от 27 ноября 1922 г.: «Направляющихся в Италию удерживайте всеми возможными убеждениями. Лира растет, но цены не падают, а разница между лирой и низшими валютами становится все убийственнее». (Архив русской и восточно-европейской истории и культуры (Бахметевский) Колумбийского университета (далее – BAR)). Mss Damanskaia. Vox 1. Correspondence. Amfiteatrov.

⁴ Зайцев приступил к переводу в 1913 г. по совету Муратова и работал над переводом почти 50 лет, о чем после окончания работы вспоминал в «Днях» (дневниковых записях 1939–1945 гг.), ср., напр.: «В 1913 году мой друг, знаток и любитель Италии П. Муратов, подбил меня взяться за “Божественную Комедию” <...> Я переводил “Ад” пять лет. Из Приемыкина он переехал в скромной рукописи, испещренной поправками, в Москву, из Москвы в 22-м ушел на Запад, в Париже во время немецкого владычества и англо-американских бомбардировок спускался в подвалы, но выходил невредим. Еще год я проверял строчку за строчкой перевод <...> Умер Муратов, умер Некрасов, первый довоенный издатель, – не успев издать. Умер Гржебин – второй издатель, тоже не издавший, скончалась уже здесь Т.С. Конюс-Рахманинова, у которой было в Париже издательство “Таир”, – и она собиралась Данте издавать, но издательство закрылось. А вот рукопись цела, теперь вся набрана и сверстана, много листов напечатано и как будто осенью выйдет». (Зайцев в Б.К. Непреходящее // Зайцев Б.К. Собр. соч. Т. 9 (дополнительный). М., 2000. С. 376. (Впервые: Русская мысль (Париж). 1961. 17 сент. № 1736).

⁵ Впервые: Русская мысль (Париж). 1966. 24 февр. № 2430; цит. по: Зайцев Б.К. Собр. соч. Т. 9 (доп.). С. 420.

⁶ Зайцев Б.К. Собр. соч. Т. 11 (доп.). М., 2001. С. 13.

⁷ Зайцева-Соллогуб Н. Я вспоминаю...: Устные рассказы. М., 1998. С. 15.

⁸ Ходасевич В.Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 465 (письмо из Берлина от 21 окт. 1923).

⁹ Зайцева-Соллогуб Н. Я вспоминаю... С. 15.

¹⁰ О римских встречах с Муратовым писала Л. Иванова: «Чуть ли не самый первый человек, которого мы встретили в Риме, был наш милый, верный друг и талантливый писатель Павел Муратов. Он был маленького роста, но смелый, средневеково-рыцарский романтик. Друзья звали его Патя. Он жил около пьядца дель Пополо с сыном и женой. <...> К Муратовым каждую неделю заходили русские друзья, жившие тогда в Риме. Из них помню прежде всего художника Григория Шилтьяна с красавицей женой Лилей. <...> Ходил к Муратову и художник Бренсон, латыш. <...> Ходила к Муратовым Косовская с двумя мо-

лоденькими дочерьми Верой и Наташей». (Иванова Л. Книга об отце... С. 152, 153).

¹¹ Ходасевич В.Ф. Камер-фурьерский журнал (далее – КФЖ) / Вступ. ст., подгот. текста, указатели О.Р. Демидовой. М., 2002. С. 55.

¹² Ходасевич В.Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 464. В двух ответных открытках, датированных 31 октября 1921 г., А.И. Ходасевич писала ему: «Удивляюсь твоим планам – если трудно в России, то не менее трудно в Италии»; «Твой переезд в Италию меня удивляет – где же ты там будешь работать?» (Там же. С. 667).

¹³ Письмо А.И. Ходасевич из Мариенбада от 7 ноября 1923 г. // Ходасевич В.Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 468.

¹⁴ КФЖ. С. 55–57.

¹⁵ О ней см.: Письма Н.С. Гончаровой и М.Ф. Ларионова к Ольге Ресневич-Синьорелли / Публ. Э. Гарэтто // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 5. М., 1991. С. 165–182.

¹⁶ «12, суб<бота>. В 10 1/2 из Рима, с Оцупами до Генуи» (КФЖ. С. 56).

¹⁷ Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография. М., 1996. С. 249, 250.

¹⁸ Из переписки З.Н. Гиппиус / Ред. Т. Пахмусс. Мюнхен, 1972. С. 249. Речь идет о книге Мережковского «Иисус Неизвестный» (Белград, 1932), помощь в издании перевода которой на итальянский язык предложил Муссолини.

Варшериха – Варшер Татьяна Сергеевна (1880–1960), археолог, участница раскопок в Помпеях, была связана с Немецким археологическим институтом и Американской академией в Риме; журналистка, мемуаристка, автор книги воспоминаний «Виденное и пережитое (в Советской России)» (Берлин, 1923); итальянский корреспондент нескольких европейских изданий эмиграции.

¹⁹ Л. Иванова причисляет акварелиста, графика и архитектора Андрея Яковлевича Белобородова (1886–1965) к «постоянным римским жителям» и постоянным посетителям дома Ивановых в Риме, см. о нем: Иванова Л. Книга об отце... С. 238, 239; Лейкин О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я. Художники русского зарубежья... С. 126–128. (о Белобородове см. также статью А.Б. Шишкина в наст. изд. – *Примеч. ред.*).

²⁰ Новое русское слово (Нью-Йорк) 1935. 10 февр. № 8049.

²¹ «Летом 1936 г. они приехали по приглашению правительства, и жизнь их в Италии была хорошо обеспечена на шесть месяцев, так как Мережковскому был предложен контракт для книги о Данте» (Иванова Л. Книга об отце... С. 241. (Подробнее см.: Додеро Коста М.Л.

О книге Мережковского «Данте» // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 82–88. — *Примеч. ред.*).

²² Из переписки З.Н. Гиппиус... С. 257.

²³ Иванова Л. Книга об отце... С. 241–242.

²⁴ Яновский В. Поля Елисейские: Книга памяти. Нью-Йорк, 1983. С. 136, 137.

²⁵ Из переписки З.Н. Гиппиус... С. 299. Вероятнее всего, цитируемая Яновским фраза Мережковского, сделавшаяся крылатой, относится ко времени его третьего визита в Италию.

²⁶ Иллюстрированная Россия (Париж). 1938. 1 янв. № 2 (660). Расширенный вариант: Почти — рай. Встречи с Вячеславом Ивановым в Риме (Из итальянских впечатлений) // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1938. 22 янв. № 9128.

²⁷ Иллюстрированная Россия. С. 3.

²⁸ Артистке Татьяне Павловне посвящена статья М.Г. Литавриной в наст. изд. — *Примеч. ред.*

²⁹ Триумф русского балета в Италии (Письмо из Рима) // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1935. 9 марта. № 8076.

³⁰ «Русские артисты — желанные гости в Италии» (Письмо из Милана) // Там же. 1935. 4 апр. № 8102. (Заметка является кратким пересказом статьи Ч. Ломбарди, опубликованной в итальянском театральном еженедельнике «Иль мондо иллюстрато» («Il Mondo Illustrato»)).

³¹ Шаляпин в Неаполе // Последние новости (Париж). 1935. 9 янв. № 5039.

³² Акварелист, театральный художник и архитектор Леонид Михайлович Браиловский (1867–1937) жил в Риме с 1925 г.; в 1933 г. основал Музей русского религиозного зодчества при Конгрегации восточных церквей в Ватикане; при содействии папы Пия XI Ватикан приобрел коллекцию акварелей работы Браиловского и его жены Р.Н. Браиловской (урожд. Шмидт; 1877–1959); о Браиловских см.: Лейкин Д.О., Махров К.В., Северюхин Д.Я. Художники русского зарубежья... С. 170–173.

³³ Вероятно, ошибка: речь идет о скульпторе кн. Павле (Паоло) Петровиче Трубецком (1866–1938) и живописце Алексее Владимировиче Исупове (1889–1957); см. о них: Лейкин Д.О., Махров К.В., Северюхин Д.Я. Художники русского зарубежья... С. 305, 306; 570–572. (О П. Трубецком см. статью М.С. Сосницкой в наст. изд.; заметим, что фамилия художника Исупова на итальянском писалась с удвоенным «с»: Issupov. — *Примеч. ред.*).

³⁴ См., напр., его письмо И.Н. Голенищеву-Кутузову от 24 апр. 1930 г.: «Предпочитаю быть верен своему обещанию, в силу которого был от-

пущен за границу — не участвовать в эмигрантской печати» (Иванова Л. Книга об отце... С. 182).

³⁵ Кроме того, как он писал Ф.А. Даманской в письме от 26 июня 1922 г.: «К русским у меня сейчас развивается компатриотофобия» (BAR. Mss Damanskaia. Voh 1. Correspondence. Amfiteatrov).

³⁶ См., напр., рассказ внебрачной дочери Амфитеатрова Сабины о бегстве из Советской России (За свободу! (Варшава). 1923. 12 июля. № 153 (894) — перепечатка из краковской газеты «Иллюстрированы курьер подзенны»); рецензию на итальянский перевод очерков И.В. Амфитеатровой «Птицы в клетке», вышедший в Милане в 1923 г. (Там же. 1923. 10 февр. № 32 (773)), статью о старшем сыне от второго брака композиторе Д. Амфитеатрове «Молодой русский композитор» (Там же. 1924. 16 апр. № 157 (1212) — пересказ статьи о нем из римской «Эпохи»); заметку «Д.А. Амфитеатров» (Возрождение. (Париж). 1937. 16 янв. № 4061); заметку «М. Амфитеатров» о младшем сыне писателя, виолончелисте (Там же. 1932. 22 марта. № 2485) и др. См. также письмо Амфитеатрова А.Ф. Даманской от 27 окт. 1922 г.: «Посылаю Вам объявление о выходящей книге, которую написала юная дебютантка, по имени Иллэрия Владимировна» (BAR. Mss Damanskaia. Voh 1. Correspondence. Amfiteatrov).

³⁷ У М. Горького на Капри // Одесские новости. 1907. 11 авг. № 73302; I Russi a Capri — Massimo Gor'kij // Le pagine dell'isola di Capri. 1923. № 1.

³⁸ Подробнее о нем см.: Русская книга (Берлин). 1921. № 1. С. 28; № 3. С. 26; Новая русская книга (Берлин). 1922. № 3. С. 39; Минувшее: исторический альманах. Вып. 8. М., 1992. С. 109, 110 (о Первухине см. также: Гардзон и о С. Михаил Первухин, летописец русской революции и итальянского фашизма // Культура русской диаспоры: саморефлексия и самоидентификация. Тарту, 1997. С. 38–53. — *Примеч. ред.*).

³⁹ Председателем комитета в 1920 г. был избран К.Л. Вейдемиллер. Материальную основу деятельности комитета составили деньги, полученные по согласованию с посольством от ликвидации имущества и запасов римского отдела русского Красного креста, после чего комитету удалось получить в одном из банков заем в 50 тыс. лир и у г. Скидельского заем в 200 тыс. лир; кроме того, были небольшие поступления от организованных комитетом вечеров, концертов, чаев и т.п. При поддержке комитета в Риме действовала дешевая столовая, дававшая от 30 до 60 обедов в день, причем значительную часть — бесплатно; убыток покрывался ежемесячным пожертвованием в 500 лир от княгини Абамелек-Лазаревой. Кроме того, при комитете был организован дамский

кооператив по пошивке белья, помощь которому оказывал Скидельский, и сапожная мастерская.

⁴⁰ См.: Русские в Италии (От нашего римского корреспондента) // Последние новости. 1920. 1 июня. № 30; Комитет помощи русским в Италии // Там же. 1920. 2 июня. № 31; Из жизни русской колонии в Италии // Там же. 1920. 13 июля. № 66; Русская колония в Италии (От нашего корреспондента) // Там же. 1920. 23 июля. № 75; Италия и Россия (Письмо из Рима) // Там же. 1921. 7 июля. № 374 и др.

⁴¹ Специальный комитет во Флоренции был образован потому, что римский комитет, «за неимением средств», прекратил высылку денег беженцам, жившим во Флоренции, см.: Комитет беженцев в Риме // Последние новости. 1920. 18 мая. № 18; Русские во Флоренции // Там же. 1920. 13 июня. № 40.

⁴² Последние новости (Париж). 1920. 13 июля. № 40.

⁴³ Новое русское слово (Нью-Йорк). 1937. 26 окт. № 9032; подзаголовок: Из путевых впечатлений. Кроме того, 13 февраля 1938 г. в этой же газете была опубликована статья С. Коссова «У дочери Льва Толстого в Риме», представляющая собой развернутое изложение интервью с Т.Л. Сухотиной-Толстой, которая в то время заканчивала книгу воспоминаний о детстве в Ясной Поляне.

⁴⁴ Статья заканчивается пушкинскими строками: «И хоть бесчувственному телу / Равно повсюду ислевать, / Но ближе к милому пределу / Мне все б хотелось почивать».

СТЕФАНО ГАРДЗОНИО (*Пиза*)

РУССКАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ ПОЭЗИЯ В ИТАЛИИ

Общий обзор

Творчество русских поэтов-эмигрантов в Италии представляет собой малоизвестное, но, безусловно, интересное явление. В данном очерке я охарактеризую его в общем виде, подводя итог личного многолетнего изучения данного вопроса, и в то же самое время намечу перспективу будущих поисков и дополнений.

Прежде всего стоит уточнить, что именно имеется в виду под понятием «русская эмигрантская поэзия в Италии». Я сосредоточу внимание на творчестве тех поэтов, для которых Италия стала второй родиной, которые окончательно переселились в Италию после Октябрьской революции и здесь творили и печатались. Среди них есть поэты старшего поколения, уже печатавшиеся в России, и поэты помоложе, начавшие свой творческий путь только за рубежом. Что касается временных ограничений, то в данном очерке я коснусь лишь первой волны русской эмиграции из Советской России.

В действительности русская эмиграция в Италии — это феномен, появившийся уже после революции 1905 г. В большом контингенте политэмигрантов, чаще всего социал-демократов и эсеров, были и писатели. В русской колонии в Италии оказались такие маститые авторы (почти исключительно прозаики), как Максим Горький, Александр Амфитеатров, Михаил Осоргин, Михаил Первухин и многие другие. Были и поэты, временно жившие в Италии, как, например, Алексей Лозина-Лозинский или стихотворец-революционер Михаил Рывкин. Поскольку после амнистии 1913 г. большинство русских политэмигрантов вернулись на родину, трудно выделить особую эмигрантскую ли-

тературу, еще труднее поэзию как специфическое социальное и художественное явление.

Утверждение советской власти в России в корне изменило положение. С этой точки зрения стоит отметить первый, насколько мне известно, сборник русских стихов, изданный в Италии, — книжку Марии Анисимовой «Стихи» (Рим, 1920).

Вот что писал об этом сборнике писатель-эмигрант Михаил Первухин: «Рассеявшиеся по белому свету русские писатели находят себе приют на чужбине. За последнее время за границей организовалось несколько русских издательств, а раньше существовавшие русские издательства оживили свою деятельность. Выпускаются покуда, главным образом, русские классики, но делаются попытки печатать произведения и живущих авторов. К числу таких попыток <...> относится выпуск в Риме маленькой книжки стихотворений г-жи Анисимовой. Автор уже известен русской публике по стихотворениям, появившимся в одном из лучших русских журналов, в «Вестнике Европы» <...>. Это уже одно хорошо рекомендует г-жу Анисимову. Стихотворения молодого автора не имеют ничего общего с злободневностью: и по вложенной в них идее, и по форме — это чистая лирика. У автора <...> много глубокого, хорошего, теплого женского чувства, и много чувства природы <...>, он не мог избежать проявления чувства тоски русского, оторванного от родины»¹.

Сборник Анисимовой строится как лирический цикл. Первая часть состоит из итальянских стихов (Рим, Фраскати, Флоренция, Венеция), потом развивается лирический любовный диалог, отмеченный ностальгией и усталостью. Стихи традиционные, не всегда безупречные, вообще без особой оригинальности. Вот описание прогулки по вилле Боргезе (Villa Borghese) в Риме: «С утра до вечера в молчанье / Брожу по вилле и ловлю / В фонтанов ласковом журчанье, / В листов таинственном шептанье, / Знакомый голос, что люблю. // Здесь, что ни шаг — воспоминанье, / Здесь я душой отраду пью, / Забыв недавнее изгнанье, / Безцветных дней чередованье / В постылом и чужом краю».

А вот картина Венеции: «Не знаю — во сне ли то было: / Над нами светила луна, / Гондола бесшумно скользила / По спящим каналам темна».

И наконец, впечатления о посещении флорентийского монастыря Сан-Марко: «За монастырскою стеной охватить вновь / Забытое на миг. О, если б просто, свято / Прожить свой век, одну лишь ведаю любовь / И верую душой, как Фра Беато!». Здесь, кстати, интересная «переводная» рифмовка-тавтология: свято/Беато (по-итальянски beato – блаженный).

О поэтессе и о ее дальнейшей судьбе ничего неизвестно. Скорее всего можно отождествить ее с Марией Захаровной Анисимовой (урожд. Сумовской), которая впоследствии жила в Белграде и там умерла в 1929 г.²

После разгрома Белой армии Италия тоже стала принимать новую волну русской эмиграции. В традиционных ее центрах – Риме, Неаполе, на Капри и на Лигурийском побережье, во Флоренции – там, где действовали русские общественные организации взаимопомощи или существовали церковные общины, развиваются разные формы культурной жизни, в том числе и литературной. Сказанное касается в первую очередь римской колонии, где действовало Русское собрание и где, среди прочего, в 1921 г. существовал русский книжный магазин «Слово»³.

Из писателей старшего поколения в Риме некоторое время жил А.П. Воротников, из молодых – Нина Петровская и Валентин Парнах, однако они не прижились в Италии. Окончательно переселился в Италию Николай Платонович Карабчевский (умер в Риме в 1925 г.)⁴. Он писал и стихи. Вот, например, его «Молитва», написанная в Риме в 1922 г.: «Боже Великий, Предвечный, Всесильный! / Мощь твою смертному дай разуместь! / Милостью Щедрый, любовью Обильный! / Вере моей повели не слабеть! // К жизненному бременю будь мне Помогой, / Слух преклони Ты к молениям моим! / Трудно идти незнакомой дорогой, / Путь укажи к высотам неземным! // Не по заслугам ищю я спасенья, – / Милости, милости жажду Творца! / Благодать отмщенья и благодать прощенья, – / Все в твоей власти!.. Ты мощь без конца!»⁵.

В магазине «Слово» некоторое время работал эмигрировавший в Италию в 1920 г. Василий Александрович Сумбатов, несомненно интересный поэт, чье творчество в последние годы вернулось на родину⁶. Василий Сумбатов – автор трех сборников: «Стихотворения» (Мюнхен, 1922), «Стихотворения» (Милан,

1957) и «Прозрачная тьма» (Ливорно, 1969). Печатался в эмигрантской прессе с 1920-х гг.

Его творчество, как уже отмечалось, глубоко пронизано русской поэзией XIX в. от Пушкина до Лермонтова и Тютчева. Критик и поэт Юрий Трубецкой писал: «Читая его <Сумбатова> стихи, невольно вспоминаешь таких поэтов, как Фет, даже Случевский. Иногда поэтов “пушкинской поры”»⁷.

Одновременно в стихах Сумбатова явно различимы отзвуки поэзии модернизма — от музыкального стиха Константина Бальмонта, не без некоторой присущей ему шаблонности, до поэзии Александра Блока. Что касается Блока, то в первый сборник 1922 г. Сумбатов включил вместе с богатым лирическим циклом поэму «Без Христа» — ответ блоковским «Двенадцати». Поэма строится как сложный спор-диалог с Блоком и представляет собой интересную попытку возобновить выразительные черты стиха в поэзии русского зарубежья, что привело к острой критике со стороны консервативных литературных кругов русской эмиграции, о чем свидетельствует рецензия А.М. Ренникова на страницах «Нового времени»⁸.

Поэма «Без Христа» написана силлаботоническими размерами (главным образом, четырехстопным ямбом с вольной рифмовкой в духе блоковского «Возмездия»), но прозаизмы, некий антиэстетизм и разговорные обороты тяготеют именно к «Двенадцати»: «Довольно штатских агитаторов! / У них ни черта не понять! / Солдатских, нашенских, ораторов / У нас своих — не занимать! / — Петруха! жарь про революцию! / Ванюха! славь пролетарьят! / Катай, ребята, резолюцию!.. / — Коли гулять — так уж гулять!.. / — Товарищи вы милые! / Не то, чтобы, что я, / А, значит, распостылая, / Заела жисть меня... / Житье наше солдатское — / Проклятое житье... / — Ну, вот! Завел дурацкое / Холуйское нытье!.. / — Ты нам про диктатуру / Солдатскую прочти! / Буржуйскую натуру / Штыком разворотил!..».

И чуть дальше: «— Не пойти ли в Божий храм? / Не бывал давно я там... / Сердце чешется чего-то, — / Ведь Страстная, брат, Суббота!.. / — А тебе что за напасть! / Коли хочешь видеть страсть, / Так зачем в церквах толкаться? — / Только блох там набираться! / В чрезвычайку к нам сходи, / Там на страсти погляди! / — Что ты, братец? грех ведь это! / Видно, ты совсем от-

петый... / Ведь теперь какие дни? / Ты в евангелие взгляни: /
Ведь вчера Христа распяли... / — Мало в этом мне печали! /
Мне евангелие не суй! / Сам Христос твой был буржуй, / Жил
всегда на всем готовом... / Он своих учений словом / И запря-
тал весь народ / Под владычество господ! / Уж свобода, так сво-
бода! / Бог — отрава для народа, / И с твоим, гляди, Христом /
Вновь очутишься рабом!..»

По содержанию поэма — это и есть ответ-вызов Блоку, что подтверждает и само ее название, которое прямо противостоит блоковскому заключительному двустишию: «В белом венчике из роз / — Впереди — Иисус Христос».

В последующие годы Сумбатов пишет чисто гражданскую лирику, пафос которой соотносим с аналогичными тонами творчества Н. Тихонова, но с явно противоположным идеологическим направлением⁹.

В лирических стихах первого сборника Сумбатов развивает темы изгнания и ностальгии по родине. Тут явно выделяются клише антологической и элегической лирики XIX в. с реминисценциями из Державина, Пушкина, Лермонтова и Тютчева. В стихах любовного и семейного содержания, в аллегориях, экзотических и онирических видениях, цитатах из священных книг отчетливо проявляется религиозная тема, которая станет центральной для всего поэтического опыта Сумбатова и найдет полное эстетическое завершение в последнем сборнике — «Прозрачная тьма» (1969). Стоит также подчеркнуть мастерство поэта в выборе размеров и поэтических форм, как в случае сонета. Уже в первом сборнике выделяется сонет «Кавказ».

Критика положительно встретила сборники 1957 и 1969 гг. Они строятся на желании соединить весь комплекс стремлений, образов, подтекстов русской поэтической романтической и неоромантической традиции с подлинными жизненными переживаниями, чувствами и эмоциями. В этих сборниках Сумбатов — оригинальный и подлинный поэт. С одной стороны, он связан с традициями русской эмигрантской лирики, с другой — стремится преодолеть в образах, темах, концепциях эти традиции и возродить формы поэзии мысли в явно безвременной перспективе, оттеняющей философские и религиозные концепции его поэтического мышления. Так, его «итальянские стихи» сво-

бодны от традиционного манерного экзотизма и, в то же время, в них очевидно стремление преодолеть простой автобиографизм или форму путевой зарисовки. Вот, например, венецианский вид («Мост вздохов»): «Как мрачен в кровавом закате / Тяжелый тюремный карниз! / Мост вздохов, молитв и проклятий / Над черным каналом повис. // Налево — дворец лучезарный, / Ряда раззолоченных зал, — / В них где-то таился коварный / Всесильный паук — Трибунал. // Под крышей свинцовой направо — / Ряд каменных узких мешков... / От блеска, почета и славы / До гибели — двадцать шагов».

«Итальянские стихи» Сумбатова восходят к формам религиозной медитации и даже экстатического видения. Не случайно Трубецкой определил Сумбатова как «поэта-визионера». Визионерство поэта приобретает глубокие и трогательные черты в последнем сборнике, где ужасному жизненному опыту слепоты, чья тьма сочетается с чисто дантовско-ивановским эпитетом «прозрачная», Сумбатов придает силу и дар поэтического пророчества: «Яснее вижу в темноте / Все, что когда-то видел в свете, / Но впечатления не те / Теперь дают картины эти. // Как будто был я близорук, / И мне теперь очки надели, — / Все так отчетливо вокруг, / Все так, как есть на самом деле, // И даже больше, — суть идей / И чувств теперь я глубже вижу, / Кого любил — люблю сильнее / И никого не ненавижу (“Прозрачная тьма”»).

Старше Сумбатова был одинокий стихотворец Анатолий Гейнцельман родом из Шабо под Одессой¹⁰. Насколько известно, писать стихи он стал рано под явным влиянием немецкой романтической поэзии, но, по-видимому, не завел каких-либо прочных литературных контактов, остался далеко от поэтических школ и салонов России. Первые опыты поэта, выросшего в немецкой культурной среде, были на немецком языке. Автор четырех сборников, изданных в Италии (три посмертно) уже после Второй мировой войны, Гейнцельман может считаться на родине совершенно забытым. Там, еще до революции, он выпустил единственный сборник стихов, о котором даже не упоминает в автобиографии: «Сочинения. 1899–1902» (Одесса, тип. А. Хакаловского [Троицкая ул. 17], 1903. «Дозволено Цензурой. Одесса, 20 дек. 1902 г.»). Книга эта состоит из двух частей:

в первую (всего 128 страниц) входят «Днепровские сонеты» (1902), «Песнь о жизни. Лирическое интермеццо» (1900), поэма «Корабль Орлица» (1902); во вторую (160 стр. новой пагинации) — прозаическое сочинение в форме дневника с поэтическими вставками «Переживания Алексея Асоргина», которое включает очерки: «Не быть» (1899–1902), «В толпе» (1900), «Гроза. Мать» (1901) и «драматическую симфонию» «Веточка Шоль» (1901–1903). Поэзия молодого Гейнцельмана глубоко подражательна. Она пронизана сильным влиянием немецкой романтической лирики (Гельдерлин, Новалис, Шиллер) и, неся явно ученический характер, входит в общее русло второстепенной эпигонской лирики русского fin de siècle.

«Переживания Алексея Асоргина» переполнены патетикой и вычурностью. Поэтические вставки, несмотря на неожиданные полуиронические нюансы, еще более усиливают эффект нелепой искусственности и многословия. Вот явный и неуклюжий пример «бальмонтовщины»: «В далеком мире пламенных созвучий, / В холодном мире творческих работ — / Я схоронил свой труд в лучах горючих, / Кто смеет взять, без робких слов возьмет...». В том же духе написаны и стихи первой части книги. В неуклюжих и тяжеловесных оборотах ранней поэзии Гейнцельмана нетрудно уловить манеру Надсона и Случевского.

В Италии Гейнцельман писал очень много, или, лучше сказать, писал и переделывал много — на грани графоманства. Даже авторский экземпляр одесского сборника переполнен вариантами, правкой и вставками. Так же выглядят его рукописные книги, среди которых — итоговые сборники: «Книга Розы» (Флоренция–Париж–Одесса–Петербург, 1906, 1907–1915), «Поэмы великого эроса» (1907–1911), «Поэмы великого ужаса» (Флоренция–Петроград, 1914–1916), «Стихотворения. Тетради I–X» (Флоренция, 1930–1943), «Поэмы жизни» (Флоренция–Неаполь, 1933–1946), «Эмалевые скрижали. Духовные стихи» (Флоренция, 1945), «Песни из Хаоса» (Флоренция, 1947), «Песни оборотня» (Флоренция, 1949), «Облачные сонеты. Поэтический дневник» (Флоренция, 1950–1951). Переполнены вариантами, правкой и вставками и его рукописные «трагические миниатюры»: «Джемито» (Ромны–Флоренция–Неаполь, 1919,

1928–1930), «Иуда» (Неаполь, 1935) «Орлицы» (Флоренция, 1939), «Облаки» (Флоренция, 1948) и т.д.¹¹

Итак, даже беглый, поверхностный анализ рукописного наследия поэта ясно показывает, что его поэтические тексты в большинстве случаев не имеют канонической, окончательной редакции, а существуют в многочисленных вариантах и переделках. Данное обстоятельство связано, конечно, с функцией поэтического творчества в жизни самого поэта. Он был далек от литературных течений или группировок, и поэзия имела для него сугубо личное значение: «Non vedendo nella vita nessun altro scopo che la poesia, scrivo sempre nuove serie di liriche per avere la sensazione di vivere e di non dissolvermi nel nulla»* – так сам поэт писал в одной из рукописных автобиографий. В другом месте он заметил: «Мне совершенно безразлична судьба этого моря стихов». Итак, творчество Гейнцельмана сопровождалось постоянным писанием и переписыванием, доходящим чуть ли не до болезненной маниакальности. Поэт издал в Италии лишь один сборник – «Космические мелодии» (Неаполь, 1951), где, кстати, стихи, относящиеся к разным периодам и рукописным книгам, расположены без указаний дат и без разделения на лирические циклы. В этом издании сложное переплетение циклических линий с сугубо лирическим дневником стирается. Весь напряженный и тщательный труд над рукописной книгой вдруг рушится.

Уже после смерти Гейнцельмана его вдова опубликовала три сборника: «Священные огни» (Неаполь, 1955), «Стихотворения. 1916–1929; 1941–1953» (Рим, 1959) и «Моя книга. Избранные стихи» (Рим, 1961). Особенно ценен первый сборник, где стихи расположены по циклам, как в рукописных сборниках. Здесь, среди прочего, выделяются циклы сонетов: «Флорентийские сонеты» (1949), «Облачные сонеты» (1951) и «Амазонские сонеты» (1949). Последний цикл, с подзаголовком «Сновидение», является целой поэмой, состоящей из 37 сонетов, в которых рассказывается об авиационной катастрофе и о жизни спасшегося после нее человека в новом земном раю.

* «Не имея в жизни никакой другой цели, кроме поэзии, я постоянно пишу новые и новые лирические стихотворения, чтобы сохранять ощущение жизни и не раствориться в ничто» (*ит.*).

Книга стихов 1961 г. содержит краткую автобиографию поэта. В архиве хранятся ее многочисленные варианты. Вдова напечатала также два сборника своих переводов стихов Гейнцельмана на итальянский язык. Другие переводы разбросаны в периодике¹².

Итальянские переводы вызвали в первый раз интерес к поэту со стороны критики. О Гейнцельмане писали и крупные итальянские литераторы, как, например, поэт Марио Луци, который первым, в 1952 г.¹³, представил итальянскому читателю поэзию Гейнцельмана, и великий прозаик Томмазо Ландольфи. Очень живо писал о Гейнцельмане Джузеппе Доннини в предисловии к сборнику «Poesie» (Firenze, 1957). Кроме того, появилось большое количество журнальных рецензий и заметок¹⁴.

Именно Томмазо Ландольфи и известному слависту Вольфу Джусту, которые тепло встретили издание двуязычного сборника «Poesie», принадлежат самые обширные высказывания о поэте. Первый среди прочего подчеркивает влияние на Гейнцельмана фето-тютчевской поэтической линии и решающую структурирующую роль мифов об изгнании из рая и о падшем ангеле¹⁵. Второй, хотя и признает старомодность поэзии «Anatolio Pontico»¹⁶ по сравнению с поэзией Блока, Вяч. Иванова, Белого, Брюсова, находит в религиозном и тревожном мире поэта созвучие с русской поэзией начала XX в. — через его общность с великим духовным наследием Достоевского. Рецензент газеты «Il Giorno» («День») отмечал духовное родство Гейнцельмана с поэзией В. Соловьева и Брюсова.

На русском языке, насколько мне известно, были напечатаны рецензия Ю. Трубецкого на сборник 1951 г. в «Милосердном самарянине», две рецензии Ю. Терапиано, две заметки (Н. Резниковой и П. Ершова) о поэте в «Русской мысли» и, наконец, рецензия Л.С. (наверное, Леонид Страховский. — С.Г.) на посмертный сборник «Моя книга» в журнале «Современник».

В своей рецензии Трубецкой отметил у Гейнцельмана влияние «итальянских поэтов, ранних символистов и, в частности, Ш. Бодлера»¹⁷. Наиболее точной является характеристика, данная Н. Резниковой, которая отмечает, что творчество Гейнцельмана «стоит вне каких-либо течений, школ и влияний, как будто бы стихийные ритмы сами сложились в звучные строчки и из этих звуков возникают сны, мысли, образы, видения»¹⁸. П. Ер-

шов в свою очередь утверждает: «А. Гейнцельман по своей натуре прежде всего мыслитель»¹⁹.

Совсем другой характер носит рецензия Ю. Терапиано, посвященная сборнику «Священные огни». Рецензент сразу объявляет, что сборник Гейнцельмана «лишь по внешности имеет общее с поэзией» и резко утверждает: «Гейнцельман — типичный дилетант, наивно думающий, что любые рифмованные строчки, даже совсем беспомощные, бледные, как у него, можно считать стихами...»²⁰.

Несколькими годами позже Терапиано смягчил свое суждение, быть может, не без вмешательства В. Сумбатова, Б. Филиппова или других поэтов. В новой заметке, связанной с напечатанием «Моей книги. Избранные стихи» (1961), Терапиано пишет, что читая «Автобиографическую заметку» Гейнцельмана, «проникаешься к нему симпатией». Живя за границей, Гейнцельман «приобрел, видимо, большую начитанность» в области литературной и духовной жизни Западной Европы. Поэзия для него была целью жизни, и религиозные мотивы в ней преобладают. Однако Терапиано задает себе вопрос: «Был ли поэтом этот беззаветно преданный искусству человек?» — и так отвечает: «И тут мне вспоминаются семидесятые годы и Надсон, который, несмотря на слабость формы его стихов, все-таки был поэтом». Чуть ниже добавляет: «Больной, он, вероятно, никогда не выходил из своего одиночества, не бывал в литературных кругах и, конечно, остался в стороне от того обновления русской поэзии, какое было совершено в течение “Серебряного века”». В частности, Терапиано отмечает у Гейнцельмана при содержательности стихов и интересных мыслях невнимание к форме, излишество прозаизмов, его писать «как пишется», которое уже невозможно после опыта символистов и акмеистов²¹.

Недавняя попытка Ф.Б. Полякова переосмыслить творчество Гейнцельмана в новом мифопоэтическом пространстве позволит уже по-новому смотреть на его поэзию и на религиозное измерение ее. В частности, Поляков выделяет в основе хронотопа поэзии Гейнцельмана «воспоминание о “The Lost Paradise”» — отошедший мир Шабо и его детские и юношеские годы. Автопортрет поэта как Anatolius Ponticus якобы освещает всю мифопоэтическую структуру поэтической модели мира Гейнцельма-

на, его «понтийского мира», связанного с овидиевой темой изгнания и явно типологически соотносимого с «киммерийским миром» М. Волошина. Вдобавок Поляков подчеркивает присутствие мифопоэтического образа «рыцаря и монаха на путях к св. Граалю», идею сакральности поэзии и сложную композицию визуально-словесного мира поэзии Гейнцельмана. В этой перспективе очень верным представляется следующее наблюдение: «Поскольку поэтическое творчество мыслится Гейнцельманом как процесс порождения сакральных текстов, роль поэта аналогична роли демиурга»²².

Поэзия Анатолия Гейнцельмана сугубо лирична и проникнута религиозно-пессимистическими мотивами. Она состоит из разных поэтических жанров и форм, но, как мне кажется, лучшим ее проявлением, далеким от некоторой вычурности и тяжеловесности длинных форм, надо считать сонеты. Их мотивы и образы тесно связаны с Италией и классическим миром, хотя и в них отмечается некоторая манерность и искусственность. Именно в коротких текстах глубже проявляется подлинная личность поэта. Очень живой интерес к итальянской классической поэзии, цитаты из которой встречаются и в эпиграфах, и непосредственно в стихах характеризует уже первый одесский сборник Гейнцельмана. Его поэзия периода эмиграции красочна и живописна. Много в ней экзотики, что и отражается, как мы видели, в редкой, семантически значимой рифме. Метр и ритм ее — традиционные и особенно не выделяются, за исключением нелепых случаев перебора ритма силлаботонического размера.

Как уже отмечалось, стихи Гейнцельмана богаты библейскими и античными мотивами, проникнуты глубоко пессимистическим настроением. Именно в этом контексте Италия, ее природа и искусство играют весьма значимую роль. Целый ряд стихотворений посвящен Флоренции и Тоскане, Риму, Неаполю, Венеции и другим городам и местам Италии. Особенно внимателен поэт к духовно-религиозным элементам итальянского искусства. Ю. Трубецкой по этому поводу пишет: «Образы Италии владеют поэтом <...>. Любовь к образам Италии у автора тесно связана с религиозными чувствами»²³.

Итак, Италия у Гейнцельмана — это прежде всего страна религиозного искусства, и ее пейзажи и памятники входят в общий

мистико-космический пафос его поэзии, где царствует тема смерти: «В отчизну мы вернулись Данта / Под мощный купол Брунеллески, / И на предместном Кампосанто / Словесные родились фрески. // Меж кипарисов Импрунеты, / Где среди серебряных олив / Впервые на юдольном свете / Я был поистине счастлив» («Грааль любви», 1953).

Религиозное восприятие Италии и ее образов переплетается у Гейнцельмана с темой ссылки и тоски по родине. Для него Понт — не место ссылки, а родина. Италия, наоборот, место ссылки, а не родина. Тема отечества и национального самоопределения очень существенна и болезненна: «Нет у меня отчизны, нет народа, / Не немец я, не русский, не Волошин... / Пылинка я космического света...» («Сплин», 1950). Россия всегда играет решающую роль в его восприятии жизни, даже на смерть он переносит атрибуты советского режима: «Ты здесь, трагичная Старуха, / С серпом и молотом, ты здесь...» («Мольба», 1948).

Как видно уже из этих немногих примеров, в стихах Гейнцельмана звучат отголоски русской поэзии начала XX в. Однако трудно сказать, насколько Гейнцельман был знаком с этой поэзией. Его стихи по фактуре и композиции очень наивны, их словесная и образная система далека от мира поэтической интертекстуальности. Существенно то, что Гейнцельман прекрасно это понимает, строя свою поэзию как документ, как свидетельство. Именно данное обстоятельство заставляет нас смотреть на творчество Гейнцельмана как на искренний документ, как на экзистенциальное свидетельство подлинного религиозного поэта. Документ без искусственных украшений, без изысканных приемов, который стоило бы сопоставить с творчеством многочисленных, часто анонимных, средневековых поэтов. Как их творчество, так и поэзия Гейнцельмана — явление безвременное, абсолютизированное, далекое от мира сего. Ее безвременность является выбором, а может быть, даже неосознанной случайностью. Тут нет ни модернизма, ни постмодернизма, а простое (или сложное) благодатное записывание или даже очарованная графомания.

Среди приехавших в Италию поэтов был и Михаил Иосифович Лопатто (1892–1981), родившийся в Вильне. Он известен как поэт-лирик и пародист, издатель (петроградско-одесское издательство «Омфалос») и теоретик литературы. В России о нем

вышла целая серия статей²⁴, в том числе и в биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917»²⁵. Он был членом венгеро-русского семинара, писал о прозе Пушкина, дружил с Ю. Оксманом, С. Бонди, Ю. Тыняновым. Книга Лопатто «Опыт введения в теорию прозы. Повести Пушкина» (1918) до сих пор остается важным вкладом в отечественную пушкинистику. В России он выпустил два поэтических сборника – «Избыток» (1916) и «Круглый стол» (1919). Оба вышли в его издательстве «Омфалос», которое сыграло заметную роль в культурной жизни Петрограда и Одессы в 1916–1919 гг.²⁶ При издательстве существовал кружок поэтов-пародистов (В.С. Бабаджан, Н.М. Бахтин и сам Лопатто) под названием «Омфалитический Олимп». С деятельностью кружка связаны коллективный сборник «Омфалитический Олимп. Забытые поэты» и книга Клементия Бутковского (В. Бабаджана) «Кавалерийские победы» (Пг., 1917)²⁷. В военные и революционные годы в Петербурге Лопатто был знаком и общался со многими русскими поэтами, в частности, с О. Мандельштамом, Н. Гумилевым и М. Кузминым. Именно с поэзией акмеизма и, в частности, с творчеством М. Кузмина²⁸ связана лирическая поэзия молодого Лопатто и его неизданные или утраченные опыты в прозе²⁹.

О ранней поэзии Лопатто писали, в частности, Г. Иванов и К. Мочульский³⁰. Контакты Лопатто с Волошиным в Одессе не вполне выяснены, но весьма вероятно, что неизданные переводы Лопатто из де Ренье связаны с переводческими опытами Волошина. В 1920 г. Лопатто эмигрировал в Италию, где стал успешно заниматься продажей пушнины. На чужбине он отошел от русской литературной жизни, но все-таки уже на склоне лет выпустил сборник стихов («Стихи», Париж, 1959) и роман «Сын дьявола», сохранившийся только в итальянском переводе («Il Figlio del diavolo, Russia: 1904–1928», Firenze, 1977). Жил и умер Лопатто во Флоренции.

В единственный изданный в эмиграции сборник стихов Михаила Лопатто вошли стихи разных лет, в том числе из его поэтических книг, вышедших еще в России (в частности, из второго сборника «Круглый стол»). Однако композиция сборника и организация лирических циклов здесь иные³¹. Поэт перепечатал старые тексты, комбинируя их с новыми, написанными в

течение более чем 30-летнего пребывания за рубежом. Старые тексты не подвергались радикальной переделке. Разночтения малочисленны и носят, за некоторыми исключениями, явный стилистический характер. Оригинальное соположение старых стихотворений с новыми в лирических циклах, наверное, стоило изучить глубже и в сравнении с циклической организацией ранних сборников; это помогло бы определить эволюцию поэтического творчества Лопатто в годы эмиграции. Можно отметить, что в общем поэт остался верным своей прежней манере.

Как известно, на поэзию молодого Лопатто оказала влияние поэтика русского акмеизма. В сборнике «Круглый стол» критика отметила большую, чуть ли не барочную, насыщенность стиха, излишнюю утонченность, некую хрупкость образной системы³². Лопатто применяет сложные строфические формы, твердые формы, вроде восточной газеллы или двойной глоссы. С другой стороны, Лопатто в «Омфалитическом кружке» писал пародийные стихи, где отвергал поэтику акмеизма, почти издеваясь над ней. Ирония свойственна и его лирической поэзии.

В своем письме В.Я. Брюсову (январь 1916 г.) по поводу выдвинутого А. Тиняковым обвинения в пустоте и вульгарности («Речь». 28 дек.) Лопатто пишет: «Об искусстве я имею самые высокие представления, и если это мало отразилось в моих стихах, то потому что в большинстве они ироничны. Вот что я имею сказать в свое оправдание. Я согласен, что направление моей иронии может измениться, если я найду более возвышенную среду»³³.

Отношение Лопатто к поэзии его времени носит явный «иронический характер». Уже отмечались программное отстаивание «пушкинской краткости и ясности» и антитеза «возрождение-вырождение», которая станет центральной в его понимании искусства и обусловит последующее его отрицательное отношение к русской литературе XX в. Вместе со своим другом Н.М. Бахтиным, братом М.М. Бахтина, Лопатто мечтает о Возрождении, «несвоевременно, явно ощущая близкое уничтожение всех духовных ценностей»³⁴. Е. Тоддес пишет, что, и потеряв к концу жизни культурную ориентацию, Лопатто все же остается «и филологом и поэтом, адресующимся непосредственно к Пушкину и вспоминаящим «покойную русскую литературу», как вспоминают давно умершего родственника»³⁵. Свое пред-

последнее письмо к В. Эджертону Лопатто заключает так: «Если бы я остался в Петербурге, то закончил мою теорию поэзии, принимая за основание критерии наследственности и связи поколений от Псалмов и Сафо до Пушкина и Тютчева в противовес декадентству последних ста лет»³⁶. Итак, поэтика Лопатто двойственна: лирический принцип совмещается с пародийным, скепсис и горькая ирония пронизывают все его стихотворения.

В зарубежном сборнике эти черты усугубляются и мотивируются тяжким настроением одиночества и тоски по родине. Давняя идея о «возрождении–вырождении» становится теперь идеей о гибели русской поэзии. В то же время и вопреки всему старый поэт не перестает писать. Публикация сборника 1959 г. — явное свидетельство этого противоречивого чувства. Опыты в прозе последних лет приобретают характер своеобразного поиска утраченного времени. Об этом свидетельствует переписка Лопатто с Эджертоном. В другом интересном документе — в письме от 12 февраля 1977 г. Дине Роффэ-Лопатто³⁷ — М. Лопатто коротко излагает свою литературную позицию: «Твое письмо принесло мне много радости. Спасибо, дорогая. Было бы столько слов, сколько не высказанного и сердечного, но ты с твоей чуткостью все сама поймешь. Теперь я должен бороться с отъединением не только старости, но и с новым недобрым миром, с его спешкой и мелким эгоизмом. По-моему, мы переживаем период истории упадка духа. Вот и поэзия: уже в мои юные годы не сходилась с эпигонами поэтического ремесла, писавшими скорее дурачества в стихах, чем послания живых душ живым душам <...>. Жаль, что не могу послать мою книгу, вышедшую в 1958 г. [sic!] в Париже. После этого не писал стихов, но только прозу. Три книги написаны, четвертую готовлю.

Одна переведена на итальянский и напечатана в прошлом году. Но у меня впечатление, что и читателя больше нет. Те, кто смотрят в книгу, читают глазами безотчетно, словно в телевизионии, испортившей много мозгов. Настоящий читатель не должен быть пассивным приемником, не должен стать в личную позицию против читаемого. Нужна и культурная подготовка, что стало мало. Я посещал в Петербурге “Цех поэтов” и дружил с некоторыми корифеями нашего упадка, но ни с кем не соглашался. Вместо вырождения меня и Бахтина манило новое

Возрождение, живая душа, сильная личность. Я любил и славил жизнь, они уходили в ничто. Их на земле давно нет.

У наших упадочников и маньеристов культ слова, требование музыкального было велико. Я не пренебрегал формой, напротив, я искал совершенства в построении, ясности и простоте. Музыкальность не должна господствовать, но только внутренне сопровождать тему и мысль. Но, по существу, мое творчество уничтожало упадочников и мне пришлось стать одним против всех. Видно, что я не в духе времени. Но сколько надо мужества и терпения, чтобы работать в прозе!»³⁸.

Среди стихов Лопатто стоит выделить цикл «Чичероне» (1924; опубл. в сб. «Стихи», Париж, 1969), связанный с образами Франции и Италии. Как и предыдущая его поэзия, итальянские стихи Лопатто нетрадиционны. Образы Италии часто далеки от уже установившихся клише поэтических дневников русских лириков начала XX в. Стихотворения Лопатто проникнуты иронией и бытовыми автобиографическими реалиями: «Теперь я больше не поэт, / Забыл печать, молчу в салоне, / Живу на скромной Пьер Капони, / Не совсем бродяга, нет, / С позволения чичероне...» («Николаю Бахтину», 1924).

Его стихотворение «Порто Венере» (1923) написано шутивно и беспечно, в нем еще жива кузминская игривость: «Тот полдень в памяти не стерт, / Когда оставив пальмы парка / И съесту Специи нежаркой / Мы плыли на Венерин порт...» И далее нетрадиционное изображение достопримечательностей маленького морского поселка, его знаменитых «байроновских мест»: «Ты помнишь гладких скал откос, / Развалин плиты и площадки, / Грот неуютный, отдых сладкий / На кладбище рыжих коз...»³⁹. То же сочетание лиризма и иронии мы находим и в стихах Лопатто о Флоренции и Венеции. Близость к итальянским стихам Кузмина очевидна: «Куда мы денемся с тобой? / В твоей петлице вянет роза / И ослепляет синевой / Освеженная Вапьемброза...» («Лунгарно», 1920). Или: «Окно раскрыто на каналы, / дрожит бродячий гондол свет / И баркароле запоздалой / Гитары вторит жаркий бред...» («Венеция», 1920).

Особняком стоит стихотворение «Флоренция» (1920), посвященное Беато Анджелико, где Лопатто неожиданно присоединяется к традиции религиозного восприятия образов Италии:

«Молить Беато, трепетных икон, / И рук и крыльев онемевших
свято / Пыланьем вечер золотой сожжен / И в огненной пыли
полотн заката / Дрожит и рдеет серебристый звон...»

Далее идут стихи о Риме. Цикл строится как своеобразное туристическое путешествие по Италии, где гид, чичероне, — сам Лопатто. Заключается оно явно программным стихотворением «Бред галлерей (sic!)» (1923) — призывом к уединению и возвращению к истинному духу возрождения, который вдохновляет и лирическое умонастроение поэта, и его горько-иронические выпады. Стихотворение полно усталости и раздражения против общества, вырождающегося на потеху туристов. Массовая цивилизация опошляет великих художников, даже любимого Анджелико: «О перебой тревожных излучений. / Неутоленных теней пестрый гам! / Со всех сторон назойливо из рам / Здесь гения оспаривает гений. / Здесь пьяный Рубенс рядом с ффра Беато, / Легчайший Липпи, темный Тициан. / Зевак приплывших из далеких стран / Стада, всегда спешащие куда-то». Как и герой его повести «Тангейзер», Лопатто призывает к бегству от общества и к приобретению новой, подлинной духовности: «Уйдем скорей! есть храмы и часовни / Лепящихся по кручам деревень. / Послушаем орган, присевши в тень. / Мадонна кротче, отрок здесь любовней...».

Среди новых стихов, помещенных в старых циклах, выделяется стихотворение «Тоска по родине» (1943), написанное во время войны. Образы-воспоминания о молодости представлены с элегантною легкостью; Ю. Терапиано заметил у Лопатто тенденцию «оттенить радость жизни, а не трагизм ее»⁴⁰: «Вспомню те весны и талый / Ветер и тающий снег. // Только слышу шарманку / Вольность проснется моя. / В путь я уйду спозаранку / Хлеба краюху жуя».

В последние годы отмечается растущий интерес к творчеству Михаила Лопатто, который поэт вряд ли мог предвидеть.

1924-й — это год переезда Вячеслава Иванова навсегда в Италию. Сам поэт так выразился: «Я еду в Рим умирать». Как точно отметил А.Б. Шишкин: «Слово “умирать” означало не чтобы умереть там, а чтобы прожить оставшиеся годы в Риме, правильно завершить в Риме свою жизнь с точки зрения вечности — для русских символистов, которые исповедовали единство жизни и

творчества, смерть была не только последним заключительным звеном, но и, в каком-то смысле, едва ли не высшим актом творчества»⁴¹.

Как известно, Вяч. Иванов продолжал печататься в изданиях русского зарубежья и, одновременно, — на других европейских языках, в том числе и по-итальянски. Что касается его поэтического творчества, то завершением его стал посмертный сборник «Свет вечерний», который поэт переделывал и проверял до последних дней жизни. Сборник вышел в свет лишь в 1962 г. в Оксфорде⁴². Литература о Вяч. Иванове огромна, и его творчество целесообразно проанализировать в совокупности без особого выделения итальянского периода, учитывая также его предыдущие пребывания в Италии и прочное присутствие в его творчестве итальянской тематики. Что касается именно эмигрантской жизни Вяч. Иванова в Италии, то здесь следует отметить высокое художественное значение его последних римских стихов — от «Римских сонетов» до «Римского дневника» 1944 г. — и одновременно роль поэта как «кормчей звезды» для многих писателей и мыслителей русского зарубежья, о чем свидетельствует ценнейший римский архив поэта⁴³. Однако среди корреспондентов Иванова мы не найдем ни одного русского поэта, активно писавшего стихи в Италии. Единственные исключения — И.Н. Голенищев-Кутузов, который жил в Италии совсем недолго⁴⁴, и малоизвестный живший в Неаполе стихотворец А.Л. Фомичев. Конечно, стихи писали и другие, как, например, искусствовед и мемуарист князь С.А. Щербатов, однако никакой поэтической школы или группы у Вяч. Иванова не было.

Вообще, по разным причинам, в Италии не сформировалось ни одной настоящей поэтической группы или кружка. Многие поэты русской диаспоры приезжали и даже на некоторое время останавливались в Италии (как Ходасевич). Среди них, например, Елена Феррари (Ольга Федоровна Голубовская, 1889–1938), которая выпустила в 1925 г. сборник итальянских стихов «Prinkiro» (Рим, 1925). Поэтесса сотрудничала с художником-футуристом Виничио Паладини и была членом группы «имажинистов», печатавшихся в журнале «Зубчатое колесо» («La Ruota dentata»).⁴⁵ Обычно русские поэты, жившие постоянно в Италии, продолжали сочинять в одиночестве и отреченности. Кро-

ме того, чаще всего они печатались в русских изданиях, выходящих в Германии, Франции, Прибалтике, а в Италии оставались в полной творческой изоляции. Однако посмотрим поближе на творчество некоторых из них.

Здесь стоит упомянуть известную в итальянских литературных салонах конца 20-х гг. поэтессу Наталью Осиповну Русскую, писавшую также под псевдонимом «Звездочка»⁴⁶. По-русски она печаталась в прибалтийской периодике, в «Слове» и в «Двинском голосе». Стихи в общем-то традиционные, особенно те, которые входят в цикл «О России». Жила она в Милане, но бывала часто в Риме, Флоренции и Неаполе. В поздних стихах у нее выделяется некоторое стремление к живописной поэзии, как, например, в следующем сонете: «Морская гладь зеркальна. Словно линия / Полоской узкою темнеется волна. / И море спит, окрашенное в синие / И бледно-серебристые тона. // Сквозь дремучую ропочут в отдалении — / Где переплеск искрится голубой — / Глухие отзвуки — в баюкающем пении... / И шелестит, шурша о берега, прибой. // Мерцают блики светлыми опалами... // В соленом воздухе покой разлит. / Скользящий луч цветами вспыхнул алыми / Сквозь легких облаков прозрачный хризолит. / И стелется вода, сливаясь воедино / С вечерним небом в дымке паутины» («Неаполь»)⁴⁷. Поэтессу поддерживал и рекламировал русско-итальянский публицист, ярый идеолог фашизма и антисемитизма, Лино Каппуччио (по матери Тресковский), который опубликовал стихи Русской в итальянском переводе в своем издании «Viva la Santa Russia!»⁴⁸.

Интересно отметить, что в начале 30-х гг. Наталья Русская примкнула к движению итальянского нового футуризма. В журнале движения «Nuovo Futurismo» опубликован текст лирической прозы на итальянском языке «Il pastore dello spirito (Il poeta)» (Пастух духа. Поэт). Там же сообщается, что поэтесса умерла 1 декабря 1933 г. и что скоро выйдет собрание ее сочинений в серии «La giostra della fantasia» (Карусель фантазии)⁴⁹. К сожалению, других сведений о собрании сочинений нет.

С Лино Каппуччио была связана и русская католичка Фанни Моисеева, которая выпустила сборник стихов в итальянском переводе М. Думовской — «La notte dell'ultimo dell'Anno. Lirica russa» («Новогодняя ночь». Русская лирика. Sanremo, 1935).

На страницах русской зарубежной прессы появлялись стихи и других поэтов-дилетантов, обычно это были перепевы русской традиции XIX в. или шаблонные повторы русских декадентских мотивов. Приведем в качестве примера стихотворение княгини Н. Волконской-Столыпной «Эрос»: «...Твое лицо закрыто легкой тканью, / Но я узнал тебя в тиши, / По поступи, движеньям, по дыханью, / По трепету моей души... // Светильник ты рукой прикрыл лукаво, / Но ослепил меня твой свет! / Ты спрятал свой колчан с стрелой кровавой, / Но в сердце ноет вечный след» и т.д.⁵⁰

Среди поэтов первой волны стоит, наконец, упомянуть Георгия Захарьевича Эристова⁵¹ — мастера малой формы, поэта-ремесленника⁵². Его стихи умеренные и регулярные. В форме и интонации они традиционны, богаты поэтизмами и построены на клише то петербургской, то южнорусской поэзии. Оттуда их неоеллинистический дух и блеск средиземноморской ясности. Язык плавный, изысканный и легкий даже в философских размышлениях, далекий от риторики или от бытовизма. В некоторых стихах Эристова, например, стихах античной и петербургской тематики, заметно влияние младших акмеистов, если не поэзии Кузмина. И в поздних стихах Эристов остается верен себе: «Грибами зонтики чернели. / Дождь моросил колючий, злой. / У старой, захиревшей ели / В разброд пропели “упокой”».

В поэзии Эристова проходят живописные виды городов и стран — от Грузии до Петербурга, от Берлина и Парижа до солнечной Италии. Это странствование, реальное и духовное, завершается в цикле «Млечный путь». Классический стих поэта все более окрашивается в тона религиозной медитации. Эристов — поэт культуры и всеобъемлющей религиозности в духе античной и средиземноморской цивилизации. Отсюда светлые стихи об эллинической Сицилии и о христианской традиции Св. Франциска и Беато Анджелико: «Ленивый Зевс здесь отдыхал порой — / Удел был дан любимцу Ганимеду. / И Афродита сладкую победу / Дарила щедро, и был горд герой...» («Таормина»); «Синее небо над нами. / Солнце над тихой рекой. / Лес, убаюканный снами. / Умбрии светлый покой...» («Ассизи. В гостях у Св. Франциска»).

В последнем сборнике стихов Эристово «Ладья» (1966) все сильнее звучат личные ноты и размышления, то в духе соборной ностальгии, как в его впечатлениях от Равенны: «Иду по улицам, их будто знаю... / Ночное небо — звездная купель... / Всех нас взрастила, по дороге к раю, / Родная Византии колыбель!», то в синтетическом переосмыслении своего творчества и жизненного пути, как в закрывающем «Ладью» лирическом стихотворении «На заре»: «Сквозь приспущенные ставни / Яркий луч скользнул в кровать / И, как друг, веселый, давний, / Прошептал — пора вставать! // На балконе все готово: / Солнце, чай, янтарный мед... / И в руках держу я снова / Темносиний переплет. // Книга говорит о рае. / Неумолчен птичий гам. / Сердце странно замирает, // Внемя Господа шагам».

Упомяну еще об одном поэте, жившем в Милане, — петербуржце Ричарде Ивановиче Ламперти⁵³, который уже после войны выпустил сборник стихов «Русская Лира» (Венеция, 1948). Книга вышла в армянской типографии «Сан Лазаро». Сборник открывает предисловие Ф.Е. Кречетова (Загребина). В нем подчеркивается искренность и философский характер лирики Ламперти, «красота аллегорических сравнений», удачливость сатирических стихов и экспромптов. Эпиграммы по колкости и ядовитости сравниваются с лермонтовскими. Кречетов заключает предисловие наблюдением, что «произведения поэта приятно удивляют своим смелым возвратом к классицизму русского стиха: строгое соблюдение правил версификации, ясность мысли, непринужденность выражения и сжатость формы, а также богатство рифм при почти абсолютном отсутствии глагольных созвучий. <...> Поэт мыслит образами: верный признак поэтического дарования»⁵⁴.

К сказанному стоит добавить, что Ламперти — мастер стиха, стилизатор и эпигон, и его поэзия — ценное свидетельство хорошего вкуса и любви к родному слову. Многочисленные посвящения и упоминания помогают реконструировать культурную среду Ламперти — от Ф.И. Шаляпина до артистки Т. Павловой и А.Н. Бенуа, от графа Н.Д. Шереметева до Б.П. Коронелли. В стихах Ламперти вырисовывается родной Петербург («В Никольском парке», «Заутреня в Петербурге»), звучит тоска по родине и молодости и одновременно проявляется чувство радости

ного восприятия человеческого окружения в религиозном примирении. Вот образец лирики поэта: «Напрасно впереди мне луч надежды светит / И тщетно в людях я участия ищу / Кто на слезу мою, как брат, слезой ответит / И кто поверит, как томлюсь я и грущу? // Есть странная печаль, которая бывает / Понятна лишь тому, в ком яд ее живет, / Чью грудь безжалостно всю жизнь она терзает, / На чьей душе лежит ее томящий гнет. // Но не пробудится ни в ком к нему участие, / Никто руки ему с любовью не подаст, / И всем покажется смешным его несчастье / И даром он себя на суд людской отдаст».

Конечно, в наш краткий обзор русской эмигрантской поэзии в Италии можно было бы добавить еще много имен поэтов, но, как мне кажется, только упомянутые в обзоре авторы, хотя и не всегда, придерживались профессионального подхода к сочинению стихов и внесли интересный вклад в историю русской литературы за рубежом. В заключение сделаю еще одно уточнение: здесь мы не касались творчества русских эмигрантских поэтов, которые перешли на итальянский язык и, в конечном счете, стали итальянскими поэтами. Приведу лишь, как пример, имя известной переводчицы русской поэзии на итальянский язык Раисы Олькиеницкой-Нальди, родившейся в Петербурге, чьи стихи положил на музыку известный итальянский композитор Казелла.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первухин М.К. [Рец. на кн.:] Мария Анисимова «Стихи» (Рим, 1920) // Прикарпатская Русь. 1920. 22 мая. № 698. С. 3.

² См.: Незабываемые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997. М., 1999. Т. 1. С. 96.

³ См.: Залевский В., Голлербах Е. Распространение русской печати в мире. 1918–1939. Справочник. СПб., 1998. С. 138. (№ 208).

⁴ Видный адвокат, прозаик, поэт, публицист, Н.П. Карабчевский (1851–1925) – автор романов, рассказов и стихов (самое известное его издание – «Приподнятая завеса» (СПб., 1905)). Его адвокатская деятельность связана с такими знаменитыми процессами, как Мултанское дело (1895–1896) и дело Бейлиса (1913). Уже в эмиграции он стал заниматься мемуаристикой и драматургией и охотно печатался в прессе русского зарубежья. В 1921 г. он издал в Милане сборник драматических сцен из русской жизни «Потемки», а в Берлине две книги «Что гла-

за мои видели в детстве» и «Революция и Россия» (о нем см.: Ратгауз М.Г. Карабчевский // Русские писатели.1800–1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 465, 466).

⁵ Новое время. 1922. 3 дек. № 483. С. 2.

⁶ О нем см.: Гардзонио С. Римская тоска по Москве...: В.А. Сумбатов и его неизвестные стихи о Москве // Лотмановский сборник. Т. 2. М., 1997. С. 765–770; Id. Dall'Archivio di Vasilij Sumbatov: из итальянской поэзии // Archivio italo-russo. Russko-ital'ianskij arkhiv / A cura di D. Rizzi, A. Shishkin. Trento, 1997. P. 483–502; Он же. Неизвестный перевод-переложение «Слова о полку Игореве» Василия Сумбатова // Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века. Вып. 1. Русская литература конца XIX – начала XX в. М., 2003. С. 98–103 (текст переложения см.: там же. С. 223–229).

Поэт удостоился и своей первой книги на родине: Сумбатов В. Прозрачная тьма. Собр. стихотворений. / Сост. Л. Алексеева, предисл., биогр. Справка С. Гардзонио. М., 2006. – 408 стр.

⁷ Трубецкой Ю. [Рец. на кн.:] Сумбатов В. Стихотворения. Милан, 1957 // Новый журнал. Кн. LII. 1958. С. 302.

⁸ Ср. Алексеева Л.Ф. Поэзия В.А. Сумбатова в контексте литературного процесса // Малоизвестные страницы... С. 91–92.

⁹ Там же. С. 91–93.

¹⁰ В 1904 г. начинающий поэт уехал в первый раз лечиться в Италию (Палермо и Рим). В следующем году вернулся в Одессу, где и пережил революционные события и «чудовищный погром». В конце 1905 г. Гейнцельман опять покидает Россию и уезжает лечиться от чахотки на Сицилию. Оттуда – безумный подвиг – ранней весной 1906 г. доходит пешком до Парижа и... выздоравливает. Здесь он интересуется «русской партийной жизнью» и знакомится, по своему утверждению, «с «потемкинцами» и со многими будущими «героями» революции 1918 года». Осенью 1907 г. Гейнцельман с женой, Р. Хеллер, переехал в Петербург, осенью 1908 г. во Флоренцию, где чета прожила до Первой мировой войны. Осенью 1915 г. Гейнцельман возвратился через Швецию в Петербург и оттуда поехал на юг России. В 1920 г., во время польского наступления, он с женой вернулся в Италию (Флоренция и Неаполь), где жил «почти схимником в пустыне большого города» до самой смерти. Живя в Италии, Гейнцельман поддерживал дружеские отношения с некоторыми русскими эмигрантами (Сумбатовым, Скаковым, с представителями Русской Православной Церкви во Флоренции). При жизни в Италии он напечатал лишь один сборник стихов, «Космические мелодии» (Неаполь, 1951), но в 1952 г. некоторые его стихи вышли в итальянском переводе (пер. Р. Хеллер) с предисловием известного ита-

льянского поэта М. Луци. Поэт скончался во Флоренции 7 апреля 1953 г. О его жизни см.: Гейнцельман А. Автобиографическая заметка (Из письма к Ринальдо Кюфферле) // Гейнцельман А. Моя книга. Избранные стихи. Рим, 1961. С. 5–9. Текст перепечатан: Поляков Ф.Б. Иероглиф и фреска. Мифопоэтические рефлексy поэтики модернизма в творчестве Анатолия Гейнцельмана // *Die Welt der Slaven*. 1994. XXXIX. № 1. С. 146–148. Кроме того, незаменимым источником для биографической канвы жизни поэта является его рукописная автобиография «*Cenni biografici*» [б.д.], хранящаяся в архиве поэта при библиотеке филологического факультета Флорентийского университета. См. также: Гардзонио С. Об Анатолии Гейнцельмане, его архиве и библиотеке // *De Visu*. 1993. 11 (12). С. 62–65; Он же. Два русских поэта во Флоренции (А. Гейнцельман и М. Лопатто) // *Славяноведение*. 1995. № 4. С. 27–32.

¹¹ Все рукописные сборники Гейнцельмана вместе с архивом поэта и его жены хранятся в библиотеке филологического факультета Флорентийского университета. Описание архива Гейнцельмана см.: Гардзонио С. Об Анатолии Гейнцельмане, его архиве и библиотеке. С. 64.

¹² Переводы стихов Гейнцельмана, сделанные вдовой поэта и известным переводчиком-русистом Р. Кюфферле, собраны в двух сборниках «*Melodie cosmiche*» (Падуя, 1955, предисл. В.А. Сумбатова) и «*Poesie*» (Флоренция, 1957 г., предисл. Дж. Доннини). Кроме того, в разных газетах и журналах («*Posta letteraria*» del «*Corriere dell'Adda*» 16.V.1953; «*Crisalide*» della «*Gazzetta dell'Emilia*». 1954. 15 giugno; 1954. 1 sett. «*Il Sentiero dell'arte*». 1954. № 4) опубликовано несколько переводов из лирической поэзии. Отдельными брошюрами напечатаны по-итальянски статья Гейнцельмана о Леонардо в России (Флоренция, 1953) и перевод трагической миниатюры «Джемито» (1969).

¹³ «*Il Raccoglitore*» della *Gazzetta di Parma*. 1952. 4 sett.

¹⁴ О Гейнцельмане писали: Дж.Ф. Драги (*Posta letteraria del Corriere dell'Adda*. 1953. 16 mag.), Е.Р. (*Crisalide della Gazzetta dell'Emilia*. 1954. 1 sett.), П. Пермоли (*Voce repubblicana*. 1955. 14 dec.), Л. Леончини («*Il Sentiero dell'arte*» № 4, 1954), Г. Вити («*Avvenire d'Italia*», 25.XI.1955), С. и А. Мупа (*Posta letteraria*. 1956. 7 gen.), М. Камиллуччи (*L'Osservatore Romano*. 1958. 8 giugno).

¹⁵ *Landolfi T.* Il poeta in fuga // *Il Mondo*. 1957. 3 nov. № 36; об этом впервые написал В. Сумбатов в предисловии к первому итальянскому изданию стихов Гейнцельмана «*Melodie cosmiche*» (Падуя, 1955).

¹⁶ Этим псевдонимом (Анатолий Понтийский, то есть Черноморский) и в латинском варианте, *Anatolius Ponticus*, любил пользоваться

сам Гейнцельман, который изобразил себя под такой надписью на рисунке, напечатанном в сборнике 1951 г.

¹⁷ Трубецкой Ю. Анатолий Гейнцельман // Милосердный самарянин. 1954. № 2–3. С. 9.

¹⁸ Резникова Н. Поэт романтик. А. Гейнцельман // Русская мысль. 1956. 3 июля. № 920. С. 5.

¹⁹ Ершов П. Размышление над лирической книгой // Русская мысль. 1959. 31 окт. № 1441. С. 5.

²⁰ Терапиано Ю. Новые сборники стихов. Березов, Харитонов, Гейнцельман // Русская мысль. 1956. 14 июня. С. 4, 5.

²¹ Терапиано Ю. Новые книги // Русская мысль. 1961. 10 февр. № 1798. С. 7.

²² Поляков Ф.Б. Иероглиф и фреска... С. 158.

²³ Трубецкой Ю. Анатолий Гейнцельман... С. 9.

²⁴ Лущик С.З. Библиофильское издательство «Омфалос» // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства. Л., 1982. С. 32–34; Тименчик Р.Д. Поэзия И. Анненского в читательской среде 1910-х годов // Блок и его окружение. Блоковский сб. Тарту, 1985. Вып. 6. С. 113; Богомолов Н.А. К изучению поэзии второй половины 1910-х годов // Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 179–181; Эджертоу В. Ю.Г. Оксман, М.И. Лопатто, Н.М. Бахтин и вопрос о книгоиздательстве «Омфалос» (Переписка и встреча с М. Лопатто) // Пятые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 211–237; Тоддес Е., Чудакова М. Несколько цитат, библиографических заметок и мемуарная реплика на полях публикации В. Эджертона // Пятые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 238–244; Гардзонио С. Разыскания о флорентийском архиве М.И. Лопатто // Шестые Тыняновские чтения. Рига; М., 1992. С. 250–254; Он же. Новое о Лопатто // Седьмые Тыняновские чтения. М.; Рига, 1995–1996 [1997]. С. 320–334; Он же. Михаил Лопатто – прозаик и исследователь пушкинской прозы // Вторая проза. Русская проза 20-х–30-х годов XX века. Тренто, 1995. С. 359–374; Он же. Два русских поэта во Флоренции (А. Гейнцельман и М. Лопатто) // Славяноведение. 1995. № 4. С. 32–36; Он же. К истории русской поэзии 1910-х годов. Письма М.И. Лопатто к Г.П. Струве // Тыняновский сборник. Одиннадцатые Тыняновские чтения. М., 2002. С. 186–194 (совм. с А.Б. Устиновым).

²⁵ Зленко Г.Д., Лущик С.З. М. Лопатто // Русские писатели (1800–1917). Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 391–392.

²⁶ В Одессе в «Омфалосе» печатались, между прочим, Б. Варнеке, Л. Гроссман, М. Волошин (переводы из Верхарна) и Г. Шенгели (переводы из Эредиа).

²⁷ См.: Гардзонио С. Новое о Лопатто... С. 320–334.

²⁸ Богомолов Н.А. К изучению поэзии второй половины 1910-х годов // Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 179–181.

²⁹ Эджерто В. Ю.Г. Оксман, М.И. Лопатто, Н.М. Бахтин... С. 227.

³⁰ Иванов Г. [Рец.] // Аполлон. 1916. № 6–7. С. 75; Мочульский К. [Рец. на:] М. Лопатто. Круглый стол // Одесский листок. 1919. 16 марта.

³¹ См.: Терапиано Ю. [Рец. на:] М. Лопатто. Стихи. Париж, 1959 // Русская мысль. 1960. 6 февр. С. 7.

³² Там же.

³³ Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 386.92.32.

³⁴ См.: Эджерто В.Ю. Г. Оксман, М.И. Лопатто, Н.М. Бахтин и вопрос о книгоиздательстве «Омфалос» // Пяты Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 222–223.

³⁵ Годдес Е., Чудакова М. Несколько цитат библиографических заметок и мемуарных реплик на полях публикации В. Эджертона // Там же. С. 242.

³⁶ Эджерто В. Ю.Г. Оксман, М.И. Лопатто, Н.М. Бахтин... С. 230.

³⁷ Коффэ-Лопатто Дина Семеновна (1897–1990) — жена Константина Лопатто, двоюродного брата поэта.

³⁸ Письмо хранится в семейном архиве племянника поэта Э.Г. Лопатто.

³⁹ Ср., напротив, возвышенный тон в стихотворении В. Сумбатова, на ту же тему: «Пристань с названием старинным, как миф, / Смотрит в прозрачный залив. // Пристань Венеры! — не здесь ли она / В пене была рождена? // Волны не помнят, но верный гранит / Имя Венеры хранит. // Что-то манило в былые года / Славных поэтов сюда. // Может, их ждали богини следы / Здесь на песке у воды // Может быть, в пене являлась им вновь / Та, чье дыхание — любовь? // Все может быть, но кто вспомнит о том / В этом заливе глухом? // Бухта Поэтов и Байронов грот, — / Кто здесь теперь их найдет?.. («Порт Венеры»).

⁴⁰ Терапиано Ю. [Рец. на:] М. Лопатто. Стихи. Париж, 1959 // Русская мысль. 1960. 6 февр. С. 7.

⁴¹ Шишкин А. Вячеслав Иванов и Италия // Archivio italo-russo... С. 514.

⁴² Свет вечерний: Poems by Vyacheslav Ivanov / Introd. by Sir M. Bowra. Oxford, 1962.

⁴³ См. описи его, составленные Л.Н. Ивановой: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997. СПб., 2002. С. 300–323; Ежегод-

ник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999. СПб., 2003. С. 439–470.

⁴⁴ Как известно, Вяч. Иванов написал предисловие к его сборнику стихов «Память» (1935). Переписка с И. Голенищевым-Кутузовым относится к 1928–1939 гг. См.: Голенищев-Кутузов И. Благодарю, за все благодарю: Собр. стихотворений. М., 2004.

⁴⁵ О Елене Феррари, авторе русского сборника «Эрифилли» (Берлин, 1923), о ее связи с русскими литераторами и с русским революционным движением см.: Флейшман Л. Поэтесса-террористка // *De la littérature russe. Melanges offerts a Michel Aucouturier*. Paris, 2005. P. 142–159.

⁴⁶ «Звездочка – псевдоним Натальи Осиповны Русской, двинчанки, живущей теперь в Милане, ул. Тертулиана» (Двинский голос. 1932. 1 марта. № 18. С. 4).

⁴⁷ Двинский голос. 1931. 14 июля. № 54. С. 3.

⁴⁸ Carpuccio L. *Poeti patriottici Russi: Natalia Russkaja* // *Viva la Santa Russia!* Firenze, 1929. P. 104–106.

⁴⁹ *Nuovo Futurismo* (Milano). 1934. Vol. I. № 9–10. P. 3.

⁵⁰ Поэтесса выпустила книжку «Песни». Мюнхен [б.г.].

⁵¹ Подробнее о нем см. ст. А. Пасквинелли в наст. изд.

⁵² По поводу сборника «Сонеты» Ю. Терапиано писал: «В этой книге, составленной из стихотворений, написанных редко встречающихся теперь формой, Эристов показал и умение, и прирожденную ему “классичность”, и вкус» (Терапиано Ю. Новые книги... С. 4).

⁵³ Семья Ламперти итальянского происхождения, жила до революции в Петербурге, как свидетельствуют издание «Весь Петербург на 1908 год» (с. 419) и «Весь Петроград на 1916 год» (с. 378). Ламперти печатался и в парижской «Русской мысли» (см., напр., № 543 от 8 апр. 1953 г.).

⁵⁴ Кречетов (Загребин) Ф.Е. Предисловие // Ламперти Р.И. Русская лира. Венеция, 1948. С. V.

АНАСТАСИЯ ПАСКВИНЕЛЛИ (Милан)

ГЕОРГИЙ ЭРИСТОВ, РУССКИЙ ПОЭТ В МИЛАНЕ

Жизнь

Поэт Эристов, интеллеktуал с беспокойным и бунтарским духом, прежде чем влиться после Второй мировой войны в весьма немногочисленную¹ эмигрантскую среду Италии, вел жизнь путешественника, журналиста, критика². Он был космополитом и патриотом (на свой лад). Его земная траектория завершилась в Милане, где он нашел наконец-то «спокойную гавань» после многих лет скитаний.

Георгий Захарьевич (Арчилович)³ Сидамон-Эристов родился 6 мая 1902 г. в грузинском городе Батуми и скончался 23 октября 1977 г. в Милане. Эристов принадлежал к древнему и культурному княжескому роду Грузии⁴, давшему целый ряд поэтов и писателей. Его дед Георгий Давидович (1811–1894) — журналист и драматург, один из основателей современного литературного грузинского языка. Мать поэта была русская по происхождению, и юный Георгий провел начало своей жизни между Грузией и Петербургом. Он окончил «классическую гимназию и два факультета: инженерный (химия) и экономический», как много позднее, в 1966 г., написал в одной краткой автобиографической заметке⁵.

Точная дата его бегства из охваченной революцией России нам неизвестна: «с начала 1920-х — в эмиграции» — расплывчато написано в достаточно информативном словаре Крейда⁶. Можно представить, что послеоктябрьская большевистская диктатура и суровый контроль партии над жизнью страны⁷ заставили Эристова и двух его двоюродных братьев покинуть родину и укрыться на Западе. Маршрут его исхода можно реконструировать по замечательному стихотворному циклу «Скитания» (в составе сборника «Сонеты», 1955), имеющему две части, первая из которых так и озаглавлена — «Дорожный дневник». В целом этот

эмигрантский маршрут можно считать «классическим»: Константинополь, Прага, Берлин. Затем Эристов отправляется на север, в немецкий горный массив Гарц (Харц), откуда спускается по Рейну и попадает в Мюнхен, затем в Вену и, наконец, в Париж. Таким образом, лирические «Скитания» кончаются на «французской ноте».

Между тем уже в то время в Милане жили родственники Эристова, его кузены, неплохо обосновавшиеся в этой гостеприимной «северной столице» Италии, державшей первое место по численности и организованности русских эмигрантов. Уже в июне 1925 г. здесь была основана эмигрантская организация «*Colonia russa dell'Italia settentrionale*» («Русская колония в Северной Италии»)⁸. В числе ее пяти так называемых синдаков мы видим двух князей Эристовых, двоюродных братьев литератора. Один из них, Александр Константинович, скончался в Милане 12 июля 1956 г. в возрасте 84 лет⁹, и другой, Николай Константинович¹⁰, скончался также в Милане 8 октября 1970 г.; оба брата погребены на городском кладбище Музокко (*Musocco*)¹¹. Вместе с ними в «северной столице» Италии жила и их сестра, Ольга Константиновна. Однако из-за отсутствия каких-либо литературных или документальных свидетельств полагаем, что Италия и Милан достаточно долго оставались для самого Георгия Эристова неким миражом, о чем он позднее напишет так: «После долгих лет скитаний по Европе обосновался в Италии, где живу уже почти три десятка лет»¹². Таким образом, нам неизвестны обстоятельства его «доитальянского» периода, длившегося более десятилетия. В. Крейд тоже не знает ничего определенного: «Жил в разных странах Европы. Незадолго до начала войны, по словам самого Э. (автор тут, вероятно, интерпретирует вышеупомянутую автобиографическую заметку Эристова. — *А.П.*), обосновался в Италии»¹³. При этом исследователь добавляет весьма любопытную деталь, опущенную по понятным причинам, самим Эристовым: «По данным Геннадия Панина, встречавшего Э. в оккупированном Крыму, Э. сотрудничал в 1940-м г. в симферопольском “Голосе Крыма” и был редактором информационного бюллетеня для частей армии РОА (армии ген. Власова). Редактировал газ. “Доброволец”, выходившую в Германии»¹⁴. Эту компрометирующую страницу жизни Эристов скры-

вал, и она, пусть и в крайней форме, обнажает его пристрастия — борьбу (безнадежную) с большевизмом-сталинизмом и патриотизм с грузинской закваской.

Необыкновенно опасный период жизни журналиста-«добровольца» закончился, причем этот драматический конец поэт блестяще отразил в духе древнегреческого катарсиса — очищения духа от страдания и страха. Вот что он пишет, с радостными интонациями спасенного после кораблекрушения: «Зловещих лет убийственная жуть / Оставлены за Альпами навеки. / И раскрывались с отрадой веки / Ловила жадно чистый воздух грудь» (первый сонет, «Карния (Фриули)», из второй части сборника «Сонеты» (1955), озаглавленного «Под небом Италии»).

Какое-то особое стечение обстоятельств помогло Эристову благополучно попасть в Италию. Известно, что, согласно секретной части Ялтинских соглашений между И.В. Сталиным и союзниками, в СССР были насильственно репатриированы (и затем репрессированы) многие бывшие советские граждане, оказавшиеся на оккупированных немцами территориях, при этом с особым рвением разыскивались служившие в РОА¹⁵. Некоторым «власовцам» удалось, впрочем, избежать этого: большая их группа, около 600 человек, укрылась, например, в Лихтенштейне. Вот что пишет советский посол А.И. Степанов: «В мае 1945 г. в княжестве оказались русские люди, служившие в гитлеровском вермахте под командованием генерала Хольмстона-Смысловского (из штаба Власова. — А.П.), который многие годы был на службе германской разведки. Одни стремились на Родину, другие норовили убежать подальше от нее»¹⁶. Нескольким эмигрантам помог известный впоследствии меценат Э.А. фон Фальц-Фейн, переправлявший беженцев во Францию, Германию, Австрию и Италию. Хотя Георгий Эристов в книге Степанова не упоминается, нельзя исключить, что его путь в Италию пролегал через Лихтенштейн¹⁷. Учитывая несколько авантюрный характер Эристова, можно предположить, что он и сам придумал и осуществил план бегства в «окупантском обозе». В итоге литератор оказался в гостеприимной Италии, и его маршрут им поэтически описан: помимо уже упомянутого сонета, это второй сонет «Карния, Верона 1944» и третий «Милан», возделенная цель. Таким образом, «официально» начался период его ита-

льянской эмиграции, закончились перипетии бурной юности, а спокойная жизнь на второй родине позволила ему и развиваться творчески.

В Милане Эристов нашел своих кузенов, с которыми, впрочем, отношения у него, кажется, не сложились, а также женился на Пии Бернаскони (23 апреля 1905 — 9 апреля 1979), родом из городка Черноббио (близ Комо). Свадьба Георгия и Пии состоялась 19 февраля 1947 г., по церковному обряду, в миланском храме Св. Григория Великого (San Gregorio Magno)¹⁸. Чета поселилась в Милане на улице Гаффурио, № 4. Еще до свадьбы Пия вместе со своей сестрой Карлой вела в Комо торговлю французскими тканями и местным шелком, так что Эристов, получив в 1950-х гг. итальянское гражданство¹⁹, начал новую «буржуазную» жизнь, сохраняя при этом свободу мысли и стараясь найти себя и на гуманитарном поприще. «В настоящее время, — пишет он в автобиографической заметке, — занимаюсь литературной и педагогической деятельностью. Уже ряд лет состою преподавателем русской литературы и языка в Миланском институте “International Translating Centre”²⁰. Кроме того, часто в различных городах Италии выступаю с публичными лекциями по “русскому комплексу” (литература, культура, история). Некоторые из этих лекций вышли на итальянском языке отдельными брошюрами. Печатаюсь в журналах: “Современник” (Канада) и “Грани”. <...> В Италии впервые выпустил первые два сборника стихотворений “Сонеты” в 1955 г. и “Синий вечер” в 1956 г.; в текущем году [1966] должна быть опубликована третья книга стихов — “Ладья” в Париже»²¹.

И как миланский житель он продолжал неумоимо путешествовать, о чем свидетельствуют его стихи в сборниках «Сонеты» и «Ладья»: Комо, Лаго-Маджоре, Лигурийская Ривьера, Венеция, Флоренция, Рим, Неаполь, Сардиния и Сицилия.

23 октября 1977 г. в окружении супруги и самых близких друзей он закончил свой земной путь в Ортопедическом госпитале им. Дж. Пини, куда попал с переломом бедра после неудачного падения.

После кремации его прах был погребен в усыпальнице Пиадени, родственников жены, в городе Комо, на Большом кладбище (Cimitero Maggiore)²². Спустя два года, также после кремации, в

том же склепе похоронили и его жену Пию Бернаскони. Имена обоих супругов указаны в надписи, высеченной на колонне.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Юный Эристов, как и Пушкин, имел свой «Арзамас»: начав «писать стихи в 13 лет»²³, он вступил в грузинский филиал Цеха поэтов, основанного в 1912 г. С. Городецким (поэтом, пережившем самого себя) и Н. Гумилевым, ярким «метеором» Серебряного века и «акмеизма», возникшего как реакция на распад «символизма». Эристов «сначала испытывал влияние символистов (А. Белый), а затем акмеистов, пока не нашел свой “особый путь”»²⁴.

Приведем ценное воспоминание поэта: «С. Городецкий организовал тифлисский Цех поэтов, провозгласив себя “синдиком”. К нему примкнули Рафалович, Эльснер и многочисленная группа начинающих поэтов (и юных, и уже “взрослых”); из этой группы отметим наиболее талантливых и интересных: Татьяна Пояркова, С.Н. Меликова, Борис Данцигер, Александр Гербстман, Владимир Сапожников, Григорий Баммель (Бажбеук-Меликов), Борис Агапов, Оболянинов, Николай Образцов (быв. священник), Антоновская, ген. Александр Кулебякин и другие. В этом цехе имело место и мое “поэтическое крещение”. В 1918 г. цех выпустил альманах “АКМЭ”, в котором были напечатаны стихи всех принимавших участие в этой литературной группировке. Часто у себя на дому устраивал литературные вечера Сергей Городецкий, хозяйничала жена поэта, писавшая стихи под именем Бел-Конь-Любомирская. На этих оживленных вечерах, во время ужина, подавалась “традиционная” глыба льда с замороженными красными розами, которую, разбив топориком, хозяин амфитриды преподносил поэтессам. Городецкий вообще любил позу, был напыщен, поверхностно болтлив и, признаться, мало симпатичен. Но надо отдать ему должное, он сумел организовать настоящую школу поэтов. На еженедельных собраниях цеха все поэты читали свои произведения, каждое из которых “разбиралось по косточкам” и с точки зрения формальной, и по содержанию. Жесткая по беспристрастности и дружеская критика, несомненно, приносила большую пользу, помогая поэтам “расти”. Издание

альманаха “АКМЭ”, где молодые поэты получили возможность впервые напечатать свои произведения, также необходимо поставить в заслугу Городецкому. <...> В 1921 г., с оккупацией Закавказья Красной армией, деятельность цеха начала хиреть. Поэты стали разъезжаться, кто вернулся в Россию, кто за границу. После отъезда цех, переименованный в Тифлисское отделение Всероссийского союза писателей и поэтов, возглавил С. Рафалович, но вскоре и он “сбежал” за границу»²⁵.

Акмеистическим тенденциям Эристов оставался верен всегда: это реализм, особенно чувствительный к конкретной индивидуальности предметов, а также поэтический опыт, погруженный в рафинированную, мягкую, с размытыми очертаниями, но всегда прозрачную «прекрасную ясность», говоря словами М. Кузьмина. «Музу дальних странствий» он полюбил вслед за Гумилевым, давшим ему духовные и поэтические ориентиры. Сам поэт, Эристов писал: «Моими любимыми поэтами являются: из XIX века — Пушкин, Баратынский, Тютчев, Фет, из текущего столетия — Гумилев, Мандельштам, Ахматова, Владимир Хлебников, Николай Заболоцкий»²⁶. Перефразируя Шкловского, говорившего о Розанове, можно сказать, что и Эристов за своими плечами «имел, подобно Пушкину, целую школу»²⁷.

Драматическая история XX в. поставила перед ним тяжелый выбор: в итоге он познает постоянное изгнание как бегство от собственной идентичности, так как «утрата идентичности есть гарантия власти», по определению исследователя П. Скарни и, вместе с тем, изгнание — это «иницирующий маршрут, следующий принципу трансформации ради достижения, согласно плотинской тоске по Единственному, “мифов возвращения” через востребованные ими литературный вымысел»²⁸. Так и у Эристова, вечного изгнанника по натуре и по выбору, которого укоряли в отсутствии определенного «места», парадоксальным образом наличествует точное ощущение пространства во всех его измерениях, во всей специфической реальности: «атопия* — вероятно, основное слово современности»²⁹.

В рамках общеевропейской катастрофы 1910-х гг. в России — стране, «взвихренной» революцией, кара для побежденных (из-

* Отсутствие места (*греч.*).

гнание, добровольное или насильственное) становилась и избранием: она воспринималась в моральных категориях. Тем самым изгнание превращало Эристова, как и других представителей российской интеллигенции, в соответствии с историческими моделями (проскрипционные списки, например, первых западных масонских лож) в типично гностическую фигуру, то есть в фигуру неутомимого скитальца, чужеземца, ссыльного. «Я страны менял, как фальшивые деньги», — вздыхал Набоков. Стратегический гностический ход подобной фигуры — это именно иницирующее путешествие в поисках «небесной родины», достигаемое творческим воображением и осознанием исторического кризиса, прервавшего линейность времени. Путешественники становятся и чужеземцами, в согласии с теорией гнозиса, а чужеземцы — изгнанниками с самой земли, далекими от настоящей родины, которую невозможно достичь. Тем самым образ чужеземца и ссыльного становится эмблематическими для условий современности³⁰. «Иностранец с книгой в руках» (опять выражение Набокова) имеет возможность открывать вещи за гранью их реальной формы, имеет возможность нового познания в опыте метаморфоз. Путешествие в форме изгнания — теперь не случайность, не акт слепой Тихе, а один из стратегических, даже профетических ходов ради достижения бессмертия: «<...> и мечтаешь напрасный труд, / Что наши трупы въедут в Петроград / Что бронзовые Музы осенят / Храм эмигрантской лирики?) Капут. / А вот стихи — дойдут. Стихи — дойдут», — пишет поэт И. Чиннов³¹.

Впрочем у Эристова доминировал *Trauerspiel*, «траурная презентация», введенная в «парижской ноте» Георгием Адамовичем, воспевавшим вместе с утратой родины и утрату идентичности поэта в ту эпоху, когда потерявшее свою плотность время «висело как расплетенная коса»³². Однако у Эристова в *Trauerspiel* ощущалась одновременно легкая и прозрачная веселость «кузьминской ноты». Траур изгнания перерабатывался в моральную победу: поэт, которому приходилось «разом пересечь ад» (Э. Паунд, «Пизанские песни»), мог воссоздать полноту собственной идентичности и сохранить гармонию отношений с внешним миром, осветив его светом иной реальности. Поэтика Эристова, сохранявшая тенденции акмеизма, превращалась в

художественную стратегию доминирования над хаосом драматической эпохи, над миром-лабиринтом, над «*locus terribilis, locus atoenus*» («место ужасное, место приятное»)³³. Его творчество соотносится с философской школой Плотина, с гностическим уклоном и четко вписывается в александрийский *Logos*, где вечное выражается в мгновенном, а мгновение содержит вечность, тем самым давая поэту-творцу бессмертие. Полагаем, что у Эристова продолжается именно эта александрийская линия, хорошо представленная в русской литературе и нашедшая свой апогей у Мандельштама, полагавшего, что русский язык — язык эллинистический, ибо похож на «звонящую плоть»³⁴.

Почва александрийского *Logos*'а, гибкого инструмента познания, позволила Эристову преодолеть грусть «парижской ноты» и обрести собственный путь. Этот метод стал самым подходящим в поисках ясности среди метаморфоз и изменений. Поэзия Эристова отмечена переплетением разума и опыта, приводящим в единую форму конфликт между формой и событием, между настоящим и будущим — в форму, типичную для александрийской эпохи³⁵.

Поэзия

Итальянская тема возникает у Эристова в последней части его сборника «Сонеты. Первая книга стихов» (Милан: Fornagoli, 1955). Самые ранний его цикл (1922–1930) носит явный отпечаток акмеистического Цеха поэтов, в первую очередь Гумилева, и озаглавлен «На классические темы»: тут в самом деле звучат темы героические, повстанческие (Галльская война, Катилина, Сократ). Второй цикл «Портреты» (1931–1954) продолжает эту изначальную линию: четыре сонета посвящены Франсуа Вийону, два — Гумилеву («любимый мой поэт», его «стихи же были мне дорожи хлеба») и один — Бетховену, с рафинированным и зашифрованным парафразом из Гейне во второй четверостишье («от южных пальм до северной сосны»).

Третий цикл «Pro domo sua» («Ради дома своего») (1924–1954) обращен к прошлому — к первой любви, матери, коту Фарфуй, местам летнего отдыха в Грузии, к Батуми и Тбилиси, к событиям Гражданской войны. Здесь поэт ищет утраченное время, сра-

жается с собственной памятью ради преодоления скорби по утраченной родине, хаоса, разрухи и преобразования в новое видение, ради выживания не путем отречения, то есть забвения, а верности пережитому. Как и на акварели «Angelus Novus» («Новый Ангел») П. Клее, приобретенной и откомментированной мыслителем В. Бенжамином, литератор движется вперед, но взор его обращен назад, к прошлому, что позволяет гармонично воспринять будущее. Следующий поэтический цикл, «Дорожный дневник», разделен на две части: первый, «Скитания» (1927–1954), уже упоминался выше; второй, «Под небом Италии» (1944–1954), состоит из 19 сонетов и целиком посвящен стране, где Эристов нашел последнее пристанище.

В его вторую книгу, «Синий вечер. Вторая книга стихов» (Милан, 1956), вошли произведения 1920–1956 гг. Она поделена на две части с соответствующими подзаголовками, «Синий вечер» и «Дым отечества»³⁶. Стихи представлены в хронологическом порядке, что помогает исследователю воссоздать «паломничество» Эристова по миру как в географическом, так и в творческом смысле. Автор зачастую предстает перед читателем зашифрованным, как живая загадка, как носитель экзистенциальной тайны. Например, в «Испанской сюите» он упоминает Бургос, Толедо и Эскуриал (где «дьявол распростер свои объятия, / И ангел смерти сторожил с мечом»), Кастилию и Валенсию («незнакомке моей... лет восемь!»), Таррагону («отсюда некогда проконсул Рима / Иберии законы диктовал») и другие увиденные места и пережитые чувства – в пространстве, где атопия становится залогом вечности. После Испании – Франция (Лурд, Биарриц и веселый солнечный Лазурный берег). Заключительная часть посвящена давним воспоминаниям – Грузии (Колхиде, не без лермонтовских отголосков), дореволюционной Москве и Петербургу.

Самый последний сборник, «Ладья» (Париж [без издателя] Imprimerie Béresniak [типография Березняка], 1966), тоже имеет две части: первая, более обширная, озаглавлена «Солнце Италии», вторая – «Млечный путь». В название «Ладья» автор вложил и переносный смысл, имея в виду шахматную фигуру, называемую на итальянском «torre» – «башня»: именно таков, «Башня», и подзаголовок книги.

ВОСПРИЯТИЕ КРИТИКИ

Наладив свой быт в Милане и выпустив три поэтических сборника, автор разослал их по редакциям эмигрантских журналов: в «Возрождение» (Париж), «Новый журнал», «Грани» (Франкфурт-на-Майне), «Современник» (Торонто). В итоге отголоски его творчества достигли читающей публики, хотя в целом эта инициатива Эристова блестящих плодов не принесла: периодические издания иногда перепечатавали отдельные его стихотворения, но литературоведческая критика в целом поспешила на рецензии, а те, что вышли, нельзя было отнести к ободряющим.

Рецензенты упорно относили стихи Эристова к гумилевским эпигонам, заключая его в жесткие рамки акмеизма (им в действительности преодоленные). В соответствии с этой критической линией Ю. Трубецкой, например, писал, что «поэт как бы обут в ложно-классические контуры. <...> Формально Г. Эристов почти не отходит от классических метров и почти всегда риторичен»³⁷. Н. Станюкович сравнивает Эристова с его поэтическим ориентиром, Гумилевым, конечно, не в пользу первого, и заключает, что «в его стихах <...> отсутствует гармония между разумом и чувством»³⁸. Более благожелателен к поэту Г. Месняев: «Он полностью соблюл свою поэтическую самостоятельность, свой собственный поэтический голос»³⁹.

Таким образом, успех Эристова у критики был весьма скромным, что можно в целом сказать о русских поэтах-эмигрантах, живших в Италии⁴⁰. Они остались на обочине литературного процесса, активно шедшего в Париже, а после Второй мировой войны — в Новом Свете: и во Франции и в Америке существовала капиллярная сеть периодических изданий, встреч, творческих вечеров, дискуссий, позволявших развиваться эмигрантской культуре. Рецензии заальпийских и заокеанских коллег, безо всякой симпатии к рецензируемому («симпатии» даже в этимологическом смысле — «сострадание»), — вероятно, и симптом непонимания далекого автора, живущего в иной реальности. Тексты рецензий отмечены более чувством «долга» перед «итальянским другом», нежели реальным удовольствием писать о его творчестве. Может, и сама фигура Эристова, прожившего

жизнь приключенческую, атопическую, тоже не вызывала стремления к интеллектуальной близости.

В самой Италии, на второй родине, стихи Эристова никогда не переводились, как и стихи его коллег по литературе в изгнании (за исключением А. Гейнцельмана, переведенного собственной супругой). Как очевидное следствие, они и не были замечены. Итальянская славистика, всегда внимательная к великой эмигрантской литературе, долгое время не интересовалась русскими литераторами, жившими на Апеннинском полуострове. Лишь патриарх славистики профессор Э. Ло Гатто вкратце упомянул миланского поэта как «автора двух небольших сборников, “Сонеты” (1955) и “Синий вечер” (1956)»⁴¹. Это упоминание вызвало преувеличенный отклик самого Эристова, неизбалованного критикой: «Лучший итальянский славист, римский профессор Ло Гатто в своем капитальном труде “Современная русская литература” с большой похвалой отозвался о моих книгах»⁴².

ТЕАТРЫ ПАМЯТИ

Эмигрантский опыт отразился у Эристова в соответствии с ренессансными канонами неоплатонизма, основанными на *Ars memorativa* (искусство памяти) классической эпохи⁴³. Подобная, чисто итальянская эстетика нашла свое высшее выражение у Камилло Дельминио (1485–1544), создавшего так называемый «Театр памяти», где в *Locus*, то есть в пространство, фантастическую сцену, погружались *Imagines* (образы), символически и формально выражавшие необходимые для автора концепции.

Данная поэтическая концепция, блестяще разработанная у Михаила Кузьмина⁴⁴, была принята и Георгием Эристовым, обогатившим ее своим двойным опытом — изгнанием и скитанием. Если у Кузьмина *Locus* — это Италия, а *Imagines* — это разные, порой ностальгические, но лишённые эмигрантской горечи итальянские образы, то у Эристова *Locus* — это утраченная Россия (и Грузия), на фоне которой движутся *Imagines* как итальянские, так и видения других увиденных мест. Подобная режиссура поэзии — весьма изощренная, сложная и весьма современная. Приведем некоторые примеры. «Стоял часами пред тобой, / Бесмертная Мадонна Литта. / Еще не знал я, что судьбой / Доро-

га к счастью мне закрыта. <...> Но Эрмитаж — он так далек / В родном и северном тумане... / И я прочесть тогда ли мог, / Что доживу свой век в Милане!» («Синим вечером», сборник «Синий вечер», с. 34). И еще: «Кап Антиб, Сан Жуан, шумный Канн, / Одряхлевшая Ницца — привет! / А в мечтах — петербургский туман, / Белой ночи таинственный свет!» («Лазурный берег», там же, с. 52).

Характерны такие строки Эрриво: «Туманом улицы заволокло. / Неясной глыбой проплывал Дуомо (кафедральный собор. — А.П.). / Мне померещилось — я снова дома! / Там дальше, невское блеснет стекло. <...> Еще момент и потеряюсь я... / Но Леонардо ласковой рукой / Меня уводит к синему покою» («Милан», сборник «Сонеты», с. 65). Мы видим, как в итальянском пейзаже тоска поэта растворяется: во Флоренции он даже видит небесного посланника, ангела⁴⁵ — «Над башней Джотто ангел пролетел» («Флоренция», там же, с. 74). Открывая для себя Боттичелли, Эрриво соединяет материю и дух в одну пластическую гармонию: «И дух и плоть в единстве красоты / Любимый мною, сочетал художник» («Боттичелли — Флоренция», там же, с. 75). Здесь Эрриво восходит к вершинам своего «театра образов» — образов живописных, столь характерных для русской поэтики, где прекрасное ассоциируется со священным. Об этом пишет и ренессансный философ-неоплатоник Марсилио Фичино (1433–1499), видевший «серафимов любви» в «бесконечном благе» («De rapto Pauli» — «Экстаз Павла»).

Именно подобным методом Фичино поэт Эрриво во время своего долгого изгнания создал стратегию «психологического лечения», преодолев персональную скорбь через александрийский *Logos*. Приведем доказательство: если в «Сонетах» (1955) итальянский цикл назван «Под небом Италии», то в «Ладье» — «Под солнцем Италии»: место огромного, но абстрактного пространства занимает то же пространство, но залитое великолепным солнцем, метафора, близкая и Плотину и Фичино. «Кто не любит солнца, тот не человек. / Кто не видит солнца — безнадежно слеп», — пишет Эрриво («Мизантроп», сборник «Ладья», с. 39). Интересны следующие строки: «Синие небо над нами / Солнце над тихой рекой. <...> / Видел под фресками Джотто / В пышной базилике гроб. <...> / Ласково старец Зосима / Испо-

ведь принял мою» («Ассизи. В гостях у Св. Франциска», там же, с. 13). Восходит солнце, и русский план (*Locus*) «театра памяти» выходит из тени, отброшенной гробницей итальянского святого. Подобное, внешне противоречивое состояние снимается вновь установленной гармонией: «Белое облако мимо / Плыло в отчизну свою» (там же).

Последний цикл сборника «Ладья» – «Млечный путь» – стоит особняком в творчестве поэта – тут происходит интересная метаморфоза: итальянский опыт того первоначального *Trauerspiel*, при этом меняется язык и структура стиха.

Тема «утраты», «парижской грусти» переключается на тему поиска «музыки сфер», «космической души»: «Так ограничены пределы света, / И шар земной нам замкнутая клеть. / Ах, почему до Марса нет билета / В экспрессе межпланетном полететь!» («Лигея», сборник «Ладья», с. 27). Эта новая и последняя поэтическая линия Эристова уходит в мир ярких красок и торжественных форм, в маршруты метафизических полетов, подобно шагаловским, в звучную мифологию, облегченную современной иронией: «Заблудились в пространствах галактики / Умиравшего мира скитальцы... / А над льдами прозрачными Арктики / Поднимались антенны, как пальцы. <...> Корабли повернули к созвездиям – / Этот мир для приюта не годен, / Здесь в огне опустилось возмездие, / Чтобы дух возродился свободен» («Робинзоны», там же, с. 29).

В замечательном стихотворении «Ковер», одном из последних, мы видим рафинированное завершение его творческого пути: «Узор бессмысленный ковра, / Далекое Мазандерана. / Он сердцу говорит – пора, / Твоя зарубцевалась рана. Какой неведомой артист / Орнамент выводил на ткани? На белой ветке – синий лист, / Цветок в причудливом стакане. А краски – их не перечить, / Сплелись в нелепом хороводе, / Но их магическая весть / Вакхической подобна оде. / Нельзя, не нужно понимать! / Так птица распевает звонко, / Так смех бессмысленный ребенка / Восторгом наполняет мать».

Здесь утонченный литератор Эристов раскрывается нам и как поэт «*poikilos*» – этим атрибутом в античности наделяли все многообразное, пестрое, «муаровое», а также и то, что относилось к «ведению» богини Афродиты, – изощренное, прорабо-

танное, изысканное. В категориях эстетики *Poikmlia* употребляется и для объектов природы, и для сотворенных человеком вещей — их объединяет «удовольствие от разнообразия», от гармонично переплетенных цветов и форм, в том числе — и от «ковра». Вспомним, что и Гумилев в своем манифесте акмеизма искал поэтическое выражение гармонии, равновесия между субъектом и объектом лирики, нарушенном, по его мнению, в символизме. Произведения *poikmle* Эрнстова, изысканной простоты, с четко просчитанной интеллектуальной геометрией, с эллинистической мудростью — это интересное обновление новых форм выражения, лежащее вместе с тем в типично русской литературной традиции.

Перевод с ит. М.Г. Талалая

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М. Раев во введении к сб. «L'émigration russe. Revues et recueils : 1920–1980» (Paris, 1988) оценивает русскую эмиграцию в Италии в один процент от ее общей численности.

² Назовем некоторые литературоведческие работы Г. Эрнстова: Николай Степанович Гумилев (Материалы к библиографии и биографии) // Северо-кавказский коллекционер. 1932. № 10–12. С. 22–28; Осмеянный пророк: Критический этюд о Гоголе. Мюнхен: Русская идея, 1952.

³ Вероятно, его отец, носивший традиционное грузинское имя Арчил, имел и крестильное имя из «Святцев», Захарий.

⁴ Эта княжеская ветвь Эрнстовых, отделившаяся от общего родословного древа Эрнстовых-Арагвских, имела вторую фамилию, Сидамоновы; в ЗАГСе (Aragrafe) г. Милана он зарегистрирован именно как Сидамон-Эрнстов.

⁵ Содружество / Под ред. В. Маркова. Вашингтон: В. Камкин, 1966. С. 554, 555.

⁶ Словарь поэтов русского зарубежья / Под ред. В. Крейда. СПб.: Русский гуманитарный институт, 1999. С. 277.

⁷ В том числе контроль и над художественной жизнью, выразившийся, например, в резолюции ЦК РКПб (Правда. 1925. 1 авг.); см. также Trotskij L. Letteratura e rivoluzione. Torino: Einaudi, 1973. P. 615–632; Geller M. Nekric A. Storia dell'Urss dal 1917 a oggi. Milano: Rizzoli, 1984. P. 229–231.

⁸ Истории этой организации посвящены несколько страниц дипломной работы: Cassaro L. Russi a Milano nel primo trentennio del '900.

Milano: Universita degli Studi, a.a. 1994–1995; здесь не раз упоминается и Георгий Эристов, но сведения о нем противоречивы, а то и просто ошибочны, и заслуживают внимательной проверки и уточнения. О «русском Милане» 1930-х гг. см. также: Талалай М.Г. Эмигрантские общины в Италии // Зарубежная Россия. 1917–1939. СПб.: Лики России, 2003. С. 131–138.

⁹ Полковник князь А.К. Эристов долгое время являлся заместителем председателя итальянского отдела Зарубежного союза русских военных инвалидов; см. статью С.В. Волкова в наст. изд. — *Примеч. ред.*

¹⁰ Князь Н. Эристов дал свое имя весьма популярной итальянской водке «Eristov» (в сертификате на водку он указан как «торговец»).

¹¹ Сведения из картотеки М.Г. Талалая.

¹² Содружество... С. 554.

¹³ Словарь поэтов русского зарубежья... С. 277.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См. Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. Париж: УМСА, 1978.

¹⁶ Степанов А.И. Незнакомый Лихтенштейн, глазами первого русского посла. М.: Изд. МИД, 2002. С. 488.

¹⁷ Об исходе эмигрантов «второй волны» в Италию пишет Б.Н. Ширяев, сотрудничавший с германскими оккупантами также в качестве журналиста: он попал, как и Эристов, во Фриули, где находился Казахий стан атамана Краснова, через Берлин; см. Ширяев Б. Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол. Буэнос-Айрес, 1952. — *Примеч. ред.*

¹⁸ Биографические данные получены мною в муниципальных ЗАГСх Милана, Черноббио и Комо, а также от семейства из Комо Пиадени (породненного с семьей Бернаскони), которому, пользуясь случаем, выражаю благодарность.

¹⁹ Точная дата пока не установлена.

²⁰ Международный переводческий центр до сих пор действует в Милане, на улице Массарани, № 2, и более известен под аббревиатурой ИТС; госпожа Барбьери, работающая в администрации центра с 1979 г., помнит имя Эристова среди его преподавателей, однако из-за частных переездов центра его архив плохо сохранился, и каких-либо следов деятельности поэта обнаружить не удалось.

²¹ Содружество... С. 554.

²² Участок № 51 в левой части кладбища.

²³ Содружество... С. 554.

²⁴ Там же.

²⁵ Современник. 1962. № 5. С. 57.

²⁶ Там же.

²⁷ См.: Шкловский В. Розанов. Пг.: Опыаз, 1921. С. 43.

- ²⁸ Scarpi P. La fuga e il ritorno. Venezia: Marsilio, 1992. P. 11–12.
- ²⁹ Rella F. Limina. Milano: Feltrinelli, 1987. P. 16.
- ³⁰ См.: Jonas H. Lo gnosticismo. Torino: SEI, 1973. P. 335–355.
- ³¹ Чиннов И. Автограф. Холиоке, 1984. С. 102; Чиннов Игорь Владимирович (1910–1996) – выдающийся русский поэт, эмигрировавший в США.
- ³² Выражение немецкого мыслителя В. Бенжамина (1892–1940).
- ³³ Формула принадлежит монаху-гуманисту Франческо Колонне (1432–1527).
- ³⁴ Мандельштам О. О природе слова // Собр. соч.: В 3 т. New York: Interlanguage Literary Ass., 1971. Т. 2. P. 245.
- ³⁵ См. фундаментальный анализ эллинистической (и стоической) эстетики: Diana C. Forma ed evento. Venezia: Neri Pozza, 1952. P. 2–81.
- ³⁶ Явная цитата из Грибоедова.
- ³⁷ Новый журнал. 1957. Кн. L. С. 287, 288.
- ³⁸ Возрождение. 1960. № 97. С. 130, 131.
- ³⁹ Возрождение. 1964. № 149. С. 118–120.
- ⁴⁰ См. статью С. Гардзонио в наст. изд., дающую важный ключ для критического прочтения творчества Г. Эристов. – *Примеч. ред.*
- ⁴¹ Lo Gatto E. Russi in Italia. Roma: Riuniti, 1971. С. 308–312.
- ⁴² Содружество... С. 554.
- ⁴³ Об Ars memorativa см.: Yates F. L'Arte della Memoria. Torino, 1972; Rossi P. Clavis universalis. Arti della memoria e logica combinatoria da Lullo a Leibnitz. Bologna, 1983.
- ⁴⁴ Pasquini A. Umanesimo di Michail Kuzmin // Alchimie. Torino: Tirrenia Stampatori, 1995. P. 93–117.
- ⁴⁵ Современный венецианский философ видит в ангеле «способность к воображению», «возможность человека общаться с невидимым»; см.: Sacchiari M. L'angelo necessario. Milano: Adelphi, 1992. P. 62–63.

Рита Джулиани (Рим)

ИОСИФ БРОДСКИЙ В РИМЕ

«Произведения не зависят от биографии. Это биография зависит от произведений»¹, — писал Иосиф Александрович Бродский (Ленинград, 24 мая 1940 — Нью-Йорк, 28 января 1996) в статье, появившейся в 1996 г. на страницах журнала «L'Espresso». Он хорошо знал это по собственному опыту. Из-за своих произведений он был арестован, обвинен в «тунеядстве» и осужден (1964) на пять лет исправительных работ в Архангельской области (под давлением советской и мировой общественности срок сократили до фактически отбытого — восемнадцати месяцев), затем, в июне 1972 г., выслан из СССР. Воспользовавшись приглашением Карла Проффера, Бродский согласился стать «Poet-in-Residence»* в Мичиганском университете в Анн-Арборе, где он оставался до 1981 г. Бродский обосновался в США, поселился в Нью-Йорке, преподавал в разных американских университетах. В 1977 г. он получил американское гражданство, а в 1991 г. — почетное звание «поэта-лауреата». И все же Бродский — «путешественник, жертва географии»², как называл себя сам поэт, — ощущал физическую и духовную потребность в Европе, куда возвращался при первой же возможности.

Больше всего его тянуло в Италию. Еще до высылки Бродский безуспешно просил выездную визу в страну, где у него было немало верных друзей. Хорошо известно, какую роль сыграла в его жизни и в его поэзии Венеция; о роли Рима знают мало. Сегодня, когда со дня смерти поэта прошло десять лет, а со дня первого приезда в Рим — тридцать, история жизни Бродского в Риме еще не написана. Попробуем восстановить ее хотя бы в первом приближении, опираясь на воспоминания римских друзей поэта, которым автор статьи выражает искреннюю благодарность.

* Дословно «поэт по месту пребывания» (англ.) — почетная должность, существующая в ряде американских университетов. — *Примеч. пер.*

Первый раз Бродский приехал в Рим в 1973 г. и поселился в отеле «Боливар» на виа дела Кордоната, № 6, на Квиринальском холме. В 1988 г. он делился первыми римскими впечатлениями с Евгением Рейном: «Я помню, когда я приехал первый раз в Италию в семьдесят третьем году, после полугода пребывания в Штатах, то, гуляя по Риму, совершенно не понимал, в чем дело. Языка я не знал, и тем не менее я чувствовал себя куда в большей степени дома (это было зимой), нежели в Лондоне или в тех же самых Штатах, все-таки в некоторой степени зная язык. И какое-то время меня это донимало, пока мне не пришло в голову, что обстоятельствами, вызывающими это чувство, являются фасады, статуи, лепнина и т.д. Просто вот все это и был язык. И этот язык всегда к тебе обращается на понятном наречии, чего совершенно не происходит, например, во Франции, не происходит это в Германии...»³.

Бродский вернется в Рим несколько лет спустя, в 1980/81 учебном году. С февраля по май 1981 г. он жил в небольшом флигеле в парке виллы Ричардсон, где сегодня находится резиденция посла США при Ватикане, на виа Джакомо Медичи, № 11, на Яникуле. Раньше там жили гости Американской академии. Вот что рассказывал поэт Соломону Волкову: «В Риме я жил четыре месяца как стипендиат Американской Академии. У меня был двухэтажный флигель, на отшибе, с огромным садом. Пано-рама оттуда открывалась совершенно замечательная: справа Рим дохристианский, языческий, то есть Колизей и прочее. Слева христианский – св. Петр, все эти купола. А в центре – Пантеон»⁴. На самом деле стипендии не было, зато был статус, и весьма престижный – «Resident»* Американской академии, которого удостоивались видные американские ученые, писатели и художники, получившие личное приглашение директора Академии поработать в Риме.

В эти годы Бродский преподает литературу в Школе искусств Колумбийского университета. В Риме у него множество друзей и немало подруг. Он говорил, что Италию и итальянцев открыл для него Джанни Буттафава⁵, близкий друг и переводчик Брод-

* Дословно «житель». – *Примеч. пер.*

ского. Часами они бродили по Пинчо и по центру города, разговаривали, каламбурили.

К нему начинает проявлять интерес римская интеллигенция, и вскоре у Бродского завязываются отношения с университетской средой. 31 марта и 1 апреля 1981 г. он читает в университете «Ла Сапиенца» лекции о поэзии Ахматовой и Мандельштама. Зал на втором этаже виллы Мирафьори был переполнен, часть слушателей стояла на лестничной площадке, пытаясь расслышать хоть что-то из того, что Бродский рассказывал по-русски о своих учителях и о своей поэзии, признавая себя должником Баратынского, которому в тогдашних советских историях русской литературы отводили от силы несколько строк. Помню, с каким южным энтузиазмом слушал Бродского славист Микеле Колуччи, организатор этих лекций, опубликовавший несколько лет спустя замечательные переводы из Баратынского⁶. И по контрасту — серьезного, отстраненного, кажущегося холодным Бродского.

В 1994 г. он назовет эти дни «лучшим временем в... жизни»⁷. Временем полного счастья и радости повседневного существования. Обычно утро он проводил дома, работал. Затем пешком спускался с Яникула в Трастевере и бродил по центру. Часто обедал в баре «Джаниколо», у порта Сан Панкрацио. В баре жил черный кот Нерон, которого Бродский, обожавший котов, упомянет в одном из интервью⁸. В то время (1981) были написаны первые «римские» стихи: «Римские элегии» и «Пьяцца Маттеи» — одни из лучших в мировой поэзии стихотворных посвящений Риму.

С тех пор Бродский возвращался в Рим почти каждый год. Обычно он совмещал поездку в Рим и в Венецию, приезжая, как правило, на Рождество. В Риме он задерживался недели на две, а то и больше, поскольку ненавидел положение туриста и суету деловых визитов. Чтобы погрузиться в жизнь города, в котором он гостил, ему нужно было время. Он признавался Соломону Волкову: «...в Европе — в той же Италии, к примеру, — я, когда там оказываюсь, пытаюсь жить, быть, а не дефилировать как турист. И в итоге за все время моих путешествий по Италии видел я там довольно мало. Потому что на полное усвоение увиденного у меня действительно уходило довольно-таки много времени

и энергии. И я, в итоге, не думаю, что увиденное я понял. Не думаю, что я это знаю. Потому что за любым явлением культуры, будь то фасадик или там картинка, стоит масса информации, которую нужно усвоить»⁹.

Бродский объясняет причины любви к Италии и называет себя и своего друга Геннадия Шмакова, которому посвящены «Венецианские строфы (2)», «римлянами»: «Почему я говорю про Италию, что это действительно единственное место, которое можно было бы назвать раем на земле? Да потому что, живя в Италии, я понимаю: это то, каким миропорядок должен быть, да? И каким он, видимо, был когда-то. Может быть, в Древнем Риме. И в этом смысле мы со Шмаковым были — я уж не знаю — римлянами в некотором роде»¹⁰.

В августе 1983 г. он принимает участие в Четвертом международном фестивале поэтов, организованном на вилле Боргезе в рамках фестиваля «Римское лето». Джованни Рабони¹¹, представляя Бродского публике, назвал его самым крупным современным русским поэтом. Выступление Бродского не раз прерывали аплодисменты; свои длинные стихи он читал по памяти, монотонно, нараспев, как молитвы.

В 1985 г. в «Путешествии в Стамбул» Бродский напишет, что в общей сложности провел в Риме больше года¹². Город требовал от него поэтической дани, и Бродский исправно ее платил: «Бюст Тиберия» (1985), «На Виа Фунари» (1987), «Пчелы не улетели, всадник не ускакал...»¹³ (1989).

После присуждения Нобелевской премии Бродский обычно останавливался в Риме на вилле Аурелия, в пышной резиденции Американской академии, окруженной большим парком, по адресу пьятале Аурелио, № 2. Вилла эта вошла в историю: в дни римской революции 1848–1849 гг. здесь располагалась штаб-квартира Гарибальди.

Несмотря на известность, Бродский сторонился светской жизни. Его раздражало, с какой легкостью раздавались премии и награды. В сентябре 1990 г., присутствуя на торжественном вечере в честь вручения Премии Капри, Бродский весьма иронично отозвался о присуждении премии в области публицистики Б.Н. Ельцину, заметив, что «пошло» давать политикам больше наград, чем они того заслуживают. Зато он с удовольствием со-

гласился выступить в Риме в рамках замечательной «Поэтической кафедры», организованной в ноябре 1990 г. Международным центром им. Эудженио Монтале.

Его связь с городом становилась все крепче. В 1992–1993 гг. поэт в очередной раз возвращается на несколько месяцев в Рим, на виллу Аурелия, снова как «Resident»¹⁴. В 1992 г. фотограф Александр Либерман, живший в США и каждый год приезжавший в Рим, памятуя о том, что Бродский любил и хорошо знал Древний Рим, попросил его написать эссе о Марке Аврелии для своего альбома фотографий Капитолия. Либерман был очарован архитектурой площади, спроектированной Микеланджело; Бродского привлекала фигура императора-философа. Еще в июле 1981 г., в качестве иллюстрации к английскому переводу «III Римской элегии», опубликованной в бюллетене Американской академии, он выбрал фотографию памятника Марку Аврелию¹⁵. Бродский с радостью согласился, и в 1994 г. книга вышла в Нью-Йорке (Liberman A. Campidoglio: Michelangelo's Roman Capitol / With an essay of J. Brodsky). Даря книгу Михаилу Барышникову, соавторы сопроводили ее шутивным посвящением, в котором упомянули об общей еврейской крови:

Man and his horse
 Couldn't do worse
 Than putting in use
 Two Russian Jews¹⁶.

В «Дани Марку Аврелию» Бродский, продемонстрировавший прекрасное знание темы и наличие собственной кристально-ясной точки зрения, изложил свой взгляд на античный мир, на Римскую империю, на Марка Аврелия и его философский дневник «К самому себе»: «Историки его любят, философы тоже. <...> Если эта книга нас не цивилизовала, кто это сделает?»¹⁷. Пользуясь образами, позаимствованными из «Римских элегий», Бродский описывает Рим и его жителей: «Вечный город напоминает гигантский старый мозг, давным-давно потерявший всякий интерес к миру – слишком ясное предприятие – и погрузившийся в свои собственные расселины и складки. Пробираясь сквозь их сужения, где даже мысль о себе чересчур громоздка,

или их расширения, где идея вселенной внезапно представляется мелкой, вы чувствуете себя как притупившаяся иголка, шаркающая по бороздкам огромной пластинки — к центру и обратно, — извлекая вашими подошвами мотив, который время оно напевает настоящему. <...> Чем ближе вы к объекту желаний, тем более мраморным или бронзовым он становится, так как легендарные профили туземцев раскатываются во все стороны, точно одушевленные монеты, выпавшие из разбитой терракотовой копилки»¹⁸.

Далее он показывает цветовую палитру Рима: «Возьмите белый, охру и голубой; добавьте к этому немного зеленого и массу геометрии. Вы получите формулу, которую время выбрало в этих краях для своей декорации, ибо оно не лишено тщеславия, особенно когда принимает форму истории или индивидуума. <...> Поэтому не следует удивляться — особенно если вы родились здесь, — оказавшись однажды окруженным бело-охристой площадью в форме трапеции с бело-голубой трапецией над головой. Первая сотворена человеком (а именно Микеланджело), вторая дана свыше, и ее вы можете узнать с большей легкостью»¹⁹.

Бродский стоял на пороге больших перемен. Хотя в 1990 г. в день своего рождения он решительно заявил, что «ему судьбой предназначено жить и умереть холостым»²⁰, год спустя в Париже он познакомится с юной итальянкой Марией Соццани, русской по матери, и вскоре они поженились. В 1993 г. родилась дочь Анна-Александра. Так Италия войдет в его дом. В 1994 г. Бродский снова в Риме, на празднованиях в честь столетия со дня основания Американской академии. В последний раз он приедет в Рим осенью 1995 г. Остановится в отеле «Квиринале» на виа Национале, неподалеку от куда более скромного «Боливера», где он жил в свой первый приезд в Рим. Напишет новые стихи о Риме: «На Виа Фунари» и «Корнелию Долабелле». В этот приезд Бродский был необычайно деятелен. Согласился войти в почетный комитет и публично представлять ассоциацию «Операция "Caput Mundi"». Всемирный фонд в поддержку реставрационных работ в Риме», задача которой — восстановление и пропаганда таких памятников истории и искусства, как Капитолийская волчица, Мавзолей Августа и Алтарь Мира. Ему хоте-

лось осуществить мечту, вынашиваемую русской культурой почти два столетия, — основать в Риме академию, где могли бы жить и работать молодые русские ученые и деятели искусства. Опыт жизни в Американской академии убедил его в том, что такая академия имела бы для России огромное значение. В интервью Джанлуиджи Малаге, опубликованном в журнале «L'Espresso», он называл ее «окном в цивилизацию»²¹. Бродский принялся искать спонсоров, поддержку властей, помещение. Вместе с адвокатом Витторио Рипа ди Меана ходил к мэру Рима Франческо Рутелли и оставил ему меморандум, в котором написал, что Италия для русских «всегда была откровением, сейчас она может стать источником их собственного духовного возрождения»²².

Бродский умер 28 января 1996 г. в Нью-Йорке в возрасте 55 лет от очередного сердечного приступа. Его проза («Письмо Горацию») и стихи последних месяцев проникнуты предчувствием смерти («и мрамор сужает мою аорту»; «Корнелию Долабелле»). Зная, как близко к сердцу принимал Бродский идею основания академии, жена и друзья поэта назвали ее в перечне прочих дел, оставленных наследникам поэта, на двух поминальных службах в Нью-Йорке (1 февраля 1996, 8 марта 1996) и указали, на чье имя перечислять пожертвования для создаваемой Русской академии. А пока академия еще не создана, в соответствии с волей поэта в 1996 г. был учрежден «Joseph Brodsky Memorial Fellowship Fund» (его римский филиал приютила Американская академия), дающий стипендии русским писателям, композиторам, архитекторам и художникам и, начиная с 2000 г., ежегодно предоставляющий возможность двум стипендиатам пожить и поработать в Риме.

Русист Сильвана де Видович, дружившая с Бродским еще в ленинградские годы, любезно предоставила автору данной статьи свои неизданные воспоминания о поэте, показывающие, каким он был в частной римской жизни: «В 1973 г. литературный критик Паоло Милано, работавший в журнале «L'Espresso», зная о моей дружбе с Бродским, попросил меня их познакомить, и я устроила им встречу у себя дома. Помню, что Бродский еще не вполне свободно говорил по-английски, и как он признавался, что еще не привык к американской жизни. Это подтверждает и отрывок из неопубликованного письма от 11.VIII.1972, отправ-

ленного Бродским Джанни Буттафаве из Анн-Арбора: "... не хочу приспособливаться к этим абсурдным пространствам с этой абсурдной скоростью. Мне хочется Европы, европейской грязи, в которой виден культурный слой. Не хочу говорить «Hi!» и «Nice to meet you»".

Мне кажется, что его любовь к Риму объясняется этой потребностью физического восприятия и чувственного познания. От Рима он получает почти физическое удовольствие, улавливает его дисгармоничный шум, слышит запах гниения; не случайно, всякий раз попадая в столицу (куда он возвращался уж точно не реже, чем в Венецию), он не упускал возможности перемежать обязательные дела долгими прогулками в сопровождении друзей по тесным улочкам и обшарпанным кварталам Рима. Он был очарован историческим и культурным прошлым города, но с какой-то детской радостью открывал для себя менее благородные, чтобы не сказать пошлые, и обыденные стороны повседневной римской жизни.

Его забавляло то, как вели дела предприимчивые римские торговцы, интересовала неприглядная городская действительность, нравилось есть ребуху, фасоль и "cotiche" у последних «*viassati*»* и в последних настоящих остериях, которые вскоре позакрывали за антисанитарию, он мог часами сидеть в баре на пьядца Фарнезе или на Яникуле и смотреть на толпу.

18 января 1989 г. Бродский решил отпраздновать в величественном здании Американской академии, где он тогда остановился, пятидесятилетний юбилей Джанни Буттафавы²³. Собралось человек двадцать, известные деятели культуры (Бенедетта Кравери, Джузеппе Калассо, Нанни Моретти с женой, Марио Фортунато²⁴) и близкие друзья Джанни. По настоянию Бродского в изысканное меню, тщательно подобранное и заказанное в Гранд Отеле, рядом с роскошным клубнично-сливочным тортом, который принес Фаусто Мальковати,²⁵ включили грубую закуску из селедки и лука, которую приготовила я. Бродский говорил, что ему нравится чередовать совершенства. Вечер получился очень

* Cotiche — букв. «свинные шкуры», входят в состав некоторых блюд народной итальянской кухни; *viassati* — хозяева бедных трактиров и остерий (ит.-римск. диалект). — Примеч. пер.

сердечным и теплым, нам было действительно хорошо вместе, для многих это ощущение было новым и непривычным.

Бродский не был легким и открытым человеком, наоборот, он был очень избирателен, а его едкая язвительность и острая ирония приводили собеседника в замешательство.

В декабре 1992 г. я попросила его прийти на ужин, который я устроила в канун Рождества для своих русских друзей, среди которых журналист Алексей Букалов с женой и сыном-скрипачем и дипломат Феликс Станевский с женой. Все они высоко ценили поэзию Бродского, и для них присутствие поэта на ужине стало бы настоящим рождественским подарком. Прекрасно зная, что Бродский не любил встречаться с представителями официальной русской, то есть бывшей советской, культуры, я оставила за ним свободу выбора до самой последней минуты, а друзьям, чтобы их не расстраивать, ничего не сказала. И только когда мы уже сидели за столом и я уже собралась растерянно объявить, что последний из приглашенных не сможет к нам присоединиться, в дверях появился Бродский с букетом в руках. Помню, что, вопреки всем ожиданиям, не возникло никакой неловкости, все много смеялись, много шутили, много каламбурили (для Бродского это составляло наивысшее удовольствие). Тогда же возникла мысль создать в Италии центр русской культуры.

Последняя встреча с Бродским состоялась в декабре 1995 г. Он позвонил мне из аэропорта, у него оставалось шесть часов до посадки в самолет, который должен был отвезти его обратно в Нью-Йорк. Мы встретились в баре на пьядца Фарнезе. Разговаривали о нас, о нашей жизни. Он, как всегда, был иронично оптимистичен. У него было много планов, включая основание в Риме Русской академии в помощь молодым русским поэтам; он подшучивал над своей неслыханной деловитостью, говорил, что нашел полезных спонсоров и даже добился от тогдашнего мэра Франческо Рутелли соответствующего помещения».

Самым дорогим для Бродского итальянским городом была Венеция, «город его души», где он хотел быть похороненным и где с 1997 г. покоятся его останки, — город воды, где даже распад казался ему прекрасным. Любовь Бродского к Венеции заслонила его любовь к Риму. Однако Рим занимал в его сердце иное и по-своему особое место. На то, что Риму Бродский посвятил боль-

ше стихов, чем Венеции, как-то не обращали внимания. Рим был для него городом мрамора, прочным, массивным, белым, наполненным светом. Бродский был очарован мрамором и относился к нему как к материализованной истории. Для обложки русского издания «Римских элегий» (Нью-Йорк, 1982) он выбрал фотографию римских «Уст истины», в 1984 г. написал пьесу «Мрамор».

В «Дани Марку Аврелию» сказано: «Мрамору, конечно же, суждено быть неизменным строительным материалом как античности, так и утопии. Вообще, белый цвет пронизывает наше воображение до его крайних пределов, когда версия прошлого или грядущего принимает метафизический или религиозный характер. Рай – бел; таковы же древняя Греция и Рим»²⁶.

Рим для Бродского – это город, где он вновь задумывается над историей, колыбель западной цивилизации, родина дорогих ему поэтов – Овидия, Горация, Тибулла, Вергилия, которых он сравнивал с выдающимся «квartetом» великих русских поэтов XX в. – Пастернаком, Ахматовой, Мандельштамом и Цветаевой, – принадлежавших, как и их латинские предшественники, к одному поколению²⁷.

Может потому, что «биография зависит от произведений», Бродский возвращался в Рим, по словам П. Вайля и А. Гениса, с точностью маятника. В Вечный город Бродского неизменно приводила его поэтика, видение мира и культуры, ясно прочитывающиеся в его стихах и эссе. Идеи и взгляды, изложенные Бродским на страницах своих произведений, и город были созвучны друг другу. Поэт, «зараженный нормальным классицизмом» («Одной поэтессе», 1965), переводит латинских поэтов, ведет с ними диалог, считает их своими поэтическими архетипами и идеальными читателями («Письмо Горацию»). Любовь переходит в самоидентификацию: «Кем еще я мог бы себя вообразить, если не Овидием?»²⁸ – спрашивает себя Бродский в 1979 г. в интервью Свену Биркертсу.

Для Бродского Рим – абсолютный центр как пространство («Сего податель / векам грядущим в назиданье / пьет шоколата / кон панна в центре мирозданья / и циферблата!», «...Я – в Риме / где светит солнце!»; «Пьяцца Маттеи»), так и времени («Всегда под рукой была Греция, как и Рим, и всегда библейская

Иудея и Христианство. Краеугольные камни нашей культуры, они... »²⁹; «Сын цивилизации»). И все же в «духовной» географии поэта Рим подразумевает перемещение не столько в пространстве, сколько по временной шкале. Древний Рим притягивает его, допрашивает, сталкивает лицом к лицу с Историей и Культурой, передает свою мелодию страннику, шаркающему по его мостовой подошвой ботинок. Современный Рим соблазняет его контрастами, хватая за горло в остериях, убажает его лень в долгие часы, проведенные в барах (среди любимых — бар «Бартаруга» на пьядца Маттеи). В Риме он чувствует себя счастливым. Первый приезд в Американскую академию он называет «короткой дорогой в рай»³⁰, разрешает себя сфотографировать во время игры в волейбол³¹, разрушая устоявшийся образ сурового величественного поэта. Отзвуки счастья слышны во многих его «римских» стихах, например, в «Пьяцца Маттеи»:

Я, пасынок державы дикой
с разбитой мордой,
другой, не менее великой,
приемыш гордый, —
я счастлив в этой колыбели
Муз, Права, Граций,
где Назо и Вергилий пели,
вещал Гораций.

Глядя на мир глазами римлянина эпохи империи, Бродский называет современных россиян «кочевниками», «скифами», («мы были гелоны, геты, будины и т.д.»), а свою родину — «северной Скифией — Гипербореей по-вашему»³² («Письмо Горацию»).

Нина Каухчишвили подчеркивала «необычайную культурную интуицию»³³ Бродского. Эта интуиция уже после первых приездов в Рим позволяет ему почувствовать атмосферу города, его *Stimmung*, природу «внутреннего» пространства исторического центра, заданную ландшафтом и урбанистическим устройством: «В Риме, выходя в город, идешь домой. Город есть продолжение гостиной, спальни. То есть, выходя на улицу, ты опять оказываешься дома»³⁴.

После Италии, после Рима, Париж показался ему бесцветным. В 1983 г. в одном из интервью он признался Д. Савицкому: «Дело в том, что я приехал в Париж впервые из Италии, то есть после Венеции, Флоренции, после Рима. И после этих трех мест Париж не произвел на меня убедительного впечатления. Более того, года два назад, гуляя по Капитолию в Риме, я обнаружил здание с табличкой, на которой было написано, что это здание является французским культурным центром в Риме. Я подумал: какой оксюморон!»³⁵.

У Бродского в Риме были любимые места, прежде всего (вне зависимости еврейской крови) — старое гетто, с тесными улочками, «Фонтаном черепах» на пьядца Маттеи и портиком Октавии, зачаровывавшим поэта своей оригинальной эклектичной архитектурой. Он говорил, что здесь, в изящном решении верхней части портика, видна человеческая гениальность. Ему нравились древнеримские развалины с неизменным кошачьим декором: «Сейчас это [Форум Траяна] царство бродящих кошек — уменьшенных львов в этом городе уменьшенных христиан»³⁶. Ему нравился вид на Рим, раскрывающийся с Яникула, и не нравилась базилика Святого Петра, которую он считал чуждым себе образцом «торжествующей Церкви»³⁷. Ему нравились остерии в историческом центре, он был завсегдаем «Альфредо и Нина» на виа дей Банки Нуови и «Джино» на виа дей Фунари. Статуи и бюсты, с которыми он беседовал во время прогулок по городу и в своих римских стихах, и мрамор, мрамор, мрамор...

Сам Бродский дает ключ к пониманию «Римских элегий», посвященных Бенедетте Кравери: «Да нет, синий зрачок — это мой! Уж не знаю там, какой он у меня — синий, серый? Женский зрачок там — коричневый! Но он принадлежит не Бенедетте Кравиери³⁸, а совершенно другой девице, Микелине. Ее имя тоже там появляется. А Бенедетте — она, кстати, внучка Бенедетто Кроче — я этот цикл посвятил потому, что она оказалась в Риме как бы моим Вергилием и познакомила с Микелиной. На самом же деле противопоставление синего глаза карему в данном случае есть противопоставление Севера — Югу. Потому что весь цикл — о реакциях северного человека на Юге»³⁹.

Здесь говорится о реакциях северного человека — «варвара». Бродский не раз вернется к этому понятию в произведениях,

связанных с Римом. В римских стихах поэт сочетает личное и общее, конкретное и вечное: «В римских «развалинах» сходятся мысли о смерти и бессмертии, о вечном и временном — о ничтожности нашей отдельности и о ее причастности к высшему, короче, о трагизме и величии индивидуального существования»⁴⁰.

В римских текстах Бродского встречаются реминисценции из произведений русской литературы. Ограничусь одним примером, взятым из «Дани Марку Аврелию». До последних строк Бродский противится искушению сопоставить конный памятник Марку Аврелию с памятником Петру Великому в Петербурге как символы мудрого правления, просвещенного императора, с одной стороны, и абсолютизма и императора-деспота, с другой. Это противопоставление, особенно после А. Мицкевича, стало настоящим литературным топосом. Для Бродского, называвшего себя сыном «самого красивого города на свете»⁴¹, Третьего Рима, сравнение двух властителей оказывалось неизбежным, как неизбежна была цитата из пушкинского «Медного всадника». В конце эссе — при пособничестве тусклого вечернего освещения, дождя и выпитого — Бродскому начинает казаться, будто Марк Аврелий ожил и пошевелился. То же чудится и Евгению, герою «Медного всадника», когда, обезумев от горя из-за потери любимой, он оказывается перед памятником Петру. Петербургский Медный всадник скачет за Евгением, чтобы окончательно его уничтожить; капитолийский медный всадник движется «не слишком быстро», по каплям роняя бездомному псу одну из своих максим: «Не иди по стопам Цезарей и не позволяй себя увлечь...»⁴².

На фотографии, снятой во второй половине 70-х гг., Бродский, вообще-то сниматься не любивший, сидит за письменным столом. За его спиной два предмета — гондола (любовь к Венеции делала драгоценным даже самый китчевый итальянский сувенир) и маленькая мраморная голова, копия римской скульптуры⁴³. Город воды и город мрамора всегда были с ним, как домашние лары. Город, купающийся в лагуне, пьянил красотой и дарил вечный покой; Рим помогал отыскать корни своей культуры, насладиться счастьем их обретения, помочь России возродиться и воспитать новые поколения.

В «Меньше единицы» Бродский писал, что в России жило и умерло поколение, для которого Джотто и Мандельштам «были насущнее собственных судеб»⁴⁴. Связь Бродского с Италией, с ее искусством, с Римом сделала его одиноким, тоскующим о прошлом, верным потомком этого поколения.

Авторизованный перевод с ит. А.В. Ямпольской

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Brodskij J. Da Properzio a Mandel'stam // L'Espresso. 1996. 4 luglio. P. 105.

² Бродский И. Путешествие в Стамбул // Сочинения Иосифа Бродского. Т. V. СПб., 1999. С. 313.

³ Бродский И. Большая книга интервью. М., 2000. С. 420–421.

⁴ Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2002. С. 268–269.

⁵ См. о Дж. Буттафава в рец. С. Паван «Бродский по-итальянски» в наст. изд. — *Примеч. ред.*

⁶ Varatynskij E. Liriche / A cura di M. Colucci. Torino, 1999.

⁷ Цит. по: Malaga G. L'Accademia, Nerone ed io // L'Espresso. 1994. 24 giugno. P. 110.

⁸ Там же.

⁹ Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. С. 289.

¹⁰ Там же. С. 283.

¹¹ Джованни Рабони — известный итальянский поэт, критик, переводчик. — *Примеч. пер.*

¹² «Я прожил 32 года в Третьем Риме, примерно с год — в Первом» (Бродский И. Путешествие в Стамбул... С. 282).

¹³ Иногда это стихотворение издают под названием «Porta San Pancrazio».

¹⁴ Архивных материалов о пребывании Бродского в Американской академии не сохранилось. Благодаря за эти сведения Э. Кэллберг из «Joseph Brodsky Memorial Fellowship Fund» и К. Хоймер, сотрудницу Американской академии в Риме.

¹⁵ См.: AMACADEMY. The Newsletter of the American Academy in Rome. 1981. Vol. 4. № 1.

¹⁶ Цит. по: Штерн Л. Бродский: Ося, Иосиф, Joseph. М., 2001. С. 193.

¹⁷ Бродский И. Дань Марку Аврелию / Авториз. пер. Е. Касаткиной // Сочинения Иосифа Бродского... С. 228, 239.

¹⁸ Там же. С. 232–233.

¹⁹ Там же. С. 238–239.

²⁰ Цит. по: Штерн Л. Бродский... С. 237.

²¹ Malaga G. L'Accademia, Nerone ed io... P. 110.

²² Цит. по: Гордович К. Италия в жизни и творчестве Иосифа Бродского // Россия и Италия. Русская эмиграция в Италии в XX веке. Вып. 5. М., 2003. С. 282.

²³ Памяти Дж. Буттафавы, скончавшегося в 1990 г., Бродский посвятил стихотворение «Вертумн» (1990). См.: Malcovati F. Gianni, il dio Vertumno // Iosif Brodskij. Un crocevia fra culture / A cura di A. Niero e S. Pescatori. Milano, 2002. P. 17–26.

²⁴ Б. Кравери – филолог, Дж. Калассо – историк, Н. Моретти – режиссер, М. Фортунато – писатель.

²⁵ Русист, театровед, близкий друг Бродского, посвятившего ему стихотворение «Иския в октябре» (1993).

²⁶ Бродский И. Дань Марку Аврелию... С. 223.

²⁷ Brodskij J. Da Properzio a Mandel'stam... P. 105.

²⁸ Intervista con Josif Brodskij di Sven Birkerts. Roma, 1996. P. 57.

²⁹ Бродский И. Сын цивилизации / Пер. Д. Чекалова // Сочинения Иосифа Бродского... С. 95.

³⁰ Цит. по: Malaga G. L'Accademia, Nerone ed io... P. 110.

³¹ Фотография напечатана в бюллетене Американской академии (см.: AMACADEMY...).

³² Бродский И. Письмо Горацию / Пер. Е. Касаткиной // Сочинения Иосифа Бродского. Т. VI. СПб., 2000. С. 362–363, 365.

³³ Kauchtschischwili N. Iosif Brodskij emigrante russo e cittadino del mondo // Iosif Brodskij. Un crocevia fra culture... P. 125.

³⁴ Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским... С. 269.

³⁵ Бродский И. Большая книга интервью... С. 227.

³⁶ Он же. Дань Марку Аврелию... С. 233.

³⁷ Он же. Путешествие в Стамбул... С. 306.

³⁸ Правильное написание фамилии – Кравери.

³⁹ Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским... С. 287.

⁴⁰ Цит. по: Гордович К. Италия в жизни и творчестве Иосифа Бродского... С. 282.

⁴¹ Бродский И. Меньше единицы / Пер. В. Гольшева // Сочинения Иосифа Бродского. Т. V. С. 26.

⁴² Он же. Дань Марку Аврелию... С. 244.

⁴³ Joseph Alexandrovich Brodsky 1940–1996. An exhibition of materials from the private collection of Irwin T. & Shirley Holtzman. Ann Arbor, 1996. P. 94.

⁴⁴ Бродский И. Меньше единицы... С. 24–25.

В.И. КЕЙДАН (Рим)

ГОДА, УВЕНЧАННЫЕ ХМЕЛЕМ...

*Автобиографический роман и биография
русско-итальянского литератора М.Н. Семенова*

«DE SEMENOFF MICHELE FU NICOLA / NATO A MOSCA IL 15.3.1873 MORTO A NAPOLI IL 4.12.1952 / SCRITTORE INSIGNE [Де Семеновф Михаил, сын покойного Николы, родился в Москве 15.3.1873, умер в Неаполе 4.12.1952, знаменитый писатель]» – эта надпись высечена на мраморном надгробии на городском кладбище Позитано (Амальфитанское побережье), увенчанном бронзовым бюстом скуластого, бородатого русско-го человека с татарской кровью.

Представители рода Семеновых, породнившиеся с родом Буниных, оставили заметный след в российской словесности: популярная поэтесса Анна Петровна Бунина, почетный член Беседы любителей русского слова, слышавшая в начале XIX в. «русской Сафо»; поэт Василий Андреевич Жуковский, поэт-символист Леонид Семенов. Иван Бунин в историко-генеологическом очерке «Семеновы и Бунины» подробно описал отношения родства этих двух древних дворянских родов (рукопись очерка он в 30-е гг. послал М.Н. Семенову)¹.

Основным источником биографии Михаила Семенова служат изданные по-русски и по-итальянски воспоминания² и пять очерков мемуарного характера, однако следует отметить, что многие изложенные автором факты и оценки входят в резкое противоречие с объективными документальными источниками и непредвзятыми воспоминаниями современников, что заставляет относиться к ним с осторожностью, как к беллетризованной автобиографической прозе.

Участвуя в революционном движении и пытаясь вырваться из-под «колпака» Охранного отделения, Семенов в начале 1900 г. выезжает в Европу и начинает долгое странствие по университетским городам Германии и Швейцарии, слушая курсы истории искусств в Лейпциге, Берне и Гейдельберге, но вследствие нервного расстройства так и не получает диплома. Уже 26 февраля 1900 г. директор Департамента полиции С.Э. Зволянский посылает письмо начальнику заграничного отделения охраны П.Н. Рачковскому, в котором просит «принять к сведению, что по полученным сведениям дворянин Рязанской губернии Михаил Николаев Семенов выехал за границу с намерением направиться в Швейцарию»³.

Будучи человеком весьма контактным, обладающим даром очаровывать, эмоционально привязывать к себе людей и умело использовать эти отношения, Семенов погружается в бурную жизнь бурша, одновременно сохраняя связи в кругах русских политэмигрантов и функционеров российских революционных партий во Франции, Италии и Швейцарии. В Женеве он живет в доме Плеханова и дает уроки русского языка его дочерям, тесно общается с Бонч-Бруевичем и толстовцами. Его состоятельные друзья, в будущем крупные историки искусства, Т. Трапезников и В. Зубов, охотно поддерживают лишившегося всех источников доходов Михаила. По инициативе и при деятельном участии Семенова Зубов основывает в 1912 г. за свой счет в Петербурге Институт истории искусств (Зубовский институт), существующий поныне.

В 1900 г. Семенов, по его утверждению на свой страх и риск, переводит роман «Homo Sapiens» Ст. Пшибышевского, находившегося тогда в зените популярности, в 1901 г. привозит рукопись в Москву и лично передает ее С.А. Полякову, основателю и спонсору недавно открывшегося символистского издательства «Скорпион». Брюсов принимает рукопись и после долгих переговоров, цензурных купюр и «финансовых вливаний» в карманы чиновников Цензурного комитета роман издают. В 1903 г. Семенов женится на сестре Полякова, Анне Александровне, обладательнице огромного состояния («тайнобрачием» по причине резко отрицательного отношения к этому браку родителей невесты, но впоследствии Семенов получает развод от «княги-

ни»), и тем самым одним скачком достигает положения в высшем имущественном слое. О трех поэтах-учредителях «Весов» — В. Брюсове, Ю. Балтрушайтисе и К. Бальмонте — Семенов оставил в «Воспоминаниях» биографические очерки, рисующие их (и себя) пьяницами, скандалистами и эротоманами.

В 1904 г., после свадебного путешествия по Европе и Северной Африке, он по поручению Брюсова задерживается в Париже, где вместе с Волошиным образует полуофициальное заграничное корреспондентское бюро журнала «Весы». Однако из-за периодических приступов депрессии активность Семенова постепенно снижается и к 1909 г. практически сходит на нет. В том же году в Италии, где семья Семеновых с 1904 г. проводит каждую зиму, рождается его четвертая дочь. В Риме он чуть было не покупает на деньги жены виллу Боргезе вместе с парком и коллекцией живописи великих итальянских художников, которая обедневшими хозяевами тогда была выставлена на продажу (в итоге куплена городскими властями).

О причинах своего переезда в Европу сам Семенов позже в застольях рассказывал следующую легенду, дошедшую до нас в устном пересказе итальянского кинорежиссера Франко Дзеффрелли: «...Семенов всегда был окружен балеринами, большими звездами. Он был видным мужчиной. Его любили женщины. Скандал произошел с одной из звезд балета, имя которой я не помню. Ей покровительствовал родственник царя, гвардейский офицер. Потом, говорят, была дуэль (документальных подтверждений этого факта, правда, нет). Но из-за дуэли он должен был бежать из Петербурга, сел в поезд своего отца, доехал до Одессы, там на корабль, который направлялся в наши края, и таким образом покинул Россию и прибыл сюда. Увидевши Позитано, он воскликнул: “Я хочу все, я покупаю все!” За небольшую сумму он купил палаццо конца XVIII в. и несколько старинных вилл»⁴.

В поисках заработка Семенов отправляется в Париж и становится нелегальным торговцем произведениями искусства, выступает посредником между коллекционерами братьями Щукиными и художниками парижской школы Пикассо, Модильяни, Леже и другими, дружит с поэтом П. Фромом. В марте 1907 г. он присутствует в зале масонской ложи «Великий Восток» Фран-

ции на докладе Д. Мережковского «Спор о самодержавии». В 1906–1908 гг. он много разъезжает по Италии, пользуясь рекомендациями своего дяди П.П. Семенова-Тянь-Шанского, известных итальянских писателей Г. Деледда (лауреат Нобелевской премии), Дж. Папини, Дж. Ванниколы; подолгу живет на Капри, Сардинии, в Милане и Флоренции.

22 марта 1909 г., когда литератор уже окончательно перебрался в Рим, став корреспондентом газеты «Новое время», он попадает в уголовную историю: римская газета «Tribuna» публикует анонимное письмо, в котором М. Семенов и его друг граф В. Зубов обвиняются в убийстве польского революционера-террориста Э. Тарантовича, тело которого было найдено в сундуке в гостиничном номере после посещения его двумя неизвестными русскими. Вызванный на допрос Семенов (согласно его позднему утверждению) «моментально распознает автора анонимки» (эсер М. Берлянд) и по настоянию полиции подает на него в суд, обвинив в клевете. На состоявшемся 22 мая 1909 г. судебном заседании адвокат Семенова блестяще выигрывает дело: клеветник Берлянд после двухмесячного заключения высылается из Италии. Тем не менее плотная слежка за журналистом продолжается: заведено секретное досье на Семенова в Дирекции общественной безопасности Италии, где хранятся документы оперативного наблюдения за русским «аполитом, замешанным в политическом убийстве на улице Фраттина, процесс над которым не состоялся по причине невозможности выносить на публичное обсуждение некоторые имена и факты»⁵. Кроме того, существуют воспоминания миланского полицмейстера А. Бонди, в которых он недвусмысленно намекает на то, что Семенов и русский господин, страдающий нервным тиком, снявший номер в гостинице на свое имя и посетивший жертву перед смертью, — это одно и то же лицо, известное ему по внешнему наблюдению как двойной политической агент: осведомитель Охранного отделения и функционер русской подрывной организации⁶.

Досье Семенова в архиве Гендирекции общественной безопасности начинается с отчета римского квестора о «враждебных политических антиправительственных высказываниях, опубликованных им в политических корреспонденциях в газете «Новое время», а также устной форме в пьяном виде в Римском

Клубе печати, за что предлагается выслать его в Россию как нежелательное лицо»⁷. Сам Семенов через 30 лет возвращается к этой темной истории, опубликовав в фашистском литературном официозе «*Quadriùo*» в 1939 г. очерк «Преступление на улице Фраттина»⁸, в котором все эти травмирующие его события объясняются жидомасонским заговором против двух русских дворян правопатриотических взглядов, а заканчивается очерк молитвенным славословием Муссолини, освободившим народ Италии от еврейских козней. Мотивы и цель публикации этого очерка через 30 лет после описанных в нем компрометирующих событий порождают неразрешимую психологическую проблему для комментатора. Такая же психологическая загадка связана с публикацией через месяц в том же органе второго автобиографического очерка «Как меня выслали из Италии»⁹ через 20 лет после закончившихся благополучно для Семенова драматических событий; здесь автор сам признает, что от высылки из Италии в 1919 г. его в последний момент спасло вмешательство масонов, жестоко преследуемых фашистским режимом в 1939 г. В третьем очерке, «Братья Флоринские», опубликованном уже после Второй мировой войны¹⁰, Семенов сводит счеты с двумя незадачливыми царскими дипломатами, братьями Флоринскими, один из которых перешел на службу к советской власти и к тому времени был уже расстрелян на Лубянке. При этом автор проявляет необъяснимое злорадство и ничем не подтверждаемую осведомленность о его злключениях в Советской России.

Четвертый очерк, «Джино Бегэ, анархический Дионис»¹¹, — последняя публикация Семенова. В ней он пытается воскресить память своего друга и собутыльника, давно забытого соотечественниками загадочного итальянского архитектора, якобы преуспевшего в России, однако в фантазмагорическом нагромождении описаний пьяных оргий личность героя окончательно теряет исторические очертания.

...Летом 1914 г. Семенов провожает семью в Россию, а сам возвращается в Италию. С началом войны семья Семеновых распалась: Михаил никогда больше не видел жену, четырех дочерей и Россию. Освободившись от семьи, он вновь теряет все средства к существованию, но находит подругу, итальянскую журналистку

Валерию Тейя, предоставившую ему свою квартиру в центре Рима и прожиточный минимум. В 1916 г. в Италию на гастроли приезжает труппа «Русские балеты», и С. Дягилев приглашает старого знакомого на должность администратора. Семенов выступает посредником между итальянскими художниками-футуристами Ф. Деперо, В. Кардарелли, А. Барилли, Н. Бальдини и знаменитым русским импресарио. На полученное вознаграждение он покупает в Позитано старую заброшенную водяную мельницу Ариенцо и несколько пустых домов в окрестности, которые, отремонтировав, сдает в аренду. Мельницу он постепенно перестраивает в роскошную виллу, где исцеляются от неврастения «вином и солнцем» и куда приезжают погостить его друзья: С. Дягилев, П. Пикассо, Ж. Кокто, С. Лифарь, Л. Бакст, В. Нижинский, Л. Мясин, И. Стравинский, Ф. Маринетти.

После прихода к власти Муссолини Семенов, беспаспортный корреспондент несуществующей русской газеты, вступает в секцию для иностранцев Национальной фашистской партии. Сохранив старые профессиональные и личные связи, он постепенно сближается с высшими «иерархами» итальянского фашистского режима: с министром иностранных дел графом Г. Чано и его женой Э. Муссолини, министром пропаганды Э. Амикуччи, министром финансов и банкиром А. Озио (последний выделяет ему беспроцентную ссуду в 30 тыс. лир для организации «рыболовецкого кооператива», который через два года прогорает), с высшим генералитетом; все это ради одной цели — получить итальянский паспорт (или хотя бы вид на жительство), без которого ему ежедневно угрожает высылка из Италии. Он засыпает письмами МВД, обращается с посланием лично к Муссолини, но все напрасно: его считают «русским шпионом и убийцей» и шаг за шагом до предела ограничивают его передвижение по стране. В середине 30-х гг. он активно идет на сотрудничество со сверхсекретной спецслужбой, агенты которой контролируют политическую лояльность граждан фашистскому режиму — от высших чиновников до рядовых граждан. Под шифром «ACS, POLPOL, fascicoli personali, De Semenoff Michele» хранится другое досье Семенова, организацией OVRA, занимавшейся политическим сыском и расправой с антифашистами, с которой Семенов вступил в контакт через своего друга, И. Таволато, штатного агента

этой организации. Оно содержит историю вербовки Семенова, его донесения о настроениях и разговорах высших руководителей режима на регулярно посещаемых им вечеринках на вилле А. Озио.

К концу войны ему уже запрещено покидать Позитано. В вынужденной изоляции на своей приморской вилле «Мельница Ариенцо», на Амальфитанском побережье Кампании, он написал воспоминания, составившие более тысячи рукописных страниц. Разделенные хронологически на два тома – «Вахх и сирены. Воспоминания М.Н. Семенова: 1881–1914» и «Мельница Ариенцо. Воспоминания рыбака: 1914–1943», – они были закончены к концу Второй мировой войны и тогда же переведены на итальянский язык. В письме к Вяч. Иванову от 25 февраля 1945 г. литератор сообщает: «Я <...> занят своей грубой прозой, которую с помощью моей Синьоры перевожу с русского на итальянский. Мы уже на четырехсотой странице. И еще столько же осталось. В ней сильный аромат клубнички (только Вы можете понять эту фразу). Что поделаешь – горбатого только могила исправит!»¹².

Вяч. Иванов, ознакомившись с обоими томами в рукописи, пишет 29 февраля 1948 г. Семенову: «Записки свои (или “воспоминания”) бережно храните: они сослужат большую службу в будущем. Ведь и написаны они были “впрок”, как и я пишу самое для меня важное для посмертного спроса. На издателей же, переводчиков и советчиков, предлагающих тут сократить, там урезать, или помягчить какую ни есть нескромность, или кому, чем следует угодить, – и этот последний расчет всегда неверен, – мудрому подобает плюнуть»¹³.

В 1948–1950 гг. в письмах Вяч. Иванову, И. Бунину и Ф. Степуну литератор сообщает, что безуспешно пытается найти немецкого и английского издателя для своих книг, а в 1951 г. планирует опубликовать в итальянском издательстве подготовленный им альбом с фотографиями Дягилева и знаменитых участников труппы «Русские балеты» со своими комментариями, а также составить сборник «эротических воспоминаний для чтения в дороге»¹⁴. Но этим проектам не суждено было осуществиться. После смерти Семенова в 1952 г. вилла была продана, а архив отдан старьевщику. Уцелела лишь небольшая часть его переписки с из-

дателем еженедельника «Omnibus» М. Лели, опубликовавшем несколько глав из книги «Вассо е sirene» до выхода книги воспоминаний¹⁵. В заранее составленном завещании Семенов распорядился не предавать его тело земле, а поместить в мешок и бросить в море подальше от берега (исполнено не было), а на оставленные им деньги каждый год устраивать веселые поминки (хватило только на один раз)¹⁶. На остальные деньги на могиле был поставлен бронзовый бюст.

Первый том воспоминаний был частично опубликован по-русски в «Русской мысли» в 1950 г. под названием «На бездорожье» (политическая и нравственная цензура редакции вырезала все критические высказывания о дореволюционной России и все эротические сцены) и в том же году вышел полностью по-итальянски (Вассо е sirene. Memorie di M.N. Semenov. Roma, 1950). Главы второго тома воспоминаний Семенова были опубликованы по-итальянски в октябре–декабре 1951 г. в 43-х номерах неаполитанской газеты «Il Giornale» за исключением главы «Братья Флоринские», напечатанной по-русски в 1951 г. в газете «Русская мысль». В издательстве «Новое литературное обозрение» готовится к печати восстановленный русский текст обоих томов воспоминаний, публицистика и письма М.Н. Семенова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бунин И.А. Семеновы и Бунины // Бунин И.А. Собр. соч. М.; 1967. Т. 9. С. 134–156.

² Семенов М.Н. На бездорожье. Воспоминания молодости // Русская мысль. 1950. № 206–253; Semenov M.N. Vasso e sirene. Memorie di M.N. Semenov. Roma: De Carlo, 1950.

³ ГАРФ. Департамент полиции. Охранное отделение. Ф.102. Ед. хр. 316. Л. 28.

⁴ Ф. Дзэффирелли. Киноинтервью («Русская любовь Франко Дзэффирелли», «Russian World Studios» / «Interactive Technology Group» 2004 г., короткометражный фильм, фрагмент саундтрека. Авторы сценария – Н. Марфина, Н. Дикова. Режиссер – Н. Дикова. <http://vision.rambler.ru/users/lavr-debut/1/5/>).

⁵ Archivio Centrale dello Stato, Roma. Ministero degli Affari Interi, Direzione Generale della Pubblica Sicurezza. A 4. Busta 107. Semenoff de Michele / Semenov Mikhail ed altri (листы не нумерованы, пер. с ит.).

⁶ Bondi A. Rivelazioni Postumi alle «Memorie di un Questore». Milano, 1913. P. 135.

⁷ Archivio Centrale dello Stato, Roma. Ministero degli Affari Interi, Direzione Generale della Pubblica Sicurezza...

⁸ Semenov M., de. Il delitto di via Frattina, Un'oscura vendetta ebraica // *Quadrivio*. 1939. 19 febr. № 17. P. 27–36.

⁹ Semenov M., de. Come fui espulso dall'Italia. Un russo bianco racconta // *Quadrivio* 1939. 25 maggio. № 31. P. 29–37.

¹⁰ Семенов М. Братья Флоринские // *Русская мысль*. 1950. № 39.

¹¹ Semenov M., de. Gino Beghe, Dioniso dell'anarchia // *Omnibus*. 1951. Marzo. № 12. P. 14, 15.

¹² Римский архив Вяч. Иванова. Оп. 3. К. 179. Л. 6 об.

¹³ Там же. Л. 16.

¹⁴ Письмо к М. Лели от 12 февраля 1951. Переписка хранится в семейном архиве наследников М. Лели в Милане. Они любезно предоставили копии писем автору настоящей статьи в 2003 г.

¹⁵ *Memorie di Michail Semenov* // *Omnibus*. 1950. № 1–11 (избранные главы).

¹⁶ См.: Талалай М. Русская богема в Позитано / Беседа с неаполитанским краеведом К. Найтом // *Русская мысль*. 2000. № 4304. С. 19.

Эльда Гарэтто (*Милан*)

А.В. АМФИТЕАТРОВ В ИТАЛИИ: НОВЫЕ РАЗЫСКАНИЯ

О пребывании Амфитеатрова (1862–1938) в Италии мы располагаем довольно богатой информацией¹. Тем не менее его связи с итальянской культурой недостаточно изучены. На материале архивного наследия Амфитеатрова и других исследований можно попытаться определить его роль как посредника между итальянской и русской культурой в 30-х гг. прошлого века. При этом следует исходить из того, что вторая по счету, после революционная, эмиграция Амфитеатрова в Италию существенно отличалась от первой, в которой он находился с 1907 по 1916 г.

В начале 1907 г. Амфитеатров принял решение прервать свою бурную политическую и журналистскую деятельность в Париже и переехать в Италию, чтобы посвятить себя главным образом литературной работе. Проживая на востоке Лигурийского побережья, сначала в Кави-ди-Лаванья, потом в Феццано, недалеко от порта Специя, Амфитеатров продолжал живо следить за политическими событиями в России. Он печатался в российских газетах, редактировал журнал «Современник», поддерживал контакты и вел обширную переписку со многими крупными литераторами, журналистами, театральными и общественными деятелями России и Италии².

Однако главным его занятием в период первой итальянской эмиграции была работа над многочисленными романами, закрепившими за ним славу маститого беллетриста. Заметим, что такие его сочинения, как многотомная хроника «Концы и начала» (1907–1914)³, наряду с «женскими» романами «Княжна» (1910) и «Мария Люсева за границей» (1911), написаны именно в Ита-

лии. Несмотря на это, «итальянский текст» в них либо совсем отсутствует, либо представлен маргинально. Взгляд автора сосредоточен на России, на ее недалеком прошлом и бурном настоящем: даже роман «Зверь из бездны», действие которого происходит в эпоху Римской империи, следует несомненно считать явным указанием на упадок российского самодержавия. Итальянские сюжеты, представленные в публицистике Амфитеатрова, относятся в основном к итальянской действительности, к театральному миру, ему хорошо знакомому. Хотя во время первой итальянской эмиграции Амфитеатров не занимается подробно и специфически культурой этой страны, тем не менее его знания итальянской истории и современной жизни очень обширны, и когда в 1916 г. он возвращается в Петроград, у него в активе — многочисленные знакомства с итальянскими литераторами и деятелями культуры, с которыми его связывала работа корреспондента русских газет. И такой факт немаловажен.

В первые послереволюционные годы, после полного уничтожения так называемой «буржуазной прессы», Амфитеатров выживает благодаря переводам с итальянского, в том числе переводу и театральной адаптации пьесы итальянского драматурга и либреттиста Сема Бенелли «Il Mantellaccio»⁴. В 1919 г. Амфитеатров пишет Бенелли, с которым он был лично хорошо знаком⁵, и, обрисовывая ужасные жизненные условия в послереволюционном Петрограде, сообщает, что его пьеса пользуется большим успехом у петроградской публики и в течение зимнего сезона уже прошли 27 представлений в Большом драматическом театре. В конце письма Амфитеатров добавляет, что хочет вернуться в Италию, которую считает своей духовной родиной, где у него остался дом и где столько хороших знакомых⁶.

Такие слова не пустой звук. Для ряда писателей и представителей русской интеллигенции в эмиграции (кроме Амфитеатрова, среди наиболее известных можно назвать П.П. Муратова, М.А. Осоргина, Б.К. Зайцева, историков Н.П. Оттокара и Е.Ф. Шмурло, но их было гораздо больше), которые хорошо знали Италию, в ней часто бывали и изучали ее историю и культуру, эта страна, в отличие от других европейских государств, не воспринималась как чужое культурное пространство (что нетипично для эмигрантов). Разрыв с Россией был безусловно тяжел, од-

нако многими русскими беженцами Италия воспринималась именно как нечто близкое, облегчающее участь изгнанника. Б.К. Зайцев, например, пишет в 1923 г. своей корреспондентке О.И. Ресневич-Синьорелли: «Живу на Ривьере хорошо, спокойно и немножко лениво, как у себя в имении»⁷.

Легко понять, почему в начале 20-х гг. целый ряд писателей и деятелей культуры предприняли попытки обосноваться в Италии. Но их глубокая внутренняя мотивация столкнулась с двумя очень серьезными препятствиями: новая политическая ситуация в Италии и экономический кризис. Несмотря на прочные связи с Италией, из-за бесконечных проблем с визами, почти полной невозможности найти достойную интеллектуальную работу, многие из них приходят к убеждению, что, как писал Муратов в августе 1923 г., «увы, не прокормит Италия чужого писателя. Дай Бог ей своих-то прокормить»⁸.

Амфитеатрова же такая ситуация смущала менее других: у него были довольно солидные знакомства во влиятельных политических кругах страны, и вопрос об устроенности его тоже не волновал, так как у него с 1916 г. оставался дом в Леванто. После бегства из Петрограда вместе с семьей в августе 1921 г. Амфитеатров сразу начал хлопотать о получении итальянской визы, не представляя себе, что, вопреки всякому ожиданию, его вторая итальянская эмиграция окажется не «раем», а скорее «чистилищем»: дом в Леванто отнимут кредиторы, ему придется жить в крайней бедности, не говоря о семейной драме, связанной с тяжелой психической болезнью сына Романа.

Изучая специфику деятельности Амфитеатрова в Италии в 20–30-е гг., следует обратить внимание на его активное участие в периодике русского зарубежья: он печатался почти во всех газетах диаспоры, преимущественно в берлинском «Руле», в рижской «Сегодня», в парижском «Возрождении», в варшавских «За свободу» и «Мече», в белградском «Новом времени» и в «Шанхайской заре». Итальянская тема звучит довольно часто: наряду со статьями, посвященными политическим и социальным событиям, он выступает и как знаток итальянской культуры. Исходя из своего собственного интереса к фольклору, пишет о народных преданиях разных регионов Италии, об итальянских праздниках⁹. В то же самое время он живо следит за литературными

новинками, публикует рецензии на новые книги и издания, статьи об интересе итальянского читателя к русской литературе¹⁰.

Одновременно Амфитеатров печатался, правда нерегулярно, в разных периодических итальянских изданиях — «Corriere della Sera», «Giornale d'Italia», «La Stampa», «Epoca nuova», «Giornale dell'arte», «Giornale di Genova», «Tigreno». В них он часто выступал перед итальянской публикой в роли представителя великой русской культуры. Кроме того, в 1929–1930 гг. им были прочитаны в разных культурных центрах Милана («Circolo Filologico» — «Филологический кружок», «Il Convegno» — Симпозиум), в других городах северной Италии и во Флоренции лекции о различных аспектах взаимоотношений между итальянской и русской литературой, о влиянии итальянского театра на русский.

Упомяну названия лекций, прочитанных на итальянском языке в 1929 г.: «Италия в русской классической поэзии»¹¹, «Великие итальянские трагики и русское искусство», «Влияние Гольдони на русскую комедию». Серия лекций была посвящена «русской литературе в изгнании»¹². В них Амфитеатров ведет дискуссию о судьбах русской эмигрантской литературы, в которой участвовали самые видные представители русской диаспоры. Другая серия лекций посвящалась русской классической и современной сатирической литературе.

29 января 1931 г. Амфитеатров пишет Н.А. Тэффи: «Только что вернулся из Милана, где с весьма большим успехом прочитал в Convegno лекцию “Пути и судьбы русского юмора”, а потом кусочек повторил по Radio. В лекции говорил о Гоголе, Чехове, Дорешевиче, Аверченко и Тэффи». И добавляет: «Неделя ушла на подготовку к ней: итальянская публика строга насчет стиля и произношения, — в обществе говорите, как знаете, всякую ошибку охотно прощает, а, раз вышел на эстраду либо трибуну, подавай настоящую lingua toscana¹³, не то засмеют»¹⁴.

Конечно, такая деятельность исходила частично и из материальных соображений, то есть из «литературной голодухи», как писал Амфитеатров Вяч. Иванову¹⁵, тем не менее многие аспекты его деятельности в Италии можно включить в рамки так называемой «миссии русской эмиграции» в деле сохранения и распространения русской культуры, и также отнести их к более широкой теме — «Россия и Италия».

Связи с итальянской культурной средой, установленные Амфитеатровым во время первой эмиграции, в 20-е гг. возобновляются и расширяются. Документированы его отношения с писателем Р. Баккелли, с которым он завязывает переписку после публикации его романа о М. Бакуanine¹⁶, и с Дж.А. Борджезе¹⁷. Так как его послереволюционные политические взгляды резко эволюционируют вправо, он не был близок к итальянской интеллигенции, группировавшейся вокруг Э. Ло Гатто, дружившей с приехавшим вновь в Италию А.М. Горьким и начинавшей переводить советских писателей. Его связи коренились в других слоях итальянской либерал-консервативной культуры, ближе к фашистской правящей партии: в итальянском разделе его архива встречаются имена главных редакторов и сотрудников крупнейших газет и журналов: Альберто Бергамини («Giornale d'Italia»), Вирджинио Гайда («Messaggero, Giornale d'Italia»), Винченцо Морелло («La Tribuna»), Уго Ойетти («Corriere della Sera»), Курцио Малапарте («La Stampa»), Энцо Феррьерери («Il Convegno»)¹⁸. На протяжении всех 20-х гг. Амфитеатров сотрудничает, хотя и нерегулярно, в упомянутых газетах, а также в местной печати Лигурии, где он часто в первые годы эмиграции помещает восторженные статьи о Муссолини и фашизме.

Амфитеатров также связан с представителями музыкального и театрального мира Италии: его старший сын Даниил¹⁹ учился у композитора Отторино Респиги, а с театральным и оперным миром его связывают юношеский опыт певца и театрального антрепренера. Амфитеатров пишет статьи о постановке русских опер²⁰ и следит с особым интересом за деятельностью русских артистов в Италии, в частности за театральным режиссером Александром Саниным, который жил в Милане и работал в оперном театре «Ла Скала»²¹.

Другая важная область деятельности Амфитеатрова в годы послереволюционной эмиграции связана с итальянскими издательствами, в первую очередь с миланскими «Мондадори», «Бомпиани» и «Биетти», где он пытается опубликовать переводы собственных произведений и произведений других эмигрантских писателей. Среди них – крупнейшие представители русской эмиграции в Париже: Тэффи, Шмелев, Бунин, Зайцев, Мережковские. Переписка Амфитеатрова с этими писателями,

почти целиком сохранившаяся, содержит богатую информацию о контактах Амфитеатрова с издателями вплоть до подробных деталей о гонорах и авансах, о работе над корректурами. В переписке с Тэффи, например, аккуратно описаны все стадии работы над переводом ее «Авантюрного романа»²². Эта переписка дает нам возможность проследить интерес итальянского книжного рынка к литературе русской диаспоры.

Помощником и посредником Амфитеатрова в издательском деле был Ринальдо Кюфферле, писатель и переводчик русского происхождения, который в начале 30-х гг. редактировал для миланского издательства «Биетти» серию «Biblioteca Russa»²³. О нем Амфитеатров пишет Тэффи в 1930 г., предлагая устроить сборник ее юмористических рассказов: «Rinaldo Kufferle, лучший переводчик с русского на итальянский язык и редактор коллекции Bietti, в которую вошел недавно мой томик "Lisola Vergine" и войдет "Жар-Цвет", а следующей книгою, если желаете и разрешите, будет к осени — Ваша»²⁴.

Роль Амфитеатрова в распространении русской культуры в Италии можно проследить и в других эпизодах деятельности русской эмиграции в Италии. На последнем этапе жизни, с 1935 по 1937 г., Амфитеатров принимает активное участие в организации итальянского юбилейного Пушкинского комитета. Из материалов амфитеатровского архива узнаем подробности организации этого юбилея в разных странах русского зарубежья, в том числе и в Италии. В архиве Амфитеатрова хранится около десяти писем от М. Федорова²⁵, представителя президиума Пушкинского комитета во Франции — координирующего центра для всех празднований в очагах русской диаспоры. Этим президиумом Амфитеатров был назначен итальянским представителем Пушкинского комитета с целью создать аналогичный комитет в Италии, способствовать «печатанию в итальянских газетах статей о Пушкине и, в день смерти великого писателя, организации в крупных итальянских центрах торжественных собраний»²⁶. Комитет посылает Амфитеатрову протоколы заседаний, список членов, поручает ему привлечь не только русских писателей в Италии, но и итальянских писателей, ученых, известных журналистов и политических деятелей. В частности, комитет просит Амфитеатрова войти в переговоры с представителя-

ми итальянской и русской культуры, и он обращается к Э. Ло Гатто, У. Ойетти, Р. Баккелли со словами: «Я же теперь приложу старания к тому, чтобы откликнулся Пушкину италорусский артистический мирок Милана и Флоренции»²⁷.

Другой эпизод разнообразной деятельности Амфитеатрова в Италии относится к формированию Русской библиотеки в Милане. Недавние исследования, проведенные в миланских архивах, позволяют нам восстановить в общих чертах историю этой библиотеки. Она создавалась в начале XX в. русской общиной, появившейся в Милане в самом начале прошлого столетия. После большевистской революции деятельность библиотеки продолжалась под новым руководством.

Ряд архивных документов позволяет включить новые данные, касающиеся создания и состава фонда Русской библиотеки. Обнаружена переписка, относящаяся к 30-м гг., между Амфитеатровым и директором библиотеки Н. Сотниковым²⁸ о приобретении библиотекой довольно значительной части книжных собраний писателя, который в те годы жил в Леванто и крайне нуждался. После его смерти в 1938 г. переписка и передача книг продолжалась вдвоем Иларией Владимировной²⁹. Письма не позволяют установить точное количество книг, полученных из библиотеки писателя, но в фонде Русской библиотеки есть многочисленные тома амфитеатровских сочинений, а также некоторые книги с дарственной надписью Амфитеатрову.

На основе всех упоминаемых документов и фактов роль А.В. Амфитеатрова как посредника между итальянской и русской культурой становится более значимой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гарэтто Э. Две эмиграции писателя Амфитеатрова // Минувшее. 1997. № 22. С. 339–342.

² См. его переписку с М. Горьким: Горький и русская журналистика начала XX века // Литературное наследство. Т. 95. М., 1988. С. 31–469.

³ В хронике «Концы и начала» вошли романы «Восьмидесятники» (1907), «Девятидесятники» (1910–11), «Закат старого века» (1910), «Дрогнувшая ночь» (1914).

⁴ Бенелли Сэм (Benelli Sem) (1877–1949); пьеса «Рваный плащ» (в русск. пер.) вошла в: Бенелли С. Избр. соч. / Под ред. А.Л. Волын-

ского, предисл. А. Амфитеатрова и А. Луначарского. Пг., 1923. Об амфитеатровском переводе пьесы Бенелли отзывался довольно отрицательно А. Блок, сразу после назначения на должность председателя управления театра. См.: письмо к М.Ф. Андреевой от 27 апреля 1919 г. (Блок А. Собр. соч. Т. VIII. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. С. 520–523).

⁵ Бенелли тоже жил на Лигурийском побережье, недалеко от Кьявари, где до сих пор стоит его вилла в стиле «замка-модерн».

⁶ Копия письма Амфитеатрова к С. Бенелли (на ит. яз.) хранится: РГА-ЛИ. Ф. 34. Оп.1. Ед. хр. 175.

⁷ Garetto E. *Materiali sull'emigrazione russa dall'archivio di Olga Resnevic Signorelli* // *Europa Orientalis*. 1991. № 10. P. 397.

⁸ *Ibid.* P. 391.

⁹ См.: Карнавал в Италии // *Сегодня*. 1932. № 59; Пасха в Калабрии // Там же. 1932. № 87; Пасхальные грешники. (Полуфольклор) // Там же. 1933. № 106.

¹⁰ См.: Итальянцы читают русских поэтов // *Сегодня*. 1926. № 126; Итальянская критика русских классиков // *Сегодня*. 1927. № 106; Бальмонт по-итальянски // *Сегодня*. 1930. № 89; Италия и Пушкин // *Сегодня*. 1930. № 123.

¹¹ *Amfiteatrov A. L'Italia nella poesia russa classica* // *Le opere e i giorni*. 1930. № 11. P. 42–60.

¹² *Idem. Una letteratura in esilio* // *Ibid.* 1930. № 6. P. 46–65.

¹³ Тосканский язык — язык Данте и Петрарки, считался самым изящным образцом современного итальянского языка.

¹⁴ Письмо А.В. Амфитеатрова к Н.А. Тэффи из неизданной переписки (*Amfiteatrov manuscripts. Lilly Library, Bloomington, IN, U.S.A.*).

¹⁵ «С литературной голодухи начал я промышлять итальянским лекторством и, кажется, это дело идет у меня сносно и не бесполезно для итальянцев, интересующихся русской литературой и искусством. Во Флоренции я читал “L'Italia nella poesia russa classica” (напечатана в “Le Opere e i giorni” di Genova), в Милане “Una letteratura russa in esilio” (также) и “I grandi tragici italiani e l'arte russa”, а совсем недавно “Le vie e le sorti dell'umorismo russo” (выдержки в последнем номере *Convegno*, — в *Convegno* я и читал)» (А.В. Амфитеатров и Вяч.И. Иванов. Переписка / Публ. Дж. Малмстада // *Минувшее*. 1997. № 22. С. 479). «Il Convegno» — ежемесячный литературный и художественный журнал (1920–1939), организовывал также конференции, концерты и спектакли. Статья Амфитеатрова «Le vie e le sorti dell'umorismo russo» опубликована в № 11–12 (1930. 25 dic. P. 445–454) до упоминаемой лекции. Эта же статья войдет как предисловие в итальянскую анто-

логию русской сатиры «Intorno al samovar». Milano: Bompiani, 1931 (пер. Р. Кюфферле).

¹⁶ Баккелли Рикардо (Bacchelli Riccardo) (1891–1985) — романист, драматург, эссеист; роман о Бакуanine, «Il diavolo al Pontelungo» («Черт в Понтелунго»), издан в Италии в 1927 г.

¹⁷ Дж. А. Борджезе (Borgese G.A.) (1882–1952); в письмах А.В. Амфитеатрова упоминаются роман Борджезе «Рубэ» и его литературное эссе «Ottocento europeo» («Европейский XIX век»).

¹⁸ Bergamini Alberto (1877–1962) — журналист и политический деятель; Virginio Gayda (1885–1943) — журналист и дипломат, главный директор фашистского органа «Giornale d'Italia»; Vincenzo Morello (1860–1933) — писатель и журналист; Ugo Ojetti (1871–1946) — поэт, романист, журналист; Curzio Malaparte (1898–1957) — писатель и журналист; Enzo Ferrieri (1896–1975) — журналист, режиссер и театральный критик.

¹⁹ Амфитеатров Д.А. (1901–1983) — композитор и дирижер.

²⁰ См.: Триумф Китежа в Милане // Сегодня. 1934. № 10.

²¹ Санин (наст. фам. Шемберг; 1869–1956) А.А. — режиссер, актер, сотрудничал с К. Станиславским, Н. Евреиновым, С. Дягилевым и Н. Бенуа.

²² Роман вышел в издательстве «Биетти» в 1932 г. под названием «Un romanzo d'Avventure», в переводе и с предисловием жены Амфитеатрова, Иларии Владимировны.

²³ Кюфферле Ринальдо (1903–1955) — писатель, переводчик; подробнее о нем см. статью К. Скандуры в наст. изд. — *Примеч. ред.*

²⁴ В сборник «L'isola vergine», в переводе И.В. Амфитеатровой и П. Гадда, с предисловием Э. Коццани (Milano: Bietti, 1930) были включены переводы рассказов разных лет. Итальянский перевод романа «Жар-Цвет», исполненный В. Долгиной-Бадольо, с названием «Огненный цветок. Фантастический роман» («Il fiore di fuoco. Romanzo fantastico») вышел в издательстве «Биетти» в 1931 г. в серии «Biblioteca russa» (№ 8).

²⁵ Федоров Михаил Михайлович (1858–1949) — общественный деятель, председатель Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей, главной целью которого было получение правительственных стипендий и других льгот для русских студентов.

²⁶ См.: Amfiteatrov Manuscripts. Lilly Library, Bloomington, IN, U.S.A. Folder M.M. Fedorov и др. материалы из архива Амфитеатрова.

²⁷ Из письма Амфитеатрова к Вяч. Иванову от 12 февраля 1936 г., см.: А.В. Амфитеатров и Вяч.И. Иванов. Переписка... С. 532.

²⁸ Его даты жизни установить не удалось.

²⁹ Илария Владимировна Амфитеатрова (урожд. Соколова; 1873–1949) – дочь композитора В.Т. Соколова, училась в Петербургской консерватории, в молодости актриса (сценич. псевд. – Райская).

Клаудиа Скандура (*Рим*)

РИНАЛЬДО КЮФФЕРЛЕ, ПОЭТ И ПЕРЕВОДЧИК

Ринальдо Кюфферле – сын переселившегося в Россию известного итальянского скульптора¹ и матери-литовки. Он родился в Петербурге 1 ноября 1903 г. и умер в Милане 20 февраля 1955 г. След, который оставил Кюфферле в итальянской литературе первой половины XX в., свидетельствует о том, что представители русской эмиграции, осевшие в нашей стране, внесли неоценимый вклад в диалог двух культур и обогатили нашу литературу. Как не без удовлетворения утверждал сам Кюфферле, в чьих жилах смешались итальянская, немецкая, русская и литовская кровь, его участие в итальянском литературном процессе помогло ему найти свое собственное я².

Будущий писатель рос в России, а после революции 1917 г. вместе с семьей эмигрировал в Италию, где в совершенстве овладел итальянским языком и закончил филологическое отделение Миланского университета. Его учителем был знаменитый литературный критик, поэт и германист Д.-А. Борджезе, который с первых же шагов поддержал молодого поэта, дав высокую оценку его поэтическим опытам. Стихи Кюфферле он называл «глубоко итальянскими», отметив, что при явном тяготении к строгим античным формам они отличаются оригинальностью.

Вскоре Кюфферле заявил о себе не только как поэт, но и как романист, переводчик и журналист. В течение многих лет сотрудничая с газетой «*Corriere della sera*», он счел невозможным продолжение этого сотрудничества в условиях фашизма, несовместимого с его нравственными убеждениями.

В то время он начинает проявлять интерес к антропософскому учению, знакомству с которым обязан музыкальному издате-

лю Г. Каришу³. Судьба сводит их в одном из миланских салонов, и Кариш рекомендует ему познакомиться с основными работами Р. Штейнера. Изучая сочинения немецкого антропософа, Кюфферле ощущает глубокую внутреннюю связь с новым для него духовным учением. Это сказывается не только на его собственном литературном творчестве, но и на всем, чем он занимается. Кюфферле живет между Миланом, где возглавляет созданный им в 1946 г. журнал «*Antroposofia*», и Сори, под Генуей, где обитает его жена и сын Риккардо.

Жена Кюфферле, журналистка и писательница Джана Ангуиссола (1906–1966), иногда выступавшая под псевдонимом Джанола, выпустила первую книгу в 24 года и приобрела широкую известность после выхода «Романа многих» (1931). Ее книги для детей и юношества отмечены рядом престижных литературных премий, в том числе премией Совета министров Италии (1959). Как это ни странно, ее имя не упоминается ни в одной из статей о Кюфферле, появившихся после его смерти⁴.

Активная переводческая работа Кюфферле связана с его поэтическим опытом. Он переводит на итальянский язык произведения Новалиса и Соловьева, а также многочисленные оперные либретто для Миланского театра «Ла Скала». Ему принадлежат ритмические версии «Хованщины» Мусоргского, «Соловья» и «Похождений повесы» (второе название оперы – «Карьера мота») Стравинского, «Сказки о царе Салтане» Римского-Корсакова.

Кюфферле – автор многочисленных поэтических и прозаических произведений. Среди его книг сборник стихотворений «*I sogni*» («Грезы»), посвященный Вячеславу Иванову⁵, чьим горячим поклонником он был и чью поэму «Человек» перевел на итальянский язык, а также «*Le ospiti solari*» («Солнечные гости»), «*La festa della Dea Nerto*» («Праздник богини Нертус»), «*Canti spirituali*» («Духовные песни»), «*Le Muse*» («Музы») и переводы из Гете.

Особый интерес представляет его роман «*Ex russi*» («Бывшие русские») (Премия «*Viareggio*», 1935), в которой автор поднимает тему большевистской революции и положения русских эмигрантов. Их мучает тоска по утраченной родине и пугает враждебность Запада, где они чувствуют себя чужими. Этой же теме

посвящен и «Авантюрный роман» Тэффи, который Кюфферле опубликовал в издательстве «Восса» в серии «Biblioteca russa», главным редактором которой он был⁶. Следует назвать также сборник коротких рассказов «Persone i personaggi» («Люди и персонажи»), среди которых — интересный сюжет о встрече с Вяч. Ивановым в Павии⁷.

В его поэзии, в плавной музыке его стиха и в торжественности поэтических образов слышится далекий, но явственный голос русской литературы — близкий ему мир символистов. В своих мадригалах и секстинах Кюфферле обращается к средневековым поэтическим схемам, однако слово при этом звучит по-современному просто и ясно.

Сборник стихов «I sogni» («Грезы»), вдохновленный штейнеровской концепцией сновидения, понимаемого как пограничное состояние между сном и бодрствованием, как «образная» форма, когда человек перестает подчиняться законам сознания, вышел в 1942 г. Согласно теории Штейнера, человеческое я в процессе сновидения перестает действовать сознательно на астральное тело, отчего онерические образы начинают играть роль жизненного эха во время бодрствования. Эта книга имела успех, о чем сам автор писал М. Спаини 19 июня 1943 г. (письмо хранится в архиве Вяч. Иванова)⁸.

В 1945 г. Кюфферле публикует «La festa della Dea Nereto», а в 1946 г. — «Canti spirituali». Обе книги выходят в издательстве «Восса» и обе проникнуты антропософским духом. В том же году выходит другая поэтическая книга, «Le Muse», удостоившаяся высокой оценки Вяч. Иванова за стилистику и неоклассическое совершенство. Более критически отнесся Иванов к «Празднику богини Нертус», в которой он увидел не трагедию, а мистерию. Действительно, автор пренебрег главным отличием трагедии — катарсисом.

Переводческие решения Кюфферле, как уже отмечалось, лежат в русле его поэтических решений. Когда в 1925 г. Э. Ло Гатто опубликовал свой прозаический перевод «Евгения Онегина», выступив откровенным сторонником неперевода поэзии, Кюфферле подверг его позицию резкой критике, считая, что «форма является поистине несомненным и неизменным отличием всякого произведения искусства»⁹. Именно этой предпо-

сылкой он руководствуется при переводе поэмы Иванова и при переводах Соловьева и Мережковского («Христос и Антихрист», издательство «Greves», 1931; «Данте», издательство «Zanichelli»,¹⁰ 1938; «Атлантида», издательство «Hoerpli», 1937), а также Пушкина, Достоевского, Тургенева и Бунина, многих из которых он публикует в своей серии «Biblioteca russa» миланского издательства «Восса».

В выборе произведений для этой серии он руководствуется личным представлением о классической и современной русской литературе. Большое место в «Biblioteca russa» отводится классикам, к которым Кюфферле особенно неравнодушен, авторам-эмигрантам, чувствующим себя хранителями родных традиций и повествующим о полной лишений жизни изгнанников, а также справочной литературе, содержащей материалы о мало известных сторонах русской жизни¹¹. Несомненным достоинством издаваемых им книг является то, что они переведены с оригинала и снабжены предисловиями, содержащими сведения о произведениях и их авторах. Так Кюфферле знакомит итальянских читателей с М. Алдановым, Л. Неановой, Б. Зайцевым, А. Амфитеатровым.

Последним его переводческим трудом, завершенным незадолго до смерти, стала драматическая тетралогия Р. Штейнера. «После этой работы, — сказал он, — я или ничего больше не напишу сам или стану писать совсем по-другому»¹².

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ П.И. Кюфферле известен как автор мемориальной скульптуры, в том числе многих надгробий на петербургском Новодевичьем кладбище (статуя Спасителя на могиле генеральши А.А. Вершининой, памятник А.А. Бенкендорфу). — *Примеч. ред.*

² См.: Schwarz Colorni S. Ricordo di Rinaldo Kufferle // Antroposofia. 1958. № 2. P. 48.

³ См: Ibid. P. 48–56.

⁴ Cattaneo I. Ringraziamento // Antroposofia. 1958. № 4. P. 124–158; Padoa F. Rinaldo Kufferle un poeta del nostro tempo // Antroposofia. 1955. № 4; Villaruel G. Ricordo di Rinaldo Kufferle // Il giornale d'Italia. 1959. № X.

⁵ См.: Malcovati F. La traduzione italiana de L'Uomo di Viaceslav Ivanov // Dalla forma allo spirito. Studi in onore di Nina Kautchischvili / A cura di R. Casari, U. Persi, G.P. Piretto. Milano: Guerini, 1989. P. 109–126.

⁶ Teffi. Un romanzo di avventure. Trad. e introd. di Ilaria Amfiteatrov. Milano: Fratello Bocca, 1932.

⁷ Vjaceslav Ivanov a Pavia / A cura di F. Malcovati (брошюра, изданная по случаю Третьего международного симпозиума, посвященного творчеству Вяч. Иванова).

⁸ См.: Ruffolo D. Vjaceslav Ivanov – Rinaldo Kufferle: Corrispondenza // Archivio italo-russo / A cura di D. Rizzi e A. Shishkin. Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1997. P. 563–601.

⁹ Kufferle R. Alessandro Pusckin – Eugenio Onieghin // Trad., introd. e note di Ettore Lo Gatto // La Fiera Letteraria. 1926. 17 gen. №. 3. P. 6; цит. в: Scandura C. La traduzione come strumento di intermediazione culturale // Studi Italiani di Linguistica Teorica ed Applicata. 2004. № 2. P. 290.

¹⁰ Об обстоятельствах появления этого произведения в Италии см.: Додеро-Коста М.-Л. О книге Мережковского «Данте» // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М.: Наследие, 1999. С. 82–88.

¹¹ Укажем, например: Zenzinov V. Infanzia randagia nella Russia bolscevika. Milano: Bietti, 1930.

¹² Cattaneo I. Ringraziamento // Antoposofia. 1958. № 4. P. 124.

Introd. di R. Küfferle. Milano: Casa editrice Bietti, 1933; Bunin I.À. L'amore di Mitja e altre prose / Trad. di R. Küfferle. Milano: Mondadori, 1934; Dostoevskij F.M. I demoni. / Trad. di R. Küfferle: 2 vol. Milano: Casa editrice Bietti, 1933; ĩđđăčă.: Milano: Garzanti, 1981; Dostoevskij F.M. Il giocatore. Trad. dall'originale e introd. di R. Küfferle. Milano: Casa editrice Bietti, 1930; Ivanov V.I. L'uomo / Trad. in versi di R. Küfferle. Milano: Fratelli Bocca, 1946; Merezkovskij D.S. L'atlantide / Trad. di R. Küfferle. Milano: Hoepli, 1937; Merezkovskij D.S. Il Cristo e l'Anticristo / Trad. di R. Küfferle. Milano: Treves, 1931; Merezkovskij D.S. Dante / Trad. di R. Küfferle. Bologna: Zanichelli, 1938; Neanova I. Forze oscure / Trad. di R. Küfferle. Milano: Casa editrice Bietti, 1930; Puskin A.S. Boris Godunov e le tragedie minori / Trad. in versi e introd. di R. Küfferle. Milano: Mondadori, 1936; Shmelev I.S. Ciò che è stato / Trad. di R. Küfferle. Milano: Bompiani, 1945; Turgenev I.S. Alla vigilia / Trad. di R. Küfferle. Milano: Sonzogno, 1933; Turgenev I.S. Padri e figli / Trad. di R. Küfferle. Milano: Mondadori, 1942; Turgenev I.S. Scene e commedie / Trad. di R. Küfferle. Torino Slavia, 1934; Zajcev B.K. L'Athos / Trad. di R. Küfferle. Milano: Casa editrice Bietti, 1933; перезд.: Al monte Athos. Introd. e trad. di R. Küfferle. Padova: Franco Muzzio editore, 1997; Zajcev B.K. Casa di Passy / Trad. di R. Küfferle. Milano: Martello, 1930; Zajcev B.K. Ricamo d'oro / Trad. di R. Küfferle. Milano: Corbaccio, 1930; Zajcev B.K. La vendicatrice / Introd. e traduzione di R. Küfferle. Milano: Corbaccio, 1930.

ГАБРИЭЛЕ МАЦЦИТЕЛЛИ (*Рим*)

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. Н.В. ГОГОЛЯ В РИМЕ*

Памяти Цецилии Кин

В 1902 г. русская колония в Риме решила достойно отметить 50-летнюю годовщину со дня смерти Н.В. Гоголя. Несмотря на то, что Рим стал столицей объединенной Италии, город еще не был подвержен радикальным изменениям и было довольно легко «идти по следам» писателя¹. На фасаде дома на улице Систина, где жил Гоголь и где он написал «Мертвые души», была открыта мемориальная доска с надписью на двух языках, а также состоялась торжественная церемония в память писателя на вилле Волконских, куда Гоголь часто приезжал с визитом провести хозяйку виллы — княгиню Зинаиду Волконскую². К концу церемонии была собрана значительная денежная сумма, предназначавшаяся для создания в Риме русской библиотеки, открывшейся в ноябре того же года на виа Сан Никола ди Толентино под названием «Библиотека-читальня им. Гоголя». Так появилась в Италии первая русская библиотека³.

Вначале книги поступали в библиотеку от частных лиц и от Клуба русских художников⁴, но как только распространилась весть о существовании русской библиотеки в Риме, все крупные издательства начали присылать в нее свои новые издания. В 1905 г. библиотека преобразовалась в общество, членами которого, в ходе ассамблеи, был избран руководящий комитет. В 1906 г. Генеральная ассамблея русской колонии в Риме назна-

* Итальянскую версию статьи, где рассказывается и о пребывании самого Н.В. Гоголя в Риме, см. Mazzitelli G. La Biblioteca «Gogol'» // Quaderni della Biblioteca nazionale centrale di Roma, № 8 (2000). P. 59–71.

чила дирекцию библиотеки, члены которой вместе с членами общества в ходе годовой ассамблеи могли избрать Комитет библиотеки.

В 1907 г. библиотека переезжает на виа Грегориана, а затем на виа делле Колоннетте, № 27, в помещение бывшего ателье Канова: «Этот старинный дом... расположенный на живописной улице старого Рима, очень подходил для русской библиотеки... Русская библиотека оставалась в этом доме-музее больше шестидесяти лет, до 1969 г.»⁵. В 1912 г. годовой членский взнос составлял 15 лир, а месячный абонемент стоил 2 лиры и включал возможность взять одну книгу для чтения на дом; абонемент, стоивший 3 лиры, давал возможность взять 2 книги на дом для чтения⁶. Зимой библиотека была открыта с 10 до 12 часов и с 16 до 22, а летом (с мая по октябрь) — с 10 до 12 часов и с 16 до 20 часов.

В 1913 г., по инициативе Максима Горького, в здании Ассоциации «Л.Н. Толстой» состоялся первый Конгресс русских культурных ассоциаций и экономических союзов⁷. В ту пору в Риме проживало много русских, из которых почти 40 — студентов. Вполне возможно, что все они посещали Библиотеку им. Н.В. Гоголя. Без сомнения, там побывал и русский очеркист Михаил Осоргин, чья книга «Очерки современной Италии» вышла из печати именно в тот год⁸.

До 1914 г. библиотека вела активную культурную деятельность: организовывала конференции, концерты и выставки. Военные события и взрыв русской революции вызвали неминуемый кризис, вначале — по причине того, что русская колония в Риме значительно поредела, так как многие ее представители вернулись на родину, а затем — в силу изменившейся политической ситуации в России. В то время как Февральскую революцию некоторые члены русской колонии приветствовали, победа большевиков была встречена в штыки. И хотя именно в эти годы наступает период серьезных трудностей для библиотеки, нельзя отрицать, что она в то же время приобретает новый облик: перестает быть всего лишь читальней для более или менее многочисленной группы русских, временно или постоянно проживающих в Риме, а становится наследницей исторической традиции, причем берет на себя задачу передать ее потомкам. Рим-

ская библиотека, придерживаясь исконно русских ценностей, засвидетельствовала деятельность множества эмигрантов, которые из Парижа, Берлина, Праги, Софии, Белграда пытались противостоять советскому правлению.

В Италии это годы фашизма, но в то же время создается Восточно-Европейский институт (*Istituto per Europa Orientale*) и появляются первые университетские кафедры славяноведения. Библиотека им. Гоголя продолжает идти своим тернистым путем, несмотря на то, что русская колония продолжает редеть (также и по вине режима), что неизбежно сказывается на доходах библиотеки. С началом Второй мировой войны на долю этой библиотеки не выпала горькая участь парижской Библиотеки им. И.С. Тургенева, разграбленной нацистами:⁹ римское книгохранилище, как бы притаившись, выжило.

После Второй мировой войны опять возрождается интерес к Советскому Союзу и русской культуре. Увеличивается число студентов, изучающих русский язык и литературу и со временем — число университетских кафедр. Ценность литературного достояния Библиотеки им. Н.В. Гоголя все больше возрастает для тех, кто хочет заняться изучением русского мира. Библиотека становится своего рода ориентиром для желающих ближе ознакомиться с древними, ушедшими в глубь веков, обычаями и нравами исчезнувшей Руси.

Однако, как это ни парадоксально, чем больше ширится слава уникальной библиотеки, тем меньшими средствами она располагает. К тому же помещение ее первоначального размещения — студия Кановы — требует дорогостоящей реконструкции. В 1969 г. здание объявлено непригодным для эксплуатации и библиотеке грозит закрытие. Ее спасает чудо: один щедрый американский филантроп откликается на призыв спасти библиотеку и начинает регулярно высылать денежные суммы. Благодаря этой неожиданной помощи удалось найти новое престижное помещение в здании на площади Сан Панталео, где в 1972 г. библиотека отметила 100-летие со дня своего основания. Как раз в то время хлынула новая волна эмиграции на Запад, в основном еврейской. Библиотека, в некоторой мере разрешившая свои трудности, расширяет диапазон читателей за счет: местных русских, не желающих забывать родной язык; новых русских эмигрантов;

вузовских преподавателей славяноведения и студентов и других иностранцев (греков, армян, выходцев из балтийских стран); случайных «контрабандных» туристов из СССР¹⁰. Делается попытка реорганизовать управленческую структуру, в результате чего появляется на свет Ассоциация им. Н.В. Гоголя, в которой к старым членам русской колонии прибавились преподаватели славяноведения итальянских вузов.

Однако в начале 80-х гг. владельцы помещения, где располагалась библиотека, потребовали освободить его, угрожая принудительным выселением. Несколько раз удается получить отсрочку, но времени разрешить эту проблему недостаточно, к тому же, как раз накануне неизбежного переезда, становится известным, что все книжное достояние библиотеки пытаются втайне переместить за границу. Благодаря безотлагательному вмешательству нескольких преподавателей итальянских вузов удается заблокировать эту операцию, и Министерство национального культурного достояния и окружающей среды 31 октября 1984 г. выносит решение о регистрации Библиотеки им. Гоголя в качестве памятника национального культурного достояния. Но это было лишь началом долгой одиссеи.

Принудительное выселение вынуждает искать временные решения, тем более что по причине разразившегося «скандала» американский филантроп прерывает свою денежную помощь. Упакованный в ящики книжный фонд библиотеки помещают в подвале Института римских исследований (Istituto di Studi Romani), где книги остаются в таком состоянии на протяжении трех лет, хотя правительство региона Лацио выделило 10 млн. лир на каталогизацию этого книжного достояния. По окончании договора с институтом было решено переместить библиотеку в подвал русской православной церкви в Риме, на виа Палестро, № 69, в пяти комнатах, оснащенных металлическими и деревянными полками. Пыльные летом и сырые зимой, комнаты были совершенно непригодными для размещения в них библиотеки. Тем временем правительство Лацио потребовало, чтобы Ассоциация им. Н.В. Гоголя либо немедленно использовала суммы, ассигнованные на составление каталога, либо, в противном случае, вернула их, уплатив надлежащую штрафную санкцию. Поэтому первым делом были каталогизированы 1200 томов и,

согласно условиям, поставленным областным управлением, вышел печатный каталог. Затем правительство Лацио заявило о своей готовности выделить 30 млн. лир на приобретение всего книжного фонда, в то время как Национальная центральная библиотека им. Виктора-Эммануила II — о готовности выделить помещение (она приютила уже аналогичным образом библиотеку Ассоциации «Италия — СССР»¹¹). Единственным условием была поставлена необходимость провести предварительную дезинфекцию книг, и Министерство культурного достояния взяло на себя это обязательство. Тем временем Ассоциация им. Н.В. Гоголя окончательно расформируется, что делает возможным продажу библиотеки. После долгих месяцев, потребовавшихся для получения ассигнований и проведения процедур, связанных с дезинфекцией, наконец, 9 апреля 1998 г. Библиотека им. Н.В. Гоголя была перемещена на склад Национальной библиотеки.

* * *

К сожалению, инвентаря библиотеки теперь не существует, да его никогда и не было. Однако есть картотека, состоящая из небольших карточек международного образца, заполненных от руки; составлена она была после переезда книг в русскую церковь. Однако основной базой для регистрации достояния библиотеки является все же «Каталог русской библиотеки им. Н.В. Гоголя», составленный С. Готовым в июне 1972 г. Этот каталог (на русском языке), размноженный на гектографе, подразделен на темы: История, Философия, Военная история, Учебники по истории, Искусство, Археология и История православной Церкви, Право, Публицистика, География, Дореволюционные журналы, Русская литература, История русской литературы, Справочники, Дореволюционные журналы по искусству¹². В свою очередь, список книг каждой секции дается в алфавитном порядке с указанием основных биографических данных, но без упоминания издательства. Секция русской литературы описана в общем виде, без детализации, например, иногда лишь отмечается наличие тех или других книг некоторых авторов, при этом не приводятся какие-либо библиографические данные. Да и

весь каталог предоставлен для пользования в основном читателям библиотеки (в тот момент она располагалась на площади Сан Панталео, фотографии которой приложены к каталогу).

Описание книжного фонда есть и в брошюре С. Гротова «The Gogol' Russian Library of Rome», где утверждается, что библиотека содержит 26 тыс. томов, включает всех классиков русской литературы, часто в редких изданиях, многих авторов-эмигрантов межвоенного времени, а также произведения советской литературы периода после Второй мировой войны и свыше 800 переводов иностранных авторов на русский. Что касается других секций, то приводятся следующие данные: богословская секция насчитывает 600 томов, некоторые из них являются настоящей редкостью, в то время как секция философская располагает 300 работами, а юридическая секция — 200. Самая насыщенная — историческая секция, насчитывающая 1500 томов, в том числе и некоторые особо ценные¹³. Гордостью художественной секции являются выдающиеся журналы, такие как «Аполлон» (1909–1916), «Старые годы» (1908–1916), «Золотое руно» (1906–1909), «Театр и искусство» (1908–1913), «Весы» (1906–1907). Значительный интерес представляет все собрание периодических изданий, среди которых следует отметить как журналы предреволюционного периода — «Русская старина» (1885–1916), «Русский вестник» (1859–1916), «Вестник Европы» (1870–1916), так и многие журналы русской эмиграции, издаваемые за рубежом.

В 1995 г. вышел каталог «The Gogol' Russian Library of Rome», составленный автором этой статьи по поручению Итальянской ассоциации библиотек (секция Лацио)¹⁴. Он включает 1200 наименований из отдела русской литературы и представляет собой дополнение к каталогу Гротова к той его секции, которая, как уже отмечалось выше, носит весьма обобщенный характер.

Хоть и нет сомнения в том, что книги, которые занесены в наш каталог, прибыли в итоге в Национальную библиотеку, возникает, однако, вопрос: как отразились на гоголевской библиотеке все превратности судьбы, которым она подвергалась в течение последних 15 лет, — не вызвали ли они потерю ее книжного фонда? Ответ будет получен только после того, как будет окончательно и полностью проведена каталогизация всего библиотечного фонда. Как бы там ни было, размещение русского книж-

ного собрания в помещении Национальной библиотеки позволило избежать потери всего достояния, что само по себе уже немаловажно. Много трудностей уже преодолено и много еще предстоит преодолеть, но те, кто принял близко к сердцу судьбу этой библиотеки, разделяют мнение Гротова, высказанное им в каталоге: «Значение Русской Библиотеки имени Гоголя в Риме (именно в Риме!!!...) огромно. Это надо знать всем русским и всем приобщенным к русской культуре»; он же призывал людей доброй воли сохранять и оберегать библиотеку еще и потому, что «когда наша родина возродится, она (библиотека. — Г.М.) смогла бы к ней явиться как ее собственное детище, но не как славянский отдел какой-то иностранной библиотеки»¹⁵.

Лично я считаю, что перемещение в Национальную библиотеку отражает и это стремление Гротова, что находит свое подтверждение в известнейшем письме Гоголя Жуковскому: «Если бы вы знали, с какой радостью я бросил Швейцарию и полетел в мою душеньку, в мою красавицу Италию. Она моя! Никто в мире ее не отнимет у меня! Я родился здесь»¹⁶.

С момента приобретения правительством Лацио Библиотеки им. Н.В. Гоголя и ее размещения в Национальной библиотеке ее фонды славяноведения значительно возросли. Кроме фонда Мавера, подаренного библиотеке в 70-е гг. (после смерти ученого), прибавилась за последние годы личная библиотека выдающегося юриста и эксперта в области советского права Т. Наполитано, а также библиотека расформированной Ассоциации «Италия — СССР». Теперь в общей сложности насчитывается 100 тыс. томов, включая периодические издания и монографии, для которых на складе планируется выделить специальное отделение; после реконструкции намечается сдать специальный сектор для консультации. По окончании каталогизации всего этого обширного материала Национальная библиотека сможет предоставить для пользования всем изучающим славянский мир значительное книжное достояние редкой ценности. Думаю, что для всех очевидно историческое значение объединения в одной библиотеке книжных фондов Ассоциации «Италия — СССР» и Библиотеки им. Гоголя сразу же после падения Берлинской стены и распада Советского Союза.

Судьба русской литературы XX в. была особой, творчество советских писателей пополнялось произведениями эмигрантов — людей, которые, покидая Россию, не хотели терять с нею связи и продолжали писать на родном языке и, что еще важнее, думать по-русски. Сегодня этого разделения уже нет или, по крайней мере, оно утратило свой идеологический характер. Объединение книжных фондов Ассоциации «Италия — СССР» и Библиотеки им. Гоголя символически положило конец этому разделению и знаменовало начало новой эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так называется книга Авентино: «По следам Гоголя в Риме» (М.: Университетская типография, 1902).

² Описание этой виллы дано: Авентино. По следам Гоголя в Риме. С. 11, 12.

³ Подробный список русских библиотек, существовавших в Италии, дан в статье: Коваль Л.М. Русские библиотеки в Италии в начале XX века // Книга: Исследования и материалы. М., 1978. Т. 37. С.194; в Риме перечислены следующие библиотеки: библиотека им. Н.В. Гоголя, основанная в 1902 г.; библиотека Клуба художников, существовавшая до 1902 г.; Студенческая библиотека, существовавшая до 1902 г.; библиотека Ассоциации «Л.Н. Толстой», основанная, вероятно, в 1912 г. на базе книжного фонда Студенческой библиотеки. Заметим, что библиотека Ассоциации «Л.Н. Толстой» располагалась в том же здании, где жил Гоголь; по мнению А. Тамборры, однако, эта библиотека «существовала в Риме с 1903 г.» (см.: Тамборра А. *Esuli russi in Italia dal 1905 al 1917*. Roma-Bari: Laterza, 1977. P. 77); как бы там ни было, среди книг библиотеки им. Н.В. Гоголя есть тома и Студенческой библиотеки, и библиотеки Ассоциации «Л.Н. Толстой». О библиотеке и ее собрании см. также: Groto V. *Catalogo della biblioteca russa N.V. Gogol' a Roma*. [Roma, 1972]; Леонидова Т. Гоголевская читальня в Риме. М., 2002.

⁴ В статье, опубликованной в «Московских ведомостях» 14 января 1903 г., сообщается, что в библиотеке Клуба русских художников «есть много старинных исторических изданий XVIII века, представляющих значительную библиографическую ценность для любителей старинных изданий», «много книг на религиозные темы, полная коллекция словарей и бесчисленное количество книг по искусству» (цит. по: Коваль Л.М. Русские библиотеки в Италии... С. 188).

⁵ Groto V. *Catalogo della biblioteca russa...* P. IV, V.

⁶ Коваль Л.М. Русские библиотеки в Италии... С. 187.

⁷ Там же. С. 185; Tamborra A. *Esuli russi in Italia...* P. 71–86.

⁸ Осоргин М. Очерки современной Италии. М., 1913; в настоящее время в книжном фонде Библиотеки им. Н.В. Гоголя есть три копии этой книги, две из которых — с автографом.

⁹ См.: Берберова Н. Рассказы в изгнании. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. С. 303–309.

¹⁰ См.: Grotov S. *Catalogo della biblioteca russa...* P. IX.

¹¹ Mazzitelli G. *La Biblioteca dell'Associazione Italia – URSS // BVE Quaderni*. 1996. № 3. P. 52–55.

¹² Список книг этого раздела приведен на отдельном листе, приклеенном на третьей странице обложки и ошибочно пронумерованном 68 вместо 86.

¹³ См.: Коваль Л.М. Русские библиотеки в Италии... С. 193.

¹⁴ Работа по составлению каталога (июнь–сентябрь 1995) потребовалась, как указывалось выше, для использования средств, выделенных правительством Лацио; одна копия каталога хранится в правительстве Лацио, другая сдана на хранение тогдашнему президенту Ассоциации им. Н.В. Гоголя Е. Чиконьяни-Волконской.

¹⁵ Grotov S. *Op. cit.* P. IX.

¹⁶ Переписка Н.В. Гоголя: В 2 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 1. С. 161.

ЧЕЗАРЕ ДЕ МИКЕЛИС (*Рим*)

ГЕОРГИЙ КРАЙСКИЙ И «ВОИНСТВУЮЩИЙ» РУСИЗМ

Вместе с Георгием Крайским, умершим в 1998 г., ушел в прошлое тот тип «воинствующего» русиста, ярким представителем которого был, к примеру, и Петр (Пьетро) Цветеремич¹, скончавшийся шестью годами ранее.

«Воинствующие» русисты, как правило, интеллектуалы с превосходной лингвистической и общекультурной подготовкой, интерпретировали и пропагандировали русскую цивилизацию вместе с размышлениями о СССР и его роли в современном мире. Они специализировались на XX веке, но это не означало, что они входили в академическую систему, более того, они иногда даже ей противостояли, впрочем, зачастую в итоге в нее интегрируясь, как в случае с Крайским (накануне его 50-летия).

«Воинствующие» русисты всегда деятельно включались в общественный, журналистский, издательский труд. В послевоенные времена большинство их сочувствовало советской системе, хотя среди них встречались люди и с прямо противоположными политическими убеждениями. В любом случае их позиция всегда характеризовалась интеллектуальной честностью и высокой этикой: и Крайский, и Цветеремич никогда не уклонялись от резкой критики СССР, когда они видели в этом необходимость, не впадая, однако, в ярый антикоммунизм. Академическая славистика в целом благосклонно относилась к «воинствующим» русистам, хотя можно сказать, что итальянская культура остается их «должником»: назовем две фигуры, которые можно считать прототипами «воинствующих» русистов в межвоенный период, — Пьеро Гобетти² и Лев Гинзбург³.

Георгий (Джорджо) Крайский родился в Москве 28 декабря 1916 г., в 1924 г. он переехал в Италию с матерью. Крайский превосходно говорил на обоих языках, с легким московским акцентом — в русском, и с ломбардским — в итальянском. Получив два университетских диплома, на юридическом факультете в Милане и факультете политологии в Павии, он примкнул к антифашистскому подполью прокоммунистического направления, а затем записался добровольцем в АРМИР⁴ с целью перейти фронт (это ему, по счастью, не удалось). Появившись в 1944 г. в освобожденном Риме, Крайский начал свою публицистическую деятельность с явным просоветским оттенком — сказывались его коммунистические убеждения и ностальгия по «утраченной» родине. Его обширные знания, не ограничивавшиеся лишь современной русскоязычной литературой, получили быстрое признание, и энциклопедический словарь «Dizionario Votriani» поручил ему большую часть тех словарных статей, за которые не взялся главный редактор раздела Этторе Ло Гатто.

Если самые первые публикации Крайский подписывал собственным именем, то в 1950-е гг. он взял псевдоним Джованни Крино. В 1964–1973 гг. Крайский работал в редколлегии журнала «Rassegna Sovietica», ежеквартальном органе ассоциации «Италия — СССР». В специальном выпуске «Mondoperaio» (1957) он поместил незаслуженно забытый перевод поэмы Блока «Двенадцать», затем перевел ряд стихотворений Маяковского для тома «Opere» («Сочинения», 1958), написал множество статей, а также консультировал издателей, организовывал выставки. В течение продолжительного времени Крайский являлся заслуженным авторитетом в области русской и советской культуры.

В 1965 г. Карло Мускетта⁵ привлек его к преподавательской работе на филологическом факультете Университета Катаньи (русский язык и литература). Именно в Катанье в 1987 г. Крайский завершил свою академическую карьеру, став с 1980 г. ассоциированным профессором.

Работа, с которой в первую очередь связывается имя Крайского, — это «Le poetiche russe del Novecento dal simbolismo alla poesia proletaria» («Русская поэтика XX века от символизма до пролетарской поэзии») (Bari: Laterza, 1968), включившая в себя и ряд предыдущих публикаций из «Rassegna Sovietica». Книга,

как и предшествовавшая ей другая его крупная работа, «*L'estetica marxista nell'Enciclopedia sovietica*» («Марксистская эстетика в Советской энциклопедии») (Roma: Carpiotti, 1950), без сомнения, следует установкам Ло Гатто, выраженным им в «*L'estetica e la poetica in Russia*» («Эстетика и поэтика в России») (Флоренция, 1947) и развитым позднее К. Аймермахером при переиздании в Мюнхене в 1969 г. сборника «Литературные манифесты. От символизма к Октябрю», собранного в свою очередь Н.Л. Бродским (1924, 1929). К жанру документальной антологии можно отнести и два других труда Крайского: «*Rivoluzione e letteratura*» («Революция и литература») (Bari: Laterza, 1967) и «*I formalisti russi nel cinema*» («Русские формалисты в кинематографе») (Milano: Garzanti, 1971). Эти публикации свидетельствуют о страсти, с которой Крайский брался за пропаганду русского и советского авангарда — для интеллектуала с его складом мышления это был своеобразный реванш за вынужденное прежде распространение в Италии отравленных плодов «соцреализма». Именно под таким ракурсом следует рассматривать и его исключительно ранний интерес к А.И. Солженицыну: уже в 1962 г. он первым переводит его «Один день Ивана Денисовича» для миланского издательства «Garzanti».

В итоге разнородной деятельности Крайский стал главным экспертом в области русского авангарда, в первую очередь — авангарда театрального, о чем свидетельствуют собранные и отрецензированные им тексты В.с. Мейерхольда, «*La rivoluzione teatrale*» («Театральная революция») (Roma: Ed. Riuniti, 1962). Этот сборник предвосхитил более поздние труды итальянских русистов — фундаментальную повесть-эссе А.М. Рипеллино «*Il trucco e l'anima*» («Грим и душа») (1965) и исследование Ф. Мальковатти «*L'Ottobre teatrale*» («Театральный Октябрь») (1977). Именно на основе любви к театру и к авангарду, а также в результате болезненного переосмысления политического кредо появился у Крайского его единственный, на мой взгляд, истинно творческий труд, «*Arlecchinata russa*» («Русская арлекинада») (Venezia: Marsilio, 1974), посвященный 100-летию Мейерхольда и решенный в игровом ключе.

Так называемые научные работы занимают в наследии Крайского не главное место. Среди них назовем, к примеру, очерк об

истоках русского театра (1972). Многое он не успел воплотить, в том числе и основательно продуманный труд о хорошо знакомой ему фигуре, одной из центральных в советской культуре — Илье Эренбурге⁶.

Пишущий эти строки также во многом обязан Георгию Крайскому. Учитывая разницу в возрасте, знакомство наше состоялось относительно поздно (для Крайского, конечно). Личная встреча произошла после того, как Рипеллино написал общую рецензию на две наши книги: на «*Le poetiche russe del Novecento dal simbolismo alla poesia proletaria*» Крайского и на мое первое эссе о Борисе Пастернаке⁷. Знакомство быстро перешло в дружбу благодаря необыкновенной щедрости, выдаваемой Крайским по отношению к «молодым». Немаловажную роль сыграло и то, что мы жили на одном и том же римском перекрестке. Пусть и горделиво отрешенный от «академических интриг», Крайский давал мне мудрые и глубокие советы, когда я начал работу в университете; пусть и удалясь от редакции «*Rassegna Sovietica*», он привлек меня к этому журналу. Он одарил меня множеством раритетов, собранных во время своих поездок в Советский Союз (среди них — редкий экземпляр пастернаковского «Второго рождения» с авторскими пометками эпохи написания «Доктора Живаго»). Дружба перешла в сотрудничество, когда я в качестве тогдашнего консультанта издательства «*Mondadori*» предложил имя Крайского-переводчика для итальянского издания воспоминаний Надежды Мандельштам⁸, а затем — при составлении спецвыпуска «*Mondoperaio*», посвященного русскому авангарду (т. VI, 1975), при постановке тетральной группой Ла Рокка «Мандата» Н. Эрдмана (1976), при подготовке конференции о раннем советском кинематографе.

Однако наши отношения выходили за рамки «профессиональных». Мы вместе провели прекрасное лето в Доломитах, вместе съездили в увлекательное путешествие в Загреб, вместе мило проводили время на его «даче» в Тревиньяно. Его образ «доброе грубияна» стал привычным в нашем доме, где иногда он развлекался лаянием а-ля Маяковский, за что получил прозвище от моего сына «Джорджо-бау⁹».

Наши отношения утратили интенсивность, так как я на несколько лет переехал с семейством в Бари, а когда вернулся в

Рим, Крайский перебрался на Сицилию, покинув свое последнее римское жилище, похожее на чердак, в большом кондоминиуме на виале Реджина Маргерита. При выходе на пенсию он стал отдавать дань своей мизантропии, удалившись от столицы и от круга общения, составной частью которого, хронологически одной из последних, стал и я. Однако когда мы случайно встречались (последний раз в закуской на виа Кола ди Рьенцо), казалось, что мы расстались лишь вчера: та же сердечность, та же ирония, та же грустинка в его глазах.

Авторизованный перевод с ит. М.Г. Талалая

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цветеремич П. — плодовитый переводчик, известен в первую очередь своим переводом романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» для издательства «Feltrinelli». — *Примеч. ред.*

² Гобетти П. — один из зачинателей итальянской русистики, специалист по русской литературе начала XX в. (Л.Н. Андреев, А.И. Куприн). — *Примеч. ред.*

³ О филологе-антифашисте Л. Гинзбурге (1909–1944) и его окружении см.: Талалай М.Г. Гинзбург: итальянская литературная династия, основанная в Одессе // Новое литературное обозрение. 2003. № 64 (6). С. 408–410. — *Примеч. пер.*

⁴ ARMIR, Armata Italiana in Russia, «Итальянская армия в России». Военский контингент, отправленный правительством Муссолини на Восточный фронт. — *Примеч. пер.*

⁵ Мускетта К. (1912–2004), виднейший филолог, критик, очеркист марксистского направления, редактор журналов «Letteratura italiana: storia e testi» и «Parnaso Italiano».

⁶ Письма Г. Крайского (он подписывался как Юрий Крайский) к И.Г. Эренбургу частично опубликованы — см.: Фрезинский Б. Милая сердцу Италия (Страницы архива Ильи Эренбурга) // Всемирное слово. 2005. № 17,18. Россия и Италия. С. 91–93. — *Примеч. пер.*

⁷ Ribellino A.M. Viaggio tra sonnambuli // Espresso, 16.2.1969.

⁸ См.: Mandelstam N. L'epoca e i lupi. Milano: Mondadori, 1971.

⁹ В русской традиции «бау» соответствует «гав». — *Примеч. пер.*

*Н*аука и искусство

А.К. КЛЕМЕНТЬЕВ, В.А. КЛЕМЕНТЬЕВА
(*Санкт-Петербург*)

ТРИ УНИВЕРСИТЕТА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ОТТОКАРА

Санкт-Петербург – Петроград – Пермь – Флоренция

Научное служение русского историка Николая Петровича Оттокара связано с тремя европейскими университетами – Петербургским, Пермским и Флорентийским. И если в Петербургском (а позднее – Петроградском) университете Николай Петрович учился и защитил магистерскую диссертацию, то в университетах Перми и Флоренции трудился сложившийся уже ученый историк и организатор научной и учебной работы.

Николай Оттокар родился в семье «купца второй гильдии Петра Оттокара и супруги его Селины, урожденной Авербах, <...> двенадцатого марта тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года и окрещен 25-го апреля того же года»¹. Отличное поведение, прилежание, а главное – преуспевание в учении, «в особенности же в науках словесных» позволили сыну аптекарского помощника, личного почетного гражданина Петра Александровича Оттокара Николаю окончить в 1902 г. Санкт-Петербургскую 6-ую гимназию с золотой медалью².

На историческом факультете Санкт-Петербургского университета Н.П. Оттокар избрал своей специальностью историю средних веков – кафедру И.М. Гревса. В числе его преподавателей были М.И. Ростовцев и Г.В. Форстен. У Гревса он занялся историей Флоренции, которую часто посещал в студенческие годы – и с соучениками и самостоятельно³. Весною 1908 г. Николай Петрович был выпущен из университета с дипломом первой степени⁴. В это время появляются его первые статьи – «Флорен-

тийский дом в XIV и XV столетиях»⁵, «К истории взаимоотношений церкви и города в итальянском средневековьи (Орега ecclesiae Флоренции и ее роль в процессе перехода церквей в ведение коммуны)»⁶. Для Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона Николай Петрович пишет немало статей, важнейшие — «Балет», «Болония», «Коммуны средневековые», «Лангобардское право», «Лангобарды»⁷. Он был оставлен при университете «по кафедре всеобщей истории для приготовления к ученой степени на два года» с продлением по 1 января 1911 г.⁸

Уже в одной из первых своих работ Оттокар отмечал те особенности в отношениях с прошлым, которые казались ему необходимыми для успешной работы историка: «В специальном изучении, в крайней детализации исторического материала не может быть сухости. Страсть к конкретным деталям старины, тщательное собирание мелочей, которых мы даже не замечаем в современной нам жизни, обличает не бездушную сухость, а скорее влюбленность в конкретную обстановку, в подлинную жизненную атмосферу прошлого. Чем ближе подходит историк к конкретным деталям, тем теснее соприкасается он со всей жизнью прошлого в ее целом. И только поверхностный читатель не почувствует обаяния этого соприкосновения в видимо-сухом и педантично-мелочном собирании и описании живых в своей конкретности деталей»⁹.

В 1910/11 учебном году преподаватель Н.П. Оттокар вел на Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсах (ПВЖК) семинарий «Социальный строй Флоренции XIII в.» и просеминарий «Анализ теорий о происхождении городского строя средневековой Германии». К началу 1911 г. им была написана работа «Цехи и коммуна во Флоренции в XIII и XIV вв.»¹⁰. В 1911/12 учебном году Николай Петрович вел семинарий «Древности средневекового итальянского города» и просеминарий «Чтение Lex Salica и других сборников германского права в связи с ранними юридическими памятниками других народов»¹¹.

Историко-филологический факультет университета ходатайствовал 12 февраля 1911 г. «о командировке [Оттокара] за границу сроком на два года со стипендией из сумм Министерства

Народного Просвещения»¹², а «выдача... стипендиального пособия на поездку за границу с 1 Сентября 1911 г.»¹³ разрешена была 23 июня 1911 г. с последующим продлением до 1 июля 1913 г.¹⁴ Тогдашний портрет «молодого петербургского ученого, готовившего диссертацию по истории Флоренции», сохранился в воспоминаниях В.В. Вейдле: «Николаю Петровичу было двадцать восемь лет. Широкий в плечах он был, но не мускулист. Темные волосы, небольшие усы. Матовое белое лицо, порой розовевшее очень нежно. Прекрасные глаза, лоб, также и руки, а нижняя часть лица менее удалась; позже, в России, он похоршел, когда отпустил себе бородку Henri IV. Похож в целом больше на итальянца, чем на русского»¹⁵. По свидетельству того же автора в то время Николай Петрович «подумывал написать книгу» о сиенском художнике Доменико Беккафуми (ок. 1486–1551)¹⁶. Молодой историк успел уже прославиться среди коллег как знаток Италии: «С изумительным мастерством умел он выбрать место для показа так, чтобы характер средневекового города обнаружился с наибольшей полнотой»¹⁷, — отмечал Н.П. Анциферов, также оставивший выразительное описание внешности Оттокара: «Великолепная панاما, серый костюм со всеми складочками... галстук бабочкой, сверкающие туфли — могли заменить зеркало. На руках необыкновенного цвета перчатки (помнится, сиреневого). Гладко выбритый, крепкий подбородок, черные холеные усики, несколько оттопыренные губы (зубы слегка выдавались) и глубоко сидевшие, яркие, блестящие глаза. <...> Говорил Н.П. Оттокар медленно, протяжно, сильно нажимая на отдельные слова, словно прислушиваясь к своему вескому слову»¹⁸.

В феврале 1913 г. в письме Гревсу из Флоренции Николай Петрович отмечал, что, работая в Италии, «ставил себе главной целью изучение движения против городского патрициата («магнатов») в итальянской коммуне, преимущественно во Флоренции. Социально-экономическая эволюция коммуны представлялась мне достаточно выясненной предыдущими исследователями, но мне казалось, что не одними социальными антагонизмами вызываются внутренние движения в коммуне в 13 и 14 веках. Мне казалось, что понять истинную природу этих движений можно, лишь погрузившись в ту совершенно своеобразную

реальную обстановку, в какой протекала политическая жизнь итальянской коммуны»¹⁹. Стремясь, «отрешившись от современных представлений... погрузиться в реальные условия итальянской политики той эпохи... изучить всю технику политической жизни в коммуне, чтобы понять истинную природу антимагнатских движений...»²⁰, Оттокар просил о продлении командировки, что и было по ходатайству Гревса «разрешено... по 1 Июль [sic!] 1914 г.» с прежним содержанием²¹. 13 марта 1914 г. в Евангелическо-реформатской церкви во Флоренции Николай Петрович вступил в брак с норвежкой Антуанеттой Софией Бокман (1886–?), прежде жившей в Соединенных Штатах²².

К началу 1914/15 учебного года Оттокар, по-видимому, намеревался возвратиться в Петроград (в загодя печатавшейся справочной книжке для слушательниц ПВЖК были объявлены его курс «История Италии в позднем средневековьи» и просеминарий). С началом войны он немедленно «вернулся [в Россию] через Германию в самую последнюю минуту, когда поезда шли только до Эйдкунена, откуда Николаю Петровичу пришлось пешком нести свои два чемодана в Вержболово. Надорвался, получил грыжу, которую пришлось оперировать через некоторое время, и донес только один чемодан, второго донести не смог. Все материалы, однако, для своей диссертации по истории Флоренции в XIII веке, архивные выписки, заметки, наброски текста он оставил, уложив их в сундук, хозяину своего флорентийского пансиона. Тот их и хранил. Невредимыми нашел их Николай Петрович семь лет спустя. Но все эти годы беспокоился об их судьбе. Без них продолжать работу не мог. Стал готовить диссертацию на другую тему, — вспоминал Вейдле. — <...> Весной 1915 года приехала из Америки его жена — Антуанетта Эмильевна»²³, после приезда которой супруги поселились в доме 15, кв. 80 по Большой Монетной улице²⁴.

19 июня 1915 г. магистрант Н.П. Оттокар был допущен «к чтению лекций в Императорском Петроградском университете по кафедре всеобщей истории, с осеннего полугодия... с зачислением его, с того же времени, в состав приват-доцентов названного университета»²⁵. Летом или осенью 1915 г. Николай Петрович сдает в журнал «Хождение по Руси и за Рубеж» статью, посвященную истории Венеции, которая, по его определению, есть

«какое-то чудо, ни на что не похожее, и ни с чем не сравнимое»²⁶.

В 1915/16 учебном году он читал на ПВЖК и в университете курс «Города Бельгии в Средние века» и вел семинарий «Чтение и анализ “Lex Salica” в связи с другими памятниками германского права»²⁷. На 1916/17 учебный год там же были объявлены курс «История Венеции» и семинарий «Средневековые коммуны северной Франции и Бельгии»²⁸. Однако «Распоряжением Министерства Народного Просвещения от 29 сентября 1916 г. [Н.П. было поручено] чтение лекций и ведение практических занятий в Отделении Петроградского Университета в г. Перми в 1916–1917 учебном году»²⁹. К моменту получения этого назначения он состоял также преподавателем в Петроградском частном университете при Психоневрологическом институте и на Высших курсах П.Ф. Лесгафта.

Высочайшее соизволение на открытие в Перми отделения Петроградского Императорского университета последовало 13 июня 1916 г., а 1 октября отделение начало работу³⁰. 8 мая 1917 г. оно обрело права самостоятельного университета, согласно постановлению Временного правительства³¹. К сотрудничеству в новом учебном заведении были привлечены молодые ученые из числа приват-доцентов Петроградского университета. В Перми Оттокар получил возможность завершить свою новую «диссертацию о французских, на этот раз, средневековых городах»³². В числе его соседей по дому, пожертвованному университету Н.В. Мешковым (1851–1933), были и историки — Г.В. Вернадский, Б.Д. Греков и В.Э. Крусман³³.

24 августа 1917 г. Оттокар был утвержден профессором Пермского университета, 22 сентября — исправляющим должность экстраординарного профессора по кафедре всеобщей истории, 24 октября его избрали в должность проректора двадцатью голосами против одиннадцати. 7 октября Совет университета поручил ему «чтение курсов по вакантной кафедре истории и теории искусств» (здесь он читал курс «по истории искусства эпохи возрождения»), а 24 октября 1917 г. Оттокару предоставили и «лектуру» итальянского языка³⁴. 11 января 1918 г. избрание его проректором признал «вполне правильным» отдел Высших

учебных заведений Комиссариата народного просвещения в Петрограде³⁵.

По-видимому, Оттокар не оставлял мысли об углублении и завершении неоконченного исследования, посвященного истории средневековой Флоренции. Однако постановление историко-филологического факультета от 20 февраля (5 марта) 1918 г. «возбудить чрез Совет ходатайство о командировании на 1 год с научной целью с 1го Июля текущего года профессоров Б.Д. Грекова и Н.П. Оттокара»³⁶ не имело благоприятных последствий в связи с приближением линии фронта — в августе 1918 г. были отменены заграничные командировки пермским профессорам³⁷. 1 октября 1918 г. вместо подавшего в отставку философа профессора А.И. Сырцова деканом историко-филологического факультета был единогласно избран Н.П. Оттокар³⁸.

12 (25) мая 1918 г. Совет университета постановил: «Просить профессоров Н.П. Оттокара и А.А. Фридмана защищать в местных органах Советской власти интересы Университета»³⁹. Однако 12 ноября 1918 г., в разгар красного террора в Перми⁴⁰, Николаю Петровичу было выписано удостоверение в том, что он «командирован Правлением У<ниверсите>та в Петроград... по делам службы»⁴¹, и он покинул прифронтовой город. А 24 декабря 1918 г. войска армии генерала А.Н. Пепеляева освободили Пермь от большевиков.

Свое предисловие к уходящей в типографию первой книге Николая Петровича «Опыты по истории французских городов в средние века» Вейдле датировал 20 марта 1919 г.⁴² Книга была завершена автором в ноябре 1918 г., в канун отъезда в Петроград, и, как отметил во введении к ней Вейдле, «к сожалению, выходит в свет в его отсутствие. Два последних листа не могли быть им прокорректированы, и предисловие не было написано»⁴³. Видимо, поэтому позже пришлось от руки вносить дополнения в экземпляры отпечатанного тиража.

В конце июня 1919 г. почти все сотрудники университета эвакуировались в Томск с отступавшими частями адмирала А.В. Колчака. Не уехали лишь принявший ректорство бесстрашный караим профессор А.С. Безикович, двое преподавателей и 72 служащих⁴⁴. Фактически университет перестал существовать.

10 апреля 1919 г. пребывавшему в столице Н.П. Оттокару было выдано удостоверение в том, что он «состоит на службе в I-м Петроградском Университете в должности преподавателя Историко-Филологического факультета по кафедре всеобщей истории»⁴⁵, однако нам пока не удалось обнаружить документальных подтверждений его действительного сотрудничества с факультетом в это время.

В ночь с 30 июня на 1 июля отряды большевиков вошли в Пермь, а уже с 11 августа 1919 г. и.о. ректора профессор А.С. Беликович передал возвратившемуся из затянувшейся «командировки» Николаю Петровичу «исполнение обязанностей Ректора»⁴⁶ на время своего, ставшего окончательным, отъезда. Вскоре к Оттокару приехала из Петрограда сестра, Ж.П. Эберт, с двумя детьми и их воспитательницей⁴⁷.

1 октября 1919 г. в заседании Совета Пермского государственного университета Оттокар был единогласно избран в должность исполняющего обязанности ректора закрытой баллотировкой⁴⁸, а 30 апреля 1920 г. при закрытой баллотировке — в должность ректора: «Из 73 поданных голосов за оказалось все 73», «Приняли участие 13 профессоров, 28 преподавателей и 32 студента»⁴⁹.

Полагаем, что неучастие Николая Петровича в составлении принятого 13 мая 1919 г. корпорацией Пермского университета антибольшевистского обращения «Профессорам и преподавателям иностранных университетов по поводу бедствий большевизма, переживаемого Россией» в значительной мере предопределило одобрение его избрания властями⁵⁰. Впрочем, последний референт Оттокара — профессор Серджо Дженсини, со слов самого Николая Петровича утверждал, что тот был все же на три дня арестован, но после допроса освобожден⁵¹. Вейдле также вспоминал о визите большевиков в квартиру Николая Петровича: «Отобрали рукописи и блокноты Оттокара, моих не тронув, а затем был и он арестован, но в тюрьме просидел всего два дня. Рукопись, однако, диссертации своей и записки получил, после усердных хлопот, лишь через два месяца. На его беду, часто в ней встречалось слово “коммуна”, хоть и совсем не встречалось слова “коммунизм”. <...> Вероятно, и приведший к

обыску донос состоял в том, что вот, мол, читает этот буржуй-профессор лекции о “коммунах”»⁵².

Николай Петрович по-прежнему стремился продолжить прерванную войною работу в Италии и 11 декабря 1920 г. обратился в Совет факультета общественных наук (прежде – историко-филологического) с просьбою «возбудить <...> мотивированное ходатайство перед Народным Комиссариатом по Просвещению об откомандировании меня в Италию, для завершения моих научных работ, сроком на 1 год с 1 мая 1921 г.». Он указывал, что летом 1911 г. «был командирован Историко-филологическим факультетом Петербургского Университета в Италию для научных занятий. Пробыв в командировке до лета 1914 г., я подготовил, работая по преимуществу в архивах и библиотеках Флоренции, труд по социально-политической истории Флоренции в 13 и 14 вв. Однако обстоятельства, при которых мне пришлось возвращаться в Россию в июле 1914 г., уже после начала мировой войны, не дали мне возможности взять с собою относящиеся к этой работе рукописи, записки и т.п., а также собранную мною во время пребывания в Италии небольшую, но ценную библиотеку <...>.

Таким образом исследования мои по истории итальянских коммун, над которыми я работал как в Петербурге, так и в Италии с 1908 по 1914 г., остались из-за событий мировой войны и международного положения последних лет незаконченными. Мало того, в течение уже 6 лет я оторван от всех собранных мною научных материалов и почти готовой уже к печати рукописи своей работы. В настоящее время, после установления мира в Европе и восстановления сношений России с другими странами, открывается для меня возможность вернуться к оборванной катастрофой 1914 г. работе.

Ввиду этого я обращаюсь к факультету с просьбой возбудить через Совет пермского государственного университета мотивированное ходатайство перед Народным Комиссариатом по Просвещению об откомандировании меня в Италию, для завершения моих научных работ, сроком на 1 год с 1 мая 1921 г. с выдачей мне потребных для этого денежных средств, по возможности, в иностранной валюте.

Профессор Н. Оттокар. Пермь 8 дек. 1920»⁵³.

Свое исследование «Опыты по истории французских городов в Средние века» Николай Петрович «защищал в качестве диссертации в Петербургск. Ун-те в мае 1921 года (оппонентами были: И.М. Гревс, О.А. Добиаш-Рождественская, Л.П. Карсавин)»⁵⁴. «Я стремился, — отмечал автор в заключении к своей книге, — преодолеть то неизбежно вырастающее между историком и изучаемой им действительностью средостение, которое слагается из привычных предпосылок, подходов, интересов и точек зрения» и выражал надежду, что ему действительно «удалось оправдать наклонности к “раскрепощению” и “дематериализации” исторических представлений»⁵⁵. В этой книге Николай Петрович «сделал попытку к синтезированию идеального облика»⁵⁶ французских городов Камбрэ, Нуайона, Бовэ, Суассона и Санлиса.

«То что дано Н.П. Оттокарром в настоящей книге, — отмечал И.М. Гревс в своем отзыве, — не представляет исчерпывающего изучения всего матерьяла по избранным им частным темам и объектам исследования развития социального существа определенных избранных городских фигур, и полученные результаты можно назвать только “синтетическими силуэтами”; но в них заключена важная методологическая и фактическая ценность для “реформы” исследования средневековых городов и для “построения” ее будущей истории. ...Лежащий перед нами труд... укрепляет убеждение, выводимое из радостного созерцания крупного его исторического дара»⁵⁷. «Что же касается задачи, поставленной в разбираемой книге, — писал далее Иван Михайлович, — то она выполнена успешно; получен хороший плод. Надобно только желать, чтобы автор продолжил свои работы по истории городской культуры в средние века. Можно твердо надеяться, что тогда он обнаружит перед нами, его старшими и младшими собратьями, свои идеи, методу, собранный матерьял и полученные выводы во всей их веской и богатой полноте, расширяя опыт первых, начертывая путь вторым»⁵⁸.

Настойчивость все же принесла желанный результат и, как вспоминал Вейдле, Николай Петрович «в 1921 году, после свидания с Луначарским, получил-таки заграничный паспорт и возвратился в свою Флоренцию, куда через год приехала к нему из Америки жена»⁵⁹, и за несколько лет он «написал по-итальянски ту книгу, которую собирался написать по-русски»⁶⁰.

«Нам... нет нужды подводить итоги Вашей деятельности и проводить ее оценку, — говорилось в прощальном обращении сотрудников Пермского университета к оставлявшему свое детище ректору, — ...на протяжении пяти лет она вся стоит перед нашими глазами — открытая и честная, полная глубокого достоинства и мужественно-спокойного служения академическому делу среди политических и социальных потрясений текущего исторического дня. <...> Вы заслужили свое право на отдых и свободный научный труд в любимой Вами Италии, обвеянной [sic!] ... воспоминаниями о лучших днях [sic!] Вашей личной жизни и первого научного расцвета. Вы исполнили свой долг перед нашим Университетом и в его ранней истории Вам будет принадлежать почетное место⁶¹. <...> Достаточно упомянуть, что Вы спасли Университет в 1919 г., заново в сущности его организовав; Вашему авторитету и влиянию обязан своим возвращением из Сибири наш факультет в 1920 г. <...>»

В светлой уверенности, что под теплым небом любимой страны, среди нетленных памятников художественного гения, в спокойной отданности научной работе Вы не забудете нас, с которыми вместе пережили так много горя и так немного радости, мы говорим Вам: счастливого пути, дорогой, до нового свидания!»⁶².

О первом времени своего пребывания в Италии Николай Петрович позже рассказывал Г.В. Вернадскому: «Я уехал из России уже осенью 1921 года, — и с тех пор живу во Флоренции. Я даже принял итальянское подданство и занимаю во флорентийском университете (пока в порядке поручения) вакантную кафедру истории средних веков. Читал в этом году общий курс истории средних веков и специальный — по истории Флоренции. В будущем году думаю продолжать в том же направлении. Напечатал свою книгу по истории Флоренции, над которой работал еще до войны, печатаю перевод своей книги о французских городах и продолжаю работать по истории средневековой Италии»⁶³.

Прибыв в Италию, которая с приходом к власти правительства Б. Муссолини оказалась практически закрытой для русских беженцев, Оттокар держится в стороне от политической жизни русской эмиграции. В декабре 1923 г. ближайший из петербургских друзей — Л.П. Карсавин, навещает Николая Петровича во Флоренции. Они вместе правят итальянский перевод книги

Карсавина «Католичество» (Пг., 1918), которую Оттокар намеревался издать в Италии. «Он очень обеспокоен здоровьем жены, родившей дочку и уже более месяца лежащей после операции, — сообщил Карсавин в Петроград 9 февраля 1923 г. — Меня осуждают за то, что я «дофилософствовался» — «всегда говорил, что философия до добра не доведет — так и вышло»»⁶⁴.

Вскоре после приезда Оттокара в Европу его магистерская диссертация была отмечена в доброжелательной рецензии⁶⁵ обычно весьма сдержанной в подобных случаях О.А. Добиаш-Рожественской. В 1923 г. в «Revue historique du droit» выходит статья «Le rôle de la commune et de la charte communale dans l'histoire des villes françaises au Moyen-Age»⁶⁶, единственная, между прочим, работа Николая Петровича, упомянутая в достаточно известном исследовании Ш. Пти-Дютайи «Les communes françaises. Caractères et évolution des origines au XVIIIe siècle»⁶⁷. Обширная глава «L'Istituzione del priorato a Firenze»⁶⁸ будущей книги Оттокара «Il Comune di Firenze alla fine del dugento (contrasti interni, costituzione politica)» была напечатана в начале 1924 г.

«Я, как видите: все во Флоренции, — сообщил Оттокар в декабре 1924 г. Вейдле, — и даже несколько закрепился здесь, т.к. с 1 декабря читаю лекции во Флорентийском университете»⁶⁹. Действительно, в середине 20-х гг. Гаэтано Сальвемини⁷⁰, коллега и давнишний приятель Николая Петровича, отстранен был фашистской администрацией от службы на филологическом факультете Флорентийского университета, а на его место преподавателем истории средневековья приглашен был Оттокар, сперва — вне штата (1925), затем как профессор (1930)⁷¹. Николай Петрович служил в университете до 1952 г.⁷², кроме того, в Школе для библиотекарей и архивистов палеографов он читал курс «Источниковедения средневековья»⁷³.

Вышедшая в 1926 г. работа Оттокара «Коммуна Флоренции в конце XIII века (внутренние разногласия, политическое устройство)» «Il Comune di Firenze alla fine del dugento (contrasti interni, costituzione politica)»⁷⁴, по мнению Эрнесто Сестана, «представляла собою, в широком смысле, ответ марксистской интерпретации истории итальянских коммун. Некоторые ученые приветствовали... работу [Оттокара] как выражение новой

идеалистической школы в историческом лагере»⁷⁵. По свидетельству Вейдле, новая книга «тотчас же принесла ему славу среди итальянских и неитальянских историков Италии, обозначив сразу же и весьма заметный перелом в историографии средневековых городов»⁷⁶. «Оттокару принадлежит выдающееся место в итальянской школе изучения итальянских коммун; новизна и оригинальность многих его идей <...> доставляют ему своеобразное положение в этой области науки»⁷⁷, — отмечал Сестан. Годом позже появляется итальянский перевод книги Оттокара о французских городах⁷⁸, а в 1930 г. напечатан был его обзор итальянской историографии⁷⁹.

В июле 1926 г. Николай Петрович рассказывает А.В. Флоровскому о своей организаторской работе по обеспечению русскими материалами редакции Итальянской энциклопедии: «Во главе исторического отдела (средние века и новое время, примерно до 1850 года: современная история, в том числе и русская, находится в руках другого лица) стоит выдающийся итальянский медиевист, профессор Gioacchino Volpe⁸⁰, мой хороший знакомый. Лично моя роль в Enciclopedia Italiana не официальная и сводится, в сущности, только к тому, что я даю ему советы в постановке отдела русской истории. Сам я не русский историк, и не фигурирую здесь в качестве такового (в флорентийском университете я занимаю кафедру западноевропейского средневековья), и поэтому отклонил всякое официальное руководство отделом русской истории. Но в беседах с Volpe я постоянно отстаивал мысль о необходимости сконцентрировать всю работу по русской истории в руках какого-нибудь русского историка, поручив ему все распределения отдельных “слов” между отдельными русским специалистами. Надо Вам сказать, что Volpe человек чрезвычайно не деловой и отвратительный организатор, так что убедить его в этом мне стоило некоторых усилий. <...> Необходимо только, чтобы был один соответствующий центр, в котором была бы сосредоточена вся работы, и с которым Enciclopedia Italiana вела бы все сношения по этому делу»⁸¹.

В феврале 1927 г. в письме к Г.В. Вернадскому Николай Петрович сообщает, что работа по организации русского материала для энциклопедии берет очень много сил и времени: «Я на днях

только вернулся из Рима, где мы с Volpe окончательно разрешили вопрос о русской истории. На днях Вам будет послан полный список слов с указанием размеров статей <...>. Кое-что пришлось уступить местным силам. <...> Кроме того, пришлось считаться и с претензиями Lo Gatto, который взял на себя такие слова, как Иоанн Грозный, Курбский, Опричина, Борис Годунов, Лжедмитрий, Декабристы, Чаадаев, Александр II. Все же остальное удалось отстоять и отнести на Ваше имя. Предполагается, что Вы напишите, что хотите сами, распределивши остальное, по Вашему усмотрению, между другими русскими историками (как А.В. Флоровский, Шмурло и вообще все, кого Вы найдете нужным привлечь к этому делу). Помимо указанных исключений <...>, больше никому, кроме Вас, статей не заказано»⁸².

Несмотря на весьма серьезные усилия Николая Петровича, «местные силы» часто берут верх и противостоять их влиянию он не может даже при всех своих невероятных знакомствах. Особенно умело противостоял вторжению русских ученых-эмигрантов на полосы Итальянской энциклопедии «итальянский друг России» Этторе Ло Гатто, умело подмявший под себя едва ли не все статьи, посвященные России. «С Enciclopedia Italiana, действительно, вышла невязка [sic!], — сообщил Оттокар Вернадскому в январе 1928 г. — Помните, год тому назад, мы в Риме с Volpe и Lo Gatto установили окончательный список слов, которые должны были быть поручены Вам, и тогда уже пришлось многим пожертвовать из-за усиленного желания Lo Gatto набрать возможно больше слов (и притом из самых важных) по русской истории. Потом вышла опять какая-то заминка. Летом Volpe писал мне, что список Ваш *утерян*, и что пришлось спешно составить для Вас новый список. Из этого списка, как я убедился в Риме в конце ноября месяца, исчезло большое количество слов, год тому назад предназначенных Вам, и все они оказались порученными Lo Gatto. Очевидно, Lo Gatto и занимался составлением этого нового списка. Если бы я жил не во Флоренции, а в Риме, того, конечно, не случилось бы. Но живя во Флоренции, невозможно вовремя отражать покушение Lo Gatto на русскую историю, и теперь вопрос решен уже окончательно. Дело в том, что Volpe, при всех его крупнейших достоинствах, человек весьма слабый, и решает, в конце концов, все вопросы не он, а тот,

кто последний на него нажимает. А так как я живу не в Риме, то никогда не могу оказаться последним»⁸³.

Попытки Оттокара организовать для своих знакомых русских чтение лекций во Флорентийском университете в основном были малоудачными. Конкуренция с местными кандидатами была все же очень сильна и зачастую, как в случае с известным поэтом Вяч.И. Ивановым, решающим доводом против приглашения оказывалось то, что русский эмигрант не принадлежал к правящей фашистской партии⁸⁴.

В августе 1929 г. Николай Петрович рассказывает и об академической работе, и о некоторых внешних обстоятельствах своей беспокойной жизни: «Живу почти безвыездно во Флоренции, изредка только езжу в Рим, в Венецию или делаю “эскапады” в маленькие города Италии. Но за границей не был ни разу. Продолжаю интересоваться и искусством, и в настоящее время читаю даже лекции по итальянскому искусству на организованных Министерством Народного Просвещения местных курсах для иностранных учителей и студентов (при флорентийском университете). Курс этот меня занимает. Аудитория многолюдная, и представлены все нации, от американцев (которых порядно) до чехов и болгар»⁸⁵.

Осенью 1930 г. Оттокару удается, наконец, войти в штат Флорентийского университета, о чем он сообщает Вяч.И. Иванову: «Около месяца тому назад “ho vinto il concorso” на свою собственную кафедру, которую уже 5 лет занимал per incarico, и с этого года перешел в штат, и числюсь уже titolare della cattedra di storia medioevale в флорентийском университете»^{86*}.

В конце 1931 г. Николай Петрович едва не погиб. Вот как описывал он эти события в апреле следующего года: «Я проболел 5 месяцев и доктора в начале болезни и после, во время новой “ricaduta”^{***} в марте–апреле, не питали никакой надежды на мое выздоровление. Но, как всегда почти бывает, они ошиблись. <...> Было у меня, собственно, просто отравление угольным газом, но отравление сильнейшее, от которого люди обыкновенен-

* «...Я победил в конкурсе... заведующим кафедры средневековой истории» (ит.).

** Рецидив (ит.).

но действительно отправляются на тот свет. Впрочем самочувствие у меня за все время болезни было превосходное, и я совершенно не отдавал себе отчета в серьезности моего положения. Сознание мое, конечно, было несколько отуманено, я не ощущал ясно границы между сном и действительностью. Но сны и видения мои были скорее приятны и интересны. Болезнь постигла меня через 2–3 месяца после того, как я “ho vinto il concorso” per la cattedra di storia medioevale nella R. Università di Firenze, и через несколько дней после того, как я прочел “торжественную” вступительную “prolusione”. Коллеги, да и все вообще здесь, отнеслись ко мне во время моей болезни чрезвычайно участливо и тепло. Через несколько дней после моего заболевания были по телеграфу вызваны моя сестра из Парижа и жена из Нью-Йорка. Сестра приехала, когда я только что пришел в сознание (первые три-четыре дня я ведь был, как мертвый), а через неделю приехала также Антуанетта Эмильевна с Ниной (это моя дочь, которой теперь уже больше девяти лет). Сестра оставалась здесь до осени, а жена с дочерью окончательно поселились здесь со мной. Мы взяли хорошую квартиру (с центральным отоплением), что после прошлогоднего опыта для меня абсолютно необходимо, и живем теперь здесь все вместе. Обзавелись хорошей старою мебелью (мои старые увлечения снова возродились). <...> Осенью собираюсь ехать в Америку, чтобы прочесть там ряд лекций»⁸⁷.

Переезд во Флоренцию супруги и дочери Оттокара имел трагическое продолжение. Нина погибла во время войны при велосипедной аварии, а вскоре скончалась от болезни и супруга Николая Петровича. Несколько лет он жил вместе со своей сестрой, а впоследствии женился во второй раз.

В конце 30-х гг. Николай Петрович вернулся к надолго отложенной, петроградской еще, затее и выпустил три кратких очерка истории Венеции, Флоренции и Сиены⁸⁸.

«У меня пока ничего нового нет, — пишет он в мае 1932 г., — но находится уже в печати брошюрка под названием *I comuni cittadini nel medio evo**. Это работа синтетического характера: в основе ее лежит моя статья *Comune*, которую я написал и напе-

* Городские коммуны в средневековье (*ит.*).

чтал уже в прошлом году (или даже 2 года тому назад) для Enciclopedia Italiana (том XII). Готовлю еще ряд других работ более специального содержания, но это еще дело будущего <...>»⁸⁹. Сам Николай Петрович придавал вышеупомянутой брошюрке большое значение, позже называл ее «вероятно, наиболее существенным и зрелым» результатом многих лет научных исследований, поскольку в ней особенно удачно воплотилось его стремление «выделить целостную природу итальянского города, в отличие от городов, расположенных по ту сторону Альп»⁹⁰.

В 1933 г. он готовит перевод второй своей диссертации на английский язык и продолжает сотрудничать с Итальянской энциклопедией: «Все это время я был занят переводом на английский язык своих *Comuni cittadini del medioevo*, которые в настоящее время уже печатаются, — сообщает он Вейдле в июле 1933 г. — Теперь займусь подготовкой статей для Enciclopedia Italiana. Две из них потребуют немало времени и усилий: это “Popolo”⁹¹ и “Russia” (с начала до 1933 г.). Эта последняя статья займет 33 колонны (и даст мне, следовательно, 3500 лир)⁹². Кроме того, мне придется “curare” новое издание “I primi due secoli della storia di Firenze”^{*} Villari и написать соответствующее *prefazione*⁹³.

Все это по заказу casa editrice Sansoni, перешедшей недавно в руки одного из сыновей Gentile. Но это, конечно, пустяки, кроме статьи “Russia”, которая представляет для меня немалые трудности»⁹⁴.

В 1934 г. в Итальянской энциклопедии опубликованы шесть статей Николая Петровича о французских монархах⁹⁵.

Работа над исторической частью большой словарной статьи о России и СССР для Итальянской энциклопедии привела к появлению книги «Краткая история России. Главные линии» («Breve storia della Russia. Linee generali») ⁹⁶, содержащей обзор русской истории с древнейших времен до введения нэпа: «Написал, наконец, в прошлом сезоне статью Russia <...>. Статья вышла непомерно длинная (вместо 35 колонн, назначенных мне, вышло более 100 колонн) <...>. Как бы то ни было, дело это имело и некоторые [слово нрзб.] последствия»⁹⁷ — издательство Laterza

* Первые два века истории Флоренции (*ит.*).

(одно из лучших в Италии) предложило Оттокару опубликовать эту статью отдельным томиком «на довольно выгодных условиях. Вероятно, скоро выйдет <...> Volumetto печатных страниц на 250»⁹⁸. Николай Петрович с удовольствием отмечал, что вся его «*attività letteraria*»* за последние месяцы оказалась заполнена «историей России, каковую я до сих никогда в сущности серьезно не занимался»⁹⁹. Книга о России выдержала при жизни автора два издания как удобное, в силу организации материала, учебное пособие.

В 1936 г. на страницах парижской газеты «Последние новости» появляется рецензия Вейдле на первую книгу Оттокара о России¹⁰⁰ (вышла почти одновременно со статьей о России в Итальянской энциклопедии). Это, кстати сказать, один из многих откликов на творчество Оттокара в печати русского рассеяния. «Прежде всего позвольте серьезно поблагодарить Вас за статью о моей *Breve storia della Russia*, кот<орую> в свое время мне прислали многочисленные друзья, как из Парижа, так и из Италии (конечно, русские), — писал Николай Петрович Вейдле 29 октября 1936 г. — <...> Статья Ваша о моей книге, конечно, очень благожелательна и, неудивительно, что она очень понравилась, как мне самому, так и упомянутым выше русским друзьям моим. Между прочим один мой итальянский приятель, prof. Ernesto Codignola, фактически директор журнала *La Nuova Italia*, узнав о Вашей статье, просил меня перевести ее на итал<ьянский> язык, имея намерение напечатать ее в ближайшем номере *Nuova Italia* за Вашей подписью. Надеюсь, что Вы не будете на меня в претензии за это <...>. Относительно занятий моих должен сообщить, что давнишнее мое намерение заняться историей сиенской коммуны <...> и в этом году не удастся осуществить. Дело в том, что наш ректор поручил мне составление краткой и очень суммарной истории флорентийского университета, что, конечно, потребует немало времени»¹⁰¹.

В это же время Оттокар работает в комиссии по организации в мае 1936 г. международного конгресса по истории Возрождения «вообще, а не только итальянского. Я состою членом Организационного Комитета, и меня просили назвать несколько

* Литературная деятельность (*ит.*).

имен русских ученых, участие коих на этом конгрессе было бы желательно. Между прочим назвал и Вас»¹⁰², — писал он Вейдле 1 октября 1935 г.

Успех английского издания второй диссертации Оттокара побуждает Вейдле предложить сделать ее французский перевод, на что Николай Петрович 30 ноября 1936 г. сообщает: «Намерению Вашему перевести мою книжку на французский язык и издать ее во Франции я очень обрадовался, даю Вам свое безусловное и благодарное согласие, и надеюсь, что Вам удастся найти издателя, хотя и считаю, что книжка моя едва ли представляет какой-нибудь интерес для французского читателя. Но Вам это, конечно, виднее. Буду ожидать с большим интересом дальнейших сообщений на этот счет»¹⁰³. Он предлагает Вейдле попробовать себя в сотрудничестве с одним из лучших итальянских журналов «Nuova Italia», обещая «переговорить на этот счет с директорами Nuova Italia, кот<орые> все мои добрые друзья»¹⁰⁴. В 1936 г. выходит и небольшая, исключительно интересная работа Оттокара «I comuni cittadini nel Medioevo»¹⁰⁵.

Служба в университете и ежегодное участие в государственных экзаменах в различных городах давали Николаю Петровичу возможность и достаточное время для внимательного знакомства с его любимой Италией. «Страшно занят экзаменами <...>, — писал он в июле 1937 г. — На Esami di stato* меня в этом году назначили, но дали мне <...> не Венецию, а Верону. Я доволен <...>. Верона поистине изумительный город»¹⁰⁶.

«У меня лично нового мало, — рассказывает он в декабре 1937 г., — если не считать факта, что мой Corso di Storia medioeve per licei** законом уже давно <...> сдан издательству Paravia, кот<орое> его одобрило и приняло к изданию»¹⁰⁷.

«Сегодня высылаю Вам мою “Флоренцию”, кот<орая> вышла уже 4 недели тому назад, но вследствие [sic!] халатности типографии, мне не могли до последнего времени дать обещанных экземпляров»¹⁰⁸, — сообщает он 1 ноября 1940 г. Вяч.И. Иванову.

В годы войны Николай Петрович продолжает заниматься привычным научным трудом, выходят в это время и новые тома

* Государственные экзамены (*ит.*).

** Курс средневековой истории для лицеев (*ит.*).

его курса лекций по истории средних веков. В марте 1946 г. он делится своими военными переживаниями: «Мало сравнительно пострадал от всяких невзгод и я лично. В течение периода бомбардировок я оставался во Флоренции, в своей квартире, и ни разу не спускался... хотя вокруг меня много домов оказались разрушенными (я живу в сравнительно опасной зоне), у меня все обошлось благополучно. Материальные разрушения в моей квартире ограничились тем, что лопнуло три стекла <...>. Остальные все на месте.

Но если я лично пострадал очень мало, сердце болит, когда видишь, что сделали с моей Флоренцией немцы. Не только все места... но и вся зона, прилегающая к Арно, совершенно разрушена и не существует более самых живописных и привлекательных уголков старой Флоренции <...>. Я ездил прошлым летом в Рим и в Неаполь, и видел немало пострадавших от войны городов и местностей, но по моему впечатлению, ни один город Италии не потерпел таких потерь, как Флоренция. Музеи здешние еще не открыты. Но по точным имеющимся у меня сведениям, большую часть увезенных немцами художественных сокровищ удалось спасти и вернуть во Флоренцию. <...> В течение прошлого года я читал лекции по-английски разным *militari alleati* <...>. Вышло второе издание моего... "Firenze"¹⁰⁹.

В 1946 г. ученица Оттокара по Бестужевским курсам О. Ланг (1898–1992) встретилась с ним и оставила описание этого свидания: «Я не видала Н.П. 32 года и не узнала бы его, встретив на улице. Передо мной стоял маленький полуседой человечек, нет, не старик, видно было, что он поседел преждевременно. Он жил в большой, когда-то говорили, квартире. Но сейчас в квартире, как и повсюду во Флоренции, было холодно. Но, кроме того, на ней лежала печать какой-то неустроенности, мебель была расставлена кое-как, пыль, по-видимому, стиралась не часто. Давно немытые окна плохо пропускали свет. <...> Потом он говорил о своей работе во время войны. Кажется, Н.П. что-то сказал о том, как трудно было работать во время фашизма»¹¹⁰. Воспоминания эти, вероятно, достаточно точно рисуют картину быта Оттокара, сетовавшего в июне 1947 г., что «жизнь впрочем очень тяжелая в смысле материальном, конечно»¹¹¹.

В 1948 г. выходит собрание работ Оттокара, посвященных истории Флоренции и итальянских коммун¹¹². К истории России он возвращается в 1950 г. в книге «Compendio di storia della Russia»^{*113}, о которой еще в марте 1946 г. рассказывал, что «ввиду значительного интереса ко всему русскому мне поручено книгоиздательством Lemonnier написать <...> о русской литературе и об истории России»¹¹⁴.

Год спустя в Милане выходит его книга «Questioni di storia medievale» («Вопросы истории средневековья»)¹¹⁵. В 1951 г. печатается на стеклоглафе курс лекций Оттокара по истории средневекового папства¹¹⁶. Курс лекций по истории средних веков, старательно собиравшихся, готовившихся к печати и выпускавшихся слушателями с 1935 по 1953 г., стал самым крупным из опубликованных сочинений¹¹⁷ Николая Петровича.

Советские историки обходили имя Оттокара прилежным молчанием¹¹⁸. Досталось ему лишь в 1947 г. от М.А. Гуковско-го¹¹⁹, на чье усердие отозвался вскоре Л.П. Карсавин: «Недавно прочел его аттестацию Матвеем Гуковским как “оголтелого” фашиста, но книжка самого Гук<овского> хорошего впечатления на меня не произвела, а Ник<олай> Петр<ович> один из самых острых по уму историков. Впрочем, в нашем веке требуется не острота, а тупость мысли»¹²⁰. Оттокар остался самым известным из русских исследователей западноевропейского средневековья, работавших в XX в. в Европе. Никому из русских историков не удалось оказать столь заметного влияния на европейскую медиевистику.

Николай Петрович скончался 18 сентября 1957 г. в своей любимой Флоренции, где и погребен на кладбище Allori¹²¹. На его надгробии надпись:

NICOLA OTTOGAR
NOBILE RUSSO
PIETROBURGO 25-3-1884
FIRENZE 17-9-1957
PROFESSORE
DI STORIA MEDIOEVALE
NELL'UNIVERSITA DI FIRENZE

* Краткий очерк истории России (*ит.*).

RUSSO DI ORIGINE
FIORENTINO DI ELEZIONE.

[Николай Оттокар

русский дворянин

Петербург 25–3–1884

Флоренция 17–9–1957

профессор

средневековой истории

Университета Флоренции

русский по происхождению флорентиец.]

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Личное дело студента Николая Петровича Оттокара. Перевод с французского метрической записи. Реестр № III, лист № 58 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. № 39677. Л. 10.

² Личное дело студента Николая Петровича Оттокара. Аттестат // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. № 39677. Л. 4. Историческая записка, изданная ко дню пятидесятилетия С.-Петербургской Шестой гимназии (1862–17/IV 1912). Составили преподаватели К.Ф. Буткевич и Л.П. Николаев. СПб., 1912. — Сведения о бывших учениках СПб Шестой гимназии, с. 67. Об Иване Петровиче Оттокаре, род. 29 декабря 1880 г., — с. 96, а также Личное дело Императорского Санкт-Петербургского Университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. № 36618. Л. 1, 4.

³ Об этом см.: Анциферов Н.П. Издум о былом. Воспоминания. М., 1992. С. 277–309; Вейдле В.В. Воспоминания // Диаспора. II. СПб., 2001. С. 76.

⁴ Формулярный список о службе // Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. Р-180. Оп. 2. Д. № 257. Л. 89 об.

⁵ Оттокар Н.П. Флорентийский дом в XIV и XV стол<етиях> // Историческое обозрение. 1909. XV. С. 23–32.

⁶ Оттокар Н.П. К истории взаимоотношений церкви и города в итальянском средневековье // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. № 9. С. 1–23.

⁷ Статьи эти помещены в т. IV, ст. 838–843; т. VII, ст. 395–399; т. XXII, ст. 383–388; т. XXIV, ст. 870, 871 и ст. 871–873.

⁸ ГАПО. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. № 257. Л. 88 об., 89 об.

⁹ Оттокар Н.П. Флорентийский дом в XIV и XV стол<етиях> // Историческое обозрение. 1909. XV. С. 32.

¹⁰ Справочная книжка ПВЖК на 1910–1911 уч. г. СПб., 1910. С. 42.

- 11 Справочная книжка ПВЖК на 1911–1912 уч. г. СПб., 1911. С. 43.
- 12 Дело Н.П. Оттокара // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. № 10205. Л. 19.
- 13 [Личное] дело // ГАПО. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. № 257. Л. 89 об.
- 14 Там же. Л. 90 об.
- 15 Вейдле В.В. Воспоминания // С. 74–75.
- 16 Там же. С. 80, 135.
- 17 Анциферов Н.П. Из дум о былом. С. 301.
- 18 Там же. С. 290–291.
- 19 Письмо Н.П. Оттокара к И.М. Гревсу от февраля 1913 г. из Флоренции // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. № 10205. Л. 36, Л. 37, 37 об.
- 20 Дело Оттокар Николай Петрович об оставлении при Университете по кафедре философии [sic!]. 1908 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. № 10205. Л. 36, 36 об.
- 21 Там же. Л. 91.
- 22 Актовая запись № 261 в метрической книге Швейцарской евангелическо-реформатской церкви во Флоренции. Из другого источника следует, что невеста Николая Петровича «родилась 16 Сентяб<ря> 1896 года» // Паспортная книжка Н.П. Оттокара. ГАПО. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. № 257. Л. 96 об.
- 23 Вейдле В.В. О тех, кого уже нет. Почетный гражданин Флоренции (Н.П. Оттокар) // Новое русское слово. 1977. 17 июля. С. 5.
- 24 Справочная книжка ПВЖК на 1916–1917 уч. г. СПб., 1916. С. 95.
- 25 Дело Оттокар Николай Петрович об оставлении при Университете... Л. 55.
- 26 Оттокар Н.П. Культурные центры старой Италии. I. Венеция // Хождение по Руси и за Рубеж. Экскурсионный вестник. 1915. № 4. С. 62.
- 27 Справочная книжка ПВЖК на 1915–1916 гг. СПб., 1915. С. 44–45.
- 28 Н.П. Оттокар «состоял преподавателем по кафедре всеобщей истории на Петроградских Высших Женских Курсах с 10 февраля 1910 года по 1 сентября 1916 года». (Письмо директора ПВЖК от 25 января 1918 г. ректору Пермского университета // ГАПО. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. № 257. Л. 19).
- 29 Формулярный список // Там же. Л. 91 об., 92 об.
- 30 Летопись Прикамья. К 200-летию Пермской губернии. Пермь, 1997. С. 126.
- 31 Там же. С. 126.
- 32 Вейдле В.В. О тех, кого уже нет... С. 5.
- 33 См.: Воспоминания П.С. Богословского о создании Пермского университета и экспедиции 1917 года // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1998–1999. СПб., 2003. С. 411; Личный состав

Пермского государственного университета на 1917–1918 учебный год. Пермь, 1918. С. 3.

³⁴ [Личное] дело... Л. 10, 11, 13, 15, 20.

³⁵ Там же. Л. 21.

³⁶ Журнал заседания историко-филологического факультета Пермского университета // ГАПО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. № 522 а. Л. 100.

³⁷ Кертман Л.Е., Васильева Н.Е., Шустов С.Г. Первый на Урале. Пермский государственный университет. 1916–1986. Пермь, 1987. С. 18.

³⁸ [Личное] дело... Л. 46.

³⁹ Выписка из журнала Совета Пермского университета от 25/12 мая 1918 г. №18/50 ст. 10. [Личное] дело... Л. 47.

⁴⁰ С арестом в ночь с 15 на 16 июня 1918 г. архиепископа Андроника в Перми начался массовый террор. В частности, расстреляна было 30 % всех лиц духовного звания. См.: Пермь от основания до наших дней. Исторические очерки. Пермь, 2000. С. 159–161, 165; Зверства большевиков. Омск, 1919.

⁴¹ [Личное] дело... Л. 26, 37, 40, 46, 54.

⁴² Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в Средние века. Пермь: Тип. Губ. Земства, 1919. VIII + 258 с. В гадкой и халтурной заметке некоего Е. Богословского о публикации Николаем Петровичем своей книги сказано: «Профессор Оттокар стяжал славу восстановителя университета. Ссылаясь на возобновление научной работы, он добился от корчившейся в муках голода страны средств на печатание исследований. Но первым и последним выпуском “Записок Пермского университета” стала написанная им книга» (Богословский Е. Хамелеон // Пермский университет. 1965. 20 янв. С. 2). Между тем книга была напечатана задолго до возвращения большевиков в Пермь. О научном творчестве Оттокара см. главу неизданной диссертации Б.С. Кагановича, посвященной Петербургской школе медиевистики; Клементьев А.К. Николай Петрович Оттокар (Русский исследователь политического устройства Средневековой Европы) // Зарубежная Россия. 1917–1945. Кн. 3. СПб., 2004. С. 97–104; Комолова Н.П. Профессор Флорентийского университета Н.П. Оттокар // Россия и Италия. Вып. 5. М., 2003. С. 157–165; Морозов А.А. Некоторые вопросы методологии истории средневекового города в работах Н.П. Оттокара // Вестник Омского университета. 1999. Вып. 4. С. 77–80; Он же. Русская медиевистика в эмиграции [Автореферат кандидатской диссертации]. Томск, 2001.

⁴³ Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в Средние века... С. VI.

44 ГАПО. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. № 220. Л. 2 об.

45 Дело Н.П. Оттокара... Л. 62.

46 [Личное] дело... Л. 55.

47 Удостоверение от 8 августа 1919 г. // Там же. Л. 54.

48 Там же. Л. 69.

49 Баллотировочный лист // Там же. Л. 57. Е. Богословский вновь сочиняет: «3 профессора и 7 преподавателей избрали Оттокара ректором». (Богословский Е. Хамелеон. С. 2).

50 22 марта 1919 г. в заседании Совета Пермского университета было принято к обсуждению обращение «По поводу переживаемого Россией бедствия большевизма» (ГАПО. Ф. Р-180. Оп.1. Д. № 224. Л. 21, 21 об.), окончательный текст был принят 13 мая 1919 г. значительным большинством (Там же. Д. № 19. Л. 63, 67).

51 Письмо от 24 февраля 1993 г. проф. С. Дженсини автору статьи.

52 Вейдле В.В. Воспоминания // Диаспора. III. СПб., 2002. С. 36.

53 [Личное] дело... Л. 72 об.

54 Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1922 г. // Новая русская книга (Берлин). 1922. № 1. С. 43, 44.

55 Оттокар Н.П. Опыты по истории французских городов в Средние века. С. 255.

56 Там же. С. 257.

57 Гревс И.М. Отзыв о труде Н.П. Оттокара – «Опыты по истории французских городов в средние века». 1/14 апреля 1921 г. Фотокопия рукописи. Л. 20. (Копия предоставлена проф. Г.Е. Лебедевой).

58 Там же.

59 Вейдле В.В. О тех, кого уже нет. С. 5.

60 Вейдле В.В. Воспоминания. Диаспора. II. СПб., 2001. С. 116.

61 Автор брошюры о ректорах Пермского государственного университета указывает, что ничего не знает о судьбе Н.П. Оттокара после отъезда того из России, не знает даже года его кончины. См.: Костицын В.И. Ректоры Пермского университета 1916–1991. Пермь, 1991. С. 20.

62 [Личное] дело... Л. 56, 56 об.

63 Письмо Н.П. Оттокара Г.В. Вернадскому от 30 июня 1926 г. Фотокопия (частное собрание).

64 Письмо Л.П. Карсавина (частное собрание).

65 См.: *Revue historique*. 1922. № 140. P. 107–110.

66 См.: *Revue historique du droit*. 1923. № 4. P. 422–433.

67 Petit-Dutaillis Ch. Les communes francaises. Caracteres et evolution des origines au XVIIIe siecle. Paris: Albin Michel, 1947. P. 9. Диссертация Николая Петровича, переведенная к тому времени (1947) на французский

и итальянский языки, несмотря на исключительную свою оригинальность, была почему-то не отмечена французским историком, возможно, оставалась ему неизвестной.

⁶⁸ См.: *Archivio storico italiano*. 1924. Vol. I. P. 1–71.

⁶⁹ Письмо Н.П. Оттокара В.В. Вейдле от 10 декабря 1924. Фотокопия (частное собрание).

⁷⁰ Существует немало публикаций, посвященных Г. Сальвемини, в частности, см.: Rodolico N. Gaetano Salvemini (1873–1957) // *Archivio storico italiano*. 1957. Disp. III. P. 378–379; Sestan E. Salvemini storico e maestro // *Rivista storica italiana*. 1958. LXX. P. 5–43; Gaetano Salvemini. Bari, 1959; Artifoni E. Salvemini e il medioevo. Napoli, 1990. В годы пребывания у власти в Итальянском королевстве правительства Муссолини Сальвемини, автор широко известной монографии «*Magnati e Popolani in Firenze dal 1280 al 1295*» (Firenze, 1899), отошел от занятий средневековьем – написал и опубликовал несколько книг, в которых осуждал деятельность фашистской партии и ее руководителей.

⁷¹ D'Addario A. Nicola Ottokar (1884–1957) // *Archivio storico italiano*. 1957. Disp. III. P. 380.

⁷² *Ibid.* P. 380.

⁷³ *Ibid.* P. 380.

⁷⁴ Ottocar N. Il Comune di Firenze alla fine del duce (contrastati interni, costituzione politica). Firenze: A. Vallecchi, 1926. 289 p. Idem / *Introd.* di E. Sestan. 2. Ed. riv. e corretta. Torino: G. Einaudi, 1962. Idem. Torino, 1974.

⁷⁵ Sestan E. Nicola Ottokar // *Rivista storica italiana*. 1959. Anno LXXI. Fasc. I. P. 182.

⁷⁶ Вейдле В.В. О тех, кого уже нет... С. 5.

⁷⁷ Sestan E. Nicola Ottokar ... P. 183.

⁷⁸ Ottocar N. Le città francesi nel medio evo: saggi storici. Firenze: A. Vallecchi, 1927.

⁷⁹ Ottokar N. Osservazioni sulle condizioni presenti della storiografia in Italia. Firenze: A. Vallecchi. *Civiltà moderna*. 1930. 15 Ottobre. P. 927–939. Idem. *Studi comunali e fiorentini*.

⁸⁰ В энциклопедии Дж. Вольпе все же освещал и вопросы современной истории. Именно ему была, в частности, поручена подготовка важнейшей для Италии тех лет словарной статьи «*Fascismo*», до сего дня остающейся, возможно, самым сжатым и точным изложением оснований и стремлений общественно-государственного строя, в условиях которого Италия существовала в течение двух десятилетий (см.: *Enciclopedia Italiana*. Roma, 1932–X. Vol. XIV. P. 847–884).

⁸¹ Письмо Н.П. Оттокара А.В. Флоровскому от 16 июля 1926 г. Фотокопия (частное собрание).

⁸² Письмо Н.П. Оттокара Г.В. Вернадскому от 3 февраля 1927 г. Фотокопия (частное собрание).

⁸³ Письмо Н.П. Оттокара Г.В. Вернадскому от 18 января 1928 г. Фотокопия (частное собрание).

⁸⁴ Письмо Вяч.И. Иванову от 15 декабря 1935 г. Архив Вяч.И. Иванова (частное собрание).

⁸⁵ Письмо Н.П. Оттокара Г.В. Вернадскому от 10 августа 1929 г. Фотокопия (частное собрание).

⁸⁶ Письмо Вяч.И. Иванову от 7 декабря 1930 г. Архив Вяч.И. Иванова (частное собрание).

⁸⁷ Письмо Н.П. Оттокара В.В. Вейдле от 22 апреля 1932 г. Фотокопия (частное собрание).

⁸⁸ Ottocar N. Cenni di storia e cultura veneziana. Firenze, 1938; Idem. 1941. Ottocar N. Firenze: cenni di storia e cultura fiorentine. Firenze: La nuova Italia, 1945. (Idem. 1940). (Citta italiane; 1); Ottocar N. Siena. Firenze: La nuova Italia, 1944.

⁸⁹ Письмо Н.П. Оттокара В.В. Вейдле от 31 мая 1932 г. Фотокопия (частное собрание). Статья Николая Петровича «Comune» была напечатана в XI томе Итальянской энциклопедии. (См.: N.O. Comune. Storia del comune medievale // Enciclopedia Italiana. Roma, 1931–IX. Vol. XI. P. 17–25). В вышедшем в 1931 г. XII томе энциклопедии Н.П. Оттокар не назван среди авторов.

⁹⁰ Ottocar N. Studi comunali e fiorentini. Firenze, 1948. P. X.

⁹¹ См.: N.O. Popolo. — Storia del diritto // Enciclopedia Italiana. Roma, 1935–XIII. Vol. XXVII. P. 930–931.

⁹² Для большой статьи «Russia» Н.П. Оттокаром были написаны раздел «Storia» и посвященный религиозным праздникам, народным верованиям и обычаям фрагмент раздела «Etnografia e folklore» (Enciclopedia Italiana. 1936–XIV. Vol. XXX. P. 288–308, 312–314), занявшие 41 колонку текста. В статье были рассмотрены события русской истории до 1928 г. Два раздела послужившей ее продолжением статьи «U.R.S.S.», «Storia» и «Culti» также принадлежат Н.П. Оттокару. (Enciclopedia Italiana. Vol. XXXIV. 1937–XV. P. 820, 829.). Эти публикации не были подписаны Н.П. Оттокаром: автор обозначен значком *. В списках авторов статей этих двух томов участие Н.П. Оттокара также не было отражено.

⁹³ Villari P. I primi due secoli della storia di Firenze: ricerche / Con un avvertenza di Nicola Ottocar. 3. Ed. Firenze: Sansoni, 1945. Эту книгу автора трудов о Н. Макиавелли и Дж. Савонароле Николай Петрович высоко

ко оценил еще в самом начале своих занятий флорентийской историей (См.: Вейдле В.В. Воспоминания. Диаспора. II. СПб., 2001. С. 97, 98).

⁹⁴ Письмо Н.П. Оттокара В.В. Вейдле от 28 июля 1933. Фотокопия (частное собрание).

⁹⁵ N.O. Luigi VI, Luigi VII, Luigi VIII, Luigi IX, Luigi X, Luigi XI // *Enciclopedia Italiana*. Roma, 1934–XII. Vol. XXI. P. 616–620.

⁹⁶ Ottocar N. *Breve storia della Russia. Linee generali*. Bari, 1936; Idem. Bari, 1945.

⁹⁷ Письмо Н.П. Оттокара В.В. Вейдле от 1 октября 1935 г. Фотокопия (частное собрание).

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Вейдле В.В. «История России» Н.П. Оттокара // *Последние новости*. 1936. 17 сент.

¹⁰¹ Письмо Н.П. Оттокара В.В. Вейдле от 29 октября 1936 г. Фотокопия (частное собрание).

¹⁰² Письмо Н.П. Оттокара В.В. Вейдле от 1 октября 1935 г. Фотокопия (частное собрание).

¹⁰³ Письмо Н.П. Оттокара В.В. Вейдле от 30 ноября 1936 г. Фотокопия (частное собрание).

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Ottocar N. *I comuni cittadini nel Medioevo*. Firenze: La nuova Italia, 1936.

¹⁰⁶ Письмо Н.П. Оттокара В.В. Вейдле от 1 июля 1937 г. Фотокопия (частное собрание).

¹⁰⁷ Письмо Н.П. Оттокара В.В. Вейдле от 1 декабря 1937 г. Фотокопия (частное собрание).

¹⁰⁸ Письмо Вяч.И. Иванову от 1 ноября 1940 г. Архив Вяч.И. Иванова (частное собрание. Рим).

¹⁰⁹ Письмо Н.П. Оттокара В.В. Вейдле от 6 марта 1946. Фотокопия (частное собрание).

¹¹⁰ Письмо Ольги Ланг В.В. Вейдле от 26 октября 1977 г. Фотокопия (частное собрание).

¹¹¹ Письмо Н.П. Оттокара В.В. Вейдле от 20 июня 1947 г. Фотокопия (частное собрание).

¹¹² Ottocar N. *Studi comunali e fiorentini*. Firenze: La Nuova Italia, 1948. (Il pensiero politico; 33).

¹¹³ Ottocar N. *Compendio di storia della Russia*. Firenze: A. Vallecchi, 1950.

¹¹⁴ Письмо Н.П. Оттокара В.В. Вейдле от 6 марта 1946 г. Фотокопия (частное собрание).

¹¹⁵ Ottokar N. *Questioni di storia medievale*. Milano, 1951.

¹¹⁶ Ottokar N. *Storia medioevale. Storia del papato. Dalle lezioni del N. Ottokar raccolte de M.T. Benedetti e A.M. Biondi*. Firenze: Soc. Ed. Universitaria [1951].

¹¹⁷ Издание начато было томом «Corso di storia Medioevale dalle lezioni del Prof. Nicola Ottokar». (Gruppo universitario fascista. Firenze. Anno Accademico 1935–36, XIV), завершено томом «Corso di storia Medioevale dalle lezioni del Prof. Nicola Ottokar». (Universita degli studi. Firenze). Anno Accademico 1952–1953.

¹¹⁸ О нем не упомянуто ни в монографии Е.В. Гутновой «Историография истории Средних веков» (2-е изд. М., 1985), ни даже в кропотливом исследовании В.Т. Пашуто (1918–1983) «Русские историки-эмигранты в Европе» (М., 1992).

¹¹⁹ М.А. Гукровский в книге «Итальянское возрождение. Т. I: Италия с 1250 по 1380 год» (Л., 1947), «продиктованной», по признанию самого автора, «страстным стремлением выполнить указания величайшего ученого мира, любимого вождя и учителя И.В. Сталина» (с. 6), несколько раз упоминает о Н.П. Оттокаре (с. 306, 308, 309, 319).

¹²⁰ Письмо Л.П. Карсавина от 5 февраля 1948 г., из Вильнюса (частное собрание).

¹²¹ Cornelia Rondelli Ottokar (14 авг. 1912 – 30 июля 1989), вторая супруга Николая Петровича, похоронена с ним рядом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н.П. ОТТОКАР

ФЛОРЕНЦИЯ ОЧЕРКИ ФЛОРЕНТИЙСКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

(Введение)

*Вечной памяти любимой дочери Нины
посвящает этот труд безутешный отец*

I

Флоренцию часто — и не вполне справедливо — называют городом цветов (Citta dei fiori). В действительности же, цветов во Флоренции весьма немного, и они никак не являются основной характеристикой этого города. Если и есть нужда в прозвании, и в прозвании точном, то это, скорее, — «город камней». В самом деле, именно камень — один из важнейших элементов внешнего вида Флоренции и одна из главных составляющих ее духа.

Речь идет, естественно, не о суровости камня, а о его твердости, весомости, силе. Твердый, основательный, крепкий и, прежде всего, здравый — таков дух Флоренции, запечатленный в ее жителях. Здесь вы не найдете сентиментальной расслабленности, романтической экспансивности или стремления к бесконечному, не встретите и повествовательной любви к деталям, пусть и изысканной, но и одновременно и инфантильной, натуралистической. Подобные качества, к примеру, свойственны готическому духу Сиены, в то время как Флоренция — это сама размеренность, порядок, выдержанность и наполненность — все то, что называется классикой.

Флорентийское искусство не ищет потустороннего, а утверждается в себе самом и утверждается совершеннейшим образом. Если искусство готическое *устремляется* к запредельному, божественному, то искусство флорентийское, по сути дела классичес-

кое, само себя *полагает* проявлением божественного — оно усваивает совершенство, а не стремится к нему. Вот почему флорентийский менталитет явным образом отстраняется от тенденций готики, то есть от классического настроения внутреннего совершенства.

Для природы флорентийцев характерно бросающееся в глаза отсутствие готической архитектуры. Местное зодчество — всегда классично, а в периоды, когда мода требует дани готике, Флоренция поступает лишь несколькими малозначительными декоративными фрагментами, ничего не меняя в классической сущности.

II

Флорентийцы Средневековья любили подчеркивать римское происхождение и римский характер своего города. «Римскость» Флоренции была основополагающей догмой всех ее хронистов и всех ее литераторов. Флоренция — «дочь Рима», она основана по «образу и подобию» Вечного города. Те же литераторы прилагали немалые усилия в поисках аналогий устройства Рима и его «дочери», расположения главных храмов, типографии. Согласно флорентийским легендам, город был разрушен в первые же набеги варваров (якобы Атиллой, «бичом Божиим», который никогда здесь не был), однако потом был восстановлен самим Карлом Великим, в соответствии с первоначальным замыслом древних римлян. Предание не ограничивается тем, что Карл восстановил улицы «римской» Флоренции — император занялся целокупной реставрацией гражданских учреждений города на Арно, скопированных с римских. <...>

Разумеется, эти и близкие им утверждения летописцев относятся к жанру фантазии и не имеют никаких исторических оснований. Вместе с тем они в своем роде многозначительны, ибо обнаруживают сильнейшее желание соединить Флоренцию с Римом и обосновать ее здоровые традиции и классический дух как наследие от античной «матери». <...>

Сокращенный перевод с ит. М.Г. Талалая

Осуществлен по изданию: Ottokar N. Firenze. Cenni di e di cultura fiorentine. Fireze: «La Nuova Italia» Editrice, 1940.

С.И. Фокин (*Санкт-Петербург*)

РУССКИЕ БИОЛОГИ НА НЕАПОЛИТАНСКОЙ ЗООЛОГИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ

Рассказ о людях, что-то сделавших в науке, — это не только перечисление их достижений, но и воссоздание обстоятельств их жизни. Именно эти обстоятельства, даже на первый взгляд «простые», не обремененные хитросплетениями и громкими событиями, могут ответить на вопросы, как, почему и какими усилиями ученый достиг в науке того, чего он достиг (или почему не достиг большего).

Бескорыстное служение, а именно таким всегда было занятие наукой, не приносило ни раньше, ни теперь особых материальных выгод, в том числе и нашим соотечественникам, работавшим на Неаполитанской зоологической станции. Если обратиться к их списку, то окажется, что львиная доля посетителей русскими станции приходится на двадцатилетие с 1893 по 1914 г. Таким образом, хронологические рамки этого знаменательного для отечественных зоологов явления полностью совпадают с тем особым временем, которое в истории русской культуры принято называть Серебряным веком. Самая характерная черта Серебряного века русской культуры — это удивительное созвездие ярких личностей: утверждение, полностью применимое к науке как к составной части культуры и, в частности, к русской зоологии того периода.

О некоторых отечественных ученых, работавших в Неаполе, мы знаем достаточно много. Нашим знаменитым зоологам А.О. Ковалевскому (1840–1901), И.И. Мечникову (1845–1916), А.Н. Северцову (1866–1936), В.А. Догелю (1882–1955) посвящена обширная литература, однако даже у этих широко известных ученых в биографии еще имеются «белые пятна»¹. Многие дру-

гие «неаполитанцы» вообще до сих пор удостаивались лишь нескольких строк в энциклопедиях и словарях или же были и во все неизвестны большинству специалистов. Это вполне понятно, ибо среди них были ученые разных «весовых категорий». Кроме того, некоторые из них после 1917 г. оказались вне России, и на родине их имена долгое время сознательно не упоминались, а некоторые были просто забыты. Особенно это характерно для молодого поколения, не успевшего составить себе имя в России до революции. Это поколение ученых-эмигрантов вычеркнуто из истории отечественной науки. Тем интересней попытаться воссоздать по возможности полную картину сообщества русских ученых, работавших в Неаполе, и проследить судьбы некоторых из них.

История Неаполитанской зоологической станции также не очень знакома отечественному читателю, несмотря на то что станция сыграла заметную роль в профессиональных успехах отечественных зоологов рубежа XIX–XX вв. Она была основана в 1872 г. немецким зоологом Антоном Дорном (1840–1909) в большой степени на его личные средства и благодаря его энтузиазму, огромным усилиям и оригинальной идее финансирования. «Рабочие столы» на станции абонировались разными странами для своих ученых с соответствующей годовой предоплатой; значительный доход приносили также публичный аквариум, организованный сразу после открытия станции, и продажа «фиксированных» (консервированных) животных и их коллекций. В научном смысле Неаполитанская зоологическая станция была первым международным научно-исследовательским институтом, изучавшим природу в самой природе².

Несмотря на появление к началу XX в. зоологических морских станций почти во всех странах, спрос на рабочие места в Неаполе был постоянно высоким во многом благодаря умелому руководству станцией Рейнхарда (итал.: Ринальдо) Дорна (1880–1962), сына основателя. Р. Дорн возглавил предприятие осенью 1909 г. Число визитов ученых на станцию к 1910 г. уже превысило 2400. Среди них было много ведущих специалистов в самых разнообразных областях биологии, в том числе девять нобелевских лауреатов. Многие видные политики и коронованные особы часто посещали станцию как одну из главных досто-

примечательностей Неаполя³. Поработало там и свыше полутора сотен русских исследователей.

Основание зоологической станции именно в Неаполе в некоторой мере было инициировано успехами русских зоологов, работавших на Средиземном море еще в 1860-х гг., и сочувственным отношением к идее Дорна со стороны наших известных соотечественников. Полученные в Неаполе А.О. Ковалевским, И.И. Мечниковым и некоторыми другими русскими впечатляющие результаты в изучении, как тогда говорили, истории развития (эмбриологии) многочисленных животных Средиземноморья, способствовали появлению этой станции именно на берегу Неаполитанского залива.

Организация международной зоологической станции была поддержана известными российскими учеными: главой московской зоологической школы А.П. Богдановым (1834–1896), ректором Петербургского университета, специалистом по зоологии позвоночных К.Ф. Кесслером (1815–1881), а несколько позднее и знаменитым эмбриологом, академиком К. Бэр (1792–1876), который сначала был скептически настроен по поводу проекта Неаполитанской станции³. Однако нет причин говорить о «ключевой роли» российских ученых в этом предприятии⁴. Всегда упоминаемый в подобных статьях Н.Н. Миклухо-Маклай (1846–1888) не имел прямого отношения к учреждению станции в Неаполе. Романтическая идея о «сети биологических станций на морских побережьях разных стран»⁵ появилась при его участии в Мессине (1868), но тогда речь и шла о создании станции прежде всего в Мессине. В 1871 г., когда А. Дорн приступил к созданию станции в Неаполе, Миклухо-Маклай уже начал беспремерную «одиссею» на Новой Гвинее⁵.

Отношение к русским в Неаполе было самым дружеским, чему немало способствовало, по-видимому, русское родство Дорнов и многочисленные тесные контакты А. Дорна с русскими деятелями науки и культуры конца XIX — начала XX в. Его тесть Е.И. Барановский (1821–1914), бывший саратовский губернатор, полусутя причислял и самого Дорна к славянскому племени как уроженца Померании⁶.

Помимо наших соотечественников, приезжавших в Неаполь на время, несколько русских подданных входили в штат стан-

ции. На станции 11 лет проработал русский инженер Е. Петерсен (1834–1893). Ассистентом у А. Дорна 6 лет был приглашенный им в штат, работавший в Неаполе по командировке Министерства народного просвещения России выпускник Петербургского университета Э.А. Мейер (1859–1928). С момента открытия аквариума до последних дней жизни его кассой завела С.М. Буткевич (?–1882), вдова полковника, дальняя родственница Н.А. Некрасова⁷.

Среди русских неаполитанцев можно обнаружить ученых всех рангов – от студента до академика. В Неаполь ехали работать маститые специалисты – цвет отечественной биологии. Ехали и молодые исследователи, нередко студенты, которым время, проведенное на станции, позволило не только познакомиться со средиземноморской фауной, но и узнать ближе своих западноевропейских, американских, а часто и отечественных коллег. На прекрасно оборудованной станции в коллективе единомышленников была возможность плодотворно трудиться, добываясь признания в научном сообществе. Наконец, по этим 159 представителям России⁸ судили о нашей стране, и надо думать (тому есть документальные свидетельства), что мнение это было, как правило, лестным.

Начав в 1874 г. с аренды одного рабочего места, уже на следующий год Россия абонировала два рабочих стола. Их аренда продлевалась в 1883-м, в 1889 и в 1893 гг. С возникновением и развитием русских станций в Севастополе (1871), на Белом море (Соловки, 1881) и на Виллафранке (Villefranche-sur-Mer), близ Ниццы (1886), которые также в конце XIX в. получали государственную дотацию, у российской бюрократии возникла идея отказаться от аренды двух рабочих столов в Неаполе. К счастью, активная позиция в этом вопросе многих известных русских ученых и успешная дипломатия самого Дорна привели к обратному результату: с 1904 г. число русских столов было увеличено до четырех и в таком неизменном виде сохранялось до начала Первой мировой войны⁹.

Первый русский ученый И.С. Раевский (1854–1879) появился на Неаполитанской станции в конце марта 1874 г., менее чем через полгода после ее официального открытия. Судьба этого, видимо, талантливого зоолога оказалась печальной – опубликовав

всего две интересные работы по эмбриологии, он покончил жизнь самоубийством в возрасте 25 лет. Второй россиянин — профессор В.В. Заленский (1847–1918), начавший работу на станции десятью днями позднее Раевского, напротив, прожил сравнительно долгую и профессионально очень успешную жизнь. Профессор двух российских университетов (Казанского, а позднее Новороссийского), академик, директор крупнейшего Зоологического музея в Петербурге и Севастопольской морской биологической станции, Владимир Владимирович был видным специалистом в области эмбриологии беспозвоночных.

В дальнейшем сообщество россиян на станции уступало лишь немцам и итальянцам. Число русских, ее посещавших, возрастало вплоть до 1914 г. Так, в первое десятилетие существования станции наши соотечественники работали 25 раз, во второе — 59, в третье — 61, а за 8 последних предвоенных лет — 75 раз! При этом некоторые посещали станцию неоднократно¹⁰. Следуя общему направлению развития зоологии в последней трети XIX в., русские ученые занимались в Неаполе прежде всего эмбриологическими и сравнительно-анатомическими исследованиями. Определенная часть работ носила морфофаунистический характер. К концу XIX в. стали появляться и экспериментальные исследования, ставшие наиболее характерными в первой четверти XX в.

С лета 1914 г. для Европы наступили трудные времена, что, конечно, отразилось и на науке. Начавшаяся мировая война поставила станцию как субъект международного финансирования в чрезвычайно сложные условия. Весной 1915 г. Р. Дорн писал Л.А. Шевяковой в Россию: «Война застала станцию врасплох, ее неминуемое последствие в Италии: объявление мораториума, вследствие которого только 10 процентов с вкладов ежемесячно выдавали банки, и всякое прекращение интернационального денежного общения, поставили станцию в крайне критическое положение. Кроме научного состава служащих, ассистентов, нужно было прокормить 40 семей служащих, и так как ученые, работавшие в станции, оказались в том же, в следствии мораториума, денежном затруднении, то станции пришлось по мере возможности и им помочь. Одних русских было 9 человек, некоторые с семьями и не у всех было на что уехать. Частью с жена-

ми и детьми им пришлось на очень неприспособленных для пассажирах пароходах ехать через Константинополь в Одессу. Все неожиданные затруднения, говорю откровенно, наполнили меня тревогой за будущее, которая еще увеличилась неудержным шовинизмом, проявленным везде и к которому, к сожалению, страстно примкнули и ученые»¹¹. К счастью, станции удалось пережить все военные и политические невзгоды, и с 1924 г. Р. Дорн полностью восстановил международный характер Неаполитанской зоологической станции.

В 1880–1928 гг. А. и Р. Дорнами было заказано русским исследователям шесть монографий для широко известной серии «Фауна и флора Неаполитанского залива», издававшейся станцией. Такие предложения получили В.Н. Ульянин (1840–1889), Э.А. Мейер, В.Т. Шевяков (1859–1930), Н.А. Ливанов (1876–1974) и В.Д. Зеленский (1882–1930). К сожалению, опубликованными оказались только исследования Ульянина «Die Arten der Gattung Doliolum im Golfe von Neapel und der angrenzenden Meeres — Abschnitte» (Т. 10. 1884) и Шевякова «Die Acantharia des Golfes von Neapel» (Т. 37. 1926). Работа над томом, посвященным многощетинковым червям, была начата Мейером, когда он был ассистентом на станции (1883–1889). После его отъезда из Неаполя в 1889 г. он никогда туда больше не приезжал, несмотря на приглашение А. Дорна, и работа осталась незавершенной. Это исследование взялся окончить (несколько его расширив) его ученик Ливанов, но разгар его работ пришелся на начало мировой войны, и эта монография также не была завершена. Зеленский практически закончил свою работу над монографией, посвященной морским пиявкам, но завершающий этап пришелся на конец 1920-х гг., когда возможности выезда из России резко сократились. Ухудшение состояния его здоровья в 1929 г. и смерть весной 1930 г. оставили и это готовое исследование неопубликованным. Аналогичная судьба постигла и монографию об инфузориях Неаполитанского залива, заказанную В.Т. Шевякову в 1928 г. Здесь, правда, работы были только в самом начале. Ни в 1929, ни в 1930 г. ему не удалось попасть в Неаполь, а осенью 1930 г. он скорострительно скончался¹².

В 1887–1888 гг. на станции по теме «Симбиоз между животными и растениями» работал известный физиолог растений

А.С. Фаминцын (1835–1918), один из основателей теории симбиотического происхождения эукариотной клетки. П.П. Иванов (1878–1942), дважды (1903, 1910) работавший на станции, собрал там основной материал, позволивший ему позднее создать теорию ларвальных сегментов — одно из крупнейших обобщений в эмбриологии XX в. В 1913 и 1932 гг. на станции трудился над своими революционными для клеточной биологии изобретениями (микроманипулятор и УФ-микроукол) С.С. Чахотин (1883–1973). Большинство новаторских работ Н.К. Кольцова (1872–1940), посвященных вопросам клеточного цитоскелета и общей организации животной клетки, также проводились в Неаполе в 1910–1927 гг.

Существенным представляется и то обстоятельство, что в Неаполе работали российские ученые, причастные к основанию и развитию русских морских зоологических станций. Так, весь научный штат Севастопольской станции с момента ее основания до 1914 г. посетил в разные годы Неаполитанскую станцию, опыт организации и функционирования которой, если и не использовался «напрямую», то, конечно, учитывался на Черном море¹³. То же можно сказать относительно Виллафранкской зоологической станции и Биологической станции на Соловках, позднее перенесенной на Мурман.

Несомненно, что улучшение условий работы на Неаполитанской станции в 1900–1914 гг. для наших соотечественников связано с именем Владимира Тимофеевича Шевякова. Познакомившись с А. Дорном еще в 1890 г., после окончания своего кругосветного путешествия (по некоторым неподтвержденным сведениям, он был на станции и раньше — в 1888 г.), Шевяков не только работал с тех пор на станции 7 раз, но и активно способствовал поездкам туда других русских биологов. Он один из авторов проекта об оплате четырех рабочих столов для русских ученых, принятого в конце 1903 г.¹⁴

В октябре 1917 г. ход русской истории круто изменил свое направление. Перед десятками тысяч людей в России сразу после революции или несколькими годами позднее реально вставал вопрос об отъезде, а иногда и бегстве из страны. Был он насущен и для ученых — другие уехали, некоторые были высланы, многие остались... Часть бывших (или будущих) «неаполитан-

цев» также оказалась за пределами родины. Из них, насколько мне известно, около 20 человек стали эмигрантами. Вероятно, в действительности их было больше.

Один из основателей психонейроиммунологии и биологических методов борьбы с вредными насекомыми Сергей Иванович Метальников (1870–1946) закончил Петербургский университет в 1896 г.¹⁶ Оставленный на два года для подготовки к профессорскому званию, он работал у академика А.О. Ковалевского в Особой зоологической лаборатории Петербургской Императорской академии наук, где его непосредственным наставником был Шевяков. Дважды (октябрь 1897 – январь 1898 и ноябрь 1898 – апрель 1899) Метальников посетил Неаполитанскую зоологическую станцию, где он изучал внутриклеточное пищеварение у морских ежей и исследовал состав крови и фагоцитарные органы у червя *Sipunculus nudus*. Начав свою научную карьеру как зоолог-физиолог, Метальников в 1900–1901 гг. стажировался по рекомендации Ковалевского, а в 1904–1908 гг. неоднократно работал в лаборатории Мечникова в парижском Институте Пастера¹⁵. Эта работа определила его интерес к новому направлению научных изысканий – иммунологии.

После смерти П.Ф. Лесгафта (1837–1909) Метальников возглавил его биологическую лабораторию в Петербурге, где развернул работы по сперматотоксинам, иммунитету у насекомых, физиологии пищеварения и бессмертию у инфузорий, а также изучал условно-рефлекторные механизмы иммунных реакций (1909–1917). Приход к власти большевиков Метальников воспринял как катастрофу. Сразу после Октябрьского переворота (в ноябре 1917) он уехал в Крым, где у него возле Аю-Дага было имение «Артек». Однако и Крым скоро перестал быть спокойным местом. В конце января 1918 г. Сергей Иванович писал в Петроград: «9-го в Ялту явились большевицкие суда из Севастополя и началось форменное сражение матросов и татар... 6 суток город бомбардировали с моря. Можешь себе представить, что испытывали все мирные жители. Теперь весь город находится во власти матросов и хулиганов-красногвардейцев. Очень мечтаем эмигрировать куда-нибудь: в Америку или Австралию. Но как это сделать! Вот вопрос...»¹⁶.

Случай эмигрировать представился в 1919 г. Вместе с семьей через Константинополь и Варну Метальников уехал в Париж, куда был приглашен директором Института Пастера профессором Э. Ру (1853–1933) возглавить одну из лабораторий. Во французский период своей жизни Метальников занимался изучением иммунитета беспозвоночных (прежде всего насекомых), связью иммунитета с деятельностью нервной системы, а также разработкой биологических способов борьбы с вредными насекомыми. По всем перечисленным направлениям исследований им опубликованы многочисленные статьи и несколько книг. Некоторые из его работ открыли новые направления исследований и имели значительный потенциал для практического использования в промышленности и сельском хозяйстве. Исследованиями Метальникова в области прикладной микробиологии перед Второй мировой войной интересовались в Германии и Америке. В связи с испытаниями созданных им культур микроорганизмов, патогенных для сельскохозяйственных вредителей, Метальникову много пришлось ездить по Европе. Он работал в разных районах Франции, Германии, Швейцарии, Польши, Венгрии, Сербии. Был также в Египте и Алжире. На Неаполитанскую станцию, однако, ему больше не суждено было попасть, хотя Сергей Иванович входил в комитет по поддержке Русской зоологической станции в Виллафранке и неоднократно бывал в 1920-х гг. на Средиземноморском побережье Франции¹⁷.

Известный русский эмбриолог и зоолог-фаунист Константин Николаевич Давыдов (1877–1960) впервые попал в Неаполь в 1900 г., только что закончив Петербургский университет¹⁸. На Неаполитанской зоологической станции он приступил к изучению регенерации у беспозвоночных (иглокожие, кольчатые черви, кишечнодышащие). Это направление исследований позднее было им продолжено в магистерской (1909) и докторской (1915) диссертациях. Летние сезоны 1911–1914 гг. Давыдов снова работал на Средиземном море. В 1914 г. он опубликовал «Курс эмбриологии беспозвоночных» — первый на русском языке учебник по сравнительной эмбриологии. Аналогичный курс он читал в качестве приват-доцента в Зоотомическом кабинете Петроградского университета у своего учителя, профессора Шевякова. В 1918 г. Константин Николаевич был избран профессо-

ром зоологии Пермского университета. Ввиду сложного военного и экономического положения, в котором оказалась Пермь в ходе Гражданской войны, Давыдов в 1919 г. вернулся в Петроград, где в 1920–1921 гг. работал в биологической лаборатории Естественно-научного института им. П.Ф. Лесгафта и принимал участие в работе Олонецкой комплексной экспедиции (1920–1921). Таким образом, Константин Николаевич в революционные годы был уже достаточно известным ученым.

Сложности в личной жизни и невозможность соединиться с любимым человеком, оставаясь в России, вынудили Давыдова покинуть родину. Впрочем, как туманно намекала в своих воспоминаниях его жена, Агния Юрьевна Давыдова (Верещагина), «были и другие причины»¹⁹. Очевидно, что тяжелые условия жизни, обусловленные экономической разрухой и начавшимся идеологическим гнетом, способствовали решению Давыдова оставить родину. В декабре 1922 г. он нелегально переходит границу с Финляндией и через Германию добирается до Франции. Французскую визу Давыдов получил благодаря хлопотам Метальникова, который к тому времени уже почти три года жил и работал в Париже²⁰.

Научная судьба Давыдова в эмиграции сложилась сравнительно удачно. Он работал в лабораториях М. Каллери (Париж) и О. Дюбоска (Баньюльс-сюр-Мер), подготовил и опубликовал «Руководство по сравнительной эмбриологии беспозвоночных» (1928), принесшее ему мировую известность. В 1927 г., с мая по сентябрь, ученый опять работал в Неаполе, но уже по гранту Фонда Рокфеллера. Размер гранта позволил поехать в Италию всей семьей. Позднее жена Константина Николаевича так вспоминала об этой поездке: «Премия представляла такую сумму денег, что нам удалось втроем попасть в Неаполь и, найдя очень скромную комнату поблизости станции и самостоятельно готовя нашу еду, мы проводим там несколько месяцев, и К.Н. очень продуктивно ведет свою научную работу. Директором биологической станции был тогда сын того Дорна, у которого когда-то работал К.Н. Жена его была русская, и мы у них бывали. Знаменитый аквариум станции был поразительно устроен, особенно пелагические морские прозрачные представители выделялись на темном фоне с художественной красотой и необыкновенным

эффе́ктом. Мы очень часто заходили туда втроем, любуясь также замечательными рыбами, спрутами и крабами... В этом году сюда съехалось много ученых из России. Мы с ними часто встречались и с некоторыми делали экскурсии вместе...»²¹. Дважды Давыдов подолгу жил с семьей в Индокитае, где работал в Океанографическом институте в г. Кауда, близ Нья-Танга (1929–1934 и 1938–1939 гг.). Это позволило ему значительно улучшить материальное положение. Научные же результаты работ Давыдова в Индокитае были поистине феноменальны²². В частности, им обнаружено десять видов чрезвычайно редких ползающих гребневиков – *Stenoplana*. В 1949 г. Константин Николаевич был избран членом-корреспондентом Французской академии наук. До последних лет своей жизни он надеялся побывать на родине, но этим надеждам не суждено было сбыться.

Выпускник и доктор философии Гейдельбергского университета Сергей Степанович Чахотин (1883–1973) впервые попал на Неаполитанскую станцию весной 1909 г., перед этим лишь чудом уцелел во время знаменитого Мессинского землетрясения²³. Он с детства много раз бывал в Италии, прекрасно знал язык и любил эту страну. Окончив университетский курс у знаменитого немецкого зоолога профессора О. Бючли, в 1907 г. Чахотин защитил диссертацию по физиологии органов равновесия у моллюсков с высшей оценкой «*summa cum laude*», и поэтому ему не составило труда получить место ассистента у профессора А. Бенедиченти в Фармакологическом институте Мессинского университета. В Неаполе, проведя три месяца, он пытался восстановить материалы, собранные им в Мессине по электрофизиологии мышц беспозвоночных и феномену свечения морских животных, но затем утраченные под развалинами лаборатории. В дальнейшем Сергей Степанович предполагал перенести свою деятельность в Россию, которую он покинул в 1902 г. после заключения по политическим мотивам из Московского университета. Таким образом, он начал свой путь в науку эмигрантом, но, видимо, не предполагал, сколько «европейских приключений» ему еще суждено пережить.

Вернувшись в Россию, Чахотин рассчитывал защитить магистерскую диссертацию в Петербургском университете. В ходе подготовки к магистерскому экзамену, который у него должен

был принимать профессор Шевяков, он понял, что у него родилась принципиально новая идея методики исследования клетки. Эта идея заставила его отложить экзамены и в 1909 г. снова уехать в Европу. Речь шла о микрооперациях на живой клетке, для чего уже в 1910 г. в Гейдельберге Чахотиным был сконструирован первый микроманипулятор. Далее ему пришло в голову заменить механический инструмент ультрафиолетовым (УФ) лучом. Для решения технической стороны вопроса исследователь принял участие в специальных курсах по микротехнике и микроскопии, организованных фирмой К. Цейса в Берлине и Йене. Первый образец аппарата для УФ-микроукола живых объектов был спроектирован в Институте экспериментального исследования рака в Гейдельберге, а собран и испытан в Фармакологическом институте в Генуе (1912), где Чахотина приютил Бенедиченти, его бывший профессор в Мессине²⁴. После двух лет упорной работы эксперименты с яйцами морского ежа убедительно показали, что УФ-луч может служить тончайшим и избирательным инструментом для операций на живой клетке²⁵.

С надеждой продолжить свои изыскания в России Чахотин появился в Петербурге и после беседы с академиком И.П. Павловым, который очень заинтересовался его изобретением, был приглашен ассистентом в его физиологическую лабораторию. Здесь Сергей Степанович создал материальную базу для нового отделения — экспериментальной клеточной физиологии, и усовершенствовал аппарат для УФ-микроукола. В начале 1913 г. он сделал на заседании Общества петербургских врачей первый доклад, посвященный микрооблучению, имевший большой резонанс в научной среде. В результате, по представлению Павлова, весной того же года Чахотин снова получил возможность работать на Неаполитанской станции (март–июнь), где он провел серию экспериментов по микрооблучению живых клеток и продолжил совершенствование своего изобретения. В том же 1913 г. в Петербургском представительстве фирмы К. Цейса им был заказан первый промышленный образец аппарата для УФ-микроукола²⁶. Он демонстрировался Чахотиным на втором докладе «Основания новой техники экспериментального исследования клетки», который пригласил его сделать в Петербургском биологическом обществе профессор Метальников.

Начавшаяся Первая мировая война надолго оторвала Чахотина от занятий наукой. Вместе с академиком А.Е. Ферсманом он организует Комитет военно-технической помощи при Союзе русских городов и работает там секретарем. Октябрьский переворот 1917 г. вынудил его уехать на юг, где он участвовал на Дону в Белом движении, занимая должность начальника осведомительно-агитационного отделения в Донском правительстве²⁷. В 1919 г. через Новороссийск Сергей Степанович второй раз эмигрировал из России, в этот раз на долгие 39 лет²⁸.

Ему удалось получить место профессора на кафедре общей патологии и фармакологии в университете Загреба (1921). Это, вероятно, стало возможным не только благодаря его обширным знаниям в этой области и прежней работе в фармакологических лабораториях Италии, но и потому, что фамилия Чахотин была хорошо известна на Балканах²⁹. Далее начались его скитания по Европе и период общественно-политической деятельности. Вместе с Н.В. Устряловым (1890–1937) и некоторыми другими эмигрантами Чахотин участвует в движении «Смена веков», в альманахе и журнале которого публикует несколько статей, положительно встреченных в Советской России; как корреспондент просоветской газеты «Накануне» (1922–1924) Чахотин едет на Генуэзскую конференцию (1922). По рекомендации Л.Б. Красина он получает советское гражданство и работает в берлинском торгпредстве СССР. Однако возвращаться на родину Чахотин не спешит. На некоторое время он перебирается в Италию, где продолжает свои эксперименты с яйцами морских ежей и простейшими, используя УФ-укол. Здесь ему, например, удалось экспериментально вызвать развитие неоплодотворенного яйца этих беспозвоночных после локального облучения³⁰.

В начале 30-х гг. в Германии Чахотин опять активно занялся политикой. Он становится одним из главных пропагандистов Социал-демократической партии Германии, входит в Железный фронт, организует митинги протеста против нацистов, выпускает на немецком книгу «Три стрелы против свастики» (*Dreif Pfeil gegen Hakenkreuz*)³¹. В предвыборной борьбе за места в рейхстаге противником Чахотина был доктор Геббельс, пропаганда которого, как известно, оказалась более эффективной. В результате Чахотин вынужден был бежать из Германии в 1933 г. Сначала

он переехал в Данию, а позднее — во Францию³². Там он продолжил свои научные занятия, в том числе и пытался выяснить с помощью УФ-микроболучения возможность появления условных рефлексов у простейших. Любопытно, что свои эксперименты Чахотин проводил в той же лаборатории М. Каллери, где бывали и остальные герои этой статьи. Наблюдения над становлением нацифашизма в Италии и Германии Чахотин обобщил в книге «Насилие над массами путем политической пропаганды» (*Le viol des foules par la propagande politique*. Paris, 1939; *The rape of the masses. The psychology of totalitarian political propaganda*. New York, 1939; London, 1940), получившей широкую известность на Западе. Во время Второй мировой войны он был заключен нацистами в концлагерь, однако благодаря своим немецким коллегам сумел освободиться и участвовал во французском Сопротивлении³³. После войны Чахотин был одним из организаторов борьбы за мир во Франции. Долгая и удивительно насыщенная яркими событиями жизнь Сергея Степановича завершилась-таки в России, куда он вернулся в 1958 г. 75-ти лет отроду, так и не став ни знаменитым политиком, ни широко известным ученым.

Константин Иванович(?) Туманов (1903–1967), специалист в области медицинской энтомологии и патологии насекомых, более известен во Франции, чем в России. Между тем он родился в Петербурге в семье адвоката, а детство и студенческие годы провел в Иркутске. Там он был среди первых студентов местного университета, открытого в 1919 г. А.В. Колчаком, и специализировался по медицинской зоологии и паразитологии у профессора Шевякова. Начавшиеся в 1923 г. чистки «социально чуждых студентов» вынудили Туманова покинуть родину и перебраться в Манчжурию (Харбин), где он около года продолжал занятия медициной. Из Харбина он в конце 1923 г. эмигрирует во Францию³⁴. Судьба распорядилась так, что в Париже Константин Иванович получает место в Институте Пастера. Там его руководителем, а впоследствии и коллегой, становится бывший студент Шевякова в Петербургском университете, профессор Метальников. Параллельно Туманов заканчивает свое образование в Сорбонне, где его профессором был уже упоминавшийся известный зоолог Каллери, в лаборатории которого в это время работал Давыдов, а позднее и Чахотин.

Первые исследования Туманова касались иммунитета, болезней и биологии насекомых, особенно пчел. Однако он интересовался и другими проблемами. В 1926 г. по гранту Фонда Рокфеллера он приезжал на Неаполитанскую зоологическую станцию для занятий, связанных с выяснением механизмов пигментации у морских беспозвоночных голотурий. Там он встретился в последний раз со своим иркутским учителем профессором Шевяковым, заканчивавшим на станции свою знаменитую монографию об акантариях Неаполитанского залива. Основной специализацией Туманова становится медицинская энтомология. Он работал в одноименной лаборатории и курировал аналогичные исследования в филиалах Института Пастера в Индокитае, где часто бывал (1930–1946). В 1936 г., уже получив гражданство Франции, Туманов защищает докторскую диссертацию, связанную с проблемами малярии на Дальнем Востоке и биологией ее переносчика — малярийного комара *Anopheles*. Впоследствии Туманов по просьбе Министерства здравоохранения Франции неоднократно принимал участие в борьбе с малярией на юге Франции, а позднее (1956–1958) и во Французской Гвиане³⁵. Став признанным специалистом по борьбе с вредными насекомыми, Туманов неоднократно участвует в различных конференциях по этой проблематике и посещает не только страны Европы, но и США. В 1953 г. он возглавляет Службу медицинской энтомологии и патологии насекомых Пастеровского института, где занимается в основном разработкой биологических методов борьбы против вредных насекомых — область исследований своего парижского учителя Метальникова.

Это лишь несколько примеров хитросплетения судеб русских ученых, связанных, в том числе, и с их пребыванием на гостеприимном побережье Неаполитанского залива²⁸.

После революции и Гражданской войны контакты советских ученых с Неаполитанской станцией были восстановлены только в 1924 г. Поначалу казалось, что у них есть хорошие перспективы: СССР, как и дореволюционная Россия, стал арендовать в Неаполе четыре рабочих стола. Последний «всплеск» русского присутствия на Неаполитанской станции приходится на 1927 г., когда, как в лучшие дореволюционные времена, в Неаполе работали 15(!) ученых из СССР. В феврале 1928 г. управляющий дела-

ми СНК СССР Н.П. Горбунов (1892–1938) писал Р. Дорну: «Всецело присоединяюсь к Вашему мнению и к мнению проф. Шевякова о необходимости приобретения для работы наших ученых на Неаполитанской Зоологической Станции необходимых им микроскопов. Сейчас мною получено уведомление от Главнауки о том, что на Ваше имя в Неаполь уже переводятся для этой цели 1000 рублей. Я очень признателен Вам за добрую инициативу в этом деле и рад, что работа наших биологов будет протекать в более благоприятных условиях, чем это было прежде»³⁶. После 1929 г., однако, этими микроскопами уже некому было пользоваться – советских ученых более не выпускали в капиталистическую, а к тому времени и фашистскую Италию. Последний русский, занимавшийся исследованиями на Неаполитанской станции в начале 30-х гг. XX в. (1932), был эмигрант Чахотин. Бывший ассистент академика Павлова по физиологической лаборатории Императорской академии наук приехал на станцию уже не из России, а из немецкого Гейдельберга...

Статья написана по материалам, собранным в ходе работы над одноименным совместным проектом с Неаполитанской зоологической станцией «Антон Дорн»; я благодарен всем способствовавшим ее появлению, в особенности: М. Фьорони и Ж.К. Браконно (Observatoire Océanologique de Villefranche-sur-Mer, Université Pierre et Marie Curie, Париж), К. Гребен (Stazione Zoologica «Anton Dorhn», Неаполь), Д. Демелье (Service des Archives, Institut Pasteur, Париж), Ю.А. Виноградову (Россия), П.С. Чахотину (Италия), Е.С. Чахотину (Франция) и М.Г. Талаю (Италия).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фокин С.И. А.О. Ковалевский – студент в Германии // Русско-немецкие связи в биологии и медицине / Под ред. Э.И. Колчинского. СПб.: Борей Арт, 2002. С. 86–93; Он же. 45 лет спустя. Дополнения к биографии // Человек, с которым было хорошо. Воспоминания о Валентине Александровиче Догеле (1882–1955) / Под ред. С.И. Фокина; Труды СПб. Общества естествоиспытателей. СПб., 2002. Сер. 1. Т. 95. С. 111–142.

О работе русских биологов на Зоостанции на рубеже XIX–XX вв. также см.: Фокин С.И. Русские ученые в Неаполе. СПб.: Алетей, 2006. 384 с.

² Kofoid C.A. The biological stations of Europe // US Bur. Educat. Bul. 1910. Vol. 440. P. 1–360; Muller I. One hundred years of the Zoological Station in the service of international research // The Naples Zoological Station at the time of Anton Dohrn. Cave di Tirreni: Emilio di Mauro, 1975. P. 11–21; Fantini B. The history of the Stazione Zoologica Anton Dohrn. Napoli: Arti Grafiche Solimene Casoria, 2002.

³ Дорн А. Происхождение позвоночных животных и принцип смены функций / Под ред. И.И. Шмальгаузена, пер. Б.И. Балинского. М.; Л.: ОГИЗ, 1937. С. 83–94.

⁴ Мазрукова Е.Б., Назаров В.И., Чеснова Л.В. Русские биологи на Неаполитанской зоологической станции: формирование международного научного центра // Российские ученые и инженеры в эмиграции / Под. ред. В.П. Борисова. М.: ПО «Перспектива», 1993. С. 28–39.

⁵ Скребицкий А.И. Морская зоологическая станция в Неаполе // Русская мысль. 1890. Т. 11. Вып. 9. С. 174–216; Muller I. One hundred years of the Zoological Station...; Heuss T. Anton Dohrn. A life for science. Berlin etc.: Springer-Verlag, 2000. С большим основанием Н.Н. Миклухо-Маклай может считаться одним из вдохновителей организации Севастопольской биологической станции; лично Николай Николаевич основал в 1878 г. биологическую станцию в Австралии (Watson's Bay Station, Sydney).

⁶ А. Дорн был женат на М.Е. Барановской (1856–1918), русско-польского происхождения; Р. Дорн, его сын, был женат на русской эмигрантке Т.Р. Живаго (1884–1952); А. Дорн родился в Штеттине (Stettin-Szczecin), т. е., собственно, в Польше: современное название – Ukiernica. Фирсов Н.Н. Памяти Антона Дорна, основателя Неаполитанской зоологической станции. По личным воспоминаниям // Русская мысль. 1910. Т. 31. Вып. 10. С. 133–140; [Дорн А.] Вспоминает Антониетта Дорн // А.В. Живаго – врач, коллекционер, египтолог. М.: АО «ЭКОС», 1998. С. 7–9. Большинство представителей семейства Дорн–Живаго похоронено на Новом английском кладбище в Неаполе, см.: Талалай М.Г. Российский некрополь в Неаполе, Венеции, Сан-Ремо // Русско-итальянский архив № 2 / Под ред. А. Шишкина и Д. Рици. Салерно, 2002.

Внучка А. Дорна, Антониетта Дорн, скончалась в Неаполе 27 апреля 2006 г. – *Примеч. ред.*

⁷ Скребицкий А.И. Морская зоологическая станция в Неаполе...; Muller I. One hundred years of the Zoological Station...; Fantini B. The history of Stazione Zoologica...

⁸ Список русских ученых и офицеров флота, официально зарегистрированных на станции с 1874 по 1932 г., составлен автором статьи по данным архива Зоологической станции «Антон Дорн», любезно предоставленного сотрудниками архива станции К. Гребен и М. Маей (Drs. C. Groeben and M. Maja). Не опубликован.

⁹ Российский государственный исторический архив, С.-Петербург (РГИА СПб). Ф. 733. Оп. 143. Д. 370; Оп. 145. Д. 127; Ф. 1158. Оп.1. Д. 190; Ф. 1129. Оп.1. Д. 70. Л. 12–14.

¹⁰ А.А. Коротнев работал на станции 9 раз, В.Т. Шевяков, Н.К. Кольцов и В.Д. Зеленский – по 7 раз, А.С. Щепотьев – 6 раз, Н.В. Ульянин, М.М. Давыдов и Н.А. Ливанов – по 5 раз.

¹¹ Л.А. Шевякова (1873–1942) – младшая дочь академика А.О. Ковалевского, жена В.Т. Шевякова, в то время товарища министра народного просвещения России // РГИА СПб. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 109. Л. 198–201об.

¹² С 1918 г. Шевяков жил и работал в Сибири: сначала в Омске, а позже (1920–1930) в Иркутске; см.: Фокин С.И. Карьера профессора Шевякова. Карлсруэ – Гейдельберг – Санкт-Петербург – Иркутск // Русско-немецкие связи в биологии и медицине / Под ред. Э.И. Колчинского. СПб.: Борей Арт, 2001. С. 68–76; Fokin S.I. Professor W.T. Schewiakoff: Life and science // Protist. 2000. Vol. 151. P. 181–189.

¹³ Первый заведующий станцией В.Н. Ульянин неоднократно работал в Неаполе с 1875 по 1884 г.; два других, наиболее активных заведующих – А.А. Остроумов (1858–1925) и С.А. Зернов (1871–1945) работали в Неаполе, соответственно, в 1885, 1889 и 1906 гг.; А.О. Ковалевский был на Неаполитанской станции сразу после избрания его директором Севастопольской станции и за два года перед этим (1889 и 1887 г. соответственно).

¹⁴ РГИА СПб. Ф. 1029. Оп. 1. Д. 70.

¹⁵ Фокин С.И., Телепова М.Н., Шаварда П.А. Профессор С.И. Метальников и его парижский архив // СПб.: ВИЕТ, 2004. Т. 3. С. 110–123.

¹⁶ Письма С.И. Метальникова к Н.Я. Кузнецову // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 793. Оп. 2. Д. 418. Л. 71.

¹⁷ Фокин С.И., Телепова М.Н., Шаварда П.А. Профессор С.И. Метальников и его парижский архив...

¹⁸ Фокин С.И. Разные судьбы. Петербургские зоологи – эмигранты // На переломе / Под ред. Э.И. Колчинского. СПб.: Нестор-История, 2005.

¹⁹ Давыдова А.Ю. Воспоминания о Константине Николаевиче Давыдове. Машинопись. Архив семьи Б.Е. Райкова.

- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Бляхер Л.Я. Константин Николаевич Давыдов. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- ²³ Русский архив Океанографической станции Вильфранш-сюр-Мер (Франция). Д. 13.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Tschahotin S. Eine Mikrooperativonsvorrichtung // Zeit. wiss. Mikroskop. 1912. Bd. 29. S. 188–192.
- ²⁶ Чахотин С.С. Автобиографические записки. Машинопись. Архив П.С. Чахотина.
- ²⁷ Tschahotine S. Un phare me guidait // Ротопринтный текст автобиографических записок из архива Е.С. Чахотина.
- ²⁸ Квасов Д.Г., Федорова-Грот А.К. Физиологическая школа И.П. Павлова. Портреты и характеристики сотрудников и учеников. Л.: Наука, 1967. С. 267–268.
- ²⁹ Отец С.С. Чахотина, Степан Иванович, был русским вице-консулом в Турции, а затем в Сербии.
- ³⁰ Tschahotine S. Attivazione dell' novo di riccio di mare per mezzo della microraggiopoutura // Boll. Soc. Ital. Biol. Eper. 1929. Vol. 4. P. 1–8.
- ³¹ Albrecht R. Symbolkampf in Deutschland 1932: Sergej Tschachotin und der 'Symbolkrieg' der Drei Pfeile gegen den Nationalsozialismus als Episode im Abwehrkampf der Arbeiterbewegung gegen den Faschismus in Deutschland // Intern. wiss. Kor. Geschichte Deut. Arbeit. 1986. Bd. 4. S. 498–533.
- ³² Квасов Д.Г., Федорова-Грот А.К. Физиологическая школа И.П. Павлова...
- ³³ Посудин Ю.И. Биофизик Сергей Чахотин. Киев: Нац. аграрный университет, 1995.
- ³⁴ Архив Института Пастера. Париж (Франция). TRE. DS. 122.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Архив Зоологической станции «Антон Дорн». Неаполь (Италия). O.XVI. Nikolai Gorbunoff (1891/92) Russ. Ak. Wiss. (Glawnauka. A. Kor. 1925–1928).

МАРЦИЯ ДАТИ (Каррара)

ПРЕБЫВАНИЕ В ИТАЛИИ СКУЛЬПТОРА СТЕПАНА ЭРЪЗИ

Эръзя... это ласкающее и звучное имя одного из древних племен Волги, народа, затерянного среди необозримых болот, степей и дремучих лесов России... Вы, поставив девизом Вашего искусства имя своего народа, сами сделали его знаменем¹.

Восстановление итальянского периода в творчестве Степана Эрзы представляет собой большую сложность из-за скудости документов. Наиболее достоверная биография скульптора написана В.Г. Сутеевым, который в своей книге «Воспоминания о скульпторе С.Д. Эрзе»² повествует о его пребывании в Италии на основании того, что сам Эрзя рассказывал ему в 1917–1926 гг. Интересны также работы «Степан Эрзя» Б.Н. Полевого³ и воспоминания М.Г. Сергеева⁴. Существует и еще одна биография «Степан Эрзя» Артура Моро⁵, напечатанная в Саранске в 1997 г., подзаголовком которой, «документально-художественный роман», объясняет нам, что, несмотря на заявленную верность архивным документам, источники были весьма вольно интерпретированы автором. Единственная работа об Эрзе, опубликованная вне пределов России, это «Эрзя. Жизнь и произведения непокорного Степана Нефедова» А. Канна⁶ (Буэнос-Айрес, 1936), и именно в ней содержится рассказ о пребывании Эрзы в Италии⁷.

В самой Италии художник практически неизвестен. О нем упомянули только в 1980 г. в Милане по случаю выставки «Новые тенденции» («Nuove tendenze»)⁸, где экспонировалась фотография мраморного женского бюста Альмы Федора, созданного Эрзей в 1912–1913 гг. во время его пребывания в Милане. Фотография была сделана для журнала «Epigram»⁹, в котором Уго Неббиа, директор Музея Ломбардии, художественный кри-

тик и близкий друг Эрзьи, опубликовал об этой работе статью в 1915 г. Был издан также каталог миланской выставки, где помещена фотография бюста и короткая, к тому же неточная, биография скульптора.

Степан Эрзья – один из наиболее значительных русских современных скульпторов, глубоко связанный с Италией, и именно эта страна сыграла решающую роль в его художественном становлении. Такие города, как Милан, Венеция, Специя и Каррара, а также общение с их жителями значительно повлияли на его духовную и художественную зрелость.

Жизнь Степана Эрзьи очерчивается рамками поистине космическими: он выезжает из самого сердца России, точнее, из Мордовии, своей родины, прибывает в Москву, едет в Италию, потом в Германию, во Францию, возвращается в Россию, затем едет в Аргентину, и, наконец, снова в Россию, где и заканчивает свое земное существование. Динамизм личности скульптора выражается также (и прежде всего) в том, что он материализует свои замыслы то в цементе, то в бронзе, то в мраморе, то в дереве, придавая им высокий пафос или глубокий драматизм. Его искусство порождено той землей, где он появился на свет и провел свое детство и юность и давшей ему в некотором роде благословение на художественное творчество.

В соответствии с записью в церковно-приходской книге села Ахматово Ардатовского уезда, Эрзья родился 27 октября 1876 г. в деревне Баево того же уезда Симбирской губернии. Сейчас этот район составляет часть Республики Мордовия.

Эрзья, чье настоящее имя – Степан Дмитриевич Нефедов, был выходцем из мордовского племени эрзья, в XIX в. еще сохранявшего язычество и собственный язык. Мордовские песни, мудрость древних легенд, деревянные, почти кружевные узоры, выполнявшиеся местными ремесленниками для украшения предметов быта, а также женские традиционные праздничные одежды, унизанные бусами, – все это запечатлелось на всю жизнь в памяти художника.

В Баево не было школы, и будущий скульптор выучился чтению и письму самостоятельно. Отец его, единственный грамотный человек в деревне, рано замечает художественный талант сына и записывает его в приходскую школу города Алтышова,

которую он заканчивает в 1888 г. В школе мальчик не проявляет никакого усердия, но зато сразу же демонстрирует страсть к живописи. После школы Степан осваивает плотницкое искусство, а также мастерство изготовления стекла. В 1892 г. вся семья обосновывается вначале в Алатыре, затем в Казани, где юноша учится искусству иконографии, помогая местным художникам расписывать церкви. В мастерских Алатыря и Казани будущий скульптор оттачивал свое техническое и живописное мастерство.

Поскольку живописные навыки Эрзя получил в артели иконописцев, то его первичное понимание искусства было связано с канонем изначально заданной формы, в рамках которого, однако, возможно индивидуальное творчество. Существует свидетельство, что Эрзя, увидев однажды «Демона» М. Врубеля, отказался от строгой иконописной традиции. Киевские фрески Врубеля и, в целом, каноническая структура его живописи убеждают Эрзю, что может не быть противостояния между каноническим и академическим искусством, что канон лишь перестраивается, но не уничтожается. В этом молодой художник видит путь, открывающий ему больше свободы для выражения того, что скрыто в каноне, и что, на первый взгляд, зрительно противоречит ему.

Необходимо помнить, что в царской России путь к просвещению для человека, принадлежавшего к этническому меньшинству, особенно имевшего желание стать художником, был отнюдь нелегким. Но удача улыбнулась юноше еще в Алатыре: его декорации для любительского спектакля привлекают внимание группы местных купцов, и некоторые его рисунки были отосланы директору Строгановского училища в Москве. В 1901 г., почти не говоривший по-русски, переезжает в Москву, где посещает вечерние курсы живописи и зарабатывает на жизнь, ретушируя фотографии.

В эти годы в Москве его интерес полностью сосредотачивается на ваянии. Стоит заметить, что Эрзя, который, бесспорно, был очень интересным художником, оставил после себя совсем немного живописных работ; находка даже одной его новой картины — событие. В следующем, 1902 г., он поступает в Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве, поначалу — на курс жи-

вописи, но впоследствии переходит на курс скульптуры. Среди его учителей были наиболее значительные личности в русском искусстве того времени: С.М. Иванов, Н.А. Касаткин, Л.О. Пастернак, А.Е. Архипов, К.А. Коровин и В.А. Серов. Наибольшее же влияние на Эрзю оказали В.А. Серов и П.П. Трубецкой. В тот же период он работает фоторепортером как внештатный сотрудник журнала «Русское слово». Его первый контакт с Италией происходит в 1901 г., когда Эрзю познакомился в Москве с итальянцем Д. Тинелли, знаменитым фотографом, прожившим в России 40 лет – с 1865 по 1904 г. Именно Тинелли пригласил его посетить Италию.

Время, предшествующее поездке в Италию, скульптор посвящает работам в стиле высокого реализма, которые показывают, в первую очередь, поиск художником своего собственного творческого пути, связанного с социальной тематикой. К ним относятся: «Сидящая девушка» (1904), «Деревенская женщина и больной парень» (1904), «Портрет мальчика» (1904), «Деревенский мальчик на скамейке» (1905), «Прикованный цепями» (1906) и «Нарядная женщина» (1906).

В мае 1906 г., по окончании училища, Эрзю отправился в Италию к Тинелли. Приехал он в Милан без багажа, без денег и, конечно, без знания языка. Позади остались унижительные годы бедности и тяжелого труда. Для Эрзи поездка в Италию означала многое: первый раз – на простор, в привлекавшую его страну искусства, на волю из тяжелой, давящей свободолюбивого художника атмосферы царской России, после кровавых событий 1905 г. Из Милана Эрзю прибывает в Лавено, где и жил Тинелли. Скульптор был очень тепло принят фотографом, который ввел его в круг своих друзей и посещал с ним итальянские города. Италия для Эрзи, как и для всех иностранных художников, стала осуществлением мечты, а знакомство «вживую» с работами Микеланджело оставило след на всю жизнь.

В Италии Эрзю оказывается в окружении, закрытом для идей революции. Сам Тинелли, будучи состоятельным буржуа, при любой возможности высказывает свое негативное мнение по поводу революционных событий в России. Тем не менее, он удовлетворяет желание Эрзи встретиться с защитниками рабочего дела и везет его в Швейцарию, в Локарно, где пребывала

группа русских эмигрантов, последователей анархиста П.А. Кропоткина.

К сожалению, отношения с Тинелли быстро дают трещину: в глазах постоянных посетителей виллы Эрзья выглядит иждевенцем. Кроме того, Тинелли отказывается предоставить ему обещанный ранее материал для работы. Тогда Эрзья решает уехать; ему удается заработать 40 лир за исполнение портрета одного состоятельного лица в Лавено, после чего он перебирается в Милан.

В Милане скульптор оказывается без места жительства, без друзей, без денег и все сильнее чувствует лишения и трудности жизни в чужой стране. Он спит под мостами, в парках, в подъездах домов. Ему не удается найти работу. Он удаляется на десять верст от Милана, ночует, где придется, даже в окрестных лесах, а питается каштанами, миндальными орехами, дикими оливками и ягодами. Все друзья и знакомые Эрзьи сходятся на том, что голод и болезни могли бы доконать его, если бы случайно не подвернулась работа по увеличению портретов для типографии издательства «Ricordi», которая печатала ноты, театральные и концертные афиши, но выполняла и иные заказы. Эрзья стал работать ретушером — эту профессию он освоил еще в студенческие годы.

Полученное место позволяет Эрзю снять жилье в рабочем квартале на юге Милана. Его скудный заработок по большей части уходит на покупку глины, цемента и гипса. Имея в распоряжении немного материала, Эрзья создает скульптуры только небольших размеров. В этот период художник изучает творчество своих современников, в особенности Родена и Трубецкого, античных авторов — Фидия, Поликлета, Лисиппа, Праксителя, а также мастеров эпохи итальянского Возрождения — Микеланджело и Донателло. В Италии он знакомится со скульптурными работами реалистического жанра Винченцо Веллы¹⁰ и Джулио Монтеверди¹¹. Эрзья воплощает в скульптуре собственную манеру и глубоко личные чувства. Он ищет такие принципы пластики, в которых видно продолжение традиции, но в то же время разрабатывает собственный стиль, черпающий жизненные силы из самой сердцевины земли, от простых людей.

Согласно Моро, Эрзья завязывает дружбу с армянским фотографом, неким Вальдемаром, с которым познакомился на фабрике «Ricordi»¹². Благодаря ему Эрзья постепенно становится известен в миланских кругах итальянских художников и интеллектуалов, а также среди русских, живущих в Милане или туда приезжающих. В этот период создаются работы «Сеятель», «Женская головка» и «Косарь».

Однажды его внезапно посещает знаменитая певица Иза Кремер¹³, которая приходит в восторг от скульптуры Эрзьи. Она представляет его великому русскому басу Федору Шаляпину, в то время гастролирующему в Милане, где в театре Ла Скала он поет Мефистофеля в одноименной опере Арриго Бойто. Шаляпин также навещает Эрзью, и тот делает его восковой портрет. В соответствии с биографическим очерком Моро, в Милане Эрзья знакомится с меценаткой, некоей госпожой Равицци¹⁴, и та вводит скульптора в свой салон, объединявший деятелей итальянской литературы и искусства. По причине своего довольно замкнутого характера Эрзья был не очень склонен принимать участие в подобных встречах, и все же, благодаря Равицци, он познакомился с директором Музея Ломбардии У. Неббией — человеком очень радушным и большим знатоком живописи и скульптуры. Он оставил о себе память и как крупный историк искусства, много сделавший для сохранения художественных ценностей Ломбардии, и как незаурядный критик и рисовальщик.

Именно Неббиа не только оценил талант молодого скульптора, но и помог ему проделать путь от бедной мастерской до заветных выставочных залов Венеции и Милана. В статье, опубликованной в «Emprogium», миланский критик демонстрирует глубокое понимание сущности искусства Эрзьи: «Его талант проявляется в искусстве только так, как он и мог проявляться: выявлял все элементы выразительности и вдохновения из сокровенной глубины своей природы, души прямолинейной, оригинальной и беспокойной, со свойственной ей наивной серьезностью, с грубой, почти дикой и откровенной безграничностью и свободой, и в то же время горячей и нежной, как душа далекого народа широкой Волги. Такова сущность искусства Эрзьи. Искусства истинного, чисто инстинктивного и интуитивного, ко-

торое прежде всего стремится выражать и которое может и умеет жить вне всяких академических предрассудков, вне школы, формул, почти вне техники, оставаясь оригинальным и самобытным. Исходя более из глубины чувства, он не ищет чистоты линий и форм, и оттого его произведения сами по себе просты и понятны, в них не чувствуется ни той сухости, какую проявляют многие современные художники в погоне за простотой, ни тех насильственных поисков примитивного выражения законченного синтеза или упрощения линий, от которых так рассеивается и расхолаживается прямое, естественное вдохновение»¹⁵.

С помощью Неббии работа Эрзья «Последняя ночь осужденного перед казнью» была принята на 8-ю выставку знаменитого Биеннале Венеции в 1909 г. Эта работа выполнена в цементе и находилась под номером 47 в зале 4 («Международный зал: художники, допущенные жюри»). Большой успех молодого скульптора на венецианской выставке открывает ему двери наиболее значительных экспозиционных залов Италии и Франции. Таким образом, Италия становится страной, которая его признает и освящает как художника (подобная ситуация сложилась еще и потому, что работы, созданные прежде в России, не сохранились). Представленная на выставке скульптура изображала полуобнаженную фигуру, в которой видно полное сходство с автором; мужчина напряженно вслушивается, уставившись взглядом на нечто непостижимое напротив него. По существу, скульптура представляет собой героический и трагический образ осужденного на смерть революционера. Эрзья в течение своего пребывания в Москве некоторым образом разделял идеи молодых студентов-революционеров и был свидетелем трагических событий Первой русской революции, почему и чувствовал необходимость выразить свои переживания в художественном произведении.

После этой работы Эрзья удостоился лестного титула «русский Роден». Вот что писал о «Последней ночи...» в своей статье Сергей Мамонтов: «Степан Дмитриевич Эрзья¹⁶, единственный представитель России на выставке, поддержал честь русского искусства. Его статуя “Последняя ночь” властно привлекает внимание своим трагизмом и является горячим протестом про-

тив смертной казни»¹⁷. К сожалению, это произведение не сохранилось.

Другие скульптуры того периода были вдохновлены русской жизнью, но в то же время связаны с личным опытом художника, отражая его стремление к выражению человеческих страданий. Некоторые из этих работ выделяются особой сатиричностью (например, «Поп»), другие же пропитаны сильнейшим трагизмом («Распятый Христос»), иные несут этические послания, как та же «Последняя ночь». Когда эти первые работы Эрзьи появились перед изысканной европейской публикой, в них уже были видны его художественная индивидуальность, уверенная рука и оригинальный стиль.

Среди других значительных работ итальянского периода — «Автопортрет» (1908), «Кричащий Христос» (1910) и «Марта» (1912). В этих трех скульптурах особенно чувствуется влияние Родена и русских скульпторов-импрессионистов. Эти работы являются выражением страдания или портретом человека чувствительного, эмоционального и незащищенного, измученного одиночеством и бедствиями.

Благодаря заинтересованности Неббии, Эрзья участвует в Миланском салоне, где имеет большой успех у публики его скульптура «Поп». Диковатое и живое лицо священника в передаче ваятеля вызвало, однако, настолько сильное возмущение католической Церкви, что впредь ни одна из его работ не принималась итальянскими музеями и галереями. Ничего другого не оставалось, как уезжать из Италии. Неббиа советует ему перебраться во Францию, в Ниццу, где его принимает графиня Альтенберг, и там Эрзье удастся выставить свои работы, имевшие триумфальный успех.

Итог Международной выставки искусств в Ницце освещали газеты России «Речь», «Новое время», «Солнце России», «День», «Одесские новости», «Раннее утро», «Киевская мысль» и другие, все в один голос признавшие, что Эрзья таит в себе великие способности и могучую силу. Известный писатель А.В. Амфитеатров¹⁸ в 1910 г. в газете «Речь» писал о скульптуре «Тоска»: «Когда я взглянул на эту вещь, моей первой мыслью было: это музыка Бетховена, окаменевшая в мраморе»¹⁹.

Однако в ближайшем будущем фортуна опять оставляет скульптора: общение с постоянно разочаровывающими его людьми вынуждает Эрьзу переехать в Париж, где, впрочем, его ожидало то же, что и в Милане: одиночество, безденежье, скитание по углам (поддержка пришла от его доброго друга Г. Лопатина). Во французской столице Эрьзя создал ряд скульптур, важных не только для его творческого роста, но и для воплощения насущных идей современности; среди них — портрет Л. Толстого. В 1911 г. в Парижском салоне Эрьзя выставил «Каменный век», голову Христа и изящную «Марту». В том же году он представил в Риме скульптуру «Распятый Христос», в которой воплощена одна из наиболее трагических его концепций, человеческая и божественная в одно и то же время.

Имя Эрьзи появляется в русской и французской печати. Наконец-то улучшается и его финансовое положение, но, к сожалению, ему не удастся воспользоваться своими средствами. Он решает довериться некоему аргентинцу С. Марино, который, оценив исключительное мастерство Эрьзи, предлагает себя в качестве агента по продаже работ. Эрьзя принимает предложение, но Марино не предоставляет ему материал для работ, как обещал ранее, требуя при этом, чтобы тот выполнял заказы. Вскоре Эрьзя лишается своей студии и зарабатывает очень немного, поскольку почти все доходы забирает Марино. Попав снова в безденежье, Эрьзя решает вернуться в Италию, и после недолгого пребывания в Милане едет вначале в Специю, а затем в Каррару: как скульптор, он не может не посетить центр добычи материала, увековечившего великие творения мастеров прошлого.

Прибытие в Каррару совпадает с новой творческой фазой в художественных произведениях Эрьзи. Он поселяется вблизи знаменитых мраморных карьеров, где осваивает работу с мрамором и где к нему приходит понимание, насколько важно сочетать идеально обработанную поверхность материала с нетронутой фактурой камня. Можно сказать, что сюжеты скульптур Эрьзи напрямую связаны с материалом, из которого они выполнялись. Следовательно, классификация скульптурного материала становится фактически и классификацией его сюжетов. Скульптуры Эрьзи из цемента и железобетона относятся к

раннему периоду творчества. Формально их сюжеты тяготеют преимущественно к социальной проблематике, однако было бы правильнее говорить лишь о выражении определенного рода экспрессии, эмоционального состояния, связанного с социальными конфликтами. Мраморные скульптуры Эрзья созданы по иной логике. Как и сам материал, эти фигуры монументальны и статичны, они как бы высвобождаются из камня: камень для Эрзья изначально монументален и натурален, и его обработка — лишь довершение замысла природы. Использование дерева совпадает с его пребыванием в Аргентине, куда он попал в 1927 г.: его работы из кебрачо и альгароббо, по сути, имеют два типа сюжетов: с одной стороны, это воображаемые лица, либо наделенные причудливым национальным колоритом, либо выражающие сильные эмоциональные состояния, с другой — портреты исторических и мифологических персонажей.

В Карраре Эрзья живет в центре города в гостинице «Гарибальди», в ожидании, когда Марино переведет, как было договорено, в один из банков Каррары, его гонорары. К сожалению, деньги не прибывают, и эта ситуация создает напряженные отношения с владельцем гостиницы. Тогда с помощью местных скульпторов Эрзья находит небольшой барак, где ваяет мраморную скульптуру «Поцелуй». Увидев это необыкновенное творение, хозяин гостиницы не только не высказывает более денежных претензий, но даже предоставляет скульптору материал и инструменты для работы. В Карраре Эрзья ведет жизнь очень замкнутую, полностью посвящая себя работе.

К сожалению, источники, говорящие о переезде мастера из Каррары в Специю, между собой не совпадают: согласно одним, он приезжает в Специю к Амфитеатрову, узнав, что там находился Г. Лопатин; согласно другим, остается жить в Карраре, пока не узнал от Амфитеатрова, с которым был в контакте, что официально объявлен конкурс на выполнение статуи Иоанна Крестителя для недавно выстроенной в Специи церкви. По третьим же свидетельствам, в Карраре его навещает Неббиа, и именно он сообщает Эрзье об этом конкурсе. Скульптор, в конце концов, переезжает в Специю, где ваяет статую Иоанна Крестителя, а затем туда едет Лопатин посмотреть на его статую (Эрзья и Лопатин вместе навещают Амфитеатрова).

Как пишет Моро, «скульптура Иоанна Крестителя была изваяна из мрамора в короткий срок, и слух об этом распространился на всю округу. К новому католическому собору, в нише которого над входом в храм была поставлена скульптура, собралась масса народу. Сюда шли пешком, ехали на поезде, плыли морем. Это был настоящий праздник для тысяч итальянцев и для самого скульптора»²⁰. Однако проведенные исследования и интервью со знатоками местной истории не свидетельствуют ни о сооружении в те годы в Специи или ее окрестностях какой-нибудь новой церкви, ни о создании беломраморной статуи Иоанна Крестителя...

Единственная статуя Иоанна Крестителя, выполненная Эрзей и имеющая подпись самого скульптора, датируется 1914 г. и сейчас находится в доме священника церкви в Феццано, небольшом рыбацком поселке (именно там, на роскошной вилле Буриасси, выходящей к заливу Специи и существующей поныне, жил литератор Амфитеатров с семьей). Однако статуя эта исполнена не из белого мрамора, а из цемента. Автор статуи оставался неизвестным вплоть до января 2004 г., когда не без помощи краеведов работа была атрибутирована автором этих строк как произведение Эрзи. В одном авторитетном очерке под названием «Русские изгнанники на Ривьере Специи» можно прочесть: «Один из них, скульптор — к сожалению, оставшийся неизвестным — взяв за модель своего юного сына, изготовил статую <...>, подаренную впоследствии приходу в Феццано»²¹. Из этого следует, что целых 90 лет автор произведения оставался неизвестным...

Статуя Иоанна Крестителя, бывшая в течение 50 лет в нише над входом в церковь, считалась «скандальной» в приходе, была снята и замещена изображением святого, выполненным другим автором в соответствии с традицией. С тех пор, то есть с конца 1960-х гг., она находится в одном из помещений храма. Выполненная почти в натуральную величину, статуя сохранилась в довольно хорошем состоянии, несмотря на следы атмосферных явлений, которые в течение полувека оказывали на нее свое действие.

Иоанн Креститель, изваянный Эрзей, похож на подростка, что не имеет ничего общего с каноном этого святого. Согласно

некоторым источникам, Эрзья для изображения святого взял за образец одного из сыновей Амфитеатрова. Композиция несколько напоминает Иоанна Крестителя, исполненного Роде-ном в бронзе в 1878 г., хотя лицо, в особенности нос и разрез глаз, соответствует типичному и уникальному стилю Эрзьи.

В своей монографии об Эрзьи Полевой приводит интересное мнение о скульптуре: «Из лучших скульптур того времени мне лично довелось видеть лишь эту, статую Иоанна Крестителя. Это действительно отличная скульптура. <...> Италия – страна прекрасных скульптур. Итальянские церкви – это музеи ваяния и живописи. И то, что “Иоанн” Эрзьи не выглядит выскочкой, парвеню в компании святых, принадлежащей резцам знаменитых итальянцев, служит уже достаточной оценкой мастерства скульптора. В то же время этот “Иоанн” очень выделяется среди своих итальянских коллег-святителей. Сразу бросается в глаза подчеркнутая народность, больше того, простонародность образа. В лице святого, изображенного стройным юношей, что-то такое крестьянское, может быть даже русское»²².

Разной в источниках наблюдается и относительно факта проживания Эрзьи в доме Амфитеатрова, еще с 1910 г. обитавшего в Феццано. Точно известно лишь, что Эрзья жил у писателя до переезда в соседний городок Леванто, где и оставался до лета 1914 г., когда вернулся на родину. По некоторым источникам, тот же Амфитеатров устраивает в Леванто небольшую студию, где скульптор имеет возможность спокойно работать. Как пишет М.С. Осоргин, живший в колонии русских в Сори и Кавиди-Лаванья: «В этот раз в Леванто меня ждали две новости: студия экстравагантного скульптора Эрзьи, отвергающего традицию (и он зря ее отвергает!), и студия, созданная совместно двумя супругами, которые вместе пишут и подписывают свои романы и рассказы»²³.

В период пребывания в Специи маэстро, помимо упомянутой статуи Иоанна Крестителя, сохранившейся в Феццано, создает многочисленные произведения из белого мрамора, в том числе – «Мальчик с ребенком», «Агриппина», «Братство» и еще две статуи, недавно найденные, оставшиеся незаконченными, а также эскизы. Все эти вещи остались у Амфитеатрова, кроме статуи «Братство», которая, как можно прочитать в статье, опублико-

ванной в еженедельнике «La Spezia» от 5 февраля 1914 г., была подарена писателем Кооперативному обществу в Феццано. В статье не говорится об авторе статуи, но ее описание и материал (белый мрамор) дают нам основание предполагать, что это именно статуя «Братство», выполненная Эрзей и подаренная Амфитеатрову. В статье говорится: «совсем недавно он [Амфитеатров] посетил кооператив вместе с некоторыми своими близкими друзьями, чтобы лично вручить этому обществу прекрасный подарок, представляющий собой великолепную и художественно выполненную скульптурную группу из мрамора, воплощающую Братство»²⁴.

Мраморная голова «Агриппина», одна из лучших вещей Эрзи, детально описана в фельетонах Амфитеатрова. Эрзя намеревался выставить ее в русском отделе на Всемирной выставке искусств в Венеции, но из этого ничего не вышло. Жюри русского отдела находилось в Петербурге, Эрзя послал туда фотографии «Агриппины» с предложением выставить ее. Из Петербурга просили прислать оригинал, но это было невозможно, и «Агриппина» так осталась у Амфитеатрова. Видимо, на эту работу Эрзю вдохновило произведение Амфитеатрова «Зверь из бездны», где описывалась кровавое правление Нерона, и очень ярко была представлена его мать Агриппина, дочь императора Тиберия. Эрзя был так поражен этим персонажем, что вырубил ее скульптурный портрет за несколько дней. Когда знакомые ваятеля собрались смотреть его работу, они были поражены силой психологического действия образа. Амфитеатров же, много лет изучавший этот период римской истории, удивился художественной пронизательности Эрзи, сумевшего уловить в Агриппине главные черты ее характера и отобразить их с большой силой. Амфитеатров старался ввести Эрзю в круги русских эмигрантов и самих итальянцев. В одной своей статье он писал: «Итальянцы смотрят на чудеса, которые превращаются из глыбы мрамора под волшебным молотом Эрзи, и только рты разевают: вот это художник!»²⁵.

Эрзя выполняет и изумительную беломраморную статую «Энергия» для редакции журнала с тем же названием, основанного Амфитеатровым в Леванто. Это периодическое издание было обращено к русским интеллектуалам-эмигрантам и освеща-

ло вопросы культуры. Осоргин говорит о самой редакции, которую он посещает сразу же по приезде в Лигурию, и о ее месторасположении: «Местечко Леванто, чистое и не лишенное элегантности, находится на море в полукруге гор, имеет среди других своих ценностей прекрасный воздух, бульвары и горы. Его предзначение — возбуждать энергию в русском читателе. Именно здесь находится редакция периодического сборника “Энергия”. “Энергия” — это центр литературных новостей, куда пребывают все русские газеты и журналы»²⁶.

Летом 1914 г. Эрзя получил предложение от Алатырской городской думы возвратиться в Россию для участия в постройке и организации музея его имени. Распростившись с Амфитеатровым, он едет в Милан порадовать своего старого друга Уго Неббио и проститься с ним, оттуда — в Париж, где пробыл около месяца и, закончив свои дела, в мае 1914 г. выехал в Петербург. Италию скульптор покинул навсегда.

Вернувшись в Россию, Эрзя работает в Москве, Екатеринбурге, Новороссийске, Батуми и Баку. Он вновь покидает свою родину в 1927 г. и переезжает в Буэнос-Айрес, где остается до 1950 г. 24 ноября 1959 г. Степан Эрзя скончался в Москве и был похоронен в городе Саранске, в родной Мордовии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Nebbia U. Il Viandante. Milano, 1910; цит. по: Сутеев В.Г. Скульптор Эрзя. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1968. С. 81.

² Сутеев В.Г. Воспоминания о скульпторе С.Д. Эрзе. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1972.

³ Полевой Б.Н. Степан Эрзя. Саранск, 1969.

⁴ М.Г. Сергеев, советский посол в Буэнос-Айресе в 1945–1947 гг., был близким другом Эрзи во время пребывания того в Аргентине и помог ему возвратиться на родину в 1950 г.; воспоминания Сергеева, скончавшегося в 1993 г., пока остались неизданными.

⁵ Моро А. Степан Эрзя. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1997.

⁶ Kann A. Erzia. Viva y orbas rebeides y peculiares Stepan Nefedov [Канн А. Эрзя. Жизнь и произведения непокорного Степана Нефедова]. Buenos Aires, 1936.

⁷ См. также: Степан Дмитриевич Эрзя. Женские образы: Альбом. М.: Советский художник, 1974; Шибакон Н. С. Д. Эрзя. Проблемы творчества. Саранск, 1976; Абрамов К. Г. Степан Дмитриевич Эрзя. Биографический очерк. Саранск, 1979; Ильев М. Степан Эрзя вдохновил. М.: Связь-Принт, 2001; Петрухин В. Ночной разговор с Леоном; Гагаевый А. А. Самобытность Степана Эрзи; Владимирская С., Владимирский Т. Покоривший кебрачо // Странник. 2001. № 5. С. 71–93; Сергеев К. В. Мысль в дереве: скульптурный канон Степана Эрзи // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2004. № 6 (18).

⁸ См.: Медведовский П. Миланский узел скульптора Эрзи // Искусство. 1985. № 10. С. 180.

⁹ «Emporium» был важнейшим периодическим изданием итальянской литературы, искусства и науки, внимательно следившим за развитием итальянского изобразительного искусства и художественно-историческими и социально-историческими проблемами, выражаемыми в нем. Кроме того, издание представляет собой большую ценность благодаря биографическим и искусствоведческим документам и иллюстративному материалу, так как давало постоянные обзоры наиболее значительных выставок и экспозиций. Основан в январе 1895 г. П. Гаффурри, прекратил свое существование в декабре 1964 г.

¹⁰ Винченцо Вела (1820–1891), получив образование в миланской академии Брера, преподавал в Альбертинской академии в Турине в 1852–1867 гг.; в этот период создал свои наиболее значительные работы, среди которых – «Последние дни Наполеона». Принадлежал к течению веризма; работа, наилучшим образом представляющая его творческое кредо, – барельеф «Жертвы труда» (1883).

¹¹ Джулио Монтеверде (1837–1917), автор многочисленных памятников, посвященных Маццини и Беллини, а также скульптурных групп, в том числе – «Йеннер делает прививку сыну» (Галерея современного искусства в Генуе), имевшая большой успех на экспозиции в Париже в 1878 г.

¹² Моро А. Степан Эрзя... С. 47.

¹³ Кремер Иза Яковлевна (1887–1956), дебютировала в одесской оперетте, затем выступала как эстрадная певица, самостоятельно переводя итальянские, французские и немецкие песни своего репертуара на русский язык и нередко сама сочиняя тексты.

¹⁴ Моро А. Степан Эрзя... С. 52.

¹⁵ Цит. по: Сутеев В. Г. Скульптор Эрзя... С. 92–93.

¹⁶ Именно после венецианской выставки Степан Нефедов получил псевдоним Эрзя.

- ¹⁷ 100 великих скульпторов. М., 1980. С. 390.
- ¹⁸ См. о нем статью Э. Гаретто в наст. изд. — *Примеч. ред.*
- ¹⁹ Цит. по: Моро А. Степан Эрзя... С. 67.
- ²⁰ Там же. С. 95.
- ²¹ Cazzola P. Esuli russi sulla riviera spezzina // *Viaggiatori stranieri in Liguria / A cura di E. Kanceff. Ginevra: Centro Interuniversitario di Ricerche del Viaggio in Italia, 1992. P. 258.*
- ²² Полевой Б.Н. Степан Эрзя... С. 23.
- ²³ Цит. по: Весса Pasquinelli A. La colonia russa di Sori e Cavi di Lavagna // *Viaggiatori...* P. 275–276.
- ²⁴ Dal Fezzano La Spezia. Settimanale repubblicano. 1914. 5.II. A. VIII. № 6.
- ²⁵ Моро А. Степан Эрзя... С. 101.
- ²⁶ Цит. по: Весса Pasquinelli A. La colonia russa di Sori... P. 276.

РЕНЕ КЛЕМАНТИ-БИЛИНСКИЙ (*Париж*),
Н.В. РЫЖАК (*Москва*)

БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ БИЛИНСКИЙ, ХУДОЖНИК ТЕАТРА И КИНО

Почти забытый в наши дни, Борис Билинский при жизни был признанным художником, в первую очередь, как мэтр декорации и костюма. «В иллюстрациях, костюмах, плакатах Борис Билинский быстро занял одно из ведущих мест среди мастеров Франции», — читаем мы, например, в журнале «Кинематограф» за 20 мая 1927 г. Упоминания о нем и его фотографии можно встретить рядом с фотографиями А. Бенуа и И. Билибина (их даже называли «три Б») в программах воспоминаний, которые он иллюстрировал вместе с ними и которые были изданы Русской оперой в Париже в начале 30-х гг. Как же складывалась творческая судьба этого художника?¹

Борис Константинович Билинский родился 21 сентября 1900 г. в Бендерах в семье дворянина польского происхождения (его отец-офицер стоял в Бендерах в то время с гарнизоном). Герб семьи Билинских с изображением креста, попирающего полумесяц, оттиснут на многих работах художника. Казалось, сама судьба уготовила ему путь в армию, и он прошел кадетскую, затем военную школу и позже — курс университета, хотя очень любил музыку и мечтал стать дирижером. Однако Гражданская война поломала все планы. В 1920 г., после разгрома Белой армии и гибели отца, Борис Константинович был вынужден уехать из России в Германию с матерью и тремя сестрами. В Берлине он отдался истинному своему призванию: стал изучать законы театра, декорационного оформления спектаклей и сценографию под руководством немецкого режиссера Макса Рейнхардта. Среди его учителей были профессора [Н.В.] Майер

и Балушенко, русские художники Сергей Судейкин и Борис Гребенщиков. В немецкой столице он начинает работать в качестве художника сразу в нескольких русских театрах, в том числе в кабаре «Голубая птица». В 1922 г. Билинский уже участвовал в выставке молодых художников в Берлине. Его работы были замечены, о них вышло много хвалебных публикаций.

В 1923 г. он переезжает в Париж, где, естественно, вливается в сообщество русских эмигрантов. Среди них находился Л. Бакст, у которого Борис Константинович учится живописи. При этом он работает для театров («Chauve-Souris» («Летучая мышь») Н. Балиева и «Радуга»), устанавливает дружеские связи с Г. Анненковым и С. Лисским. Решающее значение для его карьеры имела встреча с И. Мозжухиным: с этого момента он активно работает в кино как декоратор, костюмер и художник афиш в составе группы русских студий «Альбатрос» в Монтрё².

С 1921 г. за карьерой Билинского можно проследить по европейской прессе: сначала по русским эмигрантским газетам, затем по французской, немецкой и итальянской печати — по периодике тех стран, где активно работал художник. С другой стороны, Борис Константинович печатает и собственные статьи, где излагает личные концепции о композиции декора, костюма и киноплаката. Обновляя и модернизируя традиции Бакста, он создает полные фантазии костюмы для фильма «Лев Моголов» Ж. Эпштейна в 1924 г. Его костюмы были сразу замечены, а афиша к фильму принесла автору золотую медаль на Международной выставке декоративного искусства в Париже в 1925 г.

В мае 1928 г. в прессе появилось сообщение об основании Борисом Константиновичем общества «Альборис». Билинский становится известным художником кино. Он участвует в работе над такими популярными фильмами, как «Казанова» (1927), «1475» (1927), «Тараканова» (1929), «Шехерезада» (1928) и др. Основной причиной его интереса к кинематографу была возможность добиться полного синтеза изображения, движения и звука. В те годы Билинский создавал афиши, которые были понастоящему модернистскими (более 20 афиш этого периода хранятся во Французской синематеке и Французской национальной библиотеке). Пресса 1930-х гг. отмечает Билинского как «одного из лучших», «самого знаменитого художника киноафиш»³.

В 1930 г. он дебютирует в Русской опере: его декорации и костюмы для оперы Глинки «Руслан и Людмила», впервые представленные во Франции, становятся сенсацией, хотя надо сказать, что не всеми они были приняты и вокруг них кипели споры. На рубеже 1920–1930-х гг. Билинский отдает себя в равной степени и кино, и балету, активно работая над созданием костюмов и декораций для Русского балета, основанного Дягилевым, Русской оперы Парижа, Русского балета Монте-Карло, балетов Ольги Спесивцевой и Брониславы Нижинской. В 1934 г. он расписал интерьер знаменитого русского кабаре «Шехерезада» на рю Лъеж в Париже, которое было любимым местом встреч парижских артистов. Репортер того времени писал: «В целом манера декоративных работ Бориса Билинского этого времени идет от стиля “модерн” с явно ощутимым привкусом трагического надлома, свойственного 30-м гг. Но прежде всего Борис Билинский — великолепный мастер, виртуоз, тончайший стилист, обладающий поразительным “культурным инстинктом”⁴. А вот другой отзыв: «Красивы и оригинальны декорации художника Бориса Билинского, выдержанные в стиле красочного русского лубка...»⁵.

В мае 1937 г. в Лондоне торжественно отмечалась коронация Георга VI. Королевская опера Ковент-Гарден по этому случаю приготовила постановку лирической драмы «Пеллеас и Мелизанда» К. Дебюсси, костюмы и декорации к которой были созданы Билинским. В том же году Борис Константинович успешно участвует во Всемирной выставке в Париже и получает очередную золотую медаль. Он работает для многих театров Парижа, Лондона и Нью-Йорка. Так продолжалось до начала Второй мировой войны.

Наступили тяжелые времена. Сын русского офицера, 39-летний Билинский был готов немедленно отправиться служить в действующую армию, однако французские военные власти ответили отказом на его просьбу. Борис Константинович решает покинуть Париж. Его юная жена-итальянка ожидала ребенка, и семья Билинских в 1940 г. переезжает в Рим к ее родителям. В Италии художник продолжает плодотворно работать: главным образом, на киностудии «Титанус-фильм» и в Ла Скала. Одна из главных работ того времени — серия «Музыка в красках». Если

для Билинского кино было работой, живопись — реализацией его таланта, то музыка — его страстью. Он мечтал объединить живопись, музыку и кино в одно гармоничное целое. Малоформатные альбомы, хранящиеся в коллекции семьи художника, представляют собой поразительные по смелости, новаторству и глубокому музыкальному чутью переложения произведений Дебюсси, Прокофьева, Равеля, Берлиоза, Скрябина в форме абстрактных композиций. Каждому музыкальному повороту художник искал изобразительный аналог, стремясь развернуть музыкальную фразу и претворить звук в цвет и форму. Он обсуждал с Уолтом Диснеем возможность кинематографически воплотить музыку в красках, и они договорились встретиться для работы над музыкальным мультфильмом, но не пришлось...

Итальянский период творчества Билинского — очень личный, сильно отличающийся от того, что делал мастер по коммерческим заказам. Речь идет об иллюстрациях к Апокалипсису — 30 акварелях, созданных в годы войны и буквально пронизанных чувством трагедии и страха. Художник хотел подготовить окончательную версию этой работы для парижской выставки, но кончина не позволила ему довести задуманное до конца.

В послевоенный период маэстро был серьезно болен. Его дважды оперировали в парижской клинике из-за рака желудка, но спасти не смогли. 3 февраля 1948 г. Борис Константинович Билинский скончался в Катании на Сицилии. Мунципалитет Катании, по инициативе его друзей, перенес прах художника на Аллею именитых людей; скульптор Пьетро Папаллардо создал бюст на его могиле.

Большое количество выставок его творчества проходит в разных странах. В Италии они состоялись в галерее Капаннина ди Порфири в Риме в 1955 г., в галерее Бовинкель на Капри в 1960 г.; в США — в галерее Леонарда Хюттона (Нью-Йорк) в 1975 г.; во Франции — в мэрии 7-го округа Парижа в 1999 г.

Какова же судьба творческого наследия мастера? В настоящее время учтено около 850 рисунков; более 500 из них хранятся в семейной коллекции Рене Клеманти-Билинского, внука художника. Среди них многочисленные эскизы костюмов для таких актеров, как Иван Мозжухин, Даниэль Дарье, Жаклин Делюбак

или Эдвиж Фейер. Около 150 из них, к сожалению, пока не идентифицированы, так как большая часть архива художника пропала в 1953 г. во время переезда семьи Билинских из Италии во Францию; та же судьба постигла многие рисунки и акварели. Однако существуют и работы, обнаруженные относительно недавно: они появились на публичных торгах во Франции в апреле 1993 г. и были приобретены Музеем современного искусства Италии⁶.

Большая часть рисунков Билинского для балета и оперы проданы в 1969 г. различным коллекционерам. Около десяти вошли в прекрасную коллекцию Н. Лобанова-Ростовского и регулярно экспонируются по всему миру.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы для данной статьи собраны преимущественно в частном архиве Р. Климанти-Билинского, внука художника; кроме того, привлечены следующие печатные источники: Художники русского театра: 1880–1930. М.: Искусство, 1994; Художники русского зарубежья, 1917–1939. Биограф. словарь. СПб: Нотабене, 1999; *L'art et les artistes*. 1938. Vol. 35. № 180; Незавершенный «Апокалипсис» // Русская мысль (Париж). 1948. 12 марта; Борису Билинскому с восхищением // Там же. 1993. 18–24 июня.

² История студии «Альбатрос» и роль Билинского в ее деятельности была широко раскрыта публике в ходе монографической выставки, прошедшей в октябре–декабре 1995 г. в Музее современной истории города Монтрё, и в книге Ф. Албера (*Albera F. Albatros: Des Russes à Paris, 1919–1929*. М; Сано: Mazzota; Paris: Cinema thème français, 1995. — 181 p.), которая была издана к выставке.

³ Derain L. *Les Affiches de cinema — polichromie pour blanc et noir* // *Art et Metiers Graphiques*. 1931. № 22. 15 mars. Одна из четырех афиш, созданных им для фильма «Метрополис» Ф. Ланга, на аукционе в Дрюо 8 декабря 1989 г. достигла рекордной стоимости в 120 тыс. франков.

⁴ Цит. по: Медведева О. Борису Билинскому с восхищением // Русская мысль (Париж). 1993. 18–24 июня.

⁵ Светлов В.Я. [Рец.] // Возрождение (Париж). 1933. 21 июня.

⁶ Заметим, что из-за отсутствия точных источников информации о творчестве Б.К. Билинского распространилось несколько ошибок. Одна из них относится к декорациям к «Шехерезаде», которые иногда ошибочно атрибутируются Билинскому, в то время как их автором был

художник Иван Лошаков, входивший в сообщество «Альборис». Анонимная афиша для фильма «Метрополис» приписывается Билинскому в справочнике «Афиши кино, сокровища Национальной библиотеки Франции. 1896–1960», но в фондах этой библиотеки хранится совсем другая афиша. В то же время макет-коллаж декораций для этого же фильма часто приписывается Фрицу Лангу, хотя эта работа выполнена Борисом Константиновичем.

МАРИНА МОРЕТТИ (*Сан-Ремо*)

СВЕДОМСКИЕ: ВЗГЛЯД ИЗ ИТАЛИИ

Вплоть до 1973 г. в Сан-Ремо в милым доме, обращенном прямо к морю, обитала русская дама, Анна Александровна Сведомская, вместе с супругом Паоло Мануэль-Джизмонди, адвокатом по профессии, и сыном Микеле, перенявшим затем отцовское дело. В небольшом провинциальном городке эту даму окружал экзотический ореол, не без влияния ее страсти к живописи, разделяемой и мужем: Анна Александровна вместе с ним собрала отменную домашнюю пинакотеку.

Русская дама вела в Сан-Ремо размеренный образ жизни, имела массу мелких привычек, как, например, полуденная игра в карты. Она бережно поддерживала отношения с соотечественниками, которых тогда еще оставалось немало на лигурийском курорте, и славилась знанием этикета и европейских языков¹. Однако мало кому было известно, что начальный этап ее биографии полон сложными жизненными перипетиями.

Анна Александровна — дочь художника Александра Сведомского (1848–1911) и, соответственно, племянница его брата, также художника Павла Сведомского (1849–1904). Они оба родились в Петербурге и скончались в Риме, жили и работали в разных местах Европы, но были хорошо известны в России на рубеже XIX–XX вв. Эти «беспечные россияне», как их называл в своих воспоминаниях Михаил Нестеров, каждый год проводили зимние месяцы в Риме, работая над историческими и жанровыми картинами в собственной мастерской на виа Маргутта и посещая знаменитое кафе «Греко», где собиралось международное общество, временно или постоянно пребывавшее в Вечном городе.

Об атмосфере этого кафе и о произведении П. Сведомского — известном медальоне-портрете Юголя, спустя годы поведал рус-

ский журналист-эмигрант Николай Кремнев: «...Многие ваши соотечественники (статья организована в виде интервью с хозяином кафе Федерико Губинелли. — М. М.), уже на моей памяти, еще задолго до Первой мировой войны проживавшие в Риме, были завсегдатаями у нас здесь. <...> Вот здесь, за этим столиком, как об этом знали все ваши соотечественники, имел обыкновение сидеть Гоголь — видите, тут над диваном висит медальон работы Павла Сведомского, изображающий знаменитого вашего писателя. Представьте себе, синьор, как-то утром, было это вскоре после той войны и революции, которая у вас в России тогда приключилась, заметил я, что медальон исчез, — наверное, это было делом рук какого-нибудь уж слишком рьяного поклонника вашего великого Гоголя. К счастью, вскоре после того, как медальон этот был тут прикреплен, меня как-то осенила мысль сделать с него набросок — ведь я сам художник и миниатюрист, и мне очень легко удалось восстановить пропажу <...> этот медальон уже не подлинник, к сожалению»².

Именно в этом популярнейшем римском кафе «подобрал их [Сведомских] Прахов, привел их в Киев и заставил одного из них, Павла, расписывать Лазарями и Пилатами постылый им Владимирский собор»³. В Киев они поехали вместе, так как, по словам М. Нестерова, посвятившего им слегка ироничную главу своих воспоминаний «“Пупа” и “Барон”»⁴, они были «немыслимы порознь». Когда уже немолодой Александр женился, в России сказали, что «Сведомские женились»⁵.

В результате этого бракосочетания и появилась на свет в Петербурге в 1898 г. единственная дочь Анна. Ее мать, Анна Николаевна Кутукова, была красивой и талантливой женщиной, пробовавшей себя и в музыке (фортепиано и пение), и в литературе. Ее перу, согласно неизданным воспоминаниям племянника Леонида Николаевича Кутукова, принадлежали два романа: первый, «Алхимик», по словам племянника, был опубликован в каком-то российском журнале; второй, «Иван-Царевич», сохранился на итальянском в рукописи, датированной «зима 1915–16 гг., Завод Михайловский».

Молодая жена, ровно вдвое моложе супруга, проживала в Риме с 1896 г. вместе с сестрой Александрой, в замужестве Мартиновой, драматической актрисой. Таким образом, дочь Анна, ко-

тору в семье звали Нита, сызмальства росла в божемной италорусской атмосфере. На одной из старых фотографий, хранимых в архиве семьи Мануэль-Джизмонди, брата Сведомские запечатлены изящно одетыми, в их просторном римском ателье, среди картин, статуй, богатой мебели – вся эта роскошь вскоре исчезла. После смерти художников (оба они были похоронены на римском некатолическом кладбище Тестаццо⁶) и начала Первой мировой войны две Анны, мать и дочка, вернулись в Россию, в Петроград. Управление собственностью Сведомских в Завод-Михайловском доверили Григорию Николаевичу Кутукову, брату Анны Николаевны. Ее сестра, Александра Мартынова, осталась в Италии в г. Бассано-ди-Сутри (провинция Рима), куда Анна часто посылала письма и открытки. В одном письме без даты, отправленном из Алупки, Анна сообщает, что зимует в Крыму из-за подозрения на воспаление легких у Ниты и что девочка берет уроки ваяния и пения с отличными результатами. Здесь же она делится намерением переселиться навсегда в Италию в случае успешной продажи собственности. В другом письме (открытке), написанном в Одессе, Анна рассказывает, что ожидает публикацию своей книги.

О прочных связях с черноморским побережьем свидетельствует и нотариальный акт о покупке крымского имения в три десятины, подписанный 8 февраля 1917 г. в Ялте. Когда же разразилась революционная буря, в том же Крыму, на даче, снятой внаем в Новом Месхоре, мать и дочь решили дожидаться подходящего момента, чтобы уехать в Италию (вероятно, собственное имение было спешно продано). Нам известно об этом драматическом периоде из нескольких документов, в том числе – из официального сообщения Ялтинского филиала Госбанка о конфискации вклада А.Н. Сведомской в 56 998 рублей, произведенной 7 марта 1918 г. согласно решению Ялтинского совета рабочих и солдатских депутатов. В одном письме Анна Николаевна сообщает о распродаже личных вещей с целью набрать 20 тысяч рублей, необходимых для отъезда. Судя по тону крымских посланий, Сведомская, как и многие другие люди ее круга, пусть и крайне обеспокоенные происходящим, не отдавали себе полного отчета в его серьезности: так, она выражает надежду, что вскоре ей удастся вернуть конфискованные средства и что боль-

шевики продержаться крайне недолго; при этом ее беспокоит состояние дел в Риме, где «ждут долги» (письмо, датированное 30 ноября/13 декабря 1918 г.⁷).

В 1919 г. двум Аннам и няне Прасковье удалось-таки сесть на пароход, на котором, по сообщению М. Мануэль-Джизмонди, уплывала из Крыма и императрица Мария Феодоровна, бывшая датская принцесса Дагмара.

Естественно, сначала эмигрантки обосновались в Риме. Судя по открытке, отправленной Нитой 26 августа 1920 из г. Атри (провинция Казерты), ее мать вместе с сестрой Александрой проживала по адресу виа Маргутта, № 33, то есть в историческом ателье братьев-художников. Однако уже в следующем году Александра оказывается в Сан-Ремо, куда она, восхищенная местным климатом, зовет Анну и Ниту, в то время как «в Риме зимою холодно». И в самом деле, вскоре мать и дочь Сведомские объявляются вблизи Сан-Ремо, в местечке Арма-ди-Таджа (Arma di Taggia). От этого периода (весна 1922 г.) сохранилась выразительная фотография: Нита лепит из гипса бюст кузена Л.Н. Кутукова, в то время как портретируемый облокотился на парапет морской набережной. На снимке видно и мастерство художницы, прекрасно передавшей портретное сходство. Позднее Нита оставила ваяние, от которого практически ничего не осталось, и увлеклась живописью.

В 1924 г. женщины (вместе с няней) окончательно обосновались в Сан-Ремо, где в 1925 г. закончился земной путь Анны Николаевны Сведомской⁸. Сестра Александра ее намного пережила, скончавшись в том же лигурийском городе в 1951 г., и похоронена на новом городском кладбище Армеа.

В 1927 г. Нита вышла замуж за адвоката Паоло Мануэль-Джизмонди, принадлежавшего к старинному санремскому роду: в следующем году на свет появился Микеле, единственный их сын. В дом мужа Нита перевезла уцелевшие картины отца и дяди, она и сама активно занималась живописью (до 1930-х гг.). На профсоюзной выставке в Генуе (Mostra sindacale d'arte) в 1931 г. она выставила один натюрморт, а на Первой выставке художников-санремцев (Prima mostra d'arte degli artisti sanremesi) в ноябре 1931 – январе 1932 – целых шесть картин: «Благочестивое чтение» («Pia lettura»), «Е<го>П<ревосходительство> герцог Бореа

д'Ольмо» («S.E. il Duca Borea d'Olmo»), «Мой ребенок» («Mio bambino»), «Мой муж» («Mio marito»), «Портрет» («Ritratto») и натюрморт, уже представленный ранее в Генуе. Эти произведения, «пусть и демонстрирующие характерное русское происхождение, показывают отличное знакомство автора с современными тенденциями западного изобразительного искусства, в особенности с поэтикой художников XX века»⁹. Сходные оценки даны в пространной рецензии на картины Ниты, появившейся в местной печати: «Искусство этой молодой художницы любопытно соединением древней чистоты и смелости XX века. <...> Впечатляет своей выразительностью портрет няни за благочестивым чтением, напоминающий как фламандцев, так и современного шведского художника Ларсона. <...> В портрете барышни Андреевой искусство Сведомской обретает высокий стиль. И здесь мы видим влияние итальянцев XX века, но без имитирования, с сохранением яркой индивидуальности»¹⁰.

На этой выставке не была представлена другая яркая работа художницы, ее автопортрет, датированный 1928 г. и сохранившийся вместе с прочими произведениями в частном собрании Мануэль-Джизмонди. Несомненно, что талант Сведомской сформировался благодаря ее семейному окружению и художественным дарованиям Александра и Павла Сведомских. Однако впоследствии она не стала развивать свой творческий дар, сосредоточившись на реставрации и коллекционировании.

Художественные наклонности передались и ее сыну Микеле, также пробовавшему свои силы в живописи, однако тут возобладала стойкая страсть к египтологии, сопровождавшая всю его профессиональную жизнь адвоката. Микеле Мануэль-Джизмонди, которого все звали уменьшительным именем Миша, как принято было в семье, был хорошо известен в Сан-Ремо — всегда элегантный, сдержанный, немногословный. Автор этих строк узнала его еще девочкой, когда наблюдала со своего балкона соседский сад, в который выходил салон, где Анна Николаевна Сведомская проводила послеобеденное время за игрой в карты...

Потеряв мать и отца (П. Мануэль-Джизмонди скончался в 1968 г.), Микеле остался главным хранителем богатых семейных преданий. Мне, посвятившей себя изучению русской культуры, довелось часто беседовать с ним на языке его матери, которым

он с детства владел превосходно и который охотно использовал. Микеле гордился своими русскими корнями и ревниво берег картины братьев-художников Сведомских и своей матери. К сожалению, он не знал русской грамматики, и когда стал получать из России, из г. Перми и г. Чайковского, различного рода письма и статьи, обращался ко мне за помощью. Он был очень рад возродившемуся в России интересу к Сведомским и с удовольствием планировал свою поездку на Урал, в места, о которых много слышал, но видел лишь на картинах родных. Появился определенный интерес к Сведомским и в Италии: организаторы выставки русской живописи в Герцогском дворце в Генуе обратились к Микеле с просьбой предоставить несколько произведений из семейного собрания. К сожалению, ему не удалось увидеть эту интересную экспозицию: 17 апреля 2001 г. он скоростно скончался.

На выставке «Кандинский, Врубель, Явленский и русские художники в Генуе и на Ривьере. Променада в Лигурии», прошедшей в Генуе с 27 октября 2001 г. по 17 февраля 2002 г., из семейного собрания Мануэль-Джизмонди широкой публике были представлены: «Тайная вечеря», «Воскрешение Лазаря» и «Моление о Чаше» (эскизы для росписи Владимирского собора, 1887), «Озеро» и «Дача» (виды имения Сведомских, 1895–1900) работы А. Сведомского; «Портрет Анны Николаевны Кутуковой» (1896) работы П. Сведомского; «Мой муж (П. Мануэль-Джизмонди)» (1928) и «Портрет (барышня Андреева)» (1929) работы А. Сведомской.

Спустя 80 лет, в течение которых лишь редкие гости дома Мануэль-Джизмонди могли любоваться этими образами отдаленных пространств и времен, наконец-то, и эта страница истории стала известной широкой публике. Из семейного архива извлечены любопытные документы, письма, фотографии, которые еще послужат в деле реконструкции этого яркого русско-итальянского сюжета.

Авторизованный перевод с ит. М.Г. Талалая

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Cazzola P. I russi a San Remo tra Ottocento e Novecento. San Remo, 1990; Талалай М.Г. Русская церковь в Сан-Ремо. Сан-Ремо,

1994; Его же. Русская церковь в Сан-Ремо // Бомбардир: Военно-историческое приложение к журналу «Вооружение. Политика. Конверсия». № 14. 2001. С. 103–104.

² Кремнев Н. Гоголь в Риме // Наша страна. 1951. 10 нояб. № 95.

³ Нестеров М. В. Давние дни. М., 1959. С. 266.

⁴ Там же. С. 265–267. Прозвища эти были даны, так как, согласно Нестерову, Павел Сведомский напоминал семейству Праховых какаду, а Александр – средневекового феодала.

⁵ Там же. С. 267.

⁶ Гасперович В., Катин-Ярцев М.Ю., Талалай М.Г., Шумков А.А. Некатолическое кладбище Тестаччо в Риме. Алфавитный список русских захоронений. СПб.: 1999. С. 98.

⁷ Эти и другие цитированные документы из семейного архива Мануэль-Джизмонди любезно предоставлены доктором Этторе Ребекки, наследником последнего представителя семьи Микеле Мануэль-Джизмонди.

⁸ Похоронена на городском кладбище Фоче, в семейной усыпальнице Мануэль-Джизмонди; см. Талалай М.Г. Российский некрополь в Неаполе, Венеции, Сан-Ремо // Русско-итальянский архив / Под ред. А. Шишкина и Д. Рицци. Салерно, 2002. № 2. С. 431.

⁹ Lecci L. Arte russa a San Remo: Architettura e pittura tra Ottocento e Novecento // Kandinsky, Vrubel', Jawlensky. Passaggio in Liguria. Catalogo della mostra 27.10.2001–17.2.2002, Palazzo Ducale, Genova. Milano: Mazzotta, 2002.

¹⁰ R o l a n d o F. [Recensione] // L'Eco della Riviera, 27 gennaio.

В.В. ПЕТРАКОВ, А.С. ЧЕРНЫШОВА (Москва)

ХУДОЖНИКИ СВЕДОМСКИЕ В ИТАЛИИ И РОССИИ

В конце 2002 г. Департаментом по сохранению культурных ценностей Министерства культуры Российской Федерации с помощью экспертов Государственной Третьяковской галереи было установлено, что в Сан-Ремо в распоряжении итальянского наследника находится значительная часть художественного наследия и архив русских художников братьев Сведомских¹. Художники Сведомские внесли большой вклад в развитие российско-итальянских культурных связей: Павел Александрович Сведомский (1849–1904), исторический живописец и жанрист (участвовал в росписях Владимирского собора в Киеве), с 1875 г. поселился в Риме, Александр Александрович Сведомский (1848–1911), живописец-пейзажист, жил и работал в Риме вместе с братом².

Братья родились в Петербурге, но детство провели в «дворянском гнезде» в Осинском уезде Пермской губернии (сейчас село Завод-Михайловский Чайковского района Пермской области). Художники большую часть жизни работали в Италии, но с Россией никогда не прерывали связей: каждое лето приезжали в свое родовое имение, принимали участие во многих выставках отечественного искусства, посылая свои работы в Россию. Они участвовали в выставках Санкт-Петербургского общества художников, Общества выставок художественных произведений и Творчества художников. В 1883 г. Императорская Санкт-Петербургская академия художеств за работы 1880-х гг. признала Павла Александровича Почетным вольным общником. В обзоре выставки в Академии художеств в 1898 г. публицист и журналист Ф.И. Булгаков писал: «Подобно многим русским художникам, г. Сведомский (речь идет о Павле Александровиче, но то же можно сказать и о Александре Александровиче. — В.П., А.Ч.) был за-

мечен за границей раньше, чем в России. На выставках академии последних лет произведения его не были предметом общих толков, т.е. рецензенты обходили их молчанием. Между тем, мастерство г. Сведомского обличает поэтичность его темперамента, и сердечная искренность»³.

Сведомские принимали также участие и в выставках в Перми местного Общества любителей живописи, ваяния и зодчества. Благодаря их участию в уральских художественных выставках в Пермской художественной галерее оказалась замечательная картина Александра Сведомского «На дворе гостиницы в Риме» (1874) — художник сам подарил эту картину музею. Кроме того, в Пермской художественной галерее, ныне одном из крупнейших региональных музеев, имеются две картины Павла Александровича — «Две римлянки с бубном и флейтой» и эскиз «Шествие Христа на распятие». Этот эскиз — часть большой работы в Киевском соборе Св. Владимира, которая продолжалась пять лет.

К сожалению, большая часть произведений художников Сведомских находится не в России, а за ее пределами, особенно много, как указывается в периодике конца XIX — начале XX вв., — в Америке. Немало произведений Сведомских экспонируется в музеях стран СНГ. Одному из авторов этих заметок довелось увидеть в Кировоградском художественном музее большое (290x178 см) полотно П. Сведомского «Юродивый». Сотрудники музея сообщили, что до 1960-х гг. это произведение хранилось в семье киевского художника и искусствоведа Николая Адриановича Прахова.

В свое время, то есть еще в конце XIX в., отцу Н.А. Прахова, Адриану, подарил этот холст сам П. Сведомский, с которым он участвовал в росписи Владимирского собора в Киеве. Картина эта написана в Риме, и привез ли ее в Россию Сведомский для продажи или с другой целью, — точно не известно. Однако в конце концов «Юродивый» был подарен Адриану Прахову и оставался в семье до 1967 г. Дочь Н.А. Прахова Е. Мазюк подарила произведение Сведомского Кировоградской картинной галерее — возможно, потому, что картина такого размера вряд ли могла быть использована в интерьере обычной городской квартиры и хранилась в рулоне. Ее состояние было ужасным, потребовалось несколько лет, чтобы привести картину в порядок и

представить в экспозиции. Известно, что сюжет идущего по снегу босиком юродивого неоднократно повторялся Сведомским, и варианты этого произведения есть и в других музеях.

В России также можно встретить произведения братьев-художников. П. М. Третьяков, основатель всемирно известной Третьяковской галереи, купил работы А. Сведомского — «Улица в Помпее» (1882), «На берегу Тибра» (1886). В Новгороде находится картина П. Сведомского — «В мастерской», в Кировском художественном музее — «Женская головка», в Государственном музее изобразительных искусств Татарстана — «Мессалина», в Омском и Иркутском музеях — «Портрет ученого» и «Узница». Несколько произведений хранится в Государственном Русском музее⁴.

Несмотря на то что художники не жили в России, их имена, их творчество являются частью русской художественной культуры. Усадьба Сведомских в селе Завод-Михайловский Чайковского района отнесена к памятникам истории и культуры областного значения.

Как и многие памятники архитектуры России, усадьба семьи Сведомских пережила в советский период множество потрясений: после революции 1917 г. в имении была устроена школа, а затем пионерский лагерь. В начале 1990-х гг. усадьбу взяли в аренду и решили ее восстановить, и через несколько лет тут состоялось открытие усадьбы «Славянский двор». Вместе с восстановлением родового поместья семьи Сведомских началось более активное изучение истории ее владельцев. Ведь эта усадьба была своего рода «очагом культуры» второй половины XIX — начала XX вв.

В результате в 1999 г., к 150-летию со дня рождения Павла Сведомского, была организована Первая научно-практическая конференция, посвященная роду Сведомских. В 2001 г. состоялась вторая конференция, в 2002 г. — третья. Материалы этих конференций, в которых принимают участие преподаватели вузов, архивисты, искусствоведы, художники и журналисты, регулярно печатаются⁵. Новые знания о жизни и творчестве семьи Сведомских, недоступные ранее (по разным причинам), их эпистолярное наследие представляют несомненный интерес для русского искусства и для пермской региональной художественной культуры в частности.

Учитывая большую историческую и культурную значимость находящихся в Италии материалов, Департамент по сохранению культурных ценностей Минкультуры России обратился в Консульство России в Генуе с просьбой оказать содействие в установлении связи с нынешним владельцем архива Сведомских и проведения переговоров о возможности возвращения в Россию материалов из этого архива в качестве дара в Музейный фонд Российской Федерации.

По просьбе департамента консул России в Генуе М.В. Коломбет встретился с проживающим в Сан-Ремо наследником — Этторе Ребекки, приемным сыном внука А.А. Сведомского, и проинформировал департамент о его готовности пригласить российских экспертов для проведения переговоров об организации выставки картин братьев Сведомских в Пермской области, а также об изучении находящегося в Италии архива художников, а возможно, и передачи в Россию оригинальных материалов, документов и фотографий из архива Сведомских⁶.

Подготовка и осуществление поездки российского эксперта в Сан-Ремо требовала четкой проработки и финансового обеспечения. Департамент по сохранению культурных ценностей обратился с этим вопросом в Департамент культуры и искусства Администрации Пермской области, который, в свою очередь, проявил большую заинтересованность в организации выставки в Перми и направлении специалиста в Италию. Пермская государственная художественная галерея выразила готовность взять на себя обязательство по организации и подготовке выставки работ братьев-художников.

В качестве эксперта для командирования в Италию была предложена кандидатура Н.В. Казариновой, заместителя директора по науке Пермской государственной художественной галереи, заслуженного работника культуры, кандидата искусствоведения. За время ее командировки (сентябрь 2003 г.) был просмотрен большой документальный материал: документы о покупке Михайловского имения, о продаже-покупке (купчие) крепостных для переселения их в Михайловское имение, притязания родственников на наследство (1822–1858), фотографии мастерской Сведомских в Риме, известных русских художников, бывавших у Сведомских в мастерской, а также фотографии, сделан-

ные в Михайловском имении, — художественная студия братьев, члены семьи, родственники, виды Михайловского завода и дворянского дома. Эксперту были также предоставлены хранящиеся у г-на Э. Ребекки произведения живописи, графики и скульптуры братьев Сведомских, рисунки Анны Александровны Сведомской — дочери А.А. Сведомского⁷.

Э. Ребекки не только предоставил возможность ознакомиться с документальными материалами, но на свои средства сделал для Пермской галереи отличные фотокопии с архивных документов и фотографий, безвозмездно передал 34 цветных негатива работ художников Сведомских, 13 негативов произведений А.А. Сведомской, а также 7 цветных полиграфических слайдов. Кроме того, он предоставил очень интересные фотографии, касающиеся А. Сведомской, М.-М. Джизмонди — внука А.А. Сведомского, К. Пизани — жены Джизмонди и матери Ребекки. Результатом командировки и проведенных переговоров с г-ном Ребекки явилась договоренность о рассчитанном на несколько лет совместном международном русско-итальянском выставочном проекте, который будет включать несколько этапов — от реставрации произведений художников Сведомских до организации выставки в Пермской государственной художественной галерее и в Генуе или Риме.

В настоящее время ведется большая работа по сохранению художественного наследия и распространению знаний о творчестве художников Сведомских. Напечатано множество статей в газетах и журналах, например, несколько статей в журнале «Пресс-центр» (Пермь), большая статья о творчестве Сведомских с прекрасными иллюстрациями в журнале «Русское искусство». Кроме того, богатый материал представлен в сборниках конференций, посвященных роду Сведомских, которые прошли в г. Сарапул и г. Чайковском. На основе привезенных из Италии архивных материалов и фотографий проводится реконструкция внутреннего убранства и внешнего облика построек усадьбы Сведомских в Пермской области. В конце января 2005 г. в Государственной Третьяковской галерее состоялась научная конференция «Пленники красоты» в рамках одноименной выставки, где было представлено несколько работ братьев-художников Сведомских.

Департамент по сохранению культурных ценностей — ныне Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (Росохранкультура) — выражает надежду, что проделанная работа принесет бесценные плоды и будущими поколениями не будет забыто художественное наследие талантливых людей, живших вдали от Родины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В Италии о творчестве Сведомских и их наследии в Сан-Ремо было известно, см., напр.: Cazzola P. I russi a San Remo tra Ottocento e Novecento. San Remo, 1990.

² Братья погребены в Риме в одной могиле; см.: Гасперович В., Катин-Ярцев М.Ю., Талалай М.Г., Шумков А.А. Тестаччо. Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме. Алфавитный список русских захоронений. СПб., 1999. С. 98 (приведены также эпитафии).

³ Иллюстрационная обзорная выставка АХ / Сост. Ф.И. Булгаков. СПб., 1898. С. 39.

⁴ Приводим список музеев, обладающих произведениями Сведомских: Вологодская областная картинная галерея, Нижегородский государственный художественный музей, Государственный Русский музей, Кировский областной художественный музей, Костромской областной музей изобразительных искусств, Музей истории и культуры Среднего Прикамья (г. Сарапул), Омский музей изобразительных искусств им. М. Врубеля, Художественный музей Северной Осетии, музей изобразительных искусств Республики Татарстан, Государственная Третьяковская галерея, Пермская государственная художественная галерея, Горловский художественный музей (Украина), Киевский музей русского искусства, Кировоградская картинная галерея, Одесская картинная галерея (Украина), Государственный художественный музей Молдавии, Башкирский художественный музей, Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств, Дом музеев В. Васнецова (Москва), Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник, Новосибирская областная картинная галерея, Музей изобразительных искусств Оренбурга, Пензенская картинная галерея, Ростовский областной музей изобразительных искусств, Рязанский областной художественный музей, Свердловская картинная галерея, Музей изобразительного и прикладного искусства им. С. Коненкова (Смоленск), Тамбовская областная картинная галерея, Томский областной художественный музей,

Тульский областной художественный музей, Челябинская картинная галерея, Ярославский художественный музей, Феодосьевская картинная галерея им. И. Айвазовского (Украина), Харьковский художественный музей (Украина), Киевский музей западного и восточного искусства (Украина), Государственный художественный музей Республики Беларусь, Государственный музей искусств Грузии, Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

⁵ См.: Сведомские, Завод-Михайловский: хроника событий и фактов / Сост. В.И. Якунцов. Чайковский, 1999; Сведомские в селе Завод-Михайловский. Материалы региональной научно-технической конференции, посвященной 150-летию П.А. Сведомского. Чайковский, 1999.

⁶ Об истории семьи Сведомских см. статью М. Моретти в наст. изд. — *Примеч. ред.*

⁷ См. о ней: Cazzola P. Anna Aleksandrovna Svedomskaja // Immagini di San Remo nel mondo. San Remo, 1998. P. 227; Талалай М.Г. Российский некрополь в Неаполе, Венеции, Сан-Ремо // Русско-итальянский архив / Под ред. А. Шишкина и Д. Рицци. Салерно, 2002. № 2. С. 431–433.

А.Б. Шишкин (Рим)

ИЗ ИТАЛЬЯНСКИХ ХРОНИК АНДРЕЯ БЕЛОБОРОДОВА

В 1920–1930 гг. Андрей Яковлевич Белобородов (1886–1965) создал и показал на парижских, римских и миланских выставках ряд «ведут» итальянских городов – Венеции, Флоренции, Виченцы, Сан-Джиминиано, Монтепульчано, Рима, Фраскати, Неаполя, городков Амальфитанского побережья, сицилийского Кастроджованни. Каждому итальянскому городу было посвящено около дюжины или двух, трех, а то и четырех десятков работ; каждая такая серия представляла собой единое композиционное и стилистическое целое, исполненное в собственной цветовой гамме. Представление об этих сериях можно получить по книге М. Палеолога «Заметки по истории и искусству Рима» (1930), иллюстрированной 52 работами Белобородова, по альбомам художника «Салернский залив» (1951) и «Двадцать четыре ведуты Рима» (1961)¹ или по 15 работам, которые хранятся в Museo di Roma и доступны обозрению на его сайте². Представление, скорее всего, неполное и недостаточное, прежде всего потому, что это лишь малая часть из нескольких сот его итальянских рисунков, гравюр и книжных иллюстраций. Все эти произведения, создававшиеся на протяжении более чем 30 лет его жизни изгнанника, в первой половине XX в. составили единственный в своем роде графический и живописный аналог муратовским «Образам Италии».

В какой-то мере об обширном замысле Белобородова и его реализации можно судить по заметкам, наброскам и кратким путевым заметкам, которые после смерти художника были переданы в семейный архив Вяч. Иванова в Риме. Наиболее важным среди этих материалов является «Набросок автобиографии» (ок. 1939–1940 гг.). Незавершенный и незаконченный, «Набросок автобиографии» кратко сообщал основные моменты в формировании русского палладианца, вышедшего из стен пе-

тербургской Академии художеств. В «Наброске» Белобородов нашел емкие и точные формулы, чтобы рассказать о формировании собственных художественных пристрастий и культурных ориентации в Петербурге, об увлечении наследием великого Джакомо Кваренги, определил центральный стержень собственного искусства. Публикуем полный текст «Наброска автобиографии».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Rome: notes d'histoire et d'art / Par Mairice Paléologue de l'Académie Francaise Ambassadeur de France. Jules Meynial. Paris [1930]; Le golfe de Salerne. Treize bois originaux de Béloborodoff A. Introduits par un texte inédit de Paul Valéry. Collection de L'Obélisque. Paris; Rome, 1951; Beloborodoff A. Ventiquattro vedute di Roma, presentati da Henri de Régnier, con una breve Guida di Jean Neuvecelle. Roma, 1961 (трехязычное издание — на фр., англ., ит. яз.).

² www.museodiroma.comune.roma.it.

А.Я. БЕЛОБОРОДОВ

НАБРОСОК АВТОБИОГРАФИИ

С тех пор, как я помню себя, два искусства владеют моей душой: живопись и музыка. Область живописи всегда была для меня связана с мечтой об Италии, и когда в дни моей юности мой соотечественник и впоследствии друг Павел Павлович Муратов выпустил свою замечательную книгу «Образы Италии», она нашла во мне самый живой отклик; особенно сильное впечатление произвела на меня последняя фраза: «Италия это то, ради чего стоит жить»; это был удар в сердце, который послужил толчком к образованию того «итальянского стержня», который проходит через все мое искусство.

Я долго колебался вначале, которому из двух любимых искусств отдать предпочтение. До самого поступления в Академию Художеств жизнь моя проходит в мире звуков и музыкальных фантазий; я очень благодарен этой музыкальной основе, которая осталась навсегда *фоном* моего творчества. Музыка же от-

крыла мне глаза на архитектуру, искусство, подчиненное тем же законам, хранящее в себе ту же *душу*.

В Академии происходит вторая часть моего «приобщения к Италии». И этому я обязан не столько моим *фактическим* профессорами, сколько старым мастерам итальянской архитектуры и живописи. Замечательная библиотека Академии открыла мне безбрежные горизонты в старинных изданиях мыслителей и творцов архитектуры Италии. Тут же поразили меня и мечты великих мастеров Возрождения об *идеальной* архитектуре; я говорю о том мире архитектурной гармонии, и архитектурного дерзновения, который сияет в фонах великих мастеров Quattro e Cinquecento, и ярче всего отразился в иллюстрациях и фантастических книжных реставрациях старых толкователей Витрувия и исследователей античной архитектуры. Вспоминается мне еще один «удар в сердце», когда уже *ben iniziato* я увидел в Старом Московском Кремле, на стенах Благовещенского собора удивительные барельефы, исполненные рукой итальянского мастера. Одинаково близки и дороги мне были реальные памятники архитектуры великих мастеров и архитектурных мечтаний целой эпохи. Bramante и Palladio, Peruzzi и Serlio, Рафаэль и Fiorenzo di Lorenzo, Rusconi и Piero della Francesca¹, вот те, кто дали основу моего художественного воспитания. Ближайшим же моим «учителем» был Quarenghi², последний великий архитектор среди блестящих последователей Palladio, самые замечательные произведения которого находятся в России. Много обязан его печати облик «Северной Пальмиры» — Петербурга, этой *Vicenza alle strade allargate*,* не говоря уже о многих других постройках, разбросанных по необозримым пространствам России. В далекой глуши, затерянной среди степей Черниговской губернии, находятся руины изумительного, построенного Quarenghi дворца «Ляличи», где отверженный фаворит великой Екатерины граф Завадовский окружил свое изгнание самым утонченным великолепием. Здесь Quarenghi создал целую архитектурную симфонию, с церковью, огромным парком, зверинцем, летним дворцом, павильонами, величественными перспективами самых разнообразных зданий. Я поставил себе целью запечатлеть все, что сохранилось от этого ансамбля, и сделать точные обмеры, которые могли бы послужить тогда еще возможной его реставрации. Когда через два года эта первая зада-

ча была мною осуществлена, Академия приобрела все мои работы и доклад, который я сделал об этом произведении Quarenghi, возбудила большой интерес в Петербурге и вызвали получение мной первых больших заказов. Так, среди других работ я получил постройку дворца графов Бобринских (потомков другого знаменитого фаворита Екатерины) и устройство и декорацию парадных зал «Кабинета Его Величества» в Аничковом дворце (в той его части, что построена Quarenghi). Наконец, князь Юсупов предложил мне по случаю своего брака с княгиней Ириной di Russia перестроить часть их старого дворца, получившего впоследствии столь трагическую славу в связи с событиями, разыгравшимися в нем в один морозный декабрьский день 1916 г.³

Предшествовавший большой войне период был настоящим золотым веком, эпохой неограниченных возможностей и блестящей деятельности. Я еще был студентом Академии в тот момент, что [война] разразилась и в самый ее разгар, в 1915 г, получил мой «Grand Prix», который давал мне право отправиться на средства Академии на 4 года в Италию для изучения ее искусства. Это мое путешествие, уже на свой страх и риск, я начал пешком по замерзшему морю в день моего бегства из мучимой родины в 1920 г.

Летом 1916 г., когда северо-восточная часть Малой Азии была занята русскими войсками, я в качестве члена Экспедиции Академии Наук отправился по турецкой Армении изучать ее архитектурные памятники.

В страшный и темный период от 17-го до 20-го г. возможности свободной художественной работы все более и более суживались. Был я в это время членом Советов Эрмитажа и Русского (Национального) Музея, имея кафедру по истории архитектурных ордеров в Школе Штиглица, был одним из руководителей «Архитектурного издательства», первый выпуск которого посвящался Baltassare Peruzzi, и, найдя в музыке на этот раз великого утешителя, продолжал свои занятия ею под руководством Феликса Blumenфельда⁴. Постепенно все начинания попирались жестоким и беспощадным пятой; все меньше оставалось чистого воздуха, чтобы дышать, и все крепла и принимала форму жизненной необходимости идея бегства. И как контраст с окружающим, моей, оправдавшейся впоследствии то залитая солнцем и лучезар-

ная площадь италийского городка, то сдержанное великолепие патрицианской античной виллы, овеванной великим и спокойным дыханием римской кампаньи. В это время во мне и зародилась осуществленная мною впоследствии мысль выполнить большой цикл римских вилл, о которых два французских писателя «italianians» скажут, отзываясь о моих работах: «Voici un bouquet a demi mineral, a demi vegetal, fait de villas romaines» (J.-L. Vaudouey); «C'est encore Rome, son esprit, sa grandeur que nous retrouvons dans ses Villas romaines qui lui font cortège et parure, avec leurs jardins et leurs eaux» (H. de Rognier)*.

Фантастическая и странная ночь бегства как бы отделяет в моей жизни один от другого два мира, призрачный свет луны сквозь белую снежную метель среди безбрежного белого пространства заледенелого моря. В белом, накинутом на шубу, балахоне, крадучись, пробираемся через пути стражи, отмеченные вежами колеблющихся от ветра елок, среди шарящих лучей прожекторов фортов Кронштадта и Сестрорецка — и потом, в продолжении долгих часов белая пустота без неба, без земли, без горизонта. И наконец, как неясный мираж далекий — финский берег..

После короткого, «карантинного» пребывания в Финляндии, скорлупка маленького финского пароходика приносит меня после пятидневного перехода по бурному мартовскому северному морю к берегам Англии, где я попадаю в Лондон прямо «с корабля на бал», так как тут я нахожу кн. Юсупова, и он поручает мне всю декоративную часть устраиваемого им в пользу русских беженцев в огромном зале Albert Hall блестящего, голубого бала.

Я остался в Англии несколько месяцев (сделав за это время проект воздушного театра в «Лебедином» саду великой балерины), но это был лишь эпизод, временная остановка, этап моего путешествия в Обетованную Страну.

И вот наконец я в Риме, в этот хрустально солнечный октябрьский день 1920 г., где мои мечтания принимают реальные формы. С этого момента я начал ту обширную работу моей жиз-

* «Букет наполовину минеральный, наполовину растительный римских вилл» (Ж.-Л. Водуайе); «Дух и величие Рима мы находим в этих римских виллах, их садах и воде, а они обрамляют его и украшают» (А. де Ренье) (фр.).

ни, которая продолжается до сих пор и надеюсь будет продолжаться до окончания дней: цикл моих образов Италии, ее *rae-saggio architettonico*. Первые мои работы этого цикла были выставлены в 1921 г. в Париже на большой выставке русского искусства и в *Salon d'Automne*. Моя мастерская с тех пор до 1934 г. находится в Париже, но каждый год многие месяцы я провожу в Италии, стремясь запечатлеть все ее бесконечно разнообразные лики, будь то самые прославленные *luoghi* или те рассыпанные по всей Италии почти неизвестные жемчужины, которые я нахожу повсюду: проходят бесконечной чередой изощренно элегантная, придворная *Sabionetta*,⁵ *San Leo*⁶, один из оплотов Урбинского герцогства, полный буколической поэзии *Certaldo*⁷, *inverosimile Pitigliano*⁸, высококлассический *Montepulciano*⁹, несущий печать славных архитекторов Возрождения, *Castrogiovanni – l'antica Enna di Sicilia*¹⁰, с его необычайной натуральной архитектурной формацией и поражающей небывалой панорамой...

От берегов Истрии до далекого, к Африке обращенного *Selinunte*¹¹, то опускаясь в подземные лабиринты бесконечных гротов в *Постумии*¹², то поднимаясь на горные вершины, я узнаю и научаюсь любить многообразные лики Италии. Вспоминаются мне во время этих скитаний и многие интересные встречи, и много таких «событий», на которые можно натолкнуться только во время путешествий: оживленные трапезы в маленькой римской фиаскеттерии в компании *Spadini* и *Giovanni Papini*¹³ или флорентийский *romeriggio*¹⁴ на вилле *Selviatico*; состязание пиротехников на *Искии* под гром симфонии 12 года Чайковского; пылающие в свете прожекторов на фоне черного неба жонглеры, протянувшие свой канат над площадью *Bergamo Alto*¹⁵; стихийно величественные процессии *Caltanissett'ы*¹⁶ с их громом выстрелов, с двенадцатью монументальными группами Страстей, двенадцатью оркестрами и хорами, распахнутыми на светящиеся алтари порталами церквей...

А разве не «событие» встретить скалистый фонтан Бернини на площади маленького *Lanuvio*, *Palazzino Vignol'ы* среди каменных чудовищ, высеченных в скалах *Bomargo*, или проезд по многоцветной аркой радуги, раскинувшейся над *Ninfa*, спящей среди затопленных цветущих зарослей?

В Париже я устраиваю ряд выставок моих итальянских работ и продолжаю прерванную с России архитектурную деятельность. Последняя и самая значительная архитектурная работа — законченный в 1934 г. новый Château de Caulencourt (близ S. Quentin), в концепции которого я вспоминаю петербургские заветы Quarenghi и мои вичентийские впечатления от произведений великого Palladio. По странной «улыбке судьбы» я строю этот замок для потомков того маркиза de Caulencourt, который получил титул герцога вичентийского и был послом Наполеона при императоре Александре в Петербурге.

В Париже я выполняю *pitture murali*, фантазии на итальянские темы, для апартаментов графа de Rougemont и для palazzo van Hoekelom и здесь же получают применение мои цветные гравюры начатые еще во время моего первого пребывания в Риме. Так, я делаю большие серии гравюр для volume «Rome» di Paléologue и для книги Paul Valéry «Le Golfe de Salerne». В то же время, я получаю приглашения дать мои итальянские работы на больших интернациональных выставках в Риме, Берлине, Венеции, Брюсселе, Копенгагене etc.

Наконец в 1934 г. я решаю устроить мою первую персональную выставку в Италии и она открывается в ноябре этого года в Риме в Palazzo Recci-Blunt. Теплый прием и оценка, которые я встретил при этом моем выступлении, сделали то, что с тех пор я уже больше не мог покинуть Италию. Следующая моя выставка, открытая в залах Римского Музея под названием *Immagini del'Urbe Mussoliniana* 1936 г., посвящена новым аспектам античного Рима. В этих шестидесяти «vedute» я поставил себе задачей отразить проснувшийся после тысячелетнего сна в новом свете, таинственный и великолепный мир древних священных камней Вечного Города: *la Nuova Roma Antica*.

Наконец, в марте 1939-го и затем в марте же 1940 г. я выставлю в Galleria di Roma мои первые образы «Великого Острова», которому, главным образом, посвящена и моя последняя выставка в *galleria del Milione* в Милане.

La Grande Isola, фантастическая страна, которую я представляю себе с такой ясностью, что часто забываю, что брожу по ней лишь в моем воображении, — с одной стороны, есть сумма моих итальянских впечатлений, с другой, отражает тот мир, что все-

гда жил в моей душе, будь то во снах или во время бодрствования. Думается мне, что как каждый человек с детства (и особенно в детстве) носит в себе с большей или меньшей ясностью мечту о своей воображаемой стране. Если пластические мечты живописцев и архитекторов итальянского Возрождения послужили, как я об этом говорил выше, моему приобщению к Италии, они же сыграли большую роль в оформлении моей Идеальной Страны.

В первый же год моего приезда в Италию я начал серию видов той идеальной *contrad'ы*^{*}, которую я находил в картинах старых мастеров. Говоря о моих *omaggi*^{**} a Beato Angelico, a Francesco Cossa, a Mantegna, выставленных еще тогда в Париже, Rene-Jean писал в «Comoedia»: «Etudiant les maîtres du quattrocento, il a retiré de leurs oeuvres, comme un bijoutiers un diamant d'une bague ciselée, les images d'édifices que les vieux peintres ont associés à leurs compositions»^{***}. Позднее пришла радость открытия и конкретное оформление Великого Острова. Для него к выставке 1939 г. я написал маленький путеводитель. Повторяю то примечание, которое находится в конце его: «Questa breve guida e le illustrazioni che l'accompagnano, non sono che brevi note scritte e designate dallo scopritore dell'Isola. Egli è ancora ben lontano dall'aver esplorato la immensa regione...»^{****}

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Упомянуты архитекторы, художники и теоретики архитектуры Донато Браманте (1444–1514) и Андреа Палладио (1508–1580), художник и архитектор Бальдассаре Перуцци (1481–1536), архитектор Себастьяно Серлио (1475–1554), художник Фьоренцо ди Лоренцо (1440–

* Край, страна, а также городской квартал.

** Дань (*ит.*).

*** «Изучая великих живописцев Кватроченто, он заимствовал из их творений и художественных композиций образы строений, подобно тому как ювелир гранит алмаз и помещает его в перстень» (*фр.*).

**** «Этот краткий путеводитель и иллюстрации, что его сопровождают, — всего лишь краткие заметки, набросанные открывателем Острова. Его исследование нам еще предстоит...» (*ит.*).

1520/25), переводчик Витрувия Дж. Антонио Рускони (1520–1587), художник Пьеро делла Франческа (1406/12–1492).

² Кваренги Джакомо (1744–1817, Петербург) — архитектор.

³ Речь идет об убийстве Распутина. — *Примеч. ред.*

⁴ Блуменфельд Феликс Михайлович (1863–1931) — пианист, композитор, дирижер.

⁵ Саббионетта — небольшой город в провинции Маниуи, известный серией ренессансных памятников.

⁶ Сан-Лео — средневековый городок в провинции Пезаро и Урбино.

⁷ Черталдо — городок в провинции Флоренции.

⁸ «Несравненный» Питильяно, известный своим живописным местоположением на высоком холме, — город в южной Тоскане.

⁹ Мотепульчано — город в юго-восточной части Тосканы.

¹⁰ Кастроджованни — так до 1927 г. называлась Энна, город в центральной Сицилии, где в VII–VI вв. до н.э. находилась греческая колония.

¹¹ Селинунте — античная колония на юго-восточном берегу Сицилии (VI в. до н.э.).

¹² Гроты Постумии — комплекс карстовых пещер, известных еще в средние века; находятся на границе северной Италии и Словении, в 22 км от Триеста.

¹³ Армандо Спадини (1883–1925) — художник; Дж. Папини (1881–1956) — писатель и издатель.

¹⁴ Послеобеденное время.

¹⁵ «Верхний Бергамо», старая часть города.

¹⁶ Кальтаниссета — город в центральной Сицилии.

«Набросок автобиографии» хранился в бумагах Белобородова под одной обложкой с дневниковыми записями, которые он вел во время своего первого итальянского путешествия. На обложке надпись: «Мои записки /1921/ и /1939/». Дневниковые записи, в отличие от «Наброска автобиографии», не предназначались для печати. Из «Наброска» выросла книга воспоминаний, к сочинению которой Белобородов приступил в начале следующего десятилетия. Записи 1921 г. писались как узкоспециальный, «подсобный» дневник начинающего мастера, перед которым открылись необыкновенно широкие возможности художественной деятельности и который энергично искал собственный путь в искусстве. Примечателен его острый взгляд, который ви-

дит все преимущественно с широкой и профессиональной архитектурной точки зрения. Много внимания уделялось вопросу, как зафиксировать на бумаге поразительное богатство оттенков света и тени: уже тогда, в 1921 г., задуманы и выполнены первые гравюры ночного итальянского города; к этому художественному заданию Белобородов вернется позднее, уже в середине 1930-х гг. Записи 1921 г. (и примыкающий к ним фрагмент 16 мая, как следует думать, 1922 г.) позволяют реконструировать замысел трех белобородовских циклов: венецианского, вичентинского и сиенского.

Венецианский дневник начинался так:

Венеция. Воскресенье. 23 окт<ября>1921.

Если делать 3 гравюры Венеции, то одна из них должна быть ночную, другая вся в совершенно прозрачных тонах, вся залитая светом. Третья — отразить торжественную часть Венеции, в контрастных отношениях света и тени.

Сегодня вечером наметил 3 листа, чтобы сделать рисунки ночью.

Везде поразительны: глубокий, необыкновенно темный, бархатный тон неба и теней и зеркальная ясность отражений.

1-е — с моста у SS. Apostoli: фонарь, неяркий с лучами графичного рисунка — освещающий ступени, спускающиеся в воду. Совершенно простые очертания домов с едва различимыми широкими планами деревьев под стеной, и наверху верхушки домов, освещенные светом дальнего фонаря.

2-е — с *fondamenti* у Maddalena. Заметить: совершенно черные барки на темной воде с бликами как бы светлой штриховки, четко обрисовывающей их форму.

Постепенное утемнение освещения домов и отражений очень эффектно и свободно мож<ет> быть передано в гравюре при помощи гладкой доски.

3-е — вид на мот у S. Maddalena. Фонарь слишком ярок, но зато необычайно совершенно черный силуэт моста и зеркальное отражение в его рамке.

Очень интересны темные арки с мостов, почти сливающиеся с тенью от них, у S.M. Formosa и S. Marguola. В 1-ом нет неба, во 2-м слишком яркий фонарь.

Посмотреть ночные эффекты у Miracola

24 окт<ября>

Все мои итальянские работы необходимо привести к какому-то реальному результату. Наиболее осуществимым может быть цикл гравюр — цветных на линолеуме и однотонных на меди и цинке. Нужно купить несколько старинных гравюр, *выбирая их с точки зрения техники* и способа гравировки.

Но для этого необходимо сделать все, чтобы упростить работу над цветными гр<авюрами>, выработать систему, позволяющую их делать и печатать более легко и быстро. Тогда могло бы быть выполнено то изобилие, о котором я все время мечтаю, будь это, в смысле гравюр, отпечатано мною самим при помощи простого прессы или в типографии.

Мне кажется, что все упрощения, которые можно сделать, не только не помешают художественному эффекту, но скорее усилят его.

1. Во-первых. Можно определить для всех гравюр, входящих в серию: количество досок — 3 и *размер*, не выходящий из величины моего среднего альбома, начиная как минимум от квадратного.

2. Все время думать от упрощении и уширении рисунка, опуская все детали, которые только возможно.

3. Делать рисунки с натуры *сразу* для гравюры, в нужном размере, и разлагать на 3 доски.

4. Выбирать мотивы *преимущественно* основанные на светотени в архитектуре.

5. Общая схема разложений на доски может быть такая: — главный — средний тон по возможности дает весь рисунок и тени всех планов. *Светлый* — блики и сильные света переднего плана. Темный — усиление рисунка (а не весь рисунок) переднего плана. Если планов более чем 2, то темный тон мож<но> дать пятна и глубины для переднего и линии для второго.

Рисовать облака, с натуры и картин, сразу думать о гравюре (наброски).

Для цветов и техники делать копии (гл<авным> образом фрагменты) с гравюр стар<ых> мастеров.

Читать Papilion¹ и Zanetti².

Попутно записывать все, что нахожу в музеях (иметь в виду монографии Clair Obscur'a), особенно рисунки для гравюр.

Записывать теперь же все что можно из виденного. <...>

О дальнейший идея Белобородова создать графические циклы – образы итальянских городов – можно судить по следующим двум фрагментарным записям в дневнике.

Виченца 3 дек<абря>

Как и Рим, Виченца мне представляется в символическом изображении, так это отдельные здания <?> соединены в общую картину. В ней должна быть найдена (действительно существующая) гармония между Виченцой до Palladi'евского периода, тем ее средневековым обликом, что чувствуется так ясно и остро с высоких точек (например, кампаниллы) и которой до сих пор так похож на картины []³ в Museo Correr – и Виченцой, городом Palladio, царством величественной отвлеченной архитектуры.

Композиция этого символического изображения Виченцы мне представляется сейчас в таком виде:

Вид на город из-под арки, напоминающей верхнюю галерею Базилики и образующий как бы триптих, или из-под колоннады⁴.

На горизонте гора с Мадонной monte Verig базилики и torre в центре, высокая часть Duomo справа и на третьем плане палладиевская архитектура; совсем близко часть фронтона со статуей. Исполнению рисунков Виченцы композиционного характера очень хорошо соответствует интересный принцип исполнения декоративной росписи, изображающей архитектурную композицию во дворе дворца []⁵. Роспись исполнена в три тона, причем каждое здание изображено в одном тоне. В *триптихе* может быть такое распределение тонов: колоннады переднего плана: *очень теплая* сиенна; город в двух или трех тонах: зеленовато-желтая сиенна, розовый (чуть лиловый) и серый. Было бы очень интересно сделать рисунков Виченцы объединенных одним общим, особенным характером исполнения, с таким, примерно, распределением тонов. Темы:

- угол базилики (серый), уходящая улица с колоннадой sottoportico (зеленоватая сиенна) и лоджия справа в сильном ракурсе (розовый);
- архитектурный пейзаж из декораций Палладиевского Театра;
- арки проезда дворца <...>

Сиена 16 мая.

Сиену, так же как и Виченцу, нужно включить в цикл городов. Если осуществиться идея особенного исполнения для каждого города – то для Сиены был бы хорош такой способ. Очень обобщенная архитектура, светотень без <1 нрзб.> и теней, несколько красок, соответствующих *предметам* (подобно Виченце, но с той разницей, что там все должно сохранить характер архитектурного рисунка с надлежащими тенями и определенными линиями – здесь сплошные планы, густые краски, закрывающие бумагу). Тона, например – золотисто-желтоватый, холодно-розовый, серый, оливковый.

Характер техники приibl<изить> к миниатюре <?> на книгах и к жив<описи> Lorenzetti в «Una Citta» <...>.

Как уже говорилось выше, в начале 1950-х гг. Белобородов стал работать над воспоминаниями. Он решил не писать от первого лица, а построить автобиографическое повествование о жизни Андрея. Первоначально воспоминания назывались «Автопортрет». Первый том начинался с рассказа о детстве в Туле и был доведен до бегства из Советской России по льду Финского залива в феврале 1921 г., всего около 200 машинописных страниц. Воспоминания Белобородов богато иллюстрировал собственными рисунками, фотографиями, карикатурами друзей, материалами своей художественной коллекции. Но издателя для своей книги Белобородов не нашел.

Наверное, поэтому вторая книга воспоминаний – о трех десятках лет в эмиграции – написана не была. Сохранился только ее предварительный план, ряд набросков и несколько фрагментов, все рукописи карандашом (папка «К автопортрету. За границей»). Вот этот план:

Италия

[Проснулся на восходе солнца в поезде].

Первая прогулка в Риме.

[У ведьмы].

Tusculum.

.....

Канатные плясуны в Bergamo.

Сицилия — концерт в Taormina, Castrogiovanni, Caltanissetta.

Oscuramento: Прогулки по Венеции и Риму. Луна села на Обелиск и завопила.

Немцы — S.S. вымыл руки в ведре на Piazza di Spagna Уход.

Вступление в Рим американцев.

Родила в поезде: и un maschietto*.

Выставка у Pecci-Bianchi — «odalisca nell'ombra di S. Pietro»** — Sono Eccellenza Marinetti.

С Шелтяном в Orvieto.

Из этого плана были написаны только первые главки (первая, об эксцентричной старой графине из Вечного города, публикуется отдельно в Приложении), затем, как можно думать, план был оставлен. Остается сожалеть, что мы никогда не узнаем подробности о встрече в середине 1930-х гг. в Риме русского художника со знаменитым футуристом Т. Маринетти.

Из вчерне завершенных фрагментов примечателен рассказ о первом приезде в Вечный город и его особом цветовом восприятии.

Возвращаясь к ранним италийским впечатлениям Андрея, нужно прежде всего отметить, как поразил его *цвет* солнечного света: белое золото днем, червонное на заре и к вечеру, все оттенки золота и красной меди на закате. Разница в цвете особенно ощутительна при возвращении из Италии во Францию, где солнечный цвет становится все более и более *желтым*.

Восхитил, но ни сколько не удивил Андрея прославленный синий цвет неба, в котором его прельстили не только глубина и интенсивность тона, но еще более его удивительное благородст-

* Мальчик (ит.).

** Одалиска под тенью (собора) Св. Петра (ит.).

во. Но поистине неожиданной для Андрея была форма облаков⁶.

Особенно поразило Андрея облачное небо итальянской лунной ночи. На родине, во Франции, он привык видеть ночные облака, расположенные на небесном куполе как бы в одном плане; здесь освещенные луною облака в бесконечной перспективе уходят вглубь на фоне бездонного бархатного неба. <...>

Первый римский октябрь Андрея выдался лучезарный, мягкий, хрустально-солнечный, но 1-го ноября все небо, как по мановению неизвестного чародея, затянули серые облака и в воздухе повисла наступающая зима. В этот день Андрей наметил себе прогулку на Tusculum*, и, несмотря на ненадежную погоду, решил не откладывать.

В другом фрагменте Белобородов рассказал о создании гравюры «Обелиск Св. Петра», своей самой прославленной работы, выполненной в 1920-х гг. и повторенной в следующем десятилетии в нескольких авторских копиях.

Андрей делает рисунок (для будущей большой картины) площади с обелиском на первом плане и веером расходящимися старыми боргами в глубине. Мгновенно он окружен огромной толпой мальчишек. Так как рисовать мешало солнце, то он нанял малого держать над ним зонтик. Зрелище кругло темнеющей, гудящей толпы с возвышающимися над ней зонтиком поражает Шуру, пришедшую навестить его. Картина эта имеет свою историю. В первый раз она была выставлена в Париже в 192<?> г., где ею прельстилась графиня de Béhaque, которая потом из-за большого ее размера, не найдя возможным поместить ее в своем особняке, переменила ее на другую (в садах виллы Медичи) меньшего размера. В 1934 г. она фигурирует на первой римской выставке, устроенной во дворце графини Recci-Blunt (бывшем Malatesta). При перевозке из Парижа в Рим список картин был переведен спедиционной конторой с французского на итальянский язык, причем «l'obélisque à l'ombre de S. Pierre» превратил-

* Латинское название античного по происхождению городка Тусколо в Лацио, близ Фраскати.

ся — «odalisca nell'ombra di S. Pietro»! При этом итальянцы говорили «quanto sono viziosi questi slavi!»*. Выставку у Pecci-Blunt посетил Морис Сандоз, который предложил Андрею исполнить для его огромного Музыкального Салона картину Обелиска в значительно большем размере, и как пандан — Троянову колонну. Эти две картины фигурировали на следующий год на выставке в Музее Рима и воспроизведены в «Оссерваторе Романо». Первоначальный «Обелиск» был послан в Голландию в 193<?> г. А. устроил персональную выставку в Гааге, где она была воспроизведена и в каталоге и в газете с сопроводительной статьей <...>

После возвращения в Рим картину покупает Ch. de Bavier, тогда генеральный швейцарский консул в Милане. После назначения de Bavier' а посланником (в Греции) картина следует за ним, меняя государства и материки, и в настоящий момент (1956) находится среди целого ряда других картин Андрея в швейцарском посольстве в Мексике. В Риме картины Сандоза уже переменили место, перекочевав из старой его виллы (проданной монахиням) в новую, построенную Андреем, где они помещены в специально для них созданном аванзале нового музыкального салона.

Наконец, в еще одном отрывке Белобородов рассказал о своей поездке на средневековую виллу подле озера Браччиано — виллу Бассано де Сутри. На склоне дней Белобородов предполагал составить и издать (по образцу книги «Двадцать четыре ведуты Рима») альбом своих работ, изображающих виллы в Лациуме. Приводимый отрывок наглядно показывает, насколько последовательным и тонким бывало проникновение Белобородова в дух и миф места.

Bassano di Sutri находится в стороне от больших дорог, и в городке не имеется гостиницы. А. поехал туда в сопровождении дамы, жены известного русского писателя об Италии, которая достала ему разрешение посетить и работать в великолепном дворце и на вилле Odescalchi и воспользовалась сама его поездкой, чтобы осмотреть малоизвестный и почти недоступный дворец, расписанный Lucesi и виллу, приписываемую Виньоле.

* «Обелиск под тенью Св. Петра» (*фр.*) <...> «Одалиска под тенью Св. Петра» <...> «Как испорчены эти славяне!» (*ит.*).

Тотчас по приезде в допотопном автобусике, трясемся по проселочным дорогам, путники стали искать себе пристанище.

<...> дверь выходила в мрачный, кромешно темный грот, в глубине которого через отверстие свода виднелась слабо освещенная площадка и ступени поднимающейся коленчатой улочки <...>

Утром, после страной ночлежки <...> необычайно великолепным показался Палаццо Одескальки. Покрытая причудливыми росписями лоджия дворца соединяется с виллой легким мостом, охраняемым двумя каменными псами, висящим над глубоко под ним проходящей улицей городка. Площадка по ту сторону моста увенчана зеленым куполом гигантского лавра с выстриженным в его темной листве маленьким отверстием входа. Того, кто проникает в него, поражает неожиданное зрелище таинственного, скрытого за густой листвой лавра фантастического грота: в зеленом сумраке над квадратным водоемом стены, арки и крестовый свод выложены кудрявыми сталактитами стуфа, переливающегося золотистыми, коричневыми и изумрудными тонами. Против отверстия входа, по бокам главной арки, две огромные терракотовые козлоногие фавнессы в пышных головных уборах поддерживают украшенный гирляндами наличник архитрава с замком в виде зловещей головы Медузы. Как фигуры, так и все детали архитрава расписаны когда-то яркими, теперь восхитительно поблекшими тонами.

Н. de Régnier, написавший в 1929 г. предисловие к парижской выставке Андрея, включавшей всю серию итальянских вилл, заканчивает свое описание следующими словами: «La nul visage ne vient troubler notre rêverie silencieuse, car la voix s'une fontaine, le frisson d'un feuillage font partie du silences et ne le rompent point, et n'est-ce pas un de ses temples souterrains, cette mystérieuse grotte de la villa Odescalchi, à Bassano di Sutri, dont le fraîches et vertes ténèbres nous invitent au repos et à la méditation...»*

* «Ничей образ не потревожит наши тихие мечтания, ибо голос фонтана, дрожание листвы суть часть молчания, они не тревожат ни его, ни — правда ли? — этот подземный храм, таинственный грот виллы Одескальки в Бассано ди Сутри, где свежесть и зеленый мрак призывают нас к покою и размышлению» (фр.).

Расположенные по сторонам зелено-лиственного купола гро-та, обрамленные шпалерами полукружные лестницы приводят на уровень обширного парка, несколько не похожего на сады италийских вилл и состоящего из высоких чужеземных, хвойных деревьев. Широкая центральная аллея, постепенно поднимаясь, ведет к зданию виллы, необычайно суровой, без всяких украшений архитектуры, с крепостными зубцами над венчающим карнизом. По обоим сторонам аллеи гигантские каменные чудовища, покрытые седым мохом и оранжевыми лишаями, увитые капризным диким плющом.

Кто был далекий владелец, создавший этот странный, неприветливый ансамбль? Андрей подумал, что это мог быть рьяный охотник, путешественник в дальние края, беспощадно-суровый воевода и в то же время задумчивый мечтатель.

Имя Андрея Белобородова, по прошествию 40 лет с его кончины, начинает выходить из забвения⁷. Проектируется несколько выставок его работ в Европе и в России. Быть может, тогда его своеобразные «образы Италии» получат новое признание.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Имеется в виду книга Жан-Мишеля Папийона «Traite historique et pratique de la gravure en bois» (Париж, 1766); ниже идут подробные выписки из этого издания.

² Дзанетти Дзанетти (1706–1778) — венецианский искусствовед.

³ В рукописи оставлен пробел.

⁴ Ниже следует рисунок.

⁵ В рукописи оставлен пробел.

⁶ Впоследствии, много путешествуя по Италии, он отметил, что каждой местности соответствуют свои облака: торжественно клубящиеся в Риме, необыкновенно выпуклые, точно из мрамора изваянные, в Палермо (что так соответствует массивной форме Monte San Pellegrino), легкие, стрельчатые во Флоренции, перисто-раскидистые в Венеции, так хорошо переданные в картинах Каналетто и Тьеполо. Эти совершенно особенные облака, составляя непременную часть венецианского пейзажа, особенно врезались в памяти Андрея. В один из своих приездов, сойдя с гондолы в сопровождении встретившей его приятельницы-венецианки и выйдя из-под портика аркады на piazza, он

чрезвычайно развеселил ее, начав думать вслух: «...да, Кампанилла потолстела, Собор Св. Марка стал ниже и на фасаде появились несоответствующие ему мозаики “живописного” стиля... все изменилось, только облака такие же, как прежде!». В то время Андрей думал о том, <насколько> редко оставшиеся в воспоминании образы прошлого соответствуют вновь увиденным реальным формам. — *Примеч. А. Белобородова.*

⁷ Иванов Д.В. Русский архитектор и художник Андрей Белобородов // Наше наследие. 2004. Т. 71. С. 144–151; Пайман А. Белобородов в Риме // Там же. С. 152–156; Шешкин А. Русский палладианец в Италии: Андрей Белобородов (по материалам из Архива Вяч. Иванова в Риме) // Вестник истории, литературы и искусства. М., 2005; Он же. *Andrei Beloborodov and Italy* // Русско-итальянский архив. IV. Salerno, 2005. С. 369–384; Collande E., von Le nouveau chateau de Caulaincourt et son architecte Andre Beloborodoff. Memoire de maitrise. Paris: Universite de Paris IV Sorbonne, 2003/2004.

А.Я. БЕЛОБОРОДОВ

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В ИТАЛИЮ — У ВЕДЬМЫ НА TRINITA DEI MONTI

В первый раз Андрей отправился в Италию из Парижа вскоре после бегства. Так, наконец, осуществилась его давнишняя мечта, столь усилившаяся в последние петербургские дни. Здесь часто в самые беспросветные дни перед его глазами вспыхивало видение воображаемой, залитой солнцем площади итальянского городка, как нечто недосыгаемо прекрасное.

Андрей решил поехать прямо в Рим, нигде не останавливаясь, и остаться там несколько месяцев.

Поезд отошел из Парижа в первых числах октября 1920 г. и пересек границу уже поздно вечером. Андрей проспал все темное время, растянувшись на лавке полупустого вагона, и проснулся уже на заре, разбуженный необыкновенной тишиной, когда поезд остановился среди темного поля. Выглянув в окно, он увидел голубевшие вдаль горы и, на фоне нежно розового неба, темные кипарисы и над невысокими кущами куполообразных деревьев силуэт деревенской кампаниллы. Это первое виде-

ние благословенной Италии на всю жизнь осталось у него драгоценным воспоминанием.

Рим был до такой степени переполнен, когда Андрей до него добрался, что часто приехавшие утром после бесплодных поисков уезжали в окрестные местечки, чтобы не оставаться без пристанища на ночь. Андрею все же посчастливилось к вечеру найти комнату в отеле Метрополь, на улице S. Nicolo da Talentino, тогда еще тихой и спокойной, с ее выложенной каменными плитами площадью перед церковью и прославленными Коропиниями, обрамлявшими сидящую Минерву над садовой стеной Барбериниевского дворца; но гостиница была дорогая, с претензией на Палас, и Андрей стал искать комнату, чтобы снять ее на долгое время.

Вскоре он познакомился со старенькой русской художницей, вышедшей замуж за итальянца Кривелуччи, уже давно овдовевшей и жившей в своей мастерской — голубятне, как она говорила — под небесами на крутой улице Капо ле Казе. Старушка сказала ему, что комната есть, и в месте самом замечательном, но в ней никто не уживается, так как сдает ее подлинная и страшная ведьма, живущая в 13-м номере на площади Trinita dei Monti, и что сей отпрыск славной фамилии английских графов Листер своим дьявольским колдовством выживает всех у нее поселяющихся. Андрей сказал, что не боится и, заручившись рекомендацией Кривелуччи, поехал к колдунье. Его встретило странное и <1 нрзб.> жуткое существо: графиня Листер была женщиной без возраста, низкорослой, как бы вросшей в землю, сильно похожей на жабу, смотревшей на Андрея безжизненными, водянистыми, ничего не выражавшими глазами. Андрей сказал, что хотел бы снять у нее комнату, и спросил, сколько она стоит в месяц, на что получил ответ, что свободная сейчас маленькая комната с окном в сторону Пинчо может быть сдана лишь под условием платить за нее 15 лир каждое утро (впоследствии жившая при колдунье старенькая приживалка шепотом сообщила ему, что странная графиня пропивает все, что получает, и лишь подневная плата обеспечивает ей вино и еду). Цена была по тому времени очень высокая, но, чтобы жить на Trinita dei Monti, Андрей на нее согласился, и тотчас же перевез туда свои вещи, а сам весь день ушел бродить по столь полюбившемуся ему Риму.

Вернувшись к вечеру, усталый от непрерывного шатанья и от пережитых впечатлений, он тотчас же заснул, но вскоре был разбужен совсем необыкновенными звуками; очнувшись в полной темноте, у него было ясное впечатление, что вокруг него, вокруг стен, носятся странные вихри. В первый момент ему показалось, что какие-то бесчисленные насекомые громко шуршат, стремительно носясь между стеной и обоями. Он потушил свет, и вихри возобновились с новой силой, особенно внутри стены, отделявшей комнату от ванной. Тут Андрей вспомнил, что Кривелуччи говорила ему, как ведьма садится в ванную, и чрез воду напускает наваждения на своих жильцов.

— Ну и что ж, — сказал себе Андрей, — я очень устал и хочу спать, а вихри пускай себе носятся. — Он мирно вновь заснул под странные, с новой яростью возобновившиеся шумы, и так и проспал до утра.

В следующие ночи вихри возобновились, но все с меньшей силой, и, наконец, совсем прекратились. Ну, выдержал испытание, подумал Андрей, надеясь, что этим и кончатся ведьмины волхования. Но не тут-то было.

Вскоре после того, как уgomонились вертящиеся вихри, Андрей, только что закончивший свою первую римскую цветную гравюру, расположился ее печатать. На комод, прислоненном к стене, отделявшей комнату от ванной, он разложил приготовленные к печати доски, на столе перед окном — желатиновый валик, краски, мрамор для их раскатывания, на кровати — нарезанную японскую шелковую бумагу.

Как только он начал накатывать приготовленный тон на первую доску, Андрей вдруг почувствовал запах серы, и ему показалось, что он идет из комода. Выдвинув верхний ящик, он увидел аккуратно сложенное белье и ничего больше, но запах серы усилился. «Что за диво!» — подумал Андрей и потянул второй ящик, из которого узкой струйкой взвился голубой дымок, завернулся колючиками и растворился в воздухе. Остался лишь запах гари, и Андрей, опасаясь пожара, начал выбрасывать куда попало все, что в нем находилось. Но в опустевшем ящике не было никаких следов горения и воздух, шедший со стороны зеленеющего Pincio, постепенно очистился.

«Что-то уж очень банальная чертовщина», — думал Андрей, заканчивая печатать гравюру, — голубой дымок, запах серы и гари... Но какое же можно этому дать реальное объяснение? Может быть, колдунья посылает свои дьявольские флюиды на жильцов, вызывая в них галлюцинации?»

Некоторое время после этого все было спокойно. Графиня Жаба, как мысленно называл ее Андрей, все более нуждаясь в деньгах, решила сдавать другую комнату, с двумя большими окнами, выходящими на площадь Trinita dei Monti и дверью прямо на лестницу. Прельстившись дивным видом, в ней поселились какие-то супруги, но почти тотчас они съехали. Тут Андрей заявил, что готов платить большую плату — 25 лир каждое утро — если ему отведут эту комнату и при содействии старенькой приживалки, чувствовавшей к нему симпатию и ему покровительствовавшей, мог пробраться в эту новую большую комнату.

Здесь Андрей был в полном восторге от всего, что его окружало: комната была обставлена очень приятной старинной мебелью, перед окнами расстилалась необыкновенная декорация площади, а просыпаясь в монументальной кровати, он видел синеватый вдали купол Св. Петра. Утренний ветер приносил запахи цветов Испанской лестницы, на уступах которой в своих живописных костюмах садились натурщицы из Антикколи Коррадо и Чочарии, струнный квартет слепых музыкантов располагался у подножья Обелиска и часто молодая пара — скрипач и арфистка — останавливалась посреди площади и наполняла благоухающий воздух старинными ариями.

Некоторое время все было спокойно и казалось, что колдунья не насылала больше на Андрея свои зловердные флюиды, но вскоре и здесь произошли уже совсем необъяснимые вещи. Однажды Андрей вернулся поздно вечером более чем обыкновенно усталый от скитаний по Риму, запер огромным ключом и гигантской задвижкой входную дверь, заложил ее тяжелым болтом и заснул крепким сном праведника, пока не был разбужен дикими криками и громким топотом. Казалось, что целая орава взбешенных, неистово орущих, дерущихся людей сверху донизу наполнила всю лестницу. «Вот проклятые, спать не дают!» — подумал Андрей, но в конце концов все же заснул под дикий гам и топот.

Был уже восьмой час, когда Андрей проснулся. «Почему же не несут мне мой кофе?» — подумал он, смутно вспоминая происшествие на лестнице. (Каждое утро ровно в 7 часов Анна-Мария, заскоружлая, безобидная девчонка-прислужница приносила ему большую чашку кофе с молоком и ломоть свежего хлеба.) Он решил воспользоваться случаем, подождать и понежиться в постели, как вдруг услышал сдавленный шепот Анны-Марии: «Синьоре, синьоре, вы тут?» — «Разумеется, но в чем дело?» — «Да ваша дверь распахнута настежь!» — «Как так? Да я же ее запер на все задвижные замки. Ну, несите мой кафэ-латте!»

Конечно, Андрей не хотел показать вида, но в первый раз ему стало страшно. Что это за дьявольское наваждение? И как могла открыться наглухо запертая изнутри дверь? (Он не мог видеть ее лежа в постели повернутой к окнам, так как она была скрыта амбразурой широчайшей капитальной стены.)

Вскоре насмерть перепуганная девчонка принесла ему дымящуюся чашку и вместе с ней запечатанное письмо, написанное ведьмой; в нем она укоряла Андрея, будто он устроил шумный скандал на лестнице, и требовала немедленно освободить занятую им комнату. Одевшись, Андрей, попросив доложить о себе, предстал перед водянистыми глазами графини-жабы; ей он заявил, что это ему нужно протестовать, так как он мирно спал, пока его не разбудили спущенные ею с цепей бесовские силы. <...> Если она продолжает настаивать, чтобы он съехал, он будет жаловаться на ее махинации «куда следует». (Конечно, он сам не знал, куда.) Ничего не ответив, колдунья повернулась к нему спиной и исчезла за дверями, а Андрей остался жить все в той же комнате, и ничего больше не случилось до самого его отъезда в Париж уже весной, в апреле месяце.

Но этим дело не кончилось; продолжение было в следующем году, когда, проезжая на юг, Андрей решил остановиться на один день в Риме.

Город был еще переполнен, и так как Андрею не удалось сразу найти комнату, он отправился на Trinita dei Monti. Ему отворила дверь все та же приживалка, всплеснула руками, его увидев, сказала, что все комнаты заняты, но что она все же доложит синьоре. После довольно продолжительного шушуканья за дверьми старушонка вышла к Андрею и шепотом сообщила ему, что гра-

финя сейчас очень нуждается в деньгах и потому решила уступить ему свою спальню, если он согласится уплатить за эту ночь тридцать лир. Сама она переночует в ванной. Андрей согласился и когда, тотчас же внеся спрошенную сумму, вошел в предоставленную ему комнату, его поразили остатки былой роскоши: огромная кровать замысловатого барокко стояла параллельно двум выходящим на площадь окнам, между которыми великолепное трюмо было украшено вьющимся золотым орнаментом на темном, изумрудно-зеленом фоне.

Обстановку дополняли два продавленные, обитые драгоценной парчой в клочьях кресла и несколько расшатанных столиков с витыми золочеными ножками. Противоположная окнам стена с маленькой дверью прилегала к ванной, где должна была спать в эту ночь странная графиня. Двустворная дверь выходила в переднюю.

Перевезя свои вещи в переднюю, Андрей на целый день ушел бродить по старым, знакомым местам благословенного Рима и вернулся уже довольно поздно. Со странным чувством он лег он в монументальную постель колдуньи, но все же скоро заснул между тончайшими, штопанными простынями, украшенными графскими коронами, и очень искусно наложенными заплатами.

Но сон был тяжелый, и, в конце концов, он почувствовал, что ему во что бы то ни стало нужно проснуться. В то же время ему казалось, что все его тело пронизывают какие-то странные токи, которые мешают ему сделать малейшее движение. С нечеловеческими усилиями ему удалось наконец открыть глаза, и тут он увидел, что вся стена, отделяющая спальню от ванной, проникнута странным фосфорическим светом.

Чувствуя себя скованным неведомой силой, он все же заставил себя перевернуться на другой бок, чтобы не видеть проклятой светящейся стены. В настежь распахнутые окна глядела распахнутая римская ночь, и постепенно успокоенный, хотя разбитый и измученный, он в конце концов заснул уже живительным сном.

То был последний раз, что Андрей видел логовище жабообразной колдуньи. Когда через два года, вновь приехав в Рим, он поднялся по Испанской лестнице на дивную площадь, он увидел

на месте дома, где он пережил столь странные вещи, и соседней скромной гостиницы груды развалин на фоне деревьев Pincio.

Здесь вскоре был воздвигнут грандиозный новый отель, ставший самым роскошным, элегантным и дорогим отелем города, а вся площадь потеряла свой прежний замкнутый, таинственно-фантастический характер.

Публикация, подготовка текста и примечания А.Б. Шишкина

М.Г. Литаврина (*Москва*)

ТАТЬЯНА ПАРВОВА, РУССКАЯ ЗВЕЗДА ИТАЛЬЯНСКОЙ СЦЕНЫ

В одном из интервью итальянский кинорежиссер В. Де Сика, находясь в Москве на кинофестивале, рассказал, что стал заниматься драматическим искусством исключительно благодаря русской актрисе и педагогу. «Об актерской карьере я и не думал до встречи с моим старым другом Джино Саббатини, который, как оказалось, играл в труппе Татьяны Павловой. Он познакомил меня с ней... Татьяна Павлова стала для меня больше, чем первым режиссером, моим первым учителем... она отнеслась ко мне как к сыну. Она стала для меня “эхом великой школы” русского театра, и благодаря ей я стал самонадеянно считать себя итальянским учеником основателей МХАТа Станиславского и Немировича-Данченко. Последний был ее большим другом, он приезжал к нам на репетиции. Я сохранил благодарность Татьяне Павловой на всю жизнь»¹. О тех же примерно чувствах говорили и другие ученики Татьяны Павловой – к тому времени всемирно известные Лукино Висконти, Витторио Гассман.

Имя Татьяны Павловой в 1970 г., когда произносились процитированные слова, на родине было уже основательно забыто. Наверное, сложные чувства испытали и деятели советского кино, участники этой беседы, – столь восторженные слова об эмигрантке, которой обязаны мастерством эти кумиры советского зрителя. Действительно, получается, что именно Татьяна Павлова воспитала не одну звезду столь восторженно принятого в СССР итальянского неореализма. Впрочем, она сама, ее судьба могли бы войти в сценарий любого неореалистического фильма².

Кто же она, Татьяна Павлова, и как оказалась в Италии?

Татьяна Павловна Зейтман, по сцене Павлова, родилась в городе Белопавловичи в 1893 г. в мещанской семье. Детство и юность ее прошли на Украине. Далее судьба сводит ее, пятнадцатилетнюю школьницу, сбежавшую из дома, с великим трагиком Павлом Орленевым — подруги уверили ее, что у нее большой талант и надо показаться какой-нибудь знаменитости. И вот, когда в город на Днестре приехал Орленев, она, умирая от страха, пробралась за кулисы, чтобы с ним встретиться. Дальше (дело было в Екатеринославе в 1908 г.) произошло нечто странное, решившее судьбу Татьяны. С перепугу что-то опрокинув, чуть было не вызвав пожар, она оказалась перед звездой гастрольной сцены, и в это время раздались всеобщие, до смерти напугавшие Татьяну крики: «Это Алла, смотри, Паша, это Алла!» Что за Алла и почему ее называли Аллой, — она понять не могла. Оказывается, речь шла о бывшей гражданской жене Орленева, актрисе Алле Назимовой, оставшейся в Америке и тем самым нанесшей Павлу Николаевичу глубокую рану³. Орленев никак не мог забыть Назимову. Члены труппы и сам трагик были потрясены, как им казалось, исключительным внешним сходством украинской провинциалки с бывшей примой орленевской труппы. Тогда это и решило исход дела — Орленев взял Таню Зейтман с собой на гастроль.

Поначалу был ею недоволен, придирался, запирал, мучил, даже оскорблял. Потом влюбился, и это разом перевернуло ее жизнь, одновременно разрушив окончательно последние иллюзии. Она, будто Золушка после призрачного спектакля-бала, превращалась в маркитантку стареющего рыцаря сцены и сиделку при алкоголике. Позже, случайно встретившись в Венеции с Назимовой, уже звездой американского немого кино, Павлова поймет, что никакого внешнего сходства у них не было и нет. И только горячее воображение Орленева, подогреваемое прихлебателями, заставляло других видеть в ней миражного «двойника». Но она приняла эту ситуацию как данность и, бесконечно увлеченная в ту пору Орленевым, попыталась заменить ему Назимову во всем. Изнанка русской провинциальной сцены открылась ей во всей грязи. Из какого сора выросла, как выкарабкалась на свою итальянскую дорогу эта русская Кабирия — можно

догадываться, сама она предпочитала в годы своей зарубежной славы об этом помалкивать.

Орленев тут же начал ваять свою новую Галатею. Занявшись образованием новоиспеченной артистки, Орленев сказал, что начинать изучение искусства надо с Италии и подарил ей книгу о Леонардо да Винчи. Так в ее жизнь вошла Италия.

В труппе Орленева Таня Зейтман стала *Павловой* и получила свою первую роль — Агнес в «Бранде» Ибсена. Как известно, Орленев был одним из первых русских актеров, выехавших на гастроль в Америку и активно выступавших в Европе. Все это дало юной Тане Павловой определенные преимущества в сравнении с другими дебютантками. Заменяв Назимову в ибсеновском репертуаре, в котором сам Орленев играл центральные роли (Освальда, Бранда), она выехала с ним за границу. Так уж случится, что Орленев и на сей раз подготовит артистку для зарубежной сцены. Но будет это намного позднее (родину Павлова покинет только в 1921 г.). О том, что в жизни Орленева Татьяна Павлова в 1908–1910-х гг. заняла важнейшее место, свидетельствуют его письма к таким корреспондентам, как Д. Тальников и Г. Плеханов. У Плехановых в Женеве они как-то гостили вместе, и Орленев представил Татьяну как супругу⁴. Между тем вскоре в их отношения вмешались родители Павловой, поскольку беспутная жизнь и загулы знаменитого артиста создавали ему дурную славу, бежавшую далеко впереди его гастрольных вояжей. Разрыв с Орленевым Павлова пережила очень тяжело. Через несколько лет она вышла замуж за опереточного артиста М. Вавича, и впоследствии они вместе эмигрировали из России. Как вспоминал в своих весьма некомплементарных беллетризованных мемуарах Лев Никулин (впрочем, не называя имени артистки), «она узнала все — интриги, предательство, подлоги и прошла через них. Океаны честолюбия и толика таланта — все-таки она получила то, что хотела, к тому дню, когда по Зимнему дворцу выстрелила первая винтовка красноармейца»⁵.

Исполнительница популярных мелодрам А.И. Косоротова, О.И. Дымова, Ф. Мольнара, Э. Шелдона особый успех снискавшая в «Касатке» А. Толстого, где предстала загубленной Петербургом провинциалкой «из низов» (эта роль принесла ей настоящую славу в предреволюционные годы), Павлова играла у са-

мых модных режиссеров частной московской сцены 1910-х гг. — А. Санина, К. Незлобина, К. Марджанова в «Свободном» театре, Московском драматическом. От них, прошедших, как Санин, школу мхатовской режиссуры, она восприняла театральные принципы К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, не являясь формально их ученицей в отличие от своего коллеги П. Шарова, состоявшего до эмиграции в Италию в труппе МХА-Та в 1915–1918 гг. (Шаров попытается перенести на итальянскую сцену целые мхатовские спектакли, например, «Братья Карамазовы»⁶.) Это дало Павловой, как выяснится, небезупречный, но важный профессиональный фундамент для ее дальнейшей итальянской карьеры. Однако там, в зарубежье, только что выстрадавшей признание звезде московской сцены пришлось все начинать заново. Муж, Вавич, надолго задерживается в Голливуде (ему здесь, в отличие от многих русских, как заметил Немирович-Данченко, повезло — играл роли злодеев). Татьяна же свяжет свою судьбу с начала 1920-х гг. и до конца жизни только с Италией. Впоследствии она выйдет здесь замуж за писателя и сценариста Нино Д'Арома, весьма близкого к Бенито Муссолини⁷.

В отличие от многих русских актрис, делавших в зарубежье ставку на «звездный» репертуар и модное амплуа «вамп», а на деле остававшихся всю жизнь рабынями акцента, Павлова начала с прилежного изучения итальянского языка, который, говорили, освоила в совершенстве и достаточно легко. Выступая сначала в городах северной Италии с Шаровым, она в 1923 г. начинает самостоятельное дело в Турине и набирает итальянскую труппу. Первоначальный репертуар, естественно, русский (А. Островский, М. Горький, А. Чехов, Л. Андреев). Однако вскоре она увлекается драматургией Г. Д'Аннунцио и пьесами авторов-эмигрантов. Одной из первых она включает в репертуар карнавальные пьесы Николая Евреинова, написанные уже за границей и оказавшиеся весьма популярными на юге Европы, например, «Театр вечной войны» (1929 г., режиссура самого автора). Ставит современную итальянскую драматургию: Рино Алесси, Гвидо Рокка, Коррадо Альваро. Пытается даже предложить зрителю репертуар советской сцены, берется, как и некоторые эмигранты во Франции, за комедии Вал. Катаева («Квад-

ратуру круга») и... терпит фиаско. Как не без удовлетворения сообщает эмигрантская русскоязычная пресса, Павлова сразу же «ошикана»⁸. Тем не менее рубеж 1920–1930-х гг., как показывают хроники итальянского драматического театра, скрупулезно собранные Ренато Симоне⁹, — период стабильной успешной работы труппы Татьяны Павловой, выступающей в театрах «Одеон» и «Филодраматичи» вместе с итальянскими партнерами, причем репертуар был необычно богатым (а затем и гастроль в Риме в Театро Арджентина). Остается поражаться трудоспособности Павловой — она годами играет почти каждый день. Поначалу об ее искусстве местные театралы судят очень придирчиво, соотнося с самыми высокими итальянскими образцами, — и это сравнение часто не в пользу Павловой. Через подобный кризис проходят все актеры-эмигранты, желающие вписаться в новую профессиональную атмосферу, но большую роль играют, так сказать, «*couleur locale*» и общая ситуация в стране.

В итальянской среде Павлова столкнулась с совершенно иным менталитетом, иными традициями и школой исполнения. В отличие от Америки, поголовно и порой довольно бездумно увлеченной в 1920–1930-х гг. Станиславским (после знаменитых гастролей МХАТа), к традиции, принесенной Павловой и Шаровым на итальянскую сцену, и профессиональная критика отнеслась пристрастно. Она прежде всего связала русскую исполнительскую манеру, представленную ими в Италии, со стилем *модерн*, с его изысканностью, утонченностью, манерностью и декоративностью. Этторе Ло Гатто в «Истории русского театра» высказывает мнение о двух тенденциях в самом русском театре начала XX в. — натурализме и эстетизме¹⁰. Из критики ясно, что искусство Павловой — Шарова здесь связывают со второй: пишут о развитии в игре Павловой стилизаторства, характерного для мирискусников, но в другом контексте и не лишнего некоего самолюбования.

Впоследствии, обобщая историю актерского искусства Италии в межвоенный период, Г. Джерон обращал внимание на характер ранних претензий критики к игре Павловой. Так, один из рецензентов писал о постановке Татьяной Павловой популярной мелодрамы Шелдона «Роман»: «Все в этом спектакле — и просторный залитой окнами салон, и воздушный кринолин ге-

роини цвета земляники, и нефритовые подвески по обе стороны ее бледного лица, и та подчеркнутая легкость, с которой актриса лавировала посреди изящной мебели, и причудливая игра веером, и маленькие пробежки, и каскады ее смеха, напоминающие журчание фонтана, — все было направлено на то, чтобы погрузить диву в ауру томного очарования прекрасных ушедших времен»¹¹. В связи с искусством Павловой употребляется даже термин *marcato* — подчеркивание. Иногда его не прощала Павловой даже друг Сильвио Д'Амико: «Это прекрасное зрелище от слова “зреть”, — писал он о постановке «Трактирщицы». — Однако Гольдони, хоть и не верист, все же не Гоцци, каким показала его нынче вечером труппа Павловой...»¹². «Марионеточная стилизация в балетном духе»¹³, — выносил он приговор. Интересно, что те же претензии предъявляются актерам пражской группы МХАТа, гастролировавшей в Праге в 1925 г.: слишком много типизации, обобщений, подчеркиваний, назидательности¹⁴. Мы хотим подражать русским в простоте и оригинальности, — говорили итальянские театральные деятели, наслышанные о мхатовских новациях. — А они, русские, по-прежнему преклоняются перед Томмазо Сальвини и Элеонорой Дузе. Но так было с Павловой в Италии в 1920-е гг.

Со временем сам Д'Амико вынужден был признать, что актерское искусство Павловой стало глубже. Претерпели изменение ранние трактовки. Не забудем, что в Италии она как актриса развивается в жесточайшей конкуренции: приходит в театр еще во времена Дузе и затем явно соперничает с Эммой Грамматикой. И еще играет, когда восходит звезда Анны Маньяни. Так, за исполнение роли фрекен Юлии в пьесе А. Стриндберга Д'Амико называет Павлову «великой трагической актрисой в итальянском значении этого слова»¹⁵. А в спектаклях ее отныне он видит «итальянскую простоту» и искренность чувств. Обратим внимание: из рецензий вообще исчезает упоминание о какой-либо русской экзотике, на которую делали ставку многие актеры-эмигранты. Гастоне Джерон, сопоставляя творчество нескольких итальянских актрис межвоенного периода, писал в журнале «Сипарио»: «Многие критики не предполагали, что Павлова начала новый этап итальянского театра, пришедший, наконец, с вызовами самой жизни... Они задерживали свое внимание на ее

экзотическом произношении, на некоторых дефектах дикции, некоторых виртуозных мимических приемах, выделяли спорные моменты... которые, скорее, надо интерпретировать как ее точность в мизансцене, как поиск точного воссоздания обстановки, как следование гармоничной согласованности разных частей... В конформистской и провинциальной среде Татьяна Павлова была, скорее всего, недооценена»¹⁶.

В этих переменах, думается, определенную роль сыграла и работа Павловой с Немировичем-Данченко в начале 1930-х гг. — она помогла разрешить многие стилистические противоречия, соединив «итальянскую простоту», искренность, а также открытую комедийную заразительность с русским лиризмом, ансамблевостью и глубинной проработкой образа. И это не просто важнейшая глава в биографии Павловой-актрисы, но и во многом поворотный момент в русско-итальянском театральном диалоге.

Каждый год руководителю советского МХАТа Немировичу-Данченко, как он сам признавался, «нужно было немножко Европы» — и он уезжал туда на несколько месяцев «глотнуть свежего воздуха». Конечно, надо было и зарабатывать — гонорары театральной Европы и Голливуда помогали оставаться на уровне, хоть приблизительно, того бытового комфорта (а вовсе не шикарного существования), к которому привык Владимир Иванович. Так было и сейчас. Но именно Италия становится в 1931 г. его «идеей фикс». «Рвусь в Италию!», «Отчаянно хочется поехать в Сан-Ремо!», «Дописать книгу в Италии»¹⁷ — это строчки из его писем. Наконец, его мечта осуществляется. В октябре 1931 г. ему удается заключить договор с труппой Татьяны Павловой (они познакомились в Берлине) о постановке двух спектаклей. Выехать же он сможет только летом следующего года. Немирович хотел, чтобы Шаров, воспитанник Художественного театра и коллега Павловой, подготовил итальянских актеров к этой встрече, позанимался с ними, рассказал о Чехове, а московский мэтр присоединился бы позже. Первой постановкой должна была стать «Цена жизни» (по пьесе Немировича), второй же, по договору, — русская классика. Уже первый спектакль (премьера 1931 г.) имел, по свидетельству Павловой, «сборы битковые», «публика слушала, как в церкви»¹⁸. И при этом никакой «разве-

систой клюквы», купеческих разгулов и прочих картин а-ля рюсс.

При первой же встрече с труппой Павловой Немирович удовлетворенно замечает, что актеры «подчинились ему, как в гипнозе»¹⁹. Работалось в Турине легко, что повлияло на результат: «рецензии триумфальные». Немирович уехал в Москву выхлопотать разрешение на более длительное отсутствие — надо было ставить второй спектакль. В августе 1932 г. он возвращается в Италию, и на сей раз задерживается здесь, к неудовольствию Москвы, почти на год. Репертуарные планы поначалу были расплывчаты: что ставить русскому режиссеру — Достоевского, Толстого, Чехова? Остановились на последнем (хотя Немирович был не прочь поставить живого итальянского классика — Д'Аннунцио, но, как теперь бы сказали, эта фигура в тот момент была слишком политизированная, и он решил воздержаться, несмотря на то что сам драматург № 1 Италии, по слухам, был в восторге от идеи и даже соглашался уступить авторский гонорар Немировичу).

Возможность реализации чеховской пьесы в новой среде, с итальянскими актерами, людьми открытого и бурного темперамента, весьма интриговала Немировича. Такая интерпретация позволила бы преодолеть сложившиеся штампы «чеховщины», а заодно тот неприятный осадок от поражения мхатовского «Вишневого сада» 1904 г., поставленного еще при жизни писателя и принесшего ему жестокое разочарование (МХАТ ставил пьесу как «тяжелую драму русской жизни»). Немирович вспоминает и обсуждает с Павловой слова Чехова о *комедии*, предостережения автора своей жене О. Книппер — Раневской не делать слишком серьезного лица... Итак, иная среда помогла избавиться от груза традиций, явной или мнимой ответственности, который утяжелял Чехова во МХАТе.

В письмо секретарю О.С. Бокшанской из Милана 29 декабря 1932 г. Немирович пишет о своих первых впечатлениях от работы с труппой Павловой над Чеховым: «Актеры искренние и похорошему увлечены “Вишневым садом” и очень быстро схватывают тон простоты и лиризма. Павлова отличная актриса, с обаянием, красивым темпераментом, лучшая актриса Италии, немного подпорченная итальянщиной и тем, что она играет 300

дней в году, каждый день, и иногда два раза в день. И при этом директриса — то есть управляет всем делом. Здесь ведь нет постоянных театров (движение за создание репертуарных театров «стабильно» начнется только после войны, а пока труппы передвижные, «ди джиро». — М.Л.)... Компания Павловой считается лучшей труппой в Италии. Художником в «Вишневом саде» будет Бенуа-сын... Талантливый художник, имеющий здесь успех. Я уже видел его работу в опере...»²⁰. «Вишневый сад» теперь Немирович видит легким подвижным спектаклем, где грусть легко забывается, а у молодожавой Раневской, как он подчеркивает в письме в Америку антрепренеру Сергею Бертенсону — все еще «осиная талия»²¹. Потому и «повел» Немирович Татьяну Павлову в этой роли иначе, чем когда-то Книппер.

У Павловой был и безусловный «парижский шик», отсутствовавший у большинства возможных претенденток — представительниц второго поколения Московского художественного (Книппер уже явно выходила из возраста роли). Он уговорил актрису не бояться зрительского смеха, самой отнестись к своей героине с юмором: этот ход итальянцам очень понравился. В итоге работа Павловой удовлетворила всех: «Это было соединение комедийной актрисы с русской театральностью»²². «Павлову — Раневскую публика сразу, с первых реплик, приняла как очаровательную, милую, но невероятно легкомысленную особу»²³. После стольких лет пьеса впервые «засверкала комедийностью — но когда Раневская плакала, публика плакала вместе с нею»²⁴. Словом, эпитеты у нещедрого на комплименты актрисам Немировича — самые лестные: «Кроме Пашенной, у нас такой актрисы нет»²⁵; и даже сравнивает Павлову с Ермоловой, а значит, по русским меркам, выше некуда. Нужно сказать, что у Павловой были и блестящие партнеры, многих из которых она воспитала сама. В итоге сложился тот ансамбль, который отличал постановку Немировича от многих спектаклей «системы звезд» и был просто необходим Чехову. Прежде всего, надо выделить работу Р. Чаленте — Гаева. По словам такого авторитета в театральном мире Италии, как Д'Амико, он стал по-настоящему актером психологического театра, способным создать тонкую характерность²⁶. Кстати, даже в ролях «второго плана» в спектаклях Павловой, например, «За океаном» Я. Гурдина, где Ча-

ленте играл старого скрипача, он мог создавать портрет, законченный образ. (Добавим, что чемоданы Раневской в этом спектакле носил В. де Сика.)

Для самого Немировича опыт работы с итальянскими актерами не прошел бесследно. Пусть не сбудутся мечты о постановке фильма в Голливуде на основе спектакля труппы Павловой (а были и такие наполеоновские планы), дома, с актерами МХАТа советского, на репетициях «Трех сестер» он будет искать «мужественной простоты», легкости и энергии. «Вишневый сад», поставленный в самый в канун нового 1933 г., имел громкий и в чем-то символический успех. Он подводил черту под целой эпохой, становился своего рода прощанием. Немирович был настолько потрясен приемом публики и критики, что счел необходимым сообщить Станиславскому в Москву: «Победа художественная такая, о какой ни один режиссер не может мечтать!»²⁷. Кажется, такого сам постановщик не ожидал: «Я, признаюсь, удивляюсь, как это мне удалось сделать все, что я хотел, да еще с итальянцами»²⁸. В местных рецензиях режиссер на сей раз заслонил артистку, главное внимание их авторы — Симоне, Пандольфи, Альваро и другие — уделили русскому постановщику, не говоря о самой пьесе. Критика, надо сказать, была единодушной.

Однако Станиславский, сам переживший десять лет назад оглушительный успех своих спектаклей в Америке, отреагировал на гордые депеши Немировича из Италии безо всякого энтузиазма: «Что это делает с нами и с собой Владимир Иванович?!»²⁹. Если же понимать этот вопрос буквально, а не риторически, то Владимир Иванович *делал* в то время ужасающие долги, ибо Татьяна Павлова сама оказалась «немножечко Раневской» и выплатить советскому режиссеру обещанный договором гонорар оказалась не в состоянии. Как большинство русских актрис-эмигранток, она часто попадала в руки недобросовестных антрепренеров. Тысячи долларов, присланных Немировичу «со скрипом» Наркомпросом, не хватило... Павлова заламывала руки, Немирович в Москву не ехал — сидел в Сан-Ремо и буквально «ждал у моря погоды». «Художественная победа» не дала ни копейки личного достатка. Чтобы время даром не шло, Павлова придумывает разные прожекты — знакомит Немировича с ди-

ректором миланского издательства Мондадори и советует заключить договор на книгу воспоминаний на итальянском языке (он приносит Немировичу аванс в 5 тыс лир). От всех неурядиц и стрессов Немирович заболевает, а когда выздоравливает, надо срочно отработать долги. С подачи Павловой же берется за какую-то «Кошку»³⁰, современную пьесу среднего качества. Интересно, что они *вместе* с Павловой ищут, где бы Немировичу заработать, а не Павлова ищет денег, чтоб отдать долг Владимиру Ивановичу. В конечном счете, получится, что эти долги – Павловой перед Немировичем – покроет советская казна...

Пристроенный Павловой Немирович монтирует пьесу «Кошка» в самых ремесленных условиях в рекордные сроки. Об этом сам выражается так: «Чертыхаюсь и становлюсь вульгарен»³¹. «Кошка», однако, «проскочила» у итальянцев под «многочисленные аплодисменты», хотя на сей раз постановщику было стыдно за «ужасающий спектакль», да еще и в «оперных декорациях Г. Лукомского»³². Да еще и сорвалось участие в постановке самой Павловой – из-за болезни матери она выбывает из работы; после – опять трудные переговоры о деньгах «на возвращение», опять отчаяние Павловой, слезы и мольбы. Потом будет поездка Немировича к Горькому в Сорренто за помощью³³ и нетерпеливые депеши от Станиславского, бесстрастно указывавшего, что «затрудненные обстоятельства», связанные с постановками в труппе Павловой, «не являются в глазах управляющих МХАТом организаций и советской общественности уважительными», и «постоянное откладывание возвращения» стало опасным³⁴. Тогда активизировали всех, что называется, дедка за репку: Горький ходатайствует перед Бубновым, Станиславский перед Сталиным, под резкие выпады Ворошилова (явно что-то заподозрившего) по адресу Немировича: «До каких пор старичок будет доить казну?!» Наконец, Немирович расстается с Италией и с Татьяной Павловой и во МХАТ приходит долгожданная телеграмма: «Вещи на вокзале»³⁵. В начале летних каникул он воротился в Москву – ставить горьковскую пьесу к съезду победителей. «Сказки об Италии» закончились, их пути с Павловой надолго расходятся...

Однако Татьяна Павлова не оставляла маэстро (как она его называла) своим вниманием. Она льстит себя надеждой, что им

еще доведется поработать вместе, и во всяком случае, свидеться, обещает все доплатить в обозримом будущем, широко пропагандирует в Италии школу МХАТа, Немировича. Тон ее писем к Владимиру Ивановичу (всего их 28 в архиве МХАТа) — самый восторженный. Никакого амикошонства, только почтение к мировой знаменитости, чья репутация подтверждена театральной Европой и Голливудом. После того как становится известно о гастрольях МХАТа в Париже в 1937 г., Татьяна Павлова обращается к Немировичу (22 июня) с просьбой разрешить двенадцати ее (и Д'Амико) ученикам присутствовать на спектаклях театра: «Мое к Вам обожание, маэстро, не имеет границ. Сейчас живу мечтой увидеть в Париже вашу работу (речь прежде всего об «Анне Карениной», поставленной Немировичем в МХАТе. — М.Л.) — иногда ночей не сплю, думая, как это будет, что увижу»³⁶. Они действительно все увидели и, как писал Немирович Бертенсону, «покрыли меня преклонением». Однако в 1937 г., во время поездки в Париж, Немирович и актеры МХАТа уже находятся под «несыпным оком», и подробностей об их личных встречах с Павловой отыскать не удалось.

Счастье «русских постановок» труппы Павловой, однако, недолгое. Как указывает российский биограф Муссолини Лев Белоусов, рубеж 1920–1930-х гг. — это период, «когда чистке подвергались даже школьные библиотеки: книги Г. Ибсена, Дж. Лондона, Л. Толстого, Н. Гоголя, И. Тургенева, других корифеев мировой литературы уступали место произведениям дуче»³⁷. А ведь перечисленные имена русских классиков — это и есть репертуар Павловой. Да еще «новая драма» — Ибсен, Стриндберг... Итак, объявлены новые ориентиры и ценности, в том числе в области театра и массовых зрелищ: в моду входил так называемый большой «патриотический стиль». Наступает пора спектаклей-митингов и парадов, характерных для тоталитарной культуры. Сам дуче, как известно, чрезвычайно театрализовал свое поведение и говорил цитатами из пьес Д'Аннунцио, провозглашенного культурным образцом. Именно в тот момент новая дирекция труппы Павловой исключает русский репертуар из афиши следующего сезона (1934). Однако несмотря на все это, имевшее отношение отнюдь не к личности Павловой, поразителен и требует дальнейшего изучения сам факт

столь длительной работы советского режиссера в это время в Италии и столь высокой оценки его труда в центральной печати — имеются в виду хвалебные рецензии в таком органе, как «Il lavoro fascista».

Стала ли Татьяна Павлова окончательно итальянской актрисой, вошла ли органично в здешнюю театральную жизнь? Выдержала ли конкуренцию в эти переходные и в целом трудные, полные неустойчивости годы для итальянского театра, к тому же годы, весьма сложные для существования иностранки в этом театре, когда отношение к русской культуре было весьма неоднозначным и часто тенденциозным? Позже и опыт МХАТа, на который ссылалась Павлова, и «система Станиславского» подвергнутся здесь жесткой критике — в основном, как показывает анализ и собственные свидетельства многих театральных деятелей, — из-за незнания и искажения первоисточника рядом «толкователей». Ведь сама книга Станиславского о работе актера выйдет здесь только в 1955 г., а ее «редакции», преподнесенные многими эмигрантами-самозванцами, работавшими «под эгидой МХАТа», и затем кризисные явления самого советского театра 1940–1950-х гг., не вселяли оптимизма. Все это дало Э. Ло Гатто основания утверждать, что все русские театры в это время на деле являются «эпигонами МХАТа»³⁸. Сегодня можно встретить в Италии и критику в адрес Павловой идеологического свойства — мол, сделала карьеру, пользуясь связями мужа, литературного секретаря Муссолини Н. Д'Арома. Но это — тема сложная, в каждом случае требующая учета всех конкретных обстоятельств, ведь в то время в Италии находилось немало русских, в том числе Вяч. Иванов, в архивах многих из них можно обнаружить членские билеты различных обществ с характерной символикой. А если вспомнить запутанную судьбу О. Чеховой, звезды Третьего рейха и родственницы О.Л. Книппер! Все это — тема отдельного и взвешенного исследования. Мы же сейчас говорим собственно о судьбе Павловой — *театральной актрисы*.

Соотношение стилей и исполнительских традиций — русской и итальянской — волновало и саму Татьяну Павлову на протяжении всей ее зарубежной работы. Она вспоминала богемно-угарный дух Орленева: даже в часы загулов его необузданная и вместе с тем гипнотическая натура не теряла своей привлекательно-

сти и не блекла с годами в ее сознании. Она говорила о русских «стихийных» талантах мочаловского, орленевского типа: «Как это не похоже на европейских актеров: ведь те, если играют в игру “гений и беспутство”, в глубине души мечтают о достатке, о спокойной жизни, полной комфорта... Я давным-давно сблизилась с итальянскими актерами, продолжаю с ними постоянно общаться и поныне, и питаю к ним очень большое уважение, но, мне кажется, их духовный склад не похож на тот, который я наблюдала в юности, общаясь со знаменитыми актерами моей земли... В миланском театре Скала я встречалась со многими звездами мирового искусства. С уверенностью могу сказать, среди них не было никого, кто был бы похож на Орленева»³⁹. Никого, равного в таланте саморастраты, — недаром заокеанская критика назвала его «пылающий факел». Но в то же время этот огонь сжигал его и таких, как он, дотла. Небезынтересно заметить, что актерские карьеры даже лучших российских трагиков подобной оргиастической природы (будь то Павел Орленев или Михаил Чехов) в эмиграции часто не складывались из-за неумения или нежелания вписаться в новые «предлагаемые обстоятельства», терпеливо ждать момента востребованности, жестко ограничивая свою жизнь и постоянно держа себя «в струне». Не хватало им упорства и выучить языки. Спасала порой лишь педагогика. Другое дело их современницы-актрисы. Ведь Алла Назимова, Татьяна Павлова, Ольга Чехова, Ольга Бакланова⁴⁰ и прижились, и вписались в западные театр и кино, мало того, нашли истинное признание именно на Западе.

Из русской школы Татьяна Павлова, сделавшая первые режиссерские шаги еще в России 1910-х гг., принесла в итальянский театр внутреннюю ансамблевость и уважение к актеру. «Если ты начала работать с труппой актеров, — говорил ей когда-то Орленев, — никогда не путай их имена». Имена всех партнеров и вообще участников спектакля она учила прежде, чем собственную роль. Принесла привычку к регулярной и тщательной работе, к строительству театра, что будет так важно для движения итальянских «стабиле», которое после войны возглавят Джорджо Стрелер, Паоло Грасси, Витторио Гассман. И надо подчеркнуть особо: сам термин «режиссер» применительно к современному театру был впервые употреблен в полном значении этого

слова именно по-итальянски (*regia, regista* — вместо ранее употреблявшегося французского термина *metteur en scene*) критиком Энрике Рокка в отношении деятельности Павловой (в рецензии на ее спектакль по пьесе Я. Гордина⁴¹). И еще одно важное — и довольно редкое — качество Павловой, о котором невозможно не сказать. Она никогда, в отличие от многих актрис зарубежья, привыкших солировать, забыв о возрасте и зрителе, «не тянула одеяло на себя». Если ставила спектакль с большой заглавной женской ролью, то вовсе не обязательно брала эту роль себе: так, когда ей было немного «за сорок», считала ненужным брать самой за роль Анны Карениной — ее сыграла М. Абба.

В 1946 г. во время развернувшегося в Италии движения за создание репертуарных театров Л. Висконти ставит знаменитый спектакль «Стеклянный зверинец» Т. Уильямса, где главную роль — Аманды — поручает Татьяне Павловой. Это был один из последних ее актерских взлетов (еще можно назвать миссис Уоррен в пьесе Б. Шоу), затем она постепенно перейдет на режиссерскую и педагогическую работу в Академии Сильвио Д'Амико и Ла Скала, где поставит множество опер, лишь изредка снимаясь на телевидении⁴². Но место, с трудом отвоеванное этой русской в итальянской театральной культуре, уже незыблемо. Она — из «разрыхлителей почвы». Ее визитная карточка к этому времени — десятки учеников и ссылок на «школу Татьяны Павловой» в энциклопедиях и биографических справочниках итальянских деятелей театра и кино⁴³.

До сих пор имя Павловой, если и упоминается изредка в российской специальной литературе, то, как правило, мельком, небрежно-снисходительно, да порой с погрешностями — напутаны то инициалы, то годы жизни⁴⁴. Немало сделавшая для становления современного итальянского театра, она заслужила, чтобы ошибки эти были исправлены, что будет хотя бы началом изучения ее небесспорного, но важного театрального опыта на родине.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Искусство кино. 1970. № 5. С. 20.

² Настоящая статья подготовлена в основном на материалах прижизненной итальянской театральной прессы о Татьяне Павловой и рос-

сийских источниках. В случае подготовки более обширного труда, требующего всесторонней оценки фигуры Павловой и выходящего за рамки театроведческого исследования, новые материалы итальянских исследователей, в первую очередь, вышедшая в 2000 г. книга Д. Руокко (Ruocco D. Tatiana Pavlova: Diva intelligente), будут учтены (аннотацию на монографию Д. Руокко см. в Библиографическом обзоре. — *Примеч. ред.*).

³ См.: Литаврина М. Американские сады Аллы Назимовой. М., 1995. С. 40–45.

⁴ Мацкин А. Орленев. М., 1977. С. 274, 275.

⁵ Никулин Л. Время, пространство, движение // Красная новь. 1932. XI. С. 94.

⁶ См. подробнее о нем: Скандура К. Петр Шаров, посланник К.С. Станиславского в Италии // Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX веке / Отв. ред. Н.П. Комолова. М., 2003. С. 251–257; в статье упоминается и деятельность Павловой.

⁷ Принадлежность супруга Павловой Н. Д'Арома к фашистской элите никоим образом не ставит под сомнения целесообразность современного искусствоведческого анализа игры Павловой, равно как и объективность свидетельств итальянской критики прошлых лет.

⁸ Театр и жизнь (Париж). 1929. № 14. С. 28.

⁹ Simone R. Trent'anni di cronaca drammatica. Torino, 1955. V. 3. 1927–1932.

¹⁰ Lo Gatto E. Storia del teatro russo: 2 vol. Firenze, 1955. P. 159–163.

¹¹ Enciclopedia dello spettacolo. Firenze, 1960. V. VII. P. 1795.

¹² D'Amico S. Cronache del teatro. Bari, 1964. V. 2. P. 595–596.

¹³ Ibid.

¹⁴ Бушуева С. Полвека итальянского театра. 1880–1930. М., 1978. С. 160.

¹⁵ D'Amico S. Cronache del teatro... P. 51–52.

¹⁶ Geron G. Fischii ed applausi fra due guerre // Sipario. 1963. V. 204 (aprile). P. 15.

¹⁷ Радищева О. Станиславский и Немирович-Данченко. История театральных отношений. М., 1999. Т. 3. (1917–1938). С. 307.

¹⁸ См.: Фрейдкина Л. Дни и годы Вл.И. Немировича-Данченко. Летопись жизни и творчества. М.: ВТО, 1962.

¹⁹ Немирович-Данченко В.И. — С.Л. Бертенсону, 17 ноября 1931 г. // Аренский К. Письма в Холливуд. По материалам архива С.Л. Бертенсона. Мюнхен, 1968. С. 152–153.

²⁰ Немирович-Данченко В.И. — О.С. Бокшанской, 29 декабря 1932 г. // Немирович-Данченко В.И. Избранные письма. М.: Искусство, 1979.

Т. 2. С. 400. Об успехе спектакля свидетельствовала и эмигрантская пресса, см.: Театр и жизнь (Париж). 1931. № 44. С. 25.

²¹ Немирович-Данченко В.И. — С.Л. Бертенсону, 6 февраля 1933 г. // Аренский К. Письма в Холливуд... С.189.

²² Там же. С.189–190.

²³ Там же. С. 190.

²⁴ Там же. С. 189.

²⁵ Там же.

²⁶ D'Amico S. Gronache del teatrj... P. 184.

²⁷ Приведено в письме О.С. Бокшанской к К.С. Станиславскому, 14 марта 1933 г. // Музей МХАТ. Архив Станиславского. № 12863.

²⁸ Письмо к С.Л. Бертенсону от 6 февраля 1933 г. // Аренский К. Письма в Холливуд... С.189.

²⁹ Радищева О. Станиславский и Немирович-Данченко... С. 312.

³⁰ «Кошка» («La Gatta»), пьеса Р. Алесси.

³¹ Приведено О. Бокшанской в письме Станиславскому, 14 марта 1933 г. // Музей МХАТ. Архив Станиславского. № 12863.

³² Записная книжка В.И. Немировича-Данченко // Музей МХАТ. Архив Немировича-Данченко. № 19949.

³³ Письма Немировича-Данченко к А.М. Горькому от 9 марта и 18 апреля 1933 г. // Немирович-Данченко В.И. Избранные письма... С. 402–403.

³⁴ Музей МХАТ. Архив Станиславского. № 5317.

³⁵ Телеграмма Немировича-Данченко во МХАТ, 14 мая 1933 г. // Музей МХАТ. Архив Немировича-Данченко. № 1799.

³⁶ Письмо Т. Павловой Немировичу-Данченко, 22 июня 1937 г. // Музей МХАТ. Архив Немировича-Данченко. № 5277.

³⁷ Белоусов Л. Режим Муссолини и массы. М.: МГУ, 2000. Вып. 3. — (Сер. Исторические науки). С. 118; см. там же о театральной политике Муссолини.

³⁸ Ло Гатто Э. Мои встречи с Россией. М.: Крут, 1992. С. 140.

³⁹ Письмо Т. Павловой А.П. Мацкину хранилось в собрании материалов А.П. Мацкина об Орленеве в Центральной научной библиотеке Союза театральных деятелей. РФ. Здесь цит. по книжному варианту публикации (Мацкин А.П. Орленев. М., 1977). См. также интервью Т. Павловой о своей русской школе журналу «Siragio» (1963, № 206, р. 46–47; номер к 100-летию Станиславского).

⁴⁰ Бакланова Ольга Владимировна — актриса МХАТа и Музыкальной студии Немировича-Данченко; осталась в 1926 г. в США, где работала в театре и кино.

⁴¹ Россо Е. Oltre Oceano // Il lavoro fascista. 1931. 31 XII.

⁴² Enciclopedia dello spettacolo. Firenze, 1960. V. VII. P. 1796–1797.

⁴³ Pandolfi V. Enciclopedia di cultura moderna. V. 9. P. 113, 240, 265, 278, 280, 282 etc.

⁴⁴ См., напр.: Сибиряков Н.Н. Мировое значение Станиславского. М., 1988. С. 351 (Татьяна Павлова спутана с актрисой МХАТа – В.Н. Павловой); Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра. Вып. 3. М., 2004. С. 551 (презентация личности Павловой сделана исключительно по книге Л. Никулина, то есть без учета работы актрисы в Италии, да к тому же по художественному произведению, где само имя ее так и не названо).

ПАТРИЦИЯ ДЕОТТО (*Триест*)

НИКОЛАЙ БЕНУА: ТЕАТРАЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИТАЛИЕЙ

В 1920-е гг. Италию посещали многие русские эмигранты из интеллигентской среды, а некоторые из них, как, например, театральный художник Николай Бенуа, сын знаменитого мирискусника Александра Бенуа, в конце концов, и поселился здесь.

Для Н.А. Бенуа Италия не была чужой страной: с самого детства он проживал на Апеннинском полуострове, а также во Франции, куда в 1905 г. родители, по разным причинам, решили временно переехать. Одной из этих причин было хрупкое здоровье маленького Коли, страдавшего от сырого петербургского климата (он родился в пригородном Ораниенбауме 19 апреля ст. ст. 1901 г.).

Бенуа жили сначала в Бретани, потом в Версале и Париже, но в 1907 г. вся семья вернулась в Петербург. С 1908 г. Италия стала любимым местом их летнего отдыха, который длился по три-четыре месяца. Бенуа бронировали три вагона, загружали их чемоданами и всем необходимым для проживания за границей, и выезжали вместе с прислугой. Вначале они намеревались поселиться в Валь-д'Интельви (Ломбардия), но в те годы этот край не был еще приспособлен для приема туристов, а потому Бенуа предпочли остановиться в итальянской части Швейцарии (кантон Тиссен). Они поселились у Луганского озера и в первый год жили в пансионе в местечке Соренго, а в последующие сезоны, в 1909–1912 гг., нанимали дом Камуцци¹ в Монтаньоле. Оттуда семья Бенуа совершала экскурсии в ближайшие районы Италии – в Саронно, Варалло, Брешию, Милан, а также и в более дальние – Венецию, Равенну, Флоренцию².

В те годы Николай Бенуа, продолжая давнюю семейную традицию, учился в основанной в середине XIX в. знаменитой гимназии Карла Мая в Петербурге, среди выпускников которой было немало известных людей, в том числе К.А. Сомов, Д.В. Философов и Н.К. Рерих³. Иногда Коля ходил на занятия М.В. Добужинского и Е.Е. Лансере в художественную мастерскую, организованную княгиней М.Д. Гагариной в 1911 г. в помещении Академии художеств⁴. Однако главными его учителями были Орест Аллегри, знаменитый художник-декоратор императорских театров, и отец, к которому он всю жизнь был нежно привязан.

В 1920–1921 гг. Н. Бенуа самостоятельно оформил свой первый спектакль «Северные богатыри» Ибсена для петроградского Большого драматического театра⁵. В 1924 г. он получил визу на три месяца и уехал с женой Марией во Францию. В Париже художник встретился с Н.Ф. Балиевым, возглавлявшим театр-кабаре «Летучая мышь» в помещении театра «Фемина» на Елисейских полях. Балиев в то время искал молодых людей, прибывавших из России, чтобы получить для своего театра новую закваску, новые идеи. Он заказал Бенуа несколько отдельных эскизов, но, когда увидел первый из них, был так поражен талантом молодого мастера, что дал ему заказ на всю программу. Для Бенуа и его жены, находившихся в очень трудном материальном положении, это было как «манна небесная»⁶. У Балиева Бенуа познакомился с А.А. Саниным, режиссером Московского художественного театра, который с разрешения советских властей в 1922 г. покинул Москву и стал работать за границей. Бенуа поставил отдельные сцены у Балиева для «Летучей мыши» и получил предложение из Мадрида на постановку в Королевском театре «Бориса Годунова» с русскими солистами и испанским хором. Санин, выдвигавший задачу превратить оперу из костюмированного концерта в музыкальный спектакль, разделял с Бенуа взгляд на оперную постановку как на театральное представление и убеждение в необходимости гармоничного слияния музыкального элемента с визуальным, а также жанрово-стилевого единства. Режиссер был в таком восторге от молодого сотрудника, что когда в 1925 г. его пригласили в Ла Скала для постановки «Хованщины», предложил Артуро Тосканини заказать Бенуа оформление спектакля.

Уже тогда Бенуа показал решительный характер и уверенность в себе, которую приобрел, работая долгие годы бок о бок с отцом. У него же начинающий театральный художник научился принципам и технике декорации, основанным на художественной целостности, синтетическом единстве всех элементов спектакля и точном воссоздании места и времени действия⁷.

Николай Бенуа всю жизнь придерживался новаторства, введенного С. Дягилевым и Бенуа-отцом в постановки «Русского балета». В 1987 г. о Дягилеве Николай написал так: «Он нас научил, что красота постановки заложена в так называемом эскизе, т.е. сценическом проекте, где уже присутствуют, как в волшебной шкатулке, все нужные элементы для “создания” картины, включая поэтическую и музыкальную силу»⁸. Эта концепция положена в основу эскизов для балетов и костюмов «Хованщины», высоко оцененных Тосканини, при этом Бенуа исполнение картин считал слабее своих эскизов. Он обратил внимание Тосканини на исчезновение из декораций основного структурного элемента, то есть стилистического единства (в эскизах существовавшего), и уговаривал маэстро пойти на изменения. Бенуа работал двое суток, с утра до вечера, дабы исправить картины. После этой постановки началось прочное сотрудничество Бенуа с Ла Скала и другими итальянскими театрами; в то же время он вышел на международную арену, исполнив заказы для театра «Колон» в Буэнос-Айресе, для оперных театров Берлина и Дрездена. В 1927–1932 гг. Бенуа жил в Риме, где поставил многочисленные спектакли для Королевской оперы. Там же в 1932 г. родился его сын Романо.

В те годы он часто бывал в Сорренто в гостях у Горького⁹, где встречался с близкими друзьями Максимом Пешковым, сыном Горького, князем Ираклием Багратионом-Мухранским¹⁰, с которым дружил всю жизнь и даже написал его портрет, художником Борисом Шаляпиным, сыном легендарного певца. В 1929 г., когда Федор Шаляпин с огромным успехом пел в «Борисе Годунове» в Римской опере, среди зрителей был его приятель Горький, специально приехавший из Сорренто; присутствовал, естественно, и Бенуа, написавший эскизы для оперы.

По инициативе Максима Пешкова московские театры часто приглашали Бенуа оформлять спектакли, но он предпочитал выполнять заказы для западных компаний, постоянно работая с

1932 г. в Ла Скала. Бенуа ввел в итальянский оперный театр новое понимание роли театрального художника и принцип «неделимости постановки» — от декорации до костюмов, париков и ожерелий. Он обновил декоративную живопись, продолжая инновации, начатые его отцом. Тогда в Ла Скала и в других итальянских оперных театрах работали художники, чаще всего специализировавшиеся на рисовании определенных деталей: одни рисовали капители, другие стулья или похожую бутафорию, и каждый писал по-своему, не обращая внимания на жанровое и стилистическое единство постановки. Режиссеры приглашали известных художников и скульпторов, зачастую не имевших никакого представления о постановочной живописи и технике, — по большей части их эскизы были похожи на картины, которые потом театральные специалисты должны были приспособлять в качестве декораций.

Бенуа, введя понятие театрального художника как «постановочного строителя» (*costruttore scenografico*), обратил внимание на необходимость соблюдения культуры и стиля эпохи, на связь цвета с музыкой¹¹ и на гармоничное сочетание костюмов с декорацией и с музыкой. Последнее было чуждо даже такому известному костюмеру, как Карамба (настоящее имя Луиджи Сапелли), рисовавшему замечательные костюмы, но нередко вразрез с характером постановки. Кроме того, тогда было принято брать костюмы напрокат в мастерских, где иногда даже не имелось подходящей одежды.

Когда в 1937 г., после смерти Карамбы, Бенуа был назначен на должность директора художественно-постановочной части Ла Скала, он создал пошивочную мастерскую в театре, чтобы иметь возможность шить костюмы, подходящие к постановкам различных опер. Он также убедил дирекцию театра в необходимости заменить неподвижные подмостки механическими, с движущимися декорациями и мостиками, по проекту архитектора Луиджи-Лоренцо Секки. Бенуа основал школу для учебной практики театральных художников и устраивал — впервые в Италии — выставки театральных эскизов.

Однако с конца 1935 г. по начало 1936 г., перед тем как занять место директора художественно-постановочной части, Бенуа пережил очень трудный период — из-за своего советского граж-

данства в фашистской Италии. Дело в том, что в 1924 г. он легально выехал из России с советским паспортом, который сначала сохранял, так как родители жили в Ленинграде и сын боялся, что им повредит, если станет официальным эмигрантом. Позже, в 1929–1930 гг., когда родители окончательно переехали в Париж¹² и он уже обосновался в Италии, получение нансеновского паспорта по разным причинам откладывалось: из-за бюрократических затруднений, отсутствия определенных льгот и проч. Александр Бенуа в то время принял французское гражданство и уговаривал сына сделать то же самое, но тот отказывался: ему казалось, что при французском гражданстве он морально изменил бы «родине своей души».

Как многие русские, он был влюблен в Италию, а его страсть к опере и возможность работать в Ла Скала еще более усиливали эту привязанность. Все те годы Бенуа, живя вне СССР, продлевал визу, но в 1935 г., перед Рождественским праздником, он подпал под действие новых, принятых театральным инспекторатом мер, в силу которых обладателей «красного», то есть советского паспорта, лишали права работать, а обладателям «белого», то есть нансеновского паспорта, работать разрешалось. Квестура (полицейское управление) сообщила Бенуа, что 29 декабря 1935 г. срок действия его разрешения на работу и пребывание в Италии окончательно истекает. Бенуа был ужасно расстроен; он уже чувствовал себя полноправным итальянцем и, кроме того, его работа в Ла Скала была в самом разгаре: он руководил постановками для открытия сезона — «Эрнани» и балета Сонзоньо «Любовь к трем апельсинам».

Тогда он решил, как многие русские эмигранты в Италии, просить о помощи Ольгу Ивановну Ресневич-Синьорелли¹³, с которой познакомился, живя в Риме. Вероятно, ее ходатайство к театральной администрации и успех премьеры «Эрнани» содействовали продлению визы и права на работу. Таким образом, Бенуа располагал еще некоторым временем, чтобы попытаться получить нансеновский паспорт в Париже, где этим занимались его знакомые, и уже в Италии обменять его на итальянский паспорт. Все это было не так просто, но Бенуа был готов бороться, лишь бы получить право жить в «милрой» Италии.

В 1937 г. вопрос был решен, и Николаю Бенуа, как было сказано выше, предложили занять престижный пост директора худо-

жественно-постановочной части, на котором он и оставался вплоть до 1970 г. В его оформлении было поставлено свыше 130 спектаклей¹⁴; он приглашал сотрудничать таких художников, как Джорджо де Кирико, Альберто Савиньо, Энрико Прампполини, Марио Сирони, Лучи Фонтана, Карло Карра и Феличе Казорати (последнего ценил особенно высоко).

Бенуа попытался привлечь к сотрудничеству в Ла Скала и талантливую дочь Ольги Ивановны, Марию Синьорелли¹⁵, но не всегда администрация миланского театра доверяла его предложениям, несмотря на то что у мастера был хороший нюх на таланты. Когда, наконец, в 1949 г. Марии Синьорелли заказали эскизы для «Танкреди и Клоринда», она получила большой успех.

Бенуа продолжал работать в Ла Скала и как главный художник; среди многочисленных работ знаменитых послевоенных сезонов 1950–60-х гг. упомянем эскизы для «Анны Болейн» Г. Доницетти (1957) в постановке Лукино Висконти и в исполнении Марии Каллас.

В начале 1950-х гг. Бенуа увлекся молодой многообещающей певицей, сопрано Дизма де Чекко, учившейся пению в Ла Скала (впоследствии она стала его второй женой). Благодаря де Чекко, родом из Фриули, Бенуа открыл для себя этот край и его нетронутую природу. Влюбившись в глубокое голубое небо, напоминавшее ему родное небо с вечно плывущими облаками, он увековечил его в одной из своих последних картин¹⁶. Для Бенуа дом во фриуланском городке Кодроипо стал прибежищем, куда он ездил отдыхать и набираться вдохновения.

В 1952 г. неожиданно умерла мать Бенуа. На похоронах в Париже присутствовала и Дизма де Чекко. Бенуа-отец особенно тяжело переносил утрату супруги, с которой прожил 58 лет. Николай привез его к себе в Милан, где помог ему одолеть горе, побуждая к творческой работе. Сотрудничество с многочисленными театрами, в том числе с Ла Скала, и писание мемуаров утешали Александра Бенуа.

Николай попытался напечатать с помощью Ольги Синьорелли итальянский перевод первых двух томов мемуаров отца, опубликованных издательством им. Чехова в Нью-Йорке в 1955 г. Он хотел доставить 87-летнему отцу радость увидеть свои мемуары опубликованными на «любимом итальянском языке, для читате-

лей обожаемой им Италией»¹⁷, но его план не осуществился. С Синьорелли он также вел переговоры об отцовском дневнике, охватывающем революционные годы¹⁸. В издании дневника был заинтересован один лондонский издатель, но Мария Игнатьевна Будберг, которая сначала активно пыталась реализовать проект, потом прервала переговоры, так как ей не понравились некоторые суровые высказывания мемуариста о Горьком.

Тем временем сын Н. Бенуа, Романо, уже несколько лет как жил с матерью в Буэнос-Айресе. 26 декабря 1953 г. он женился на аргентинке итальянского происхождения Марте, дочери предпринимателя, поставлявшего оптом яблоки в европейские страны. Романо работал некоторое время с тестем, но потом решил попробовать свои силы как художник, хотя, в отличие от отца и бабушки, природа не наделила его особым талантом. Осенью 1954 г. он переехал с женой в Рим, где поступил в училище «Centro Sperimentale di cinematografia». Окончив его, он со своими друзьями, среди которых был будущий известный киносценарист Эрнесто Гастальди, поехал в Испанию снимать документальный фильм. В 1964 г. казалось, что мечта Романо Бенуа стать актером сбудется: он снялся в картине «Пустота» итальянского режиссера Пьеро Виварелли, но фильм не имел успеха, и карьера Романо как киноактера закончилась.

Напротив, для Н. Бенуа 1964-й стал очень важным годом: спустя сорок лет он поехал в Россию с гастрольями Ла Скала в Большом театре. Его встретили торжественно. Декорации к двум спектаклям («Трубадур» Верди и «Турандот» Пуччини) были созданы художником специально для московских гастролей. На короткое время он слетал в Ленинград, чтобы встретиться с родственниками. Тогда же руководство Большого театра пригласило его принять участие в постановке оперы «Сон в летнюю ночь» Бриттена (1966). Еще пятнадцать лет спустя, в 1979 г., Бенуа приехал в Большой театр, чтобы вместе с режиссером Семеном Штейном и дирижером Альгисом Жюрайтисом поставить вердиевский «Бал-маскарад».

В 1970 г., по окончании сотрудничества с Ла Скала, Бенуа продолжал ставить спектакли в театрах всего мира, особенно часто в американских и японских театрах. Он рисовал эскизы и кос-

тюмы для балета, поставленного по японской легенде о княгине Кагуиа в Токио, и для произведений Чайковского.

После продолжительной болезни, длившейся два года, 31 марта 1988 г. Николай Александрович Бенуа умер и был похоронен, согласно его желанию, в Кодроипо (где ему казалось, что он ближе к своей родине), в кладбищенской церкви, под плитой с надписью на русском и итальянском.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дом Камуцци (Casa Camuzzi) был выстроен в 1845–1848 гг. тиссенским зодчим А. Камуцци, работавшим в 1828–1854 гг. в Петербурге и временно пребывавшим в тот момент у себя на родине; для возведения собственного особняка он использовал синтез архитектурных стилей, популярных в дачных пригородах Петербурга той поры. В XX в. дом Камуцци прославился пребыванием в его стенах (в 1919–1931 гг.) знаменитого немецкого писателя Г. Гессе. — *Примеч. ред.*

² Бенуа А.Н. Мои воспоминания: В 5 кн. М., 1993. Т. V. С. 487–494.

³ Он же. Мой дневник 1916–1917–1918. М., 2003. С. 564.

⁴ Там же. С. 589.

⁵ «Уже в момент рождения Большой драматический театр, возникший при поддержке Горького в сентябре 1918 года, был задуман как советский театр классического репертуара. <...> Противостоящий развлекательно-обывательской буржуазной драматургии, это был единственный не только в революционном Петрограде, но и во всей стране новый коллектив, ориентировавшийся исключительно на классику. <...> Со второго сезона — с октября 1919 года — в качестве режиссера и художника начал работать и Бенуа. Теперь БДТ выглядел своеобразным форпостом “Мира искусства” на драматической сцене, театральной лабораторией группы художников, связанных творческой общностью и последовательно нащупывающих пути к созданию драматического спектакля “большого стиля”» (Эткинд М. А.Н. Бенуа и русская художественная культура. Л, 1989. С. 328–337).

⁶ Дедюлин С. В гостях у Николая Бенуа // Русская мысль. 1985. 2 мая. № 3567. С. 15.

⁷ См.: The World of Art Movement in Early 20-th century Russia. Leningrad, 1991. С. 144–154; Эткинд М. А.Н. Бенуа и русская художественная культура... С. 250–253.

⁸ Benois N. Il primato dello scenografo // I Benois del teatro alla Scala, Mostra seconda / A cura di G. Dorfles. Milano: Ed. Amici della Scala, 1988. P. 215.

⁹ Дедюлин С. В гостях у Николая Бенуа... С. 15.

¹⁰ Багратион-Мухранский Ираклий (1908–1977) из грузинского царского дома, после революции уехал с семьей в Германию, но через несколько лет вернулся в Советскую Россию, откуда в 1931 г. с помощью Горького снова уехал и жил сначала в Италии, а потом в Испании.

¹¹ Николай Бенуа не умел играть ни на каком музыкальном инструменте, но был весьма музыкальным человеком и, готовя эскизы, сидел за роялем, одной рукой подбирая подходящую к рисунку тональность; он был убежден, что цвет совпадает с музыкой. Уточняя свою поэтику, Бенуа пишет: «Работа театрального художника наделена богатым воображением и должна всегда быть глубоко связана с музыкой и выражать ее, но это также математическая задача, постоянное рассуждение о том, как превратить музыкальные данные в образ, в трехмерное пространство» (Dorfles G. Alessandro e Nicola Benois alla Scala // I Benois del teatro alla Scala... P. 25).

¹² А. Бенуа долго откладывал решение эмигрировать во Францию: он сделал окончательный выбор, когда в 1930 г. его отчислили из штата Эрмитажа (Эткинд М. А.Н. Бенуа и русская художественная культура... С. 380–382).

¹³ Ресневич О.И. (1883–1975) — переводчица литовского происхождения, биограф Э. Дузе, вышла замуж за врача А. Синьорелли. В их римском доме бывали видные представители искусства, литературы и философии. Русские эмигранты обращались к ней с просьбой хлопотать о выдаче итальянской визы у ее влиятельных знакомых (Garetto E. *Materiali dell'emigrazione russa* // *Europa Orientalis*. 1991. X. P. 383–428).

¹⁴ Дедюлин С. В гостях у Николая Бенуа... С. 15.

¹⁵ Синьорелли Мария (1908–1992) прославилась своими оригинальными куклами. В 1947 г. она основала в Риме кукольный театр, с которым сотрудничали такие известные художники, как Л. Вертмюллер, Р. Савинио и Т. Шабола. Годами Синьорелли собирала ценную коллекцию марионеток, кукол, масок со всего мира, выставляя их в Италии и за рубежом.

¹⁶ Картина принадлежит второй жене Н.А. Бенуа, Дизме де Чекко, и хранится у нее дома.

¹⁷ Письмо Н. Бенуа к О. Синьорелли, 27 мая 1957 г. // Архив Синьорелли. Фонд Чини. (Венеция).

¹⁸ Дневник впервые был опубликован в Москве в 2003 г.: Бенуа А.Н. *Мой дневник 1916–1917–1918...*

М.С. Сосницкая (Милан)

СКУЛЬПТОР ПАОЛО ТРУБЕЦКОЙ: ПОСЛЕДНИЕ 20 ЛЕТ ЖИЗНИ

Знакомство с наследием Паоло Трубецкого (1868–1938) на его родине Паланце¹ начинается с Музея пейзажа², где целый зал отведен его произведениям. Называется зал гипсотекой, и здесь с 1940 г. хранятся 56 работ мастера. К последнему периоду его творчества относятся такие работы, как статуи президента Крита Элефтериоса Венизелоса (1927), Бернарда Шоу (1927) и Артуро Тосканини (1934) в натуральную величину, бюст Мэри Пикфорд (1919–1920) и гипсовые модели к памятнику павшим жителям города в Первой мировой войне, исполненные в 1922 г. Сам памятник находится неподалеку, на муниципальной площади.

Впечатление от экспозиции ошеломляющее: это нечто уникальное, разрушающее каноны академизма и не примыкающее ни к одному из авангардизмов. И это не то чтобы, как утверждают искусствоведы, импрессионизм, довольно цивилизованный по сравнению с манерой Трубецкого. Впечатление от его работ совершенно иное, чем от импрессионистов: это ощущение свежести как после дождя, грозы, ледостава; в небрежности Трубецкого — небрежность ветра, ерошащего листву, или пены, выброшенной на дикие скалы. Можно долго стоять перед скульптурой князя Льва Голицына, сделанной в годы пребывания Трубецкого в России. Князь раскинулся на стуле, эдакий русский барин, каких ныне людей днем с огнем не сыщешь. А девочка и медведь, девочка и собака, а его кони, к которым он пристрастился почти мальчишкой в имении своего дяди под Одессой и которые роднят Паоло с его «антиподом» Евгением Лансером: тот — француз, родился в России, Паоло — русский, родился в Европе, и оба непревзойденно ваяют лошадей. Но если для Лансера эти благородные живот-

ные — главный объект творчества, то Трубецкой только отдает им дань почтения, начиная с памятника Александру III, затем Гарибальди, где конь тот же, что и под императором, — всадник другой, и далее «Толстой на лошади»³, индеец верхом.

В женских изваяниях Трубецкого воплотился идеал красоты стиля модерн. Это почти художник Больдини⁴ в скульптуре. Но никто ни у кого ничего не заимствовал. Вечная женственность в ту эпоху открылась человеческому взору именно в таком облики и сама своими путями пришла к кому-то на полотно, к кому-то в бронзу, кому-то в стекло (Ране Лалик) и другие формы. Таков был дух времени. Этот же тип красоты постоянно встречается на картинах старшего брата Паоло — Пьеро (1864–1935), широко известного в начале XX в. Любая лондонская галерея считала за честь иметь его работы, а многие из портретов его кисти стали достоянием Эдинбургской национальной галереи⁵. Женат он был на известной американской романистке Амелии Райвс, тоже будто сошедшей с его полотен.

В отделе краеведения библиотеки города Интры поведали, что о Паоло Трубецком почти ничего нет и достали с пыльной полки около полдюжины каталогов и брошюр, в том числе о Пьеро. Всего их было три брата, Пьеро, Паоло и Луиджи — дети Петра Трубецкого и американки из Нью-Йорка Ады Винанс, приехавшей во Флоренцию, тогдашнюю столицу Италии, братья уроки бельканто⁶. Ради нее князь Петр Трубецкой, находившийся по делам службы, прервал отношения с супругой, ждавшей его в России, и долго не мог туда приезжать, обвиняемый в двоеженстве⁷. Среди книг, снятых с полки, был основательный каталог большой выставки 1990 г. со статьями и отечественных искусствоведов, еще один «Catalogue of sculpture by prince Paul Troubetzko» К. Бринтона, выпущенный в 1911 г. Американским нумизматическим обществом в Нью-Йорке с черно-белыми иллюстрациями и краткой биографией, а также редчайшие «Биографические заметки» младшего брата Паоло Луиджи⁸.

Сведения о князе Павле Петровиче Трубецком, любимце Л. Толстого, человеке, вращавшемся в среде русской и мировой аристократической и художественной элиты и бывшем ее украшением, разбросаны по разным сайтам виртуального измерения и зачастую хаотичны и неточны. Наиболее цельную карти-

ну о последних годах жизни скульптора составляют «Автобиографические заметки» его младшего брата Луиджи, написанные уже после кончины Паоло и опубликованные миланским издательством Л. Алфьери в Милане без даты выпуска⁹.

Революция застала Паоло Трубецкого с супругой, шведкой Элин Сундстрём, в США, где проходили его персональные выставки в Нью-Йорке, Филадельфии, Чикаго, Сан-Франциско, Детройте и Толедо, а он тем временем создавал скульптурные портреты Вандербильда, Рузвельта и др.

Вот некоторые выдержки из «Заметок» его брата, относящиеся к 1920–1938 гг.

В Филадельфии Паоло «пригласили в университет... провести конференцию об искусстве скульптуры. Мой брат принял приглашение. В день конференции огромная толпа брала штурмом вход в университет: бесконечная вереница машин подвозила самую избранную публику. Собрался весь интеллектуальный цвет Филадельфии. Паоло не подготовил заранее никакой речи, но ничуть не волновался, потому что знал, что говорить. Кратко представив себя, он стал восхищаться красотой природы, жизнью и пластикой живых существ, людей и животных. <...> Именно это восхищение и уважение к жизни сделали его вегетарианцем, не принимающим участия в уничтожении невинных созданий. И тут он отставил тему искусства и всю конференцию проговорил о пользе вегетарианства¹⁰. Конференция закончилась всеобщими аплодисментами. <...>

В Детройте, где проходила персональная выставка Паоло, Художественный музей приобрел несколько его вещей. Форд пригласил его к себе на завтрак. Перед тем, как сесть за стол, Форд предложил пройти по саду при вилле и показал ящики в виде небольших домиков (то есть скворечники. — М.С.), развешанные на деревьях. Они должны были укрывать птичек от непогоды и служить им гнездами. Мой брат сказал: «Как же вы, человек, который так чутко заботится о животных, может уничтожать их, безжалостно поедая?» <...>

Несколько лет спустя Паоло прочитал в газетах, что Форд решил на вегетарианство и даже не потребляет молока, даваемого животными, а пьет суррогат, добытый из растительных волокон. <...>

В 1919 г. он провел выставку в Сан-Франциско, откуда отправился в Лос-Анджелес. Здесь был объявлен конкурс на памятник в честь американских солдат, не вернувшихся с войны. Паоло принял в нем участие и вышел победителем¹¹. Это был крупномасштабный скульптурный ансамбль. Для работы над ним в Лос-Анджелесе не находилось подходящего помещения. Тогда он купил участок в Голливуде и построил там большую мастерскую и маленький домик. <...> Он тут же приобрел в Голливуде необыкновенную популярность. Самые знаменитые звезды и актеры кинематографа (Мэри Пикфорд, Дуглас Фэрбенкс, Чарли Чаплин и т. д.) охотно заходили в мастерскую моего брата, приглашаемые на веселые вечера за стаканчиком легкого вина. Тогда действовал сухой закон, но один итальянский друг все равно снабжал Паоло хорошим калифорнийским винцом. <...> Весной 1921 г. он отбыл в Париж, а осенью того же года приехал в Палланцу немного отдохнуть на своей вилле [Кабьянка]»¹².

Однако через два месяца Паоло Трубецкой снова появляется в Париже, в своем ателье на рю Пьерре в Ноилли на Сене. Там он выставляется в Обществе изящных искусств, а позже в Милане, в галерее Пезаро. В том же 1921 г. скульптор создал автопортрет для флорентийской галереи Уффици во Флоренции и портрет известного итальянского художника Д. Сегантини. В 1922 г. он выставляется на Биеннале в Венеции, в 1923 г. ваяет бюст княгини Дориа Одескалки, большую часть времени проводя во французской столице.

Его брат так пишет об этом периоде: «Он прожил в Париже почти безвыездно до лета 1932 г., не считая, разумеется, ежегодных летне-осенних каникул в Палланце. И всегда работал. Доделывал статую во весь рост Венизелоса для острова Крит, снова встречался с Габриэле Д'Аннунцио, позировавшим для своего портрета. Еще он сделал бюст Клемансо и статую Родена. Потом его пригласили в Милан, чтобы изваять статую Пуччини. <...>

В 1927 г. Паоло постигло большое горе: во время операции в парижской клинике скончалась его жена Элин. <...> Мы стали бояться за него до такой степени, что друг Паоло граф Сола не отпускал его от себя ни на минуту и телеграфировал мне, чтобы я приезжал в Париж. Естественно, я выехал безотлагательно и нашел бедного Паоло вне себя от горя. Супружеская жизнь моего брата

была несколько неуравновешенной: у Элин был довольно трудный, беспокойный характер, но они очень тепло относились друг к другу и после бурных ссор в их отношениях воцарялись мир и согласие. Она была довольно упорядоченной, занималась его корреспонденцией и отчасти вела дела. В конечном счете, ему была нужна именно такая жена. Они прожили в браке 25 лет.

Мы уезжали из Парижа 14 июля, когда город готовился к национальному празднику (годовщине взятия Бастилии. — М.С.). Отдохнув на вилле Кабьянка (Ca' Bianca) на Лаго-Маджоре, «Паоло сел в свою машину и уехал снова в Париж, где пробыл до 1932 г., возобновив работу в ателье на рю Пьерре».

Кроме таланта скульптора природа наделила Паоло Трубецкого даром владеть кистью. Луиджи пишет, что он был талантлив также в музыке и литературе. Однако «убеждения вегетарианца и идеи гуманности все больше занимали его. Он не упускал случая, чтобы ратовать за них, и, наконец, решил изложить на бумаге, продиктовав однажды комедию “Доктор другой планеты”. Это фантастическое повествование о некоем обитателе неведомой планеты, где человечество намного более продвинуто и цивилизовано, чем наше. Обитатель спустился к нам на землю, чтобы исцелить человечество от всех бед и указать путь к счастливой жизни. Но посетив разные уголки земли, он увидел, что ее терзают неизлечимые несчастья, отчаялся в своих благих намерениях и вернулся обратно на неведомую планету. Комедию моего брата Паоло прочитал Бернард Шоу и очень хвалил».

Под этим доктором-инопланетянином Паоло Трубецкой подразумевал самого себя. Возможно, он считал, что главное его призвание было отнюдь не скульптура, а спасение людей. Хотя разве не «красота спасет мир»? А красоты его произведениям не занимать.

«Паоло очень любил музыку и даже написал три весьма выразительных сочинения. В ту пору он продиктовал (писать он никогда не писал)¹³ свои воспоминания некому молодому другу-итальянцу, с которым познакомился в Париже. К несчастью, тот оставил мемуары при себе и бесследно исчез. А мемуары вместе с ним.

В 1931 г. по воле злого рока в Париже он познакомился с одной шотландской красавицей¹⁴. Эта особа, почуввав, что у моего брата покладистый и наивный характер, пошла на тысячи уло-

вок, чтобы женить его на себе. Это была уже дважды разведенная искательница приключений, которая вздумала выйти замуж за моего брата ради его имени и титула. Мой брат в последний момент понял, что делает неверный шаг, и стал подумывать о том, как бы взять обратно данное слово, но авантюристка завлекла его в Лондон и закатила такую бурную сцену, да еще при участии разных лиц, что мой брат, такой положительный и добрый, сдался и женился на ней¹⁵. Через несколько дней после свадьбы мадам поселилась в санатории и под тем предлогом, что ее болезнь требует полной изоляции, захлопнула двери перед носом супруга. Прождав несколько дней, мой брат вернулся в Париж, и они больше никогда не виделись».

В Париже он задержался недолго и вскоре покинул этот город вечного праздника ради виллы Кабьянка: «...из наших остались только мы с тобой, – вспоминает далее его признание брат Луиджи, – и нам хорошо вместе.

Действительно, меня и Паоло объединяло глубокое родственное чувство, полное единомыслие идей, мое преклонение перед его искусством не имело границ, я отмечал огромную дистанцию, отделявшую его от всех современных скульпторов. Его статуи были живыми, они двигались, кричали, говорили. В них была та жизнь, которую ни один другой скульптор не сумел передать с такой очевидностью. Один французский искусствовед, побывавший в мастерской Паоло, уходя, сказал, что ему казалось, будто он слышал гул целой толпы, идущей,двигающейся... Многие журналисты, новоиспеченные критики, произнеся “импрессионистская скульптура”, чтобы определить большую, нервную скульптуру, полагают, что сказали все, но совершенно не замечают того огромного расстояния, отделяющего работы моего брата от работ других художников, так называемых импрессионистов, потому что они создают вещи неопределенные и недоработанные. Он работал безостановочно. Часами поправлял, шлифовал, оттачивал бронзовые фигуры, придавая им отпечаток своей мощной натуры. Работал стоя, в холоде – его литейная мастерская не отапливалась. Это подорвало его силы.

Бернард Шоу¹⁶ в 1932 и в 1933 гг. проводил лето в отеле “Les Vogotees” [«Борромеевы острова»] в Стрезе¹⁷ и частенько носил визиты моему брату в Кабьянку, где они проводили вмес-

те целые дни. Паоло вылепил статуэтку Бернарда Шоу, сидящего в кресле, и его же статую во весь рост. Шоу приобрел маленькую статуэтку, но отказался от большой. Мол, не знает, куда ее поставить. И вот однажды Паоло был приглашен на обед в Стрезу. При прощании Шоу вручил ему письмо и, зная его рассеянность, очень просил не потерять его. Паоло положил конверт в карман и забыл о нем.

Когда горничная дома чистила костюм, она обнаружила письмо и отдала брату. Тот распечатал его и к своему изумлению обнаружил чек на 100 тыс. лир¹⁸. На следующий день Паоло помчался к Шоу, чтобы сказать, что за статуэтку переплачено в четыре раза больше, и заодно вернуть разницу.

— Оставьте все себе, — возразил Шоу. — Эта сумма не отражает ценности этого великолепного произведения, которое в действительности не имеет цены. <...>

В то же время Паоло сделал бюст Муссолини, который снижал самую высокую оценку.

Паоло отлил также статуэтку Ее Высочества герцогини Пистойской, неоднократно приезжавшей в мастерскую в Кабьянке для сеансов позирования.

Палланца доверила ему создать памятник павшим. Комитет по созданию памятника предоставил моему брату полную свободу трактовки темы и выбора места для установки. Он поднялся на главной площади среди зеленых крон деревьев. <...>

В 1934 г. Паоло решил отправиться в Египет, провести там несколько выставок. Сказано — сделано. Большую часть статуй он отправил отдельно, остатки погрузил на свою “Ламбду”, поехал в Геную, и на пароходе вместе с автомобилем и всем грузом сам совершил плавание. Он организовал персональную выставку в Каире (в Гезира-Музее. — *М.С.*) и Александрии, прошедшие с успехом, и сделал разные портреты знатных египтян, в том числе г. Ломброзо».

В 1935 г. состоялась выставка в Бергамо,¹⁹ в 1936 г. — в Милане и Сальсомаджоре. Здесь он познакомился с королем Испании Альфонсо, отдохавшим на водах. «Король выразил желание посетить выставку, но поскольку она была довольно далеко от его гостиницы, мой брат предложил королю подвезти его на своей “Ламбде”. Машина была в некотором, точнее, в страшном беспо-

рядке, везде испачкана пластилином, гипсом и завалена разными принадлежностями; мой брат извинился, что у него нет более приличного автомобиля, чтобы предоставить Его Величеству. Тот улыбнулся и сел рядом с Паоло, пригласив своих двух дочерей на заднее сиденье. Король был в восторге от выставки».

В 1937 г. прошла выставка в Биелле. Больной скульптор больше месяца не вставал с постели. «Он страдал анемией. <...> Напрасно доктора советовали поменять ему тип питания, он решительно отказывался. “Лучше умру, чем пойду против моих убеждений”, — говорил он. <...> Это был не очень послушный больной: он забывал принимать лекарство и выполнять предписания докторов». Скульптор отказывался даже от уколов, в состав которых входили вытяжки из мяса животных. Не знали доктора, что Паоло Трубецкой не мог предать веры в него другого великого вегетарианца: Л.Н. Толстого.

Когда состояние больного улучшалось, он снова бывал перед своими «галатейми», для которых не щадил ни физических, ни душевных сил. После поездки на побережье в Лигурию здоровье его совсем пошатнулось, но он продолжал работать. Брат мастера пишет о его последних днях: «Когда он уже не держался на ногах, то занялся живописью, написал несколько портретов, работал, сидя в кресле до последних дней <...> и даже, когда уже не вставал с постели. Характер у Паоло был довольно властным, но у него было большое доброе сердце. <...> Он считал, что это варварская жестокость разводить невинных, безобидных животных для того, чтобы сдирать с них шкуру и пожирать. <...> Он называл себя адвокатом животных. <...> Паоло неколебимо верил в бессмертие души. Рассматривал пребывание на земле как эпизод нашего существования, был уверен, что душа, освободившись от плоти, продолжает жить, наверняка, привольнее и счастливее. Он верил в Создателя вселенной, правящего миром. Верил в Бога, в его доброту и милосердие, а не верил, что Он благословляет броненосцы и пушки. Последней его скульптурной работой была статуя Спасителя, умоляющего Творца быть милосердным по отношению к человечеству, раздираемому на части темными силами».

Скончался Паоло Трубецкой 12 февраля 1938 г. от анемии, вызванной, по утверждению медиков, вегетарианством.

Слитность судьбы Луиджи Трубецкого с судьбой своего гениального брата не имела границ: после его смерти он, вдовец с 1921 г., женится на 24-летней Марии Лаини, бывшей натурщице Паоло. Но ни у одного из трех сыновей князя Петра Трубецкого и Ады Винанс, Пьеро, Паоло и Луиджи, не было детей.

Похоронен Паоло Трубецкой на кладбище в предместье Интры — Суне. Он покоится под плитой с почти стертой надписью «Paolo Troubetzkoу». Могила в самом центре кладбища, на перекрестке главных аллей, но сильно заросла кустарником, темно-серый гранит запылится, ни цветка, ни венка. Долгое время сюда приходила какая-то женщина и ухаживала за могилой, на которой не переводились живые цветы. Но потом и ее не стало. Очень редко здесь кто-нибудь останавливается. Sic transit gloria mundi.

Кроме Паоло Трубецкого под этой небольшой плитой нашли упокоение его мать (1835–1917), младший брат, автор цитированных выше «Заметок» Луиджи (1867–1958) и две его жены, А. Барони (1880–1921), скончавшаяся через несколько месяцев после бракосочетания, и М. Лаини (1914–1987). Странно, что Палланца, обязанная Трубецкому своей мировой славой, не позаботится о цветах на его могиле. Правда, в городе его именем названа одна из главных улиц²⁰. А у входа на кладбище несет почетный караул вечная спутница русских дворянских усадеб — огромная липа, которую наверняка видел Паоло: ведь липа живет до пятисот лет.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Pallanza, небольшое местечко на Лаго-Маджоре (северо-восточный Пьемонт), стоит на мысе залива Борромео, близ главного города этой части побережья, Интры. Мягкий климат, знаменитые виллы и сады превратили Палланцу в один из лучших курортов Европы; на островке Сан-Джованни любили отдыхать летом А. Тосканини (скульптурный портрет которого ваял П. Трубецкой) и его зять В. Горовиц. — *Примеч. ред.*

² По сообщению директора Музея пейзажа Джанни Пиццигони, никаких архивов П. Трубецкого не существует: он лично запрашивал вдову последнего из братьев, Луиджи, Марию Лаини, скончавшуюся в 1974 г., и та дала ответ, что никаких документов у нее не сохранилось.

³ В гипсотеке Музея пейзажа г. Паланца выставлен и поясной гипс Л. Толстого, 1898 г.; назовем и другие скульптурные портреты из коллекции этого музея — великой княгини Елизаветы Федоровны (1898), княгини М.Н. Гагариной (1898), великого князя Андрея Владимировича (1910), великого князя Павла Александровича (1910). — *Примеч. ред.*

⁴ Джованни Больдини был дружен со скульптором, свидетельством чему — бюст художника (1912) в гипсотеке Музея пейзажа в Паланце. — *Примеч. ред.*

⁵ Voccardi R. Profili. Piero Troubetzkoy // Verbania (Intra: Tipografia Almasio). 1911. № 12.

⁶ У трех сыновей Ады Винанс был еще младший «полубрат» Пьетро (1886–1958), рожденный от союза Петра Трубецкого с гувернанткой его старших детей.

⁷ Об этом сообщает В.П. Трубецкой, ныне здравствующий профессор русской литературы Версальского университета и отпрыск рода.

⁸ См. также иностранную библиографию о творчестве П.П. Трубецкого, составленную в хронологическом порядке: Pica V. Artisti contemporanei: Paolo Troubetzkoy // Emporium. 1900. Vol. XII; Jarvis W. Paul Troubetzkoy sculptor // Scribner's Magazine. 1902. Vol. XXXI. № 2; Klingsor T. L'Art russe. Le prince Troubetzkoy V // Revue de l'art ancienne et moderne. 1902. Vol. XI; Voccardi R. Paolo Troubetzkoy // Verbania. 1910. 4 apr.; Borgmeyer C.L. Pince Paul Troubetzkoy // Fine Arts. 1911. Vol. 1 (july); Angeli D. La mostra di Paolo Troubetzkoy all'espansionismo di Roma // L'illustrazione italiana. 1913. 1 semestre; Giolli R. Paul Troubetzkoy. Milano, 1913; Shaw G.B. Sculpture by Prince Paul Troubetzkoy. London: Galleria Colnaghi, 1931; Thieme U., Becker F. Allgemeines Lexikon der bildenden, Künstler. Leipzig, 1939. T. XXXIII; Grioni J.S. Le sculpteur Troubetzkoy, parisien d'élection // Gazette des Beaux-Arts. 1985. 1396-97; Poli G., de. Il periodo sapiogliato del pincipe Troubetzkoy // Verbanus. 1988. № 9; Paolo Troubetzkoy scultore / A cura di R. Bossaglia, D. Castagnoli e L. Troubetzkoy. Intra, 1988; Paolo Troubetzkoy 1866–1938: Catalogo della mostra, Verbania Pallanza, Museo del Paesaggio, 29 aprile — 29 luglio 1990) / A cura di G. Piantoni e P. Venturosi. Venaria, 1990; Paolo Troubetzkoy: I ritratti / A cura di S. Rebora. Milano: Mazzotta, 1998. — *Примеч. ред.*

⁹ [Troubetzkoy L.] Note biografiche di Luigi Troubetzkoy // Paolo Troubetzkoy, 1866–1937 nel Museo di Pallanza. Milano: L. Alfieri [S. a. — 1952?].

¹⁰ Еще Л. Толстой одобрял П. Трубецкого за его непоколебимый отказ от мяса.

¹¹ Речь идет о известном памятнике генералу Гаррисону Грею Отису.

¹² Здесь и далее цитаты из мемуаров Луиджи Трубецкого в переводе автора статьи.

¹³ По этому поводу любопытно замечание искусствоведа Р. Боккарди о том, что «Паоло легче изваять памятник, желательнее конный, нежели написать какое-нибудь письмо»; см.: Voccardi R. *Op. cit.*

¹⁴ Рода Мюриэль Мари Сомервэл, писавшая под псевдонимом Гэй Дээмонд (напомним, что Паоло Трубецкому тогда уже минуло 65 лет).

¹⁵ Точные обстоятельства этого странного брака нам неизвестны; позже о своей второй жене Трубецкой скажет: «...не желаю больше ничего о ней слышать».

¹⁶ Шоу, друживший с Трубецким, — автор статьи для каталога его персональной выставки в галерее Колнаги в Лондоне в 1931 г.

¹⁷ Stresa, расположенный в панорамной точке у подножия Моттароне и против залива Борромео, — один из курортов Лаго-Маджоре. В мире изысканной роскоши отеля «Ples Borromees» останавливались Д. Стэйнбек, Г. Д'Аннунцио и называвший себя «старым клиентом» отеля Э. Хемингуэй. В книге знатных и знаменитых гостей отеля, помимо автографов коронованных особ и голливудских звезд, можно встретить на одной и той же странице роспись банкира Ротшильда и гонителя «ротшильдов» — Б. Муссолини. Из наших соотечественников отметим автограф М.П. Мусоргского, а также представителей знати.

¹⁸ По тем временам тысяча лир в месяц считалась весьма приличной зарплатой.

¹⁹ В том же году П. Трубецкой выезжал с выставкой в Испанию.

²⁰ Именем П. Трубецкого названа и улица в Милане: via Paolo Trubetskoj. — *Примеч. ред.*

*Б*иблиографический
обзор

L'ARCHIVIO DELLA PRINCIPessa DEMIDOVA. LETTERE E DOCUMENTI / A cura di S. Merendoni, saggio storico e trad di R. Risaliti. Firenze: Leo S. Olschki, 2000. — 422 p.

Большой корпус русских документов, переведенных на итальянский, предварен вступительной статьей заведующей Историческим архивом Провинции Флоренции (где они хранятся) Симмонетта Мерендони «Inventario dell'Archivio della famiglia Demidov» [«Инвентаризация архива семейства Демидовых», с. 3–88], где рассказано, насколько трудной была работа по спасению и разборке архива княгини Марии Павловны Абамелек-Лазаревой, традиционно зовущейся в Италии по девичьей фамилии, Демидова.

Профессор исторического факультета Флорентийского университета Ренато Ризалити написал для этого архивного сборника обстоятельную статью «Storia dei Demidov» [«История Демидовых», с. XV–XLVI]. Он уже не раз обращался к истории этого замечательного семейства: в книге «Studi sui rapporti italo-russi» («Исследования русско-итальянских отношений») (Pisa: Goliardica, 1972), где восстановил обстоятельства отношений между Демидовыми и видным флорентийцем Луиджи Серристорри (с. 22 и далее); в глубоком исследовании на базе архивных материалов о русско-тоscanских отношениях в первой половине XIX в. и о роли в них Демидовых «Russia e Toscana nel Risorgimento» («Россия и Тоскана в эпоху Рисорджименто») (Pistoia: Tellini, 1982); в монографии «Russi a Firenze e Toscana» («Русские во Флоренции и Тоскане») (Firenze: Brancato, 1992), в которой отдельная глава посвящена Демидовым; в сборнике «I Demidoff a Firenze e in Toscana» («Демидовы во Флоренции и в Тоскане») под редакцией Лючии Тонини (Firenze: Olschki, 1996), содержащем аналитический очерк «L'attività politico-economica dei Demidoff in Toscana» («Политико-экономическая деятельность Демидовых в Тоскане», с. 33–50). Накопленный «демидовский» багаж историк синтезировал в новой своей работе, где вначале дал малоизвестную в Италии панораму знаменитого рода, начиная с кузнецов и горнопромышленников.

В разделе представлены рецензии и аннотации на публикации, посвященные русской эмиграции в Италии (с 2000 г., в хронологическом порядке).

Демидовы, ставшие в Италии князьями Сан-Донато Demidoff (ударение на первый слог), не могли не поразить воображение жителей Апеннинского полуострова. Сказочное богатство, меценатство, благотворительность, страстные увлечения, наполеомания, взлеты и падения — все это внесло огромный вклад в сотворение мифа о «русских принцах» (в итальянском языке слово *principe* обозначает и князя, и принц), щедрых, артистичных и слегка сумасбродных. Во Флоренции Демидовы, действительно, жили с королевским размахом: достаточно сказать, что их сан-донатскую усадьбу прозвали «*seconda reggia*», вторым государевым дворцом (первым был дворец великого герцога Тосканского). Вообще в Тоскане не трудно вообразить особый демидовский маршрут, куда войдет и Эльба с ее наполеоновским музеем, и Банны-ди-Лукка с бальнеологическим комплексом, и Пратолино с его роскошной виллой, и сама Флоренция с площадью Демидовых, демидовским монументом и кафедральным собором с уральским кайлом на фасаде и многое другое.

Основателем итальянской линии следует считать Николая Никитича Демидова, «посланного» царем во Флоренцию. В середине XIX в. на историческую сцену выдвинулись два его сына: Анатолий, меценат, коллекционер, поклонник Наполеона, женившийся (неудачно) на его племяннице Матильде Бонапарт, дочери низложенного короля Иеронима, и Павел, более привязанный к семейным делам в России, основатель престижных Демидовских премий. Его сын (от второго брака с княжной Еленой Трубецкой) Павел Павлович стал достойным воспреемником отцовских замыслов, а его внучке, Марии Павловне (22 января 1877 — 21 июля 1955), вышедшей замуж за князя С.С. Абамелек-Лазарева, суждено было стать последней из княжеского рода Сан-Донато. Именно ее архив, обнаруженный на демидовской вилле Пратолино, и стал базой публикации документов, разделенных по следующим категориям: вопросы собственности; семейные дела; переписка с духовенством; переписка с эмигрантами.

Приведем отрывок из вступительной статьи Мерендони, хорошо иллюстрирующий историю настоящего сборника: «Огромная старинная вилла Пратолино, перешедшая во владение Демидовых в 1860 г., стала собственностью Марии Павловны в 1903 г. <...>

С 1916 г., после преждевременной смерти супруга, вдова замкнулась в Пратолино, в обществе четырех слуг, двух поваров и трех секретарей — Федора Галки, Херманна Клауса и Вальпурги Крах. В 1925 г. бывшая российская подданная стала подданной Италии, согласно королевскому декрету от 13 декабря 1925 г. Официальным местом ее жительства считалась коммуна Вальи (Vaglia), где и был зарегистрирован

декрет. Мария Павловна бережно относилась к Пратолино эпохи Медичи: она привела в порядок парк, восстановила старинный лестничный марш у южного фасада старинной виллы (арх. Буонталенти), а в 1933 г. поручила реставрацию статуи Джамболоньи знаменитой флорентийской Студии поделочных камней. Княгиня продолжала филантропическую деятельность, начатую ее матерью, которая, например, еще в 1905 г. пожертвовала коммуне Вальи участок земли для строительства муниципальной школы. Сама Мария Павловна учредила в 1919 г. Национальный дом для инвалидов войны имени князя Абамелек-Лазарева, а в 1935 г. подарила больнице Пратолино принадлежавший ей акведук, построенный при Медичи. Ее помощь русским беженцам – большая отдельная тема, подробно документированная и публикуемыми письмами к ней.

Немалая собственность княгини требовала соответствующего внимания: большинство сохранившихся бумаг принадлежит именно к этой области (при их перемещении в Архив провинции соблюден изначальный порядок). В данной части фонда отложились документы, связанные с интересным и запутанным вопросом по римской вилле Абамелек. Согласно завещанию князя от 1912 г., подтвержденному в 1913 г., после его смерти она должна была отойти к жене, а после смерти последней – к Императорской Академии художеств или к Императорской Академии наук, с условием учреждения Исторического института имени Абамелек-Лазарева. Советское правительство, действовавшее через обе академии, потребовало немедленной передачи якобы «унаследованной» им собственности. Однако Гражданский суд Рима, постановлением от 13 апреля 1929 г. и Апелляционный суд Рима, постановлением от 9 ноября 1937 г., объявили Марию Павловну единственной наследницей, так как советские академии изменили свой юридический статус и не являлись правопреемниками императорских. Военные события круто изменили судьбу виллы Абамелек: 14 августа 1944 г. ее заняли англо-американские войска, а 26 мая 1946 г. итальянские власти перевели ее в государственную собственность «ради общественной пользы». Княгиня пыталась было опротестовать это решение, но 18 апреля 1947 г. вышел другой государственный декрет (№ 387), согласно которому римскую виллу передали СССР (на ней разместили посольские учреждения). После смерти княгини ее флорентийская вилла, как известно, перешла согласно завещанию к князю Павлу Югославскому, а затем продана Римскому генеральному обществу недвижимости.

Оно, увы, небрежно отнеслось к демидовским бумагам: официально было даже заявлено, что «архива в Пратолино не существует, так как, если бы он и существовал, то являлся бы собственностью Карагеоргие-

вича, и следовательно, скорей всего, увезен». Архив в Пратолино, тем не менее, существовал. Первым из исследователей его просмотрел флорентийский архитектор Луиджи Дзангери, приглашенный тем же самым обществом для составления исторического очерка о Пратолино. Увы, когда в 1980 г. в Пратолино пришли государственные архивисты, они уже не нашли многих документов, цитированных Дзангери. Но надо было спасать то, что осталось...».

Именно анализу спасенных документов посвящен и другой вводный очерк Ризалити «Il carteggio dell'archivio Demidov depositato presso la Provincia di Firenze» («Корреспонденция в Архиве Демидовых, хранимая в Провинции Флоренции», с. 89–92). Заметим, что часть своих выводов и наблюдений ученый впоследствии опубликовал и на русском в статье «Княгиня М.П. Демидова в судьбах русской эмиграции» (Россия и Италия. Русская эмиграция в Италии в XX веке / Отв. ред. Н.П. Коломова. М.: Наука, 2003. С. 39–45).

Крайне удобным для исследователей будет наличие указателей — личностей, местностей, учреждений; книгу украшают и редкие иллюстрации. Провинция Флоренции, владеющая этим интересным архивом, сделала достойное усилие, оцененное славистами и любителями истории. Надеемся, что рано или поздно документы будут опубликованы и на языке оригинала, то есть на русском, с более обширными комментариями — о таком намерении, уже согласованном с властями Провинции Флоренции и с работниками ее архива, объявил международный Демидовский фонд, возглавляемый Н.Г. Демидовой.

П. Клаццола (Турин)

Авторизованный перевод с ит. М.Г. Талалая

Rocco D. TATIANA PAVLOVA: DIVA INTELLIGENTE. Roma: Bulzoni editore, 2000. — 275 p.

В римском издательстве «Bulzoni», выпускающем серию по русской литературе, а также серию по театроведению, в 2000 г. вышла в свет книга, написанная театральным историком Данило Руокко и посвященная выдающейся актрисе и режиссеру Татьяне Павловой (1896–1975) — фигуре противоречивой и до сих пор по достоинству не оцененной. Монография представляет интерес с разных точек зрения. Прежде всего перед нами — *первая* комплексная попытка анализа творческого пути русской деятельницы театрального искусства. Кроме того, большую ценность имеют приложения: интереснейшая и ранее не издававшаяся «Автобиография» Павловой, а также перечень всех дра-

матических спектаклей, в которых она участвовала в Италии, начиная с дебюта в римском театре Валле в 1923 г. и кончая уходом со сцены уже в Неаполе, в театре Меркданте в 1959 г.

Воссоздавая биографию и артистическую карьеру Павловой, автор начинает с дебюта в России, в гастрوليрующей труппе Павла Орленева, а затем сосредотачивается на деятельности актрисы в Италии, подчеркивая ее оригинальность и, как говорит подзаголовок книги «Умная дива», ее интеллектуальность. Персона необычная и колкая, Татьяна Павлова сумела создать миф из своей жизни, скрываясь как за псевдонимом (ее настоящая фамилия была Зейтман), так и за ложными сведениями о себе, в частности о годе рождения — она всегда весьма расплывчато о себе рассказывала. Что касается ее российского дебюта, то Руокко подчеркивает, что Павлова, не являясь непосредственно ученицей Станиславского или кого-нибудь из его сотрудников, тем не менее восприняла атмосферу обновления, возникшую тогда в театральной жизни Петербурга и Москвы. Сбежав из дома вместе с труппой Орленева, гениального, хотя и неврастеника, актера-толстовца, желавшего донести искусство народу, а после революции ставившего перед рабочей аудиторией Достоевского и Ибсена, Павлова научилось у него искусству декламации и режиссуры, в том числе искусству строить сцены, «лепить» персонажей, филологически подходить к текстам. Сходные методы были тогда в Московском художественном театре, в особенности — у Немировича-Данченко. После разрыва с Орленевым и различного артистического опыта, включая кинематограф, Павлова сразу после Октябрьской революции покидает родину вместе с новым мужем, возможно, черногорцем по происхождению. Чета едет в Италию, где Павлова остается одна (бывший супруг перебирается в Америку). Она превосходно овладевает итальянским, сохраняя при этом сильный иностранный акцент, что, по свидетельству зрителей, придавало особый шарм ее героиням. Более того, как доказывает Руокко, именно ее странный акцент для многих стал ее «фирменной маркой».

Татьяна Павлова, действительно, весьма умело и продуманно руководила собственной карьерой, приглашая в Италию таких крупных режиссеров, как Петр Шаров и Николай Евреинов в 1929 г. и Владимира Немировича-Данченко в 1932–1933 гг., и поручая им режиссуру спектаклей, где она выступала как продюсер и главная актриса. Что касается ее сложной личной жизни, то в 1937 г. она вышла замуж за писателя Нино Д'Арома, биографа Муссолини: этот брак способствовал получению Павловой кафедры режиссуры в Королевской академии драматического искусства (*Regia Accademia d'Arte Drammatica*), основанной в Риме в 1936 г. Удаленная от академии в 1938 г., Павлова свернула свою

актерскую деятельность с тем, чтобы триумфально вернуться к ней в 1946 г. под руководством Лукино Висконти, весьма ценившего ее талант. Татьяна Павлова в течение своей долгой карьеры вызывала не только восторги, но и антипатию и зависть, однако никто не отрицал ни ее фундаментальной роли в драматическом итальянском театре, ни ее титула примадонны.

К. СКАНДУРА (Рим)

Авторизованный перевод с ит. М.Г. Талалая

Вейцман Ф.М. ГОЛУБЫЕ ДАЛИ: СТИХИ. Минск: Белорусский сбор, 2002. — 80 с.

Мы познакомились у Тирренского моря, в Ливорно. Он являл собой тот тип джентельмена, который итальянцы определяют как «un signore d'altri tempi» («господин прошлых времен»), — джентельмена не только во внешнем виде, но в первую очередь в манерах, мягких и утонченных. Возможно, скажу банальность, но мне Филипп Моисеевич Вейцман своей мягкостью и меланхолией напомнил его земляка, тоже уроженца Таганрога, врача и писателя А.П. Чехова (кстати, Вейцман тоже не только поэт, но и инженер). С Чеховым его сближает и особая, деликатная ирония. Итальянский язык Вейцмана оказался совершенным. Возможно, в нем некогда присутствовал генуэзский акцент, теперь исчезнувший и сменившийся на легкую офранцузенность, но не в акценте, а в манере произношения.

Ливорно для нас обоих стал «приемным городом». Место хаотичное, современное, с первого взгляда — вне всякой гармонии, однако в действительности оно скрывает старинные и спокойные уголки, например, греческий и голландские храмы, синагогу. Да и здешние католические церкви порою являют связи с дальними «библейскими» краями: каменная доска с надписью на армянском, византийская икона... Вскоре и дом Филиппа Моисеевича стал для меня таким уголком покоя и культуры среди сумбурного города.

Благодаря его поэтическому сборнику я как будто заново познакомилась с ним (книга пришла ко мне вместе с милой открыткой с видом ливорнийской террасы Масканьи, напоминающей неоклассические крымские строения). Этот сборник стал поэтическим выражением жизненного маршрута автора, который, кажется, пролег вдоль морских берегов Азовского, Лигурийского, Средиземного морей и даже вдоль берега Атлантического океана. Маршрут этот напоминает и странствия Одиссея, плавающего по современной ойкумене в поисках утраченной родины. Где же она?

В итальянском удоволнении личности у Вейцмана стоит «nato a Taganrog (ex-Unione Sovietica europea)» [родился в Таганроге, бывшем европейском Советском Союзе] – перл местной бюрократии, неспособной познать географию и историю. В действительности Филипп Моисеевич родился в 1911 г. в бывшей Российской империи, став юным свидетелем драматического появления на мировой карте Советского Союза. В 1927 г. Филя, как его называли домашние, вместе с родителями выехал из Москвы в Геную – его отец был назначен туда в советское торговое представительство. Никто из троих не предполагал, что на родину они уже не вернуться. (Любопытно, что они проделали обратный путь тех генуэзцев, что осваивали в позднем средневековье берега Черного моря.)

В Генуе произошла первая драма: отцу приказали вернуться в СССР, но, почувствовав, что там его ждет расправа, он стал «невозвращенцем». Так в 1932 г. в 20-летнем возрасте стал невозвращенцем и Филя. В Лигурии Филя приобрел диплом инженера, подданство королевства, приобщился к итальянской культуре. Однако свою поэтическую натуру он выражает исключительно на русском: «Вид горы высокой, / Плеск волны морской, / Свод небес далекий, / Темно-голубой. // Чудеса природы в чуждой мне стране: / Зелен, горы, воды... / Надоели мне» («На чужбине». Генуя, 1929).

Итак, Италия изначально и волнует, и тяготит поэта: пребывание в этой стране – вынужденное, отсюда и раздвоение чувств. Впрочем, некоторое время после получения подданства судьба как будто входит в спокойное русло. Но спокойствие обманчиво: в 1938 г. Муссолини издает так называемые расовые законы, отправившие итальянских евреев на обочину жизни государства и подготовившие позднейшую расправу над ними со стороны нацистов. Семья Вейцманов не стала ждать репрессий, решив эмигрировать. Это оказалось крайне затруднительным: их, ставшими «аполидами», лицами без гражданства, не желали нигде. Одни страны отказывали во въездных визах, объявляя их белоэмигрантами, другие, напротив, причисляли их к советским коммунистам. Нашелся неожиданный выход: беженцев приютил Танжер, эфемерное государственное образование под протекторатом Франции. Как Одиссей, поэт переплыл за Геркулесовы столбы... Позднее свои перипетии, как и перипетии русской колонии в Генуе в 1920–1930-х гг., Вейцман блестяще опишет в мемуарах «Без отечества» (Иерусалим, 1982; заметим, что мемуарист остроумно использовал возможности русского языка, разъяснив во введении читателям, что для него Россия – это родина, где он родился, а Израиль – отечество, «земля отцов и праотцов»).

В Танжере Филипп Моисеевич переждал Вторую мировую войну, получил работу (преподаватель математики в лицее) и встретил будущую жену. Однако его поэтическая муза надолго — с 1937 по 1955 г. — замолчала...

Она заговорила вновь после переезда из Северной Африки во Францию, а затем, после потери горячо любимой супруги, — в Италию. Выбор Ливорно был не случаен: здесь — одна из самых значительных иудейских общин, вторая по численности после римской. Однако Ливорно известен и своим историческим гостеприимством по отношению к чужеземцам, идущим от традиций «вольного порта». Да и гуманистическая культура Вейцмана «надконфессиональна»: он любит, например, посещать пасхальные службы во флорентийской русской церкви, которой завещает в итоге всю свою богатую русскоязычную библиотеку (библиотеку итальянскую завещает ливорнийской синагоге).

Его скитания на пути к Итаке закончились, но в отличие от Одиссея он осознает что поиск родины, или отечества, — это поиск не географический, а экзистенциальный: «Плыви, корабль мой, в туман / Мечтаний, снившихся поэту, / Плыви по сказочным волнам / К тем островам, которых нету» («Острова, которых нету». Ливорно, 2000). В отличие от яростного темперамента Одиссея, само имя которого означает «гневливый», поэт обладает классически ясным видением мира, свободным от злопамятности по отношению к репрессивному веку: «И лишь порой: как стон разлуки / Как сонный бред, как дальний зов, / Мне чудятся родные звуки / Давно умолкших голосов» («Одиночество». Ливорно, 2000). И это — не песни сладкоголосых сирен, а речь обитателей «внутренней Итаки», то есть его родных и близких. В самом деле, множество стихотворений и напрямую обращено к его родителям, к жене.

Пишет Вейцман на русском. Но это — не барьер на пути к освоению итальянской культуры, напротив — своеобразный к ней ключ, о чем ярко свидетельствуют стихи «Вальми» (вольный перевод Дж. Карлуччи, с. 47–49) и «Юность наша так прекрасна!» (вольный перевод Лоренцо Великолепного, герцога де Медичи, с. 49–50). Особенно, на наш взгляд, удалось переложение стихотворения Лоренцо Великолепного, где тонко выражена глубокая меланхолия оригинала, которую часто не ощущают и сами итальянцы.

Поэзия Вейцмана глубоко погружена в русскую традицию: в сборнике мы найдем стихотворения «Гумилев», «Ответ Державину», «Евгению Евтушенко». Однако лейтмотив его стихов — все-таки море: «Говорят: Кто не бывал / Среди пустыни моря, / Кто ему не доверял, / Тот не ведал горя». // Но и тот, кто век прожил / С злою судьбою в спорах,

/ Все простил и позабыл / На его просторах» («Голубые дали». Ливорно, 2000).

И сейчас, когда я покинула родное Лигурийское море ради моря Балтийского, именно эти «голубые дали» вновь соединяют меня с моим прежним «земляком».

А.М. Канепа-Мордаччи (*Стокгольм*)
Авторизованный перевод с фр. М.Г. Талалая

Pavan S. LE CARTE DI MARIJA OLSUF'EVA. NELL'ARCHIVIO CONTEMPORANEO GABINETTO G.P.VIEUSSEUX. Roma: Ed. di Storia e letteratura, 2002. — 158 p. (Serie «Sussidi eruditi». № 53).

Книга Стефании Паван посвящена Марии Васильевне Олсуфьевой, русской графине (1907–1988), которая родилась, жила и умерла во Флоренции. Ее архив был передан дочерью Елизаветой, в замужестве Михаэллэс (Elisabeth Michahelles), архиву при Кабинете Вьёссё (Gabinetto Vieusseux) во Флоренции. Глубокое чувство любви к России заставило М.В. Олсуфьеву отдать себя делу распространения русской литературы и культуры в Италии. Она автор переводов многочисленных русских произведений, как, например, «Мастер и Маргарита» и «Собачье сердце» М.А. Булгакова, «Серебрянный голубь» А. Белого, «Теория прозы» В.Б. Шкловского, «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына.

Мария Васильевна была знакома со знаменитыми представителями русской культуры — В.Б. Шкловским, Д.С. Лихачевым, А.Д. Сахаровым и Е.Г. Боннэр, А.И. Солженицыным. Она всегда была в курсе последних советских изданий художественной литературы и, случалось, сама предлагала издателям перевести на итальянский язык особенно интересные произведения. Олсуфьева была не только переводчицей художественной литературы, она преподавала в Школе переводчиков во Флоренции, а также работала синхронным переводчиком на конгрессах. Как староста флорентийской русской общины, Мария Васильевна вела дела русской православной церкви во Флоренции, которая в 70-е гг. стала главным ориентиром для оказавшихся проездом в Тоскане русских диссидентов. Во второй половине 70-х гг. она приняла участие «в деятельности Amnesty International для защиты прав человека в СССР» (с. 9).

Заслуга книги Паван состоит в том, что она познакомила итальянских читателей с Марией Васильевной Олсуфьевой, сыгравшей в 60-е, 70-е и 80-е гг. важную посредническую роль между Италией и Россией и распространившей русскую литературу в Италию, в первую очередь, благодаря своей неутомимой и блестящей переводческой деятельности, которой она занималась на высоком профессиональном уровне и с

такими блестящими результатами, что в 1968 г. ей присудили премию «Citta di Monselice» («Город Монселиче») как лучшей переводчице года. Библиография ее переводов с русского на итальянский язык издана М.Г. Талалаем в журнале «Из глубины времен» (1998. № 10. С. 279, 280); ему также принадлежит подробное биографическое эссе об Олсуфьевой в московском журнале «Слово» (2003. № 2. С. 22, 24).

Книга состоит из предисловия, 18-ти разделов, посвященных авторам и деятелям, чьи бумаги, сохранившиеся в архиве Олсуфьевой, были рассмотрены и опубликованы Паван, и заключения.

В предисловии дается краткий очерк разносторонней деятельности Олсуфьевой, характеризующий незаурядную личность русской графини, намеренной знакомить итальянскую публику с культурой своей «уже далекой, но не забытой, не тем более отверженной» (с. 7) родной страны.

Авторы, представленные Паван, — это (в алфавитном порядке) И.Е. Бабель, А. Бельый, А.А. Блок, Н.Н. Берберова, М.А. Булгаков, Л.Н. Гумилев, Э. Кузнецов, Д.С. Лихачев и Я. Лурье, О.Э. Мандельштам, Фоско Мараини (Fosco Maraini), Б.Ш. Окуджава, А. Панов, Б.Л. Пастернак, А. Платонов, А.Д. Сахаров и Е.Г. Боннэр, А.Д. Синявский, В.Б. Шкловский, А.И. Солженицын. С некоторыми из них Олсуфьева вела переписку на профессиональные и даже личные темы, другие вызвали ее интерес в связи с рабочими делами.

В разделах, посвященных отдельным личностям, содержатся бумаги из архива графини с комментарием, который воссоздает историко-культурный контекст данных бумаг. В комментариях Паван дает много ценных сведений, они помогают читателям в понимании вопросов и событий, о которых речь идет в письмах и документах. Из всех бумаг архива Олсуфьевой автором книги выбраны и опубликованы те, которые лучше отражают личность переводчицы, ее точную и тщательную работу, заслуги, приписанные ей переводами, как, например, распространение в Италии теоретических работ Шкловского и почти всех произведений Солженицына до 1978 г. Интересуют Паван не только писатели, с которыми Олсуфьева установила хорошие отношения, но и деятели разных эпох (см., например, «Письма и завещание Ивана Грозного», «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина). Паван реконструировала и отношения Марии Васильевны с итальянскими издателями (De Donato, Feltrinelli, Rizzoli, Adelphi, Mondadori, Longanesi, Il Saggiatore), которые тогда были заинтересованы в переводах сенсационных русских произведений, и отношения Олсуфьевой с писателями и учеными, чьи замечания и предложения она учитывала в своей переводческой работе. Автор книги обратила внимание на мало-

известные вопросы и события, например, запутанный в 70-е гг. вопрос о передаче русским писателям гонорара за перевод их произведений за границей и проект издания книги о футуристических манифестах Маринетти с предисловием Шкловского. В книге все документы опубликованы в оригинале, кроме русских, почти всех переведенных на итальянский язык Паван.

В заключение автор книги сообщает, что она опубликовала не все бумаги из архива Олсуфьевой, в котором, в частности, хранится интересный машинописный очерк М. Слонима «На полях писем Марины Цветаевой к Анне Тесковой», и отмечает значение данного архива и как свидетельства огромной работы, проделанной Олсуфьевой — переводчицей многих прозаических произведений XX в., обладающей чувством русского языка, и как источника сведений о писателях и культурных деятелях той эпохи.

Книга, где приведено много интересных сведений о русской литературе XX в., полезных для тех, кто занимается данной темой, заслуживает особого внимания благодаря опубликованным в ней архивным документам. Люди и события, описанные изнутри и представленные в конкретном контексте, вызывают интерес читателей, которым, наверное, захочется познакомиться и с неопубликованными архивными материалами.

Из всех разделов, посвященных литераторам, некоторые представляют особый интерес. Здесь стоит упомянуть архивный фонд еврейского писателя Е. Кузнецова, дважды заключенного в лагерь, который в 1979 г. был вынужден покинуть Советский Союз и переехать в Израиль, и архивный фонд А.И. Солженицына, произведения которого до 1978 г., как уже было сказано, почти все переведены Олсуфьевой. Бумаги, составляющие этот архивный фонд, проливают новый свет на личность, сумевшую объединить собственный опыт заключенного и писательский дар в произведениях, оказавшихся важным этапом в русской литературе своей эпохи. Архивный материал фонда Солженицына свидетельствует, с одной стороны, об усилении Олсуфьевой открыть личность Солженицына как человека и писателя для итальянской публики и, с другой стороны, о ее работе как переводчицы, сосредоточенной на правильной передаче стилистических особенностей языка писателя.

Раздел, посвященный ленинградским ученым, Д.С. Лихачеву и Я. Лурье, который основан на обстоятельствах публикации второго дополненного издания перевода книги «Письма и завещание Ивана Грозного» издательством «Longanesi» в 1972 г., занимает значительное место в архиве Олсуфьевой. Здесь находится большой материал, касающийся очерков, которые написали два ленинградских профессора для этой публикации.

Следующий, особенно интересный, раздел представляет А.Д. Сахарова и его жену, Е.Г. Боннэр. В нем содержатся письма 1971-го и 1974–1975 гг.; письма за 1971 г. носят чисто личный характер и свидетельствуют о дружбе между семьями Сахаровых и Олсуфьевых. Выбранные автором книги бумаги открывают нам мир диссидентов, проливают свет на решительные выступления Запада в защиту Сахарова и на усилия Олсуфьевой, предпринимавшиеся для лечения Елены Боннэр.

По архивным документам фонда известного критика Шкловского, одного из выдающихся представителей русского формализма, ощущается большое уважение к Олсуфьевой, переводчице и редактору многих его книг. Именно ей надо воздать должное за решительное содействие распространению работ Шкловского (в первую очередь, уже упомянутой «Теории прозы», переведенной впервые на итальянский язык в 1966 г.), которые немало влияли на итальянское литературоведение. Особенно интересен машинописный текст радиointервью Шкловского в Бари 27 октября 1967 г. Он вспоминает о Первой мировой войне, о Горьком и Шостаковиче.

Книга Стефани Паван, написанная с целью познакомить итальянскую публику с замечательной личностью Марии Васильевны Олсуфьевой, неутомимой и восторженной переводчицы и женщины, чувствительной к проблемам русских друзей, представляет собой важную работу не только для итальянских читателей, но и для русских. Она описывает и мировоззрение русской знатной женщины из дворянского рода Олсуфьевых, чей дворец в советское время стал помещением Союза писателей (см., например, заметку о том, как Олсуфьева вместе со Шкловскими встретила Новый 1968 год в бывшем доме своей семьи, с. 23–24). События и факты, воссозданные в книге, способствуют пониманию в Италии русской культуры той эпохи.

С. Синьорини (*Флоренция*)

ДЕТИ ДВУХ МИРОВ: МЕМОРИИ РУССКО-ИТАЛЬЯНСКОГО СЕМЕЙСТВА ТАТЬЯНЫ ДЕ БАРТОЛОМЕО / Ред.-сост., редакция и пер. М.Г. Талалай. Милан; СПб.: Атон, 2002. — 64 с.

Этой небольшой, изящно изданной книжечке угрожает реальная опасность затеряться в море печатной продукции на русском языке, «плавать» в котором все более затруднительно даже опытному читателю. Удовольствие от знакомства с этими оригинальными «мемориями» вызывает естественную благодарность, прежде всего, к главной их героине — автору тонких и поэтических воспоминаний (на итальянском

языке) Татьяне де Бартоломео, а также переводчику, редактору и составителю сборника М.Г. Талалаю.

Рецензируемая книга, по словам редактора, «посвящена памяти замечательного итальянского семейства, погрузившегося, волею судеб, в итальянскую стихию», родоначальником которой был блестящий царский офицер, генерал Евгений Феликсович Эльснер (1867–1930). После кончины белого воина в Югославии его вдова, Мария Михайловна, урожденная Сазонова (1874–1962), и дочь Вера (1897–1979), вышедшая замуж за неаполитанского офицера Марио Кверча, перебрались в Италию. Здесь и выросла — в атмосфере воспоминаний о старой России, которую она никогда не видела, но которую впитала в себя с молоком матери — внучка генерала, Татьяна, в замужестве де Бартоломео.

Ее воспоминания замечательны не только как редкое свидетельство представительницы «двух миров», русского и итальянского; они заслуживают внимания и с чисто литературной точки зрения — переводчику удалось в целом передать своеобразную, «прустианско-кафкианскую» интеллектуальную атмосферу этого изысканного прозаического опыта.

Трудно, впрочем, согласиться с утверждением Талалая о том, будто бы эмигранты «первой волны» в Италии «были редки»: достаточно взглянуть в недавний справочник, в составлении которого он сам принимал участие, — «Некатолическое кладбище Тестаччо для иностранцев в Риме. Алфавитный список русских захоронений» (совместно с В. Гасперович, М.Ю. Катиным-Ярцевым, А.А. Шумковым; СПб., 1999). Но верно то, что внимание к ним до последнего времени было минимальным, — славистов, как советских, так и послушно следовавших за ними итальянских, более интересовали такие сюжеты, как Горький и Ленин на Капри...

В книге повествуется, прежде всего, о Евгении Эльснере, родоначальнике семьи Эльснер — Кверча — де Бартоломео, — честном офицере «подлого времени», по выражению В. Черкасова-Георгиевского, автора отдельного очерка о генерале, отличившемся на фронтах Первой мировой войны и затем убежденно боровшемся с большевиками; в частности, он был одним из организаторов Добровольческой армии, а затем ее представителем при генерале П.Н. Краснове. Драматический эпизод с пленением Эльснера и других белых генералов «революционной» толпой воспроизведен очевидцем — его сыном Игорем, тоже офицером, в очерке «Святые мученики», впервые напечатанном в рецензируемом издании.

Приводятся в нем и записи из петроградских дневниковых тетрадей дочери генерала, Веры. Всего несколько страничек (к сожалению), но

какой высокой и чистой образ русской тургеневской девушки воскресают они перед современным читателем, бесконечно далеким не только хронологически от той безвозвратно ушедшей эпохи и того строя чувств и переживаний. Перед нами будто бы оживает героиня «Царевыйц» Краснова — Вера Ишимская, это словно страницы ее дневника.

Необычность записей Татьяны заключается в «отраженных» воспоминаниях. Сама мемуаристка это обозначает так: «В потоке интереснейших книг мне не пришлось встретить отражений тяжелых воспоминаний ... отражений в жизни детей изгнанников, родившихся среди другой нации. <...> Детей, живших в раздвоении между тем, что есть, и тем, что могло бы быть. Детей, чувствовавших то, что никогда не переживали».

Действительно, именно эта тема доминирует в предлагаемом тексте. Но как всякое подлинное художественное произведение — а говорить в данном случае, несомненно, следует о полноценной прозе — оно далеко не исчерпывается мотивом детей «двух миров», погруженных в воображаемое прошлое. Ностальгия о никогда не виденной России, родной земле деда-генерала, бабушки, матери переплетается во вполне модернистской прозе Татьяны де Бартоломео с острыми личными переживаниями: первой влюбленности, страданий ревности, надежд и разочарований стареющей женщины, и все в искусном обрамлении рождественских воспоминаний.

Непростая уже для детей первой эмиграции проблема конфессиональной принадлежности — «конфессионального замешательства» — в этом (художественном!) повествовании раскрывается на примере переживаний героиней Рождества: «Отец (итальянец) крестил меня в неизбежной католической вере. Чуть погода бабушка покрестила внучку в безвестной православной церквушке. Взрослой я хожу на разные богослужения — из одной церкви в другую. Религиозное раздвоение меня мучит, не рассеивая сомнений моей прохладной веры...» Но вот что любопытно: формально католичка, Татьяна не утратила свои русские корни и осталась «русская душою», почти как пушкинская героиня, изъяснявшаяся, как мы помним, только на французском.

О героине «Семи Рождеств и одной Пасхи» можно было бы сказать: русская душа, обогащенная западным опытом. Вынужденный характер такого «восполнения» ничего не отнимает от неподдельной подлинности этого жизненного опыта. И в любом случае, читать «мемории» Татьяны де Бартоломео — намного интереснее (и поучительнее), чем пытаться осилить «патриотические» откровения какого-нибудь современного мемуариста с советским прошлым, вроде С.Ю. Куняева.

Sergievskij A. APPUNTI SULLA POESIA CONTEMPORANEA RUSSA, E NON SOLO. Roma: Centro Italiano Arte e Cultura, 2002. — 255 p.

При нынешнем изобилии литературно-критической продукции — у нас в стране и за рубежом — внимательный и заинтересованный читатель, который хочет разобраться в сложном хитросплетении литературных судеб и индивидуальностей, остро нуждается в надежном и квалифицированном *путеводителе*. Положение осложняется, когда речь заходит о читателе иноязычном, интересующемся сегодняшней российской словесностью и не имеющем физически возможности следить за всеми публикациями, книжными и журнальными. Так что обозреватели отечественной словесности для иностранцев берутся за дело ответственное и в какой-то степени неблагодарное, ибо выступают поневоле «первооткрывателями» литераторов, выбираемых ими на собственный вкус. Впрочем, «объективность» в такого рода делах невозможна, и не случайно даже Нобелевский комитет по присуждению литературных премий порой упрекают (и совершенно справедливо) в излишнем «субъективизме».

Если говорить об Италии и степени знакомства в ней с *современной* русской литературой, то необходимо отметить, что в послевоенные десятилетия — при доминирующих позициях компартии в культурной политике вообще и давлении на нее «товарищей» из Москвы — преимущественное внимание неизбежно уделялось «прогрессивным завоеваниям советской литературы». Впрочем, даже и при такой политической ситуации итальянские издательства и литературные критики нередко проявляли «своеволие», выбирая произведения и авторов действительно оригинальных, стимулируя их распространение и изучение в стране. Так, при всей обязательности изучать и издавать канонизированного советским режимом Маяковского именно итальянцы нашли свой подход, став новаторами в исследованиях творчества *раннего* Маяковского, поэта-футуриста. Не говоря уже о дерзком шаге издателя Фельтринелли — отчаянного коммуниста-анархиста, — впервые опубликовавшего «Доктора Живаго» и прославившего Б. Пастернака на весь мир.

С начала 1990-х гг., когда рухнула Берлинская стена и иссяк поток «золота Кремля», подпитывавшего работу коммунистов-просветителей в Италии, изменились ориентиры издателей и критиков. На свой страх и риск издательства (прежде всего — небольшие, каких в стране немало) сами выбирают авторов для переводов, руководства, однако, не всегда ясными критериями. Необходимость авторитетного литературного «путеводителя», таким образом, — и прежде всего для этих издательств — очевидна. Особенно когда речь заходит о заповедном материке Поэзии.

Знаковой фигурой для итальянских любителей русской поэзии — после Маяковского (раннего), Пастернака и Мандельштама — стал Иосиф Бродский, уже, впрочем, как Нобелевский лауреат. Он почти весь переведен на итальянский язык (как с русского, так и с английского) и многократно издан, что нельзя не считать большим культурным событием. Хуже обстоит дело со знанием в Италии российской поэзии *после* Бродского. Заполнить этот пробел взялся филолог и журналист из России, выпускник Московского университета Александр Сергиевский, обосновавшийся в Риме.

Его книга, вышедшая по-итальянски в 2002 г., озаглавлена «Заметки о русской поэзии, и не только о ней». Как рассказывает сам автор, она состоит преимущественно из статей и рецензий, которые он писал с 1993 г., по предложению Пино Аматьелло, главного редактора «Il Nuovo Giornale dei Poeti» («Новая газета поэтов») для этого римского литературного ежемесячника. Энтузиазм итальянского издателя и самоотверженная работа российского литератора, многие годы пристального наблюдателя и знатока поэтической «кухни» у себя на родине, привели к созданию уникального — не только для Италии — обзора, который станет необходимым пособием и отправным пунктом для всех, интересующихся литературным поколением «после Бродского».

Сергиевский опубликовал этот обзор в виде книги, дополнив его другими материалами по теме, в частности, интервью с некоторыми из его «героев». Но книга «не только о ней», то есть о поэзии и о поэтах. Здесь представлены и другие любопытнейшие аспекты современной российской культурной жизни, в тех или иных «переплетениях» с Италией, что придает книге особую злободневность. Среди них — *отражения* Венеции, Рима, Флоренции, Милана в стихах современных русских поэтов; интереснейшее интервью с Ириной Прохоровой, главным редактором «Нового литературного обозрения», лучшего сегодняшнего литературно-критического журнала в России; интервью с директором Государственного центра современного искусства Леонидом Бажановым; диалог о живописи с живущим в Германии московским художником Евгением Дыбским; беседы с известным российским историком культуры и литературы, работающим в США, Михаилом Эпштейном; диалоги о текущем российском кино и театре с режиссерами Владимиром Мирзоевым и Владимиром Кобриним.

И все же в центре книги — поэзия. Она открывается презентацией двух таких представительных фигур, как Иван Жданов (первый лауреат премии Аполона Григорьева в Академии русской современной словесности) и Владимир Салимон — основатель и руководитель литературно-художественного журнала «Золотой век», в 1995 г. удостоенный

римской Европейской поэтической премии (к этому добавлены два интервью с Салимоном, посвященные в основном его журналу).

Автор включил в свою книгу как мини-обзоры исторического характера, чтобы дать представление о литературном процессе в последние десятилетия (включая насыщенное выступление на Национальном конгрессе в римском Исследовательском центре поэзии в 1996 г.), так и критические портреты-миниатюры отдельных поэтов. Здесь мы встречаем таких разных представителей «новой волны», как Ольга Седакова, Елена Шварц, Алексей Парщиков и Александр Еременко, Дмитрий Пригов и Лев Рубинштейн, Владимир Аристов и Виталий Драгомощенко, Сергей Гандлевский, Бахыт Кенджеев, Сергей Стратановский, Владимир Лапин (умер в 2005 г.). Но наряду с ними дань памяти отдается и Варламу Шаламову-поэту (1907–1982), Борису Чичибабину (1923–1995), Виктору Кривулину (1944–2001).

Большим достоинством книги Сергиевского является включение в нее поэтических переводов на итальянский язык, которые профессионально выполнили Мария Чиконьяни-Волконская, Аннелиза Альева, Мария Виньола, Мария-Грация Могедду, Даниэла Лечче, Артемий Кейдан и дочь автора Мария Сергиевская. Конечно, хотелось бы видеть рядом с переводами и оригиналы стихотворений. Впрочем, будем надеяться, что этот недостаток исчезнет в *переиздании* этого небольшого, но чрезвычайно насыщенного очерка культурно-поэтической жизни современной России.

Е.А. ВАГИН (*Рим*)

Tarkovskij A. DIARI. MARTIROLOGIO. 1970–1986 / A cura di A.A. Tarkovskij. Firenze: Ed. della Meridiana, 2002. — 720 p.;

Tarkovskij A. LUCE ISTANTANEA / A cura di G. Chiaramonte e A.A. Tarkovskij. Firenze: Ed. della Meridiana, 2002. — 136 p.

«Тоска — вот то приключение, благодаря которому человек не затеряется». Эта парадигма С. Кьеркегора будто красной нитью проходит через все шестьсот страниц «Дневников» Андрея Арсеньевича Тарковского, озаглавленных самим автором как «Мартирологий». Впервые публикуемые полностью (в итальянском переводе) и снабженные массой фотографий, они представляют собой заметки кинорежиссера с апреля 1970-го по декабрь 1986 г. Как отметил во вступительной статье сын режиссера, Андрей Тарковский-младший (он же редактор издания), эти тексты служат «единственным свидетелем повседневной жизни отца, во всей ее резкости и честности».

Первое, что бросается в глаза при чтении семи тетрадей, собранных под одну обложку, — это мучения, которым подвергался в СССР свободолюбивый творец, даже находившийся вне ГУЛАГа. А ведь Тарковский, когда начал вести свой дневник-мартирологий, был весьма известным человеком: к 38 годам он успел получить многие международные премии, в том числе венецианского «Золотого льва» за «Иваново детство», приз в Каннах за «Андрея Рублева» и иные. Это признание, однако, не останавливает советскую номенклатуру в ее открытой враждебности к режиссеру: его новый фильм, «Андрей Рублев», абсурдно обозванный «жестоким», лежит уже несколько лет «на полке». Как будто для собственного утешения Тарковский переписывает в тетрадь цитаты из писем своих поклонников, а также из выступления одного математика, заявившего о нем на одном из диспутов как о «художнике, являющемся истинным мерилом вещей и противостоящем растущей девальвации чувств».

Первого сентября 1970 г. режиссер записывает, что невероятно его желание показать «Андрея Рублева» Солженицыну и поговорить с Шостаковичем. Именно этих двух творцов, также травимых режимом, он считает наиболее близкими себе в тот момент. Так, с самых первых страниц дневники становятся отражением души в зеркале, фиксирующем самые горькие чувства человека и художника. Автор «Мартирология» открывает свое сердце с необыкновенной искренностью и с глубоким чувством неизбежности, и стоическим и христианским, по отношению к собственной судьбе. Он, однако, считает, что в человеческой истории существуют непреходящие ценности: «религия, философия, искусство... вот три столба, на которых стоит мир... символически материализуя идею бесконечного».

Не раз Андрею кажется, что он следует перипетиям отца, пострадавшего в свое время от ждановских гонений. Как напоминает автор одного из предисловий, киновед А. Кьяромонте, цензоры отказались публиковать первые стихи Арсения, заявив, что они принадлежат к «черному пантеону» русской поэзии вместе со стихами Ахматовой, Гумилева, Мандельштама. Но именно стихотворения отца становятся путеводной звездой для Андрея: об этом он говорит в своих эссе о кинематографии, изданных в Италии в 1986 г. под названием «*Scolpire il tempo*» («Ваять время»).

Седьмого августа 1970 г. режиссер отмечает долгожданное и радостное событие: родился сын Андрюшка. В дневник попадают точные сведения о весе, росте, телосложении сына, номер материнской карточки, а также телеграмма от итальянского кинокритика Чезаре Дзаваттини: «*Evviva il nuovo Tarkovskij!*» («Да здравствует новый Тарковский!»).

Несмотря на лицемерную позицию бюрократов, то запрещавших, то разрешавших работу, Тарковский движется вперед: вместе с писателем Ф. Горенштейном он пишет сценарий «Соляриса» по роману С. Лема. При этом он не может избежать мучительных размышлений о своей личной судьбе и думает, что родители строго осудят его разрыв с первой женой Ириной. В одном из пессимистических пассажей режиссер пишет: «Не чувствую себя взрослым с ними... трудно общаться, когда нельзя сказать ни да, ни нет, ни черное, ни белое». Иногда художника преследует тяжелая депрессия: «Я сделал мало, ужасно мало и плохо. Три слабых фильма!» Но он не отстраняется от работы и продолжает снимать «Солярис», против которого вновь возникает бюрократический фронт, вновь слышны «советы» вырезать важнейшие сцены.

Обрушиваются обвинения в формализме, элитаризме, но Андрей уверен, что «есть вещи поважнее счастья — поиск истины всегда тяжкий путь». Эту последнюю фразу как одну из ключевых цитирует в своем предисловии и Андрей Тарковский-младший. В итоге дневники превращаются в хронику борьбы с государством-Левиафаном, который пытается контролировать душу и мысли.

Есть и редкие счастливые дни — в декабре 1972 г. режиссер впервые едет в Италию. Местности живописные и туристические его не трогают, но вот Рим потрясает: «Необыкновенный город.. на нем, как на пне, читаются кольца десятилетий, а может, и целых эпох». Тем временем выходит «Солярис», в целом тепло принятый, хотя зарубежные прокатчики его порядком сократили.

По возвращении из Италии в Россию Тарковский получает, наконец-то, разрешение снимать «Зеркало», где он воистину пытается «изваять время» в восхитительном сплаве воспоминаний и реальности. В этой реке времени часто всплывают символы, среди которых — псевдоспокойный лик Леонардо. Документы эпохи приобретают художественное звучание благодаря и стихам отца, даже полемические аккорды (антисталинские) даны без запала и деликатно.

Тетрадь 1976 г. открывается непривычными нотками оптимизма: режиссер знакомится с поэтом и сценаристом Тонино Гуэрра, с которым завязывается прочная творческая дружба. Вместе с ним они задумывают «Ностальгию» и ряд других, к сожалению, неосуществленных проектов — «Гофманиану», «Уход» (о последнем годе жизни Толстого), «Искушения святого Антония» (по Флоберу). Наконец, в январе 1977 г. начались пробы для фильма «Сталкер», основанного на повести братьев Стругацких. Главное в сюжете — дантовский маршрут в некую «зону», где в особой комнате реализуются желания. Роль Вергилия для идущих

туда писателя и ученого играет Сталкер, первооткрыватель неизвестных путей.

Проходят месяцы жизни творца, иногда заполненные лишь пустотой между одной встречей и другой. Пятого октября 1979 г. Тарковский пишет о смерти матери, отмечая, что «теперь остался беззащитен». Ниже стоит следующее: «Но что мы знаем о смерти, если ничего не знаем о жизни?»

В 1980 г. режиссер опять едет в Италию, по приглашению Т. Гуэрра, и на этот раз надолго. Он снимает по заказу государственного телевизионного канала RAI-TV документальный фильм «Tempo di viaggio» («Время путешествия»), показанный лишь три года спустя и ставший неким прологом к фильму «Ностальгия».

В мае того же года в Каннах — шумный успех «Сталкера» (в дневнике: «мне даже стыдно повторять слова Дж. Л. Ронди»). Седьмого марта 1981 г. Тарковский прилетает в Рим, где ужинает с Антониони. Отправившись в путешествие по Апеннинам вместе с кинооператором П. Ланчи, он прибывает в местечко Портоново, под Анконой, где в благочестивом восхищении замирает перед Владимирской иконой Божией Матери, неизвестно как туда попавшей («как я молился сегодня, как молился!»). Он много думает о смысле ностальгии, определяя ее как «смертельную болезнь в результате отрыва от собственных корней». Ему свойственно и предчувствие, что фильм станет свидетельством и его собственных мучений, станет составной частью «мартирологии». В самом фильме, однако, доминирует мотив «спасительной красоты», выраженный в тосканских пейзажах, в картинах и архитектуре Ренессанса, в золотой копне волос Домицианы — все это опирается на цитаты из «Добролюбия», недавно прочитанной книги св. Иоанна Лествичника.

В плане практическом ему много помогает Гуэрра; от него же Тарковский узнает о присужденной ему премии «Давид Донателло». Режиссер получает и другие награды, но о них пишет мало, сосредотачиваясь на рассуждениях о вере. Иногда встречаются и иронические пассажи: «Сегодня мне приснился Брежнев, он благожелательно со мною говорил. Mio Dio! [Боже мой!]». Итальянское восклицание еще более оттеняет абсурдность ночного «кошмара».

Римские друзья водят его в кино, но художник редко остается удовлетворенным. В конце мая 1980 г. он — в Неаполе, где посещает певца Роберта де Симоне в его «странном доме-музее, наполненном пастухами, марионетками, работами кустарей». Город, тем не менее, от «последнего землетрясения не оправился» и производит впечатление «анархии, точнее, беспорядка на грани анархии». Тарковский страшно

устаёт, но даже и в Риме ему не удастся отдохнуть: «Италия выиграла чемпионат мира [по футболу], и болельщики днями это празднуют, размахивая знаменами, гудя, крича, танцуя, обнимаясь». Эта атмосфера сильно контрастирует с его беспокойством о жене Ларисе, о сыне, которые так далеко...

В конце августа он уезжает в Венецию в качестве члена жюри фестиваля. Но смотреть шесть фильмов в день для него — слишком; сверхчувствительная натура отвечает на это острой реакцией. Пришло и неожиданное радостное событие: из Москвы приезжает жена. Впрочем, Андрюшка остается в СССР почти как заложник. Ради визы для сына Тарковский пишет президентам Италии и Франции (Пертини и Миттерану), думает обратиться к Папе Римскому. Идет время, но изменений в судьбе Андрюшки не происходит, хотя на родине уже сменились вожди. В тетрадах появляется следующее: «Мы изгнаны за пределы России. Я стал белой вороной, непонятной и ненужной. Неудобной».

Тарковскому, в сентябре 1985 г. вернувшемуся в Италию со съемок в Швеции («Жертвоприношение»), Лариса Павловна сообщает прекрасную новость: муниципалитет Флоренции в знак заслуг режиссера перед гуманитарной культурой и его прославления Тосканы предоставил ему обширное жилье. В СССР к власти пришел Горбачев, но даже и при его режиме Андрюшке не позволяли выехать к отцу. Эта трагедия отравляла все существование Тарковского, и возможно, ускорила роковое течение его болезни. Двадцать девятого сентября того же года, в состоянии глубокой депрессии, он пишет: «Мне надоело жить». Тогда же им овладевает идея обратиться за помощью к президенту Рейгану через посредничество друга Ростроповича.

Тяжело больной Тарковский отправляется в Париж, где за ним преданно ухаживает жена, а также Марина Влади и ее муж-врач. Девятнадцатого января 1986 г. он с восторгом пишет: «Приехали Андрюшка и Анна Семеновна!... Он порядком вырос... ласковый, добрый мальчик с большими зубками... это чудо!».

Но болезнь наступает. Большой мастер современного искусства скончался в Париже в ночь с 28 на 29 декабря 1986 г. Третьего января 1987 г. в соборе св. Александра Невского, на рю Дарю, была отслужена торжественная панихида. У паперти собора Ростропович сыграл в память покойного друга сюиту Баха. Режиссера похоронили на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа среди других русских изгнанников.

В 2002 г., когда вышли на итальянском дневники режиссера, его друзья, в первую очередь Тонино Гуэрра, и его сын издали еще одну книгу — альбом фотографий Тарковского с названием «Мгновенный свет», обыгрывающим, вероятно, и технику снимков, сделанных «полярнои-

дом». Альбом разделен на две части: «Россия» и «Италия». Снабженный цитатами из дневников, он соединил под одной обложкой две части души, разделенные ностальгией.

А. НАПОЛЕТАНО (*Неаполь*)
Перевод с ит. М.Г. Талалая

Zveibach V. RUSSIA MIA RUSSIA. Firenze: Ed. Polistampa, 2003. — 350 p.

Владимир Сергеевич Цвейбах родился в Ленинграде в 1937 г. Нет сомнения, что он, всегда чуткий к разного рода сближениям, не мог не думать о том роковом годе, когда на нашу Россию обрушился шквал сталинских репрессий (иногда он подчеркивает этот год: «Его, тогда еще молодого коммуниста, / Забрали и арестовали в 1937 году» — «Портрет Ивана Петровича»).

Отец Владимира был именно таким молодым коммунистом, которого, впрочем, сталинская гильотина пощадила. Сергей Цвейбах родился на Украине в семье предприимчивых торговцев — его отец поставлял украинский хлеб по всему берегу Черного моря, включая турецкий. Сергей принадлежал к тем русским евреям, что приняли всем сердцем революцию, отказавшись и от семейного дела, и от своей древней веры. Покинув родной Херсонский край, он перебрался в колыбель революции, город на Неве, вступил в компартию, выучился на врача. В Ленинграде он встретил свою будущую жену, представителя совсем другого мира. Фаина Кашина происходила из патриархальной купеческой семьи, из крепкой русской провинции (и имена родители давали строго по церковному календарю). По семейному преданию, их род был известен уже во времена Ивана Грозного, чем Кашины, естественно, гордились.

Собственно именно эта, кашинская, среда и сформировала на первом этапе личность Владимира. Русский фольклор, лето в деревне, няня-крестьянка, широкие просторы с сельскими церквушками, чаепития у самовара, долгие вечера с песнями — вот тот детский мир, что навсегда остается в душе, а следовательно, — в стихах. На это наложится другой мир — мир утонченной петербургской культуры, но это будет позднее.

Жизнь Владимира легко могла оборваться в самом ее начале. Еще малышом, вместе с матерью и сестрой (отец был на фронте), он попал в жуткое кольцо блокады. Выжили тогда совсем немногие. И это чувство, что жизнь ему кем-то подарена, а значит, и распоряжаться ей надо сверхответственно, никогда не оставляло Владимира. Страшный голод длился долго — целых пять лет. Его отец, оказавшийся после окончания

войны в Румынии, вывез туда всю свою семью — там они, наконец-то, смогли наесться досыта.

Вернувшись в Ленинград, Владимир полностью окунулся в волшебную атмосферу этого города. Семья жила на Петроградской стороне, сохранившей и поныне свой уклад, свою особую физиономию. В двух шагах от его жилья стоял домик Петра I — самая первая городская постройка. Школьные учителя, фанатично преданные русской культуре, передали Володе этот пиетет. Но его тянуло в другие места.

Мальчиком, едва выйдя из-за школьной парты, он завербовался в геологическую партию — профессия геолога в те годы считалась самой романтической. Но привлекала его, как выяснилось, не сама геология, а бродяжнический аспект этой профессии. Спустя год он ушел из экспедиции и поступил в Медицинский институт, решив стать врачом, как родители.

Студенчество Владимира пришлось на светлую для России пору — наступила так называемая «оттепель»: мир, казалось, открылся и обновился. В Ленинграде, как и везде в России, появились молодежные кафе, повсюду читали стихи. После низвержения сталинизма, думалось, все будет иначе, веселее, свободнее. Кроме того, стали выходить прежде запрещенные книги, например, Фрейда и Кафки. Знакомство с ними формировало у юноши независимость мировоззрения. Путешествовать «профессионально» он стал тогда же — каникулы проводил в поездах и автобусах, объехав почти все республики СССР.

Получив диплом, Володя сам попросился на Камчатку — самый край бескрайней России, как можно дальше от дома. Среди девственной природы и не испорченных цивилизацией людей он провел три года, надолго ставшие источником поэтического вдохновения. Собственно домой, в Ленинград, он так и не вернулся. Кажется, именно на Камчатке у него окрепла убежденность, что необходимо вырваться за непроницаемые советские границы. Вероятно, тогда же он ощутил, что «оттепель» сменилась новыми заморозками, и политический режим вовсе не расположен дать людям свободу во всех ее аспектах — свободу мысли, свободу передвижения. Кто знает, может быть, стоя на берегу Берингова моря, отделяющего Россию от Америки, он мечтал преодолеть этот рубеж, попасть в иной мир, в «цитадель демократии». Но время для этого еще не пришло.

Путешествуя по Уралу, он встретил свою будущую жену, а во время другого путешествия, по Карпатам, появилась дочь. Имя ей дано из других цивилизаций — Франсуаза. В эти годы Владимир начал писать стихи, переплетавшиеся с путешествиями: свои путевые заметки он рифмует. Следующий этап — Грузия. Щедрый край, своим изобилием

напоминающий Италию. Живописнейшие места, гостеприимные жители. Но душою Володя — там, за Беринговым морем. И он уезжает в Америку.

Прорыву за «железный занавес» способствует другая жизненная удача — настоящий «американский дядюшка». Дядя Владимира, Николай Николаевич Кашин, как и его отец принявший революцию, в 1920-х гг. был послан в советское дипломатическое представительство в Иран. В середине 1930-х гг. стало ясно, что ему грозит смерть из-за купеческого происхождения и военной службы в царской армии, и Кашин бежит из Тегерана. Природный талант позволил ему быстро встать на ноги и сделать блестящую карьеру издателя. Именно дядюшка помог освоиться за океаном и племяннику. Но Америка оказалась совсем иной, чем она представлялась на берегах Камчатки. Володя, привыкший к бескрайним и бесхозным просторам, к патриархальному гостеприимству, столкнулся совсем с иной культурой, к которой надо было приноравливаться.

Менять мировоззрение Владимиру не по душе, и он бросает Новый Свет и едет в лучшую страну Света Старого, в Италию, которую успел увидеть и полюбить по пути в Америку. Италия, в самом деле, сохранила многое из того, что другие цивилизации утратили, — щедрость к незнакомому гостю, интерес ко всем проявлениям жизни, веселую беззаботность.

Флорентийская жизнь Владимира проходила на виду у многих. Тут он открывает врачебную практику, специализируясь на гомеопатии, которой его учил еще отец. Тут он пишет и публикует большую часть своих стихов, осмысляет судьбу своей родины и свою собственную в поэтической форме. Отсюда он отправляется в экзотические страны и сюда же возвращается. Всегда чуткий к узловым моментам истории, Цвейбах по сути дела создает поэтический образ всего XX в., с его невиданными прежде трагедиями. Но при всей трагичности жизни он дает читателю рецепт счастья — это путешествие, конечно, не только в географическом смысле. И действительно, читая стихи Владимира, хочется все бросить и уехать вслед за поэтом на Камчатку, в Гагры, в Псков. Кажется, что именно так, странствуя, можно спастись и от репрессивных режимов, и от меркантилизма и пошлости, и от злой судьбы вообще.

Конечно же, любому путешественнику надо возвращаться домой, и Флоренция стала для него домом. Но поэт не раз говорил, что если бы он мог путешествовать и возвращаться в Россию, он бы ее не оставил. Все маршруты тогда упирались в «железный занавес», и Цвейбаху пришлось покинуть родину, постоянно возвращаясь туда душой, о чем свидетельствует и этот итальянский сборник его стихов.

Внезапно для всех, в какой-то один миг, путешествие Володи, его вечный поиск свободы и красоты прервались. Теперь странствуют его стихи. Они прекрасно переведены на итальянский его друзьями — в первую очередь Ниной Адриановной Харкевич, увы, тоже покойной, и изданы усилиями флорентийских друзей — Донателлы Тези и Маурицио Босси. Проникновенный анализ поэтики Цвейбаха дал во вступительном очерке стиховед Стефано Гардзонио.

М.Г. ТАЛАЛАЙ (*Неаполь*)

CAPRI 1905–1940. FRAMMENTI POSTUMI / A cura di Lea Vergine; Ricerche e testi di E. Fermi e S. Lambiase. Milano: Skira, 2003. — 279 p.

Жемчужина Неаполитанского залива, обиталище сладкоголосых сирен, остров Капри с гомеровских времен заманивал к себе путешественников и диссидентов-изгнанников со всего мира — поэтов, мистиков, «пророков светлого будущего», художников, анархистов, социалистов, чахоточных больных, богатых промышленников и изысканных денди «нетрадиционной ориентации». Составленный под руководством известной итальянской специалистки по истории искусства XX в. Леа Верджине ее коллегами Серджио Ламбиазе и Элизабеттой Фермани сборник историко-биографических очерков «Капри 1905–1940. Посмертные фрагменты» вышел в миланском издательстве «Скира» третьим изданием в 2003 г. Более сотни черно-белых фотографий иллюстрируют книгу.

Итальянские историки исследуют биографии тех «каприйцев», имена которых и составляют многослойный «каприйский миф» первых десятилетий прошлого века, когда остров казался «осью, вокруг которой вращается мировая политика и культура» (с. 12). Книга не только документально воспроизводит биографические факты и культурные события; очарованность, трепетное удивление и восхищение — вот те чувства, которые авторы переживают и передают читателям в своих описаниях выдающихся личностей и отношений между ними. Перед читателями проходит череда знаменитостей, в чьих портретах выявлены особые «каприйские» черты. Здесь литераторы: Максим Горький, Леонид Андреев, Норман Дуглас, Комптон Маккензи, Эдвико Черио, Аксель Мунте, Райнер Мария Рильке, Жак Ферзен, Жильбер Клавель, Филиппо Маринетти, Дзанотти Бьянко, Вальтер Беньямин; художники: Фортунато Делперо, Джакомо Балла, Михаил Ларионов, Вера Хлебникова и Маревна (Мария Воробьева-Стебельская), Ромен Брукс и Натали Барни.

Альберто Савинио в 1926 г., описывая Капри, назвал его островом, «населенным аргонавтами, приплывшими со всего света, заморожен-

ными никогда не умолкающим пением сирен, — людьми талантливыми, отчасти легкомысленными, фривольными и высокомерными эстетками, а отчасти коварными и жестокими гордецами» (цит. по: Lorenzi F. «L'isola sirena di rivoluzionari e dandies»). Между двумя мировыми войнами здесь царствовала ослепительная женщина-вамп, «Медуза, утопающая в роскоши стиля китч», суперэкстравагантная маркиза Луиза Казати Стампа (на обложку книги вынесено ее фото с пронзительным взглядом роковой героини немого кино, снятой на фоне цирковых декораций). Яркий пример артистического «транжирства и мотовства», эта женщина, буквально увитая гирляндами жемчуга и бриллиантов, передвигалась по всей Европе и появлялась на светских приемах в сопровождении двух живых леопардов и питона (ее геральдические символы), стремясь, по собственному признанию, стать «живым произведением искусства». Ее многократно запечатлели на своих полотнах Кес Ван Донген, Джакомо ди Балла, Наталья Гончарова и фотограф Мэн Рей, с которыми она расплачивалась драгоценностями.

Значительная часть книги посвящена представителям русской колонии на Капри, куда после поражения революции 1905 г. съехались политические изгнанники, жаждущие реванша. Горький на вилле Блезиус заснял в costume карбонария с устрашающим свирепым оскалом, обрамленным хрестоматийными усами. Здесь будущий «гуру социалистического реализма», разгуливавший по острову с попугаем Пепито на плече, принимал и содержал десятки земляков, среди которых — Шаляпин, Бунин, Андреев, Луначарский, Богданов, Ленин. Знаменитая шахматная партия на вилле Блезиус, известная всем по фотографиям в учебниках истории партии, выигранная эмпириокритицистом у «архистратига революции», дана в книге в подробной раскадровке, по которой можно проследить ход поединка и выражение бешенства на лице Ильича от неожиданно поставленного ему мата.

Горький дал средства на организацию в 1909 г. на Капри партийной школы, где Ленин на полном серьезе читал двенадцати рабочим (двое из них впоследствии оказались агентами Охранного отделения) лекции о революционной тактике. Однако вскоре интригами истинных ленинцев школа была прикрыта, дабы избежать распространения опасной ереси «социалистического богоискательства», которая исходила от Горького и Луначарского; последний лишь огрызнулся в письме: «Мы занялись искусством, чтобы найти выход нашей ярости». В космополитической атмосфере, царившей на острове, теоретик научно-социализма Антонио Лабриола спорил о его перспективах в России с русскими «марксистами-практиками», настаивая на мягкости и постепенности перехода к социализму.

Отдельная глава посвящена почти забытому на родине русскому публицисту и издателю Михаилу Николаевичу Семенову (1873–1952), другу почти всех европейских знаменитостей первой половины XX в. Революционер-толстовец, издатель марксистского журнала «Новое слово», а затем сотрудник Брюсова по символистскому издательству «Скорпион» и журналу «Весы», он добровольно покинул в 1905 г. Россию, начав свое странствие по Европе, которое закончилось в Италии. Прожив на Капри всего несколько сезонов, он в 1917 г. переехал в городок Позитано, расположенный неподалеку, где незадолго до этого купил огромную полуразвалившуюся водяную мельницу, «Mulino d'Arigenzo», и постепенно превратил ее в роскошную виллу, на которой гостили Дягилев, Нижинский, Карсавина, Мясин и все остальные участники труппы «Русские балеты», а также известные художники, музыканты и литераторы, вовлеченные в это колоссальное предприятие великого антрепренера: Пабло Пикассо, Лев Бакст, Михаил Ларионов, Жан Кокто, Эрик Сати, Игорь Стравинский, Филиппо Маринетти и др. Биографический очерк в основном базируется на единственной книге, опубликованной симпатичным мастером застольных рассказов («Вассо е sigene». Roma, 1950), которая, хотя и имеет подзаголовок «Воспоминания М.Н. Семенова», в значительной степени является плодом фантазий и литературных заимствований автора. Но нельзя упрекать итальянских биографов в подобной доверчивости, ибо документальные источники об этом ярком и неоднозначном человеке, в 1920–1930 гг. неофициально проникшем в «ближний круг» высших фашистских иерархов, лишь недавно появились на свет усилиями автора настоящей рецензии.

Не только терпимостью к политическим и эстетическим взглядам друг друга славились каприйцы. В то время как во всем мире гомосексуальные отношения жестоко преследовались как уголовное преступление, здесь со времен императора Тиберия «по умолчанию» существовала община приверженцев «греческой любви», не преследовавшаяся властями. Атмосферу каприйского общества начала XX в. воспроизводит русский писатель Василий Кондратьев: «На Капри есть вилла Альфреда Круппа, “Уединение брата Феличе”, совсем не случайно прозванная так – куда тебе, Тиберий! Здесь справлял свою “голубую свадьбу” барон Ферзен с завсегдамыми парижских писсуаров, здесь объяснялись в любви Оскар Уайльд и Бози, сюда привез свою scandalную “Ревность” Вильгельм фон Глэден, безумец-фотограф... О, этот край, воспетый берлинским Музеем Пола...» (Кондратьев В. Соломон// <http://lib.udm.ru/lib/PROZA/KONDRATIEW/rasskazy.txt>).

Подробно рассказано в сборнике и о том, без чьих трудов эта книга не могла бы быть написана, — каприйском историке, основателе архивного дела, по первой профессии инженера, человека энциклопедических знаний, многолетнего мэра острова, Эдвико Черио. В 1952 г. он предоставил приют на острове чилийскому поэту-изгнаннику Пабло Неруде и его подруге Матильде Уррутия.

Трудно перечислить все имена и события, упомянутые в книге, она увлекает читателя, любителя цветистых исторических анекдотов, о чем свидетельствует ее третье переиздание, однако профессионал-историк будет удручен, не найдя в конце книги именного алфавитного указателя упоминаемых лиц, без которого пользоваться сборником, содержащим столь обширную и разнородную информацию, как источником затруднительно.

В.И. КЕЙДАН (Рим)

De Angelis A. CONTATTI. PERSONE E PERSONAGGI NELLA TERRA DELLE SIRENE. Capri—Napoli: La Conchiglia [2003]. — 207 p.

Сборник биографических очерков краеведа из Сорренто Антонино де Анджелис, по-видимому, относится к жанру «устной истории», закрепленной на бумаге. В предисловии он сообщает, что книга содержит четырнадцать «всамделишных» исторических анекдотов из провинциальной жизни прибрежной Кампании (на юг от Неаполя). В центре каждого повествования — отдельная судьба «простого итальянского человека», оказавшегося в жизненной орбите знаменитости национального или мирового масштаба. Вот имена последних: хореограф Леонид Мясин, писатели Эдуардо де Филиппо, Андре Жид, Максим Горький, Норманн Дуглас, Рэндалл Морган, Анджела Люче, Акиле Лауро, графиня Клементина Масса, Сант-Антонио, Пальмиро Тольятти, Гульельмо Риччарди, София Лорен, принц Уэльский Чарльз.

Автору удалось собрать множество воспоминаний своих персонажей и их современников и, придав им новеллистическую форму, представить галерею портретов и житейских сцен, не претендующих на документальность, но проникнутых духом «исторической правды». Остановимся подробнее на судьбах двух итальянцев, чья жизнь была «встроена» в биографии «великих русских», живших на Капри, в Сорренто, в Позитано и на островах Галли.

Хореограф и танцор «Русских балетов» Дягилева, ставший знаменитым после блестящих балетных постановок 1916–1917 гг. в Париже, Риме и Неаполе, Леонид Мясин при посредничестве литератора и менеджера Михаила Семенова купил маленький архипелаг, где под руковод-

ством того же Семенова была сооружена вилла и репетиционный зал. Последний решил найти сторожа, который бы постоянно проживал на острове Галло-Лунго и охранял виллу и имущество от злоумышленников. Фармацевт Оттавио порекомендовал тридцатилетнего Антонино Яккорино из Сорренто, переживавшего в то время острую драму неразделенной любви.

«На следующее воскресенье он привез молодого человека в Позитано, где представил его грубоватому и неприветливому мужчине, изъяснявшемуся на малопонятном диалекте. Мужчина носил длинную и неопрятную бороду, а из-под вязаной шапки поглядывали колючие голубые глаза. Говорила в основном его подруга, загорелая странная женщина, а он иногда глухо вторил ее фразам.

Антонино уже знал, что острова принадлежат какому-то русскому, и он с тоской подумал, что бородач и есть их владелец. К счастью, это было не так: недоверчивый человек мужиковатого вида оказался лишь соотечественником Мясина по фамилии Семенов. Он многие годы жил со своей женою в Позитано, где купил старую мельницу на берегу моря и, помимо всего прочего, занимался делами хореографа. С первой встречи у Антонино возникла неприязнь к Семенову, с годами переросшая в тихую ненависть. Тем не менее были оговорены все условия работы, установлено жалование (30 лир в месяц), и спустя несколько дней он высадился на островке Галло-Лунго. Шла осень 1932 года, Антонино едва перевалило за тридцать лет — здесь ему предстояло прожить столько же.

После первой поры страхов и тревог он свыкся со своим одиночеством и даже почувствовал себя счастливым среди чистой и дикой природы. За исключением летних сезонов, когда на островах появлялись люди, его единственными компаньонами были чайки и дельфины. Приплывавшие люди, друзья хозяина — культурные, гениальные, немного безумные, — с Антонино общались мало. Зато с ним беседовали рыбаки, которые порою заплывали на Галло-Лунго и оставляли ему мешок еще живой рыбы. Душевная рана Антонино постепенно затянулась» (Пер. М. Талалая).

Для Лолы Милано, маленькой соррентийской девочки, дочери кондитера, Максим Горький — этот высокий сутулый человек с длинными виссячими усами, в «странной рубашке военного образца» (косоворотке?) — был не «буревестником революции», а дедушкой ее подружек Дарьи и Марфы Пешковых, в доме и в саду его виллы они часто играли. Оказавшись впервые вблизи этой виллы вскоре после Рождества, Лола увидела валявшуюся на земле елку, выброшенную вместе с украшениями и даже нераскрытым подарком. Она открыла шкатулку и нашла там засохшие

сладоcти, которые тут же съела. По словам Лолы Милано, Горький «проводил время в напряженном бездельи, прогуливаясь по двору, молча заглядывая в детскую, бродя вдоль берега, как будто ожидал каких-то новостей из-за моря. Однажды он вступился за молодого парня, подсобного рабочего рыбачей артели, которого избивал хозяин. Он так долго и горячо выговаривал ему что-то на непонятном языке, что тот опустил руки, а мальчишка, освободившись, убежал». Кабинет дедушки и другие комнаты виллы были обставлены какою-то странной некрасивой мебелью (как ей потом объяснили, «в русском стиле») и повсюду лежали книги. Здесь бывало много гостей, говоривших на непонятном языке.

Несмотря на отсутствие сенсационных сведений из жизни «великих», книга увлекает читателя в романтическое пространство прошлого, покоряет задушевым стилем и добрым отношением к людям, жившим в «стране сирен» в ту прекрасную эпоху.

В.И. Кейдан (Рим)

Marabini-Zoeggeler B., Talalay M. *MUSICA IN ESILIO: NATALIA PRAVOSSUDOWITCH, ALLIEVA DI SCHONBERG*. Vienna—Bolzano: Folio Verlag, 2003. — 126 p.

Большеформатная книга-альбом открывается предисловием одного из авторов, Б. Марабини-Цёггелер, председателя Культурной ассоциации «Русь» в Южном Тироле и культуртрегера — из не столь уж многих самоотверженных — на ниве итальянско-русских отношений. Она представляет книгу как итальянский вклад в празднование 300-летия Петербурга — рассказом о композиторе петербургской школы Наталье Михайловне Правосудович, долгие годы проживавшей в Италии и здесь скончавшейся в 1988 г.

В написанном ею совместно с М.Г. Талалаем обширном биографическом очерке (с широким привлечением материалов архивов, государственных и частных) воссоздается жизненный и творческий путь этой замечательной женщины, о которой на родине до появления этого исследования ничего не знали. В действительности, если великие имена путешественников, временных резидентов или даже всего лишь «латонических» поклонников (как тот же Пушкин) этой сказочной страны давно уже прославлены, до сих пор неизвестными остаются куда более многочисленные имена изгнанников, нашедших здесь приют (а многие — и вечный покой). Только совсем недавно в нашем отечестве начали «вспоминать» о существовании русской послереволюционной эмиграции — не только И. Бунина и Ф. Шаляпина, И. Шмелева и

С. Рахманинова, М. Цветаевой и А. Павловой, но десятков и сотен (в одной лишь Италии) «рядовых» беженцев, родственников жертв большевистского террора и самих оказавшихся своего рода жертвами в прекрасной и все же чужой стране. К их числу принадлежит и героиня рецензируемой книги — Н.М. Правосудович (1899–1988), которая законно занимает свое, пусть скромное, место в плеяде деятелей русского искусства, оказавшихся невольно за пределами родной земли, но и там продолжавших профессиональное служение, получавшее европейский резонанс.

Собственно говоря, до того как гигантский тоталитарный монстр отделил себя стеной (железным занавесом!) от остального мира, Россия — в культурном смысле — была неотделимой частью Европы. Служение русскому искусству было вместе с тем и служением «общим» европейским музам. Правосудович являла собой образец здоровой «премьстственности» такой традиции в не вполне здоровых условиях вынужденного изгнания. В России, в революционном Петрограде, она училась в Консерватории, когда ее возглавлял А. Глазунов (представивший жене Скрябина талантливую ученицу, которая стала брать у нее уроки). Когда же она оказалась за границей, ее учителем стал А. Шёнберг. Факт чисто библиографический приобретает символический характер: для выходцев из России органичным был глубокий интерес к европейскому авангарду.

Молодой русской музыкантше поистине чудом удалось вырваться из — советской уже — России в конце 1920-х гг., за год до ареста отца, видного инженера-путейца, и гибели его на Соловках. Еще до отъезда Наталья на себе испытала последствия «красного террора», болезненно пережила показательный судебный процесс над митрополитом Вениамином Петроградским. Спустя двадцать лет, уже в эмиграции, она напишет — под впечатлением оживших воспоминаний о процессе и личности митрополита — пасхальную кантату «Страсть и Воскресение».

В очерке-исследовании тщательно воссоздаются детали жизни и творческого пути героини, упоминается о судьбе оставшихся в СССР ее родственников. Особый интерес — для русского, но не только, читателя — представляют последние годы (десятилетия) жизни Правосудович в Русском доме им. Надежды Бородиной в Мерано. Соавторы очерка ранее, в 1997 г., посвятили обитателям этого памятного места монографию «Русская колония в Мерано». Она расширяет наши представления о «географии» расселения выходцев из России.

Написанный «в четыре руки» очерк можно считать удачным вкладом в создаваемую усилиями растущего числа исследователей Библиотеку о русских «вдали от дома». Он дополняется библиографическими (к со-

жалению, скудными) воспоминаниями самой Правосудович и богатым фотоматериалом, обнаруженным в меранском Русском доме и в домашнем архиве петербургских родственников композитора, потерявших всяческую (!) связь с изгнанницей.

Высокопрофессионален специальный очерк о музыкальном творчестве Правосудович пианиста и музыковеда В.М. Воскобойникова — еще одного россиянина, давно проживающего в Италии, но принадлежащего уже иному поколению.

В знак уважения к немецкоязычному прошлому Южного Тироля и к российскому происхождению героини в книге дан текст также и на немецком, и на русском языках.

Е.А. Вагин (*Рим*)

Biancheri V. IL RITORNO A STOMERSEE. Milano: Feltrinelli, 2002. — 168 p.

Jarre M. RITTORNO IN LETTONIA. Torino: Einaudi, 2003. — 275 p.

До последнего времени в Италии выходило мало книг, посвященных русским эмигрантам. В стране доминировали левые интеллектуалы, полагавшие исход из Советской России явлением реакционным, консервативным и контрреволюционным (и тут, вероятно, они были правы), и посему явлением этим не интересовавшиеся (и тут уже в ущерб собственной культуре). Сейчас, когда жесткое противостояние «марксизм — немарксизм» ушло в прошлое, стали появляться художественные и научные публикации о *другой* России, о ГУЛАГе, диссидентах, беженцах.

Борис Бьянкери, дипломат с солидным стажем, познал правду о русской революции на семейном опыте — его мать, баронесса Ольга Борисовна фон Вольф, принадлежала к тем миллионам россиян, что были вынуждены покинуть родину. Книга Бьянкери «Возвращение в Стомерзее», получившая престижную премию Гринцане-Кавур, основана именно на семейной памяти, а также на собственных впечатлениях от поездки в родовое гнездо. По сути дела — это беллетризованное повествование об истории русско-латышского семейства баронов Вольфов.

Как это часто бывает, мать литератора «вместе с молоком» передала сыну, названному Борисом в честь деда, гофмейстера и тайного советника, ностальгию по России. Именно по России, а не по Латвии, где теперь находится их бывшее имение Стомерзее (по-латышски — Стамериена, однако это название автор нигде не упоминает).

В самом деле, лифляндские бароны Вольфы по своей культуре и даже по вере, православной, принадлежали к русскому народу: Борис

Бьянкери подчеркивает это легкими, иногда ироничными штрихами. Так, например, в муниципалитете Стомерзее/Стамериена его героиня общается с местными властями по-русски через специально приглашенного переводчика, однако в трудную минуту власти вдруг «вспоминают» этот язык и вступают в прямое общение с гостьей. Кстати, и в разных интервью, и на обложке книги автор называет *русской* свою маму, прибалтийку по отечественной терминологии.

Прототипом героини, почти столетней итальянской гражданки Алисы Сарториус, некогда подданной Российской империи, послужила, вероятно, не только мать автора, но и его тетка, Александра, которую близкие звали Алисой (она в эмиграции вышла замуж за классика итальянской литературы прошлого века Томази ди Лампедуза).

Россия выступает на первый план и в воспоминаниях героини, которым она, естественно, предается при посещении своего бывшего поместья: учеба в Петербурге, где служил отец; его нелепая смерть во время Февральской революции; любовь к кузену, молодому офицеру, смертельно раненному на полях Галиции; переписка с ним с использованием пушкинских цитат; бегство из красного Петрограда. Эти сюжетные линии — реальные события из жизни тетки литератора.

В нынешней Латвии героиня находит лишь эти обострившиеся воспоминания, заставившие ее осознать: жизнь прошла, а родины нет. Накануне возвращения в Италию старая баронесса тайком покидает сопровождавших ее близких и вполне по-толстовски умирает на рижском вокзале.

Практически сразу после «Возвращения в Стомерзее» вышла книга с почти аналогичным названием и с параллельным сюжетом: «Возвращение в Латвию». Уже известная в Италии литератор Марина Ярр также написала о своих латышских корнях. Оказывается, она родилась в Риге в 1925 г. в космополитичной семье. Ее отцом был Самуил Герсон, обрусевший еврей (дед торговал сибирскими мехами), матерью — итальянка. В 1935 г. родители развелись, и мать увезла Марину в Италию, сохранив таким образом ей и себе жизнь, ибо осенью 1941 г., почти сразу после оккупации Риги немцами, все местные евреи были уничтожены, в том числе и отец писательницы. Книга Ярр — это смесь путевого дневника (автор возвращается в Латвию через 64 года, в 1999 г., где, заметим, общается преимущественно на русском), генеалогических исследований и исторических реминисценций о малоизвестной итальянскому читателю Курляндии, переписки родителей и других семейных документов. Книгу предваряет фраза: «Наконец объединенным в этом посвящении моему отцу и моей матери, любившим друг друга несколько лет в Риге, где я родилась». И для Ярр возвращение в Латвию стано-

вится путешествием в никуда — но преимущественно по биографическим мотивам: здесь ее жизнь не состоялась, и не могла бы состояться, ибо оборвалась бы вместе с жизнью отца.

М.Г. ТАЛАЛАЙ (*Неаполь*)

Сергиевский А. РЕПОРТАЖИ РИМСКОГО СТРИНГЕРА: На русской службе Би-би-си в Италии (1995–1999). М.: Комментарии, 2003.— 222 с.

«Италия — это сон, который возвращается до конца ваших дней». Известный афоризм Анны Ахматовой журналист, переводчик и литературовед Александр Сергиевский не случайно выбрал в качестве эпиграфа к своей книге «Репортажи римского стрингера». Это сборник публицистических и хроникальных материалов, их общий стержень и временной диапазон поясняется в подзаголовке: «На русской службе Би-би-си в Италии (1995–1999)».

Выпускник филологического факультета Московского университета и бывший обозреватель популярного журнала «Литературное обозрение», Александр Сергиевский с 1990 г. живет и работает в Риме. Он стал блистательным экскурсоводом по достопримечательностям Вечного города, основал здесь первую русскую газету («Форум»), выпустил на итальянском языке литературоведческий сборник «Заметки о современной русской поэзии и не только о ней» (см. рецензию выше. — *Примеч. ред.*). И вот — новая работа, свидетельствующая прежде всего об огромной эрудиции ее автора и о его требовательном отношении к своему труду. Радиожурналистика, при всей своей оперативности и обязательном присутствии «в реальном времени» эфира, не терпит халтуры. Честь и хвала репортеру, которому не стыдно отчитаться за свой ежедневный труд даже пять лет спустя.

Существует старое правило, согласно ему творческий человек, попадающий в Рим на одну-две недели, пишет об Италии книгу. Тот, кто провел здесь месяц или два, ограничивается журнальной статьей. А оставшийся надолго в этих райских кущах вообще не в состоянии ничего написать, задавленный впечатлениями и объемом свалившейся на него информации. Александр Сергиевский убедительно это правило опровергает. Его репортажи, собранные под единой обложкой, открывают окно в итальянские будни разных лет и позволяют вспомнить наиболее яркие эпизоды новейшей истории «земли Петrarки и любви», как однажды нежно окрестил Италию Пушкин.

При этом автор не боится эффекта «вчерашней газеты», потому что его радиозаметки, несмотря на их сиюминутность и привязку к конкретному событию, наполнены таким количеством «бэкграундной» информации, что читаются с интересом и сегодня. Помнится, герой одного из рассказов Сомерсета Моэма каждый день аккуратно пролистывал лондонскую «Таймс» шестинедельной давности, поддерживая тем самым в далекой колонии иллюзию приобщения к английской жизни. Репортажи Сергиевского позволяют окунуться в жизнь итальянскую, пристрастным свидетелем и комментатором которой он был для Биби-си в течение целой «пятителки». Менялись правительства, проходили фестивали в Венеции и в Сан-Ремо, крестные отцы мафии попадали за решетку, а экс-премьер Джулио Андреотти — на скамью подсудимых, тряслась земля на родине Франциска Ассизского, в Ватикане убили командира папской швейцарской гвардии, ушел из жизни Марчелло Мастроянни. За этими строками хроники автор передач выстраивал целые новеллы, писал свои «Сказки об Италии» и как сирена завораживал ими радиослушателей. При этом обязательно присутствуют «сквозные сюжеты» — Пасха и Рождество, Бефана (для Крещенского сочельника), показы итальянской моды в Милане и Риме, возвращение отреставрированных шедевров — Испанской лестницы или конной статуи Марка Аврелия.

Многие рассказы Александра Сергиевского воспринимаются как маленькие законченные новеллы, тщательно и любовно выписанные, обретающие неожиданную для репортерского жанра глубину и содержательность. Так произошло, например, с сообщением о миланском суде, оправдавшем Антонио Сальери перед миром и историей: он все-таки не убивал Моцарта, пушкинская версия этой трагедии основывалась на непроверенных слухах конца XVIII — начала XIX в. Столь же интересно описана и невероятная история итальянского монаха Джованни Баттисто Боэтти, ставшего кавказским шейхом Ушурмой, героем борьбы горцев за независимость. Сергиевский рассказывает об одной из самых знаменитых христианских святынь — Туринской плащанице, спасенной из огня, он пытается ответить на вопрос: действительно ли Марко Поло совершил путешествие в Китай? Корреспондент успевает побывать на концерте «кларнетиста» Вуди Аллена и на заседании дипломатов из контактной группы по Боснии, на прениях в парламенте и на конкурсе красоты «Мисс Италия», на митинге сенатора Умберто Босси и на книжной ярмарке в Турине, на венецианской Биеннале и на пресс-конференции Майкла Джексона. И опять возвращается к созерцанию: как, например, в неторопливых очерках «Вино на радость нам дано» или «Слово о римских такси».

Мимо его внимания не проходит ни пленение курдского лидера Оджалана, ни визиты руководителя Китая в Италию и премьер-министра Массимо Д'Алемы в Ватикан. Его интересует, действительно ли «латинские любовники» выходят из моды и как могли быть украдены картины Сезанна и Ван Гога из Римского музея современного искусства.

Он создает лоскутный портрет страны в момент, когда бывшие коммунисты пришли к власти (как оказалось, ненадолго), но где все политические баталии проходят на неизменном фоне застывшей вечности, которая всегда прельщала русское сердце. Ведь еще Тоголь как-то посоветовал: «Когда вам все изменит, когда больше ничего не останется такого, что бы привязывало вас к какому-нибудь уголку мира, приезжайте в Италию!» Сергиевский к этому совету прислушался.

Большинство репортажей подготовлены им для популярной рубрики Би-би-си «Аргументы». Она требует особого владения материалом, искусством анализа, четкой авторской позиции. «Аргументы» Сергиевского всем этим параметрам мастерства отвечают. Говорю это со знанием предмета: мне самому довелось — одновременно и параллельно с Александром — «вещать» из Рима для таких радиостанций, как «Немецкая волна» и «Эхо Москвы», и ощутить все «подводные камни» и трудности, с которыми сталкивается репортер при подготовке своих материалов. И то, что записки Сергиевского выдержали проверку временем, не устарели морально, — лучший комплимент для книги «Репортажи римского стрингера».

Перифразируя знаменитое определение Белинского, рискну утверждать, что автору удалось создать маленькую «Энциклопедию итальянской жизни» конца XX в. Сожалею лишь об одном: читатели этой книги, в отличие от радиослушателей, лишены возможности слышать живой и обаятельный голос Александра Сергиевского, но его ироничная, всегда очень личностная интонация осталась и на печатных страницах.

А.М. Букалов (*Рим*)

L'EUROPA NELLO SPECCHIO DELLA PRIMA EMIGRAZIONE RUSSA (1918–1940) / A cura di C. Solivetti e T. Civjan // Europa Orientalis. 2003. Vol. XXII. № 2. — 397 p.

Конференция «Европа в зеркале первой русской эмиграции» состоялась в Риме в конце 2001 г. и стала тогда заметным событием, которое теперь запечатлено на бумаге. Многие выступления, прозвучавшие на конференции в виде тезисов, в сборнике развернуты в основательные статьи, к тому же обогащенные библиографическими материалами, ча-

сто труднодоступными или обнародованными впервые. Получилась объемная, вполне самостоятельная книга, хотя и изданная в качестве выпуска альманаха «Europa Orientalis», важного органа итальянских славистов. Конференция о русской эмиграции в Европе была первой такого рода в Италии; в ней участвовали, вместе с россиянами, многие итальянские специалисты по русской культуре, но об Италии упоминалось редко. Может быть потому, что параллельно с этой конференцией проходили уже традиционные «Чтения», посвященные Вяч. Иванову, самому замечательному «русскому итальянцу».

Есть много причин, по которым большинство русских послереволюционных эмигрантов не находили достаточно гостеприимной для постоянного проживания Италию того сложного времени. Следует, наверное, вспомнить примечательную статью Зинаиды Гиппиус «Интуристы у фашистов», которую цитирует К. Соливетти (она же составительница сборника) в своей емкой статье о парадигмах «изгнания» и «посланничества» в русской эмиграции. Единственный, может быть, «советский эмигрант» в Италии — это, конечно же, Горький, но о нем существует обширная со времен еще СССР литература, и на конференции его имя почти не произносилось.

Италия все-таки своеобразно присутствовала в одном из докладов конференции, но в форме довольно необычной, то есть в лице итальянского фашизма и лично Бенито Муссолини. Статья С. Гардзонио в сборнике озаглавлена «Русский и итальянский фашизм. Материалы к теме», и она действительно богата новыми, малоизученными материалами к ненаписанной еще истории русского фашизма и других крайне правых, националистических и национал-социалистических политических сил в русской предвоенной эмиграции. Особо «привлекательным» итальянский фашизм был, как отмечает Гардзонио, для монархистов, так как он, «по крайней мере формально, защищает монархическую идею».

Не все участники сборника следуют в своих работах по пути, предложенному организаторами конференции, — поиск некоего «зеркала» русской эмиграции, в котором бы отражалась Европа. Несколько двусмысленная постановка проблемы вызвала, наверное, и немного расплывчатые ответы в некоторых статьях сборника, посвященных многим, но, скорее, частным вопросам жизни и, главное, творчества русской эмиграции в Европе. Таковы работы А. Лаврова и М. Спивак о германских впечатлениях А. Белого. О различных аспектах творчества Г. Иванова, П. Муратова, М. Цветаевой, Б. Поплавского, Г. Газданова, И. Чиннова пишут в сборнике Г. Мосешвили, Д. Рицци, О. Ревзина, Э. Менегальдо, М. Плюханова. О русской литературе в эмиграции и ме-

трополии и их связях и взаимовосприимчивости рассуждает Б. Кодзис, а о современной европейской литературе на страницах журнала «Числа» — Л. Магаротто. Может быть, в этой последней работе и есть попытка увидеть в эмигрантском печатном органе некое подобие «русского зеркала», в котором отражается если не вся Европа, то ее литература. В том же направлении идет поиск О. Коростелева в работе «Мы и они» в мировоззрении «Парижской ноты» (Г. Адамович о Европе и России)», а также О. Обуховой в «Идея Европы у Г. Федотова». С. Бочаров в своей статье «Европейская ночь» — как русская метафора: Ходасевич, Муратов, Вейдле» расширяет тему Европа — Россия, начиная ее с Пушкина, Чаадаева, Хомякова, Достоевского, вплоть до реакции русской философской мысли на книгу О. Шпенглера, и далее — до «Европейской ночи» Ходасевича, «пост-Европы» Муратова, «умирания искусства» Вейдле.

Сборник открывает статья Н. Струве «Встреча первой русской эмиграции с Европой», где проводится мысль о том, что «первая русская эмиграция, как часть великой культуры Серебряного века, была сама по себе Европой и даже больше Европой, чем сама Европа, так как сочтала в себе обе европейские стороны, и восток и запад».

Другой подход к теме просматривается в любопытной попытке К. Соливетти в уже упомянутой статье о парадигмах «изгнания» и «посланничества» в русской эмиграции использовать при анализе быта и бытия российской диаспоры концепцию М. Оже о «не-локусе», то есть о пространстве «не бытия», так как многие из эмигрантов трагически не ощущали перманентности своего пребывания в изгнании.

«Материалы к библиографии» по литературе русской эмиграции приведены в заключение сборника О. Коростелевым. Материалы обширные (занимают 75 стр. книги), но все равно не исчерпывающие — это «лишь предварительный список книг», по признанию автора.

Читая сборник, приходишь к убеждению, что тему следует продолжать, тем более что процесс эмиграции (теперь уже «миграции») не только не прекратился, но и развивается. И в момент, когда Объединенная Европа уже вплотную приблизилась к России, но в то же время несколько от нее *отстраняясь* (особенно своей восточноевропейской частью), следует серьезно изучать процессы и механизмы всех трех волн российской и советской эмиграции в Европе и мире и смотреть не столько в зеркало, сколько непосредственно на личности и судьбы эмигрантов. Поскольку судьбы их, особенно второго, «военного» исхода, были не только сложными, но в Италии, например, просто трагичными.

А.И. УРУСОВ (*Неаполь*)

Ginzburg L. LETTERE DAL CONFINE 1940-1943 / A cura di L. Magnoni. Torino: Einaudi, 2004. — XXIII + 380 p.

Крупнейшее итальянское издательство «Einaudi» выпустило в 2000 г. прекрасно подготовленное собрание литературоведческих статей Льва Гинзбурга, по-академически названное «Сочинения» («Scritti» — Под ред. Д. Цукаро. Турин, 2000). Новая, также образцовая книга, — сборник писем Гинзбурга, написанных им во время изгнания 1940–1943 гг. и аккуратно отредактированных Луизой Маньони, — выглядит логическим продолжением предыдущего издания.

Лев Федорович Гинзбург, родившийся в Одессе в 1909 г., был после революции увезен родителями в Италию. На своей второй родине он стяжал двойной венец славы — как плодовитый переводчик-популяризатор русской литературы и как герой Сопротивления, замученный в нацистских застенках. Новая книга представляет читателю преимущественно лик героя.

Семейная история Гинзбургов подробно изложена в книге «Из Одессы в Турин: Беседы с Марусей Гинзбург», впервые вышедшей в 1983 г. и недавно переизданной (Da Odessa a Torino: Conversazioni con Marussia Ginzburg. Torino: Claudiana, 2002. — 138 p.). Изложение это организовано в форме пространного интервью старшей сестры литератора, данного журналистке Марии-Кларе Авалле, которая брала у эмигрантки уроки русского языка.

Родители Маруси и Льва (у них был еще один сын Николай) принадлежали к элите российского еврейства: отец, Федор, выходец из Литвы, был удачливым одесским коммерсантом; мать, Вера, в девичестве Грилихес, — филологом-самоучкой, родом из Петербурга. Тяга к Италии сформировалась у Гинзбургов еще до эмиграции: их «мамзель», итальянка Мария Сегрэ, обучавшая детей языкам, постоянно жила в Одессе, и семейство ежегодно отдыхало вместе с нею в ее родной Тоскане.

В один из наездов в Италию Вера Гинзбург завела курортный роман с братом «мамзель», Ренцо Сегрэ. Краткая связь не осталась без последствий — на свет появился мальчик, которого Федор Гинзбург, простивший жену, признал собственным сыном. Таким образом, Лев уже по обстоятельствам своего рождения был наполовину итальянцем. От мальчика не скрыли имя его истинного отца, с которым, впрочем, у него не сложилось никаких отношений. Однако свою итальянскую няню он стал называть «тетей» — именно к ней, к «дорогой тетушке Марии», обращено его первое письмо из новой книги, оно же первое письмо из ссылки.

Отъезд Гинзбургов из России носил характер, скорее, экономически-бытовой, а не политический, ибо все семейство по воззрениям было «левым». Его глава финансировал кадетов, мать увлеклась национал-социализмом, Николай состоял в социал-демократах, Маруся — в эсерках (выпускница Бестужевских курсов в Петрограде, она вместе с Верой Фигнер основала в революционной столице Трудовое бюро для возвращавшихся амнистированных ссыльных, а в изданных в Турине ее «беседах» постоянно сквозит сожаление по оставленной родине). Сам Лев в эпоху русской революции был слишком юн, но в Италии стал убежденным социалистом и антифашистом.

Из членов семьи он «эмигрировал» первым, в пятилетнем возрасте. Мировая война застала Гинзбургов в Италии: они поспешили домой, но без мальчика, «временно» порученного заботам няне-тете Марии Сегрэ. Россию он так больше и не увидел, став, по современной терминологии, «невозвращенцем». Вторым, в 1919 г., уехал Николай, уклонившись от призыва в Красную армию. Вскоре и остальные Гинзбурги навсегда покинули Россию: отец семейства осознал, что свободному предпринимательству пришел конец и перебрался в Берлин, где занялся торговлей. В Германии Лева доучивался в русской гимназии, а с 1924 г. Гинзбурги обосновались в Италии, в Турине, где старший брат Коля уже поступил в престижный Политехнический институт.

Писать о русской литературе Лев начал еще в Берлине, и в мемуарной книге сестры опубликованы его юношеские опыты. Дар сочинительства у него обнаружился необыкновенно рано: Маруся вспоминает, что первые рассказы он написал в шестилетнем возрасте. В 12 лет, вместе с двумя друзьями, одноклассниками по берлинской русской гимназии, он основывает рукописный альманах «Что мы думаем», где «публикует» эссе о Пушкине, Данте, Маццини. Его одноклассники позднее вспоминали, что Гинзбург представлялся им скорее учителем, чем школьником.

В Турине Лев со страстью отдался литературе. В 16–17 лет он сочиняет ряд повестей и исторический роман — уже не на русском, а на итальянском. Две половины своей души он соединяет в переводах: в 19 лет Гинзбург печатает «Тараса Бульбу», в 20 лет — «Анну Каренину». За ними следуют «Дворянское гнездо», «Крейцерова соната», «Пиковая дама». Переводческую деятельность он воспринимает как миссию, чуть иронично называя себя, по пушкинской формуле, «почтовой лошадию литературы». В тот же период Гинзбург начинает писать литературоведческие статьи: первым вышло эссе о Толстом и об «Анне Карениной» (1927). Русистика стала главной в его творчестве: уже посмертно,

в 1948 г., опубликован его фундаментальный сборник «*Scrittori russi*» («Русские писатели»).

На рубеже 1920–1930-х гг. Лев примыкает к антифашистской оппозиции, поначалу — сдержанно, так как, во-первых, до 1931 г. он оставался аполитом, «лицом без гражданства», а во-вторых, — симпатизировал позициям неаполитанского философа Бенедетто Кроче, проповедовавшего «легальную конспирацию культуры». Он сотрудничал некоторое время и с официальными печатными органами, например, с журналом «*Cultura*», для которого в 1931 г. подготовил спецвыпуск, посвященный 50-летию со дня смерти Достоевского. Впрочем, в то время муссолиниевская диктатура еще не контролировала всю интеллектуальную жизнь страны: в 1932 г., например, Гинзбург содействовал публикации «Конармии» Бабеля, своего земляка. В том же году в Париже, заканчивая дипломную работу о Мопассане, он, сблизившись с итальянскими политэмигрантами, стал писать в оппозиционной прессе под псевдонимом M.S., в честь своей тети Марии Сергээ.

Его выдающиеся филологические способности и организаторский талант пригодились при учреждении в 1933 г. совместно с туринскими друзьями издательства «*Einuadi*», превратившегося ныне в могучее книжное предприятие. До сих пор оно ведет задуманную Гинзбургом серию «Библиотека исторической культуры», а теперь посчитало своим долгом издать подряд две его книги.

Получив в том же 1933 г. место доцента на филфаке туринского университета, 23-летний юноша прочитал курс русской литературы. Блестящий лекторий, посвященный в основном Пушкину, стал первым и последним...

Режим Муссолини крепчал. В январе 1934 г., когда весь университетский персонал в стране обязали «взять» партийный билет, Лев отказался и потерял работу. Но худшее было впереди: через несколько месяцев он был арестован за антиправительственную пропаганду и осужден на четыре года тюрьмы (освобожден по амнистии спустя два года). В тюрьме его друзьями становятся словенцы, жители зоны Триеста, не желавшие итальянизироваться по приказу дуче. Взгляды Гинзбурга неизбежно левеют. Он умудряется работать в заключении как редактор над переводом «Истории русской революции» Троцкого, другого своего земляка (возможно, именно из-за этой книги Гинзбург после своей гибели не был прославлен советской пропагандой).

В 1938 г. в Италии вышли так называемые расовые законы, согласно которым все подданные еврейского происхождения изгонялись на обочину общества. Николай тут же уехал в США, остальные Гинзбурги не смогли. Репрессии обрушились в первую очередь на Льва: его тут же

лишили подданства (он официально числился итальянцем всего семь лет), а в 1940 г. изгнали из Турина в далекую провинциальную Абруцци. Издательство «Einaudi», несмотря на опалу Гинзбурга, выжило, в основном благодаря его другу Чезаре Павезе, замечательному писателю и в ту эпоху обладателю партийного билета.

За ссыльным последовала его жена Наталья. Именно тогда она сочинила свою первую книгу, «La strada che va in città» («Улица, ведущая в город»). За нею последовали многие другие, а особую славу ей принес автобиографический роман «Lessico familiare» («Семейный словарь»), впервые вышедший в 1963 г. и не раз переизданный огромными тиражами. В нем она рассказала о нескольких семейных трагедиях, в первую очередь о подвиге мужа, тайком вернувшегося из ссылки в столицу, арестованного там в подпольной типографии и замученного немцами на допросах. Литератору, умершему 5 февраля 1944 г. в римской тюрьме «Реджина Коэли», было всего 35 лет. Перед смертью он сказал своему союзнику Сандро Пертини, впоследствии — президенту Итальянской республики: «мы не должны ненавидеть немцев...»

В ссылке, до нелегального возвращения в Рим, Лев провел в общей сложности почти четыре года. С ним, кроме супруги, жили и трое его детей. Один из них, Карло, в настоящее время превратился в мировую звезду культурологии, и его работы уже не раз переведены на русский; любопытно, что и внучка Льва Гинзбурга, Лиза, тоже стала литератором и выпустила роман, названный ахматовской строчкой «Она грозы желала», где главный герой — римский профессор русской литературы (см.: Ginzburg L. *Disiderava la bufera*. Milano: Feltrinelli, 2002.).

Изданные письма Гинзбурга представлены хронологически и являются как дневником его творческих замыслов, так и летописью трагедии репрессированного интеллектуала. В отдельные два досье собраны его письма к двум крупнейшим фигурам той эпохи — к уже упомянутому Бенедетто Кроче и к издателю Альберто Кароччи. Им он писал еще до своей высылки из Турина, но этот эпистолярный, пусть и не входящий в период изгнания, в силу его важности также опубликован. В книгу включено и мемуарное свидетельство историка-антифашиста Клаудио Павоне, сокамерника Льва Гинзбурга, одним из последних видевших литератора живым.

М.Г. ТАЛАЛАЙ (*Неаполь*)

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ. НИНА ПЕТРОВСКАЯ. ПЕРЕПИСКА. 1904–1913/ Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 776 с.

Если классифицировать книги по силе воздействия — как лекарства, — то переписка Брюсова и Петровской, впервые опубликованная полностью (некоторые итальянские письма Петровской были уже изданы, см., например: Богомолов Н. Итальянские письма Нины Петровской // Итальянско-русский архив / Сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Trento, 1997. С. 115–156), несомненно, сильнодействующий «препарат». Еще никогда внутренняя жизнь этих знаковых фигур русского символизма не раскрывалась читающей аудитории с такой психологической глубиной. И в этом огромная заслуга составителей книги.

Нина Ивановна Петровская (1879–1928), автор мемуаров о Серебряном веке, эссе, фелетонов, рецензий, сборника рассказов «Sanctus amor» (1908), переводчица, супруга Сергея Соколова (Кречетова) — владельца издательства «Гриф» и редактора одноименного альманаха. Ее роман с Брюсовым, вспыхнувший в 1904 г. и горевший, а потом тлевший до 1913 г., можно смело назвать символистским. В нем во всей силе воплотилась та философия теургии, или жизнетворчества, которую так активно проповедовали символисты. Свою встречу и женатый Валерий Брюсов, и замужня в ту пору Нина Петровская расценили как судьбоносную и бросились в омут чувств, сознавая, что на карту поставлены не только их судьбы, но и судьбы близких людей. Оба понимали, что имеют дело со страстью из разряда разрушающих. Но остановиться не могли и не хотели.

Немаловажно, что эта страсть стала для Брюсова источником много значившего для него вдохновения: его роман с Петровской дал жизнь другому роману — «Огненный ангел», в котором Петровская послужила прототипом главной героини — Ренаты (см.: Гречишкин С.С., Лавров А.В. Биографические источники романа Брюсова «Огненный ангел» // Ново-Басманная, 19. М.: Худож. лит., 1990. С. 530–589). Ей же обязан своим рождением и брюсовский стихотворный сборник «Stephanos». Однако за месяц безоблачного счастья на озере Сайма оба заплатили сполна. Свидетельством мучительной и долголетней агонии любви и стала их переписка.

Эту переписку можно смело назвать анатомией чувств. Действующие лица анатомируют себя сами без наркоза, причем один из них, Брюсов, делает это явно в расчете на посмертное опубликование переписки. О том, что она может быть опубликована через 10 лет после смерти «того из двоих, кто переживет другого», сам Брюсов говорит в официальном завещании, адресованном издателю С.А. Соколову, бывшему мужу Петровской. Тем самым он дает индульгенцию составителям книги, которые взяли на себя каторжный и кропотливый труд по

сбору, систематизации и публикации сотен пожелтевших писем, ждавших своего часа в архивах.

Однако такой индальгенции нет от человека, который в разыгравшейся любовной драме кажется более потерпевшей стороной — Нины Петровской. После окончательного разрыва с Брюсовым Нина Ивановна неоднократно просила вернуть все ее письма. Однако просьбы остались без ответа. Письма Петровской, написанные «с последней прямоотой» и без расчета на посторонний глаз, полны истинного драматизма и производят тяжелое, надолго остающееся в душе впечатление. Писавшиеся часто под воздействием наркотических препаратов, которые она принимала, чтобы заглушить боль душевную и физическую, эти письма — свидетельства глубочайшей психологической драмы. Порой кажется, что своими душевными страданиями Петровская искупала грехи всей далеко не безгрешной эпохи символизма. «Если был бы в нашей стране человек, на котором целиком отразилась целая эпоха с самого начала ее возникновения и вплоть до ее полного крушения, то это была именно Петровская» (цит. по: Жизнь и смерть Нины Петровской / Публ. Э. Гаретто // Минувшее: Исторический альманах. М.: Феникс, 1992. Вып. С. 13). Именно эту значимость фигуры Петровской для истории русского символизма и можно условно назвать индальгенцией для тех, кто опубликовал ее письма. Тем более, что эпистолярное творчество писательницы, по справедливому замечанию авторов книги, является самым значительным из того, что вышло из-под ее пера.

«И вот я одна навсегда. Мне страшно и больно, точно меня заживо схоронили», — пишет она Брюсову 26 ноября 1907 г., ощущая наметившееся отдаление и предчувствуя трагический исход их связи; и позже: «От твоей любви ко мне отлетел дух жизни» (Валерий Брюсов. Нина Петровская. Переписка... С. 245–246). В марте 1908 г. Петровская, пытаясь преодолеть кризис в их запутанных отношениях, отправляется в Италию. Ее спутник — обожающий писательницу молодой литератор Сергей Ауслендер. Взяв его в попутчики, она пытается досадить Брюсову: к тому времени его чувства к Петровской уже не так остры и на повестке дня — роман с Верой Коммиссаржевской. Налицо и затянувшийся внутренний кризис Брюсова: «Мне нужно какое-то воскресение, какое-то перерождение, какое-то огненное крещение, чтобы стать опять самим собой, в хорошем смысле слова. Куда я гожусь *такой*, на что нужен? Машинка для сочинения хороших стихов!» (Там же. С. 182).

География первого итальянского путешествия Петровской охватывает Венецию, Флоренцию и Неаполь. Неподготовленного читателя,

возможно, изучат первые строки, написанные ею об Италии: «Италия меня удивляет. Она странно похожа на Россию, только еще ленивее и грязнее, и провинциальна, должно быть, вся» (Там же. С. 259). Извечное мистическое тяготение русской души к Италии находит в феномене Петровской редкое исключение из этого правила. Надломленная нравственно, разбитая физически, писательница неожиданно оказывается в среде, прямо противоречащей ее внутреннему состоянию: жизнелюбивые, крикливые итальянцы, яркое солнце, позитивное мироощущение, разлитое вокруг, больно ранят ее в самое сердце. Именно путешествие 1908 г. заложило основу трагического ощущения Италии и ее отрицания, которое не оставляло Петровскую на протяжении всей ее последующей жизни. Этот трагизм много позже лег в основу цикла ее итальянских очерков, опубликованных в 1920-е гг. в берлинской сменовеховской газете «Накануне». (Подробнее об этом и о берлинском периоде жизни см.: А л я к р и н с к а я Н. Р. Итальянские очерки Нины Петровской // Россия и Италия. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. М., 2003. С. 133–149; G a r e t t o E. Intrecci berlinesi: Dalla corrispondenza di Nina Petrovskaja con V.F. Chodasevici e M. Gor'kij // Europa Orientalis. 1995. Vol. XVI. № 2. P. 120–150; Platone R. «Italofili» russi a Berlino // Europa Orientalis. 1995. Vol. XIV. № 2. P. 209–225).

В ответных письмах Брюсов, как мог, пытался перенастроить Петровскую на позитивный лад, особенно в том, что касалось его любимой Венеции. Этот город он любил «любовью нестареющей» (Б р ю с о в В. Дневники. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1927. С. 140). Во время своего европейского путешествия летом 1908 г. Брюсов напишет стихотворение «Опять в Венеции», которое позже поместит в № 1 «Весов» за 1909 г. («Опять встречаю с дрожью прежней, / Венеция, твой пышный прах! / Он величавей, безмятежней / Всего, что создано в веках!...»). Брюсов несколько раз бывал в Италии. Впечатления от первой поездки (5 мая – 1 июля 1902 г.) он отразил в итальянских корреспонденциях, опубликованных в газете «Русский листок» в июне–ноябре 1902 г. (Б р ю с о в В. Венеция // Русский листок. 1902. № 149, 155, 169, 186; Он же. Флоренция // Русский листок. 1902. № 162; Он же. Из итальянских впечатлений // Русский листок. 1902. № 213, 225; частично опубликованы в сб.: Советские писатели об Италии. Л.: Лениздат, 1986). Правда, интерес Брюсова к итальянской культуре не был столь захватывающим, как его увлечение культурой Франции. Тем не менее, обладая огромной книжной культурой, Брюсов, по его собственным признаниям, усердно занимался историей Древнего Рима и римской литературой, специально изучал Вергилия и его время, Данте, которого мечтал перевести. Наконец, далеко не последнее место занимала

Италия и на страницах брюсовского журнала «Весы», у которого было несколько собственных корреспондентов в Италии (см.: Котрелев Н.В. Итальянские литераторы — сотрудники «Весов»: Эпизод из истории русско-итальянских литературных связей // Проблемы ретроспективной библиографии и некоторые аспекты научно-исследовательской работы ВГБИЛ. М., 1978. С. 129–158; Алякринская Н.Р. Культура Италии в русских модернистских журналах начала XX в. // Ломоносов-2003. Материалы международной научной конференции. М.: Факультет журналистики МГУ, 2003. С. 19–21 (Сер. «Журналистика»)).

«Что Италия Тебе не нравится, это — естественно, — пишет Брюсов Петровской. — Но Ты оценишь ее, когда вернешься в Россию. Наперкор всему, все же всматривайся во все — в музеи, в природу, в жизнь — советую очень: впечатления останутся в душе и в свой день оживут» (Валерий Брюсов. Нина Петровская. Переписка... С. 286). Однако ему не слишком удается повлиять на восприятие Петровской. «Италия мне не нравится. Кажется очень чужой. Едва ли буду вспоминать ее нежно. <...> А может быть, еще — Италия только для здоровых, для светлых духом, для ликующих и счастливых, — отвечает она Брюсову из Флоренции. — Я понимаю, как и за что можно любить ее. Понимаю, но хочется спрятаться в темный угол от солнца, от цветов и всяческой здоровой красоты» (Там же. С. 287–288).

Италия становится для Петровской одним из кругов ада, последовательным прохождением которых и была вся ее жизнь. Вдали от объекта своей страсти, сознавая, что он может жить и без нее, она чувствует, что именно здесь решается ее судьба. «Италия — самое последнее доказательство и уже выигранная тобой ставка», — пишет она Брюсову, имея в виду невозможность убить или обезболить свое чувство к нему даже прекрасной Италией; впрочем, некоторый просвет в ее душе оставил Неаполь, где, по выражению Петровской, Италия «поцеловала точно в самое сердце» (Там же. С. 292 и 305). Но ненадолго. В том же письме находим строчки: «Не могу я не знать и не думать, что Италия только отдых перед какой-то окончательной погибелью» (Там же. С. 305).

Окончательная погибель наступит нескоро. До нее Петровская еще много раз будет посещать Италию. Во второе итальянское путешествие она отправляется в ноябре 1911 г., находясь в критическом состоянии — с изрядно расстроенной психикой. Причина очевидна — от любовной страсти осталось пепелище. Однако благотворный итальянский климат и лечение врача Генриха Койранского, сумевшего избавить сначала Брюсова, а потом на время и Петровскую от морфинизма,

делают свое дело: ее письма, обращенные к Брюсову, из небольшого лигурийского городка Нерви (с эмигрантской колонией), где она лечилась в санатории, имеют другую психологическую окраску — Петровская говорит о своем перерождении, о новой, «ясной» душе и о невозможности возвращения в Москву, к источнику ее страданий.

Именно в Нерви в 1911 г. подходит к завершению любовная драма, длившаяся почти 10 лет. Здесь Нина Петровская воскресает для новой, итальянской жизни. С 1911 по осень 1922 г. писательница будет преимущественно жить в Риме (об ее итальянском периоде см.: Сульпас-со Б. Италия в жизни и творчестве Нины Петровской // Россия и Италия. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. М., 2003. С. 121–132). Она выучит итальянский язык, что позволит ей заниматься переводами и зарабатывать на жизнь (в частности, Петровская первая осуществила перевод «Приключения Пиноккио» Карло Коллоди, на основе которого А. Толстой создал свой «Золотой ключик»). Она соберет богатый материал для своей будущей журналистской работы в Берлине, куда переедет в 1922 г. (о жизни Перовской в Берлине и о попытках Горького, жившего тогда в Сорренто, помочь ей см.: Примочкина Н.Н. М. Горький в судьбе Нины Петровской // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2002. Т. 61. № 2. С. 7–15). Однако все это мало примирит Петровскую с Италией: они по-прежнему будут чужими друг другу. И только через призму Берлина и Парижа она разглядит и переоценит нелюбимую прежде страну. «Я определенно хочу донести мои кости в Италию, и если умереть, то там, на второй моей родине», — напишет она Ольге Ресневич-Синьорелли 31 февраля 1923 г., за четыре года до своей гибели (см.: Жизнь и смерть Нины Петровской... С. 108.). Петровская так и не сможет до конца избавиться от теней прошлого: отдав всю себя разрушающему чувству, она надломилась, подобно ветке березы, которую так часто вспоминала в Италии. 23 февраля 1928 г., в парижском общежитии Армии спасения, полунищая и покинутая, Нина Ивановна Петровская покончит с собой. «Эта жизнь — одна из самых тяжелых драм в нашей эмиграции», — напишет два дня спустя в некрологе В. Ходасевич (Дни. 1928. 25 февр. № 1340).

После Нины Петровской останется переписка. Останется как, возможно, самое значимое из созданного ею. Как «мир полярных, доведенных до предельной остроты катастрофических переживаний», согласно выражению А.В. Лаврова. С совершенно новой стороны раскрывается в этой переписке и Брюсов: привычный образ ледяного, бесстрастного теоретика символизма в его письмах неожидан бледнеет под напором живых, бьющих через край эмоций. И хотя Брюсов был не чужд расчет, вряд ли даже он предполагал, что их эпистоляр-

ный роман с Ниной Петровской станет для исследователей одним из ключевых документов истории русского символизма.

Н.Р. Алякринская (*Москва*)

IN RICORDO DI RENATO CACCIOPPOLI / A cura di A. Alvino, L. Carbone, C. Sbordone e G. Trombetti. Napoli: Giannini Ed., 2004. — 124 p.;

SECONDO TEMPO. Libro XX. Numero monigrafico dedicato a Renato Caccioppoli / A cura di A. Carandente. Napoli: Marcus Ed., 2004. — 102 p.

После продолжительного молчания, наступившего после самоубийства гениального неаполитанского математика Ренато Каччопполи (Каччиопполи, Каччопполи, Качопполи и проч.; согласно полушутливому афоризму русских специалистов, «фамилию *Каччопполи* пишут по-разному, но в матанализе принято так». — *Примеч. ред.*), в последние годы стали появляться различные очерки и издания. Начало общественному интересу к его личности положил П.-А. Тома в книге «Renato Caccioppoli: L'enigma» («Ренато Каччопполи: Загадка») (Napoli, 1992). Одновременно вышел превосходный фильм Марио Мартоне «Смерть неаполитанского математика», посвященный последним неделям его жизни. Всплеском новых публикаций послужило 100-летие со дня рождения Каччопполи, отмеченное в 2004 г.

Важно, что в этих исследованиях реконструируется не только его биография, но и политико-культурный климат послевоенного Неаполя, где Каччопполи был одним из главных действующих лиц — против собственной воли, будучи необычайно скромным от природы. Однако несмотря на эту скромность, он прославился разными качествами, в том числе — своей эксцентричностью, которая (как было понятно немногим) происходила от твердо сделанного выбора ценностей, не совпадавших с общепринятыми. Похоже, что и особое родословие Каччопполи — его дед по материнской линии был не кто иной, как знаменитый революционер Михаил Бакунин — предопределило ему миссию непризнанного «пророка в отечестве».

Бакунин, в своих странствиях по Европе, несколько лет провел в Неаполе, распространяя и тут, через журнал «La Situazione», свои утопические учения полного эгалитаризма. В Италии осталась жить его вдова. Тень прославленного деда, несомненно, витала во время семейных дискуссий на вилле Каччопполи в Каподимонте, элитарном пригороде Неаполя, где тон задавали неразлучные сестры Бакунины — София (мать Ренато) и Мария. [Согласно данным муниципальных метрических книг (anagrafe) г. Неаполя: София Михайловна, дочь «Микеле» Ба-

кунина и Антонины Квятковской, во втором браке Гамбуцци, родилась в Швейцарии, замужем за (хирургом) Джузеппе Каччопполи, домохозяйка, проживала на вилле Калашоне, № 16, скончалась 29 февраля 1956 г., в возрасте 86 лет; Мария Михайловна, родилась в Краснодаре 2 февраля 1873 г. от тех же родителей, университетский профессор, замужем за Тодаро-Агостино Ольяроло, проживала на виа Меццоканоне, № 16, скончалась 17 апреля 1960. — *Примеч. ред.*]

Все сходились на том, что Ренато, появившийся на свет 20 января 1904 г., унаследовал нечто беспокойно-славянское: он с детства фронтерствовал и азартно пускался в непрерывные споры. С возрастом оппозиционность усиливалась, и это более чем понятно — годы его молодости и ранней зрелости пришлось на режим Муссолини. Расскажем один эпизод, дающий представление о его своеобразной манере сопротивления удушливой диктатуре. Когда фашистский министр культуры громкогласно объявил, что итальянскому мужчине «не подобает прогуливаться с собачкой», математик вышел в город, прогуливая на поводке... петуха. А в один майский вечер 1938 г., когда Неаполь «удостоился» государственного визита Гитлера в сопровождении Муссолини, в пивной «Löwenbräu» на пянце дель Муничипио Ренато Каччопполи и Сара Манкузо (тогда они еще не были женаты) в ответ на гимны «чернорубашечников» спели «Марсельезу», особенно напирая на слово «liberté». Затем математик, усевшийся за рояль тапера, прочитал перед остолбеневшей публикой небольшую речь о смысле этой музыки и стихов. В результате его посадили в тюрьму, откуда выпустили лишь после вмешательства сестер Бакуниных. Однако компромисс, на который пошла София Михайловна, оказался для него тяжелее собственно заключения: она письменно подтверждала, что сын стал жертвой припадка безумия и просила перевести его в психиатрическую больницу. Заявление Бакуниной стало причиной душевной травмы, залечить которую Каччопполи так и не смог, как и не смог простить этот поступок обожаемой матери.

После падения режима, с конца 1943 г., Ренато с успехом продолжил научную карьеру, начатую в Неаполитанском университете еще в 1934 г. Он работал в области математического анализа, преподавая студентам с увлечением и серьезностью, которую многие принимали за излишнюю строгость. Его вкладу в математику, отмеченному избранием в члены-корреспонденты Национальной академии «Линчеи», посвящены многие недавние статьи. Его афоризмы стали тиражироваться — например, о том, что «мир известных истин замкнут как сфера и каждый новый взгляд на вещи, если он глубокий, представляет собой бегство из этого закрытого мира». Однако Каччопполи удалось сделать боль-

шее: он сумел увязать, по крайней мере в своей деятельности, науки точные и гуманитарные. Свидетелем подобной связи стал и автор этих строк, который с 1947 г. имел честь посещать «Неаполитанский кинокружок» («Circolo napoletano del Cinema») — одним из его основателей был и Ренато. После просмотра фильмов, обычно в кинотеатре «Альгамбра» («Alhambra») на виа Ниско, он устраивал знаменитые дискуссии, где затрагивались различные области культуры — поэзия, музыка, живопись. Незабываемым для всех стал показ немого фильма К.-Т. Драйера «Страсти Жанны д'Арк», после которого математик вызвался исполнить на рояле его звуковое толкование, с привлечением композиций Баха. Вообще, садясь за рояль и исполняя любимую музыку (Лист, Дебюсси, Вагнер), он как-то спасительно преображался: в нотах Ренато находил решения, которые ему не могли подарить алгебраические уравнения.

Каччопполи, конечно, принадлежал к левой интеллигенции и поддерживал компартию, не будучи ее членом. Помню характерный эпизод, произошедший в Бари, в театре Пиччини, на съезде «партизанов ради мира», пацифистского многопартийного движения антиНАТОвского толка. Ему предложили выступить с речью, и он ее бодро начал, но вдруг, заметив на сцене открытый «Стейнвей», решил выразить понятие мира райскими нотами «Пасторальной симфонии» Бетховена. После первого изумления публика стала проникаться гениальной гармонией — номенклатура компартии, однако, считала, что ей «нужны эффективные ораторы, а не изысканные эстеты». Другой раз математик шокировал аппаратчиков тем, что в присутствии консула СССР громко заговорил о «циклопических идиотизмах Лысенко» и о «дураке Жданове, решившем цензурировать каждую советскую книгу». Не раз он употреблял выражение «коммунистическая Церковь, исполненная догматами». Серьезный удар по его левым убеждениям нанесли венгерские события 1956 г. Этот год вообще стал фатальным для математика: умерла мать, пошатнулся брак с горячо любимой Сарой.

Парабола жизни клонилась к драматическому концу, ускоренному возрастающим употреблением алкоголя. Как тонко показал в своем фильме режиссер Мартоне, математик передвигался по родному городу как по лабиринту, по сплетению тупиков, тщетно пытаясь найти выход. Выстрел из пистолета 8 мая 1959 г. стал окончательной точкой этого запутанного маршрута.

«Истинный ум подобен звезде: его свет занимает так много времени, чтобы нас достичь: когда мы его осознаем, светило уже давно исчезло». Эти слова Пруста процитировал в применении к личности Каччопполи его биограф П.-А. Тома. Некоторое утешение нам доставляет то об-

стоятельство, что имя Каччопполи теперь присвоено одному из астероидов.

В 2004 г. неаполитанцы отметили память своего земляка с русскими корнями особой конференцией, по материалам которой вышел сборник «В память о Ренато Каччопполи» («In ricordo di Renato Caccioppoli»), преимущественно математического уклона. Один из его учеников, А. Каранденте, издал сборник статей «Второе время» («Secondo tempo»), посвященных вкладу неаполитанского математика в науку.

А. Наполитано (*Неаполь*),
Перевод с ит. М.Ю. Дорномедовой (*Неаполь*)

FASANELLA G., ROCCA G. Il misterioso intermediatore: Igor Markevic e il caso Moro. Torino: Einaudi, 2004. — 264 p.

Деятельность «Красных бригад» и убийство Альдо Моро всегда будут волновать итальянскую публику. До сей поры в этой истории осталось немало непроясненных вопросов, на которые исследователи и журналисты ищут ответы. Один из них предложен авторами книги «Таинственный посредник: Игорь Маркевич и дело Моро».

Как сразу понятно из названия книги, в участии драмы привлечен Игорь Борисович Маркевич (1912–1983), известный русский дирижер, сын музыканта, покинувшего родину ради лечения в Швейцарии еще до революции 1917 г. Маркевич, женившись на Кире Нижинской, дочери легендарного танцовщика, рос в элитарном окружении, общаясь и сотрудничая с ведущими деятелями культуры ушедшего века — Ж. Кокто, В. Набоковым, П. Пикассо. Типичный «гражданин мира», родившийся и скончавшийся в Швейцарии, Маркевич тесно связал свою творческую биографию и с Италией, проведя здесь 1930–1940-е гг., преимущественно во Флоренции. В столице Тосканы Кира Нижинская-Маркевич основала престижную школу балета, на открытие которой из Рима прибыли королева Италии Елена Савойская (Черногорская) и принцесса Мария-Хосе. После распада брака с Нижинской Маркевич связал свою судьбу с Топацией Каэтани, представительницей старинного римского рода. Итальянским годам своей жизни музыкант посвятил книгу мемуаров «Made in Italy» (Torino, 1948). В 1973 г. уже маститого дирижера пригласили в Рим — руководить престижным оркестром Академии Санта Чечилия.

Блестящую карьеру музыканта и атмосферу творческой русской эмиграции скрупулезно восстановил Джузеппе Рокка, преподаватель истории спектакля в Национальной академии драматического искусства в

Риме (надо полагать, что главы книги о деле Моро писал его соавтор, журналист Джованни Фазанелла, автор ряда злободневных книг о теневых сторонах итальянской политики). В итоге получилась весьма своеобразная публикация, основная часть которой (180 с.) посвящена, без сомнения, достойной внимания жизни талантливого русского эмигранта и его творческим связям в Италии. Пара глав, занимающих 50 страниц, отведена предполагаемой роли Маркевича в деле Моро. Именно предполагаемой, ибо никаких доказательств авторы не нашли, а лишь предположили, что дирижер мог послужить неким посредником при переговорах между секретными службами США, Италии и СССР в попытках спасти жизнь Альдо Моро без компрометирующих переговоров итальянского государства с террористами.

На чем же основывается подобное предположение? Преимущественно на действительном историческом факте: в 1944 г., когда уходящие немецкие части пытались взорвать во Флоренции Понте Веккио и другие исторические памятники, союзная авиация принялась бомбить город. Игорь Маркевич приложил немало сил, дабы избежать этого варварства, умело маневрируя между нацистскими оккупантами и итальянскими партизанами, эмиссарами приближавшихся англо-американских войск. В этом посредничестве ему помогал Б. Беренсон, знаменитый искусствовед, также выходец из пределов Российской империи (Литвы), на флорентийской вилле «Татти» которого в то время жил Маркевич (сам Беренсон скрывался в консульстве Сан-Марино из-за своего еврейского происхождения). Интересные сюжеты, но вовсе не нуждающиеся в привлечении туманных гипотез об убийстве Моро...

Д. БОАТТИ (*Павия*)

Перевод с ит. М.Г. Талалая

CAPRI: MITO E REALTÀ NELLE CULTURE DELL'EUROPA CENTRALE E ORIENTALE / A cura di M. Bühmig. Salerno; Napoli: Università di Napoli «L'Orientale», 2005. — 348 p.

Сборник «Капри: Миф и действительность в культуре стран Центральной и Восточной Европы» включает в себя материалы одноименной конференции, прошедшей в октябре 2002 г. в Неаполе и на Капри. Как следует из предисловия, написанного научным редактором сборника Микаэлой Бёмиг, одна из главных задач и конференции, и подготовленного по ее итогам издания была связана с впервые предпринятой в науке попыткой не просто объединить или упорядочить достаточно объемный поликультурный материал, так или иначе с Капри

соотносящийся, но и представить *многомерный* образ острова, обладающего огромной притягательной силой.

Установка на многомерность изначально предполагала возможность использования разных научных подходов и разноуровневость проработки материала — от мифологических, семантических, аксиологических аспектов до тончайших единиц поэтики. Стремлением к многостороннему изучению проблемы обусловлена и структура сборника, содержащего в себе пять различных по объему разделов, в которых сгруппированы работы, посвященные исследованию национальной специфики, роли и изображения Капри в литературе и живописи *одинадцати* европейских стран: Болгарии, Венгрии, Германии, Греции, Испании, Польши, России, Словакии, Словении, Финляндии и Хорватии. Факт этот уже сам по себе говорит о масштабности рецензируемого сборника.

Вместе с тем следует признать, что каприйская тема, при всей ее значимости, несравнима по занимаемому ею месту в культуре, к примеру, с темой римской, флорентийской, венецианской. Как замечает в своей статье Геза Сёч, круг произведений, непосредственно связанных с Капри, в венгерской литературе не особенно велик. То же можно сказать и о культуре других стран. Кроме того, о Капри писали не всегда художники подлинно большого дарования, что и заставило авторов сборника ради полноты картины обратиться к творчеству писателей второго, третьего ряда. Это не значит, что исследователи имели дело с продукцией массовой литературы (Капри — тема скорее изысканная, чем массовая), но поскольку предметом анализа нередко становились дневники, воспоминания, путевые заметки, создателями которых далеко не всегда были профессиональные литераторы, исследуемый материал широко разбросан по шкале эстетической ценности. Однако данный факт не снижает научной значимости сборника, а свидетельствует об охвате обширного материала и, следовательно, о его научной репрезентативности.

Статьи, посвященные анализу вариаций каприйской темы в рамках тех или иных национальных культур, наглядно демонстрируют как общие для всей европейской системы «каприйского» интерпретирующего кода закономерности, так и отдельные внутрикультурные. Говоря о центростремительных внутринациональных тенденциях, необходимо упомянуть о порожденном соприкосновением с Капри «русском мифе», как точно обозначила это явление Бёмиг в статье «Рай, подернутый пеплом. Образ Капри в современной русской литературе».

Вместе с тем, «каприйский блок» европейской литературы не распадается на отдельные национальные составляющие, но сохраняет ко-

довую цельность, не подавляющую национально-самобытное. Так, практически для всех путешественников, художников пера и кисти, писавших о Капри, остров в культурно-природном плане является неотъемлемой частью Италии, ее знаком, репрезентантом, символом, в отличие, например, от Венеции, воспринятой русскими поэтами и писателями как нечто отдельное, значимое само по себе.

Все авторы «каприйских» текстов, к которым обращаются исследователи, часто и много говорят о древности Капри, что порождает особый пласт поэтики внутри данного литературного блока. С таким же постоянством и настойчивостью почти все художники слова пишут о сопряжении в каприйском мире мифа и действительности, а также об ощутимом для пришельцев из других стран присутствии в нем «своего» и «чужого».

Таким образом, авторы сборника и его составители очень успешно справились с задачей представить цельный, но и многогранный образ Капри, утвердившийся в культуре стран Центральной и Восточной Европы.

Еще одна связанная с первой наиважнейшая задача, как отмечает в предисловии к сборнику Бёмиг, стояла перед его авторами — избежать следования стереотипам, традиционно и однообразно представляющим Капри как Земной рай. Это изначально ориентировало исследователей на глубокую проработку художественного материала с учетом амбивалентности, а порой и антиномичности определяющих специфику «каприйского» кода мотивов и образов. Решение такой задачи всегда (не только в случае с Капри) сопряжено с рядом психологических и эстетических трудностей, поскольку оно предполагает не отказ от сложившейся системы описания острова, но только усложнение ее. Между тем, как только художник вступает в пределы общепринятого, он неизбежно сталкивается с теми же трудностями, которые в свое время возникли перед великим Данте. Нарисованный им тактильный и визуальный образ Земного рая ясно показывает, что наше представление не может вырваться из пут клише и в тексте непременно появятся упоминания о земле, дышащей «со всех сторон цветами и травой», о нежном, легком веянии ветра, о пении птиц, о ликовании природы. Художник словно попадает в заколдованный круг, внутреннее пространство которого богато и высокозначимо аксиологически, но бедно эстетически. И Данте не столько преодолевает это клише, сколько заслоняет его образами персонажей — обитателей Земного рая.

Психологически любое разрушение стереотипов и для художников, и для исследователей осложняется еще и законами мифотворения, о которых К.-Г. Юнг справедливо писал, что «все наиболее действенные

идеалы всегда суть более или менее откровенные варианты архетипа» (см.: Юнг К.-Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Юнг К.-Г. Архетип и символ. М., 1991. С. 283), то есть некой инвариантной заданности. Когда речь идет о Капри — Земном рае, архетип проступает с большой степенью откровенности, провоцируя в области художественного языка и метаязыка воспроизведение сложившихся штампов.

К чести авторов сборника должно отметить, что на аналитическом уровне они достойно справились с поставленной задачей и, не нарушая принципа адекватности в работе с художественным материалом, показали реальную сложность отношений между сформировавшимся каприйским мифом и его конкретно-историческими проекциями, между мифом и действительностью.

Уже в предисловии к сборнику Бёмиг обращает внимание на исходную *duplicata* (двойственность) мира Капри, включающего в себя такие пары, как природа и цивилизация, прошлое и настоящее и другие, чреватые внутренней противонаправленностью, порой взрывающейся трагизмом в точке крайнего напряжения.

Об ощущении писателями и художниками не всегда простых соотношений мифа и действительности пишут многие авторы сборника, но большинство из них указывают на неизменную связь этих двух важнейших составляющих каприйского мира. Так, о тесной связи мифа и реальности в «итальянских» произведениях известного финского писателя Ю. Ахо говорит Кристина Виз в статье «Максим Горький и Юхан Ахо на Капри».

Острое ощущение этой двойственности, контраста, живущего внутри целого, не позволяло прибывавшим на Капри писателям и художникам полностью погрузиться в мифическое либо историческое инобытие. Практически все авторы сборника пишут о том, что изгнанник и на Капри не забывал о своем несчастье, беглец (вынужденный или добровольный) и здесь продолжал ощущать одиночество. Большинство из тех, кто на краткое время или на более долгий срок оказывались связаны с Капри, очень быстро осознавали, что каприйский Земной рай есть лишь утопия, а в некоторых случаях рай был способен обернуться своей противоположностью, и не только в сфере человеческого бытия, но и в самой первоизданной основе, в природе.

Следует заметить, что любая попытка корректировки устоявшейся системы, как правило, чревата перекосами и тяготеет к смене знака на противоположный. К счастью, рецензируемый сборник лишен этого недостатка. Авторы его, говоря об антибуколичности каприйского бытия, о его суровости, а порой даже трагичности, очень корректны и

объективны в своих оценках и анализе текстов. Они избегают простейшей схемы, базирующейся на оппозициях, и, в полном соответствии с литературным материалом, показывают тонкие взаимосвязи красоты и страдания, когда картина Земного рая порой усиливает чувство тоски и глубину осознания личной (и не только личной) драмы. Именно эта сторона восприятия Капри прекрасно продемонстрирована в статье Марты Керуловой «Остров Капри в словацкой литературе». С иной стороны те же аспекты обнаруживает Дэниэль Шюманн творчестве Г. Ерлинг-Грудзински («Плодотворное уединение и бесплодная замкнутость. Капри и мотив Острова в двух рассказах Густава Ерлинг-Грудзински»).

Все эти сопряжения и расхождения наглядно представлены в так называемом «русском мифе», связанном с Капри. Каприйской теме в русской культуре посвящен большой раздел сборника, включающий в себя шесть статей. Открывают этот раздел статьи Ольги Лебедевой и Александра Янушкевича, посвященные творчеству В.А. Жуковского, и это вполне логично не только потому, что авторы статей являются крупнейшими специалистами в данной области, но и потому, что Жуковский стоял у начала формирования каприйской темы в русской литературе. Лебедева в статье «Отзвуки каприйского мифа в итальянских впечатлениях В.А. Жуковского» убедительно показывает, как повлияли на, пусть стороннее, восприятие Капри Жуковским определенные особенности его мирознания, отразившиеся в поэтике и нашедшие воплощение в переводе им элегии Ф. Шиллера «Помпея и Геркуланум» и дневниковых записях русского поэта, связанных с его поездкой в Неаполь. Капри остается для Жуковского, как и для ряда других русских поэтов и писателей, лишь манящим контуром на горизонте, но это не обесценивает, а, напротив, усиливает символичность данного образа. Показательно в этом отношении стихотворение Вяч. Иванова «Сфинкс глядит»: «Где – стройный Сфинкс – легла Капрея, / Как тайны изваянной тень».

Ощущение некой тайны рождал вид Капри у многих русских романтиков. По точному замечанию Янушкевича, автора статьи «Каприйский миф в пространстве русской культуры эпохи романтизма», «в романтической антиномии “жизнь – смерть” Капри открывает идеальную сторону бытия» (с. 174). Однако это идеальность иного свойства, нежели в традиционном представлении о Капри – Земном рае. «В духе романтической триады, – пишет Янушкевич, – соотношение погибшей Помпеи, живого, современного, бурлящего Неаполя и загадочного идеального Капри рождает мифологему ад – чистилище – рай» (с. 174). Но это уже рай третьей части «Божественной Комедии», не со-

относимый с земным началом, а следовательно, и недоступный земному восприятию. Таким образом, отказ от посещения Капри в этом контексте закономерен и не менее значим, чем пребывание на острове.

В последующей русской литературе, как показывает Янушкевич, мы тоже нередко встречаем упоминания о Капри, виднеющемся вдали. Так он представлен даже в фундаментальной книге П. Муратова «Образы Италии», где рельефно прорисован, кажется, каждый уголок этой благословенной страны. Однако следует заметить, что чем далее мы уходим от Жуковского, тем чаще обнаруживается стертость, завуалированность связанной с Капри романтической семантики. На демифологизацию острова в русской литературе, видимо, оказала определенное влияние пародийно-ироническая поэма И.П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже», где Италия в целом, Неаполь, его окрестности и Капри, в том числе, описаны с точки зрения российской провинциалки как «триумф богини моды». Мятлев здесь предлагает русским читателям не столько образ *Капри*, сколько образ *его описания*. Тень усмешки видна и в «Соррентийских фотографиях» В. Ходасевича, где Капри включен в путаницу нечаянных забавных наложений, лишенный даже намек на мифологизм и символичность, с воскрешением при этом буквальности, связанной с именем острова: «Порой фотограф-ротозей / Забудет снимкам счет и пленкам / И снимет парочку друзей, / На Капри, с беленьким козленком, / И тут же, пленки не сменив, / Запечатлеет он залив / За парходною кормою / И закопченную трубу / С космою дымною на лбу».

Тот новый «русский миф», о котором пишет Бёмиг, в истоках своих восходит, думается, не столько к литературе романтизма, сколько к середине XIX в., когда противоречиво-драматичный образ Неаполя и его окрестностей рисует Евдокия Ростопчина, когда в цикле «Камей» Льва Мея появляется стихотворение «Кесарь Тиверий», где Капри представлен как рай и ад одновременно, когда было написано его же стихотворение «Отойди от меня, сатана!», включающее в себя фрагмент, связанный с Капри времен Тиберия. Показательно, что в последнем из названных стихотворений каприйский фрагмент вписан в сюжет искушения Христа в пустыне, причем он замыкает череду искусительных картин, демонстрируемых Спасителю дьяволом, становясь пиковой точкой сюжета. Однако, как справедливо считают авторы сборника, полнотой очертаний каприйский миф русской литературы обязан বলে всего И. Бунину, произведения которого, связанные с Капри, анализируют Бёмиг в упоминавшейся ранее статье и Петер Тьерген в работе «Иван Бунин: «Смерть на Капри»».

Бёмиг тщательно исследует европейские тенденции формирования новой каприйской мифологии, где просматриваются прямые или косвенные предпосылки появления знаменитого бунинского рассказа «Господин из Сан-Франциско». Среди русских поэтов начала XX в., наметивших особые ракурсы развития каприйской темы, исследователь выделяет Н. Минского и Д. Мережковского, порой воспринимающих Капри так же, как Ф. Грегоровиус, который, не будучи профессиональным литератором, отличался особой наблюдательностью историка, способного уловить тонкие соотношения мифа и действительности, прошлого и настоящего. Говоря о Бунине, автор статьи показывает, что на рубеже XIX–XX вв. в европейской литературе формируется воспроизводимая сюжетная модель, связанная со смертью на Капри. Элементы этой модели Бёмиг видит в «Мечта об Армагеддоне» («Dream of Armageddon») Г. Уэлса и в ряде других произведений европейской литературы. Автор с ювелирной точностью анализирует стихотворение Бунина «Капри», обращая особое внимание на его финал и, в частности, на образ пепла в камине («...И остался лишь пепел в камине / В опустевшей моей мастерской, / Где всю зиму качались цветы на / синевшей пустыне морской»). Возможно, именно эта бунинская фраза предопределила выбор автором заголовка статьи.

Едиственное, с чем трудно согласиться в богатой по материалу и глубокой работе Бёмиг, — это заключающее статью предположение, что с Буниним заканчивается процесс формирования каприйского мифа в русской литературе. Значительно позднее Бунин к каприйскому мифу обратился, усиливая и модернизируя его, еще один большой русский писатель — М. Булгаков. Как пишет Б.М. Гаспаров, «действие в романе разворачивается в эпоху Тиберия. Он сам предстает в романе мгновенным видением: плешивый тиран, страдающий от болезней (“с язвой на лбу”) в загородной резиденции — в “зелени капрейских садов” <...> Заметим, что с этой точки зрения тема Капри (“Капри”) также оказывается значимой» (см.: Гаспаров Б.М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. М., 1994. С. 50.). В московском локусе романа, замечает далее Гаспаров, отсветы каприйской истории ложатся на Горького, на Ленина, в целом на начало 1920-х гг., отмеченных в России арестами, расстрелами, грабежами. Исследователь указывает даже на общие для имен Ленина и Тиберия «гидронимические» истоки — реки Лена и Тибр.

Статья Тьергена, как видно из ее названия, посвящена рассказу Бунина «Господин из Сан-Франциско», ставшему одним из ядерных текстов «каприйского» поля европейской литературы. Автор статьи, созна-

тельно воспроизводя в заголовке первоначально задуманное Буниным название рассказа, отсылающее к «Смерти в Венеции» Т. Манна, тем самым сразу включает бунинское произведение в соответствующую область интертекста. Он интересно и убедительно рассматривает мотив смерти в рассказе, соотнося его с «Божественной Комедией» Данте и с Библией, а также метафору «*navigatio vitae*» (жизненное плавание) и комплекс мифов, связанных с островом вообще, отразившихся в поэтике бунинского рассказа.

В интернациональной образной модели Капри, выстраиваемой сборником в целом, несомненную ценность приобретают отмеченные авторами статей суждения писателей, пытавшихся определить поликультурную функцию и метакультурный масштаб острова. Так, в литературе и культуре Хорватии, Испании, России возникает представление о Капри как месте встречи разных культур, о чем пишут Сузанна Главас, Тереза Чирилло, Кирилл Гаврилин. С точки зрения Бёмиг, Капри представлен в европейской литературе как микрокосм, отмеченный признаками антиномичности бытия вообще.

На фоне сложной образной модели литературного Капри его воплощение в живописи выглядит несколько упрощенным. Здесь остров вплоть до XX в. предстает все с тем же ликом Земного рая, за которым литература увидела боль и смерть. Так, даже безоговорочное признание заслуг таких художников, как С. Щедрин, К. Брюллов и другие, в создании живописного образа Италии не позволяет утверждать, что они в своих полотнах отступают от идиллического изображения острова. Лючия Тонини в статье «Образы юга в видении русских художников, посещавших Капри» абсолютно справедливо пишет об их тяготе к изображению первозданной природы Италии вообще и Капри в частности. Исключение составляют лишь работы Г. Семирадского, связанные с каприйской историей, и картины М. Нестерова, отмеченные печатью метафизики. Статья Тонини содержит большой и удачно систематизированный материал, дающий ясное представление об аксиологических и эстетических установках и живописной манере русских мастеров, создававших образы Капри. К сожалению, вне поля зрения автора остались каприйские полотна И. Айвазовского и художников, группировавшихся вокруг журналов начала XX в.: «Мир искусства» (А. Яковлев, к примеру), «Весы» (Н. Феофилакт) и др.

Тенденция идиллического изображения Капри, сложившаяся в русской живописи XIX в., в значительной степени сохраняется и у Константина Горбатова, творчеству которого посвящена статья Кирилла Гаврилина «Художник К.И. Горбатов на Капри (1911–1926)», где много-

аспектно исследуются разные стороны жизни, деятельности, творческих и личностных связей художника.

В целом статьи о писавших Капри художниках информативны, но во многих случаях, скорее, описательны, чем аналитичны, что в определенной степени характерно и для ряда литературоведческих статей. Недостаток этот, однако, простителен на данном этапе, ибо каждая статья сборника — это презентация определенного тематического и образного сегмента той или иной национальной культуры, порождающая необходимость в озвучивании сведений, обычно содержащихся в энциклопедических статьях.

Следует отметить, что искусствоведческие статьи не вносят диссонанс в сборник, по преимуществу филологический. Более того, они в определенном смысле дополняют филологические исследования, в которых нередко говорится о роли визуальных образов, света и цвета в творчестве того или иного писателя (об этом пишет в упоминавшейся ранее статье Лебедева и другие авторы).

Отрадно, что составители сборника нашли возможность поместить на его страницах фотографии некоторых писателей и художников, а также и проиллюстрировать отдельные статьи репродукциями картин мастеров, о которых пишут исследователи. Это не только дарит читателю ощущение визуального контакта с островом, но и дает возможность составить собственное представление о живописной манере и мировидении создателей данных полотен, рисунков, акварелей.

Замыкает круг статей сборника также очень необычная по научному подходу и материалу статья Михаила Талалая «Пришельцы с Востока на Капри. Печальные свидетельства» (на ит. яз.). Автор статьи дает читателю возможность заглянуть на каприйские кладбища, где похоронены выходцы из стран Восточной Европы. Обширный перечень имен, дат, сведений о когда-то приехавших на остров, живших и умерших там людях порождает чувство прикосновения к миру Капри, погружает в этот мир. Не беремся судить, сознательно или без особого умысла автор статьи не приводит тексты эпитафий, тем самым как бы отказываясь от собственно филологического анализа, но, думается, сделано это от безукоризненного чувства меры и ко благу. Строгость документальных сведений, говорящих не только о кончине, но и о рождении, позволяет сохранить ту степень эмоциональности, которая и в пределах печального локуса не нарушает равновесие между жизнью и смертью, присущее всему миру Капри.

Таким образом, сборник в целом является значительным событием и в научном и в культурном плане. Остается надеяться, что изучение тематически связанного с Капри поля европейской культуры на этом не

закончится, и через некоторое время мы будем иметь удовольствие познакомиться с новыми исследованиями, развивающими успех предыдущих.

Н.Е. Меднис (*Новосибирск*)

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	5
<i>Серджо Романо</i> . Вступление	8

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Е.М. Миронова</i> . Русское посольство в Италии. Роль в формировании дипломатической системы антибольшевистского движения. Участие в жизни русской колонии	13
<i>Антонелло Вентури</i> . Русские эмигранты-революционеры в Италии (1906–1922)	44
<i>Я.В. Леонтьев</i> . Группа «русских большевиков» в Италии и эмиссары Коминтерна (1917–1922)	53
<i>М.Г. Талалай</i> . «Ненадежное убежище»: Русские жители итальянского юга	96
<i>Л.И. Петрушева</i> . Русская эмиграция в Италии по документам Пражской коллекции Государственного архива Российской Федерации	113
<i>А.В. Квакин</i> . Документы из Коллекции баронессы Марии Врангель в архиве Губеровского института по истории русских в Италии ..	129
<i>С.В. Волков</i> . Русская военная эмиграция в Италии	138
<i>А.С. Кручинин</i> . Князь Романовский герцог Лейхтенбергский: Петербург — Крым — Италия. (Вехи жизненного пути члена императорской фамилии)	154
<i>П.Н. Базанов</i> . Вторая русская эмиграция и «дипийская» печать в Италии (1945–1951)	179
<i>М.В. Шкаровский</i> . Казачий стан в Северной Италии и его церковная жизнь	190
<i>Антуан Нивьер</i> . Русские православные священно- и церковнослужители в Италии	209
<i>А.В. Юдин</i> . Русские католические центры в Италии в XX веке ...	236

ЛИТЕРАТУРА И ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО

<i>Н.Н. Примочкина</i> . Итальянские темы в публикациях журнала «Беседа»	251
--	-----

<i>О.Р. Демидова. «ОБРАЗЫ ИТАЛИИ» И ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ (1920–1930-е гг.)</i>	260
<i>Стефано Гардзонни. РУССКАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ ПОЭЗИЯ В ИТАЛИИ. Общий обзор</i>	277
<i>Анастасия Пасквинелли. ГЕОРГИЙ ЭРИСТОВ, РУССКИЙ ПОЭТ В МИЛАНЕ</i>	304
<i>Рита Джулиани. ИОСИФ БРОДСКИЙ В РИМЕ</i>	320
<i>В.И. Кейдан. ГОДА, УВЕНЧАННЫЕ ХМЕЛЕМ... Автобиографический роман и биография русско-итальянского литератора М.Н. Семенова</i>	335
<i>Эльда Гарэтто. А.В. АМФИТЕАТРОВ В ИТАЛИИ: НОВЫЕ РАЗЫСКАНИЯ</i> ..	344
<i>Клаудиа Скандура. РИНАЛЬДО КЮФФЕРЛЕ, ПОЭТ И ПЕРЕВОДЧИК. Приложение: Сочинения, переводы и предисловия Ринальдо Кюфферле</i>	354
<i>Габриэле Маццителли. РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. Н.В. ГОГОЛЯ В РИМЕ</i>	361
<i>Чезаре Де Микелис. ГЕОРГИЙ КРАЙСКИЙ И «ВОИНСТВУЮЩИЙ» РУСИЗМ</i>	370

НАУКА И ИСКУССТВО

<i>А.К. Клементьев, В.А. Клементьева. ТРИ УНИВЕРСИТЕТА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ОТТОКАРА. Санкт-Петербург–Петроград–Пермь–Флоренция Приложение: Н.П. Оттокар. Флоренция. Очерки флорентийской истории и культуры (отрывок из Введения)</i>	377
<i>С.И. Фокин. РУССКИЕ БИОЛОГИ НА НЕАПОЛИТАНСКОЙ ЗООЛОГИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ</i>	407
<i>Марция Дати. ПРЕБЫВАНИЕ В ИТАЛИИ СКУЛЬПТОРА СТЕПАНА ЭРЪЗИ</i>	426
<i>Рене Клеманти-Билинский, Н.В. Рыжак. БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ БИЛИНСКИЙ, ХУДОЖНИК ТЕАТРА И КИНО</i>	442
<i>Марина Моретти. СВЕДОМСКИЕ: ВЗГЛЯД ИЗ ИТАЛИИ</i>	448
<i>В.В. Петраков, А.С. Чернышова. ХУДОЖНИКИ СВЕДОМСКИЕ В ИТАЛИИ И РОССИИ</i>	455
<i>А.Б. Шишкин. ИЗ ИТАЛЬЯНСКИХ ХРОНИК АНДРЕЯ БЕЛОБОРОДОВА</i> . . .	465
<i>М.Г. Литаврина. ТАТЬЯНА ПАВЛОВА, РУССКАЯ ЗВЕЗДА ИТАЛЬЯНСКОЙ СЦЕНЫ</i>	487
<i>Патриция Деотто. НИКОЛАЙ БЕНУА: ТЕАТРАЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИТАЛИЕЙ</i>	505
<i>М.С. Сосницкая. СКУЛЬПТОР ПАОЛО ТРУБЕЦКОЙ: ПОСЛЕДНИЕ 20 ЛЕТ ЖИЗНИ</i>	514
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР	527

Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции: Международная научная конференция / Сост., науч. ред. М.Г. Талалая. — М.: Русский путь, 2006. — 592 с. — (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Материалы и исследования. Вып. 7).

ISBN 5-85887-239-5

Сборник, составленный по материалам международной научной конференции, посвящен русской эмиграции в Италии, явлению до сих пор малоисследованному как отечественными, так и зарубежными специалистами.

В первый раздел вошли материалы об общественно-политической и религиозной жизни русской диаспоры, второй составили статьи о литературной и издательской деятельности, третий посвящен науке и искусству, в четвертый вошел библиографический обзор по теме конференции.

ББК 63.3(2)6-4

РУССКИЕ в ИТАЛИИ:
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЭМИГРАЦИИ
Международная научная конференция
(Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»:
Материалы и исследования. Вып. 7)

Редактор *Т.В. Маврина*
Корректор *Н.Б. Вторушина*

Подписано в печать 15.01.2006
Формат 60x90/16. Тираж 1 000 экз.

ЗАО «Издательство «Русский путь»
109240, г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (495) 915-10-47. E-mail: info@rp-net.ru
Сайт в Интернете: www.rp-net.ru

Отпечатано в типографии НИИ «Геодезия»,
141260, г. Красноармейск, пр. Испытателей, д. 14

ISBN 5-85887-239-5

9 785858 872399 >

История русской эмиграции в Италии, несмотря на значительность этого явления, до последнего времени была изучена мало. Преимущественное внимание отечественных исследователей обратилось на более крупные феномены — на «русские» Париж, Берлин, Прагу. В то же время интеллектуальные силы российской эмиграции в Италии были относительно слабы и раздроблены, и здесь, в отличие, скажем, от Франции или США, не появилось сколько-нибудь значительных трудов по истории собственной диаспоры. Что касается итальянских русистов, то они, уделяя внимание отдельным ярким личностям, долгое время не касались в целом эмигрантской темы — из-за ее сложности, малодоступности, распыленности архивов. Кроме того, в Италии до недавнего времени доминировала так называемая «*cultura di sinistra*», то есть левая, весьма идеологизированная, культура, согласно установкам которой послеоктябрьская эмиграция рассматривалась как реакционное, консервативное явление; не заслуживавшее серьезных усилий исследователей.